ИОСИФ ФЛАВИЙ

Иудейская война

Моим незабвенным иерусалимским друзьям Иохиель-Михелю Пинесу и Элеазару Бен-Иегуде

ПОСВЯЩАЮ ЭТОТ ТРУД.

Переводчик

Введение.

Иосиф Флавий [1] принадлежит к разряду тех писателей классической древности, имена которых никогда не сотрутся со скрижалей истории. Его сочинения во все времена служили и продолжают служить необходимым руководством для различного рода исследований и экскурсий в области глубокой старины. Они проливают свет на такие умственные и политические течения и бытовые стороны жизни народов, о которых другие литературные памятники совершенно умалчивают или же излагают их в явно искаженном, неправдоподобном виде. Но если велики заслуги Иосифа пред историей человечества вообще, то в частности для еврейской истории его многообъемлющие труды составляют неоценимый и ничем незаменимый клад. Мы совершенно потеряли бы нить этой истории, не умели бы связать отдельные эпохи и события, о которых сохранились скудные сведения в других источниках; многие явления представлялись бы нам непонятными, другие выступали бы в полумраке, а третьи совершенно ускользали бы от нашего внимания, если бы мы не располагали капитальными произведениями Иосифа, заключающими в себе цельное и связное повествование о судьбах наших предков от библейских времен до разрушения второго храма включительно.

Сочинения Иосифа появлялись в свет в следующем порядке. В течение первого десятилетия после разрушения 2-го храма, в царствование Веспасиана, им написано было первое сочинение на греческом языке, озаглавленное «О Иудейской Войне» и считающееся лучшим из его творений. Автору было тогда около 40 лет. Приблизительно на 55 году от

роду, в царствование Домициана, Иосиф написал второе свое произведение «О иудейской археологии» или «Иудейские Древности». Около 10 лет спустя, уже в царствование Траяна, появилось его третье сочинение: «О древности иудейского народа», или «Против Апиона», которому, по литературным его достоинствам, следует отвести второе место после «Иудейской Войны». Почти одновременно с этим вышла его «Автобиография», имеющая, впрочем, чисто полемический характер. Затем иные приписывают еще перу Иосифа книгу «О Маккавеях». Но другие не без веских оснований оспаривают это предположение.

Предлагаемая читателю «История иудейской войны», разделенная Иосифом на семь книг, составляет таким образом первое его произведение, появившееся вскоре после разрушения 2-го храма. Автор лично участвовал в той роковой войне, которую он описывает. Его роль была одна из выдающихся и требует хотя краткой обрисовки для выяснения его римско-тенденциозного взгляда на характер этой войны и главных ее деятелей.

Историки новейших времен, как еврейские, так и христианские, а также переводчики и комментаторы Иосифа, которых насчитывают многими десятками на всех европейских языках, не мало потрудились над выяснением личности этого знаменитого писателя, выступающей в его собственных сочинениях в очень загадочных формах.

Мы думаем, что наиболее удовлетворительным образом эта загадка может быть разрешена, если признаем, что в Иосифе уживались два начала: патриотизм и привязанность к личной жизни. Невозможно отказать в патриотизме автору «Иудейских Древностей» и «Против Апиона», согретых чувством горячей любви к еврейскому народу и его учению, глубокой верой в силу и величие еврейского народного гения. Ведь эти сочинения были написаны и изданы Иосифом с единственною целью ознакомить языческий мир с еврейской историей и еврейским учением и рассеять те клеветнические наветы и нелепые вымыслы, которые так усердно распространялись в древности относительно прошлого, религиозных верований и обычаев иудейского народа. Даже издание «Иудейской Войны», где Иосиф из кожи лезет, чтобы предстать пред своими читателями фанатически преданным другом римлян и поборником их мирового владычества, предпринято автором с истой патриотической целью — с целью поднять престиж порабощенного народа в глазах его победителей; с целью показать, с одной стороны, что восстание евреев не произошло вследствие присущего им мятежного духа, о котором прокричали римские политики и историки, а было вызвано и даже вынуждено неслыханными насилиями и грабежами римских ставленников; а с другой стороны — что в этом маленьком народе, к силам которого все относились с насмешливым пренебрежением, владычица мира встретила достойного и серьезного противника, которого она могла преодолеть не храбростью своего войска (автор не боится подчеркивать, при каждом удобном случае, что храбростью, мужеством и отвагой иудеи значительно превосходили римлян и всегда изумляли самого Тита), а многочисленностью легионов, их образцовой организацией, прекрасной кавалерией и искусными метательными машинами, которыми не располагали иудеи.

Но патриотизм Иосифа не был такого свойства, который овладевает всем существом и сознанием народного борца, воодушевляя его на подвиги самоотвержения. От подобных подвигов Иосиф был очень далек: в нем патриотизм умерялся другим чувством, господствовавшим над всем его духовным миром, захватившим его всецело, сделавшим его своим рабом. Это было чувство самосохранения, непреодолимое влечение к жизни, к земным наслаждениям. Это была преобладающая черта его характера.

Вся его жизнь была посвящена упрочению своей личной карьеры, исканию личного счастья. Он искал счастья во всех еврейских лагерях, бросаясь от одной крайности к другой, поочередно переходя от фарисеев к саддукеям, от них к ессеям, от последних обратно к фарисеям, затем еще к зелотам, пока не нашел укромного пристанища у римлян. Что этот лагерь дышал непримиримой враждой ко всему иудейскому; что этот лагерь принес смерть и гибель его нации и отчизне — горя мало! Лишь бы ему свою личную жизнь удалось устроить

здесь как можно лучше. Он искал супружеского счастья с тремя женами и не удовлетворился до тех пор, пока не обрел его с четвертой женой. Что вся Галилея была разорена и опустошена, залита кровью ее защитников; что десятки тысяч еврейских пленников, изгнанные из родных пепелищ, уводились в цепях работорговцами; что победоносный враг, покончив с иудейскими провинциями, предав их огню и мечу, придвигался уже со всеми своими силами к самому Иерусалиму, раздираемому внутренними смутами и междоусобицами — горя мало! Иосиф в это самое время, полное ужасов и неисцелимых народных бедствий, озабочен устройством своего собственного гнезда, в которое вводит новую подругу жизни, принятую им из рук Веспасиана.

Таков был Иосиф! Когда народное благо совпадало с его личными вожделениями и шло с ними рядом, он выступал его защитником, оставаясь верным сыном своей нации; но когда дело народное принимало другое направление, противное его личным расчетам, он предоставлял его своему собственному течению, а сам продолжал шествовать своей отдельной стезей, оставаясь равнодушным зрителем тех тяжелых перипетий, которое претерпевало это течение.

На литературной ниве он своим мастерским пером в течение целой половины своей жизни неутомимо боролся за благо и честь своего народа. Ведь эта борьба не только не нарушала его личного счастья, а, напротив, восполняла его: она создала ему громадную популярность в образованных кругах греческого и римского общества и окружила его имя ореолом бессмертной славы. Но на поле битвы, где он, в качестве военачальника, должен был отстаивать народное дело с оружием в руках против более сильного врага, где нужно было быть готовым умереть за свободу отчизны, Иосиф, сообразив всю опасность такого положения, предпочел сделаться предателем. Жертвовать своей жизнью ради высших интересов, даже интересов родины и свободы нации — это было выше его сил и понимания. Он и в теории не признавал такой жертвы. По его понятиям жизнь составляет высшее благо человека, самое священное и неотъемлемое право всего живущего». И выше, и священнее этого блага он не признавал, по крайней мере, для себя. Он жил в такое время, когда десятки и сотни тысяч его соплеменников охотно шли на гибель и смотрели на смерть, как на избавление от рабства и чужеземного гнета, сам же он искал в заточении и в кандалах избавления от смерти [2]. Энергия, с которой он всегда защищал свою жизнь, была неистощима; его находчивость в опасные минуты была по истине изумительна. Никакие средства не казались ему предосудительными и непозволительными для спасения и сохранения своей собственной жизни. Даже далеко позже, когда над Иосифом, обретшим уже полный покой под защитой дома Флавиев и завоевавшим себе славу недюжинного писателя, стряслась новая беда в лице его старинного врага Юста из Тивериады, который выступил против него с публичными разоблачениями, обвинив его, между прочим, даже в недоброжелательстве к римлянам, — Иосиф, чтобы свалить с себя опасность, грозившую ему за неприязненные против римлян деяния, приписанные ему Юстом, выпустил в свет новый труд под заглавием «Автобиография», которым он сам воздвиг себе позорный памятник. Он рассказывает здесь о себе такие удивительные вещи, которые рисуют его каким-то чудовищем, потерявшим всякую честь и совесть.

Он начал с того, что предал свою отчизну в руки врагов и кончил тем, что и свою собственную честь предал публичному посрамлению. Как в начале, так и в конце его карьеры, им руководило одно и то же чувство, превратившееся у него в болезненную манию — это страх пред смертью.

Но мы с должной осторожностью отнесемся к его «Автобиографии», недостойной даже пера и литературных приемов Иосифа. Мы принимаем, что приведенные здесь факты, наиболее компрометирующие его, как иудейского полководца, были прямо им вымышлены с целью обелить себя в глазах римских цезарей. А потому в дальнейшем нашем изложении мы

будем пользоваться только теми из них, которые не противоречат данным, изложенным автором в «Иудейской Войне».

Незадолго перед отпадением иудеев от римского владычества Иосиф, в составе депутации от иерусалимских граждан, отправился в Рим с миссией, имевшей, по-видимому, немаловажное значение. Будучи тогда представлен императрице Поппее, жене Нерона, и осыпанный ее милостями, он был до крайности ослеплен блеском и величием римского двора: он вынес оттуда даже преувеличенное мнение о могуществе римлян и несокрушимую веру в их мировое господство. И вдруг, по возвращении на родину, он застал здесь революционное движение в полном разгаре. Первым движением Иосифа было примкнуть к мирной партии, противившейся восстанию, но вскоре затем он переменил тактику: опасаясь за свою жизнь, он начал выказывать сочувствие повстанцам, действовать с ними за одно, затаив в душе надежду на то, что Цестий Галл (тогдашний наместник Рима в Сирии) скоро нагрянет на Иерусалим с значительными силами и мигом подавит восстание. Когда же Галл потерпел поражение, и война римлянам была объявлена, тогда Иосиф еще теснее сблизился с вождями революции и так очаровал всех своим воинственным пылом, что иерусалимский синедрион вверил ему управление Галилейским округом. Пост этот был тем более важен, что Галилея, по своему местоположению, на окраине иудейского царства, должна была выдержать первый натиск неприятеля, который с другой стороны не мог проникнуть во внутрь страны. От вторжения или недопущения римлян в Галилею зависел, следовательно, весь исход войны.

В Галилее двойственная роль Иосифа была вскоре обнаружена истинными патриотами страны, которых Иосиф в своих книгах поносит, как завзятых негодяев, но которые, однако, не продались римлянам, а боролись до последней капли крови. Если даже львиную часть рассказываемых им похождений отнести на счет вымысла, к которому, как мы уже сказали, он прибегал в своих сочинениях для оправдания себя перед цезарем, то и тогда не останется никакого сомнения в том, что он подобострастно относился к римлянам в то время, когда официально, в качестве Галилейского полководца, он делал вид, что готовится к борьбе с ними. Некоторые из тайных его действий тогда же были раскрыты и сделались предметом публичных разоблачений. Галилейское войско, готовившееся к бою с римлянами, должно было прежде всего обратить свое оружие против внутреннего врага — своего же полководца. Подробная повесть Иосифа о том, как он отвращал от себя опасность, неоднократно грозившую ему со стороны возмутившегося против него войска, обнаруживает в нем жестокость тирана и изворотливость ума самого низменного свойства. Поведение Иосифа делается, наконец, подозрительным в глазах иерусалимского синедриона: последний привлекает его к ответу и командирует четырех депутатов с войском для того, чтобы доставить в Иерусалим Иосифа «живым или мертвым». Но военачальник Иосиф игнорирует приказ верховного судилища и выворачивается от Иерусалимских делегатов хорошо заученными им средствами: хитростью и обманом. Не веря в успех дела, которое он призван был защищать, преклоняясь перед гением и могуществом римлян, он, однако, крепко держится за бразды правления, изощряет в борьбе с открытыми и тайными врагами все силы своего гибкого, изворотливого ума, а мобилизацией армии и укреплением вверенной ему провинции он занимается на столько, на сколько, с одной стороны, его вынуждают обстоятельства и насколько, с другой — ему самому хотелось доказать своим будущим покровителям, что они имеют дело не с дюжинным противником.

Такова была деятельность Иосифа в Галилее. Отпадение нескольких городов от восстания, разъединение самих повстанцев, общая неподготовленность страны к самозащите, отсутствие одного руководящего плана при ведении оборонительной войны, и наконец, что всего было хуже, свободное, беспрепятственное вторжение врага внутрь страны — вот непосредственные результаты двойственной деятельности полководца, решительного только в борьбе с патриотами, но колеблющегося в предприятиях против римлян, вечно дрожащего

за свою собственную жизнь, беспрестанно мучимого своими внутренними сомнениями и даже зловещими сновидениями. Как только римляне подступили к Галилее, Иосиф бежал вслед за своими солдатами, на которых он жалуется, что они его покинули. Он не постыдился написать тогда Иерусалимскому синедриону, чтоб тот или завязал мирные переговоры с римлянами, или прислал бы ему войско, с которым он мог бы встретить неприятеля. Галилея с первого момента порабощения римлянами Иудейского царства служила всегда главным очагом всякого революционного движения иудеев. Сам Иосиф говорит о галилеянах в следующих выражениях: «Они всегда стойко выдерживали всякое вражеское нападение, ибо они от самой ранней молодости подготовляли себя к бою». Этих бойцов никогда нельзя было упрекнуть в недостатке мужества, а страну в недостатке бойцов. Да и в последней борьбе с римлянами галилеяне вполне оправдали укрепившуюся за ними репутацию храбрых воинов. Но Иосиф за шестимесячное управление этой сильной провинцией не успел приобресть себе здесь ни одного верного солдата.

На пути бегства Иосиф почти случайно попал в Иотапату.

Это была единственная крепость, которую он защищал и защищал против воли. Иосиф сознается, что он хотел тайно бежать во время осады, но солдаты узнали о его намерении и насильно заставили его остаться. Вместе с этой крепостью пало все ее многочисленное население. Иосиф свидетельствует, что никто не уцелел — только он один, командир павшей крепости, остался целым и невредимым. Перешагнув через трупы защитников Иотапаты, он пробрался в римский лагерь и добровольно сдался в плен Веспасиану.

С этого момента Иосиф становится неизменным спутником Веспасиана, а затем Тита во все время кровопролитной войны с иудеями, присутствуя безотлучно в римском лагере при осаде Иерусалима и даже помогая врагам своими советами. Иосиф в заключение не скрывает того, каким презрением платили ему его соотечественники. Его имя предавалось проклятию во всех синагогах Иудеи. Еще долгие годы после разрушения храма иудеи не оставляли его в покое: они взводили на него даже явные небылицы, вроде обвинения в измене римлянам, лишь бы добиться его казни; но покровительственное крыло дома Флавиев всегда было простерто над своим любимцем и охраняло его от всяких бед.

По окончании войны Веспасиан исполнил все обещания, данные им Иосифу за его преданность и усердие: он наградил его постоянной рентой, богатыми поместьями в Иудее, римским гражданством и отвел ему в Риме свой собственный дворец, где Иосиф оставался почти до конца своих дней, при трех императорах из дома Флавиев: Веспасиане, Тите и Домициане.

В хоромах Веспасиана Иосиф написал те книги, которые доставили ему бессмертие. Лично для Иосифа было бы, разумеется, больше чести, если бы он, подобно остальным иудейским героям, предпочел погибнуть вместе со своим отечеством; мы же должны считать себя счастливыми, что он не был таким героем. Правда, в роли писателя-историка он остается тем же восторженным обожателем римлян и непримиримым врагом иудейского восстания, каким он был в роли полководца: войну за освобождение, которую иудеи вели с небывалым самоотвержением, он клеймит именем мятежа, а героев этой войны, зелотов (ревнителей) — разбойниками, убийцами и другими позорными эпитетами. Но мы знаем, чему следует приписать его чрезмерное восхваление добродетелей Веспасиана, гуманности Тита и рядом с этим — постоянное поношение руководителей восстания и защитников Иерусалима. Мы знаем личность автора и его побуждения; в его же собственных сочинениях мы находим ключ к таким превратным представлениям. Мы знаем также, что его книга о «Иудейской войне» прошла предварительно чрез цензуру Веспасиана, Тита и Агриппы II, что она выпущена в свет по личному приказу Тита, — и мы смело приступаем к чтению этой книги, не боясь впасть в грубые ошибки или заблудиться в лабиринте противоречий, созидаемом самим автором там, где он, из раболепия перед римлянами, или из личных счетов с зелотами, искажает истину.

Переводчик.

N. B. Настоящий перевод сделан с немецкого (Heinrich Paret) и проверен по греческому тексту при содействии учителя древних языков Ф. Ф. Индры.

Перев.

Предисловие автора.

1. Иудейская война с римлянами, превосходящая не только нами пережитые, но почти все известные в истории войны между государствами и государствами и между народами и народами, до сих пор описана была в духе софистов и такими людьми, из которых одни, не будучи сами свидетелями событий, пользовались неточными, противоречивыми слухами, другие же, хотя и были очевидцами, искажали факты либо из лести к римлянам, либо из ненависти к евреям, вследствие чего их сочинения заключают в себе то порицание, то похвалу, но отнюдь не действительную и точную историю. А потому я, Иосиф, сын Маттафии, еврей из Иерусалима и из священнического рода, сам воевавший сначала против римлян и служивший невольным свидетелем всех позднейших событий, принял решение дать народам римского государства на греческом языке такое же описание войны, какое я раньше составил для варваров внутренней Азии на нашем родном языке [1].

2. Римское государство изнемогало от внутренних неурядиц, когда началось это, как уже было замечено, в высшей степени знаменательное движение. Иудеи же, стремясь тогда к созданию нового положения вещей, воспользовались тогдашними беспорядками для восстания; они были так богаты боевыми силами и денежными средствами, что надеялись даже завладеть частью Востока, которую те вследствие многочисленных смут считали для себя чуть ли не потерянной. Иудеев кроме того окрыляла надежда, что их соплеменники из-за Евфрата примкнут массами к их восстанию; римляне же, напротив, были заняты усмирением соседних галлов, да и кельты заставляли беспокоиться. Наконец, после смерти Нерона все пришло в волнение; многие, пользуясь благоприятным случаем, пытались завладеть престолом; войско в тоже время в надежде на добычу жаждало перемены в правлении. Я считаю недостойным умолчать о таких важных событиях, и в то время, когда парфяне, вавилоняне, отдаленные арады, наши соплеменники по ту сторону Евфрата и адиавины, благодаря моим трудам, подробно ознакомились с причинами, многочисленными превратностями и конечным исходом той войны, — чтоб рядом с ними оставить в неведении тех из греков и римлян, которые в войне не участвовали, и предоставить им довольствоваться чтением лицемерных и лживых описаний.

3. Писатели берут на себя смелость называть эти описания историей, хотя последние, кроме того, что не дают ничего здравого для ума, но, на мой взгляд, не достигают даже своей цели. Желая рельефнее выставить величие римлян, они стараются на каждом шагу унизить и умалить иудеев; и они даже не спрашивают себя — каким образом победители ничтожных противников могут казаться великими. С другой стороны, они не принимают во внимание ни долгой продолжительности войны, ни многочисленных потерь римского войска, ни, наконец, величия полководцев, которые, по моему мнению теряют свою славу, если завоевание Иерусалима, доставшееся им в поте лица, не было вовсе таким особенным геройским подвигом.

4. Мое намерение, однако, ни в каком случае не состоит в том, чтобы в противоположность тем, которые превозносят римлян, преувеличить деяния моих соотечественников; нет, я хочу в точности рассказать обо всем, что действительно происходило в обоих лагерях. Вспоминая о происшедшем и давая скорбное выражение чувствам, возбуждаемым во мне бедствиями, постигшими мою отчизну, я этим удовлетворяю только внутренней потребности моей наболевшей души. Что именно только внутренние

раздоры ввергли отечество в несчастье; что сами иудейские тираны были те, которые заставили римлян, против собственной воли дотронуться руками до священного храма и бросить головню в него — этому свидетель разрушитель его, император Тит, который во все время войны обнаруживал жалость к народу, подстрекаемому бунтовщиками, несколько раз откладывал наступление на город и нарочно продлил осаду, дабы дать виновникам время одуматься. Если кто-либо захочет упрекнуть меня в том, что я выступаю в тон обвинителя против тиранов и их разбойничьей шайки, или, что я изливаю свое горе над несчастием моей отчизны, то да простит он мне это отступление от законов историографии, являющееся следствием моего душевного настроения; ибо из всех городов, покоренных римлянами, ни один не достиг такой высокой степени благосостояния, как наш город, но не один также не упал так глубоко в бездну несчастия; да никакое несчастье от начала мира, кажется мне, не может быть сравнимо с тем, которое постигло иудеев; и виновником его не был кто-либо из чужеземцев. Как же после этого возможно подавить мои вопли и сетования! Если же найдется такой суровый критик, в сердца которого не зашевелится ни малейшее чувство сожаления, то пусть он факты отнесет к истории, а жалобные вздохи — на счет автора.

5. Скорее, однако, я бы мог предпослать укор эллинским историкам. Они, в виду таких важных, лично пережитых событий, рядом с которыми войны прежних времен должны казаться весьма незначительными, не перестают все-таки высказывать свои суждения об этих последних, перетолковывая на всякие лады прежних писателей, которых хотя и превосходят красноречием, но никак не достигают по серьезности задачи.

Так, например, они пишут историю ассирян или мидян, как будто она древними историками еще недостаточно изложена: а между тем, как уступают они последним и в силе изложения и по отношению к цели, ими руководившей.

Каждый из этих последних старался описывать события, происходившие как бы перед глазами, когда современность автора с описанными им фактами могла служить гарантией достоверности изложения, а ложные сообщения могли быть всенародно опровергнуты очевидцами.

Спасти от забвения то, что еще никем не рассказано, и сделать достоянием потомства события собственных времен — вот что похвально и достославно; нельзя, однако, называть истым тружеником того, который изменяет план и порядок чужого труда; а того, который, воспроизводя новое, дотоле неизвестное, самостоятельно воздвигает памятник исторический. Я, хотя чужестранец, не щадил никаких трудов и затрат, чтобы быть в состоянии предложить эллинам, а также варварам историю совершившихся событий; между тем, как чистокровные эллины там, где дело касается наживы или какого-нибудь судебного процесса, сейчас делаются удивительно разговорчивыми и развязными, но лишь только потребуется от них написать историю, где приходится сказать правду и с большим трудом собрать фактические данные, — уста их вдруг замыкаются и они предоставляют это делать другим, менее способным и незнакомым с делами полководцев. У нас то высоко почитается историческая правда, между тем, как у эллинов к ней относятся с пренебрежением [2].

6. Описать древнюю историю иудеев и рассказать, какого они происхождения, каким образом они вышли из Египта, через какие страны они прошли на пути странствования, каким образом они потом рассеялись, я считаю теперь не своевременным и кроме того излишним, так как еще до меня многие иудеи написали точную историю своих предков, а некоторые эллины, переводя их сочинения на свой родной язык, дали нам об этой истории в общем довольно верное представление. Мой рассказ я хочу начать с того, на чем остановились те историки и наши пророки. Но и здесь я имею в виду более обстоятельно и со всевозможной точностью рассказать собственно о той войне, которую лично пережил, а событиям предшествовавших мне времен сделать лишь сжатый и беглый обзор.

7. Таким образом я расскажу, как Антиох, по прозванию Светлейший (Эпифан), завоевал Иерусалим и после трех лет и шести месяцев владычества был изгнан из страны сынами

Асмоная, как потомки последних, разъединившись между собою из-за, господства, дали повод ко вмешательству римлян и Помпея в дела страны, как за тем Ирод, сын Антипатра, при помощи Созия, положил конец их господству, как после смерти Ирода, в царствование Августа и при правителе страны Квинтилии Варе восстал народ, как в 12-м году царствования Нерона началась война, что произошло при Цестии и на какие места Иудеи, при начале, войны, нападали с оружием в руках.

8. После будет сообщено, как они укрепляли пограничные города; как Нерон после поражения Цестия, считая государство в опасности, поручил Веспасиану руководительство над войною; как этот с своим старшим сыном вторглись в страну иудеев; как велико было римское войско, сколько из пришедших ему на помощь союзников было перебито по всей Галилее, и как он, частью силой, частью, благодаря добровольной сдаче, привел под свою власть города этой области. За тем я изображу образцовый порядок у римлян во время войны и дисциплину легионов; дальше — величину и природу обеих частей Галилеи, границы Иудеи, особенности страны, ее озера и источники; наконец, судьбу каждого покоренного города в отдельности — все это я тщательно изображу так, как я это знаю из собственных наблюдений или сообщенных сведений. Даже о собственных своих приключениях я не умолчу, имея в виду, что обращаюсь с своим рассказом к таким лицам, которые знакомы с обстоятельствами дела.

9. Дальше следует рассказ о том, как в то время, когда положение иудеев сделалось уже критическим, умер Нерон, а Веспасиана, выступившего было тогда против Иерусалима, отвлекло от поля военных действий полученное им царское достоинство; о предзнаменованиях, предвещавших ему об этом; о переменах, происшедших в Риме, и о том, как Веспасиан при всем своем сопротивлении был провозглашен солдатами императором; как тогда, после его отъезда в Египет, где он хотел привести в порядок государственные дела, начались раздоры между иудеями, возвысились над ними тираны и как последние взаимно враждовали между собою.

10. За тем я расскажу, как вернулся Тит из Египта и вновь напал на страну; каким путем, где и в каком количестве он собрал свое войско; какие внутренние распри, господствовали в городе, когда Тит к нему подступил; сколько раз он штурмовал его, сколько валов он соорудил. Дальше я опишу объем и величину трех иерусалимских стен, сильные укрепления города, план святилища и храма, размер строений и алтаря — все с величайшей точностью; также — некоторые праздничные обычаи, семь очищений и богослужение коганов; кроме того, я опишу еще облачения последних и первосвященника, внутреннее устройство святая-святых в храме ничего не скрывая и ничего не прибавляя к тому, что лично изучал.

11. Вслед за этим я расскажу, как жестоко обращались тираны со своими же соотечественниками; с другой же стороны, — как снисходительны были к чужеземцам римляне, и как часто Тит, желавший спасти город и храм, вызывал бунтовщиков на миролюбивое соглашение; также я последовательно изложу все те бедствия и страдания, которые до окончательная покорения города переносил народ от войны, внутренних сумятиц и голода. При этом я не умолчу ни о несчастной судьбе перебежчиков, ни о казни пленников, и дальше сообщу, как храм, против воли и желания императора, сделался добычей пламени; какие из храмовых сокровищ были спасены от огня; об окончательном покорении города и о предшествовавших ему знамениях и чудесах; после следует описание пленения тиранов, количества проданных в рабство людей, их различных судеб, как, после всего этого, римляне подавили последние остатки вооруженного сопротивления в стране и разрушили все укрепления, и наконец, как Тит, объехав всю страну и умиротворив ее, возвратился в Италию и отпраздновал свою победу.

12. Все это, избегая основательного повода к порицаниям и обвинениям со стороны лиц, фактически знакомых с делом и бывших очевидцами войны, я описал в семи книгах для

ищущих правды и не только одного развлечения. Итак, начну свой рассказ, предпосылая каждой главе указание ее содержания.

ПЕРВАЯ КНИГА.

Глава ПЕРВАЯ.

(И. Д. XII; 4-11 [1]).

Взятие Иерусалима Антиохом Эпифаном. О Маккавеях: Маттафии и Иегуде.

1. Во время войны Антиоха, прозванного Светлейшим (Эпифаном), с Птоломеем VI за обладание Келесирией возникли распри между иудейскими начальниками: спорили же они о власти, так как ни один из них не хотел подчиниться другому, равному себе по рангу. Ония, один из первосвященников, одержав верх, выгнал из города сыновей Товии, которые тогда отправились к Антиоху и просили его напасть на Иудею, предложив ему свои услуги в качестве военачальников. Царь, давно уже жаждавший овладеть страною, поспешил дать свое согласие. Став сам во главе могущественной армии, он вторгнулся в Иудею, взял Иерусалим приступом (239 до разрушения второго храма) [2], убил множество приверженцев Птоломея, предоставил солдатам беспрепятственно грабить, самолично ограбил храм и остановил обычные ежедневные жертвоприношения на три года и шесть месяцев [3]. Первосвященник Ония спасся, однако, бегством к Птоломею, с изволения которого он в гелиопольском округе выстроил городок, похожий на Иерусалим, и в этом городке — храм наподобие Иерусалимского. К этому событию мы еще вернемся в своем месте (VII, 10, 2).

2. Антиох, однако, не довольствовался ни неожиданным покорением города, ни грабежом; ни великой резней; обуреваемый своими необузданными страстями и воспоминанием о трудностях Иерусалимской осады, он принуждал иудеев, вопреки их отечественным законам, оставлять детей необрезанными и приносить на алтарь в жертву свиней. Никто не повиновался этому приказу; знатнейшие были казнены. Наконец Вакхид [4], принявший от Антиоха начальство над гарнизоном, присоединил к безбожным распоряжениям царя еще и собственную природную свирепость; он перешел всякую меру беззакония: самые видные граждане одни за другими были замучены в пытках, и глазам всего народа ежедневно представлялась картина покорения Иерусалима. Своими неслыханными жестокостями Вакхид наконец довел угнетенный народ до восстания [5].

3. Началось оно с того, что Маттафия, сын Асмоная, один из коганов селения Модина, вооружился сам, а также вооружил пять своих сыновей, и кинжалом заколол Вакхида [6]. В первое мгновение он, из боязни пред многочисленным гарнизоном, бежал в горы; но когда к нему присоединилось много народа, он воспрянул духом, спустился вниз, победил в решительном сражении военачальников Антиоха и изгнал их из пределов Иудеи. Боевые успехи доставили ему власть. Как освободитель отчизны от чужеземного ига, он всенародно избран был главою, после чего умер (236 до разрушения храма), оставив власть своему старшему сыну, Иегуде.

4. Зная, что Антиох не вынесет переворота спокойно, Иегуда набрал войско из своих соплеменников, заключил (первый, который это сделал) союз с римлянами [7] и при вторичном вторжении Эпифана, отбил его назад с значительным уроном. Одушевленный новой победой Иегуда бросился на находившийся в городе гарнизон (последний все еще не был уничтожен) [8], выгнал солдат из верхнего города в нижний, называемый Акрой [9], овладел храмом, очистил весь двор, окружил его стеною, заменил прежнюю оскверненную утварь новой, воздвигнул новый алтарь и, по окончании всех этих работ, возобновил в храме порядок жертвоприношений [10]. Едва только город принял прежний вид, как Антиох умер [11]. Его престол и ненависть к иудеям унаследовал сын его, Антиох [12].

5. Этот набрал войско (235 до раз. храма), состоявшее из 50000 чел. пехоты, около 5000 всадников и 80 слонов [13] и, проникнув через Иудею в гористую область, покорил здесь маленький городок Ветсуру [14] и при ущелье Ветзахарии [15] столкнулся лицом к лицу с

полчищами Иегуды. Прежде чем войска подступили друг к другу, брат его, Элеазар, отыскал глазами в лагере неприятеля самого высокого слона с огромной башней, украшенной позолоченным щитом. Предполагая, что на этом слоне сидит Антиох, Элеазар ускакал вперед, врубился в ряды неприятеля и налетел на намеченного слона. Но седок, которого он принял за царя, сидел слишком высоко — он только мог ранить животное, которое упало и тяжестью своею тучного тела задушило его. Не совершив никаких других великих подвигов, он, однако, заслужил вечную славу. Впрочем, вожак слона был простой воин; да если он случайно и был бы Антиохом, то отважный юноша тоже, кажется, ничего другого своим подвигом достичь не мог бы как смерть героя. Для Иегуды этот печальный эпизод служил дурным предзнаменованием. И действительно иудеи, хотя долго и упорно отстаивали поле битвы, но царские войска, превосходившие их своей численностью и покровительствуемые счастьем, одержали победу. С остатками своей разбитой армии Иегуда бежал в Гофну [16], а Антиох двинулся к Иерусалиму. Недостаток в продовольствии принудил его, однако, после кратковременной стоянки в городе, возвратиться в обратный путь; оставив на месте гарнизон, казавшийся ему достаточно сильным, он остальную часть армии повел в Сирию на зимние квартиры [17].

6. По удалении царя, Иегуда не остался праздным. Рассеявшиеся в последней битве солдаты к нему снова вернулись, а вместе с ними нахлынули свежие народные массы. С этими обновленными силами он при деревне Адасе [18] дал военачальникам Антиоха новую битву, в которой, геройски сражаясь и истребив массу неприятелей, сам пал в бою (231 до раз. хр.) [19]. Вскоре после этого погиб и его брат Иоханан, сделавшись жертвой измены со стороны приверженцев Антиоха.

Глава ВТОРАЯ.

(И. Д. XIII 1-10).

Преемники Иегуды: Ионатан, Симон и Иоханан Гиркан.

1. Преемником Иегуды сделался его брат, Ионатан (230-213 до раз. хр.). Всегда предусмотрительный к интересам своего народа, он укрепил свое правление союзом с римлянами и, кроме того, заключил мир с юным Антиохом. Все это, однако, не доставило ему личной безопасности. Тиран Трифон, регент молодого Антиоха, желая завлечь его в засаду, старался прежде всего устранить всех друзей его. Удобный случай представился в Птолемаиде, куда Ионатан в сопровождении незначительной свиты прибыл погостить у Антиоха. Трифон схватил его тогда хитростью заковал его в кандалы и выступил войной против иудеев; но, встретив сильный отпор в лице Симона, брата Ионатана, и потерпев, поражение, Трифон умертвил пленника [20].

2. Симон правил (212-205 до раз. хр.) счастливо [21]; он покорил пограничные города: Газару, Иоппию, Иамнию [22], и срыл до основания замок Акру, овладев предварительно находившимся в ней гарнизоном [23]. Впоследствии он подал помощь Антиоху [24] против Трифона, которого тот перед своим походом в Мидию осаждал в Доре [25]. Но этой помощью, способствовавшей погибели Трифона, он все-таки не мог утолить жадность царя. Последний, сейчас по окончании осады, послал своего полководца, Кендебая, во главе войска для разгромления Иудеи и подчинения Симона. Состарившийся уже Симон вел эту войну со всем пылом и отвагой юноши: своих сыновей он послал с отборным войском по одному направлению, а сам, предводительствуя другой частью войска, выступил против неприятеля по другому пути. Оставляя во многих местах, а также в горах сильные засады, он занял все проходы. Одержав, наконец, блистательную победу, Симон был избран первосвященником (211 до раз. хр.), и таким образом Иудея освободилась от ста семидесятилетнего македонского владычества.

3. И Симон пал (205 до раз. хр.) жертвой измены и насилия, совершенного над ним во время пира, его же собственным зятем, Птоломеем. Одновременно с убийством тестя,

Птоломей заключил в темницу его жену и двух сыновей [26] и послал палачей для умерщвления еще третьего сына, Иоханана, прозванного Гирканом. Но юноша был предупрежден о грозящей ему опасности и поспешил в Иерусалим, в полной уверенности, что народ, из благодарности к подвигам его отца с презрением отшатнется от преступного Птоломея. С другой стороны, чрез другие ворота, пытался проникнуть в город также и Птоломей; но народ, успев уже принять Гиркана, оттолкнул его от себя. Последний немедленно отступил к Дагону — одной из тех крепостей, которые возвышаются над Иерихоном; Гиркан же, возведенный в сан первосвященника (205 до раз. хр.), совершил жертвоприношение и спешил догнать Птоломея с целью освободить из его рук свою мать и братьев.

4. При наступлении на крепость, он был хотя сильнее осажденного, но понятная сердечная боль делала его слабым; каждый раз, как Птоломей видел себя в опасности, он приказывал выводить на стену мать и братьев Гиркана и бичевать их на его глазах, грозя при этом сбросить их со стены, если он тотчас не отступит. При виде этого Гирканом овладевал не столько гнев, сколько жалость и страх. Тщетно мать, хладнокровно вынося удары и не робея пред угрожающей смертью, простирала руки к сыну, умоляя его не щадить злодея из жалости к ее пыткам; тщетно она уверяла сына, что она предпочтет жизни смерть из рук Птоломея, если только последний понесет заслуженную кару за преступления, совершенные им против их дома; каждый раз когда Гиркан, изумляясь твердости своей матери, слышал ее мольбы, он с неудержимою яростью возобновлял атаку; но как только на стене начиналась ужасная сцена истязания старухи, его сердце охватывала боязнь и жалость, и он делался мягким и чувствовал невыносимую боль. Так осада затянулась и продлилась до наступления субботнего года, который празднуется иудеями чрез каждые семь лет, точно так же, как суббота в седьмой день недели. Освобожденный, вследствие этого, от осады, Птоломей умертвил братьев Иоханана вместе с его матерью и бежал к филадельфийскому тирану, Зенону, прозванному Котилой.

5. Между тем Антиох, все еще пылавший гневом за неудачи, испытанные им в борьбе с Симоном, проникнул опять во главе войска в Иудею и осадил Гиркана в Иерусалиме. Тогда Гиркан открыл склеп Давида, бывшего самым богатым царем, взял оттуда 3000 талантов и подарком в 300 талантов склонил Антиоха снять осаду и удалиться; остальную сумму он употребил на содержание чужеземных наемных войск. Он был первый иудей, который это сделал.

6. Для отмщения Антиоху, Иоханан воспользовался походом его в Мидию. В, том оправдавшемся впоследствии предположении, что главные силы выступили из сирийских крепостей, он бросился на эти последние и взял Медаву [28], Самею с окрестными городами, затем — Сикиму [29], Гаризин [30]; дальше он покорил хутеян [31], живших вокруг храма, выстроенного по образцу иерусалимского, а также и не мало идумейских городов, в том числе Адореон и Мариссу [32].

7. Затем он пошел на Самарию, где теперь расположен город Себаста, построенный царем Иродом, обвел ее валом и поручил осаду двум своим сыновьям Аристовулу и Антигону. Так как последние тесно обложили город со всех сторон, то среди жителей его настал такой страшный голод, что они вынуждены были питаться самым необыкновенным. В своей нужде они обратились за помощью к Антиоху Кизикену, который охотно откликнулся на их зов, но был побежден Аристовулом и Антигоном. Преследуемый братьями до Скифополиса, Антиох спасся бегством; победители же вернулись обратно к Самарии, снова заперли в ней жителей, покорили, наконец, город, срыли крепость до основания и жителей отвели в плен. Переходя от победы к победе и не давая охладеть охватившему их воинскому пылу, они двинулись с своим войском вперед до Скифополиса, разрушили этот город и опустошили всю страну по эту сторону Кармельского хребта.

8. Зависть к счастью Иоханана и его сыновей вызвали внутренние беспорядки. Многие соединились для борьбы с ними и не успокоились до тех пор, пока вспыхнуло открытое восстание, в котором, однако, заговорщики потерпели поражение. Остаток своих лет Иоханан провел в счастье. Он умер после полного тридцатитрехлетнего правления, оставив после себя пятерых сыновей. И был он в самом деле счастлив во всех отношениях. Весь ход его жизни не дает никакого повода в чем-либо попрекать его судьбу. Иоханану достались все три высших блага: главенство над народом, первосвященство и пророческий дар. Божественное откровение так часто снисходило на него, что ничто из будущего не было от него скрыто. Так, он предвидел и предвещал, что оба его старших сына не останутся долго у кормила правления. Стоит рассказать трагическую историю этих сыновей, тем больше, что она так резко расходится с счастливой жизнью их отца.

Глава ТРЕТЬЯ.

(И. Д. XIII, II).

Аристовул, первый возложивший на себя царскую диадему, умерщвляет свою мать и своих братьев и сам умирает после одногодичного правления.

1. По смерти отца, по прошествии 471 года и 3 месяцев после возвращения из вавилонского пленения (176 до раз. хр.) старший из сыновей, Аристовул, возложив на себя корону — первый (Асмонай) принял царский титул. Первого из своих младших братьев, Антигона, к которому питал сильную привязанность, он почитал, как равного себе; остальных же братьев он бросил в темницу закованными в кандалах; даже родную мать, оспаривавшую у него власть, вследствие того, что по завещанию Иоханана она собственно и была назначена главной руководительницей государственными делами, Аристовул подвергнул заточению и так далеко зашел в своей жестокости, что заставил ее умереть в темнице голодной смертью.

2. Месть постигла его в лице брата его, Антигона, которого он так нежно любил, что даже возвысил на степень соправителя. Он убил именно и этого своего любимца, вследствие гнусной интриги, сплетенной злыми царедворцами. В начале Аристовул не доверял злым языкам: он слишком любил Антигона и разные толки и пересуды о нем приписывал больше зависти. Но однажды, когда Антигон с триумфом возвратился из похода к празднику, в который иудеи по издревле сохранившемуся обычаю для чествования Бога устраивают шатры, Аристовул как раз в те дни заболел; Антигон к концу праздника в сопровождении своего тяжело вооруженного войска со всевозможной пышностью отправился в храм, чтобы тем усерднее помолиться за брата. Этим воспользовались придворные интриганы, которые явились к царю, нарисовали ему живую картину торжественного шествия и гордого поведения Антигона, совсем-де не подобающего ему как частному человеку; с таким сильным отрядом, говорили они, он прибыл не иначе, как с целью низвержения царя; ему мало одной чести быть соправителем, он думает еще завладеть и самим царством.

3. Почти против воли поверил этому Аристовул. Желая замаскировать свои подозрения, а с другой стороны, — обезопасить себя на всякий случай, он поставил своих телохранителей в один из темных подземных ходов замка, раньше называвшаяся Варисом (5, 4), но впоследствии прозванного Антонией, и приказал им свободно пропустить Антигона, если он придет без оружия, но убить его тотчас, как только он явится вооруженным. Самому Антигону он заранее послал сказать, чтобы он пришел к нему невооруженным. Воспользовавшись этим случаем, смертельные враги Антигона совместно с царицей составили очень коварный план. Они уговорили царских послов умолчать о настоящем поведении царя и вместо этого передать Антигону, что брат слышал о пышных доспехах, которые он приготовил себе в Галилее; прикованный же к постели, он до сих пор не мог принять его; теперь однако, ввиду его скорого отбытия, царь охотно видел бы тебя в этом блестящем наряде.

4. Услышав это и не подозревая ничего дурного, Антигон, в полном вооружении, как к параду, отправился к назначенному месту; но как только приблизился к темному проходу, называвшемуся Стратоновой Башней, он был умерщвлен телохранителями. Факт этот служит явным доказательством силы клеветы, разрывающей все узы благоволения и родства; никакое благородное и возвышенное чувство не достаточно сильно, чтобы оказать противодействие низкому чувству зависти.

5. Известную сенсацию произвел тогда некто Иегуда из ессеев, отличавшийся всегда меткостью и верностью своих прорицаний. Увидев в тот день Антигона удаляющимся из храма, он обратился к своим ученикам, окружавшим его всегда в большом количестве и воскликнул: «Ах! теперь мне бы умереть, после того как правда умерла на моих глазах, и одно из моих пророчеств оказалось ложным; Антигон жив! он, который сегодня должен был умереть! Местом погибели предназначена ему судьбой Стратонова Башня; но до этого места 600 стадий, а уже четвертый час дня! Время изобличает пророчество во лжи»! Старец умолк, погрузившись в тяжелое раздумье. Скоро сделалось известным убийство Антигона у подземельного прохода, который так же, как и город Кесарея, на берегу моря, называлось Стратоновой Башней (21, 5). — Это то обстоятельство и спутало предвещателя.

6. Раскаяние в совершенном преступлении усугубляло между тем болезнь Аристовула: терзаемый угрызениями совести, он начал быстро чахнуть, болезненные припадки все больше учащались и, наконец, вовремя одного такого припадка с ним случилось сильное кровоизлияние. Слуга, унесший кровь, по какому-то удивительному божественному предопределению, поскользнулся на том самом месте, где Антигон был умерщвлен, и кровь убийцы вылилась на видневшиеся еще кровяные брызги от убитого. Очевидцы этого происшествия думали, что слуга нарочно вылил туда кровь и подняли неистовый крик. Царь, услышав шум, спрашивал о причинах — никто не хотел ему объяснить; когда же он начал настойчиво требовать и грозить, то ему сказали всю правду. Тогда глаза его наполнились слезами, вздыхая, еле слышно, насколько позволяли ему ослабевшие силы, он произнес: «Не мог же я с моими злодействами укрыться от великого ока Божия! Быстро постигла меня кара за братоубийство! Проклятое тело, доколе ты будешь удерживать от матери и брата мою погибшую душу? Доколе я должен каплю за каплей жертвовать им свою кровь? Пусть берут сразу. Пусть божество не глумится больше над жертвоизлиянием, приносимым покойникам моими внутренностями!»

Тотчас после этих слов он испустил дух, процарствовав не больше одного года.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ.

(И. Д. XIII 12-15).

Деяния Александра Ианная, царствовавшего 27 лет (175-149 до раз. храма).

1. Вдова Аристовула освободила его братьев из заточения и сделала царем Александра, который и по летам, и по превосходству нрава имел, как казалось, на это все преимущества. Достигнув же власти, он лишил жизни одного из своих братьев, домогавшегося престола; другому же брату, довольствовавшемуся частной и спокойный жизнью, он оказывал полное уважение.

2. Ему пришлось вступить в войну с Птоломеем Лафуром, покорившим город Асохис [33]. Хотя он и наносил чувствительные удары неприятельскому войску, но победа все-таки клонилась на сторону Птоломея. Но когда последний, преследуемый своею матерью, Клеопатрой, удалился в Египет, Александр, после успешной осады, захватил в свои руки Гадару [34], а также сильнейшую из всех прииорданских крепостей Амат, в которой хранились, между прочим, сокровища Теодора, сына Зенона (2, 4). Совершенно неожиданно появился вслед за этим Теодор, который возвратил себе похищенные сокровища и овладел еще царским обозом, убив при этом столкновении до 10000 иудеев. Александр, однако,

оправившись после этого поражения, обратился в приморскую область и завоевал Рафию, Газу и Анфидон [35], названный потом царем Иродом — Агриппиадой.

3. Вслед за покорением этих городов, против Александра вспыхнуло восстание иудеев; дело разразилось в праздничный день, как вообще у иудеев волнения вспыхивали большею частью во время праздников. Он не так легко справился бы с этим восстанием, если бы ему не помогли чужеземные наемники; это были писидийцы и киликийцы, — сирийцев он никогда не принимал на службу, вследствие их врожденной национальной вражды к евреям. Убив больше 6000 человек из восставших, он вторгнулся в Аравию, подчинил себе эту страну, равно как галаадитян и моавитян, которых он обложил данью, и на обратном пути двинулся опять на Амат. Теодор, убоясь военного счастья своего противника, покинул крепость. Александр нашел ее незащищенной и срыл ее до основания.

4. В последовавшем за этим столкновении с аравийским царем Обедой он потерял всю свою армию. Арабы заманили его на устроенную при Гавлане [36] засаду, где иудейское войско, стиснутое в глубоком ущелье, было раздавлено массой верблюдов. Сам Александр спасся в Иерусалим; но ужас этого несчастья, разжигая старую ненависть к нему народа, вызвал в стране новое восстание. И на этот раз он одержал верх: в длинном ряде последовавших одна за другой битв, он в течение шести лет истребил не менее 50000 иудеев. Эти победы, достававшиеся ему ценой опустошения своего собственного царства, так вяло однако радовали его, что он положил оружие и старался словами склонить своих подданных к примирению. Но выказанная им уступчивость и изменчивость характера сделали его в глазах народа еще более ненавистным; когда он, добиваясь причины, спрашивал, что ему делать для того, чтобы умилостивить народ, ему ответили: «умереть, ибо и смерть после таких злодейств едва ли может примирить их с ним»! В то же время противники его призвали на помощь Димитрия Эвкера [37], который, в надежде на более отдаленные последствия, охотно откликнулся на зов и явился со своим войском. При Сикиме (Сихем) иудеи соединились с союзниками.

5. Александр пошел навстречу союзным силам: против их трехтысячной конницы и 40000 пехоты, он выставил 1000 всадников и 8000 наемной пехоты, кроме того, еще 10000 иудеев из своих сторонников. До начала битвы цари пытались чрез герольдов переманить друг у друга отдельные отряды. Димитрий старался привлечь к себе наемников Александра, последний надеялся склонить на свою сторону ставших под знамя Димитрия иудеев. Но так как иудеи сохранили свою злобу, а эллины — верность, то решение дела должно было быть предоставлено оружию. Хотя наемные войска Александра выказывали в сражении не мало храбрости и мужества, победа все-таки осталась за Димитрием; конечный же результат этой битвы оказался, однако, одинаково неожиданным для обеих сторон: у победителя не остались те, которые его призвали, так как к побежденному, бежавшему в горы, перешли из жалости к его несчастью 6000 иудеев. Такой оборот дела до того обескуражил Димитрия, что он немедленно удалился, полагая, что теперь весь народ перейдет на сторону Александра, и последний сделается опять сильным и способным к сопротивлению.

6. Однако и после удаления союзников остальные иудеи не прекратили враждебных действий против Александра и продолжали беспрерывную борьбу с ним до тех пор, пока большая часть из них не погибла, а другая, загнанная в городе Бемеселис [38], после разрушения последнего, была взята в плен и приведена в Иерусалим. Александр в своем яростном гневе покончил с ними самым безбожным образом: восемьсот пленников были распяты в центре города, в то время, когда жены и дети казненных были изрублены на их же глазах. Сам Александр созерцал эту кровавую резню, пиршествуя в сообществе своих наложниц. Народ охватил такой панический страх, что в следующую же ночь 8000 граждан, из среды противников царя поспешили перебраться через границу Иудеи, и только смерть Александра принесла конец их вынужденному изгнанию. Доставив, наконец, своему

государству такими мероприятиями поздний и с трудом добытый покой, Александр положил оружие.

7. Новые беспокойства причинил ему Антиох, прозванный Дионисом, брат Димитрия, последний из Селевкидов. Когда Антиох Дионис выступил в поход против арабов, Александр, опасаясь вторжения его в Иудею, велел выкопать глубокий ров на всем протяжении от подошвы горы при Антипатрисе [39] до прибрежия Иопии, построить вдоль рва высокую стену с деревянными башнями на верху, дабы этими сооружениями загородить легко доступные места. Он, однако, не мог остановить Антиоха: последний сжег башни, засыпал ров, перешагнул с своим войском через укрепленную линию и продолжал свой поход в Аравию, решившись отомстить впоследствии тому, который пытался создать ему препятствия. Аравийский же царь, отступив назад в более благоприятную для борьбы местность, быстро повернул свою десятитысячную конницу и неожиданно напал на Антиоха, прежде чем его войска успели выстроиться в боевой порядок. В последовавшем затем ожесточенном сражении, войска Антиоха, не смотря на чувствительные удары, нанесенные им Арабами, храбро держались все время, пока Антиох сам мужественно дрался впереди их; но когда он пал, (с целью поддержать мужество солдат он всегда подвергал себя величайшим опасностям), они все отступили назад; большая часть их была смята или в самом сражении или на пути бегства; остаток же армии, спасшийся в деревню Кану, за немногими единичными исключениями, сделался жертвою голода.

8. Жители Дамаска из ненависти к Птоломею, сыну Менная, призвали к себе Арету и назначили его царем Келесирии. Последний пошел против Иудеи, разбил Александра в одном сражении, но после состоявшегося мирного соглашения отступил. Александр же завоевал после этого Пеллу [40] и из жадности к сокровищам Теодора отправился в Геразу [41], обвел ее тройным валом и взял город штурмом. Вслед за этим он опустошил Гавлан, Селевкию [42] и так называемую Антиохову Долину; дальше он взял сильную крепость Гамалу [43], устранил местного начальника Димитрия, вследствие многочисленных на него жалоб населения, и по окончании этого похода, длившегося целых три года, возвратился в Иудею, где за свои военные подвиги был радушно встречен народом. Отдых после войн породил в нем болезнь, выразившуюся в лихорадке, которая возвращалась к нему чрез каждые четыре дня. Полагая, что кипучая военная деятельность избавит его от болезни, он предпринял преждевременный поход; но напрягая через меру свои силы, он в этом новом предприятии нашел свою смерть Он умер в самом разгаре военной сутолоки, после 27-летнего царствования. (149 до раз. храма).

Глава ПЯТАЯ.

(И. Д. XIII, 16).

Девятилетнее царствование Александры (149-140 до раз. хр.) и возвращение власти к фарисеям.

1. Правление он оставил своей жене Александре, в том убеждении, что ей народ тем охотнее будет повиноваться, так как она никакого участия не принимала в зверских расправах мужа, а напротив постоянно противодействовала его беззакониям, чем и приобрела себе доверие иудеев. Надежда его не обманула. Слава благочестия, которой эта женщина пользовалась, доставила ей господство. Она строго соблюдала старинные народные обычаи и устранила от дел нарушителей священных законов. Из двух сыновей, прижитых ею с Александром, она произвела в первосвященники Гиркана, так как он был старший и при том слишком вял для того, чтобы участие его в делах правления могло сделаться для нее опасным. Младшего же, Аристовула, отличавшаяся пылким характером, она заставила удалиться в частную жизнь.

2. Ближайшее участие в правлении приняли при ней фарисеи, — иудейская партия, последователи которой почитаются наиболее благочестивыми и компетентнейшими

толкователями законов. Богобоязненная Александра была им очень предана; они же, пользуясь ее простотой и вкрадываясь мало-помалу в ее доверие, вскоре сделались фактическими правителями, изгоняя и милуя, освобождая и заточая кого им заблагорассудилось. Одним словом они наслаждались всеми выгодами правления, а Александра носила его тяжести и расходы. Впрочем, она сама была занята более важными делами. Набирая все больше и больше войска внутри страны и вербуя не мало наемников извне, она вдвое увеличила вооруженные силы своего государства и сделалась страшной даже для соседних князей. Так она господствовала над другими, а над нею самой — фарисеи.

3. Эти последние были виновниками смерти одного знатного гражданина, Диогена, друга Александра, которого они обвинили в том, что распятие восьмисот совершено было Александром по его наущению; они также довели Александру до того, что она лишила жизни и других лиц, подстрекавших Александра на это дело. Из религиозного страха она уступала, а фарисеи сметали с пути, кого только хотели. Знатнейшие из опальных прибегли к заступничеству Аристовула, которому удалось уговорить свою мать пощадить этих людей, во внимание к их высокому положению и, если уже призвать их виновными, то ограничить наказание изгнанием их из столицы. Их освободили от смертной казни и они рассеялись по стране. В это же время Александра послала войско в Дамаск (поводом послужил Птоломей, притеснявший всегда этот город) и взяла его без особенных усилий. Армянского царя, Тиграна, осаждавшего Клеопатру в Птоломаиде, она старалась склонить к отступлению путем мирных переговоров и подарков; но встревоженный вдруг беспорядками, возникшими в его собственной стране, вследствие вторжения в Армению Лукулла, Тигран сам вынужден был удалиться.

4. Александра между тем заболела. Младший сын ее Аристовул тотчас воспользовался представившимся случаем; при помощи многочисленных горячих приверженцев, очарованных его юношеским пылом, он овладел всеми крепостями; на добытые там деньги он набрал наемное войско и объявил себя царем. Из жалости к воплям Гиркана, Александра приказала заключить жену и детей Аристовула в Антонию. Это была крепость, примыкавшая к северу от храма и называвшаяся раньше, как выше (3, 3) было сказано, Варисом, но впоследствии, при Антонии, получившая его имя, подобно тому, как Себаста и Агриппиада и другие города вместо прежних своих имен получили названия от Себаста (Августа) и Агриппы. Однако прежде чем Александра успела наказать Аристовула за похищение престола у брата, она умерла, процарствовав девять лет (140 до раз. храма).

Глава ШЕСТАЯ.

(И. Д. XIV. 1-4, 1).

Гиркан, наследник Александры, отказывается от престола в пользу Аристовула. Стараниями Антипатра и с помощью Ареты снова возвращается к власти. В загоревшемся затем между братьями споре Помпей выступает в качестве судьи.

1. Законным наследником престола был хотя Гиркан, которому и мать пред смертью передала правление, но превосходство силы и ума было на стороне Аристовула. Поэтому при первом же столкновении братьев у Иерихона, большинство войска покинуло Гиркана и перешло к Аристовулу. Первый бежал с немногими, оставшимися ему верными людьми, и достиг Антонии, где он овладел женою и детьми Аристовула, как залогом своего спасения. И действительно, прежде чем дело дошло до окончательного разрыва, достигнуто было миролюбивое соглашение, по которому Аристовулу досталось царство, а лишенному короны Гиркану обещаны были все почести, подобающие брату государя. На этих условиях братья помирились в храме, дружески обнялись на глазах окружавшего их народа и обменялись жилицами: Аристовул отправился в царский дворец, Гиркан — в дом Аристовула.

2. Противникам так неожиданно воцарившегося Аристовула сделалось жутко; больше всех имел основание опасаться издавна и глубоко ненавистный ему Аптипатр. Родом

идумеянин, он по знатному своему происхождению, богатству и могуществу сделался первым человеком в своем народе. Этот Антипатр, с одной стороны, убедил Гиркана бежать к аравийскому царю, Арете, чтобы при его помощи возвратить себе царское достоинство, а с другой — уговорил Арету принять у себя Гиркана и содействовать его возвращению к власти. При этом он в глазах аравийского царя в такой же степени очернил Аристовула, в какой превознес Гиркана, побуждая его таким образом оказать последнему гостеприимство. Вместе с тем он ему поставил на вид, как это приличествует повелителю такого могущественного государства простирать свое покровительствующее крыло над угнетенными, а в данном случае угнетенным является Гиркан, у которого похитили корону, принадлежащую ему по праву старшинства. Подготовив таким образом обе стороны, он ночью в сообществе Гиркана тайно оставил Иерусалим и вместе с ним благополучно добрался до Петры, столицы Аравии. Здесь он передал его в руки Ареты; льстивыми речами и богатыми подарками, он выпросил у него в свое распоряжение войско, которое должно было возвратить Гиркану отнятый трон; войско это состояло из 50000 человек пехоты и конницы. Противиться такой силе Аристовул был не в состоянии: в первой же схватке он был преодолен и, оставленный своими приверженцами, поспешно отступил к Иерусалиму. Тут он наверное попал бы в руки осаждавшего его врага, если бы римский полководец Скавр, пользуясь этой междоусобицей, не нагрянул как раз в это время в город и не заставил снять осаду (134 до раз. хр.). Он собственно был послан Помпеем, покорителем Тиграна, из Армении в Сирию; но, прибыв в Дамаск, незадолго пред тем завоеванный Метеллом и Лоллием, и сменив последних, он узнал о положении вещей в Иудее и поспешил туда, как к счастливой находке.

3. Едва только он вступил в страну, как уже явились к нему послы от обоих братьев с просьбой о помощи одному против другого. 300 талантов Аристовула оказались более тяжеловесными, нежели все права Гиркана. За эту плату Скавр послал герольда к Гиркану и арабам с приказанием от имени римлян и Помпея немедленно снять осаду. Устрашенный Арета выступил из Иудеи в Филадельфию [44], а Скавр возвратился обратно в Дамаск. Аристовул, однако, не удовлетворился одним лишь избавлением от грозившего ему плена: погнавшись за неприятелем, он его настиг у так называемого Папирона, дал ему здесь сражение, в котором убил свыше 6000 человек, в том числе и брата Антипатра, Фалиона.

4. Лишившись поддержки союзников, Гиркан и Антипатр возложили теперь все свои надежды на своих противников, и так как Помпей, по прибытии в Сирию, остановился в Дамаске, то они поспешили туда [45]. Без подарков, опираясь лишь на представленные ими уже Арете мотивы и доводы, они умоляли его положить конец насильственным действиям Аристовула и посадить на престол того, который заслуживает его, как по старшинству, так и по нравственным качествам. Аристовул также не бездействовал: рассчитывая на подкупленного Скавра, он представился Помпею во всем блеске своего царского величия. Но, считая ниже своего достоинства играть роль покорного слуги, не желая, хотя бы и для защиты своих интересов, опуститься на одну степень ниже, чем позволяло ему его высокое положение — он, сопроводив Помпея до города Диона [46], ушел обратно.

5. Оскорбленный таким поведением, осажденный кроме того неотступными просьбами Гиркана и его друзей, Помпей выступил с римскими легионами и многими союзными войсками из Сирии против Аристовула; он уже минул Пеллу и Скифополис и достиг Кореи — пограничного города Иудеи, — как узнал вдруг, что Аристовул бежал в Александрион (богатый и укрепленный замок на высокой горной вершине) [47]. Тогда он послал ему приказание немедленно явиться к нему; Аристовул же, задетый строгим повелительным тоном Помпея, готов был предпочесть крайнюю опасность рабскому повиновению; но заметив упадок духа среди своих людей и уступив советам друзей, представивших ему всю трудность сопротивления римскому войску, он сошел к Помпею. Подробно изложив ему свои права на престол, он возвратился обратно в замок. Еще раз он сошел с горы по приглашению брата, спорил с ним о своих правах и снова, не встречая препятствий со стороны Помпея,

вернулся к себе. Так он, между страхом и надеждой, несколько раз сходил с горы, чтобы просьбами склонить в свою пользу Помпея, и каждый раз восходил обратно, чтобы не казаться малодушным и заранее уже готовым сдаться. Но когда Помпей потребовал от него сдачи крепостей и принудил его собственноручно написать об этом комендантам, ибо последние были снабжены инструкцией действовать лишь по его письменным приказам, то, исполнив все это по принуждению, он вслед за тем с негодованием отступил к Иерусалиму и начал готовиться к войне с Помпеем.

6. Этот же поспешил вслед за ним, не давая ему времени на военные приготовления. Известие о смерти Митридата, полученное им в Иерихоне, придало ему еще больше энергии к борьбе. Земля Иерихонская — самая плодородная в Иудее, производящая в огромном изобилии пальмовые деревья и бальзамовые кустарники. Нижние части стволов этих кустов надрезывают заостренными камнями и капающие из надрезов слезы собирают, как бальзам. В этой местности Помпей отдохнул ночь и на следующий день, рано утром, скорым маршем двинулся к Иерусалиму. Устрашенный его появлением, Аристовул вышел к нему на встречу с мольбой о пощаде. Обещанием денег, добровольной сдачей города и предоставлением самого себя в его распоряжение он смягчил его гнев; но ни одно из этих обещаний не было исполнено: Габиния, посланного Помпеем за получением денег, приверженцы Аристовула не впустили даже в город.

Глава СЕДЬМАЯ.

(И. Д. XIV, 4).

Помпей, взяв Иерусалим и храм, входит в Святая Святых. (133 до разрушения храма). — Дальнейшие его действия в Иудее.

1. Раздраженный Помпей приказал взять под стражу Аристовула и, приблизившись к городу, стал высматривать удобное место для нападения. Он нашел, что городские стены сами по себе настолько крепки, что штурмовать их будет чрезвычайно трудно, что эти стены окружены еще страшным рвом, а площадь храма, находящаяся по ту сторону рва, снабжена такими сильными укреплениями, которые и после взятия города могут служить убежищем для осажденных.

2. Так размышляя, Помпей долгое время оставался в нерешительности; а между тем среди жителей города вспыхнул раздор: партия Аристовула требовала вооруженного сопротивления и освобождения царя; сторонники же Гиркана склонялись к тому, чтобы открыть ворота пред Помпеем. Страх пред находящимся на виду хорошо организованным римским войском все больше и больше увеличивал число сторонников последнего мнения. Наконец приверженцы Аристовула, увидев себя в меньшинстве, отступили к храму, уничтожили мост, служивший сообщением между последним и городом, и стали готовиться к отчаянному сопротивлению. Остальные же приняли в город римлян и предоставили в их распоряжение царский дворец. Тогда Помпей отрядил туда войско под предводительством Пизона. Последний занял весь город и так как ему не удалось переманить ни одного из укрывшихся в храме, то он начал приспособлять все кругом к атаке; приверженцы Гиркана усердно помогали ему в этом деле и словом, и делом.

3. Сам Помпей, расположившись на северной стороне, велел заполнить овраг и все углубление долины, для чего солдаты собирали разные материалы. Уравнивание этого места, не говоря уже о значительной его глубине, встречало чрезвычайный затруднения со стороны осажденных иудеев, которые всеми средствами и силами мешали успешному ходу работы. И все усилия римлян остались бы тщетными, если б Помпей не воспользовался субботним днем, когда евреи, в силу своих религиозных запретов, удерживаются от всякой работы. В этот-то день Помпей приказал возвысить насыпь, запретив вместе с тем солдатам вступать в схватку с иудеями, так как для личной обороны они могут сопротивляться и в субботу. Когда ложбина была таким образом заполнена, он построил высокие башни, поставил на них привезенные из

Тира машины, которые и привел в действие; в то же время солдаты метали камни, отбивая со стены ее защитников, которые всеми силами мешали римлянам в их разрушительной работе. Больше всего устояли воздвигнутые здесь башни, отличавшиеся громадностью и изящной отделкой.

4. Сколько ни терпели римляне при этой осаде, они все-таки должны были удивляться стойкости иудеев вообще и в особенности тому, что они под самым жестоким градом камней и стрел не упускали ни одного малейшего обряда их богослужения: точно глубокий мир царил вокруг них — совершались со всей пунктуальностью ежедневный жертвоприношения, омовения и вообще весь порядок богослужения. Даже после взятия храма, когда кровь их лилась ежедневно вокруг алтаря, они не переставали совершать обычное богослужение. На третий месяц осады, после того, как римляне с большим трудом разрушили одну из башен, они проникли в храмовой двор. Первый, который отважился перескочить через стену, был Фауст Корнелий, сын Суллы; за ним последовали два предводителя, Фурий и Фабий, — каждый со своим отрядом; они оцепили иудеев со всех сторон и убивали одних после краткого сопротивления, других на пути бегства в храм.

5. Здесь то многие священники, в виду неприятелей, устремившихся на них с обнаженными мечами, неустрашимо оставались на своих постах, продолжая свое служение; они совершали жертвоприношения с возлиянием и курением, думая только о своих богослужебных обязанностях и нисколько не заботясь о своем личном спасении [48].

Большая часть была умерщвлена противниками из их же соплеменников. Многие находили смерть в глубоких ущельях, куда они бросались со стены, иные, приведенные с отчаяния в бешенство, подожгли постройки, примыкавшие к стенам, и вместе с ними погибли в пламени. Двенадцать тысяч иудеев погибло тогда; римляне имели весьма немного мертвых, но больше раненных.

6. Ничто, однако, так глубоко не сокрушало народ в тогдашнем его несчастье, как то, что незримая до тех пор Святая Святых была открыта чужеземцами. Помпей, в сопровождении своей свиты, вошел в то помещение храма, куда доступ был дозволен одному лишь первосвященнику, и осмотрел все его содержимое: подсвечник с лампадами, столь, жертвенные чаши и кадильную посуду — все из чистого золота, — массу сложенного фимиама и храмовой клад, состоявший из 2000 талантов [49]. Однако он не коснулся ни тех, ни других драгоценных вещей. Более того: на следующий же день после штурма он дозволил очистить храм и возобновить обычное жертвоприношение. Гиркана он утвердил в должности первосвященника, так как во время осады он показал себя чрезвычайно преданным, а главное потому, что умел удержать сельское население, поднявшееся на помощь Аристовулу. Точно также он, как подобает доброму полководцу, старался успокоить народ больше милостью, чем строгостью. В числе военнопленников находился также тесть Аристовула, который вместе с тем был и его дядей [50]. Главных зачинщиков войны он казнил топором; Фауста и других бойцов, храбро боровшихся вместе с ним, он наградил блестящими подарками. На Иудею и Иерусалим он наложил дань.

7. Все города, которые иудеи завоевали в Келесирии, он отнял назад, поставив их в зависимость от тогдашнего римского легата; иудейское же царство он ограничил его собственными границами. В угоду одному своему вольноотпущеннику, Димитрию, родом из Гадары (4, 2) он вновь обстроил этот город, раньше разрушенный иудеями. Кроме того он освободил от их владычества все те города внутри страны, которые не были ими разрушены, а именно: Иппон [51], Скифополис (2, 7), Пеллу (4, 8), Самарию (2, 7), Мариссу (2, 6) вместе с Азотом [52], Иамнией (2, 2) и Арефузой, равно как и приморские города: Газу (4, 2) Иоппию, Дору (2, 2) и Стратонову Башню, которая впоследствии была с необыкновенным великолепием перестроена царем Иродом и названа им Кесареей (21, 5). Все эти города он возвратил коренным жителям и присоединил их к Сирийскому наместничеству. Поручив Скавру начальство, как над этими городами, так и над Иудеей и всей страной между Египтом

и Евфратом, оставив ему также два легиона, Помпей сам поспешно отправился чрез Киликию в Рим, куда, в качестве пленных, повел Аристовула со всем его семейством, состоявшим из двух дочерей и двух сыновей. Один из последних, Александр, бежал в дороге, младший же, Антигон, и его сестры доставлены были в Рим [53].

Глава ВОСЬМАЯ.

(И. Д. XIV, 5, 1-7, 3).

Александр сын Аристовула, бежавший от Помпея, воюет с Гирканом, но, побежденный Габинием, передает ему крепости. — Аристовул бежит из Рима и собирает войско, но, разбитый римлянами, снова попадает в плен. — Дальнейшие события при Габинии, Крассе и Кассии.

1. Между тем Скавр предпринял поход в Аравию. Дикая природа местности воспрепятствовала ему достичь Петры, за то он разорил окрестности Пеллы, хотя и здесь переносил много тяжких испытаний, так как солдаты его страдали от голода. Гиркан подсылал ему чрез Антипатра съестные припасы; последнего, как друга Ареты, Скавр отправил к аравийскому царю с предложением купить себе мир за известную денежную плату. Араб действительно согласился дать 300 талантов, по получении которых римляне очистили Аравию.

2. Теперь над Гирканом стряслась новая беда в лице бежавшего от Помпея Александра, сына Аристовула, который мало помалу набрал сильное войско и, опустошая все на пути, вторгнулся в Иудею. Можно было ожидать, что он вскорости свергнет Гиркана, так как он устремился в Иерусалим и отважился даже на попытку обновить стену, уничтоженную Помпеем; но ему на пути стал Габиний, преемник Скавра в Сирии, храбрый, испытанный во многих битвах воин [54]. Испуганный его приближением, Александр набрал еще больше войска, так что он имел уже 10 000 тяжеловооруженных и 1 500 всадников и укрепил подходящие места, как Александрит (6, 5), Гирканион и Махерон, близ Аравийских гор.

3. Габиний послал Марка Антония с частью войска вперед, а сам последовал за ним, предводительствуя главной армией. Отборные дружины Антипатра и остальное иудейское войско под предводительством Малиха и Пифолая соединились с Марком Антонием и его генералами и подвигались на встречу Александру. Вскоре прибыл также Габиний с своей фалангой. Александр увидел себя не в силах помериться с союзными войсками и отступил назад; но, находясь уже близ Иерусалима, он был вынужден к сражению. Здесь он потерял 6 000 человек: 3 000 пало мертвыми, а 3 000 взято в плен. С уцелевшим остатком он бежал в Александрион.

4. Когда Габиний прибыл в Александрион и нашел массу расположенных лагерем иудеев, он попытался овладеть ими без сражения, обещав им полное прощение за все совершившееся. Но так как те и знать не хотели о миролюбивом соглашении, то он многих убил, а других загнал в крепость. В этой битве особенно выдвинулся Марк Антоний [55], который хотя везде выказывал себя храбрым, но нигде не отличался так как здесь. Габиний оставил часть войска для взятия крепости, а сам отправился в путь и занялся приведением в лучший вид уцелевших городов и возобновлением разрушенных. Так, по его приказанию, снова были населены Скифополис, Самария, Анфедон, Аполлония [56], Иамния, Рафия, Марисса, Адорей, Гамала и Азот и еще многие другие города, в которые жители радостно возвращались обратно.

5. Покончив со всеми этими делами, он возвратился опять в Александрион и так настойчиво подвинул осаду вперед, что Александр, прейдя совсем в отчаяние, послал к нему герольдов с просьбой простить ему ошибки, передал ему находившиеся еще в его руках обе крепости, Гирканион и Махерон, и вслед за тем выдал также и Александрион. По совету матери Александра, Габиний срыл эти крепости для того, чтобы они не сделались опорными

пунктами новой войны. Эта женщина, озабоченная судьбой мужа и остальных детей своих, находившихся в плену в Риме, прибыла к Габинию с целью умилостивить и смягчить его.

После этого Габиний повел Гиркана в Иерусалим и передал ему заведывание храмом; государственное правление он устроил таким образом, что во главе его стали знатнейшие граждане. Всю страну он разделил на пять округов с общественным управлением в каждом, а главными окружными городами были назначены: Иерусалим, Гадара, Амафос, Иерихон и Сепфорис в Галилее. Народ с радостью увидел себя освобожденным от единовластия, которое уступило место аристократическому правлению. (127 до раз. храма) [57].

6. Вскоре, впрочем, поднялись новые волнения, причиной которых был Аристовул, бежавший из Рима и увлекший за собою опять массу иудеев. К нему стекались, с одной стороны, искатели приключений, с другой — действительно преданные ему люди. Сперва он попытался было вторично укрепить занятый им Александрион, но узнав, что Габиний послал против него войско под начальством Сизенны, Антония и Сервилия, он отступил назад в Махерон. При этом он отпустил обременявшую его беспорядочную толпу и оставил только у себя тяжеловооруженных, около 8 000, в числе которых находился также Пифолай [58] — иерусалимский легат, перешедший к нему с 1000 солдат. Но римляне преследовали их по пятам и немного времени прошло, как оба войска стояли уже лицом к лицу. Люди Аристовула, храбро сражаясь, долго хотя удерживали за собою поле битвы, но впоследствии были преодолены римлянами: 5 000 человек легло на месте, до 2 000 спаслось на одну из возвышенностей, остальные 1000 с Аристовулом пробились чрез неприятельские ряды и, преследуемые римлянами, собрались в Махероне. Отдохнув в первый вечер в развалинах Махерона, царь укрепил, как мог, свой лагерь и надеялся, что если военные действия на некоторое время прекратятся, то он будет в состоянии скомплектовать новое войско; но римляне не замедлили напасть на него вторично. Целых два дня сопротивлялся Аристовул, употребляя для своей защиты почти сверхъестественные усилия; но наконец он был взят в плен [59] и, закованный в цепи вместе с сыном, Антигоном, также бежавшим из Рима, был доставлен к Габиннию, который вторично отправил их в Рим. Сенат заключил Аристовула в тюрьму, а его детей отпустил обратно в Иудею, так как Габиний письменно сообщил, что он обещал жене Аристовула свободу ее детей взамен выданных ему крепостей.

7. После этого Габиний отправился в поход против парфян, но достигши уже Евфрата, он вернулся, чтобы защитить интересы Птоломея в Египте [60]. Гиркан и Антипатр оказывали ему в этом деле существенные услуги: последний снабдил его деньгами, оружием, провиантом и вспомогательными отрядами, а первый уговорил египетских иудеев, занимавших проходы к Пелузиуму [61], беспрепятственно пропустить Габиния. В отсутствии же Габиния остальную часть Сирии охватило сильное волнение, и в тоже время сын Аристовула, Александр, побудил иудеев к восстанию. Он собрал несметное количество войска и положил себе задачей — истребить всех римлян в пределах иудейского государства [62]. Озабоченный этим движением, Габиний (которого сирийские беспорядки призвали обратно из Египта), послал Антипатра к некоторым вожакам восстания, которых удалось действительно отвлечь от участия в нем; тем не менее у Александра осталось еще 30 000 человек; он горел желанием померяться силами с неприятелем и выступил для борьбы во главе иудеев, шедших на встречу неприятелю. У горы Итавириона [63] обе армии столкнулись: 10 000 иудеев пало мертвыми, остальная масса была рассеяна. Габиний вступил в Иерусалим и переменил государственное правление по воле и желанию Антипатра [64]. Отсюда он пошел на набатеев, разбил их наголову и помог бежавшим из Парфии Митридату и Орсану спастись бегством, объявив своим солдатам, что они скрылись [65].

8. После Габиния в управление Сирией вступил Красс (124 до раз. хр.). Для своего похода против парфян он взял из Иерусалимского храма, кроме других находившихся там золотых вещей, и те 2 000 талантов, которые оставлены были нетронутыми Помпеем.

Перешагнув через Евфрат, он сам погиб вместе с своей армией [66]. Впрочем, здесь не место об этом распространяться.

9. После смерти Красса парфяне пытались напасть на Сирию; но Кассий, бежавший в эту провинцию, отбил их назад. Утвердившись в Сирии, он поспешил в Иудею, взял Тарихею, [67] обратил около 30 000 иудеев в рабство и убил Пифолая, который вербовал инсургентов в пользу Аристовула [68]. Совершить это убийство советовал ему Антипатр. Последний имел от своей жены, знатной аравитянки, по имени Кипра, четырех сыновей, Фазаеля, Ирода (впоследствии царь), Иосифа и Ферора, да еще одну дочь Саломию. Связанный дружбой со всеми сильными тогдашнего мира, расположив их всех своим широким гостеприимством, он в особенно тесных отношениях находился с аравийским царем, с которым сроднился посредством брака. К нему на попечение он послал своих детей во время войны с Аристовулом. Кассий, вынудив у Александра обещание держать себя спокойно, отправился обратно к Евфрату, чтобы воспрепятствовать парфянам переход чрез него. Но об этом в другой раз.

Глава ДЕВЯТАЯ.

(И. Д. XIV, 7, 4-8, 5).

Смерть Аристовула от рук друзей Помпея и умерщвление сына его Александра Сципионом. — Антипатр, после смерти Помпея, переходит под покровительство Цезаря и оказывает помощь Митридату.

1. После того, как Помпей вместе с сенатом бежал через Ионийское море, Цезарь, сделавшись властелином Рима и всего государства (119 до раз. хр.) [69], освободил Аристовула из тюрьмы, дал ему два легиона и поспешно послал его в Сирию, в надежде подчинить себе чрез него эту провинцию и всю Иудею [70]. Но зависть разрушила доброе желание Аристовула и надежды Цезаря. Приверженцы Помпея отравили ядом Аристовула (119 до раз. хр.). Долгое время он даже был лишен погребения в отечественной земле: тело его сохранялось в меду до тех пор, покуда оно не было отослано Антонием иудеям для того, чтобы похоронить его в царских гробницах.

2. И сын его, Александр, также погиб: его казнил топором Сципион в Антиохии. Совершилась эта казнь по письменному приказанию Помпея после того, как против него возбуждено было формальное обвинение в враждебных действиях по отношению к римлянам. Его братьев принял у себя Птоломей, сын Менная, владетель Халкиды у подошвы Ливана, послав за ними в Аскалон своего сына Филиппиона. Последнему удалось разлучить Антигона и его сестер с их матерью, вдовой Аристовула, и привести их к своему отцу. Он влюбился в младшую сестру и женился на ней; но из-за нее же был лишен жизни своим собственным отцом, который, умертвив сына, сам женился на Александре и вследствие этой женитьбы относился с большой предупредительностью к братьям.

3. После смерти Помпея [71] Антипатр переменил свою личину и начал ухаживать за Цезарем. Когда Митридат из Пергамона, стремившийся с своим войском в Египет [72], вынужден был остановиться возле Аскалона, вследствие того, что ему загородили проходы в Пелузий. Антипатр склонил тогда своих друзей арабов поспешить ему на помощь и сам прибыл к нему во главе трехтысячного иудейского войска; кроме того он поднял на ноги сирийских владетелей, а также проживавших на Ливане Птоломея и Иамблиха, под влиянием которых и тамошние города охотно присоединились к начатой кампании. Ободренный таким приращением сил, которым он обязан был всецело Антипатру, Митридат двинулся к Пелузию, и так как ему отказано было в свободном проходе, то он осадил этот город. И при взятии последнего больше всех отличился Антипатр, который, пробив отведенную ему часть стены, первый с своим отрядом ворвался в город.

4. Пелузий хотя был уже взят, но войско в своем дальнейшем наступательном движении вновь подвергалось задержкам с стороны египетских евреев, занимавших так называемый

Онийский округ (VII, 10, 2). Антипатр, однако, убедил их не только прекратить сопротивление, но еще доставить войску необходимое продовольствие. Вот почему и жившие около Мемфиса не оказывали тогда никакого сопротивления, а добровольно примкнули к Митридату [73]. Последний обогнул Дельту и дал остальным египтянам сражение в местности, называемой Иудейским лагерем. Здесь он вместе со всем правым крылом очутился в большой опасности, из которой спас его Антипатр, прискакавший к нему по берегу реки, а в тоже время левое крыло одолело противника. Затем он накинулся на преследовавших Митридата неприятелей, значительную часть уничтожил, а остальных загнал так далеко, что мог завладеть их лагерем. Он потерял из своих людей только 80, Митридат же в бегстве своем — 800. Спасенный сверх чаяния, Митридат сделал Цезарю вполне правдивое донесение о подвигах Антипатра, не обнаруживая при этом ни малейшей зависти.

5. Цезарь льстил его самолюбию похвалами и, подавая ему надежды, поощрял его на дальнейшие подвиги. И действительно, Антипатр всегда выказывал себя очень отважным бойцом; почти все тело его было покрыто множеством ран, свидетельствовавших о его храбрости. После, когда Цезарь, упрочив дела в Египте, вернулся в Сирию, он наградил его римским гражданством, освободил от податей и, выказывая ему все знаки благоволения и дружелюбия, этим самым сделал его предметом зависти. Ему в угоду он утвердил Гиркана в должности первосвященника.

Глава ДЕСЯТАЯ.

(И. Д. XIV, 9-11, 1).

Цезарь назначает Антипатра наместником Иудеи. — Антипатр назначает Фазаеля начальником Иерусалима, а Ирода — в Галилее. — Последний скоро после этого привлекается к суду, но освобождается. За Секстом Цезарем, коварно убитым Бассом, следует Мурк.

1. В это же время, по странному стечению обстоятельств, сын Аристовула, Антигон, явившись к Цезарю, способствовал еще большему возвышению Антипатра. Вместо того, чтобы оплакивать своего отца, отравленного, по всеобщему мнению, за отпадение его от Помпея; вместо того, чтобы жаловаться на жестокость Сципиона против его брата и, не враждуя с кем бы то ни было, возбуждать одно только чистое сострадание, он выступил формальным обвинителем Гиркана и Антипатра: «Вопреки всем правам, жаловался он Цезарю, они изгнали его и братьев из их отечества, высокомерно и жестоко обращались с их народом; да и к египетскому походу они не из преданности к особе Цезаря, посылали вспомогательные отряды, а из боязни за прежние свои враждебные отношения к нему и из желания только умыть себе руки от прежней дружбы с Помпеем».

2. Тогда Антипатр сорвал с себя одежду, указал на множество своих ран и сказал: «чтобы доказать свою верность Цезарю он не должен прибегать к словам, — если он даже будет молчать, то его тело достаточно громко говорит за него; но что его поражает, так это смелость Антигона: он, сын врага Рима и римского дезертира, он, которому беспокойный характер и мятежный дух достались в наследие от отца, — он осмеливается жаловаться на других перед римским правителем, он думает еще получить у Цезаря какую нибудь подачку в то время, когда должен был бы быть рад тому, что еще находится в живых. Да и теперь он стремится к власти не потому, чтоб он в ней так сильно нуждался, а только для того, чтобы иметь возможность опять взволновать иудеев и употребить свою власть во зло против тех, которые ему дадут ее».

3. Когда Цезарь это выслушал, он тем более признал за Гирканом право и преимущество на сан первосвященника, а Антипатру предложил избрать себе по собственному желанию высокий пост. Когда же Антипатр предоставил меру награды самому награждающему, то он назначил его правителем (прокуратором) над всей Иудеей (117 до раз. хр.) и разрешил ему кроме того отстроить срытые стены своего родного города. Акт о дарованных им милостях

Цезарь послал в Рим для того, чтобы вырезать его на доске и поставить ее в Капитолии, в память его правосудия и заслуг Антипатра [74].

4. Вслед за этим Аптипатр провожал Цезаря из Сирии и возвратился обратно в Иудею. Первым его делом было обновление иерусалимской стены, разрушенной Помпеем (8, 2). Затем он объехал всю страну с целью утишить волнения. Угрожая, но сохраняя вместе с тем тон доброго советника, он объявлял повсюду, что «люди, преданные Гиркану, будут жить счастливо и спокойно, наслаждаясь благами мира и своим благоприобретенным имуществом; но тот, который даст себя обольстить несбыточными мечтами преследующих свою личную выгоду мятежников, тот найдет в нем деспота, вместо заботливого друга, в Гиркане — вместо отца страны — тирана, а в римлянах и Цезаре, вместо руководителей и друзей — врагов, так как римляне не потерпят унижения того, кого они сами возвысили». Таковы были его внушения народу. Но одновременно с тем он устроил государственные дела по личному усмотрению, видя, что Гиркан крайне вял и для царя слишком бессилен. Старшего сына своего, Фазаеля, он назначил начальником Иерусалима и окрестностей; второго сына, Ирода, который был тогда еще очень молод [75], он послал с такими же полномочиями в Галилею.

5. Ирод, как деятельная натура, скоро нашел случай выказать свои дарования. Атамана разбойников Иезеккию, опустошавшего окраины Сирии, он поймал и казнил, а также истребил многих из его шайки — подвиг, который снискал ему великую признательность сирийцев. В селах и городах прославлено было имя Ирода, как спасителя страны и водворителя мира и порядка. Благодаря этому, он также сделался известным и родственнику великого Цезаря, Сексту Цезарю, наместнику Сирии [76]. Благородно состязаясь с своим знаменитым братом, Фазаель направил все свои усилия к тому, чтобы расположить к себе иерусалимских жителей и, хотя уже независимый властитель города, он удерживался, однако, от всякого злоупотребления своей властью. А потому и служил народ верно Антипатру, как царю, и каждый человек почитал его, как верховного главу государства. Он же сам по прежнему оставался верным Гиркану, ни в чем ему не изменяя.

6. Но нельзя никаким образом в счастье избегнуть зависти. Гиркана давно уже втайне раздражала слава юношей; но больше всего беспокоили его подвиги Ирода и та толпа глашатаев, которые трубили о них на всех перекрестках. К тому еще его возбуждали некоторые завистливые царедворцы, которым благоразумие Антипатра и его сыновей стояло как камень преткновения на их пути и которые говорили Гиркану: «Он в сущности уступил правление Антипатру и его сыновьям, а сам остался только титулованным царем без всякой власти. Доколе он будет пребывать в заблуждении, вскармливая себе на гибель царей? Они уже больше не довольствуются сохранением лишь за собою наружного вида правителей, а в действительности распоряжаются, как полноправные властелины, устраняя совершенно от дел настоящего царя. Ведь истребил же Ирод множество Иудеев противозаконно и без всякого письменного или устного приказания от него, Гиркана. Если Ирод еще не царь, а только частное лицо, так он же должен быть привлечен к суду и дать ответ пред ним и отечественными законами, не допускающими казни без права и суда».

7. Такие представления все больше возбуждали Гиркана и, наконец, гнев его разразился привлечением Ирода к суду. По увещеванию отца и опираясь на благоприятное для него положение дел, Ирод прибыл в Иудею, расставив предварительно по всей Галилее военные посты. Он шел туда, хотя без сформированного войска; дабы избегнуть подозрения в желании свергнуть Гиркана, но окружил себя внушительным конвоем, чтобы на всякий случай не очутиться совсем беззащитным в руках завистников. Но Секст Цезарь, озабоченный судьбой юноши и опасаясь козней против него врагов, послал Гиркану приказание развязать Ирода от дела по обвинению его в убийстве. Гиркан, склонный было это сделать по собственной инициативе, из любви к Ироду, признал его от суда свободным.

8. Ирод, считая себя освобожденным против воли царя, отправился к Сексту Цезарю в Дамаск с решением не явиться больше к суду, если он вторично будет вызван [77]. Опять

злонамеренные люди начали подстрекать Гиркана, пугая его на этот раз тем, что Ирод ушел озлобленный и теперь вооружается против него. Царь этому поверил и, сознавая превосходство противника, сам не знал, что предпринять. Но когда впоследствии Секст Цезарь назначил Ирода правителем Келесирии и Самарии, тогда Гиркан начал бояться не только за любовь народа к нему, но и увеличивавшегося ныне его могущества, и в страхе ожидал, что тот вскоре нагрянет на него с войском.

9. Предчувствие его не обмануло. Ирод, полный негодования за грозивший ему приговор, набрал войско и двинулся к Иерусалиму с целью низвергнуть Гиркана. И он наверно исполнил бы свое намерение, если бы его отец и брат, поспешившие ему навстречу, не смягчили его гнева, заклиная его, чтобы он свою месть ограничил тем, что пригрозил Гиркану и навел на него страх; он должен пощадить царя, при котором он достиг такого могущества. Если предание суду, прибавили они, его ожесточило, то, с другой стороны, он должен быть признателен за сложение с него вины, иначе он только воздаст за зло, а за свое освобождение будет платить неблагодарностью. Нужно также подумать, что решение войны в руках Бога, а потому в неправом деле и войско бессильно. Исходя из этой точки зрения, он не должен быть так уверен в победе, так как он поднимает руку против царя, с которым он вместе вырос, который часто благодетельствовал ему, никогда не относился к нему враждебно и если теперь выказал по отношению к нему тень несправедливости, то только вследствие внушений злых советников Ирод дал себя уговорить и удовлетворился тем, что, показав народу свою силу, он ближе подошел к конечной цели своих стремлений.

10. В это время у Апамеи [78] среди римлян возникли беспорядки и междоусобицы, вследствие того, что Цецилий Басс, сторонник Помпея, коварным образом умертвил Секста Цезаря (116 до раз. хр.) и овладел его армией; но другие полководцы Цезаря, мстя за это убийство, соединенными силами напали на Басса. Последним Антипатр подослал вспомогательные отряды через своих сыновей, отдав этим дань дружбы обоим Цезарям, как убитому так и жившему еще. Война все еще продолжалась, когда из Италии, в качестве преемника Секста, прибыл Мурк.

Глава ОДИННАДЦАТАЯ.

(И. Д. XIV, 11, 2-6).

Ирод делается наместником всей Сирии. — Из страха перед ним Малих отравляет Антипатра, но сам вследствие этого лишается жизни.

1. В это самое время среди римлян вспыхнула та великая война, в которой Кассий и Брут внезапно и коварным образом умертвили Цезаря, после того, как он властвовал три года и семь месяцев. Это убийство вызвало страшные волнения и раскол среди знатных людей; личные цели побуждали каждого примыкать к той или другой партии, которая сулила больше выгод. Тогда Кассий прибыл в Сирию (114 до раз. хр.), чтобы привлечь на свою сторону войско, находившееся при Апамее. Помирив здесь Мурка с Бассом, равно как и враждовавшие между собою легионы, он освободил Апамею из осады и во главе соединенной армии сам объезжал города, взимая повсюду дань и непомерные поборы [79].

2. Дошла очередь до иудеев — на них возложена была уплата 700 талантов [80]. Антипатр, устрашенный угрозами Кассия, поручил немедленно собрать эту сумму своим сыновьям и некоторым «своим родственникам, в том числе даже Малиху, находившемуся с ним в личной вражде — так велика была нужда его. Первым умилостивил Кассия Ирод, немедленно и лично доставивший ему свою долю с Галилеи в размере 100 талантов. Этим он снискал себя дружбу Кассия в то время, когда последний всех других порицал за нерадение и простирал свой гнев даже на самые города. Жителей Гоны, Эмма уса и двух других второстепенных городов [81] он даже обратил в рабство и зашел так далеко, что Малиху грозил смертною казнью за медленное собирание податей. Антипатр, однако, отвратил

гибель его и некоторых городов тем, что со всей поспешностью умилостивил Кассия 100 талантами.

3. После удаления Кассия (113 до раз. хр.) Малих вовсе не показал себя благодарным по отношению к Антипатру; он напротив задумал посягнуть на жизнь того, который не раз был его спасителем, и старался удалить того, который всегда был ему помехой в его преступлениях. Антипатр, которому сила и хитрость врага внушали подозрения, перешел чрез Иордан с целью собирать войско и готовиться к сопротивлению. Увидев, что замыслы его открыты, Малих умел своею наглостью ввести в заблуждение сыновей Антипатра, как Фазаеля, начальствовавшего над Иерусалимом, так и Ирода, командовавшего над всеми войсками; он до того ослепил их своими неоднократными извинениями и клятвами, что они приняли на себя посредничество между ним и их отцом. Еще раз Антипатр сделался его спасителем, уговорив тогдашнего правителя Сирии, Мурка, пощадить Малиха, которого он намеревался убить за его мятежный характер.

4. Когда в то время возгорелась борьба молодого Цезаря и Антония против Брута и Кассия, последний вместе с Мурком собрали войско в Сирии, и так как значительная часть средств, требовавшихся для этой кампании, была доставлена им Иродом, то они назначили его правителем всей Сирии и снабдили его пехотой и конницей. Кассий даже обещал ему, по окончании войны, назначить царем над Иудеей. Это могущество и блестящие виды Ирода навлекли гибель на его отца. Из боязни пред все более возрастающим величием этого человека, Малих подкупил одного из царских виночерпиев, чтобы тот отравил Антипатра (113 до раз. хр.). Так, среди великих дел, умер этот столь могучий человеке, которому Гиркан был обязан получением и сохранением власти — он умер во время пира жертвой злодейства Малиха [82].

5. Последний сумел смягчить негодование народа, подозревавшего его в этом отравлении, тем, что отрицал всякое свое участие в нем. Предвидя же, что Ирод не останется равнодушным, он одновременно с тем увеличил свое войско тяжеловооруженными. И действительно, Ирод немедленно появился во главе войска с целью отомстить за своего отца. Но по совету брата его, Фазаеля, поставившего ему на вид, что, в случае открытого преследования, Малих может возмутить народ, Ирод выслушал пока его оправдания, наружно сложил с него подозрение и устроил своему отцу блестящее погребение.

6. После он направился в Самарию, потрясенную тогда народными волнениями, и вновь водворил там порядок; за тем к ближайшему празднику он во главе своего тяжеловооруженного войска прибыл опять в Иерусалим. По совету Малика, боявшегося приближения Ирода, Гиркан послал ему навстречу приказ, не ввести чужестранцев в город, жители которого освящают себя для предстоящего праздника. Но Ирод, не обращая внимания ни на этот мотив, ни на лицо, от которого последовал приказ, в ночное время вступил в город. Малих опять пришел к нему и стал горько оплакивать Антипатра. Ирод тоже притворялся пред ним, хотя с трудом мог преодолеть свой гнев, но тут же донес об убийстве отца в письме к Кассию, которому Малих и без того был ненавистен. Кассий в своем ответном письме призвал Ирода отомстить за отца и одновременно с тем отдал тайное приказание своим военным трибунам оказать содействие Ироду в этом акте правосудия.

7. Лишь только Кассий покорил Лаодикею, как отовсюду стали прибывать к нему вельможи с подарками и венками. Этот момент Ирод назначил для своей мести. Малих, находившийся тогда в Тире, отгадал его намерение и решил тайно услать своего сына из Тира, где тот находился в качестве заложника, а самому бежать в Иудею. Отчаянное положение внушало ему еще более широкие планы: зная, что Кассий занят войной с Антонием, он надеялся склонить народ к отпадению от римлян, низвергнуть с легким трудом Гиркана и самому сделаться царем в Иудее.

8. Но судьба разрушила его надежды. Ирод предвидел его план и пригласил его вместе с Гирканом к себе на пир. Когда гости прибыли, Ирод призвал одного из своих слуг и отправил

его с поручением будто приготовить все к пиру, в действительности же, чтобы приказать трибунам засесть в засаду. Помня приказ Кассия, трибуны, вооруженные мечами, вышли за город к берегу. Здесь они окружили Малиха и, нанесши ему множество ран, убили его. Гиркан, объятый ужасом, без чувств упал и, с трудом придя затем в себя, спрашивал Ирода, кто убил Малиха. Когда же один из трибунов ответил: «приказ Кассия», он произнес: «в таком случае Кассий спас меня и мое отечество, ибо он устранил человека, бывшего опасным для нас обоих». Нельзя было решить: искренно ли высказался Гиркан, ила он говорил из страха, соображаясь с совершившимся фактом [83]. Но Малиху таким путем отомстил Ирод.

Глава ДВЕНАДЦАТАЯ.

(И. Д. XIV, 7-13, 2).

Фазаель побеждает Феликса, а Ирод — Антигона. — Иудеи выступают с обвинениями против Ирода и Фазаеля, но Антоний их оправдывает и возводит в тетрархи.

1. После того, как Кассий оставил Сирию, в Иерусалиме опять поднялось волнение. Феликс [84] выступил с войском против Фазаеля, чтобы наказать Ирода в лице его брата за месть, совершенную над Малихом. Ирод, который в то время находился у начальника Фабия в Дамаске, поднялся было на помощь брату; но болезнь задержала его. Между тем Фазаель сам справился с Феликсом и упрекнул тогда в неблагодарности Гиркана, который поддерживал Феликса и предоставил брату Малиха завладеть крепостями; в числе последних в руках брата Малиха находилась уже и сильнейшая из всех крепостей Масада [85].

2. Но против значительных сил Ирода он все таки устоять не мог. Ирод, как только выздоровел, отнял опять у него все крепости и, только уступая его мольбам, дал ему свободно выступить из Масады. Затем он изгнал из Галилеи Тирского тирана, Мариона, овладевшего пред тем тремя тамошними крепостями; пленных тирян он всех оставил в живых; некоторых даже отпустил с подарками на родину, расположив к себе таким образом город и возбудив в нем ненависть против тирана. Марион, хотя получил свое княжество от Кассия, разделившего всю Сирию на подобные же мелкие княжества, но из ненависти к Ироду оказывал все-таки помощь сыну Аристовула, Антигону (10, 1), — и это он делал тем охотнее, что последний посредством денег склонил также и Фабия (§ 1) содействовать ему в возвращении себе власти. Средства ко всему этому доставлял Антигону породнившийся с ним Птоломей (9, 2).

3. Выступив против этих врагов, Ирод разбил их на границе Иудеи, прогнал Антигона и, при своем возвращении в Иерусалим, был радушно встречен за эту победу. Даже те, которые раньше не были расположены к нему, стали теперь склоняться на его сторону по причине того, что он сделался родственником Гиркана. Прежде он был женат на своей соотечественнице не неблагородного происхождения, по имени Дорида [86], родившей ему сына, Антипатра; ныне же, женившись на Мариамме, дочери Александра, сына Аристовула, внучке Гиркана от дочери, он стал в родственный отношения с царем [87].

4. Когда после поражения Кассия при Филиппах, Цезарь отправился в Италию, а Антоний в Азию, тогда между другими посольствами прибывшими от разных городов к Антонию в Вифинию, явились также от иудеев знатные лица с жалобами на то, что Фазаель и Ирод насильно захватили в свои руки правление, оставив Гиркану один лишь почетный титул. Но туда явился также и Ирод, который щедрыми подарками так обворожил Антония, что он даже не пожелал выслушать его противников. Так они и вынуждены были возвратиться назад без всякого результата.

5. Но еще раз прибыли знатнейшие из иудеев, в числе 100 человек, в Дафну, возне Антиохии, к Антонию, который был уже тогда порабощен своей любовью к Клеопатре. Они выставили наиболее красноречивых и почетных из своей среды, чтобы обвинить обоих братьев. Защитником последних выступил Мессала, поддерживаемый Гирканом, как их родственником. Выслушав обе стороны, Антоний спросил Гиркана, кто из них в

действительности более способен к правлению. И когда этот признал преимущество за Иродом и его домом, он возрадовался, ибо он у их отца, во время своего пребывания в Иудее вместе с Габинием, пользовался самым широким гостеприимством [88]: он назначил братьев тетрархами [89] и передал им правление над всей Иудеей.

6. Когда посланники возроптали против этого, он приказал пятнадцать из них заключить в тюрьму, имея также в виду их казнить, а остальных он прогнал с позором. Возбуждение умов в Иерусалиме чрез это только усилилось; вновь снарядили послов и даже целую тысячу, в Тир, где Антоний остановился по пути в Иерусалим. Когда те подняли шум, Антоний выслал к ним начальника Тира с приказанием казнить всех и каждого, который только попадется ему в руки и этим самым укрепить власть назначенных им тетрархов.

7. Предварительно, однако, вышли к делегатам на берег Ирод с Гирканом и убеждали их прекратить бесполезное и неразумное сопротивление, дабы не навлечь гибель на себя и на свое отечество. Но от этих увещеваний неудовольствие возросло еще больше. Тогда Антоний послал тяжеловооруженных, которые многих умертвили и многих ранили. Гиркан позаботился о погребении павших и об уходе за ранеными. Спасавшиеся бегством все-таки не унимались: они привели еще и окрестности города в такое волнение, что Антоний в своей ярости приказал убить даже тех, которых он раньше взял в плен.

Глава ТРИНАДЦАТАЯ.

(И. Д. XIV, 13, 3).

Парфяне, при помощи которых Антигон снова возвращается в Иудею, берут в плен Гиркана и Физаеля. — Бегство Ирода, разграбление Иерусалима, судьба Фазаеля и Гиркана.

1. По истечении двух лет, когда Варцафарн, сатрап парфян, и Пакор, сын парфянского царя, владели Сирией [90], Лизаний, унаследовавший власть своего отца Птоломея, сына Менная [91], уговорил сатрапа обещанием 1000 талантов и 500 жен низложить Гиркана и возвратить правление Антигону. Подкупленный таким образом Пакор отправился сам по морскому берегу и приказал Варцафарну двинуться во внутрь страны. Из жителей побережья только тиряне не приняли Пакора в то время, когда Птоломаида и Сидон открыли перед ним ворота. Царскому виночерпию, носившему его же имя, он передал часть своей конницы с поручением вторгнуться в Иудею и там на месте собирать сведения о неприятеле и оказывать Антигону в случае надобности всяческое содействие.

2. В то время, когда парфяне, грабя на пути, проходили чрез Кармель, вокруг Антигона собралось много иудеев, готовых принять участие в нападении. Он отправил их в так называемую Дубовую рощу (Дрим) для занятия этой местности. В завязавшейся здесь битве, они отбросили назад неприятеля, преследовали его, поспешно направились затем в Иерусалим и, еще больше увеличившись в числе на пути, подступили к царскому дворцу. Гиркан и Фазаель встретили их с сильным отрядом и посреди площади завязался бой. Ирод же с своим отрядом принудил врагов к отступлению и запер их в храме под охраной 60 солдат, расположенных им в близлежавших домах. Но враждебная обоим братьям часть населения протеснилась к этим домам и сожгла их вместе с находившейся там стражей. Разъяренный этой потерей, Ирод обрушился на жителей города и многих из них умертвил: ежедневно они толпами нападали друг на друга, и было беспрестанное избиение.

3. Так как тогда приближался как раз праздник Пятидесятницы, то вся окрестность храма и город вообще наполнялись массами поселян, большею частью хорошо вооруженных. Фазаель охранял стену, Ирод с меньшими силами — царский дворец. Отсюда он делал вылазки в северную сторону против неорганизованных неприятельских полчищ, многих убивая, всех же обращая в бегство; одних он запер в городе, других в храме, а третьих загнал на огороженную со всех сторон внешнюю площадь. Тогда Антигон предложил впустить Пакора в город, в качестве посредника. Фазаель дал себя уговорить, принял парфянина с его 500 всадниками в город, пригласил его даже к себе, как гостя; хотя Пакор

явился как будто для того, чтобы уладить спор, но в действительности имел в виду оказать помощь Антигону. Так он, под видом прекращения раздора, лукаво советовал Фазаелю отправиться для переговоров к Варцафарну; тщетно предостерегал его Ирод и предлагал ему вместо того, чтобы предать себя в руки измены, лучше убить ехидного человека, так как варвары по натуре своей вероломны. Пакор вышел из города и, дабы возбудить как можно меньше подозрения, взял с собою Гиркана; у Ирода он оставил небольшое число так называемых вольных всадников, а с остальными он провожал Фазаеля.

4. Прибыв в Галилею, они застали там жителей готовыми к вооруженному восстанию. И действительно галилеяне еще раньше соединились с сатрапом и теперь, при прибытии Фазаеля и Гиркана, советовали ему под видом дружбы завлечь их в засаду! Варцафарн встретил своих гостей подарками, но по их удалении он расставил им сети. Они, однако, узнали об измене, когда их привели в прибрежный город Экдиппон [92]: здесь они услышали об обещании парфянам 1000 талантов и 500 женщин, в число которых Антигон назначил и их жен; они узнали далее, что варвары каждую ночь устраивали им засады на пути и давно уже взяли бы их в плен, если б не сочли необходимым выждать ареста Ирода в Иерусалиме для того, чтобы тот, разведавши об их участи, не принял бы мер предосторожности лично для себя. И все это нельзя было принять за простую молву — издали им виднелись уже расставленные караулы.

5. Хотя Офелий (узнавший весь этот план от Сарамаллы — тогдашнего первого богача в Сирии) настоятельно советовал Фазаелю бежать, он все-таки не согласился оставить Гиркана на произвол судьбы, а отправился сейчас к сатрапу, бросил ему в лицо укор в предательстве, а главное в том, что он решился на такое дело из-за денег, и в заключении предложил ему за свое спасение больше, чем Антигон за престол. Хитрый парфянин свалил с себя подозрение клятвами и оправданиями и поспешил к Пакору. Но вслед за этим, некоторые из оставшихся на месте парфян, получившие на то надлежащую инструкцию, взяли в плен Фазаеля и Гиркана, которые осыпали их проклятиями за их вероломство и клятвопреступление.

6. В одно и то же время посланный парфянами виночерпий усиленно хлопотал о том, как бы захватить в свои руки Ирода, для чего ему необходимо было, согласно данной ему инструкции, заманить его за городскую стену. Ирод же, с самого начала не доверявший варварам, узнал как раз, что письмо, открывавшее ему замыслы против его личности, попало в руки врагов. Он поэтому отказался выйти из города, не смотря на самое невинное, по-видимому, предложение Пакора, которое гласило: пусть только он выйдет навстречу курьеру, потому что ни враги не завладели письмом, ни самое письмо не заключает в себе известия о каких-либо коварных замыслах, а сообщает только о результатах, достигнутых Фазаелем. Случайным образом Ирод узнал из других источников о пленении его брата; к тому еще дочь Гиркана, Мариамма [93], чрезвычайно умная женщина, пришла к нему и заклинала его не трогаться с места и не доверяться варварам, злые намерения которых были уже ясны как день.

7. В то время, когда Пакор все еще обдумывал со своими советниками план тайного нападения (открыто нельзя было, конечно, схватить такого хитрого и предусмотрительного человека), Ирод предупредил их, бежав ночью, незаметно для врагов, с близкими ему людьми по направлению к Идумее. Как только узнали об этом парфяне, они пустились за ним в погоню. Тогда Ирод отправил вперед свою мать, сестру, невесту с ее матерью и самого младшего своего брата; сам же он, следуя за ними со своей дружиной, задерживал варваров, убивал многих из них при каждом столкновении и, таким образом, благополучно достиг крепости Масады.

8. Больше, чем парфяне, тревожили его, впрочем, на пути бегства иудеи, которые беспрестанно беспокоили его и на расстоянии 60 стадий от города дали ему даже довольно продолжительное сражение. На месте, где Ирод их победил и многих из них уничтожил он, в память этой победы, основал впоследствии город, который украсил великолепными

дворцами, укрепил сильным замком и назвал его по своему имени, Иродионом (21, 20). Во время его тогдашнего бегства к нему каждый день стекалось много людей [94]. Когда он прибыл в Фрессу, в Идумею, к нему навстречу вышел его брат Иосиф и советовал ему освободиться от большей части спутников, так как Масада не может вместить такое множество людей (их было свыше 9000). Ирод принял совет, отпустил тех, которые были ему больше в тягость, чем в помощь, в Идумею, снабдив их средствами для пути, и с оставленной при себе лучшей частью войска, самой отборной и преданной, благополучно прибыл в крепость. Здесь он для защиты женщин оставил 800 человек со всеми припасами на случай осады, а сам поспешно отправился в Петру, в Аравию.

9. Парфяне предались теперь в Иерусалиме грабежу; они вторгались в дома бежавших и в царский дворец, где пощадили лишь сокровища Гиркана, состоявшие впрочем, только из трех сот талантов. В общем они не нашли столь много, сколько рассчитывали, потому что Ирод, предвидев измену со стороны варваров, еще раньше препроводил свои наиболее ценные сокровища в Идумею; то же самое сделали и его приверженцы. По окончании грабежа в Иерусалиме, парфяне зашли так далеко в своем высокомерии, что, не объявляя войны, враждебно прошли чрез всю страну, опустошили город Мариссу [95] и не только возвели Антигона на престол, но и передали в его руки для расправы с ними, как военнопленников, Фазаеля и Гиркана. Последнему, павшему пред ним на колени, Антигон сам откусил уши [96] для того, чтобы он при каком-либо новом перевороте, никогда больше не мог принять сан первосвященника, ибо только беспорочные (и в физическом отношении) могут занять этот пост [97].

10. Мужественная гордость Фазаеля предупредила Антигона: не имея у себя меча и не пользуясь свободой рук, он разбил себе голову о скалу. Этой мужественной смертью, которая еще ярче осветила трусость Гиркана, он показал себя истинным братом Ирода: он избрал себе конец, достойный его подвигов при жизни. Впрочем, по поводу его кончины существует и другой рассказ. Фазаель; как говорят, только что исцелился от старой раны; но врач, присланный Антигоном будто для лечения, наполнил рану ядовитым веществом, и таким образом лишил его жизни. Верно ли одно или другое, но первый рассказ о его смерти действительно славен. Говорят еще, что он, уже испуская дух, узнав от одной женщины о счастливом бегстве Ирода, произнес: «теперь я умираю спокойно, так как я мстителя моих врагов оставляю в живых».

11. Так погиб Фазаель. А парфяне, хотя видели себя обманутыми в своих надеждах на добычу жен, к которым они были особенно похотливы, все-таки утвердили за Антигоном полную власть, а Гиркана они повели с собою пленным в Парфию (110 до разрушения храма).

Глава ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

(И. Д. XIV, 14, 1-5).

Изгнанный из Аравии Ирод спешит в Рим, где он, благодаря содействию Антония и Цезаря, назначается царем иудеев.

1. Предполагая, что брать находится еще в живых, Ирод ускорил поездку свою в Аравию и спешил получить у царя денег, чем он думал обратить жадность парфян в пользу Фазаеля. На тот случай, если араб забыл дружбу его отца и окажется на столько мелочным, что не захочет подарить ему сумму, требуемую для выкупа, он рассчитывал просить ее у него взаймы и оставить ему заложником сына пленника (с этой целью он взял с собою своего семилетнего племянника). Он был готов дать 300 талантов и хотел было воспользоваться содействием в этом деле тирян. Но решение судьбы предупредило его: Фазаель был мертв, и братская любовь Ирода бесполезна. К тому ему пришлось убедиться, что и старая дружба арабов больше не существует. Их царь Малих [98] послал даже ему чрез гонцов навстречу приказ очистить страну; предлогом ему служило то, будто парфяне потребовали от него

изгнания Ирода из Аравии; но в сущности Малихом руководил простой расчет сохранить в целости то, что он должен был Антипатру и избегнуть такого положения, при котором он был бы вынужден за подарки отца платить тем же находящимся в нужде его сыновьям. На этот бесчестный поступок подстрекали его люди, которые наравне с ним нашли более удобным утаить деньги, подаренный Антипатром, — и те люди были именно сильнейшие при дворе.

2. Ирод увидел, что вследствие тех же причин, по которым он надеялся встретить в арабах лучших друзей, они сделались его врагами; ответив курьерам то, что подсказало ему его наболевшее сердце, он направился в Египет. В первый вечер он отдохнул в одном деревенском храме, где он вновь встретился с оставленной им свитой. На следующий день, по его прибытии в Ринокоруру, ему было доложено о кончине брата. Пораженный столь страшным горем, но освобожденный за то от забот, поглощавших его в последние дни, он продолжал свой путь. Араб между тем одумался и поспешно отправил гонцов, которые должны были воротить назад обиженного. Но уже было поздно: Ирод был уже впереди и прибыл в Пелузий (9, 4). Находившиеся здесь в гавани шкипера хотели отказать ему в переезде; он обратился поэтому к тамошним судьям, которые, во внимание к его громкому имени и высокому положению, доставили ему возможность продолжать свой путь до Александрии. Прибыв в этот город, он встретил блестящий прием со стороны Клеопатры, надеявшейся приобресть в нем полководца для начатой ею войны. Но он отклонил предложение царицы и, не боясь ни суровой зимней погоды, ни беспорядков в Италии, поплыл в Рим.

3. У памфилийского берега он подвергся такой опасности, что большая часть груза должна была быть выброшена за борта; с большим трудом он спасся в Родос, крайне истощившийся в войне с Кассием. Здесь он был принят своими друзьями Птоломеем и Саппинием и, терпя хотя нужду в деньгах, выстроил трехвесельное судно высшего калибра, на котором он вместе со своими друзьями отплыл в Брентесион [99]. Отсюда он поспешил в Рим и, полагаясь на отцовскую дружбу, предстал прежде всего пред Антонием, рассказал ему о несчастии, постигшем его и все его семейство, и как он, оставив самых близких ему людей в осажденной крепости, сам в бурное время года отправился к нему искать помощи.

4. Такая превратность судьбы вызвала сострадание в Антонии. Вспоминая с благодарностью гостеприимство, оказанное ему Антипатром и принимая главным образом во внимание дарования Ирода, он тут же порешил того, которого он раньше произвел в тетрархи, назначить теперь царем иудеев (109 до раз. хр.). В одинаковой мере, как благосклонность к Ироду, повлияло на это решение враждебное чувство против Антигона, в котором он усмотрел бунтовщика и врага римлян. Цезарь шел ему навстречу своим согласием: он живо припоминал египетский поход, совершенный Антипатром вместе с его отцом [100], его гостепреимство, равно как его всестороне-испытанную преданность и благонамеренность; с другой стороны он признавал также энергичную и мощную натуру Ирода. Вследствие этого он созвал сенат, которому Мессала [101], а за ним Атратин представляли Ирода, изображали заслуги его отца и личную его преданность римлянам; рядом же с ним они Антигона выставили, как врага римлян, не только на основании прежних его действий, но и потому также, что, обойдя римлян, он принял корону из рук парфян. Уже это одно произвело впечатление на сенат; но после, когда выступил еще Антоний и разъяснил, насколько восшествие Ирода на престол будет полезно для войны с парфянами [102], тогда все согласились. По окончании заседания, Ирод вышел из сената, имея с одной стороны Антония и с другой — Октавиана [103]. Консулы и другие государственные сановники провожали их для приношения жертвы богам и возложения сенатского решения на Капитолий. В первый же день назначения Ирода царем, Антоний дал в честь его торжественный обед.

Глава ПЯТНАДЦАТАЯ.

(И. Д. XIV, 14, 6-15, 3).

*Антигон осаждает запертых в Массаде, которых возвратившийся**из** Рима Ирод освобождает. — Отправляясь вслед за тем в Иерусалим, он там застает подкупленного Антигоном Силона.*

1. Антигон в это время осаждал оставшихся в Массаде, которые, хотя были в изобилии снабжены всеми съестными припасами, но терпели недостаток в воде. По этой причине Иосиф, брат Ирода, хотел бежать с 200 из своих людей к арабам, так как он слышал, что Малих раскаивается в своем неучтивом обращении с Иродом. И он действительно покинул бы цитадель, если б как раз в ночь, назначенную для бегства, не выпал сильный дождь; теперь цистерны вновь наполнились водою, и в бегстве больше не представлялось надобности; теперь, напротив, они делали вылазки против Антигона и частью в открытых, рукопашных схватках, частью посредством засады лишали его многих людей. Не всегда, однако, дело шло так хорошо: случалось нередко, что они сами возвращались назад с уроном.

2. Между тем римский полководец Вентидий, посланный для изгнания парфян из Сирии [104], по уходе последних прибыл в Иудею (109 до раз. хр.). Явившись под предлогом выручать Иосифа из осады, с действительной же целью для того, чтобы наложить контрибуцию на Антигона, он раскинул свой лагерь вблизи Иерусалима, но как только был насыщен деньгами, он сам с большей частью войска отступил и оставил на месте один только отряд под начальством Силона, дабы полное отступление не разоблачало корыстной цели его прихода. Антигон надеялся еще, что парфяне опять придут ему на помощь; тем не менее он поддерживал сношения с Силоном, чтобы сделать его безвредным для своих целей.

3. Но уже Ирод возвратился из Италии и высадился в Птоломаиду (весною 109 до раз. хр.); набрав внушительное войско из иностранцев и туземцев, он быстро двинулся оттуда чрез Галилею против Антигона. Его поддерживали Вентидий и Силон, которых посланный Антонием Деллий упросил помочь Ироду в его предприятии. Вентидий был тогда занят усмирением волнений, возбужденных в разных городах парфянами, а Силон, подкупленный Антигоном оставался в Иудее. Ирод, впрочем, вовсе не нуждался в подкреплении: войско его с каждым днем увеличивалось на пути, и вся Галилея, за немногими исключениями, пристала к нему. Первой и неотложный задачей Ирода было взятие Массады и освобождение его родных из осады. Одна Иоппия [105] стояла ему камнем преткновения на пути: этот враждебный ему город он должен был взять непременно для того, чтобы, подвигаясь дальше к Иерусалиму, не оставить в тылу крепость в руках врагов. Силон с удовольствием примкнул к нему, найдя, наконец, повод к выступлению. Когда же иудеи начали преследовать его сзади, Ирод бросился на них с легким отрядом, быстро рассеял их и спас таким образом Силона, который плохо защищался.

4. После взятия Иоппии он поспешил к Массаде для освобождения своего семейства. Добрая память о его отце, его личная слава, признательность за оказанные ими обоими благодеяния — все это привлекало к нему местных жителей, но большая часть людей присоединялась к нему, вследствие сложившегося у них убеждения в том, что престол достанется Ироду; таким образом вокруг него образовалось отборное войско. Антигон, хотя преследовал его, устраивая засады в удобных местах, но вреда он не причинял ему никакого, или самый незначительный. Как только Ирод освободил своих людей из Массады, что ему удалось очень легко, и взял крепость Рессу [106], он двинулся к Иерусалиму. Войско Силона и многие из жителей города из страха пред его силами примкнули к нему.

5. Едва Ирод раскинул свой лагерь на западной стороне города, как расставленные там караулы стали отражать его войско стрелами и дротиками; другие делали вылазки толпами и схватывались с передовыми постами. Тогда Ирод прежде всего послал герольдов к городской стене объявить во всеуслышание, что он явился для блага народа и спасения города, что он даже не думает мстить врагам, а напротив самых отъявленных противников готов простить. Но партия Антигона приводила с своей стороны возражения [107] и не допускала никого ни

перейти к Ироду, ни даже выслушать его глашатаев. Антигон даже приказал оттолкнуть врагов от стены; и быстро они были прогнаны стрелами, посыпавшимся на них из башен.

6. Тут и Силон явно показал, что он подкуплен. По его подстрекательству солдаты начали громко жаловаться на недостаток провианта, требовать денег на содержание и хороших зимних квартир, так как окрестности города были совершенно опустошены солдатами Антигона. Опираясь затем на эти требования, Силон стал уже готовиться к отступлению. Но Ирод обратился к его офицерам и солдатам вообще и стал их упрашивать не оставить его одного, так как он послан сюда Октавианом, Антонием и сенатом; что же касается их жалоб на недостаток провианта, то он готов их сейчас же удовлетворить. И действительно, в тот же день он сделал набег на окрестные селения и доставил им оттуда такой богатый запас съестных продуктов, что этим отнял у Силона всякий предлог к отступлению. Чтобы и на будущее время солдаты не терпели недостатка, он поручил самарянам, столица которых была на его стороне, доставлять в Иерихон хлеба в зерне, вина, масла и убойного скота. Антигон, узнав об этом, разослал партизанские отряды по всем направлениям с целью задержать подвозы и отрезать их от лагеря. Возле самого Иерихона собралась также большая масса тяжеловооруженных, которые расположились на горах для выслеживания провиантских обозов. Но и Ирод не бездействовал: он появился пред Иерихоном с десятью отрядами, (пять римских и пять иудейских с разноплеменными наемниками) и кроме того еще с немногими всадниками. Город оказался покинутым его жителями; только в крепости нашли 500 человек с их женами и детьми. Он взял их в плен, но сейчас же отпустил их опять на свободу; в остальные части города ворвались римляне и ограбили дома, оказавшиеся переполненными разными богатствами. Царь оставил в Иерихоне гарнизон и возвратился назад; римское войско он отправил на зимние квартиры в перешедшие на его сторону города Идумеи, Галилеи и Самарии. И Антигону, вследствие подкупа Силона, предоставлено было часть войска принять на квартиры в Лидду [108], чем он хотел зарекомендовать себя пред Антонием [109].

Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ.

(И. Д. XIV, 15, 4-9).

Ирод берет Сепфорис и заставляет сдаться ему спрятавшихся в пещерах разбойников. — Затем он наказывает враждебного ему Махера и отправляется к Антонию во Самосату.

1. Римляне во время перерыва войны предались блаженному отдыху; только Ирод не отдыхал; своему брату Иосифу он дал 2000 пеших и 400 конных солдата, поручил ему занять Идумею для того, чтобы партия Антигона не произвела там восстания. Сам же он, доставив свою мать и остальных освобожденных из Массады родственников в безопасное место в Самарию, отправился в Галилею для покорения оставшихся еще вне его власти городов и изгнания оттуда гарнизонов Антигона.

2. Сепфориса [110] он достиг в сильную вьюгу и взял этот город без труда, так как при его приближении гарнизон бежал оттуда. Здесь он дал своим солдатам отдохнуть после перенесенной непогоды (жизненных продуктов найдено в городе в большом запасе) и выступил против разбойников в пещерах, которые своими частыми набегами сделались для жителей страны таким же страшным бичом, как и настоящая война. Три отряда пехоты и один эскадрон конницы царь отправил вперед к деревне Арбеле [111], а сорок дней спустя, он выступил сам с остатком войска. Неприятели, однако, не устрашились его наступления, а встретили его с оружием в руках, ибо они обладали опытностью воинов и смелостью разбойников. В начале сражения они своим правым крылом заставили левое крыло Ирода поддаться назад. Но быстрым поворотом своего правого крыла Ирод пришел на помощь своим, остановил бегущих и, устремившись навстречу преследовавшему неприятелю, остановил его жаркое нападение до тех пор, пока неприятель, во избежание решительного боя строем против строя, не обратился в бегство.

3. Он их преследовал до Иордана под безостановочной резней и значительную часть их уничтожил; уцелевшие остатки рассеялись по ту сторону реки. Галилея таким образом избавилась от этого бича; остались еще те, которые скрывались в пещерах, и для начала борьбы с ними потребовался продолжительный отдых для войска. Вследствие этого, он, наградив солдат за трудности похода (каждый солдат получил 150 серебряных драхм, а командиры были наделены еще более щедрыми подарками), отпустил их на зимние квартиры. Самому младшему брату своему, Ферору, он поручил обеспечить их содержание, а также укрепить Александрион; и то и другое им было исполнено.

4. В это время Антоний находился в Афинах. Вентидий же призвал Силона и Ирода к войне против парфян (108 до раз. хр.) с тем, однако, условием, чтобы раньше восстановить порядок в Иудее. Ирод охотно предоставил Силону уйти к Вентидию, а сам выступил против разбойников в пещерах. Эти пещеры, находясь в отлогих горах, были неприступны ни с какой стороны: только очень узкие, извилистые тропинки вели вверх к ним, а скалы, на которых находились их отверстия, отвесно ниспадали вниз в зияющие пропасти [112]. Эта недоступная местность делала царя долгое время беспомощным. Но, наконец, он придумал чрезвычайно опасное средство. Он приказал сильнейших своих воинов опускать вниз в ящиках на канатах для того, чтобы они могли проникать в отверстия; здесь они рубили разбойников вместе с их семействами и бросали пылающие головни в тех, которые сопротивлялись. Охотно бы Ирод захватил в свои руки некоторых из них живыми, он с этой целью предложил им через герольда самим выйти к нему. Но никто не сдавался добровольно и даже из побежденных многие предпочитали смерть плену. Один старик, отец семерых детей, следующим образом убил последних вместе с их матерью за то, что они, доверяясь царским обещаниям, упрашивали его выйти из пещеры. Он стал у входа пещеры, приказал им выходить по одиночке и заколол каждого отдельно появлявшегося сына. Ирод, потрясенный этой сценой, за которой он издали наблюдал, простирал свою правую руку к старику и умолял его пощадить своих собственных детей. Но старик и слышать его не хотел: резкой бранью он напомнил Ироду о его низком происхождении [113], умертвил еще свою жену над трупами детей и, швырнув их вниз по отвесной стене, сам вслед за ними бросился в бездну.

5. Таким образом Ирод овладел пещерами и их обитателями. После этого он часть войска, казавшуюся ему достаточной для подавления могущих возникнуть волнений, оставил под предводительством Птоломея, а сам с 3000 тяжеловооруженных и 600 всадников отправился в Самарию против Антигона. Его отъезд опять ободрил виновников обычных беспорядков в Галилее; в неожиданном нападении они умертвили полководца Птоломея, опустошили страну и ушли в болота и другие малодоступные местности. Извещенный о восстании Ирод быстро явился на помощь, истребил огромную массу зачинщиков, освободил все осажденные крепости и взыскал с своих врагов, в наказание за поднятое ими восстание, 100 талантов.

6. После того, как парфяне были изгнаны из страны и Пакор был убит (108 до раз. хр.), Вентидий, по приказанию Антония, послал Ироду 1000 всадников и два легиона в помощь против Антигона. К начальнику этого войска, Махеру, Антигон письменно обратился с просьбою перейти на его сторону; обещая ему за это деньги, он вместе с тем жаловался ему на насильственный образ действия Ирода и на его презрительное отношение к царской фамилии. Махер не мог, однако, игнорировать того, который его послал, к тому же Ирод платил еще лучше. Он поэтому не склонялся на измену, но заигрывал в дружбу с Антигоном и вопреки предостережению Ирода отправился выведать положение первого. Антигон же проник его намерение, запер пред ним город и оборонялся против него со стен города, как против врага, пока Махер не был принужден возвратиться назад к Ироду в Аммаус. Раздраженный неудачным исходом своего предприятия, он истреблял всех попадавшихся ему на пути иудеев, не щадя также и иродианцев, а поступая со всеми, как со сторонниками Антигона.

7. Такое поведение Махера до того ожесточило Ирода, что он готов был поднять против него оружие и мстить ему, как врагу; но он все-таки поборол свой гнев и отправился к Антонию жаловаться на преступные действия Мазера. Последний же, сознав свою ошибку, поспешил вслед за царем и горячими просьбами вымолил у него прощения. От поездки к Антонию Ирод все-таки не отказался, а напротив, узнав, что Антоний с сильной армией ведет атаку на Самосату [114] (сильный город на Евфрате), он еще больше ускорил свой путь, так как здесь ему представился удобный случай показать свою храбрость и этим еще больше обязать Антония. И действительно, его прибытие положило конец осаде 2: он истребил много варваров и собрал много добычи. Антоний, давний обожатель его храбрости, сделался им теперь еще в более высокой степени; к прежним знакам отличия он прибавил ему еще новые и укрепил его надежда на престол. Царь Антиох [115] должен был, однако, сдать Самосату.

Глава СЕМНАДЦАТАЯ.

(И. Д. XIV. 15, 4-9).

Иосиф, брат Ирода, убит, — Казнь убийцы. — Ирод осаждает Иерусалим и женится на Мариамме.

1. Между тем дело Ирода в самой Иудее потерпело чувствительный удар. Он оставил здесь командующим над войсками своего брата Иосифа и дал ему инструкцию до его возвращения не затевать никаких враждебных действий против Антигона, так как на Махера, судя по его прежнему поведению, нельзя было рассчитывать, как на надежного союзника. Но как только Ирод удалился, Иосиф, не стесняясь его инструкциями, с пятью добавочными манипулами, полученными от Махера, двинулся к Иерихо, чтобы грабить с тамошних полей вполне уже созревший хлеб. В горах и непроходимых местах он был настигнут неприятелем. После храброго сопротивления Иосиф сам пал в этой битве и вместе с ним погиб весь римский корпус; последний состоял из новичков, недавно набранных в Сирии, и им не был дан ни один из римлян, из так называемых ветеранов, которые могли бы поддержать неопытных воинов.

2. Антигон, не удовлетворяясь одной победой, так далеко зашел в своем ожесточении, что наглумился даже над трупом Иосифа: он велел собрать павших, а Иосифу отрезать голову, хотя брать убитого, Ферор, предлагал ему 50 талантов выкупа. После этой победы Антигона в Галилее опять поднялось бурное восстание, которое на этот раз достигло ужасающих размеров: назначенные Иродом сановники были проволочены приверженцами Антигона к морю и там утоплены. И в Идумее, где Махер вновь укрепил замок Гитру, многое также переменилось. Обо всем этом Ирод ничего еще не знал. После взятия Самосаты Антоний назначил правителем Сирии Созия и поручил ему поддержать Ирода в борьбе с Антигоном. Он сам возвратился опять в Египет; Созий же выслал вперед два легиона в Иудею для Ирода и с остальной своей армией последовал за ними.

3. В Дафне, возле Антиохии (12, 6), где Ирод остановился по дороге в Иудею, явные сновидения прямо предвещали ему смерть брата. Очнувшись однажды после такого мучительного сна, он к ужасу своему увидел пред собою зловещих гонцов. Только недолго он плакал над этим несчастьем, скорее даже гнал от себя скорбь и поспешил против врага. Он ехал с невероятной быстротой и, прибыв в Ливан, принял к себе на службу 800 тамошних жителей; там же с ним соединился один легион римлян. Не выждав ни одного дня, он вторгся с ними в Галилею и ставших против него врагов отбросил назад. Вслед за тем он немедля приступил к осаждению крепости; но прежде чем успел овладеть ею, он, вследствие наставшей сильной бури, был вынужден перейти в соседние деревни. Чрез несколько дней прибыл к нему второй легион, присланный Антонием; тогда неприятель в страхе пред превосходством его сил в ночное время сам очистил крепость.

4. После этого он поспешил чрез Иерихон, чтобы как можно скорее отмстить убийцам его брата. Здесь он пережил чудесное знамение, которое прославило его, как особенного

любимца божества. В тот вечер у него пировали многие знатные лица. Как только пир окончился и гости разошлись, дом, в котором они все находились, вдруг рухнул. Этот удивительный случай послужил Ироду знаком, предвещающим опасности, но также и спасение в предстоящей войне. Утренней зарей он выступил в поход. Около 6000 неприятелей бросились вниз с гор и беспокоили его авангард, и если они не осмеливались вступать в рукопашную с римлянами, то издали они все-таки бросали в них камни и дротики, которыми многих ранили. Сам Ирод, проехав верхом, также был задет дротиком в бок.

5. Желая показать, будто его люди превосходят не только отвагой, но и количеством, Антигон послал одного из своих друзей, Паппу, во главе отряда в Самарию. Они должны были померяться с Махером. Ирод же между тем прорезал враждебную ему страну, разрушил на пути пять небольших городов, убил 2 000 из числа жителей и, предав огню их жилища, возвратился к себе в лагерь, который был разбита возле селения Каны.

6. Каждый день к нему стекались массы иудеев из разных сторон и даже из Иерихона, одни, увлеченные его подвигами, другие — из ненависти к Антигону; большинство, однако, толкало смутное стремление к государственному перевороту, в котором они сами не могли дать себе отчета. Ирод торопился к бою; люди Паппы также шли ему бодро навстречу, не страшась ни численного превосходства врага, ни его жажды брани. Но ряды неприятеля не долго держались в том сражении (107 до раз. хр.). Ирод в пылу гнева за убийство брата, ставя свою жизнь на карту, как будто он должен был здесь наказать виновников этого убийства, быстро опрокинул сопротивлявшихся ему врагов, бросился затем на остальных, которые еще не уступали поля битвы, всех обратил в бегство и погнался вслед за ними. Кровь лилась потоками: задние ряды преследуемых, будучи местами оттеснены назад передовыми, попадали прямо в руки Ирода и падали бесчисленными массами. Он вместе с неприятелями втиснулся в деревню, где все дома были битком набиты тяжеловооруженными, да и крыши на верху были покрыты защитниками. Едва только были преодолены стоявшие извне, как он стал ломать дома, дабы вынудить находившихся внутри к выходу. Так они целыми кучами были похоронены живыми под крышами. Спасавшиеся из-под развалин падали под мечом солдат, и груды трупов до того росли, что загромождали собою дорогу победителям. Такую огромную потерю людей не мог перенесть неприятель; если б ему даже удалось собраться и вновь сомкнуться в ряды, то один вид павших обратил бы его опять в беспорядочное бегство. Поощренный этой победой, Ирод тотчас бы поспешил в Иерусалим, если б ему не препятствовала чересчур суровая зима. Полное торжество Ирода и окончательное падение Антигона, который носился уже с мыслью об оставлении города, задержано было только этим обстоятельством.

7. Под вечер когда Ирод отпустил уже своих утомленных друзей на отдых, он, по солдатскому обычаю, разгоряченный еще от боя, отправился в баню. Его провожал один только слуга. Не успел он еще войти в помещение бани, как мимо него пробежал неприятельский солдат, вооруженный мечом, за этим появился другой, третий и сейчас за ними еще некоторые. Они спаслись от побоища в эту баню вооруженными и объятые ужасом лежали здесь спрятанными; вид царя вывел их из оцепенения: трепеща от страха они пробежали мимо него безоружного, ища глазами выходных дверей. Случайно здесь не было никого, который мог бы их задержать, а Ирод был уже рад тому, что так счастливо отделался. Таким образом они все разбежались.

8. На следующий день он приказал отрубить голову полководцу Антигона, Паппу, павшему в битве, и послал эту голову своему брату Ферору, как искупительную жертву за их убитого брата, ибо Паппа был именно тот, который лишил жизни Иосифа (§ 2). Лишь только зима ослабла, Ирод двинулся к Иерусалиму (107 до раз. хр.), повел войско до городских стен и как раз при окончании третьего года своего назначения в Риме царем, расположился лагерем против храма. С этой стороны именно город был доступен, с этой стороны он раньше был взят Помпеем. Распределив работы между войском и вырубив растительность

ближайших окрестностей города, он велел сделать три вала и возвести на них башни. Для этих работ он оставил на месте самых способных и надежных людей, а сам отправился в Самарию, чтобы отпраздновать свой брак с дочерью Александра, сына Аристовула, с которой, как выше было сказано (12, 3), он был помолвлен. Так он свою женитьбу превратил в эпизод иерусалимской осады, ибо давно уже он начал презирать своих врагов.

9. По окончании свадебного торжества он возвратился в Иерусалим с еще более значительной армией, так как и Созий примкнул к нему с сильным войском, состоявшим из конницы и пехоты. Вся соединенная армия, около одиннадцати легионов [117] пехоты и шести тысяч конницы (не считая огромного числа союзников из Сирии) расположилась лагерем близ северной стены города. Сам Ирод опирался на заключение римского сената, которым он был назначен царем (14, 4), а Созий на Антония, который все войско, находившееся под его командой, предоставил к услугам Ирода.

Глава ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

(И. Д. XIV, 16, 2. XV, 4, 1-3).

Взятие Иерусалима Иродом и Созием. — Смерть Антигона. — Отношения Ирода к Клеопатре.

1. Население осажденного города переживало самые разнообразные волнения. Слабые толпились вокруг храма и почитали счастливым и блаженным того, который в то же время умирал; более смелые, образовавшие шайки, занимались разбоем и особенно усердно грабили окрестности города, так как чувствовалась нужда в жизненных припасах для лошадей и людей; [118] лучшая дисциплинированная часть ратного люда отдавалась защите осажденных: они отгоняли от стен строителей шанцев и каждый раз изобретали новые защитительные средства против осадных орудий. Но ни в чем они так бойко не превосходили врагов, как в проведении мин.

2. Для прекращения разбойничьих вылазок царь прибег к засадам, которыми действительно положил им конец; для пополнения недостатка в съестных припасах, он организовал подвоз продуктов из более отдаленных местностей. Военная опытность римлян давала ему некоторый перевес над иудеями, но в смелости он их не мог превзойти. В открытом поле они, хотя не дрались с римлянами, так как тут они видели пред собою верную смерть, но чрез свои подземные ходы они внезапно появились в их среде, и прежде чем те успевали разрушить одну часть стены, они возводили другую. Короче говоря, ни руки у них не уставали, ни их творческая сила не исчерпывалась, они были готовы на самое крайнее сопротивление. Не смотря на чудовищные силы осадного войска, они выдержали осаду в течение пяти месяцев, пока наконец, некоторые избранные воины Ирода не собрались духом и не взлезли на стену; вслед уже за ними вторглись в город центурионы [119] Созия. Прежде всего было взято место храма. Когда войско ворвалось, началась везде страшная резня, ибо римляне были ожесточены долгой продолжительностью осады, а преданные Ироду иудеи ревностно старались не оставить в живых никого из противной партии. Целые толпы были уничтожены в тесных улицах, в домах, где они были стиснуты и на пути бегства в храм; не было сострадания ни к бессловесным малюткам, ни к старцам, ни к беззащитным женщинам. Хотя царь разослал людей и призывал к пощаде, но ни один солдат не остановился; как бешеные они неистовствовали против всякого возраста. Тут и Антигон, забыв свой прежний сан и настоящее положение, вышел из своего замка и припал к ногам Созия. Не тронутый такою превратностью судьбы, Созий разразился неудержимым хохотом и назвал его Антигоной. Однако он не отпустил его, как женщину, а, напротив, приказал заключить его в кандалы и приставить к нему стражу.

3. Ирод, который превозмог своих врагов, должен был теперь позаботиться о том, чтобы обуздать своих иностранных союзников, потому что чужеземцы массами устремились в храм с целью рассмотреть его святыни. Просьбами, угрозами, а отчасти даже силой оружия царь

оттеснял их назад; он слишком хорошо понимал, что его победа превратится в самое гибельное поражение, если они узрят кое-что из того, что должно остаться скрытым от человеческих глаз [120]. Вместе с тем он должен был позаботиться теперь о прекращении грабежа в городе. Он настоятельно спрашивал Созия: намерены ли римляне прежде опустошить город, очистить его совершенно от денег и людей, а затем уже оставить его царствовать над пустыней? За такую массу пролитой крови граждане и владычество над всем миром казалось ему недостаточным возмездием. Когда же Созий возразил, что поневоле приходится предоставить солдатам грабить город, как награду за трудности осады, то он вызвался наградить всех из своей собственной казны. Этим он хотел выкупить все, что еще уцелело в его столице, и тотчас же исполнил свое обещание. Он блестяще вознаградил каждого солдата, предводителей — в соответствующем размере, но самого Созия, действительно, по-царски. Никто не покинул Иерусалима без денег. Созий посвятил божеству золотой венок и выступил из Иерусалима, повезши с собою Антигона скованным в цепях для Антония. Топор, как он того заслужил [121], положил конец его жизни, которую он до последнего мгновения провел в тщеславных надеждах (107 до раз. хр.) [122].

4. Царь Ирод предпринял теперь чистку иерусалимского населения. Своих единомышленников он еще больше привязал к себе пожалованием им почетных должностей; приверженцев же Антигона он приказал казнить. Вследствие недостатка в наличных деньгах, он все свои драгоценности перечеканил в монеты и послал их Антонию и его приближенным [123]. Этим одним он все-таки не мог купить себе продолжительный покой, потому что Антоний давно уже страдал любовью к Клеопатре и всецело был порабощен своей страстью. После того, как Клеопатра покончила с собственным своим, семейством, и никто больше не остался из ее кровных родственников, она обратила свою кровожадность на чужие страны. Интригами и клеветой против сирийских князей она старалась склонить Антония на их казнь, надеясь тем скорее унаследовать их владения. Она уже бросала жадные взоры также на Иудею и Аравию и исподтишка принимала меры к низвержению правителей обеих этих стран, Ирода и Малиха (14, 1).

5. До этих пор Антоний беспрекословно исполнял все ее требования; но убийство храбрых людей и выдающихся царей он считал преступлением. За то он уклонялся от близкой дружбы с ними и отнял у них для Клеопатры обширные местности. Так были отняты и уступлены Клеопатре пальмовый лес возле Иерихона, где добывается бальзам (IV, 8, 2, 3), и все города, лежавшие по ту сторону реки Элевтера [124], за исключением Тира и Сидона. Сделавшись владетельницей этих последних, она провожала Антония в его походе против парфян до Евфрата и прибыла чрез Апамею (10, 10) и Дамаск в Иудею. Богатыми подарками Ирод смягчил ее враждебное расположение и снял у нее в аренду оторванные от его царства владения за 200 талантов в год, после чего он со всевозможными почестями провожал ее до Пелузия. Недолго спустя (104 до раз хр.) появился Антоний из парфянского похода и вез с собою пленным сына Тиграна, Артабаза, как подарок Клеопатре, так что вместе со всеми сокровищами и всей добычей ей предоставлен был также парфянин [125].

Глава ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

(И. Д. XV, 5).

Антоний, уступая требованию Клеопатры, отправляет Ирода войной против арабов, над которыми он после многих усилий наконец одерживает победу — Большое землетрясение.

1 В начале войны при Акциуме Ирод вместе с Антонием приготовлялись к походу, [126] так как теперь волнения в Иудее были вообще подавлены и даже Гиркания (8, 2), где до тех пор держалась еще сестра Антигона, была также в его руках. Клеопатра сумела, однако, помешать Ироду разделять опасности войны вместе с Антонием. Она, как уже было замечено, имела свои корыстные виды на Ирода и аравийского царя, а потому она уговорила Антония поручить Ироду войну с аравитянами [127], рассчитывая на то, что если Ирод победит, она

получит Аравию, а если он потерпит поражение, ей достанется Иудея, и таким образом она одному из этих двух владетелей приготовит гибель чрез другого.

2. Дело кончилось, однако, к выгоде Ирода. Сперва он взял у них заложников, а затем напал на них у Диосполиса с собранным им большим отрядом конницы и выиграл сражение, не смотря на храброе сопротивление врага. Это поражение вызвало сильное волнение среди арабов: они собрались опять в больших силах у Канафы [128] в Келесирии и ожидали здесь иудеев. Прибыв туда с своим войском, Ирод намеревался вести войну со всею осторожностью и приказал прежде всего устроить укрепленный лагерь. Но солдаты его не хотели повиноваться. Поощренные первой победой, они ударили на арабов и при первом наступлении обратили их в бегство. Но при преследовании неприятеля Ироду подставлена была ловушка: Афенион, один из полководцев Клеопатры, его всегдашний враг, велел жителям Канафы напасть на него с тыла; это неожиданное нападение возвратило также бодрость арабам: они обернулись лицом, выстроились опять в ряды и на неудобопроходимой, усеянной камнями равнине обратили войско Ирода в бегство и произвели здесь страшное побоище. Спасшиеся от смерти в сражении бежали в Ормизу; но и там они были застигнуты арабами, оцепившими их со всех сторон, и вместе со своим лагерем попали в их руки.

3. Ирод, хотя скоро после этого поражения и поспешил к ним на помощь со своими отрядами, но было уже поздно. Только неповиновение офицеров причинило ему эту неудачу: если бой не начался бы так поспешно, тогда Афенион не нашел бы случая для измены. Впрочем, арабам приходилось горько расплачиваться за свою однократную победу, ибо Ирод мстил им частыми опустошительными набегами на их владения. Но в то время, когда он мстил своим врагам, его постигло на седьмом году его царствования (101 до разр. хр.), в самом разгаре войны при Акциуме, другое, высшей рукой ниспосланное несчастье. Это было землетрясение, произошедшее в начале весны, погубившее бесчисленное множество скота и тридцать тысяч человек [129]; одно только войско осталось невредимым, благодаря тому, что оно стояло лагерем в открытом поле. Молва, всегда преувеличивающая ужасы всякого бедствия и кричавшая чуть ли не о повальном опустошении всей Иудеи, подняла на ноги арабов; им казалось, что они легко овладеют теперь безлюдной страной, и с этой целью вторглись в последнюю, умертвив предварительно прибывших тогда к ним иудейских послов. Это вторжение навело панику на народ: удрученный бедствиями, обрушившимися на него одно за другим, он потерял всякое самообладание. Ирод поэтому назначил народное собрание и следующей речью пытался воодушевить его на сопротивление.

4. «Страх, охвативший всех вас, кажется мне далеко неосновательным. Что кары небес повергли вас в уныние — было естественно, но если человеческие гонения производят то же самое действие, так это обличает отсутствие мужества. Я так далек от мысли после землетрясения бояться неприятеля, что, напротив, более склонен верить, что Бог хотел этим бросить арабам приманку, дабы дать нам возможность мстить им. Ведь они напали на нас, надеясь не столько на собственные свои руки в оружие, сколько на те случайные бедствия, которые нас постигли. Но та надежда обманчива, которая опирается не на собственные силы, а на чужое несчастье, потому что несчастье или счастье не представляет собою нечто устойчивое в жизни; напротив, счастье колеблется туда и назад. Это вы можете видеть из имеющихся пред нами свежих примеров. Нас, победителей в предыдущих битвах, неприятель теперь победил и, по всем вероятиям, он, убаюканный мыслью о победе, теперь уже потерпеть поражение; ибо слишком большая самоуверенность ведет к неосторожности, боязнь же учит быть предусмотрительным; оттуда и бодрость духа, которая внушается мне вашей боязливостью. Когда вы были чересчур смелы и напали на неприятеля против моего желания, Афенион получил возможность осуществить свою измену. Но нынешняя ваша робость и кажущееся малодушие гарантируют мне победу. Оставайтесь в этом настроении вплоть до начала боя; но в самом сражении вы должны возгореться всем пылом вашего мужества и показать этому безбожному племени, что никакое несчастье, будь оно от Бога

или от людей, не в состоянии сокрушить храбрость иудеев, пока еще искорка жизни тлеет в них, и что никто из вас не даст тем арабам, которых вы так часто чуть ли не пленными уводили с поля сражения, сделаться господами над вашим имуществом. Не поддавайтесь только влиянию безжизненной природы и не смотрите на землетрясение, как на предвестника дальнейших бедствий! То, что происходит в стихиях, совершается по законам природы и, кроме присущего им вреда, оно ничего больше не приносят человеку. Голод, мор и землетрясение еще могут быть предвещаемы менее важными знамениями; но сами эти бедствия имеют свои собственные ужасы своим пределом, ибо какой еще больший вред может нам нанесть самый победоносный враг, чем тот, который мы уже потерпели от землетрясения? С другой стороны, неприятель получил великое предзнаменование своего поражения — знамение, данное ему ни природой, ни другой какой-либо силой: они, против всех человеческих законов, жестоким образом умертвили наших послов и такие жертвы посвятили божеству за исход войны! Да, они не уйдут от великого ока Божья и не избегнут Его победной десницы. Они немедленно должны будут дать нам удовлетворение, если только в нас еще живет дух наших предков и если мы подымимся на месть изменникам. Пусть каждый идет в бой не за свою жену и детей, даже не за угрожаемое отечество, а в отмщение за убитых послов. Они лучше, чем мы живые, будут направлять войну. Я, если вы будете лучше чем прежде повиноваться мне, буду предшествовать вам в опасности! Вы знаете хорошо, что ваша храбрость непоборива, если сами не повредите себе необдуманной поспешностью» [130].

5. По окончании этой ободряющей речи, заметив одушевление солдат, Ирод совершил жертвоприношение и перешел со своим войском чрез Иордан. Возле Филадельфии (2, 4), невдалеке от неприятеля, он разбил лагерь и начал подстреливать неприятеля с целью выиграть находившуюся по средине поля крепость, а за тем по возможности скорее дать ему настоящее сражение. Арабы также выдвинули вперед часть войска для занятия укрепления. Но царские отряды быстро отбросили ее назад и завладели возвышением. Ирод сам каждый день выступал со своим войском в боевом порядке и вызывал арабов на битву; но так как никто не шел ему навстречу (панический страх овладел арабами, а их предводитель, Элеем, при виде иудейского войска, пришел в какое-то оцепенение от испуга), то он первый напал на них и прорвал возведенные ими шанцы. Принужденные таким образом к самообороне, они выступили в сражение без всякого порядка, пешие и конные вместе. Численностью они хотя превосходили иудеев, но уступали им в храбрости, хотя и они от отчаяния бились как безумные.

6. До тех пор, пока они еще держались, они не имели много мертвых; но как только показали тыл, многие из них пали от рук иудеев, а многие другие были растоптаны своими же бежавшими товарищами. Пять тысяч человек легло на пути бегства; остальная масса спаслась за шанцы. Ирод оцепил и осадил их; но прежде чем они были вынуждены к сдаче силой оружия, их принудила к этому жажда, так как запас воды у них истощился. Их послов царь принял очень гордо и, так как они предложили ему 50 талантов выкупа, то он еще настойчивее подвинул осаду. Мучимые все более и более усилившейся жаждой, арабы толпами выходили из-за укреплений и добровольно сдавались иудеям; в пять дней взято было в плен 4 000 человек. На шестой день оставшееся войско с отчаяния бросилось в сражение. Ирод принял его и опять истребил около 7 000 человек. Такими кровавыми побоищами он мстил арабам и до такой степени подавил их гордость, что этот народ избрал его своим верховным главой.

Глава ДВАДЦАТАЯ.

(И. Д. XV, 6, 1, 6, 7, 10, 1-3).

Ирод утверждается Августом в царствовании и щедро награждается милостями. Ему возвращается часть царства, отнятая Клеопатрой, с присоединением области Зенодора.

1. Вскоре после этого Цезарь (Октавиан) одержал свою победу при Акциуме (101 до раз. хр.) [131]. Ирод, связанный дружбой с Антонием, начал тогда опасаться за свое собственное положение. Но его опасения, как это показали последствия, были слишком преувеличенными ибо Октавиан не считал еще Антония побежденным, пока Ирод остался верен последнему. Царь тогда принял решение идти навстречу опасности: он отправился в Родос, где находился Октавиан, и предстал пред ним без царской диадемы и без всяких знаков своего сана, как частное лицо, но с царским достоинством. Чистосердечно, не скрывая правды ни в чем, он начал: «Я, Цезарь, возведенный Антонием в цари над иудеями, делал, откровенно сознаюсь, все от меня зависящее для того, чтобы быть ему полезным. Не скрою и того, что ты во всяком случае видел бы меня вооруженным на его стороне, если бы мне не помешали арабы. Но я, по мере моих сил, послал ему подкрепления и многотысячное количество хлеба. Еще больше, даже после его поражения при Акциуме, я не оставил моего благодетеля: не имея уже возможности быть ему полезным в качестве соратника, я был ему лучшим советником и указывал ему на смерть Клеопатры, как на единственное средство возвратить себе потерянное [132]; если б он решился пожертвовать ею, то я обещал ему деньги, надежные крепости, войско и мое личное участие в войне против тебя. Но страстная его любовь к Клеопатре и сам Бог, осчастлививший тебя победой, затмили его ум. Так я побежден вместе с Антонием и после его падения я снял с себя венец. К тебе же я пришел в той надежде, что мужество достойно милости и в том предположении, что будет принято во внимание то, какой я друг, а не чей я был друг».

2. На это император ответил: «Тебя никто не тронет! Ты можешь отныне еще с большей уверенностью править твоим царством! Ты достоин властвовать над многими за то, что так твердо хранил дружбу! Старайся же теперь быть верным и более счастливому другу и оправдать те блестящие надежды, которые вселяет мне твой благородный характер. Антоний хорошо сделал, что больше слушался Клеопатры чем тебя, ибо, благодаря его безумию, мы приобрели тебя. Ты, впрочем, кажется, уже начал оказывать нам услугу: Квинт Дидий пишет мне, что ты ему послал помощь против гладиаторов [133]. Я не замедлю официальным декретом утвердить тебя в царском звании и постараюсь также в будущем быть милостивым к тебе, дабы ты не имел причины горевать об Антонии».

3. После этих дружелюбных слов Октавиан возложил диадему на царя и о дарованном ему царском достоинстве объявил в декрете, в котором великодушно превознес славу Ирода. Последний, еще больше расположив к себе Октавиана подарками, попытался выпросить у него прощения одному из друзей Антония, Александру, прибегшему к его заступничеству, но, сильно раздраженный против тяжело провинившегося пред ним Александра, Цезарь отклонил просьбу Ирода. Впоследствии, когда император отправился через Сирию в Египет, Ирод встретил его со всей царской пышностью, ехал рядом с ним во время смотра войска около Птоломаиды, устроил в честь его и всех его друзей торжественный пир и угостил обедом также и все его войско. Далее он позаботился, чтобы солдаты в своем переходе чрез безводную местность до Пелузия и на обратном пути были в достаточном количестве снабжены водой, и принял вообще все меры к тому, чтоб императорское войско ни в чем ни нуждалось [134]. Таким образом у императора и у солдат сложилось убеждение, что доставшиеся Ироду владения ничтожны в сравнении с оказанными им услугами. Вследствие этого, Цезарь, прибыв в Египет, где он застал Клеопатру и Антония уже мертвыми [135], осыпал Ирода еще большими почестями и расширил пределы его государства, возвратив ему отобранную Клеопатрой провинцию и прибавив ему, кроме того, еще Гадару (4, 2), Иппон, Самарию (2, 2) и приморские города: Газу (4, 2), Анфедан (4, 2), Иоппию (2, 2) и Стратонову Башню (21, 2) [136]. Ко всему этому Октавиан подарил ему придворную стражу Клеопатры, состоявшую из 400 галатов. На такие подарки вызвала его главным образом щедрость самого Ирода.

4. По истечении первой акциады [137] он присоединил еще к его царству страну, известную под именем Трахонеи, равно и граничащий с последней другие две области, Батанею и Авранитиду [138]. Повод к тому был следующий. Зенодор, державший на откупе владения Лизания [139], беспрестанно натравливал трахонитские разбойничьи банды на дамаскинцев. Последние обратились к начальнику Сирии, Варрону, с просьбой донести об этом несчастии императору. Когда же был получен приказ об искоренении разбойничьего гнезда, Варрон с войском отправился в Трахонею и, очистив ее от разбойников, отнял ее у Зенодора. Император же для того, что бы эта страна опять не сделалась притоном разбойников для нападения на Дамос, отдал ее Ироду. Десять лет спустя (88 до раз. хр.), когда Августа опять прибыл в восточные провинции, он назначил его наместником всей Сирии, так что никто из начальников не мог предпринимать что-либо без его ведома. По смерти Зенодора он отдал ему также всю область между Трахонеей и Галилеей. Но что для Ирода было всего важнее, так это то, что он мог считать себя первым любимцем Августа после Агриппы [140] и любимцем Агриппы после Августа. Достигнув апогея внешнего счастья, Ирод возвысился также духовно и направил свои заботы главным образом на дела благочестия [141].

Глава ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

(И. Д. XV. 8-11. XVI. 5. 7)

Города, восстановленные и вновь построенные и другие строения, возведенные Иродом. Его щедрость и великодушие по отношению к другим народам. Успех, которым он пользовался во всем.

1. На пятнадцатом году своего царствования (92 до раз. хр.) Ирод заново отстроил храм, расширил место храма вдвое против прежнего и окружил его стеной — все с неимоверными затратами, с беспримерной роскошью и великолепием [142]. Об этой роскоши свидетельствовали, в особенности, большие галереи вокруг храма и цитадель, возвышавшаяся на север от него. Первые он построил от самого основания, а цитадель он с огромными затратами перестроил наподобие дворца и назвал ее в честь Антония, Антонией [143]. Свой собственный дворец он построил в верхнем городе, и два громаднейших, красивейших здания с которыми даже храм не выдерживал сравнения, он назвал по имени своих друзей: Цезарионом и Агриппионом.

2. Но не одними только единичными зданиями он запечатлевал их память и имена: он шел еще и дальше и строил в честь их целые города. В стране самарян он построил город, который обвел очень красивой стеной, имевшей до двадцати стадий в окружности, поселил в нем 9000 жителей, наделил последних самой плодородной землей, выстроил в средине нового города большой храм в честь Цезаря. Обсадил его рощей на протяжении трех с половиной стадий и назвал город Себастой. Населению он дал образцовое общественное управление [144].

3. Когда Август подарил ему новые области, Ирод и там выстроил ему храм из белого мрамора у истоков Иордана, в местности, называемой Панионом [145]. Здесь находится гора с чрезвычайно высокой вершиной; под этой горою, в ложбине, открывается густо оттененная пещера, ниспадающая в глубокую пропасть и наполненная стоячей водой неизмеримой глубины; на краю пещеры бьют ключи. Здесь, по мнению некоторых, начало Иордана. Более обстоятельно мы поговорим об этом ниже (III, 10, 7).

4. И в Иерихоне, между крепостью Кипром [146] и старым дворцом [147], царь приказал воздвигнуть новое, лучшее и более удобное здание, назвав его именем своего друга. Словом — не было во всем государстве ни одного подходящего места, которое бы он оставил без памятника в честь императора. Наполнив храмами свою собственную страну, он украсил зданиями также и вверенную ему провинцию и во многих городах воздвигал Цезареи [148].

5. Заметив, что Стратонова Башня — город в прибрежной полосе, — клонится к упадку, он, в виду плодородной местности, в которой она была расположена, уделил ей особенное свое внимание. Он заново построил этот город из белого камня и украсил его пышными дворцами; здесь в особенности он проявил свою врожденную склонность к великим предприятиям. Между Дорей и Иоппией, на одинаковом расстоянии от которых лежал в средине названный город, на всем протяжении этого берега не было гавани. Плавание по Финикийскому берегу в Египет совершалось, по необходимости, в открытом море в виду опасности, грозившей со стороны африканского прибережья: самый легкий ветер подымал в прибрежных скалах сильнейшее волнение, которое распространялось на далекое расстояние от берега. Но честолюбие царя не знало препятствий: он победил природу, — создал гавань большую, чем Пирей [149] и превосходившую его многочисленностью и обширностью якорных мест.

6. Местность ни в каком отношении не благоприятствовала ему; но именно препятствия возбуждали рвение царя. Он хотел воздвигнуть сооружение, которое по силе своей могло противостоять морю и которое своей красотой не давало бы возможности даже подозревать перенесенные трудности. Прежде всего он приказал измерить пространство, назначенное для гавани; затем он велел погружать в море на глубину двадцати сажен камни, большая часть которых имела пятьдесят футов длины, девять футов высоты и десять — ширины, а другие достигали еще больших размеров. После того, как глубина была выполнена, построена была надводная часть плотины шириною в двести футов: на сто футов ширины плотина была выдвинута в море для сопротивления волнам — эта часть называлась волноломом; другая же часть в сто футов ширины служила основанием для каменной стены, окружавшей самую гавань. Эта стена местами была снабжена чрезвычайно высокими башнями, самая красивая из которых была названа Друзионом, по имени пасынка императора, Друза.

7. Масса помещений была построена для приема прибывавших на судах грузов. Находившаяся против них кругообразная площадь доставляла много простора для гулянья высаждавшимся на сушу мореплавателям. Вход в гавань был на севере, потому что северный ветер там наиболее умеренный. У входа на каждой стороне его находятся три колоссальных статуи, подпираемых колоннами: на левой стороне входа статуи стоят на массивной башне, а на правой стороне — их поддерживают два крепко связанные между собою камня, превышающие своей величиной башню на противоположному берегу. Примыкающие к гавани здания построены из белого камня. До гавани простираются городские улицы, отстоящие друг от друга в равномерных расстояниях [150]. Насупротив входа в гавани стоял на кургане замечательный по красоте и величине храм Августа, а в этом последнем — его колоссальная статуя, не уступавшая, по своему образцу, олимпийскому Зевсу, равно как и статуя Рима, сделанная по образцу Аргосской Юноны. Город он посвятил всей области, гавань — мореплавателям, а часть всего этого творения — кесарю и дал ему имя Кесареи (Цезареи) [151].

8. И остальные возведенные им постройки: амфитеатр, театр и рынок были также достойны имени императора, которое они носили. Дальше он учредил пятилетние состязательные игры, которые он также назвал именем Цезаря. Открытие этих игр последовало в 192 олимпиаде: Ирод сам назначил тогда богатые призы, не только для первых победителей, но и второстепенных и третьестепенных из них [152]. Разрушенный в войнах приморский город Анфедин (4, 2) он также отстроил и назвал его Агриппиадой. От избытка любви к этому своему другу, он даже приказал вырезать его имя на устроенных им храмовых воротах (в Иерусалиме).

9. И в сыновней любви никто его не превосходил, ибо он отцу своему соорудил памятник. В прекраснейшей долине [153] в местности, орошаемой водяными потоками и покрытой деревьями, он основал новый город и назвал его в память своего отца Антипатридой [154]. По имени матери своей он назвал Кипром ново-укрепленную им крепость,

чрезвычайно сильную и красивую, возвышавшуюся над Иерихоном. Брату своему, Фазаелю, он посвятил Фазаелеву Башню в Иерусалиме, вид и великолепие которой мы опишем ниже (V, 4, 3). Имя Фазаелиды он дал также и городу, основанному им близ глубокой долины, тянущейся к северу от Иерихона.

10. Увековечив таким образом своих родных и друзей, он позаботился также о собственной своей памяти. На горе, против Аравии, он построил крепость, которую назвал, по своему собственному имени, Иродионом. Тем же именем он назвал сводообразный холм на 60 стадиях от Иерусалима [155], сделанный руками человеческими и украшенный роскошными зданиями: верхнюю часть этого холма он обвел круглыми башнями, а замкнутую внутри площадь он застроил столь величественными дворцами, что не только внутренность их, но и наружные стены, зубцы и крыши отличались необыкновенно богатыми украшениями. С грандиозными затратами он провел туда из отдаленного места обильные запасы воды. Двести ослепительно-белых мраморных ступеней вели вверх к замку, потому что холм был довольно высок и целиком составлял творение человеческих рук. У подошвы его Ирод выстроил другие хоромы для помещения утвари и для приема друзей. Изобилие во всем придало замку вид города [156], а занимаемое им пространство — вид царского дворца.

11. После всех этих многочисленных строений, Ирод начал простирать свою княжескую щедрость также и на заграничные города. В Триполисе [157], Дамаске и Птоломаиде [158] он устроил гимназии; Библос [159] получил городскую стену; Берит [160] и Тир [161] — колоннады, галереи, храмы и рынки; Сидон [162] и Дамаск — театры; морской город Лаодикея [163] — водопровод, Аскалон — прекрасные купальни, колодцы и, кроме того, колоннады, возбуждавшие удивление своей величиной и отделкой; другим он подарил священные рощи и луга. Многие города получили от него даже поля и нивы, как будто они принадлежали к его царству. В пользу гимназий иных городов он отпускал годовые или постоянные суммы, обусловливая их, как например в Кое, назначением в этих гимназиях на вечные времена состязательных игр с призами. Сверх всего этого, он всем нуждающимся раздавал даром хлеба. Родосцам он неоднократно и при различных обстоятельствах давал деньги на вооружение их флота. Сгоревший пифийский храм он еще роскошнее отстроил на собственные средства. Должно ли еще упомянуть о подарках, сделанных им ликийцам или самосцам, или о той расточительной щедрости, с которой он удовлетворял самые разнообразные нужды всей Иоппии? Разве Афины и Лакедомония, Никополис и Мизийский Пергам не переполнены дарами Ирода? Не он ли вымостил в Сирийской Антиохии болотистую улицу, длиной в 20 стадий, гладким мрамором, украсив ее для защиты от дождя столь же длинной колоннадой.

12. Можно, однако, возразить, что все эти дары имели значение лишь для тех народов, которые ими воспользовались. Но то, что он сделал для жителей Илиды было благодеянием не для одной Эллады, а для всего мира, куда только проникала слава олимпийских игр. Когда он увидел, что эти игры, вследствие недостатка в деньгах, пришли в упадок и вместе с ними исчезал последний памятник древней Эллады, Ирод в год олимпиады, с которым совпала его поездка в Рим, сам выступил судьей на играх и указал для них источники дохода на будущие времена, чем и увековечил свою память, как судьи на состязаниях [164]. Я никогда не приду к концу, если захочу рассказать о всех случаях сложения им долгов и податей; примером могут служить Фазаелида и Валанея, а также города на киликийской границе, которым он доставлял облегчение в ежегодных податях. В большинстве случаев его щедрость не допускала даже подозрения в том, что, оказывая чужим городам больше благодеяний, чем их собственные властители, он преследует этим какие-либо задние цели [165].

13. Телосложение его соответствовало его духу. Он с ранней молодости был превосходный охотник, и этим он в особенности был обязан своей ловкости в верховой езде. Однажды он в один день убил сорок животных (тамошняя сторона воспитывает, между прочим, диких свиней; но особенно изобилует она оленями и дикими ослами). Как воин, Ирод

был непобедим; также и на турнирах многие страшились его, потому что они видели, как ровно он бросает свое копье и как метко попадает его стрела. При всех этих телесных и душевных качествах ему покровительствовало и счастье: редко когда он имел неудачу в войне, а самые поражения его являлись всегда следствием или измены известных лиц, или — необдуманности его солдат.

Глава ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

(И. Д. XV, 2, 3, 6, 7).

О смерти первосвященников Аристовула и Гиркана, а также жены Ирода, Мариаммы [166].

1. Внешнее счастье Ирода было, однако, омрачено горькими испытаниями в собственной его семье, и виновницей его несчастья была именно его жена, которую он так нежно любил. Вступив на престол, он удалил свою прежнюю жену, Дориду, которая была родом из Иерусалима и на которой он женился, когда еще вел жизнь частного человека (12, 3), — и женился на Мариамме, дочери Александра, сына Аристовула (17, 8). Этот союз сделался для него источником семейных раздоров еще раньше; но неурядицы увеличились еще больше после его возвращены из Рима. Сперва он из-за сыновей, прижитых им с Мариаммой, изгнал из Иерусалима своего сына от Дориды, Антипатра, дозволив ему являться в город только в праздники. После он лишил жизни деда своей жены, Гиркана, прибывшего к нему из Парфии и навлекшего на себя его подозрение в заговоре. Барцафарн, при своем вторжении в Сирию, взял Гиркана в плен (13, 11), но соплеменники его по ту сторону Евфрата, тронутые его печальной судьбой, выпросили ему свободу. Если б он слушался их предостережений и не ехал к Ироду, то он бы не потерял жизни; но брак его внучки был для него приманкой, принесшей ему смерть. Надеясь на родственный узы с Иродом и преследуемый гнетущей тоской по родине, он отправился туда. Впрочем, Ирода он возбудил против себя не потому, что действительно стремился к царству, а потому, что тот сознавал, что корона принадлежит Гиркану [167].

2. Из пятерых детей, которых родила ему Мариамма, были две дочери и три сына. Младший из них воспитывался в Риме и там умер; старшие два сына, частью вследствие высокого происхождения их матери, частью потому, что они родились, когда их отец носил царский титул, были воспитаны по-царски; главным же образом это заботливое воспитание было вызвано любовью Ирода к Мариамме — любовью, которая с каждым днем все сильнее разгоралась и до того поглощала его существо, что он даже не чувствовал тех огорчений, которые он испытал из-за любимой им женщины. Ибо, как велика была его любовь к ней, так же велика была ее ненависть к нему; а так как ее отвращение к нему было основано на совершенных им поступках, а сознание, что она любима, сообщала ей смелость, то она открыто укоряла его в том, что он сделал с ее дедом, Гирканом, а также братом ее, Аристовулом. И последнего, не взирая на его юность, Ирод не пощадил, а убил после того, как он этого семнадцатилетнего юношу возвел в сан первосвященника. Когда Аристовул в день праздника, одетый в священном облачении, выступил пред алтарем, заплакал весь собравшийся народ. Это одно уже решило судьбу юноши: в ту же ночь он был отослан в Иерихон и там, по приказанию Ирода, был утоплен галатами в пруде [168].

3. В этом Мариамма упрекала Ирода и осыпала жестокой бранью также его мать и сестру. Царь сам, покоряясь своей страстной любви, спокойно выслушивал ее упреки; но в сердцах женщин поселилась глубокая вражда, и они обвинили ее (что по их расчету должно было произвести на Ирода самое сильное впечатление) в супружеской измене. К числу многих интриг, сплетенных ими с целью подтверждения обвинения, принадлежал рассказ о том, что она послала свой портрет Антонию [169] в Египет и так в своей непомерной похотливости заочно показала себя человеку, который всем известен был за сластолюбца и который мог прибегнуть к насилию. Эта весть как громом поразила царя. Любовь и без того сделала его в высшей степени ревнивым; но тут он вспомнил еще об ужасах Клеопатры,

погубившей царя Лизания и араба Малиха [170]. Ему казалось, что не только обладание женой, но собственная жизнь его подвержена опасности.

4. Собравшись в путь, он вверил свою жену Иосифу, мужу своей сестры Соломии — человеку вполне надежному и вследствие близкого родства преданному ему — и приказал ему втайне лишить жизни Мариамму, если его убьет Антоний [171]. Иосиф же открыл эту тайну царице — отнюдь не с злым намерением, а только для того, чтобы показать царице, как сильна любовь царя, который и в смерти не может остаться в разлуке с нею. Когда Ирод, по своем возвращении, в интимной беседе клялся ей в своей любви и уверял ее, что никогда другая женщина не может сделаться ему так дорога, царица возразила: «О да, ты дал мне сильное доказательство твоей любви тем, что ты приказал Иосифу убить меня!»

5. Едва только Ирод услышал эту тайну, он, как взбешенный, воскликнул: «Никогда Иосиф не открыл бы ей этого приказания, если б не имел преступных сношений с нею». Свирепый от гнева он вскочил со своего ложа и бегал взад и вперед в своем дворце. Этот момент, столь удобный для инсинуаций, подстерегла его сестра Саломия и еще больше усилила подозрение против Иосифа. Обуреваемый ревностью, он отдал приказ немедленно убить их обоих [172]. Но вслед за страстной вспышкой, вскоре настало раскаяние; когда гнев улегся в нем, вновь воспламенилась любовь. Так сильно пылала в нем страсть, что он даже не хотел верить ее смерти, а мучимый любовью, взывал к ней, как к живой, пока, наконец, приученный временем, он так же горестно оплакивал мертвую, как горячо любил живую [173].

Глава ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

(И. Д. XV, 10, 1. XVI, 1, 3, 4).

Оклеветание сыновей Мариаммы. — Предпочтение, оказанное Антипатру. — Ирод обвиняет их перед Цезарем, но затем опять примиряется с ними.

1. Сыновья унаследовали ненависть своей матери. Злодейство отца заставило смотреть на него, как на врага. Так они смотрели на него еще будучи в Риме, где они оканчивали свое образование; по возвращении же в Иерусалим, они еще больше укрепились в этом мнении. Неприязнь их росла с годами и проявилась, наконец, наружу в откровенных речах и беседах, когда они достигли брачного возраста и женились: один на дочери своей тетки, Саломии, оклеветавшей его мать, а другой — на дочери каппадокийского царя, Архелая. Их смелостью воспользовались интриганы, и вскоре царю донесено было в довольно ясной форме, что оба его сына затевать против него недоброе; что один из них, зять Архелая, полагаясь на содействие тестя, готовится бежать с целью обвинить его (Ирода) пред Цезарем. Под влиянием этих более чем, достаточных науськиваний, Ирод возвратил к себе своего сына от Дориды, Антипатра, которого он избрал, как защиту против других своих сыновей, и стал всячески отличать его пред этими последними [174].

2. Эта перемена была для них невыносима. Видя, как сын, рожденный от матери простого происхождения, все больше возвышается над, ними — потомками благородного и славного дома, они не могли скрывать свое неудовольствие и при каждой новой нанесенной им обиде давали волю своему гневу. Так они с каждым днем все больше проникались злобой; Антипатр же между тем старался чем скорее достигнуть своей цели: льстя с большим умением своему отцу, он в то же время изобретал всевозможные интриги против братьев, клеветал на них лично и посредством других, пока, наконец, не лишил их всяких надежд на престол. Он не только значился уже в завещании и в общественном мнении престолонаследником, но был даже послан к Цезарю, как будущий царь, со всей свитой и пышностью царя; только короны ему не доставало. Мало-помалу его влияние возросло до того, что он ввел свою мать в покои Мариаммы. Двумя орудиями, которыми он действовал против братьев, лестью и клеветой, он довел отца до того, что он даже задумал казнить их.

3. Одного из них, Александра, он поволок в Рим и обвинил его пред Цезарем в том, что он хотел отравить его ядом. Сначала Александр едва мог выразить словами свое возмущение.

Но, увидев пред собою судью более опытного, чем Антипатр, и более разумного, чем Ирод, он опомнился и, умалчивая, из почтения к отцу, о поступках последнего, он тем решительнее отвергал его обвинения. Доказав также невинность своего брата, находившегося в одинаковой с ним опасности, он начал горько жаловаться императору на коварство Антипатра и на испытываемые ими обиды и унижения. Кроме чистоты совести, ему в этом случае помогла еще сила красноречия, ибо он был выдающийся оратор. Когда он в заключении прибавил еще: «пусть отец, если он желает, умертвит своих детей, но пусть не возводит на них такого тяжкого обвинения» [175], — тогда все присутствующие были тронуты до слез, а на самого императора это произвело такое глубокое впечатление, что он отверг обвинение и тут же помирил с ним Ирода. Условия мира были таковы, что они должны во всем повиноваться отцу, а последний может завещать корону кому пожелает.

4. После этого царь возвратился из Рима к себе домой. С виду он хотя отказался от обвинения, но внутренне он еще не был свободен от подозрения. Провожал его Антипатр — виновник раздора. Открыто он, конечно, из боязни пред посредником мира, не осмеливался обнаружить свою вражду. Плывя мимо Киликии, они высадились на Элеузу [176], где Архелай их очень радушно принял, благодарил за спасение зятя и от всей души приветствовал состоявшийся мир, тем больше, что он сам обращался раньше к своим друзьям в Риме с письменными просьбами содействовать Александру в его процессе с отцом. Он провожал их до Зефириона и дал им подарки, стоимость которых оценивалась тридцатью талантами.

5. По прибытии в Иерусалим, Ирод собрал народ, представил ему своих трех сыновей, отдал отчет о своей поездке, вознес благодарность Богу, а также императору, положившему конец раздорам в его семье и восстановившему между сыновьями согласие, имеющее больше значения чем власть.

«Это согласие, продолжал он, я желаю укрепить еще больше. Император предоставил мне полную власть в государстве и выбор преемника. Стремясь теперь, без ущерба для моих интересов, действовать в духе его начертаний, я назначаю царями этих трех сыновей и молю прежде Бога, а затем вас присоединиться к этому решению. Одному старшинство, другим высокое происхождение дают право на престолонаследие, а обширность государства могла бы дать место еще для некоторых. Император помирил их, отец вводит их во власть. Примите же этих моих сыновей, даруйте каждому из них, как повелевает долг и обычай, должное уважение по старшинству; ибо торжество того, который почитается выше своих лет, не может быть так велико, как скорбь другого, возрастом которого пренебрегают. Кто бы из родственников и друзей не состоял в свите каждого из них, я всех утвержу, но эти должны ручаться мне за сохранение солидарности между ними; ибо я слишком хорошо знаю, что ссоры и дрязги происходят от злонамеренности окружающих; когда же последние действуют честно, тогда они сохраняют любовь. При этом я объявляю мою волю, чтоб не только мои сыновья, но и начальники моего войска, пока еще повиновались исключительно мне, потому что не царство, а только честь царства я передаю моим сыновьям: они будут наслаждаться положением царей, но тяжесть государственных дел будет лежать на мне, хотя я и не охотно ношу ее [177]. Пусть каждый подумает о моих годах, моем образе жизни и благочестии. Я еще не так стар, чтобы на меня уже можно было махнуть рукой, не предаюсь я роскоши, которая губит и молодых людей, а божество я всегда так чтил, что могу надеяться на самую долговечную жизнь. Кто с мыслию о моей смерти будет льстить моим сыновьям, тот в интересах же последних будет наказан мною. Ведь не из зависти к ним, выхоленным мною, я урезываю у них излишние почести, а потому, что я знаю, что лесть делает молодых людей надменными и самоуверенными. Если поэтому каждый из их окружающих будет знать, что за честное служение он получит мою личную благодарность, а за сеяние раздора он не будет вознагражден даже тем, к кому будет отнесена его лесть, тогда я надеюсь, все будут стремиться к одной цели со мною, которая вместе с тем и есть цель моих сыновей. И для этих последних полезно, чтоб я остался их владыкой и в добром согласии с ними. Вы же, мои

добрые дети, помните прежде всего священный союз природы, сохраняющий любовь даже у животных; помните затем императора, зиждителя нашего мира, и, наконец, меня, вашего родителя, который просит вас там, где он может приказывать, — оставайтесь братьями! Я даю вам царские порфиры и царское содержание и взываю к Богу, чтобы он охранял мое решение до тех пор, пока вы сохраните согласие между собою». После этих слов он нежно обнял каждого из своих сыновей и распустил собрание. Одни искренно присоединились к выраженным Иродом пожеланиям, другие же, падкие к переворотам, не обратили на них ни малейшего внимания.

Глава ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

(И. Д. XV. 7, 2-8, 3).

Злокозненность Антипатра и Дориды. — Глафира — виновница ненависти к Александру. — Помилование Ферора, заподозренного, и Саломии, уличенной в заговоре. — Евнухи Ирода подвергаются пытке, Александр заключается в тюрьму.

1. Сами братья, расставшись друг с другом, унесли с собою свою вражду. Их взаимное недоверие увеличилось еще больше против прежнего. Александр и Аристовул увидели себя уничтоженными тем, что за Антипатром действительно утверждены права старшинства; Антипатр не мог простить братьям уже одно то, что они были поставлены ближайшими после него. Но в то время, когда последний умел хранить свои мысли при себе и весьма искусно скрывать свою ненависть к братьям, те, как люди благородного происхождения, высказывали все вслух. Многие усердно старались разжигать их неудовольствие, но еще больше, чем действительные друзья, вкрадывались в их доверие шпионы. Каждое слово Александра переносилось к Антипатру и препровождалось от него с прибавками к Ироду. Даже самые невинные выражения не проходили для него безнаказанно: его слова преднамеренно искажались; а когда он позволял себе какую-нибудь откровенность, то к простодушным и ничего незначащим выражениям прибавлялись самый ужасные небылицы. К тому еще Антипатр исподтишка подсылал к нему людей, которые всегда подзадоривали его для того, чтобы ложь могла быть подтверждена хоть какими-нибудь ссылками; а если удавалось доказать хоть кое-что из того, что распространялось молвой, то уже и все остальное считалось заслуживающим веры. Его же собственные друзья были или по натуре своей очень молчаливы, или приведены в молчание подарками. Жизнь Антипатра не без справедливости можно назвать таинственным служением злу, ибо и приближенных Александра он, или подкупами или коварной лестью, которой он все побеждал, сделал изменниками, и они воровским образом передавали ему обо всем, что там говорилось или происходило. Действуя осторожно и с ловкостью актера прокладывая всякой клевете дорогу к Ироду, он пользовался услугами подставных доносчиков, а сам оставался под личиной добродетельного брата. Если царю что нибудь доносилось против Александра, то Антипатр, как будто случайно, являлся к Ироду и опровергая, сначала ложные слухи, но тут же своими объяснениями мало помалу делал их опять вероятными и таким образом снова возбуждал негодование царя. Все интриги были направлены к одной цели: возбудить против Александра подозрение в том, что он намеревается убить своего отца. И ничто не придавало этим клеветам большего вероятия, как когда Антипатр принимал на себя роль защитника.

2. Раздраженный всем этим Ирод, по мере того, как отстранял от себя обоих юношей, все более и более сближался с Антипатром. Вместе с царем отвратились от двух братьев все придворные: одни добровольно, другие по приказанию, как например, Птоломей ближайший друг царя, — братья царя и вся его фамилия; Антипатр значил теперь все; и, что больше всего оскорбляло Александра, мать Антипатра также сделалась всемогущей [178]. Ее наветы всегда были направлены против них; она ненавидела их не только как злая мачеха, преследующая своих пасынков, но как рожденных от царицы. Все теперь раболепствовало пред Антипатром, виды которого сделались столь блестящи, а Александра покинули все его друзья до последнего, так как царь обратился ко всем вельможам с приказом прекратить

всякие сношения, как лично с Александром, так и с его окружающими. Этот приказ напугал не только внутренних друзей, но и внешних, так как император предоставил царю никому еще не дарованное право, преследовать бегущих от него людей даже в чужих, не принадлежащих ему странах. А между тем юноши не знали даже, какая опасность им грозит, вследствие чего они, по неосторожности своей, тем скорее приближались к ней. Никогда отец не порицал их открыто в глаза; только холодное его обращение и постоянная раздражительность заставляли их догадываться о причинах. Антипатр настроил враждебно против братьев также и их дядю Ферора, равно и тетку, Саломию [179], с которой он для того, чтобы натравить ее на них, обходился так интимно, как будто она была бы ему женой. Ее вражду разжигала еще жена Александра, Глафира, которая с гордостью перебирала своих благородных предков и, возведя свое происхождение до Темена [180] по отцовской линии и до Дария [181], сына Гистаспа по материнской, возомнила себя владычицей всех женщин в царском доме. Сестру Ирода она часто дразнила ее низким происхождением; точно также она поступала с его женами, которых он выбирал себе единственно из-за их красоты, нисколько не заботясь об их происхождении (Ирод имел много жен, так как законы иудеев разрешают им многоженство, а Ироду это пришлось по вкусу). Хвастовство и оскорбительные речи Глафиры сделали их всех врагами Александра.

3. Аристовул также восстановил против себя и без того уже ожесточенную Саломию, не смотря на то, что она приходилась ему тещей (23, 1). Аристовул всегда стыдил свою жену ее низким происхождением [182]: в то время, когда его брать женился на царице, он получил в жены простую мещанскую дочь. Со слезами рассказывала об этом его жена своей матери, Соломии, прибавив еще, будто Александр и его брать грозили, что, как только они сделаются царями, они матерей остальных братьев посадят за ткацким станком, вместе с чернью, а самих братьев обратят в сельских старост, так как они, как те презрительно выражались, так превосходно вышколены. Саломия не могла преодолять свою злобу и донесла обо всем Ироду; а так как она жаловалась на собственного своего зятя, то ей поверили. Еще одна сплетня возбуждала гнев царя: ему говорили, что братья часто взывают к имени своей матери, сквозь стоны проклиная отца; а если он то или другое платье Мариаммы дарит остальным своим женам, то они грозили каждый раз, что вместо царских одеяний им вскоре придется напялить на себя волосяницы.

4. Как ни боялся царь гордости юношей, он тем не менее не терял надежды на их исправление. Готовясь к поездке в Рим, он пригласил их даже к себе, проронил несколько угроз, как царь, но в общем говорил с ними, как отец, увещевал их любить братьев и обещал простить прошлые их ошибки, если они исправятся в будущем. Они опровергли возведенные на них обвинения, называя их вымышленными, и сказали: их поведение может вполне подтвердить их защиту, но и царь, с своей стороны, должен положить предел этим наушничаньям и не доверять им так легко, ибо никогда не будет недостатка в ложных наветах против них, пока ложь будет находить себе веру.

5. Такими речами они хотя скоро успокоили отца и устранили временную опасность; но тем печальнее сделались их виды на будущее. Они только теперь узнали о вражде Саломии и своего дяди Ферора. Оба были опасны и бессердечны, а Ферор к тому был еще могущественный противник, ибо он состоял сорегентом Ирода, только без короны, имел 100 талантов собственных доходов, пользовался также доходом всего заиорданского края, как подарком от своего брата, который, с разрешения императора, сделал его еще тетрархом и удостоил его браком с царской принцессой, женив его на сестре своей жены. По смерти этой жены он назначил ему свою старшую дочь и 300 талантов приданого. Правда, Ферор из любви к одной рабыне уклонился от женитьбы на царской дочери, и Ирод, отдав свою дочь за своего племянника [183], павшего впоследствии в войне с парфянами, остался очень недоволен отказом Ферора. Но вскоре, однако, он, снисходя к его любовной страсти, забыл эту обиду.

6. Уже раньше, когда жила еще царица [184], Ферор обвинялся в покушении на отравление царя. Теперь же выступило такое множество обвинителей, что Ирод, как ни любил он искренно брата, все-таки должен был поверить показаниям и стал его опасаться. Подвергая пыткам многих из заподозренных, он добрался, наконец, и до друзей Ферора. На допросе никто из них не сознался в формальном заговоре против жизни царя; но было указано на то, что Ферор собирался увести свою возлюбленную [185] и вместе с ней бежать к парфянам и что муж Саломии, Костобар [186] (за него царь выдал свою сестру после того, как первый ее муж (22, 4, 5), обвиненный в супружеской измене, был казнен) готов был споспешествовать плану бегства. Сама Саломия тоже не осталась свободной от обвинений: брат ее Ферор обвинял ее в том, что она тайно обручилась с Силлаем, наместником аравийского царя Обода, смертным врагом Ирода [187]. Хотя она была вполне уличена в этом и многих других проступках, раскрытых Ферором, она тем не менее была помилована; да и самого Ферора царь объявил свободным от всех тяготевших над ним обвинений.

7. Так надвигалась семейная буря на Александра и разразилась всецело над его головой. Между царскими евнухами были три, — пользовавшиеся особенным доверием Ирода, как это видно было из тех обязанностей, которые им вверялись: один был его виночерпием, другой хлебодаром, а третий приготовлял его ложе и сам спал в его близости. Этих трех евнухов Александр, посредством больших подарков, сделал орудиями своей похотливости. Царь узнал об этом и приказал допросить их под пытками. В развратных похождениях они тотчас же признались, но кроме того они рассказали еще какими обещаниями они были обольщены. «От Ирода, говорил Александр, им нечего ожидать многого; он старый повеса, красящий себе волосы, но чрез это он же не может казаться им молодым; пусть только они слушаются его, Александра: скоро он силой отнимет власть у Ирода, отмстить своим врагам, а друзей сделает богатыми и счастливыми, и прежде всего их самых. Знатнейшие люди давно уже присягнули ему втихомолку и обещали ему свое содействие, а высшие и низшие офицеры в армии имеют с ним тайные совещания».

8. Эти показания до такой степени устрашили Ирода, что в первое время он даже не осмеливался действовать открыто; он разослал тайных разведчиков, которые шныряли по городу денно и нощно и должны были докладывать ему обо всем, что они замечали, видели и слышали: кто только навлекал на себя подозрение, немедленно был лишен жизни. Двор переполнился самыми ужаснейшими преступлениями. Каждый измышлял обвинения, каждый клеветал, руководствуясь личной или партийной враждой, и многие злоупотребляли кровожадным гневом царя, обращая его против своих противников. Ложь мгновенно находила себе веру, и едва только произнесено было обвинение, как уже совершалась казнь. Случалось часто, что только что обвинявший сам был обвинен и вместе со своей жертвой шел на казнь, ибо царь, из опасений за свою собственную жизнь, осуждал без следствия и без суда. Его дух был до того помрачен, что он не мог ласково глядеть на людей, хотя совершенно невинных, даже к друзьям своим он относился в высшей степени недружелюбно. Многим из них он прекратил доступ ко двору, а кого не постигла его рука, того он уничтожал жестокими словами.

9. Антипатр пользовался несчастьем Александра. Теснее сплотил он вокруг себя всю ораву своих родственников, и вместе с ними пускал в ход всевозможные клеветы. Ложными доносами и изветами он вместе со своими друзьями нагнал на царя такой страх, что последнему всегда мерещился Александр и не иначе, как с поднятым над ним кинжалом. Он приказал, наконец, схватить его внезапно и заковать в кандалы. Вслед затем он начал подвергать пыткам его друзей. Большинство из них умирало молча, не выдавая больше того, что они в действительности знали, но те, которые были доведены пытками до лжесвидетельства, показали, что Александр и брат его Аристовул посягали на жизнь царя; они будто выжидали только случая, чтобы убить отца на охоте и тогда бежать в Рим. Как ни были невероятны эти признания, исторгнутые под страхом смерти, но царь охотно им

поверил, оправдывая таким образом заточение сына мнимой справедливостью этой суровой меры.

Глава ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

(И. Д. XVI, 8, 5, 6).

Архелай мирит вновь Ирода с Александром и Ферором.

1. Увидав всю невозможность разубедить своего отца, Александр решил идти смело навстречу опасности. Он сочинил четыре книги, направленные против его врагов. Сознавшись в заговоре, в котором его обвиняли, он, вместе с тем, большую часть своих врагов, и во главе их Ферора и Саломию, выставил своими единомышленниками. Последняя даже раз вторглась к нему в дом и, против его воли, провела с ним ночь. Эти книги, полные многочисленных и тяжких разоблачений против могущественнейших в государстве [188], находились уже в руках Ирода, когда Архелай, озабоченный судьбой своего зятя и дочери, примчался в Иудею. Они нашли в нем очень умного заступника, который хитростью отвратил грозные намерения царя. При первой же встрече с последним он воскликнул: «Где это мой преступный зять? Где мне найти голову этого отцеубийцы, чтобы собственными руками размозжить ее? И мою дочь я хочу присоединить к ее драгоценному супругу — будь даже она не причастна в его заговоре, но одним союзом с таким человеком она уже обесчещена. Я должен только удивляться тому долготерпению, которое ты, не смотря на направленный против тебя заговор, проявляешь по отношению к Александру все еще находящемуся в живых. Я спешил сюда из Каппадокии в полной уверенности, что найду его давно уже казненным, и имел в виду вместе с тобою судить и мою дочь, которую я ему дал лишь из высокого уважения к тебе и твоему сану. Теперь же мы должны решить участь их обоих, и если ты чересчур уже подчиняешься отцовскому чувству и слишком мягкосердечен для того, чтобы карать сына, восставшего на твою жизнь, так, давай, обменимся судейскими обязанностями, и пусть каждый из нас проникнется гневом другого»!

2. Как ни сдержан был Ирод, но этой патетической речью он сделал его доверчивым. Последний дал ему прочитать записки Александра, останавливался над отдельными пунктами, обсуждая их вместе с ним. Архелай не упускал случая, чтобы с самого начала чтения преследовать свой хитро задуманный план; незаметно для царя, он взвалил всю вину на поименованных в книге лиц, преимущественно же на Ферора. Заметив, что его соображения производят впечатление, он сказал: «мы должны расследовать, не замышляли ли кое-чего эти злодеи против юноши вместо того, чтобы он замышлял против тебя. У нас нет пока никакого объяснения тому, что могло побудить его к такому возмутительному преступлению в то время, когда он уже пользовался царскими почестями и имел все виды на престолонаследие. Здесь должны быть обольстители, которые стремятся направить легкомыслие молодости на путь преступления; такими людьми бывают обмануты не только юноши, но и старики, благодаря им часто потрясаются знатнейшие фамилии и даже целые царства.

3. Ирод соглашался со всеми этими увещаниями. По мере того, как утихал его гнев против Александра, он все больше ожесточался против Ферора, о котором, главным образом, трактовали те четыре книги. Ферор же, заметив раздраженное состояние царя и всесильное влияние Архелая, не видел никакой возможности выйти с честью из своего опасного положения и только своему бесстыдству он обязан был спасением своей жизни; не думая больше об Александре, он прибег к Архелаю. Последний заявил ему, что он не знает, как выпросить для него помилования, так как из массы улик, имеющихся против него, явствует до очевидности, что он помышлял убить царя и что он виновник всех тех бедствий, которые постигли юношу (Александра), — он должен поэтому решиться, откладывая в сторону всякие увертки и укрывательства, признать все пункты обвинения и обратиться к любящему сердцу брата с мольбой о прощении. При таком условии он, с своей стороны, готов сделать все от него зависящее.

4. Ферор последовал этому совету. С подавленным видом, рассчитанным на возбуждение жалости, одетый в черном, он предстал пред Иродом, с плачем упал к его ногам, умоляя, как уже неоднократно это делал, о прощении, объявил себя преступником, сознался в совершении всего, что ему приписывалось, но каялся в своем безрассудстве и умопомрачении, которое нашло на него под влиянием любви к своей жене [189]. Архелаю удалось таким образом заставить Ферора свидетельствовать против себя и самого себя обвинить. Тогда лишь он начал действовать в умиротворяющем духе; гнев Ирода он старался переложить на милость примерами из своей собственной семейной жизни. «И я, сказал он, претерпевши от моего брата еще больше обид, покорился все-таки голосу природы, заглушающему в нас призывы к мести. Да и в государствах, подобно тому, как и на огромных телах, вследствие их тяжести, образовываются вредные наросты, которые нельзя отрезывать, а необходимо лечить умеренными средствами».

5. Подобными увещаниями он настроил Ирода несколько мягче к Ферору. Но он сам остался при своем прежнем негодовании против Александра и высказывал твердое намерение разлучить с ним свою дочь и увезти последнюю домой. Так он довел Ирода до того, что тот сам выступил ходатаем за своего сына и упрашивал его снова доверить ему свою дочь. Но Архелай с искусным притворством заметил, что он предоставляет царю выдать его дочь за кого он пожелает, только не за Александра: ему, уверял он Ирода, важнее всего сохранить с ним фамильную связь. Тогда Ирод произнес: «он, как подарок, примет из его рук сына, если он не расторгнет брака; они ведь имеют уже детей, и юноша так нежно любит свою жену; если последняя останется при нем, то она может удержать его от дальнейших ошибок, но раз она будет оторвана от него, то это может повести его к отчаянным поступкам; бурные порывы молодости, заключил он, смягчаются именно под влиянием семейных ощущений». Медля и нерешительно, Архелай уступал и, наконец, помирился с юношей, помиривши его вместе с тем и с отцом. Но, прибавил он, необходимо во всяком случае послать его в Рим для того, чтобы он оправдался пред императором, так как Ирод уже успел написать ему обо всем происшедшем.

6. Таким образом Архелай довел до конца свой ловкий маневр, при помощи которого спас своего зятя. Веселье и пиршества последовали за заключением мира. Ирод подарил Архелаю пред его отъездом семьдесят талантов, золотой трон, осыпанный драгоценными камнями, евнухов и наложницу, по имени Паннихия. И свита его щедро была наделена, всякий по достоинству своему, подарками. По приказанию Ирода и родственники его поднесли Архелаю великолепные подарки. Ирод и его сановники провожали его до Антиохии.

Глава ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Интриги Эврикла против сыновей Мариаммы. Напрасная защита их коянином Еваратом.

1. Недолго спустя в Иудее высадился человек, который в искусстве хитрить далеко превосходил еще Архелая и который не только поколебал примирение, достигнутое последним для Александра, но сделался виновником его окончательной гибели. Это был спартанец, по имени Эврикл, которого жадность к наживе пригнала в Иудейское царство. Эллада не могла больше удовлетворить его расточительности. Он привез Ироду блестящие подарки с целью выжать у него более богатые и он действительно с лихвой был награжден царем. Но подарки одни не имели в его глазах никакой цены — он добивался власти и решился приобресть ее кровью. Лестью, подкупающим красноречием и лицемерными похвалами он прежде всего вкрался в доверие Ирода, а затем, изучив его характер, он начал говорить и делать все в угоду ему и таким образом сделался одним из интимнейших его друзей. Уже из-за одной принадлежности его к спартанской нации [190], царь и весь двор обращались с ним с особым уважением.

2. Сей муж вскоре постиг слабое место семьи, раздоры между братьями и неравные отношения отца к сыновьям. Он прежде всего сблизился с Антипатром, пользуясь его гостеприимством, но в то же время, притворно поддерживал дружескую связь с Александром,

выдавая себя ложно за старого приятеля Архелая. По этой причине он был принят Александром, как надежный друг. И брату его Аристовулу он также успел понравиться. Опытный во всех ролях, он к каждому отдельно умел подступить иным манером. По преимуществу же он был наемником Антипатра и предателем Александра. Первого он укорял в том, что он, будучи старшим, терпит возле себя людей, выжидающих только первого удобного случая для того, чтобы уничтожить все его виды на престол; последнего он порицал за то, что он, сын царицы, муж царской дочери, имея, кроме того, такую превосходную опору, как Архелая, допускает, чтобы сын простой мещанки был престолонаследником. Вымышленная им дружба с Архелаем заставила молодого принца считать его своим добрым советником. Он поэтому откровенно изливал перед ним все, что он имел на сердце против Антипатра и высказывал опасение, что Ирод, убийца их матери, способен также отнять у них корону, на которую они, как сыновья царицы, имеют неотъемлемые права. Эврикл лицемерно выражал ему свое сочувствие и соболезнование. Но после того как ему удалось выжать такие же откровенности и у Аристовула и обоих вместе вызвать на свободное выражение своего неудовольствия против отца, он поспешно передал эту тайну Антипатру. К этому он прибавил свой собственный вымысел, будто братья посягают на его жизнь и уже готовятся обнажить меч против него. Богато вознагражденный за эту услужливость, он начал с того, что при каждом удобном случае расхваливал Антипатра пред Иродом; но кончил тем, что нанялся формально в убийцы Аристовула и Александра и выступил их обвинителем перед царем. «В благодарность за твои милости ко мне, так начал Эврикл, я дарю тебе, Ирод, жизнь; как воздаяние за твое гостеприимство, я приношу тебе свет. Уже давно выточен меч и рука Александра простерта над тобою. Ближайшее осуществление заговора я предотвратил тем, что притворялся сообщником его». Александр сказал: Ирод не довольствуется тем, что сидит на не принадлежащем ему троне, что после убийства их матери раздробил ее царство, он еще возвел в престолонаследники бастара — этого проклятого Антипатра, которому предназначил их родовое царство, но он решил принесть искупительную жертву памяти Гиркана и Мариаммы, ибо из рук такого отца он не должен принять скипетр без кровопролития. Каждый день его всяческим образом раздражают; ни единого слова, срывающегося с его языка, не оставляют без извращения. Заходит ли речь о чьем-либо благородном происхождении, то без всякого повода приплетают его имя. Ирод говорит тогда: «есть один только благородный, это Александр, который и отца своего презирает за его простое происхождение». На охоте он вызывает негодование, если молчит, а если хвалит, то в этом усматривают насмешку. Отец всегда сурово с ним обращается, только с Антипатром он умеет быть ласковым. Он поэтому охотно умрет, если его заговор не удастся. Если же ему удастся убить отца, то он надеется найти убежище прежде у своего тестя Архелая, к которому легко может бежать, а затем также у императора, который до сих пор совсем не знает настоящего Ирода; ибо тогда он не так, как прежде, будет стоять пред ним, трепеща пред присутствовавшим отцом и не будет только докладывать об обвинениях, которые он лично возводит на него. Он прежде всего изобразит императору бедственное положение всей нации, он расскажет ему, как у этого народа высасывали кровь поборами, на какие роскоши и злодейства были растрачены эти кровавые деньги, что за люди те, которые обогащались нашим добром и которым дарили целые города; затем он еще будет взывать о мести за его деда и мать и сорвет завесу, скрывающую все ужасы и гнусные дела нынешнего царствования [191] — тогда, надеется он, его не будут судить, как отцеубийцу.

3. Очернив этой хитро сплетенной ложью Александра, Эврикл рассыпался в похвалах об Антипатре: только он один и любит своего отца, только благодаря его энергичным мерам заговор до сих пор не мог быть осуществлен. Царь, в котором не изгладились еще прежние подозрения, этими новыми открытиями был приведен в бешеную ярость. Антипатр воспользовался новым благоприятным моментом для того, чтобы выставить еще других

обвинителей, которые донесли, что оба брата имели тайные совещания с двумя бывшими кавалерийскими офицерами, Юкундом и Тиранном, уволенными незадолго пред этим за упущения по службе. Рассвирепев еще больше этим известием, Ирод приказал подвергнуть обоих офицеров пытке. Но они ничего не признали из того, что им ложно было приписано. Тут представлено было еще письмо Александра, в котором он просил коменданта одной из царских крепостей [192] принять его и Аристовула после убийства ими своего отца и предоставить в его распоряжение оружие и другие военные принадлежности. Александр объявил это письмо плутовской проделкой Диофанта — царского секретаря, дерзкого малого, изощрявшегося всегда в подделке почерков и поплатившегося, наконец, жизнью за свое искусство. И начальник крепости был подвергнут пытке, но и от него Ирод не мог добиться того, в чем его обвиняли.

4. Сознавая сам бездоказательность улик, он, тем не менее, велел арестовать своих сыновей, не заключая их, впрочем, в цепи. Губителя же его семейства, изобретателя всего этого злодейского плана он назвал своим спасителем и благодетелем и наградил его пятьюдесятью талантами. Прежде чем весть об истинном положении братьев могла распространиться, Эврикл поспешил в Каппадокию и выманил денежный подарок также у Архелая, нагло уверив его в том, что он помирил Ирода с Александром. Прибыв в Грецию, он употребил эти грешные деньги на такие же плутовские дела. Обвиненный два раза пред императором в возмущении Ахайи и обкрадывании общественных касс, он, наконец, был осужден на изгнание. Так ему было воздано за его согрешения пред Аристовулом и Александром.

5. Этому спартанцу по справедливости должен быть противопоставлен коянин Эварат. Он был один из ближайших друзей Александра и прибыл в Иудею одновременно с Эвриклом. Когда царь допытывался у него относительно показаний последнего, он клятвенно уверял, что ничего подобного не слышал от молодых людей. Но это свидетельство, конечно, не помогло несчастным. Только злое и худое Ирод был склонен выслушивать и только тот снискал его милость, который вместе с ним верил и вместе с ним злобствовал.

Глава ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

(И. Д. XII, 10, 11).

Ирод, с разрешения императора, выступает в Берите обвинителем своих сыновей, которые, не будучи представлены собранию, осуждаются. Вслед за тем их отправляют в Зебасту для совершения над ними казни.

1. Саломия тоже подстрекала царя на самые крайние меры против его сыновей. Дело сложилось такими образом: Аристовул, желая связать со своей собственной судьбой эту тещу свою и тетку, велел передать ей, чтобы она позаботилась о своем спасении, так как царь намеревается казнить ее за прежние ее грешки, за то именно, что она, желая сделаться женой араба Силлая, передала ему, врагу царя, тайны последнего. Еще грознее зарядилась тогда буря, которая должна была уничтожить обоих юношей. Саломия прибежала к царю и сообщила ему о полученном предостережении. Это привело Ирода в такую ярость, что он приказал заковать сыновей в кандалы, разъединить их между собою и немедленно же отправил начальника Волумния вместе с своим другом Олимпом с письменным донесением к императору. Получив чрез этих послов в Риме бумаги от царя, [193] император очень пожалел о юношах; но, с другой стороны, ему казалось несправедливым лишить царя отцовской власти над его сыновьями. Он ответил поэтому, что признает за ним полную свободу действия, но что «он поступит благоразумно, если предоставит расследование заговора полному собранию его же родственников и высших чинов провинции. Будет установлена виновность юношей, тогда они достойны смерти; если же окажется, что они только помышляли о тайном бегстве [194], то их можно подвергнуть более мягкому наказанию» .

2. Ирод последовал этому совету и отправился в город Берит [195], указанный ему императором и созвал собрание. Председательствовали, по назначению императора, наместники: Сатурнин [196] и Педаний с их легатами; возле них заседали: прокуратор Волумний, затем родственники и друзья царя, в том числе Саломия и Ферор и, кроме них, все владетели Сирии, за исключением царя Архелая [197], ибо ему, как тестю Александра, Ирод не доверял. Самих сыновей он, по раньше принятому решению, не представил собранию: он очень хорошо знал, что один только вид их вызовет сострадание у всех, а если еще им предоставлено будет слово защиты, то Александр очень легко сумеет поколебать обвинение. Они содержались под стражей в одной сидонской деревне Платане [198].

3. Царь поднялся и стал громить своих сыновей, точно они тут же стояли пред его глазами. Обвинение в покушении на его жизнь он поддерживал слабо, как будто он сам чувствовал несостоятельность улик; тем энергичнее он обвинял их в поношении его имени, насмешках и оскорблении его личности, и таких фактов он исчислил такое множество, что сама смерть казалась заседающим слишком ничтожным наказанием. Так как никто ему не возражал, то он стал оплакивать самого себя: приговор против его сыновей постигнет его самого, победа над детьми — это горькая победа [199]. Вслед за этим он стал собирать голоса. Первым высказался Сатурнин: он признал юношей виновными, но не заслуживающими смертной казни; он не вправе, сказал он, решить гибель детей другого в то время, когда у него сбоку стоят его собственные три сына [200]. К его заключению присоединились оба легата и еще несколько лиц. Волумний был первый, произнесший ужасный приговор и вслед за ним уже все осудили юношей на смерть — одни из лести, другие из ненависти к Ироду, но никто из негодования против обвиненных. Вся Сирия и Иудея с напряженным вниманием следили за ходом этой трагедии; никто, однако, не допускал, что Ирод доведет свою жестокость до детоубийства. Но он поволок своих сыновей в Тир [201], а оттуда поплыл в Кесарею, чтобы обдумать род казни для юношей.

4. Один из ветеранов царя, по имени Терон, сын которого был интимным другом Александра и который сам тоже очень любил юношей, от избытка скорби об их участи лишился рассудка. Сначала он бегал по улицам и кричал: «правосудие попрано, правда исчезла, природа извращена и вся жизнь полна преступлений» и многое другое, что может внушить душевное горе человеку, решившемуся рискнуть своею жизнью [202]. Наконец, он осмелился выступить лично пред царем и, обращаясь к нему воскликнул: «В тебе, кажется, злой демон засел, что ты худшим из людей веришь больше, чем твоим любимейшим детям! Ферору и Саломии, которых ты уже неоднократно признавал достойными казни, ты веришь, когда они клевещут на твоих детей. Они только хотят похитить у тебя настоящего престолонаследника и никого больше не оставить тебе, кроме Антипатра, для того, чтобы в будущем иметь такого царя, с которым они бы могли сделать все, что пожелают. Подумай только о том, не привлечет ли ему смерть братьев ненависть солдат! Ведь нет ни одного человека в армии, который бы не сочувствовал юношам, а из командиров иные публично выражают свое негодование». При этом он назвал имена недовольных. Но царь тут же отдал приказание арестовать последних вместе с Тероном и сыном его.

5. Тут выступил еще придворный цирюльник по имени Трифон, и по какому то умопомраченью сам выдал себя. «И меня, сказал он, хотел этот Терон уговорить зарезать тебя во время стрижки, обещав мне за это большое вознаграждение от Александра». Вследствие этого доноса, Ирод приказал и Терона и его сына вместе с цирюльником подвергнуть пытке. Так как первые все отрицали, а последний не высказывал больше того, что он уже говорил, то он велел усилить истязания Терона. Сын, тронутый муками отца, вызвался все открыть царю, если только он простит отца. Царь обещал помилование; тогда сын сказал, что отец, по наущению Александра, хотел лишить его жизни. Это заявление одни считали выдумкой, к которой сын прибег для освобождения отца от пыток, другие же приняли это за чистую правду.

6. Теперь Ирод обвинял в народном собрании своих полководцев и Терона и направил на них чернь, которая забросала их камнями и бревнами и умертвила на месте всех [203], не исключая и цирюльника. Своих сыновей он отправил в Зебасту [204] (21, 2), невдалеке от Кесареи и приказал их задушить. Его приказ был быстро приведен в исполнение [205]. Тела их он велел перевести в крепость Александрион, где они должны были быть положены рядом с их дедом по материнской линии, Александром [206]. Таков был конец Александра и Аристовула.

Глава ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

(И. Д. XVII, 1).

Антипатр повсюду ненавидим. Царь обручает детей умерщвленных сыновей со своими родными; Антипатр же помышляет о других браках для них. Жены и дети Ирода.

1. Антипатр остался теперь неоспоримым наследником престола. Но над ним тяготела тяжелая ненависть народа, ибо все и каждый знали, что это он был инициатором всех ложных обвинений против братьев. Вскоре также в его душу закрался не малый страх при виде подрастающего потомства умерщвленных. Александр имел от Глафиры двух сыновей, Тиграна и Александра [207], а Аристовул от Вереники, дочери Саломии — трех сыновей: Ирода, Агриппу и Аристовула, и двух дочерей: Иродиаду и Мариамну. После казни отцов этих семейств Ирод отослал Глафиру с ее приданым обратно в Каппадокию; жену же Аристовула, Веренику, он выдал замуж за дядю Антипатра по его матери [208]; брак этот затеян был самим Антипатром с целью расположить к себе Саломию, с которой он находился в натянутых отношениях. Подарками и всякого рода любезностями он искал также дружбы Ферора; не забывал он и приближенных императора в Риме, Сатурнина и его свиту в Сирии — все получали от него значительные суммы и щедрые подарки. Но чем больше он сорил деньгами, тем больше его презирали, ибо знали хорошо, что он не щедр по натуре, а расточителен по трусости своей. Награжденные поэтому не стали более склонны к нему, а обойденные им делались еще более ожесточенными врагами. Все значительнее делались его затраты по мере того, как он, против всякого ожидания, стал замечать, что царь озабочен судьбой сирот и что в его попечениях об отпрысках своих сыновей ясно проглядывает раскаяние в казни последних.

2. Однажды Ирод созвал к себе своих родственников и друзей, представил им сирот и с глазами, полными слез, произнес: «Страшный рок похитил у меня отцов этих детей: они же предоставлены теперь моим попечениям: к этому призывает меня голос природы и чувство жалости, возбуждаемое их осиротением. Если я оказался столь несчастным отцом, то я хочу попытаться быть, по крайней мере, более любящим дедом, и лучших моих друзей оставить им покровителями. Твою дочь Ферор, я обручаю со старшим сыном Александра для того, чтобы тебя, как опекуна, скрепляла бы с ним вместе с тем и ближайшая родственная связь. С твоим сыном, Антипатр, я обручаю дочь Аристовула, и будь ты отцом этой сироты! Ее сестру пусть возьмет себе в жены мой Ирод, имеющий по материнской линии дедом первосвященника. Кто теперь любит меня, тот пусть присоединится к моему решению и пусть никто из преданных мне не нарушит его. Я молю также Бога, чтоб Он благословил эти союзы на благо моего царства и моих внуков и да взирает Он на этих детей с более милосердным оком чем на их отцов».

3. Говоря таким образом, Ирод заплакал и соединил руки детей; затем он нежно обнял каждого из них и распустил собрание. Антипатр был в высшей степени смущен, и каждый мог это прочесть на его лице. Он подозревал, что отец в лице сирот готовит ему гибель, и уже боялся, что вся его карьера вновь будет подвержена опасности, если дети Александра, кроме Архелая, приобретут естественного защитника еще и в тетрархе Фероре. К тому он принял во внимание ненависть народа к его личности и сочувствие этого народа к сиротам, горячую любовь иудеев к погибшим из-за него братьям еще при жизни последних и благоговейную

память о них после смерти [209]. Все это побудило его принять решение, во что бы то ни стало расторгнуть обручение.

4. Действовать опять хитростью ему казалось неблагоразумным: он боялся строгости отца и его чуткой подозрительности. Зато он отважился открыто приступить к отцу с мольбой о том, «чтоб тот не лишил его опять той чести, которой раз уже удостоил, и не оставил бы его при одном только царском титуле в то время, когда действительная власть достанется другим. Он наверное никогда не достигнет этой власти, коль скоро сын Александра, который всегда может найти опору в Архелае, сделается еще зятем Ферора. А потому он убедительно просил, в виду еще обширности царской фамилии, изменить брачный план». Царь имел именно девять жен, принесших ему семеро детей [210]. Сам Антипатр был рожден от Дориды, Ирод — от дочери первосвященника Мариамны [211], Антип и Архелай — от самарянки Малтаки, от нее же родилась дочь Олимпиада, вышедшая замуж за племянника его, Иосифа [212]; от Клеопатры из Иерусалима родились Ирод и Филипп, от Паллады — Фазаель; кроме того у него были еще другие дочери, как Роксана и Соломия — первая от Федры, вторая от Эльпиды. Две жены — обе его племянницы [213] — были бездетны; двух дочерей [214] он имел еще от Мариамны — это были сестры Александра и Аристовула. На этом многочисленном потомстве Антипатр основывал свою просьбу об изменении помолвок.

5. Царь, поняв из этого предложения отношение Антапатра к сиротам, пришел в сильное негодование; уже в нем зарождалось подозрение, что и отцы этих сирот пали жертвой козней Антипатра; он поэтому отверг его просьбу и осыпал его самого самыми жестокими упреками. Но впоследствии он все-таки поддался обольстительной лести Антипатра, и дал ему в жены дочь Аристовула, а его сыну — дочь Ферора.

6. На сколько в данном случае была неотразима лесть Антипатра, можно судить потому, что даже Саломия с подобными просьбами ничего не могла добиться у него. Эта его родная сестра, поддерживаемая всесильным заступничеством императрицы Юлии [215], хлопотала о разрешении ей выйти замуж за араба Силлая; но царь клялся, что будет ее считать своим злейшим врагом, если она не откажется от этой мысли. Против ее воли, он выдал ее за своего друга Алекса, а ее дочерей он выдал: одну за сына Алекса [216], другую — за дядю Антипатра по материнской линии. Из дочерей Мариамны одна была замужем за сыном его сестры, Антипатром, другая — за его братом, Фазаелем.

Глава ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

(И. Д. XVII, 1-3).

Антипатр становится невыносимым; он едет в Рим с завещанием Ирода. Ферор оставляет брата, чтобы не быть вынужденным покинуть свою жену. Его смерть.

1. Уничтожив таким образом виды сирот и устроив брачные союзы в своих личных интересах, Антипатр думал, что благополучно достиг уже гавани. К врожденной его злости прибавилась теперь самоуверенность, которая сделала его еще более невыносимым. Не будучи в состоянии свалить с себя всеобщую ненависть, он успокаивал себя тем, что сделался для всех страшным. Даже Ферор, видевший в нем будущего царя, усердно его поддерживал. Но в это же время женщины при дворе сплотились вместе и вызвали новые распри. Во главе их партии стояла жена Ферора, к которой, кроме ее матери и сестры, примкнула также мать Антипатра. Она вела себя во дворце так высокомерно, что дерзнула даже раз оскорбить двух дочерей царя. Последнему она вследствие этого сделалась в высшей степени ненавистной. Но хотя царь ее сильно ненавидел, она тем не менее, при помощи своих союзниц, могла властвовать над другими [217]. Саломия была единственная, которая нарушала их гармонию: она донесла царю об их собраниях и внушила ему подозрение, что там злоумышляют против него. Как только те узнали об этом доносе и о негодовании царя, они прекратили открытые собрания и дружеские сношения между собою, а в присутствии царя притворялись даже враждебно-настроенными друг против друга. В этой

фальшивой игре участвовал также Антипатр, нанесший раз Ферору публичное оскорбление. Зато они отныне стали устраивать тайные собрания и ночные пирушки, а сознание, что они находятся под надзором, только укрепило их солидарность. Но от Саломии ничего не осталось скрытым, и она обо всем доносила Ироду.

2. Тогда возгорелся его гнев, и прежде всего на жену Ферора, которую Саломия преимущественно очернила. Он созвал собрание родственников и друзей, и жалуясь пред ними на эту женщину, вспомнил, между прочим, ее оскорбительное обхождение с его дочерьми; дальше, что она денежными подарками подстрекнула к сопротивлению фарисеев [218] и колдовством отвратила от него сердце брата. В заключении он в своей речи обратился к Ферору и предложил ему на выбор: отречься или от своего брата, или от своей жены. Когда же Ферор заявил, что охотнее он расстанется со своей жизнью, чем с женой, Ирод, не зная что делать, обратился к Антипатру и приказал ему прекратить всякие сношения с женой Ферора, с этим последним и со всеми его приближенными. Этот запрет Антипатр не смел переступить открыто, но тайно он целые ночи проводил в их обществе; а так как его пугал надзор Саломии, то он посредством своих римских друзей затеял поездку в Рим. Последние написали, что следовало бы Антипатра через некоторое время командировать в качестве посла к императору. В виду этого Ирод, немедля, снарядил его в путь с блестящей свитой и большой суммой денег поручив ему представить императору его завещание, в котором царем назначен был Антипатр, преемником же последнего — Ирод, сын Мариамны, дочери первосвященника.

3. Одновременно с ним ехал в Рим аравитянин Силлай, не исполнивший приказов императора, в виду того что Антипатру поручено было возобновить против него то самое обвинение, которое раньше еще было возбуждено Николаем [219]. Кроме вражды с Иродом, Силлай находился еще в не менее сильном разладе с своим же царем, Аретой [220], многих друзей которого, в том числе Соема — могущественнейшего человека в Петре [221] — он лишил жизни. Большими суммами он пытался залучить в свою пользу императорского домоправителя Фабата и надеялся найти в нем поддержку также против Ирода. Но последний предложил еще большую плату и отвлек от Силлая Фабата, которому также поручил взыскать с Силлая присужденную ему императором сумму. Но Силлай отказался от уплаты денег; он шел еще дальше и жаловался на Фабата императору: Фабат, доносил он, не преследует интересов своего повелителя, а служит только целям Ирода. Тогда Фабат, все еще состоя в высокой милости у Ирода, до того озлобился, что выдал тайны Силлая и открыл, между прочим, царю, что тот подкупил одного из его телохранителей, Коринфа: «пусть только, сказал он, арестуют его [222]». Царь поверил этому доносу, потому что Коринф вырос во дворце и был араб по происхождению. Он немедленно распорядился о задержании не одного только Коринфа, но и двух арабов, из коих один был другом Силлая, а другой — предводителем одного из аравийских племен. Последние, будучи подвергнуты пыткам, сознались что обещанием Коринфу большой суммы денег, они уговорили его убить Ирода. Таким образом и они после вторичного их допроса сирийским правителем, Сатурнином, были отправлены в Рим.

4. Ирод все еще продолжал настаивать на разлуке Ферора с его женой; ибо сколько бы он ни ненавидел ее, он все-таки не мог придумать другого средства, чем отмстить ей, пока, наконец, в порыве гнева, он прогнал из дворца их обоих. Ферор мирился с этой обидой, удалился в свою тетрархию [223], но поклялся при этом, что только смерть Ирода положит конец его изгнанию, а доколе тот будет жив, он никогда не возвратится назад. И он не пришел даже тогда, когда брать заболел, несмотря на то, что тот настойчиво звал его к себе и послал ему сказать, что он пред скороожидаемой смертью своей хочет оставить ему некоторые поручения. Сверх ожидания он опять выздоровел, но вслед затем заболел Ферор. Тогда Ирод показал себя более великодушным: он приехал к нему и участливо за ним ухаживал. Но Ферор не перенес болезни и умер чрез несколько дней. Хотя Ирод любил брата

до конца его дней, молва все-таки и эту смерть приписывала ему: говорили, что он отравил его ядом. Его тело Ирод велел перевести в Иерусалим, предписал всему народу самый глубокий траур и устроил ему блестящие похороны. Так постигла смерть одного из убийц Александра и Аристовула.

Глава ТРИДЦАТАЯ.

(И. Д. XVII, 4).

Производя следствие по поводу смерти Ферора, Ирод узнает о попытке Антипатра отравить его. Он прогоняет Дориду и Мариамну, замешанных в этом деле, и лишает наследства сына последней, Ирода.

1. Месть подвигалась вперед и приближалась к главному виновнику того убийства — Антипатру. Смерть Ферора послужила как бы сигналом. Некоторые из его вольноотпущенников [224] явились глубокосокрушенными к царю и сказали ему, что его брать Ферор умер от яда: его жена будто подала ему какое-то необыкновенное снадобье, по съедении которого он сейчас заболел; помимо того, за два дня до его смерти мать и сестра его жены привезла из Аравии женщину, сведущую в травах, для того, чтобы приготовить Ферору зелье любви; но вместо этого арабка, по уговору с Силлаем, с которым она знакома, поднесла ему смертельный напиток.

2. Как ошеломленный массой нахлынувших самых мрачных подозрений, царь приказал подвергнуть пыткам рабынь и некоторых свободных служанок. Одна из них в своих мучениях воскликнула: «Господь Бог, Царь небес и земли, да карает Он виновницу наших страданий — мать Антипатра!» Эти слова послужили для Ирода исходным пунктом, с которого он начал дальнейшее следствие. Та же личность открыла дружеские отношения матери Антипатра к Ферору и его семейству, их тайные собрания и как Ферор и Антипатр по приходе от царя кутили и бражничали целые ночи вместе с женами, не допуская к себе ни одного слуги или прислужницы. Вот почему все это показала одна из свободных служанок.

3. Тогда Ирод велел пытать отдельно каждую рабыню. Все показания последних в общем согласовались между собою и выяснили еще то обстоятельство, что поездка Антипатра в Рим и отъезд Ферора в Перею были заранее обдуманы ими и предприняты по взаимному соглашению. Часто они выражались таким образом: «раз Ирод справился уже с Александром и Аристовулом, то он еще доберется к ним и их женам; после того, как он задушил Мариамну и ее детей, то никто не может ждать от него пощады; лучше всего, поэтому по возможности не встречаться с этим кровожадным зверем. Часто Антипатр жаловался своей матери; он уже поседел, а отец с каждым днем становится все моложе, и он, вероятно, еще должен будет умереть, прежде чем вступит в правление. Но пускай даже отец опередит его смертью — когда же это будет? — то, во всяком случае, царствование принесет ему кратковременную радость. Головы гидры — дети Аристовула и Александра, растут, а виды для его собственных детей отец у него похитил, потому что в завещании он преемником его (Антипатра) не назначил ни одного из его сыновей, а Ирода, сына Мариамны. Впрочем, в этом отношении он не более, как старый простофиля, если воображает, что его завещание после смерти его останется в силе: он уже позаботится о том, чтобы никто из его потомков не остался в живых. Никогда еще отец так ненавидел своих детей, как Ирод, но его братская ненависть простирается еще выше: недавно только он дал ему 100 талантов за то лишь, чтобы он ни слова не вымолвил с Ферором. На вопрос последнего: «Что я ему сделал худого? «Антипатр ответил: «Мы должны почитать себя счастливыми, что он, отняв у нас все, дарует нам хоть жизнь. Но невозможно спастись от такого кровожадного чудовища, которое даже не терпит, чтоб открыто любили других. Теперь, конечно, мы вынуждены скрывать наши свидания; но вскоре мы это будем делать открыто, если только мы будем мужественны и смело подымем руку».

4. Так показали служанки, подвергавшиеся пытке; дальше они сообщили, что Ферор имел в виду бежать вместе с ними в Перею. Упоминание о 100 талантах придало в глазах Ирода достоверность всем прочим их показаниям, потому что об этом он ни с кем не говорил, кроме Антипатра. Прежде всего его гнев разразился над Доридой — матерью Антипатра: он отнял у нее подаренные ей раньше драгоценности, стоившие много талантов, и прогнал ее во второй раз. Женщин Ферора он помиловал и велел вылечить их от ран, причиненных им пытками. Сам же он был повергнут в такое отчаяние, которое лишило его всякого самообладания: самое ничтожное подозрение подымало бурю в его душе; массу невинных он поволок к пыткам только для того, чтобы не обойти ни одного виновного.

5. Так он добрался к самарянину Антипатру, управлявшему домом Антипатра. Подвергнутый пыткам, он признался в следующем: Антипатр поручил одному из своих близких друзей, Антифилу, доставить из Египта смертельный яд для царя; Антифил вручил яд дяде Антипатра, Феодиону [225]; этот передал его на руки Ферору, которому Антипатр предложил отравить им Ирода в то время, когда он сам будет находиться вне пределов подозрения — в Риме, а Ферор отдал яд на сохранение своей жене. Царь сейчас же послал за нею и приказал ей выдать полученное. Она вышла как будто с намерением принесть яд, но тут же бросилась с крыши, чтобы избегнуть следствия и жестокого обращения царя. Но по явному предопределению Провидения, которое хотело наказать Антипатра, она не упала на голову, а на другие части тела, и осталась живой. Когда ее внесли во дворец, царь приказал подать ей подкрепляющие средства (потому что она была ошеломлена от падения) и спрашивал ее затем о причине, побудившей ее броситься с крыши. Если она скажет правду, то он клянется освободить ее от всякого наказания; в противном случае, если она что-нибудь скроет, он прикажет так обработать ее тело пытками, что ничего от нее не останется для погребения.

6. После краткой паузы женщина начала: «Зачем мне хранить еще тайну, когда Ферор уже мертв? Или должна я щадить Антипатра, который всех нас погубил? Слушай же, царь, и Бог, которого обмануть нельзя, да будет Он вместе с тобою моим свидетелем, что я говорю истину. Когда ты в слезах сидел у смертного одра Ферора, он призвал меня к себе и сказал: «да, жена, я жестоко ошибался, в моем брате! Тяжело я провинился перед ним! Его, который так искренно любит меня, я ненавидел! Того, который так глубоко сокрушается моей смертью даже до наступления ее, я хотел убить! Я теперь получаю возмездие за мое бессердечие; ты же принеси сюда яд, оставленный нам Антипатром для его отравления и хранящийся у тебя, и уничтожь его сейчас на моих глазах для того, чтобы я не уносил с собою духа мщения в подземное царство». Я повиновалась ему, принесла яд и большую часть высыпала пред его глазами в огонь; но немного я сохранила для себя на случай нужды и из боязни пред тобою».

7. С этими словами она протянула баночку, содержавшую незначительную дозу яда. Тогда царь подверг пытке мать и брата Антифила; они сознались, что эту баночку Антифил привез из Египта, получив ее от своего брата, александрийского врача. Духи Александра и Аристовула, витавшие над дворцом, вывели, таким образом, на свет самые сокровенные преступления и привели к суду таких лиц, которые больше кого-либо других были далеки от подозрения. Так открыто было, что в заговор была посвящена также дочь первосвященника, Мариамна; братья выдали ее под пыткой. Царь наказал также сына за дерзость матери: он вычеркнул Ирода из завещания, в котором последний назначен был преемником Антипатра [226].

Глава ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

(И. Д. XVII, 4; 5, 2).

Антипатра выдает Бафилл. Тот ничего не подозревая возвращается из Рима. — Ирод привлекает его к суду.

1. Все предыдущие доказательства были еще подкреплены Бафиллом, свидетельство которого имело решающее значение. Он, вольноотпущенник Антипатра, предъявил другое смертельное средство — змеиный яд и соки других пресмыкающихся, которыми Ферор и его жена должны были вооружиться против царя на тот случай, если первый яд окажется слишком слабым. Вместе с тем, как бы в дополнение к отцеубийственным планам, он представил еще письма, сочиненные Антипатром с целью погубить своих братьев [227]. Сыновья царя, Архелай и Филипп, [228] оба уже в юношеском возрасте и полные благородных стремлений, находились в Риме для получения образования. Чтобы заблаговременно избавиться от этих юношей, стоявших ему поперек дороги, Антипатр частью сам сочинял ложные письма от имени своих друзей в Риме, частью подкупал других писать такие письма, в коих сообщалось, что юноши часто поносят отца, совершенно открыто оплакивают Александра и Аристовула и очень недовольны вызовом их обратно на родину. (Отец их только что вызывал из Рима, что очень беспокоило Антипатра).

2. Подобные письма, впрочем, он за деньги заказывал в Риме еще до своего отъезда из Иудеи; но тогда его ни в чем нельзя было подозревать, так как пред отцом он разыгрывал роль защитника братьев, объявляя одни обвинения против них ложными доносами и оправдывая другие ошибками молодости. Так как он затрачивал большие суммы денег на подкуп авторов этих доносов, то он старался скрыть их под разными другими легальными расходами. С этой целью он закупил дорогие материи, пестрые ковры, серебряную и золотую утварь и многие другие драгоценности, дабы преувеличенными затратами на эти предметы прикрыть издержки на вознаграждение фальсификаторов писем. Итог его расходов простирался таким образом на 200 талантов, большую часть которых он отнес на счет процесса с Силлаем. Так как совокупные показания свидетелей, допрошенных под пыткой, до очевидности выяснили план отцеубийства, а письма обличали попытку на вторичное братоубийство, то все злодеяния Антипатра, начиная от легких до самых тяжких, были вполне раскрыты. При всем том никто из приезжавших в Рим не сообщил ему о перемене вещей в Иудее, несмотря на то, что от расследования дела до его возвращения из Рима протекло семь месяцев. Так велика и всеобща была ненависть к нему. Быть может и духи умерщвленных братьев замыкали рты тем, которые хотели открыть ему положение вещей. Так он сообщил в письме о своем скором возвращении из Рима и какие торжественные проводы устроил ему император.

3. Царь, сгорая нетерпением иметь уже в своих руках изменника и боясь, чтобы он как-нибудь не узнал о происшедшем и не стал бы принимать меры предосторожности, разыгрывал также лицемера в письмах, говорил ему учтивости и напоминал ему в особенности о необходимости поторопиться приездом; если он ускорит свое прибытие, то он, царь, будет иметь также возможность сложить обвинение с его матери. Изгнание матери не осталось для него безызвестным. Еще до этого в Таренте Антипатр получил также известие о смерти Ферора, по которому он устроил великий траур; многие приняли это за признак любви к дяде и очень хвалили, хотя, как кажется, скорбь его относилась к неудачному исходу заговора, а оплакивал он в Фероре собственно только орудие убийства. Уже его начала мучить мысль, как бы там не открыли яда; но получив в Киликии упомянутое письмо отца, он поспешно продолжал свой путь. Вскоре он высадился в Келендерии, где мысль о несчастье своей матери заставила его вновь встревожиться, не предвещая ему лично ничего хорошего. Более осторожные из его друзей советовали ему не являться к отцу до тех пор, пока он не узнает достоверно о причинах удаления его матери; они предвидели, что и он может быть замешан в обвинениях против нее. Но менее рассудительные, которые, впрочем, не столько пеклись о благе Антипатра, сколько сами стремились к своему домашнему очагу, гнали его вперед. «Он не должен, говорили они, своей медлительностью дать повод своему отцу к подозрению и развязать языки клеветникам; если до сих пор что нибудь уже затеяно против него, так и это было вызвано только его отсутствием. Было бы неблагоразумно из-за

сомнительного подозрения лишить себя верного блага и не спешить в объятия отца, чтобы чем скорее перенять корону, которая в его отсутствии уже колеблется на голове Ирода». Он последовал последнему совету. Его злой гений внушил ему это. Переплыв море, он вступил в кесарейскую гавань, Себасту.

4. Против всякого своего ожидания, он увидел себя здесь одиноким и покинутым. Все и каждый сторонился от него и никто не осмелился приблизиться к нему. Ибо он был одинаково презираем всеми, а тогда презрение могло уже открыто заявлять о себе. Многие избегали его также из боязни пред царем, так как весь город был уже полон зловещих слухов об Антипатре. Никогда ни один человек не был торжественнее провожаем, чем он при своем отъезде в Рим, и никогда кто-либо не был встречаем с меньшим радушием, чем он. Уже он чуял несчастье, которое ожидает его дома; но он был достаточно тверд для того, чтобы скрыть свои чувства. Еле живой от страха, он силился принять вид гордой самоуверенности. Бежать или вырваться из окружавшей его сети было невозможно; к тому же он и здесь не узнал ничего положительного о том, что происходило у него дома, ибо царь строго запретил сообщение ему каких-либо сведений. Только одна надежда ободряла его: быть может ничего еще не раскрыто, или же если кое-что и обнаружено, то он наглостью своей и обманом сумеет рассеять подозрения. Это были еще его единственные средства спасения.

5. Опираясь на них, он прибыл во дворец, однако, без своих друзей, так как последние еще у первых ворот с презрительными насмешками были оттолкнуты назад. Во внутренних покоях находился как раз сирийский наместник, Вар [229]. Антипатр вошел к отцу и, собравши все свое бесстыдство, приблизился к нему, чтобы заключить его в свои объятия. Но Ирод простирает руки вперед, отворачивает голову и кричит: «Это совершенно похоже на отцеубийцу! меня обнять, когда имеешь на совести такую вину! Провались сквозь землю, злодей! Не прикасайся ко мне, пока ты не очистился от вины! Я даю тебе суд и судью в лице Вара, прибывшего как раз кстати. Прочь отсюда и обдумай твою защиту до завтра; я хочу еще дать тебе время для твоих уверток!» Обеспамятев от страха, Антипатр безмолвно попятился назад. Мать и жена, находившиеся у него, ознакомили его со многими показаниями. Пришедши опять в себя, он начал обдумывать свою защиту.

Глава ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

(И. Д. XVII, 5, 3-6, 1)

Антипатр перед судом Вара. — Несомненные улики подтверждают взведенное на него обвинение. — Ирод откладывает казнь до своего выздоровления, а между тем изменяет свое завещание.

1. На следующий день царь созвал собрание своих родственников и друзей, на которое он пригласил также друзей Антипатра. Председательствовал он сам вместе с Варом. Были приведены все свидетели, между которыми находились также недавно задержанные некоторые слуги матери Антипатра, представившие письмо от нее к Антипатру. Письмо гласило: «Все раскрыто твоим отцом. Не предстань пред ним, разве только заручившись покровительством императора. Когда эти и остальные свидетели были введены, вышел также Антипатр и, бросившись лицом к ногам отца он произнес: «Я умоляю тебя, отец, не осуждай меня заранее, а выслушай беспристрастно мою защиту; если ты только позволишь, то я докажу свою невинность».

2. Ирод приказал ему замолчать и, обращаясь к Вару, сказал: «Я уверен, что ты, Вар, как и каждый другой добросовестный судья, признаешь Антипатра отвратительным злодеем. Я только боюсь, что ты будешь считать мою ужасную судьбу заслуженной, если я воспитал таких сыновей. Но именно вследствие этого я скорее заслуживаю сожаления, ибо столь преступным сыновьям я был, однако, таким любящим отцом. Моих прежних сыновей я еще в юношеском возрасте назначил царями, дал им образование в Риме, императора я сделал их другом и их самих вследствие этого предметом зависти для других царей. Но я находил, что

они посягают на мою жизнь, и они должны были, главным образом Антипатру в угоду, умереть, потому что его — еще юношу и престолонаследника — я хотел обезопасить от всех. Но это ужасное чудовище, злоупотребляя моим долготерпением, обратил свое высокомерие против меня самого; я слишком долго жил для него, моя старость была ему в тягость, — и он уже иначе не мог сделаться царем, как только чрез отцеубийство. Мне суждено теперь принять заслуженную кару за то, что я пренебрег сыновьями, рожденными мне царицей, приютил отверженца и его назначил наследником престола. Признаюсь тебе, Вар, в моем заблуждении: я сам восстановлял против себя тех сыновей; Антипатра ради я разбил их законные надежды. Когда я тем оказывал столько благодеяний, сколько ему? Еще при жизни я уступил ему всю почти власть, всенародно в завещании назначил его моим преемником, предоставил ему 50 талантов собственного дохода и щедро поддерживал его из моей казны; еще недавно я дал ему на поездку в Рим 300 талантов и отличил его пред всей моей семьей тем, что представил его императору, как спасителя отца. Что те мои сыновья учинили такое, которое можно было сравнить с преступлениями Антипатра? И какие улики выставлены были против них, в сравнении с теми, которыми доказывается виновность этого? Однако, отцеубийца имеет дерзость что-то сказать в свою защиту; он надеется еще раз окутать правду ложью. Вар, будь осторожен! Я знаю это чудовище; я знаю наперед, какую личину он напялит на себя для внушения доверия, какую коварную визготню он подымет здесь пред нами. Знай, что это тот, который все время, когда жил Александр, предупреждал меня беречься от него и не доверять своей особы кому бы то ни было. Это тот, который имел доступ даже в мою спальню, который оглядывался всегда, чтобы кто-либо не подкараулил меня. Это тот, который охранял мой сон, который заботился о моей безопасности, который утешал меня в моей скорби по убитым, который должен был наблюдать за настроением умов своих живых братьев — мой защитник, мой хранитель! Когда я вспоминаю это воплощенное коварство и лицемерие? о, Вар, тогда я не могу постичь, как это я еще живу на свете, как это я спасся из рук такого предателя! Но раз злой демон опустошает мой дом и тех, которые дороже моему сердцу, превращает всегда в моих врагов, то я могу только оплакивать несправедливость моей судьбы и стонать над своим одиночеством. Но пусть никто из жаждущих моей крови не избегнет кары и если бы даже обвинение охватило всех моих детей кругом!»

3. Сказав это, царь, вследствие сильного волнения, оборвал речь и приказал одному из своих друзей, Николаю, изложить доказательства. В эту минуту Антипатр, лежавший все время распростертым у ног отца, поднял голову и воскликнул: «Ты сам, о отец, защищал меня. Как я могу быть отцеубийцей, когда ты, как сам сознаешься, во все времена находил во мне стражника. Моя сыновняя любовь, сказал ты, была одна только ложь и лицемерие. Но как это я, по твоему, такой хитрый и опытный во всем, мог быть на столько безрассуден, чтоб не подумать, что тот, который берет на свою совесть такие преступления, не может укрыться даже от людей, а тем больше от всевидящего и вездесущего судьи на небесах! Или мне было безызвестно, какой конец постиг моих братьев, которых Бог так наказал за их злые замыслы против тебя? И что могло меня восстановить против тебя? Притязание на царское достоинство? Я же был царем. Боязнь пред твоей ненавистью? Но не был ли я любим? Или я из-за тебя должен был опасаться других? Но ведь я, охраняя тебя, был страшен всем другим. Быть может, нужда в деньгах? Но кто имел возможность жить роскошнее меня? И будь я отщепенец рода человеческого, обладай я душой необузданного зверя — не должны ли были победить меня благодеяния твои, отец ты мой! Ты, который, как сам говоришь, принял меня во дворец, избрал из всех своих сыновей, еще при жизни твоей возвел меня в царский сан и многими другими чрезмерными благодеяниями сделал меня предметом зависти! О, каким несчастным сделала мена эта проклятая поездка! Сколько простора я дал зависти! Сколько времени — клеветникам! Но для тебя же, отец, и в твоих интересах я предпринял это путешествие, — для того, чтобы Силлай не насмеялся над твоей старостью. Рим свидетель

моей сыновней любви и властитель земли — император, который часто называл меня отцелюбцем. Возьми, отец, это письмо от него: оно заслуживает больше доверия, чем все клеветы, произнесенные здесь против меня; это письмо — мой единственный защитник; на него я ссылаюсь как на свидетельство моей нежной любви к тебе. Вспомни, отец, как неохотно я выехал, ведь я хорошо знал скрытую вражду против меня в государстве. Ты, отец, сам, того не желая, погубил меня тем, что заставил меня дать время зависти злословить. Теперь я опять здесь, я здесь, чтобы смотреть обвинению в лицо. На суше и на море меня, отцеубийцу, не постигло никакое несчастье. Но это доказательство мне не поможет, потому что я проклят Богом и тобою, отец! Если так, то я прошу не верить показаниям, исторгнутым пыткой у других, а для меня пусть принесут сюда огонь, в моих внутренностях пусть копаются орудия смерти! Пусть ничье сердце не смягчится воем негодяя! Раз я отцеубийца, то я не должен умереть без мучений!» Эти слова, произнесенные со слезами и рыданиями, тронули всех присутствовавших, а также и Вара. Только Ирод в своем гневе остался неумолим. Он слишком хорошо знал основательность обвинений.

4. По приказанию царя, стал говорить свою речь Николай [230]. Подробно охарактеризовав коварство Антипатра и рассеяв опять возбужденное последним сострадание, Николай перешел к существу обвинения. Он взвалил на него все ужасы, произошедшие в последнее время в царской фамилии, а именно, казнь братьев, которых, как он доказал, погубили исключительно интриги Антипатра. Так, продолжал Николай, он подкапывался и под оставшихся в живых братьев, которые, по его мнению, угрожали престолонаследию. И не удивительно: кто своему отцу готовит яд, тот братьев подавно щадить не будет. Перейдя затем к доказательствам задуманного отравления, он по порядку анализировал все показания свидетелей и, коснувшись в своей речи Ферора, выразил свое негодование по поводу того, что и его Антипатр чуть не сделал братоубийцей, что, совращая с пути любимейших царю особ, он весь царский дом наполнил преступлениями. Сделав еще много других разоблачений и подкрепив их соответствующими доказательствами, он закончил свою речь.

5. Вар спрашивал Антипатра, что он имеет возразить против этого. Он ответил только: «Бог свидетель моей невинности» и, молча, остался лежать. Тогда Вар велел принести яд и дать его выпить одному осужденному на смерть пленнику. Последний умер тут же на месте. Вар имел еще тайное совещание с Иродом, доложил императору о происшедшем в собрании и на следующий день уехал. Царь же приказал заключить Антипатра в кандалы и отправил в Рим посольство для донесения о своем несчастье императору.

6. По заключении уже процесса открылся заговор Антипатра также против Саломии. Один из слуг Антипатра привез из Рима письма от одной из служанок Юлии [231], по имени Акма [232]. Последняя писала царю: «из сочувствия к нему она препровождает ему, по секрету, письма Саломии, найденные ею между бумагами Юлии». Эти письма были полны самых сильных поношений имени Ирода и тяжелых обвинений против него. Антипатр их подделал и подкупил Акму переслать их царю. Эта хитрость была обнаружена другим письмом, адресованным той же женщиной на имя самого Антипатра и гласившим следующее: «Согласно твоему указанию, я писала твоему отцу и препроводила ему те письма. Я убеждена, что, прочитав их, царь не пощадит своей сестры. Когда все удастся, ты, я надеюсь, не забудешь своих обещаний».

7. Когда это письмо вместе с теми, которые были подделаны с целью компрометировать Саломию, были представлены царю, последнему тогда только запало подозрение, что и против Александра могли фабриковаться поддельные письма. Глубоко потрясенный мыслью о том, что Антипатр чуть ли не сделал его также убийцей сестры, он хотел было сейчас же отмстить Антипатру за все. Но тяжелый недуг мешал ему в осуществлении этого решения. Он, однако, написал императору относительно Акмы и заговора против Саломии; затем он велел принести себе завещание и изменил его таким образом, что, обойдя старших своих

сыновей, Архелая и Филиппа, скомпрометированных в его глазах тоже происками Антипатра, назначил престолонаследником Антипу [233]. Императору он, кроме ценных вещей, завещал наличными деньгами тысячу талантов, его жене, детям, друзьям и отпущенникам — около 500 талантов. Многих других он наделил землями и денежными суммами; но самыми блестящими подарками он наградил свою сестру Саломию. Вот те изменения, которые он ввел в свое завещание.

Глава ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Низвержение золотого орла. — Жестокость Ирода в последние минуты жизни. — Его попытка наложить на себя руку. — Он приказывает совершить казнь над Антипатром. — Через пять дней после этого сам умирает, (И. Д. XVII, 6, 1-8, 3).

1. Болезнь Ирода все более и более ухудшалась, так как она застигла его в старости и горе. Он был уже близок к семидесятилетнему возрасту, а семейные несчастия до того омрачили его дух, что и в здоровом состоянии он ни в чем не находил для себя отрады. Сознание, что Антипатр еще жив, усугубляло его болезнь; однако, он не хотел разделаться с ним на скорую руку, а решил подождать до своего выздоровления для того, чтобы казнить его самым формальным образом.

2. В эти тяжелые дни он должен был еще пережить народное восстание. В Иерусалиме жили два вероучителя, почитавшиеся особенно глубокими знатоками отечественных законов и пользовавшиеся поэтому высоким авторитетом в глазах всего народа. Один из них был Иегуда, сын Сепфорея [234], другой Матфия, сын Маргала [235]. Много юношей стекалось к ним, чтобы слушать их учение, образовывая вокруг них каждый день целые полчища. Когда те узнали, как болезнь и горе снедают царя, они в кругу своих учеников проронили слово о том, что теперь настало удобное время спасти славу Господню и уничтожить поставленные изображения, нетерпимые законами предков; ибо закон запрещает внесение в храм статуй, бюстов и иных изображений, носящих имя живого существа [236]. А между тем царь поставил над главными воротами храма золотого орла. Вот этого орла законоучители предлагали сорвать и прибавили, что хотя с этим связана опасность, но что может быть, почетнее и славнее, как умереть за заветы отцов; кто так кончает, душа того остается бессмертной и вкушает вечное блаженство; только дюжинные люди, чуждые истинной мудрости и непонимающие как любить свою душу, предпочитают смерть от болезни смерти подвижнической.

3. Одновременно с этими проповедями распространился слух, что царь лежит при смерти. Тем смелее молодежь принялась за дело. Среди белого дня, когда множество народа толпилось вокруг, храма, юноши опустились на канатах с храмовой кровли и разрубили золотого орла топорами [237]. Немедленно дано было знать об этом царскому начальнику, который быстро прибыл на место с сильным отрядом, арестовал до сорока молодых людей и доставил их к царю [238]. На первый его вопрос: «Они-ли это дерзнули разрубить золотого орла?» — они сейчас же сознались. На второй вопрос: «Кто им это внушил?» — они ответили: «Завет отцов!» На третий вопрос: «Почему они так веселы, когда их ждет смерть?» они ответили: «После смерти их ждет лучшее счастье».

4. Непомерный гнев, овладевший тогда Иродом, вселил в него новые силы и помог ему побороть болезнь. Он лично отправился в народное собрание, изобразил в пространной речи молодых людей, как осквернителей храма, которые под покровом закона преследовали более отдаленные цели, и потребовал, чтоб судили их, как богохульников. Боясь как бы не было привлечено к следствию множество людей, народ просил его наказать сперва только зачинщиков, затем лишь тех, которые были пойманы на месте преступления, а всех остальных простить. Весьма неохотно царь уступил этим просьбам. Он приказал тех, которые спустились с храмовой крыши вместе с законоучителями сжечь живыми, остальных арестованных он отдал в руки палачей, для совершения над ними казни [239].

5. После этого случая болезнь охватила все его тело и в отдельных частях его причиняла ему самые разнообразные страдания. Лихорадка не была так сильна, но на всей поверхности кожи он испытывал невыносимый зуд, а в заднепроходной кишке — постоянные боли; на ногах у него образовались отеки, как у людей, одержимых водобоязнью, на животе — воспаление, а в срамной области — гниющая язва, которая воспитывала червей. Ко всему этому наступали припадки одышки, лишавшие его возможности лежать, и судороги во всех членах. Мудрецы объясняли его болезнь небесной карой за смерть законоучителей. Он же сам, несмотря на отчаянную борьбу с такой массой страданий, цепко держался за жизнь: он надеялся на выздоровление и думал о средствах лечения. Он отправился на ту сторону Иордана для того, чтобы воспользоваться теплыми купаниями в Каллирое, вода которой течет в Асфальтовое озеро [240] и до того пресна, что ее можно также и пить. Врачи предполагали здесь согревать все его тело теплым маслом. Но, когда его опустили в наполненную маслом ванну, в глазах у него помутилось и лицо у него искривилось, как у умирающего. Крик поднятый слугами, привел его, однако, опять в сознание. Но с тех пор он уже сам больше не верил в свое исцеление и велел раздать солдатам по 50 драхм каждому, а офицерам и друзьям его более значительный суммы.

6. Прибыв на обратном пути в Иерихон, он в своем мрачном настроении, желая как будто бросить угрозу самой смерти, предпринял безбожное дело. Он приказал собрать знатнейших мужей со всех мест Иудеи и запереть их в так называемом ипподроме (ристалище); затем он призвал к себе свою сестру Саломию и мужа ее Алексу (28, 6) и сказал им: «Я знаю, что иудеи будут праздновать мою смерть, как юбилейное торжество [241]; однако мне могут устроить и траур и блестящую погребальную процессию, если только вы пожелаете исполнить мою волю. Как только я умру, тогда вы оцепите солдатами тех заточенных и прикажите как можно скорее изрубить их, дабы вся Иудея и каждая фамилия, против своей воли, плакала бы над моей смертью» [242].

7. Как только отдано было это приказание, получены были письма от послов из Рима, которые извещали, что Акма, по приказу императора, казнена, а Антипатр осужден им на смерть; однако, гласило письмо, если отец предпочтет изгнание смертной казни, то император против этого ничего не имеет. Царь опять поправился немного, по крайней мере, на столько, что в нем вновь пробудилась жажда жизни; но вскоре затем страдания его, усилившиеся недостаточным питанием и мучившим его постоянно судорожным кашлем, до того его одолели, что он решился предупредить свою судьбу. Он взял яблоко и потребовал себе нож, чтобы разрезать его, по своему обыкновению, на куски, — тогда он оглянулся кругом, не будет ли ему кто-нибудь мешать, и поднял свою руку, что бы заколоть себя. Но племянник его Ахиав очутился возле него, схватил его руку и не дал ему покончить с собою. Тогда в замке поднялся громкий плач, точно царь уже скончался. И Антипатр услышал этот крик; он опять ободрился; полный радостных надежд, он начал упрашивать стражу расковать его и дать ему ускакать, обещав ей за это деньги. Но начальник караула приказал солдатам зорко следить за ним, а сам поспешил донести царю об этом покушении на побег. Почти со сверхъестественной в его положении силой голоса он отдал приказание своим телохранителям немедленно же убить Антипатра [243]. Его тело он велел похоронить в Гирканионе. После этого он опять изменил завещание и назначил своего старшего сына, Архелая, брата Антипы, наследником престола, а самого Антипу — тетрархом [244].

8. Казнь своего сына Ирод пережил еще пять дней (74 до раз. хр.). С того времени, как он убийством Антигона достиг высшей верховной власти, протекли тридцать четыре, а со времени назначения его царем римлянами — тридцать семь лет. Если кто-нибудь мог говорить о счастье, так это был он. Частное лицо, — он приобрел царство, правил им долгое время и мог еще завещать его своим детям. Только в его собственной семье его постигали несчастия за несчастиями.

Прежде чем войско узнало о его смерти, сестра его Саломия вместе с ее мужем освободили всех пленных, которых царь приказал убить, заявив, что он изменил свое решение и теперь отпускает каждого на свою родину. А уже после того, как те удалились, она объявила солдатам о кончине царя и созвала их и остальной народ в амфитеатр в Иерихоне. Здесь выступил Птоломей [245] (24, 2), которому царь вверил свой перстень с печатью, прославил имя царя, утешил народ и прочел царский рескрипт на имя солдат, заключавший в себе неоднократные напоминания о верности его преемникам. По прочтении рескрипта он открыл завещание и огласил его содержание. Филипп был в нем назначен наследственным владетелем Трахонитиды (20, 4) и пограничных областей; Антипа, как уже выше было упомянуто, — тетрархом, а Архелай — царем. Последнему вместе с тем было поручено препроводить императору перстень с печатью Ирода и запечатанные акты, касающиеся государственного правления, ибо императору представлено было утверждение всех его распоряжений, и он должен был еще санкционировать завещание. Все прочее должно было остаться без изменений, согласно первоначальному завещанию.

9. После этого раздались громкие, ликующие крики, приветствовавшие Архелая. Солдаты вместе с народом проходили мимо него группами, присягая в верности и испрашивая на него благословение Божие. Затем приступлено было к погребению даря. Архелай не остановился ни пред какими затратами; для придачи большого блеска похоронной процессии, он выставил пред народом все царские украшения. Парадная кровать была из массивного золота и украшена ценными камнями; покрывало — из чистого пурпура и пестрело узорами; тело, лежавшее на нем, было покрыто алым сукном; голову царя обвивала диадема, а над нею лежала золотая корона; правая рука держала скипетр. Парадную кровать окружали сыновья и многочисленная толпа родственников; непосредственно за ними шли телохранители, отряд фракийцев, затем германцы и галлы — все в военных доспехах. Впереди шло остальное войско, предводительствуемое полководцами и командирами, в полном вооружении; за ними следовали пятьсот рабов и вольноотпущенников с благовонными травами в руках. Тело перенесено было на расстоянии двухсот стадий [246] в Иродион (21, 10), где оно, согласно завещанию, было предано земле. Таков был конец Ирода.

Конец первой книги

ВТОРАЯ КНИГА.

Глава ПЕРВАЯ.

(И. Д. XVII, 8, 4-9, 3).

Архелай дает народу траурный пир по поводу смерти Ирода. Скоро после этого происходит восстание, и он отправляет против восставших войско, которое убивает около 3000 человек.

1. Поездка в Рим (74 до раз. хр.), которую должен был совершить Архелай, дала повод к новым волнениям. Оплакав своего отца семь дней и дав народу богатый траурный пир (обычай у иудеев, вследствие которого многие разорились; наследники бывают почти вынуждены угостить участников в похоронах, в противном случае они рискуют прослыть неблагодарными к умершему), он в белом одеянии отправился в храм, где был восторженно встречен народом. Он приветствовал народ, сидя на золотом троне, воздвигнутом на высокой трибуне, благодарил его за усердное участие в похоронах его отца и за выражение ему

верноподданнических чувств, точно он уже в действительности был царем; "но, — прибавил он, — он удерживается пока не только от проявления власти, но и от принятия титула, пока не будет утвержден в престолонаследии императором, которому завещанием предоставлен решающий голос во всем. Он и в Иерихоне не принял диадемы, которую солдаты хотели возложить на него. Но когда он высшей властью будет утвержден царем, тогда он отблагодарит народ и войско за их добрые чувства к нему. Все его стремления будут направлены к тому, чтобы быть к ним во всех отношениях милостивее, чем его отец".

2. Обрадованный этими обещаниями, народ тут же пожелал испытать его истинное намерение высокими требованиями. Одни желали облегчения податей, другие — упразднения пошлин [1], а третьи требовали освобождения заключенных. Чтобы снискать расположения народа, он обещал все. Вслед за этим он совершил жертвоприношение и вместе со своей свитой предался пиршеству. Под вечер же собралась немалочисленная толпа домогавшихся нового порядка, которые, по окончании официального траура по государе, открыла свой особенный траур. Они оплакивали тех, которых Ирод казнил за уничтожение висевшего над храмовыми воротами золотого орла. Этот траур не был тихий и сдержанный; душу раздирающие стоны, искусственно возбужденные крики и плач, и громкие вопли огласили весь город. Таким образом они оплакивали тех, которые, по их словам, пали за веру отцов и святыню. Тут же раздался крик: "будем мстить за них Иродовым избранникам! Прежде всего должен быть устранен назначенный им первосвященник — долг и обязанность требует избрать более благочестивого и непорочного!" [2].

3. Как ни досадовал на это Архелай, но, в виду своей неотложной поездки, он на первое время удержался от казней. Он боялся, что если восстановит против себя народ, тогда волнения могут усилиться и сделают его поездку совершенно невозможной. Он пытался, поэтому, успокаивать недовольных больше добрым словом, нежели силой, и отрядил начальника, который должен был призвать народ к порядку. Но, как только тот явился в храм, мятежники прогнали его каменьями, не давая ему начать говорить, и других, которых Архелай посылал для их вразумления, они также с негодованием оттолкнули от себя. Было ясно, что если они получат еще подкрепление, тогда их совсем нельзя будет унять. Так как предстоял тогда праздник опресноков (который именуется у Иудеев Пасхой), когда совершается много жертвоприношений, то со всей страны стекалась в Иерусалим несметная масса народа. Те, которые оплакивали законоучителей, оставались сплоченными в храме и здесь раздували пламя восстания. Все это внушало Архелаю серьезные опасения. Боясь, чтобы мятежная горячка не охватила весь народ, он втихомолку послал трибуна во главе одной когорты [3] — с приказанием схватить коноводов. Но вся толпа бросилась на нее; большая часть солдат была истреблена каменьями; сам трибун был тяжело ранен и обратился в бегство. Как ни в чем не бывало, они вслед за этим приступили к жертвоприношениям. Но Архелай убедился, что без кровопролития толпа не даст обуздать себя. Он приказал поэтому выдвинуть против нее все свои военные силы: пехота густыми рядами вступила в город, а всадники высыпали в поле. Эти войска внезапно напали на жертвоприносителей, убили около трех тысяч из них, а остальную массу загнали в ближайшие горы. Недолго спустя явились герольды Архелая, возвестившие приказ о том, чтобы каждый возвратился к себе на родину. Так все разошлись не продолжая празднования.

Глава ВТОРАЯ.

(И. Д. XVII, 9, 4-7).

Архелай едет в Рим в сопровождении своей многочисленной родни. Обвиняемый Антипатром перед императором, он благодаря защите Николая, выходит победителем из затеянного против него дела.

1. Он сам, в сопровождении своей матери и друзей, Поплы, Птоломея и Николая отправился морем, оставив Филиппа в качестве регента и опекуна над его домом. Вместе с ним ехали также Саломия с ее детьми, равно как и братья и зятья царя, с виду для того,

чтобы поддержать притязания Архелая на престол, на самом же деле, — чтобы обвинять его пред императором за его бесчинства в храме.

2. В Кесарее они встретились с сирийским прокуратором Сабином, собиравшимся как раз в Иудею с целью принять под свою охрану сокровища Ирода. Архелай поручил Птоломею убедительно просить Вара удержать его от дальнейшей поездки. Из любезности к Вару, Сабин [4] действительно отказался от прежнего своего намерения поспешить в крепость и запереть пред Архелаем казнохранилища его отца; он даже обещал ничего не предпринимать до решения императора и остался в Кесарее. Но как только из удерживавших его один отправился в Антиохию, а другой, Архелай, отплыл в Рим, он быстро двинулся в Иерусалим, завладел царским дворцом и потребовал к себе комендантов и казначеев, желая от первых перенять власть над крепостями и выведать от других о состоянии запасных фондов. Начальники, однако, остались верными инструкциям Архелая: они не покидала своих поставь, "охраняя их собственно не именем Архелая, а больше от имени императора".

3. Между тем Антипа также отправился в путь с целью защищать и свои права на престол. Он полагал, что само завещание, в котором он назначен царем, должно иметь больше силы и значения, чем приложение к нему. Саломия и многие из его родственников, которые отплыли вместе с Архелаем, еще раньше обещали ему содействие; и мать свою, и брата Николая, Птоломея, он взял с собою. Влияние последнего, думал он, будет иметь большое значение, так как он был высоко поставлен у Ирода и пользовался его доверием [5]. Но самые большие надежды он возлагал на хваленое красноречие ритора Иринея. В надежде на него он отклонил всякие увещевания о том, что ему следует уступить Архелаю, как старшему и назначенному по завещанию. В Риме все родственники окончательно перешли на его сторону, потому что Архелай был ненавистен. Собственно говоря, каждому из них хотелось больше всего обладать независимым положением под верховной властью римского наместника. Но на тот случай, если б эта цель оказалась недостижимой, они все предпочитали иметь царем Антипу.

4. И Сабин споспешествовал их целям своими письмами, в которых он во многом обвинял пред императором Архелая и высоко хвалил Антипу. Когда Саломия и ее партия изложили на письме свои обвинения, и подали их императору, тогда Архелай также письменно изложил главные основания своих притязаний и вместе с перстнем отца и его счетами вручил их чрез Птоломея императору. Император обсудил про себя права обеих партий, величину государства, размеры его доходов и многочисленность семейства Ирода; затем он прочитал также письма Вара и Сабина по спорному вопросу и после всего собрал совет из знатнейших римлян, в котором он в первый раз представил право участия и голоса усыновленному им сыну Агриппы и дочери его Юлии, Гаю [6]. По открытии собрания он представил слово тяжущимся партиям. 5) Поднялся Антипатр, сын Саломии, наиболее красноречивый между противниками Архелая, и начал читать свою обвинительную речь. "На словах, сказал он, Архелай как будто теперь только домогается царства, но в действительности он уже давно состоит царем, и только для насмешки утруждает теперь уши императора своими просьбами. Он не счел нужным выждать решающего слова императора, но сам после кончины Ирода тайно подставил людей, которые бы увенчали его диадемой. Он сел на трон, отдавал распоряжения, точно царь, изменил организацию войска, раздавал чины, обещал народу все, чего последний просил у него, как у царя, освободил тех, которых его отец за серьезнейшие преступления держал в заточении, и после всего этого он является теперь, чтобы испросить у своего властителя только тень того царства, которое он в сущности давно уже присвоил себе и делает таким образом императора судьей не над предметами, а лишь над одними именами. Далее он упрекнул его в том, что "и траур его по отце был только лицемерный: днем бывало он собирал угрюмые складки на лице, а ночью предавался кутежам и в пьяном виде чинил самые скверные проказы. Уже одно поведение его служило поводом к народному восстанию". Но центр тяжести всей его речи лежал в

кровавой резне, произведенной во дворе храма: "люди прибыли на праздник и тут же возле их собственных жертв самым жестоким образом были заколоты. В храм собрана была такая огромная куча трупов, которая не могла бы остаться даже после внезапного нападения внешнего неприятеля. Предвидя жестокость Архелая, его отец не думал предоставить ему даже самые отдаленные виды на престол; лишь только впоследствии, когда он, страдая душевно более чем телесно, не был уже способен к здравому обсуждению вещей, он в приложении к завещанию назначил своим преемником того, которого раньше и знать не хотел, и даже без того, чтобы фигурировавший в первоначальном завещании, которого он наметил престолонаследником в здравом состоянии и совершенно бодром духе, подал ему хотя бы малейший повод к неудовольствию. Но если захотят непременно придать больше значения решению человека, лежавшего на смертном одре, то Архелай во всяком случае за его многочисленные преступления против страны должен быть лишен власти над ней. Каков же будет он царь после утверждения его императором, если он еще до своего утверждения убил такую массу людей"?

6. Сказав еще многое в этом духе и ссылаясь при каждом обвинительном пункте на свидетельство большинства из родственников, Антипатр закончил свою речь. Тогда со стороны Архелая выступил Николай, старавшийся объяснить резню в храме необходимостью: "Убитые, сказал он, были враги не только государства, но и императора — судьи по настоящему делу". Относительно других пунктов обвинения он заметил, что сами жалобщики советовали Архелаю действовать так, а не иначе. Прибавлению к завещанию, по его мнению, следует придать особенное значение в виду уже того, что именно в этом прибавлении императору предоставлено утверждение престолонаследника. "Тот, сказал он в заключении, который был настолько разумен, что предал свою власть в руки владыки мира, тот наверное и о своем преемнике не имел ложного мнения. Нет! в здравом уме представил он его к утверждению, — он, который так хорошо знал от кого зависит это утверждение".

7. Когда Николай кончил, Архелай приблизился к императору и безмолвно опустился к его ногам. Император очень благосклонно поднял его и этим дал понять, что он его считает достойным унаследовать трон отца. Окончательной резолюции он все-таки еще не объявил, а распустил на тот день собрание и обдумывал про себя все заслушанное, не решаясь — признать ли престолонаследие за одним из значившихся в завещании, или же разделить государство между всеми членами семьи. Их было столь много, и надо было подумать об обеспечении всех их.

Глава ТРЕТЬЯ.

(И. Д. XVII, 10, 1 — 3).

Ожесточенная борьба иудеев с солдатами Сабина и страшное кровопролитие в Иерусалиме.

1. Прежде чем император принял определенное решение, заболела мать Архелая, Малтака и умерла. Одновременно с этим получены были от Вара из Сирии письма, известившие о восстании иудеев. Вар, собственно, это предвидел; чтобы предупредить могущие произойти волнения (так как было ясно, что народ не останется в покое), он вслед за отъездом Архелая прибыл в Иерусалим и, оставив здесь один из взятых им в Сирии трех легионов, возвратился обратно в Антиохию [7]. Но вторжение Сабина вызвало взрыв неудовольствия и дало иудеям повод к восстанию. Сабин вынудил гарнизоны цитаделей к сдаче последних и с беспощадной суровостью требовал выдачи ему царских сокровищ. При этом он опирался не только на оставленных Варом солдат, но и на многочисленную толпу своих собственных рабов, которых он вооружил и превратил в орудие своей алчности [8]. Так как приближался праздник семидесятницы (так иудеи называют один из своих праздников, совершаемый по истечении семи недель и носящий свое название по числу дней), то не только обычное богослужение, но еще более всеобщее ожесточение привлекало народ в Иерусалим. Бессметные массы людей устремились в столицу из Галилеи, Идумеи, Иерихона и

Переи Заиорданской. В числе и решительности жители собственно Иудеи превосходили, впрочем, всех других. Они разделились на три громады и разбили тройной стан: один на северной стороне храма, другой на южной стороне, у ристалища, а третий на западе, близ царского дворца. Таким образом они оцепили римлян со всех сторон и держали их в осадном положении.

2. Сабин, устрашенный многочисленностью и грозной решимостью неприятеля, посылал к Вару одного гонца за другим с просьбой о скорейшей помощи: если он будет медлить, говорили послы, то весь легион будет истреблен. Он сам взошел на высочайшую из башен крепости — Башню Фазаелеву, названную по имени погибшего в парфянской войне брата Ирода (I, 13, 10. V, 4, 3), и оттуда дал знак легиону к наступлению; испытывая сильный страх он даже боялся сойти к своим. Солдаты, повинуясь его приказу, протеснились к храму и дали иудеям жаркое сражение, в котором они, благодаря своей военной опытности, до тех пор имели перевес над неопытной толпой, пока никто не затрагивал их сверху. Когда же многие иудеи взобрались на галереи и направили свои стрелы на головы римлян, то они падали массами; ибо защищаться против сражавшихся сверху они не могли так легко, да и против тех, которые бились в упор, они с трудом могли дальше держаться.

3. Стесненные с двух сторон, солдаты подожгли снизу колоннады — это удивительное произведение по великолепию и величине. Многие из находившихся на верху были тотчас охвачены огнем и погибли в нем; другие падали от рук неприятеля, когда соскакивали вниз, некоторые бросались со стены в противоположную сторону, а иные, приведенные в отчаяние, своими собственными мечами предупреждали смерть от огня; те же, наконец, которые слезали со стены и схватывались с римлянами, находились в таком смущении, что их легко было обессилить. После того, когда одна часть таким образом погибла, а другая от страха рассеялась, солдаты набросились на не охраненную храмовую казну и похитили оттуда около 400 талантов. Все, что не было украдено тайно, собрал для себя Сабин.

4. Гибель колоннад и огромной массы людей до такой степени возмутила иудеев, что они противопоставили римлянам еще более многочисленное и более храброе войско. Они оцепили дворец и грозили римлянам поголовным истреблением, если они тотчас не отступят; если Сабин уйдет с легионом, то они обещали ему безопасность. Большинство царских солдат перешло также на сторону восставших; но к римлянам примкнула храбрейшая часть войска, в числе 3000 человек, так называемые Себастийцы [9], и во главе их Руф и Грат: один предводитель всадников, другой — царской пехоты, оба — люди, которые, независимо от подчиненных им частей войск, личной своей энергией и осмотрительностью должны были иметь большое влияние на исход борьбы. Иудеи усердно продолжали осаду, производя вместе с тем нападения на стены цитадели и приглашая людей Сабина удалиться и не мешать им, когда они после долгого терпения хотят, наконец, возвратить себе свободу их предков. Охотно бы Сабин отступил втихомолку, но он не верил их обещаниям и боялся, что их великодушие только заманить его в западню; вместе с тем он надеялся на скорую помощь Вара. Он решился поэтому выдержать осаду.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ.

(И. Д. XVII, 10, 4-8).

Бунт прежних солдат Ирода. Разбойничьи набеги Иуды. Симон и Афронгей присваивают себе царский титул.

1. В это же время в разных местах страны также произошли беспорядки. Положение дел подстрекало многих протянуть руку к царской короне. В Идумее взялись за оружие две тысячи ветеранов Ирода и открыли войну с приверженцами царя. Ахиаб, двоюродный брать царя (I, 33, 7), боролся с ними, скрываясь за сильнейшими крепостями, но избегая всякого столкновения с ними в открытом поле. Дальше, в Сепфоре, в Галилее, Иуда — сын того Езекии, который некогда во главе разбойничьей шайки разорял страну, но был побежден

царем Иродом (I, 10, 5)[10], поднял на ноги довольно многочисленную толпу, ворвался в царские арсеналы, вооружил своих людей и нападал на тех, которые стремились к господству.

2. В Перее нашелся некто Симон, один из царских рабов, который, надеясь на свою красоту и высокий рост, напялил на себя корону. Собрав вокруг себя разбойников, он рыскал по открытым дорогам, сжег царский дворец в Иерихоне, многие великолепные виллы и легко наживался на этих пожарах. Еще немного он бы опустошил огнем все пышные здания, если бы против него не выступил начальник царской пехоты, Грат, со стрелками из Трахонеи [11] и самой отборной частью Себастийцев. В завязавшейся между ними схватке легло хотя значительное число пехоты, но сам Симон был отрезан Гратом в тесной ложбине, чрез которую он хотел бежать, и, получив удар в затылок, упал мертвым. В другом восстании, вспыхнувшем в Перее, были обращены в пепел царские дворцы возле Вифарамата [12], у Иордана.

3. Даже простой пастух, по имени Афронгей [13], дерзал в ту минуту посягать на корону. Его телесная сила, отчаянная храбрость, презрение, к смерти и поддержка четырех ему подобных братьев внушали ему эту надежду. Каждому из этих братьев он дал вооруженную толпу, во главе которых они служили ему как бы полководцами и сатрапами во время его набегов. Он сам, как царь, был занят более важными делами. Одев на себя диадему, он затем вместе с братьями еще долго опустошал страну. Преимущественно они убивали римлян и царских солдат; но не щадили они и иудеев, если последние попадались к ним в руки вместе с добычей. Раз, возле Эммауса, они даже осмелились оцепить целую когорту римлян, подвозивших легиону провиант и оружие. Центурион [14] Арий, и сорок наиболее храбрых солдат пали под стрелами. Та же участь угрожала остальным, как вдруг примчался Грат с Себастийцами и спас их. После многих подобных насилий, совершенных ими в течение всей этой войны над коренными жителями и иноземцами, трое из них были, наконец, схвачены в плен: самый старший — Архелаем, два следующих — Гратом и Птоломеем; четвертый сдался Архелаю после миролюбивого соглашения. Этот конец постиг их уже впоследствии; но тогда они исполосовали всю Иудею своей хищнической войной.

Глава ПЯТАЯ.

(И. Д. XVII. 10, 9, 10).

Вар подавляет мятеж иудеев; из восставших он около двух тысяч приказывает распять.

1. Получив письма Сабина и других начальников, Вар, беспокоясь о судьбе всего легиона, решился поспешить ему на помощь. Он поэтому выступил в Птоломаиду с оставшимися у него двумя легионами и принадлежавшими к последним четырьмя конными эскадронами, туда же он назначил собраться вспомогательным отрядам царей и князей. Проходя мимо Берита, он и оттуда взял с собою 1500 тяжеловооруженных. Когда в Птоломаиде, кроме других союзных войск, присоединился к нему еще аравийский царь Арета, который из вражды к Ироду прибыл с многочисленными отрядами пехоты и всадников, он одну часть армии немедленно отправил под начальством своего друга Гая в ближайшую к Птоломаиде часть Галилеи. Гай отбил назад всех ставших против него, покорил город Сепфору, предал его огню, а жителей продал в рабство [15]. Сам Вар со всем своим войском вторгся в Самарию, не трогая, однако, ее главного города [16], так как он нашел, что последний не принимал участия в волнении других городов. Он раскинул свой стан у деревни Ар, принадлежавшей Птоломею (I, 24, 2, 33, 8) и разграбленной поэтому арабами, которые свою злобу против Ирода вымещали и на его друзьях. Затем он двинулся вперед и остановился у другой укрепленной деревни Самфона; и ее разгромили арабы точно также, как они разграбили все попадавшиеся им в руки государственные запасы. Смерть и огонь царили повсюду, и ничто не могло укрыться от хищнической алчности арабов. И Эммаус, жители которого заблаговременно спаслись бегством, Вар также приказал уничтожить огнем в наказание за то, что последние убили Ария и его людей.

2. Отсюда он отправился на Иерусалим. Один только вид римских сил [17] рассеял иудейское войско (3, 1); оно поспешно отступило и разбрелось внутри страны. Городские же жители, приняв римлян, старались умыть себе руки от соучастия в восстании, объявляя, что они лично ни в чем не нарушали спокойствия; ради праздника они были вынуждены впустить в город народную массу, но не только ничего общего не имели с мятежниками, а, напротив, вместе с римлянами были осаждены последними. Еще до них вышли навстречу Вару Иосиф (троюродный брать Архелая), Руф и Грат во главе царского войска и Себастийцев, а также оставшейся части римского легиона в обычных воинских доспехах. Сабин же не смел даже показаться ему на глаза и заранее еще ушел из города к приморью [18]. Вар отрядил часть своего войска во внутрь страны против мятежников; многие из них были схвачены; менее опасных из них он велел заключить в тюрьму, а более виновных, в числе около двух тысяч, он приказал распять.

3. Тогда ему было донесено, что около Идумеи десять тысяч стоят еще под оружием. Так как он на опыте мог убедиться, что арабы не ведут себя, как союзники, а ведут войну довольно своенравно и из ненависти к Ироду разоряют страну больше, чем ему самому было желательно, то он распустил их и поспешил навстречу мятежникам только со своими собственными легионами. По совету Ахиаба те сдались, однако, добровольно, не доведя дело до сражения. Большей массе из них Вар даровал прощение; предводителей же он отослал к императору для дальнейшего расследования. Император помиловал всех, за исключением только некоторых родственников царя Ирода, тоже примкнувших к мятежникам, которых он велел казнить, так как они поднимали оружие против родственного им царя. Потушив, таким образом, восстание в Иерусалиме, Вар возвратился в Антиохию. Легион, еще раньше находившийся в Иерусалиме, он там же оставил [19].

Глава ШЕСТАЯ.

(И. Д. XVII, 11).

Иудеи, взводя на Архелая целый ряд обвинений, заявляют, что предпочитали бы жить под римским владычеством. Август их выслушивает, но затем разделяет царство Ирода между детьми последнего по собственному желанию.

1. Архелаю в Риме предстояло между тем выдержать также борьбу с иудеями, которые еще до начала восстания прибыли с разрешения Вара в Рим в качестве делегатов, с целью хлопотать пред Августом о даровании народу автономии. Посольство состояло из пятидесяти иудеев, к которым присоединилось свыше 8 000 из живших в Риме иудеев [20]. Император назначил собрание знатнейших римлян и своих друзей в палатинском храме Аполлона — одном из воздвигнутых им самим зданий, блиставшем удивительной роскошью. Здесь стояло множество иудеев с их делегатами; против них поместился Архелай с его друзьями. Друзья же его родственников занимали нейтральное положение [21]: ненависть и зависть к Архелаю не дозволили им стать на его сторону; робость пред императором удерживала их от того, чтобы пристать к обвинителям Архелая. Явился, кроме того, еще и Филипп, брат Архелая, которого благоволивший к нему Вар послал сюда с двоякой целью: во-первых, для того, чтобы он поддерживал интересы Архелая, а во-вторых, — чтобы и он получил свою долю, в случае если император разделить царство Ирода между всеми его потомками.

2. Получив позволение говорить, обвинители прежде всего изобразили беззакония Ирода. "Не царя они имели в нем, а лютейшего тирана, какой когда-либо сидел на троне. Бесчисленное множество он убил, но участь тех, которых он оставил в живых, была такова, что они завидовали погибавшим. Он не только по одиночке пытал своих подданных, но мучил целые города. Иностранные города он украшал, а свои собственные — разорял; чужие народы он одарял кровью иудеев. На месте прежнего благосостояния и добрых старых нравов наступила, таким образом, полнейшая нищета и деморализация. Вообще, иудеи за немногие годы терпели от Ирода больше гнета, чем их предки за весь период времени от выхода из Вавилонии и возвращения на родину в царствование Ксеркса. Привычка к

несчастью до того подавила дух народа, что он даже готов был терпеть жестокое рабство под властью того, которого Ирод назначил после себя преемником: сына такого тирана, Архелая, он сейчас же после смерти его отца добровольно приветствовал как царя, вместе с ним оплакивал смерть Ирода и молился Богу за благополучное царствование его. Архелай же для того, вероятно, чтобы показать себя настоящим сыном Ирода, открыл свое царствование закланием трех тысяч граждан. Вот сколько жертв он принес Богу, чтобы испрашивать у Него благоденствия своему царствованию — и вот какой массой трупов он наполнил храм в праздничный день. И поэтому-то те, которые уцелели от стольких бедствий, задумались, наконец, о своем печальном положении и хотят стать на военную ногу и открыто выставлять свои лица неприятельским ударам [22]. Они просят римлян сжалиться над развалинами Иудеи и не бросить остаток народа на съедение жестокому тирану, а соединить страну вместе с Сирией и властвовать над нею собственными правителями. Тогда можно будет видеть, что те иудеи, о которых прокричали, как о неукротимых мятежниках, прекрасно умеют ладить со справедливыми правителями" [23]. Этой просьбой Иудеи заключили свою жалобу. После них поднялся Николай в старался обессилить обвинение против обоих царей, С другой стороны, он изобразил иудеев народом, по природе своей, трудно управляемым и склонным к неповиновению своим царям, и выставил также в невыгодном свете родственников Архелая, присоединившихся к обвинителям.

3. Выслушав обе партии, император распустил собрание. Несколько дней спустя, он предоставил Архелаю половину царства с титулом этнарха и обещанием возвести его в царский сан, как скоро он покажет себя этого достойным. Вторую половину он разделил на две тетрархии, которые предоставил двум другим сыновьям Ирода: одну Филиппу, а другую Антипе, оспаривавшему престол у Архелая. Антипа получил Перею и Галилею с доходом в двести талантов. Батанея и Трахонея, Авран и некоторые части владений Зенона, возле Иамнии, со ста талантами дохода в год, достались в удел Филиппу. Этнархию Архелая образовали: Идумея, вся Иудея и Самария, которой отпущена была четвертая часть податей за то, что она не принимала участия в восстании остальной страны. Точно также сделались ему подвластными города: Стратонова Башня (Кесарея), Себаста (Самария), Иоппия и Иерусалим. Греческие же города — Гадару и Иппон император отрезал от государства и присоединил к Сирии. Доходы Архелая с его владений достигали 400 талантов. Саломия, в прибавление к назначенному ей по завещанию Ирода, получила еще господство над Иамнией, Азотом и Фазаелидой (I, 21, 9); кроме того император подарил ей также дворец в Аскалоне; доходы всех этих владений оценивались 60 талантами в год; но ее область была подчинена этнархии Архелая. Остальные потомки Ирода получили то, что им оставлено было по завещанию. Двум его незамужним дочерям император подарил, кроме полученного ими от отца наследства, еще 500 000 серебряных монет и обручил их с сыновьями Ферора. Уже после окончания дележа император подарил наследникам и ту тысячу талантов, которая была ему самому завещана Иродом, и оставил себе лишь некоторые из его вещей небольшой ценности на память об умершем.

Глава СЕДЬМАЯ.

(И. Д. XVII, 11, 1).

История лже-Александра. — Архелай идет в ссылку и Глафира умирает. Обоим предстоящая им участь предсказывается сновидениями.

1. К тому же времени прибыл в Рим иудейский юноша, воспитанный в Сидоне у римского вольноотпущенника, который, обладая внешним сходством с Александром, убитым Иродом (I, 27, 6), выдавал себя за последнего в надежде, что никем не будет изобличен. Соотечественник его, посвященный во все новейшие события Иудеи, помогал ему в исполнении роли; по его наставлению он рассказывал, "что палачи, посланные для умерщвления его и Аристовула, скрыли их из жалости в безопасное место и подложили похожие трупы". Этим объяснением он ловко обманул критских иудеев и, блестяще

снабженный ими всем необходимым, отплыл в Мил. Здесь он также приобрел полное доверие, собрал еще больше средств и уговорил своих гостеприимных хозяев ехать вместе с ним в Рим. Прибыв в Дикеархию, он получил от тамошних иудеев массу подарков, а друзья его мнимого отца провожали его, как царя. Сходство его наружности было до того обманчиво, что даже те, которые видели Александра и хорошо знали его, клялись, что это именно он. Все римское иудейство устремилось ему навстречу, и бесчисленное множество людей наполняло улицы, по которым должны были его нести. Милиане пришли в такой экстаз, что носили его на носилках и на свой собственный счет приобрели ему царское одеяние.

2. Император, который хорошо знал черты лица Александра — пред ним же он обвинялся Иродом, — проник весь этот основанный на наружном сходстве обман, еще прежде чем видел пред собою эту личность; но для устранения всякого сомнения, он приказал привести юношу к более близкому знакомому Александра, Келаду. При первом же взгляде последний заметил даже разницу в лице; но помимо этого, грубое телосложение заставляло признать в нем раба. Келад убедился в обмане; но его выводили из себя дерзкие уверения обманщика. Когда, например, спрашивали у него об Аристовуле, он ответил: "и этот находится в живых; но из предосторожности он остался в Кипре, чтобы избежать преследования; потому что, если они будут разъединены, их труднее будет поймать". Келад взял его в сторону и именем императора обещал ему помилование, если он назовет то лицо, которое натолкнуло его на этот обман [24]. Он выразил согласие, отправился вместе с ним к императору и выдал того иудея, который воспользовался его сходством для надувательства. "Они, — сознался он, — в каждом отдельном городе получили больше подарков, чем Александр во всю его жизнь". Император рассмеялся, определил лже-Александра, вследствие здорового его телосложения, в гребцы, а обольстителя его приказал казнить. Что же касается милиан, то они своими большими затратами казались ему достаточно наказанными за их глупость.

3. Вступив в свою этнархию, Архелай, помня прежнюю неприязнь к нему, так жестоко обращался с иудеями и даже с самарянами, что на девятом году [25] своего царствования (64 до разр. хр.), вследствие жалобы соединенного посольства обеих наций, был сослан императором в Виенну — город в Галлии. Его имущество перешло в императорскую казну. Прежде чем он был вызван императором на суд, ему, как говорят, приснился следующий сон. Он видел девять больших полных колосьев, которые пожирались волами; он послал за гадателями и некоторыми халдеями и спрашивал у них о значении этого сна. Одни толковали его так, другие иначе. Но один ессей, Симон, дал следующее разъяснение: "Колосья, кажется, означают годы [26], а волы — коловратность судьбы, так как они выворачивают плугом почву. Он, поэтому, столько лет останется царем, сколько колосьев он видел во сне, а затем, после разных превратностей судьбы, умрет". Чрез пять дней Архелай был потребован к суду [27].

4. Достопамятен также сон его жены Глафиры — дочери каппадокского царя Архелая, которая прежде была замужем за Александром, (братом Архелая, о котором мы говорим, и сыном Ирода, который, как выше было рассказано, лишил его жизни). По смерти ее мужа она вышла за Юбу, ливийского царя, а после смерти последнего возвратилась к себе на родину и жила у отца вдовой. Здесь увидел ее этнарх Архелай, который так полюбил ее, что сейчас удалил от себя свою жену Мариамму и женился на ней [28]. Недолго после того, как она вторично прибыла в Иудею, ей привиделось, будто Александр стоит перед ней и говорит: "Ты бы могла удовлетвориться замужеством в Ливии. Но, не довольствуясь этим, ты возвратилась в мой родительский дом, взяла третьего мужа и кого, о дерзкая! моего брата! Этого позора я тебе не прощу. Хочешь, не хочешь, но я унесу тебя!" Едва прошли два дня после того, как она рассказала этот сон, — она была уже мертвая.

Глава ВОСЬМАЯ.

(И. Д. XVIII, 1, 2-5)

Этнархия Архелая обращается в римскую провинцию. Восстание Иуды Галилеянина. Три иудейские секты.

1. Владения Архелая были обращены в провинцию, и в качестве правителя послано было (64 до раз. хр.) туда лицо из сословия римских всадников [29], Копоний, [30] которому дано было императором даже право жизни и смерти над гражданами. В его правлении один известный галилеянин, по имени Иуда, объявил позором то, что иудеи мирятся с положением римских данников и признают своими владыками, кроме Бога, еще и смертных людей. Он побуждал своих соотечественников к отпадению и основал особую секту, которая ничего общего не имела с остальными [31].

2. Существуют именно у иудеев троякого рода философские школы: одну образуют фарисеи, другую — саддукеи, третью — те, которые, видно, преследуют особенную святость, так называемые ессеи. Последние также рожденные иудеи, но еще больше, чем другие, связаны между собою любовью. Чувственных наслаждений они избегают, как греха, и почитают величайшей добродетелью умеренность и поборение страстей. Супружество они презирают, зато они принимают в себе чужих детей в нежном возрасте, когда они еще восприимчивы к учению, обходятся с ними, как со своими собственными, и внушают им свои нравы. Этим, впрочем, они отнюдь не хотят положить конец браку и продолжению рода человеческого, а желают только оградить себя от распутства женщин, полагая, что ни одна из них не сохраняет верность к одному только мужу своему [32].

3. Они презирают богатство, и достойна удивления у них общность имущества, ибо среди них нет ни одного, который был бы богаче другого. По существующему у них правилу, всякий, присоединяющийся к секте должен уступать свое состояние общине; а потому у них нигде нельзя видеть ни крайней нужды, ни блестящего богатства — все, как братья, владеют одним общим состоянием, образующимся от соединения в одно целое отдельных имуществ каждого из них [33]. Употребление масла они считают недостойным, и если кто из них помимо своей воли бывает помазан, то он утирает свое тело, потому что в жесткой коже они усматривают честь, точно также и в постоянном ношении белой одежды. Они выбирают лиц для заведывания делами общины, и каждый без различия обязан посвятить себя служению всех.

4. Они не имеют своего отдельного города, а живут везде большими общинами. Приезжающие из других мест, члены ордена могут располагать всем, что находится у их братьев, как своей собственностью, и к сочленам, которых они раньше никогда не видели в глаза, они входят, как к старым знакомым. Они поэтому ничего решительно не берут с собою в дорогу, кроме оружия для защиты от разбойников. В каждом городе поставлен общественный служитель специально для того, чтобы снабжать иногородних одеждой и всеми необходимыми припасами. Костюмом и всем своим внешним видом они производят впечатление мальчиков, находящихся еще под строгой дисциплиной школьных учителей. Платье и обувь они меняют лишь тогда, когда прежнее или совершенно разорвалось или от долгого ношения сделалось негодным к употреблению. Друг другу они ничего не продают и друг у друга ничего не покупают, а каждый из своего дает другому то, что тому нужно, равно как получает у товарища все, в чем сам нуждается, даже без всякой взаимной услуги каждый может требовать необходимого от кого ему угодно.

5. Своеобразен также у них обряд богослужения. До восхода солнца они воздерживаются от всякой обыкновенной речи; они обращаются тогда к солнцу с известными древними по происхождению молитвами, как будто испрашивать его восхождения. После этого они отпускаются своими старейшинами, каждый к своим занятиям. Поработавши напряженно [34] до пятого часа [35], они опять собираются в определенном месте, опаясываются холщевым платком и умывают себе тело холодной водой. По окончании очищения они отправляются в свое собственное жилище, куда лица, не принадлежащие к

секте, не допускаются, и очищенные, словно в святилище, вступают в столовую. Здесь они в строжайшей тишине усаживаются вокруг стола, после чего пекарь раздает всем по порядку хлеб, а повар ставит каждому посуду с одним единственным блюдом. Священник открывает трапезу молитвой, до которой никто не должен дотронуться к пище; после трапезы он опять читает молитву. Как до, так и после еды они славят Бога, как дарителя пищи. Сложив с себя затем свои одеяния, как священные, они снова отправляются на работу, где остаются до сумерек. Тогда они опять возвращаются и едят тем же порядком. Если случайно являются чужие, то они участвуют в трапезе. Крик и шум никогда не оскверняют места собрания: каждый предоставляет другому говорить по очереди. Тишина, царящая внутри дома, производит на наблюдающего извне впечатление страшной тайны; но причина этой тишины кроется собственно в их всегдашней воздержности, так как они едят и пьют только до утоления голода или жажды.

6. Все действия совершаются ими не иначе как по указаниям лиц стоящих во главе их; только в двух случаях они пользуются полной свободой: в оказании помощи и в делах милосердия. Каждому предоставляется помогать людям, заслуживающим помощи, во всех их нуждах и раздавать хлеб неимущим. Но родственникам ничто не может быть подарено без разрешения представителей. Гнев они проявляют только там, где справедливость этого требует, сдерживая, однако, всякие порывы его. Они сохраняют верность и стараются распространять мир. Всякое произнесенное ими слово имеет больше веса, чем клятва, которая ими вовсе не употребляется, так как само произнесение ее они порицают больше, чем ее нарушение. Они считают потерянным человеком того, которому верят только тогда, когда он призывает имя Бога. Преимущественно они посвящают себя изучению древней письменности, изучая, главным образом, то, что целебно для тела и души; по тем же источникам они знакомятся с кореньями, годными для исцеления недугов, и изучают свойства минералов [36].

7. Желающий присоединиться к этой секте не так скоро получает доступ туда: он должен, прежде чем быть принятым, подвергать себя в течение целого года тому же образу жизни, как и члены ее, и получает предварительно маленький топорик [37], упомянутый выше передник и белое облачение. Если он в этот год выдерживает испытание воздержности, то он допускается ближе к общине: он уже участвует в очищающем водоосвящении, но еще не допускается к общим трапезам. После того, как он выказал также и силу самообладания, испытывается еще в два дальнейших года его характер. И лишь тогда, когда он и в этом отношении оказывается достойным, его принимает, в братство. Однако, прежде чем он начинает участвовать в общих трапезах, он дает своим собратьям страшную клятву в том, что он будет почитать Бога, исполнять свои обязанности по отношение к людям, никому, ни по собственному побуждению, ни по приказанию — не причинить зла, ненавидеть всегда несправедливых и защищать правых; затем, что он должен хранить верность к каждому человеку, и в особенности к правительству, так как всякая власть исходит от Бога. Дальше он должен клясться, что если он сам будет пользоваться властью, то никогда не будет превышать ее, не будет стремиться затмевать своих подчиненных ни одеждой, ни блеском украшений. Дальше, он вменяете себе в обязанность говорить всегда правду и разоблачать лжецов, содержать в чистоте руки от воровства и совесть от нечестной наживы, ничего не скрывать пред сочленами; другим же, напротив, ничего не открывать, если даже пришлось бы умереть за это под пыткой. Наконец, догматы братства никому не представлять в другом виде, чем он их сам изучил, удержаться от разбоя и одинаково хранить и чтить книги секты и имена ангелов. Такими клятвами они обеспечивают себя со стороны новопоступающего члена.

8. Кто уличается в тяжких грехах, того исключают из ордена; но исключенный часто погибает самым несчастным образом. Связанный присягой и привычкой, такой человек не может принять пищу от не собрата — он вынужден, поэтому, питаться одной зеленью,

истощается, таким образом; и умирает от голода. Вследствие этого они часто принимали обратно таких, которые лежали уже при последнем издыхании, считая мучения, доводившие провинившегося близко к смерти, достаточной карой за его прегрешения.

9. Очень добросовестно и справедливо они совершают правосудие. Для судебного заседания требуется по меньшей мере сто членов. Приговор их не отменим. После Бога они больше всего благоговеют пред именем законодателя: кто хулит его, тот наказывается смертью. Повиноваться старшинству и большинству они считают за долг и обязанность, так что если десять сидят вместе, то никто не позволит себе возражать против мнения девяти. Они остерегаются плевать пред лицом другого или в правую сторону. Строже, нежели все другие иудеи, они избегают дотронуться к какой-либо работе в субботу. Они не только заготовляют пищу с кануна для того, чтобы не зажигать огнями в субботу, но не осмеливаются даже трогать посуду с места и даже не отправляют естественных нужд. В другие же дни они киркообразным топором, который выдается каждому новопоступающему, выкапывают яму глубиной в фут, окружают ее своим плащом, чтобы не оскорбить лучей божьих, испражняются туда и вырытой землей засыпают опять отверстие; к тому еще они отыскивают для этого процесса отдаленнейшие места [38]. И хотя выделение телесных нечистот составляет нечто весьма естественное, тем не менее они имеют обыкновение купаться после этого, как будто они осквернились.

10. По времени вступления в братство, они делятся на четыре класса; причем младшие члены так далеко отстоят от старших, что последние, при прикосновении к ним первых, умывают свое тело, точно их осквернил чужеземец. Они живут очень долго. Многие переживают столетний возраст. Причина, как мне кажется, заключается в простоте их образа жизни и в порядке, который они во всем соблюдают. Удары судьбы не производят на них никакого действия, так как всякие мучения они побеждают силой духа, а смерть, если только она сопровождается славой, они предпочитают бессмертию. Война с римлянами представила их образ мыслей в надлежащем свете. Их завинчивали и растягивали, члены у них были спалены и раздроблены; над ними пробовали все орудия пытки, чтобы заставить их хулить законодателя или отведать запретную пищу, но их ничем нельзя было склонить ни к тому, ни к другому. Они стойко выдерживали мучения, не издавая ни единого звука и не роняя ни единой слезы. Улыбаясь под пытками, посмеиваясь над теми, которые их пытали, они весело отдавали свои души в полной уверенности, что снова их получат в будущем.

11. Они именно твердо веруют, что, хотя тело тленно и материя не вечна, душа же всегда остается бессмертной; что, происходя из тончайшего эфира и вовлеченная какой-то природной пленительной силой в тело, душа находится в нем как бы в заключении; но как только телесные узы спадают, она, как освобожденная от долгого рабства, весело уносится в вышину. Подобно эллинам они учат, что добродетельным назначена жизнь по ту сторону океана — в местности, где нет ни дождя, ни снега, ни зноя, а вечный, тихо приносящийся с океана нежный и приятный зефир. Злым же, напротив того, они отводят мрачную и холодную пещеру, полную беспрестанных мук. Эта самая мысль, как мне кажется, высказывается также эллинами, которые своим богатырям, называемым ими героями и полубогами, предоставляют острова блаженных, а душам злых людей — место в преисподней, жилище людей, безбожных, где предание знает даже по имени некоторых таких наказанных, как Сизифа и Тантала, Иксиона и Тития. Бессмертие души, прежде всего, само по себе составляет у ессеев весьма важное учение, а затем они считают его средством для поощрения к добродетели и предостережения от порока. Они думают, что добрые, в надежде на славную посмертную жизнь, сделаются еще лучшими; злые же будут стараться обуздать себя из страха пред тем, что если даже их грехи останутся скрытыми при жизни, то, по уходе в другой мир, они должны будут терпеть вечные муки. Этим своим учением о душе, ессеи неотразимым образом привлекают к себе всех, которые только раз вкусили их мудрость.

12. Встречаются между ними и такие, которые после долгого упражнения в священных книгах, разных обрядах очищения и изречениях пророков, утверждают, что умеют предвещать будущее. И, действительно, редко до сих пор случалось, чтобы они ошибались в своих предсказаниях.

13. Существует еще другая ветвь ессеев, которые в своем образе жизни, нравах и обычаях совершенно сходны с остальными, но отличаются своими взглядами на брак. Они полагают, что те, которые не вступают в супружество, упускают важную часть человеческого назначения — насаждение потомства; да и все человечество вымерло бы в самое короткое время, если бы все так поступали. Они же испытывают своих невест в течение трех лет и, если после трехкратного очищения убеждаются в их плодородности, они женятся на них. В периоде беременности их жен они воздерживаются от супружеских сношений, чтобы доказать, что они женились не из похотливости, а только с целью достижения потомства. Жены их купаются в рубахах, а мужчины в передниках. Таковы нравы этой секты [39].

14. Из двух первенствующих сект *фарисеи* слывут точнейшими толкователями закона и считаются основателями первой секты. Они ставят все в зависимость от Бога и судьбы и учат, что хотя человеку представлена свобода выбора между честными и бесчестными поступками, но что и в этом участвует предопределение судьбы. Души, по их мнению, все бессмертны; но только души добрых переселяются по их смерти в другие тела, а души злых обречены на вечные муки [40].

Саддукеи — вторая секта — совершенно отрицают судьбу и утверждают, что Бог не имеет никакого влияния на человеческие деяния, ни на злые, ни на добрые. Выбор между добром и злом предоставлен вполне свободной воле человека, и каждый по своему собственному усмотрению переходит на ту или другую сторону. Точно также они отрицают бессмертие души и всякое загробное воздаяние. Фарисеи сильно преданы друг другу и, действуя соединенными силами, стремятся к общему благу. Отношения же саддукеев между собою суровее и грубее; и даже со своими единомышленниками они обращаются как с чужими. Этим я закончу описание иудейских философских школ [41].

Глава ДЕВЯТАЯ.

(И. Д. XVIII, 2-8).

Смерть Саломии. — Города, построенные Иродом и Филиппом. — Народные волнения при Пилате. — Агриппа, заключенный Тиверием в оковы, освобождается Гаем и возводится им в цари. — Ирод Антипа изгнан.

1. Этнархия Архелая была таким образом превращена в провинцию (8, 1). Другие же, Филипп и Ирод с прозвищем Антипы, правили еще в своих тетрархиях (6, 3). Саломия между тем умерла и завещала жене Августа, Юлии, свое княжество вместе с Иамнией и пальмовыми плантациями близ Фазаелиды. И после смерти Августа (57 до разр. хр.), стоявшего во главе империи 57 лет 6 месяцев и 2 дня [42], когда верховная власть перешла к Тиверию, сыну Юлии [43], — Ирод и Филипп все еще сохраняли за собою свои тетрархии. Последний построил в Панее, у источников Иордана, Кесарею (I, 21, 3) и в нижней Гавланитиде — город Юлиаду; Ирод построил в Галилее город Тивериаду [44] и в Перее — другой город, названный по имени Юлии.

2. В Иудею Тиверий послал, в качестве прокуратора, Пилата [45]. Последний приказал однажды привезти в Иерусалим ночью изображения императора, называемые римлянами signa [46]. Когда наступило утро, иудеи пришли в страшное волнение; находившиеся вблизи этого зрелища пришли в ужас, усматривая в нем нарушение закона (так как иудеям воспрещена постановка изображений в городе); ожесточение городских жителей привлекло в Иерусалим многочисленные толпы сельских обывателей. Все двинулись в путь по направлению к Кесарее к Пилату, чтобы просить его об удалении изображений из Иерусалима и об оставлении неприкосновенной веры их отцов. Получив от него отказ, они

бросились на землю и оставались в этом положении пять дней и столько же ночей, не трогаясь с места.

3. На шестой день Пилат сел на судейское кресло в большом ристалище и приказал призвать к себе народ для того будто, чтобы объявить ему свое решение; предварительно же он отдал приказание солдатам: по данному сигналу окружить иудеев с оружием в руках. Увидя себя внезапно замкнутыми тройной линией вооруженных солдат, иудеи остолбенели при виде этого неожиданная зрелища. Но когда Пилат объявил, что он прикажет изрубить их всех, если они не примут императорских изображений, и тут же дал знак солдатам обнажить мечи, тогда иудеи, как будто по уговору, упали все на землю, вытянули свои шеи и громко воскликнули: скорее они дадут убить себя, чем переступать закон. Пораженный этим религиозным подвигом, Пилат отдал приказание немедленно удалить статуи из Иерусалима.

4. Впоследствии он возбудил новые волнения тем, что употребил священный клад, называющийся Корбаном, на устройство водопровода, по которому вода доставлялась из отдаления четырехсот стадий [47]. Народ был сильно возмущен и, когда Пилат прибыл в Иерусалим, он с воплями окружил его судейское кресло. Но Пилат, уведомленный заранее о готовившемся народном стечении, вооружил своих солдат, переодел их в штатское платье и приказал им, смешавшись в толпе, бить крикунов кнутами, не пуская, впрочем, в ход оружия. По сигналу, данному им с трибуны, они приступили к экзекуции. Много иудеев пало мертвыми под ударами, а многие была растоптаны в смятении своими же соотечественниками. Паника, наведенная участью убитых, заставила народ усмириться [48].

5. В это время Агриппа (I, 28, 1), сын Аристовула, убитого своим отцом Иродом, отправился к Тиверию, чтобы обжаловать пред ним тетрарха Ирода. Когда тот отклонил его жалобу, Агриппа все-таки остался в Риме и старался снискать себе милость римской знати, в особенности же сына Германика, Гая, бывшего тогда еще частным лицом. Раз на обеде, данном им в его честь, он, наговорив ему много учтивостей, в заключение вознес руки вверх с молитвой о том, чтоб Бог сподобил его вскоре после смерти Тиверия поздравить Гая, как властелина мира. Один из его слуг донес об этом Тиверию; император тогда так рассердился, что приказал заключить Агриппу в оковы и заставил его шесть месяцев томиться в заточении и терпеть жестокое обращение, пока он сам, процарствовав 22 года 6 месяцев и 3 дня, не умер (34 до раз. хр.) [49].

6. Едва Гай сделался императором, как он освободил Агриппу из тюрьмы и назначил его царем [50] над тетрархией Филиппа, который тем временем умер (34 до раз. хр.) [51]. Зависть к царству Агриппы возбудила желание в тетрархе Ироде сделаться также царем. Главным образом побуждала его стремиться к этому жена его Иродиада [52], которая упрекала его в бездеятельности и говорила, что свидание с императором могло бы послужить ему удобным случаем для расширения его владений; уже если император Агриппу из простого подданного сделал царем, то он бы его, тетрарха, наверное возвел в это достоинство. Ирод дал себя уговорить и прибыл к императору, но за свою ненасытность был наказан ссылкой в Испанию (31 до раз. хр.). Агриппа, последовавший по его стопам в Рим, получил теперь от Гая и тетрархию Ирода (30 до раз. хр.) [53]. Жена последнего пошла за ним в изгнание, в котором он и умер.

Глава ДЕСЯТАЯ.

(И. Д. XVIII, 8).

Гай хочет поставить в храме свою статую. — Отношение Петрония к его приказу.

1. Император Гай до того возгордился своим счастьем, что он сам себя считал Богом и требовал, чтобы другие также величали его Богом. Точно также, как он у собственного своего отечества похищал лучших и благороднейших людей, он простирал свои злодейства и на Иудею. Он послал (31 до раз. хр.) Петрония во главе войска в Иерусалим для того, чтобы водворить в храме его статуи, и дал ему инструкцию: в случае какого-либо сопротивления со

стороны иудеев самих противоборцев убить, а весь остальной народ продать в рабство. Но Бог принял на себя заботу об этих приказаниях [54]. Петроний выступил из Антиохии против Иудеи с тремя легионами и многими сирийскими союзниками. Одна часть иудеев не придавала еще значения слухам о войне; другая же часть, которая верила этим слухам, не знала, как обороняться, и находилась в большом затруднении. Вскоре, однако, страх сделался всеобщим, ибо войско уже стояло у Птоломаиды.

2. Птоломаида лежит на границе Галилеи, на большой равнине. Это приморский город, окруженный горами: с восточной стороны, на расстоянии шестидесяти стадий от города, возвышается галилейский горный хребет; к югу, в ста двадцати стадиях — Кармель; на севере, через сто стадий — высокая гора, прозванная местными жителями Тирийской Лестницей. В двух стадиях от города протекает очень маленькая речка Вилей, где находится памятник Мемнона и близ которой открывается весьма замечательное место, величиною в сто локтей. Оно имеет вид котловины, и из нее добывают стеклянный песок, который, как ни исчерпывается массами останавливающимися судами, каждый раз вновь восстановляется, так как ветры, как будто нарочно, пригоняют туда извне сверкающий песок; накопляясь в яме, он быстро превращается в стекло. Но еще более удивительным кажется мне то, что стекло, которым изобилует эта местность, имеет свойство вновь превратиться в песок. Такова природа этой местности [55].

3. Иудеи между тем собрались с женами и детьми в птоломаидскую долину и трогательно умоляли Петрония пощадить отечественные обычаи, а затем и их собственную жизнь. Огромное число просящих и настойчивость их просьб произвели на него такое впечатление, что он оставил в Птодомаиде войско и статуи, сам отправился в Галилею, созвал весь народ и влиятельнейших лиц, каждого в отдельности, в Тивериаду и здесь, поставив им на вид могущество римлян и угрозы императора, пытался доказать им, насколько несправедливо и неразумно их желание. Все подчиненные народы поставили рядом с другими богами также и статуи императора, а если одни только они будут сопротивляться такому порядку, так это будет признано равносильным почти бунту, связанному вдобавок с оскорблением личности императора.

4. Когда же они сослались на их закон и предания отцов, которые запрещают ставить не только человеческое изображение, но даже и божественную статую и не только в храме, но и вообще в каком бы то ни было месте страны, — Петроний им возразил: "в таком случае и я должен исполнить закон моего повелителя, иначе, если я, ради вашего благополучия, нарушу его, а сам, а вполне заслуженно, погибну. С вами будет бороться не я, а тот, который меня послал, потому что и я равно, как вы, нахожусь в его власти". На это весь народ воскликнул: "мы готовы умереть за закон". После того, как Петроний, восстановивший порядок, спросил их: "так вы в таком случае хотите вести войну с императором?" иудеи возразили: "дважды в день они приносят жертвы за императора и римский народ; но если он хочет еще поставить свои статуи, то он должен прежде принесть в жертву весь иудейский народ. Они с их детьми и женами готовы предать себя закланию". Удивление и сострадание овладело Петронием, когда он увидел их несокрушимое благочестие и неустрашимое мужество пред смертью. Тогда он распустил народ, не добившись от него ничего.

5. В один из следующих дней он частным образом пригласил к себе самых влиятельных представителей, а затем вновь собрал народ. То просьбами, то добрыми наставлениями, больше, однако, угрозами и напоминаниями о могуществе римлян, о гневе Гая и о его собственном вынужденном положении, как подчиненного, — он снова пытался подействовать на народ. Но когда все это не привело ни к какому результату, Петроний, имея в виду еще ту опасность, что страна может остаться незасеянной (так как в продолжение протекших уже пятидесяти дней посевного времени люди оставались праздными), в последний раз созвал народ и обратился к нему со следующими словами: "Я хочу лучше рискнуть: или мне с Божьей помощью удастся разубедить императора — тогда я вместе с вами буду радоваться

нашему спасению; или же его гнев разразится — тогда ради столь многих я охотно пожертвую своей жизнью". Провожаемый горячими благословениями, Петроний уехал, взял свое войско из Птоломаиды и возвратился в Антиохию; оттуда он немедленно писал императору, что, после своего вторжения в Иудею, он, не решаясь на поголовное истребление населения, должен был уступить его настойчивым мольбам, оставить его закон неприкосновенным и отказаться от исполнения данной ему инструкции; иначе ему придется погубить всю страну вместе с ее жителями. Ответ императора на это письмо гласил не очень милостиво: он угрожал Петронию смертью за столь нерадивое отношение к его приказу [56]. Но доставщики этого письма были три месяца задержаны бурями в море, между тем как другие посланцы, привезшие известие о последовавшей между тем смерти Гая, имели счастливое плавание; таким образом случилось, что Петроний уже двадцать семь дней имел в своих руках письмо с этим известием, когда получено было первое обращенное к нему письмо.

Глава ОДИННАДЦАТАЯ.

(И. Д. XIX).

Правление Клавдия и царствование Агриппы. — Смерть Агриппы и Ирода. — Дети, которые остались после них.

1. После того, как Гай, процарствовав три года и восемь месяцев, был убит (29 до разр. хр.), расположенные в Риме войска потащили на трон Клавдия [57]. Сенат между тем, по предложению обоих консулов Сентия Сатурнина и Помпония Секунда, возложил охрану города на оставшиеся верными ему три легиона, собрался в Капитолии и решил за жестокости Гая начать войну с Клавдием. Имелось в виду достигнуть одного из двух: или восстановления старого аристократического правления, или же избрания на престол вполне достойного человека посредством голосования.

2. Как раз в то время Агриппа находился в Риме. Он был приглашен сенатом на совещание; но вместе с тем звал его к себе из лагеря и Клавдий, который также желал воспользоваться его услугами. Агриппа видел, конечно, что Клавдий силой уже сделался императором и отправился поэтому к последнему. Тогда Клавдий уполномочил его изложить пред сенатом его виды и намерения. "Против своей воли он был войском возведен на престол и теперь он, с одной стороны, считает несправедливым пренебрегать рвением солдат, с другой же стороны, он еще не считает свое счастье обеспеченным, так как уже одно призвание к верховной власти приносит с собою опасности. А потому он, если ему суждено будет стать во главе государства, намерен держать скипетр мягкой рукой, как добрый правитель, а не как тиран; он будет довольствоваться честью титула и предоставит народу право участия во всех государственных делах, ибо если мягкость и кротость не была бы даже свойственна его натуре, то уже одна смерть Гая будет вечно носиться пред его глазами и напоминать всегда об умеренности".

3. Так говорил Агриппа. Ответ сената гласил: "В надежде на войско и благонадежных, граждан, они добровольно не подчинятся рабству". Когда Агриппа донес Клавдию об этом ответе, он послал его вторично со следующим заявлением. "Он ни в каком случае не оставит тех, которые присягнули ему в верности, а потому он, против воли, готов на борьбу с теми, с которыми ему меньше всего хотелось бы бороться. Но нужно все таки выбрать место для сражения вне города: было бы грехом из-за их гибельного решения запятнать кровью граждан святыни родного города". Агриппа и это заявление доложил сенату.

4. Тогда один из солдат, стоявших до сих пор на стороне сената, обнажил свой меч и произнес: "Товарищи! Зачем нам убивать своих же братьев и губить близких нам людей, стоящих за Клавдия, когда мы имеем такого государя, про которого нельзя сказать ничего худого и несем столь священные обязанности по отношению к тем, против которых нас вооружают?" С этими словами он быстро прошел чрез собрание и увлек за собою к выходу

всех остальных солдат. Патриции, видя себя оставленными солдатами, пришли в страх; когда же не осталось больше никакого спасения, они бросились вслед за ними к Клавдию. У самых ворот они были встречены толпой солдат, которые, желая показать свое рьяное усердие и тем отличиться пред повелителем, набросились на них с обнаженными мечами.

Те, которые открывали шествие сенаторов, неминуемо погибли бы еще прежде, чем Клавдий успел бы узнать о буйстве солдат, если бы Агриппа не поспешил к нему и не представил ему всю опасность положения. Он дал ему понять, что если он не усмирит солдат, обрушившихся с таким остервенением на патрициев, то он, потерявши все, что придает блеск трону, останется царем пустыни.

5. Эти увещевания побудили Клавдия обуздать ожесточение войска. Он дружелюбно принял сенат к себе в стан и, немного погодя, отправился вместе с ним для принесения богу благодарственной жертвы за полученное владычество [58]. Вскоре после этого он вознаградил Агриппу всем царством, на которое последний мог претендовать по родственному праву, и прибавил ему еще области Трахонею и Авран, уступленные Августом Ироду, а также царство Лизания (29 до разруш. хр.). Об этих дарах он объявил народу в приказе, а сенату он велел вырезать эту дарственную грамоту на медных досках и возложить их на Капитолий. И брату Агриппы, Ироду (I, 28, 1), который женитьбой своей на Веренике сделался также и его зятем, император подарил царство Халкиды. (I, 9, 2) [59].

6. Скоро от таких обширных владений к Агриппе хлынуло много богатств, и он употребил их не на маловажные предприятия. Он начал окружать Иерусалим такой крепкой стеной, что если она была бы окончена, римская осада не могла бы иметь никакого успеха. Но прежде, чем стена достигла своей вышины, он умер [60] (26 до разр. хр.) в Кесарее после того, как он три года был царем и столько же лет перед тем тетрархом [61].

Он оставил трех дочерей, прижитых им с Кипрой: Веренику, Мариамму (родилась 36 до разр. храма), Друзиллу (родилась 32 до разр. хр.) и одного сына, Агриппу (род. 43 до разр. хр.), от той же самой жены. Так как последний был еще слишком молод [62], то Клавдий опять превратил Иудею в римскую провинцию и посылал туда в качестве правителей сначала Куспия Фада, а за ним Тиверия Александра, при которых народ хранил спокойствие, так как те не посягали на туземные обычаи и нравы [63].

Вскоре умер также Ирод, царь Халкиды (21 до разр. хр.), и оставил от дочери своего брата, Вероники, двух сыновей: Вереникиана и Гиркана, а от прежней своей жены, Мариаммы — одного сына, по имени Аристовул. Другой брат Агриппы, называвшийся также Аристовулом, умер частным человеком, оставив одну дочь, Иотапу. Все они, как выше было упомянуто, были потомки Аристовула, сына Ирода. Самого же Аристовула, равно и брата его Александра, Ирод прижил с Мариаммой и, хотя был их родной отец, лишил их обоих жизни. Потомки Александра [64] царствовали в Великой Армении.

Глава ДВЕНАДЦАТАЯ.

(И. Д. XX, 5., 2-8, 1).

Частые волнения при Кумане, которые подавляет Квадрат. — Феликс — правитель Иудеи. — Агриппа, взамен Халкиды, получает, большее царство.

1. По смерти Ирода, господствовавшего в Халкиде (21 до раз. хр.), Клавдий отдал его царство его же племяннику, молодому Агриппе (11, 6), сыну отца того же имени [65]; наместничество же над Иудеей после Александра [66] получил Куман (21 до раз. хр.). При нем опять стали происходить волнения, причинившие иудеям новые бедствия. Когда народ к празднику опресноков (20 до разр. хр.) стекался в Иерусалим, римляне поставили на галерее храма когорту, так как они всегда имели обыкновение во время праздников держат войско под оружием, дабы предостерегать собравшийся народ от возмущения. Случилось тогда, что один из солдат поднял вверх свой плащ, неприличным нагибанием тела обратился к иудеям задом и издал звук, соответствовавший принятой им позе. Возмущенная этим поступком вся

громада иудеев бурно потребовала от Кумана наказания солдата. Юноши же, легко поддающиеся увлечению, и некоторая часть народа, отличавшаяся бурным характером, открыли нападение; они собрали камни и начали бросать их в солдат. Куман побоялся наступления со стороны всего народа и вызвал для подкрепления множество тяжеловооруженных; как только последние появились на галереях, иудеев объял панический страх; они бросились вон из храма по направлению к городу. Но от этого в выходах произошла такая страшная давка, что свыше десяти тысяч [67] человек было растоптано и раздавлено. Так праздник превратился для всего народа в день плача, и каждый дом наполнился воплями и рыданиями.

2. За этим несчастием последовало другое волнение, вызванное фактом открытого грабежа. На дороге у Ветхорона [68] разбойники напали на багаж императорского слуги Стефана и разграбили его. Куман приказал сделать набег на близлежащие деревни и забрать в плен их жителей за то, что они не преследовали и не задержали разбойников. При этом случае один солдат, найдя в деревне Священное Писание, разорвал его и бросил в огонь. Иудеи были этим так потрясены, точно вся их страна стояла в пламени. Движимые каким-то религиозным страхом, они машинально, как по сигналу, устремились все в Кесарею к Куману и настойчиво просили его не оставить безнаказанным человека, который так дерзко надругался над Богом и законом. Куман видел ясно, что народ не успокоится, если ему не будет дано удовлетворения; он потребовал к себе солдата и приказал вести его к казни через ряды его обвинителей. После этого иудеи разошлись.

3. Немного позднее произошло столкновение между галилеянами и самарянами. Возле одной деревни, Гемы [69], лежащей в большой, самарийской равнине, был убит один из многочисленных иудейских пилигримов, отправившихся на праздник в Иерусалим, родом из Галилеи [70]. Множество галилеян собралось вследствие этого вместе пойти войной на самарян. Влиятельные же граждане Самарии, напротив, обратились к Куману с убедительной просьбой, прежде чем зло сделается неисправимым, прибыть в Галилею и наказать виновников убийства, так как только таким образом можно будет убедить народ рассеяться еще до начала боя. Но Куман из-за текущих дел, которыми он как раз был занят, не обратил внимания на эту просьбу и отпустил ходатаев без определенного ответа [71].

4. Весть об убийстве привела в большое волнение также иерусалимскую массу. Она перестала интересоваться праздничным торжеством и быстро двинулась к Самарии, даже без всяких предводителей и не обращая внимания на увещевания властей, старавшихся удержать ее. Во главе этого буйного разбойничьего похода стали — известный Элеазар, сын Диная [72], и Александр, которые напали на ближайшие к акрабаттской топархии самарийские деревни, убили всех жителей, не щадя никакого возраста, а самые деревни предали огню.

5. Тогда только Куман с отрядом всадников — так называемых себастийцев — выступил из Кесареи на помощь подвергшимся нападению [73]. Многих из людей Элеазара он захватил в плен, а большую часть убил. К остальной же народной массе, ринувшейся в поход против самарян, поспешили самые знатные граждане Иерусалима, одетые все в трауре с покрытыми пеплом головами, и заклинали иль возвратиться домой, дабы этим мстительным походом против самарян не вызвать вторжения римлян в Иерусалим. "Пусть сжалятся они над своим отечеством, храмом, над своими же женами и детьми и не рискуют всем из-за мести за одного галилеянина". Вразумленные этими увещеваниями, иудеи разошлись. Но многие, в надежде остаться безнаказанными, обратились к разбойничьему ремеслу. Грабежи и мятежные попытки со стороны более отважных бойцов распространились по всей стране. Вследствие этого выдающиеся представители Самарии отправились к Уммидию Квадрату, правителю Сирии, в Тир и просили его не оставить без наказания опустошителей страны. Туда прибыли также знатнейшие иудеи, в том числе первосвященник Ионафан [74], сын Анана, которые заявили, что хотя первоначальный повод к беспорядкам дан был самарянами,

совершившими убийство, но ответственность за дальнейший ход событий падает на Кумана, уклонившегося от наказания виновников этого убийства [75].

6. Квадрат утешил обе стороны обещанием все в точности расследовать, как только он прибудет в их края. Когда же он вскоре после этого прибыл в Кесарею, он приказал всех захваченных Куманом живыми предать распятию. Отсюда он отправился в Лидду (I,15, 6), где он допросил самарян, и схватив восемнадцать иудеев из числа тех, которых он заподозрил в участии в войне, приказал казнить их топором. Двух других знатных лиц совместно с первосвященниками, Ионафаном и Ананием, равно как сына последнего, Анана, и еще некоторых высокопоставленных иудеев он вместе с первыми людьми Самарии послал к императору. В то же время он приказал Куману и трибуну Целеру также отплыть в Рим для того, чтобы лично дать ответ пред Клавдием за происшедшие события. После всех этих распоряжений, он посетил еще Иерусалим и, убедившись, что масса с полным спокойствием празднует праздник опресноков, возвратился обратно в Антиохию.

7. В Риме император выслушал Кумана и самарян. Агриппа также находился тогда в Риме и очень тепло заступился за иудеев, так как Куман тоже имел много сильных защитников. Самаряне признаны были виновными; трех знатнейших из них император приказал казнить; Кумана он отправил в изгнание [18 до разр. хр.]; Целера же он приказал доставить закованным в кандалах обратно в Иерусалим и предоставил иудеям пытать его, волочить по городу и затем отрубить ему голову.

8. После этого император послал (18 до разр. хр.) Феликса, брата Палласа [76], наместником над Иудеей, Галилеей, Самарией и Переей. Агриппу он перевел (17 до разр. хр.) из Халкиды в большее царство, отдав ему прежнюю тетрархию Филиппа, а именно, Батанею, Трахонею и Гавлан (I, 20, 4), присоединив к ним также царство Лизания, равно и бывшую эпархию Вара. Процарствовав тринадцать лет восемь месяцев и двадцать дней, император Клавдий умер (16 до разр. хр.) и оставил своим престолонаследником Нерона, которого он, околдованный хитростями своей жены, Агриппины [77], назначил своим преемником, несмотря на то, что от первой жены своей, Мессалины, имел родного сына, Британника, и дочь Октавию, соединенную им браком с Нероном. От другой жены, Петины, он имел дочь, Антонию.

Глава ТРИНАДЦАТАЯ.

(И. Д. XX, 8, 3-7).

Нерон присоединяет четыре города к владениям Агриппы. — Остальная часть Иудеи управляется Феликсом. — Смуты, вызванные сикариями, магами и египетским лжепророком. — Столкновение между иудеями и сирийцами в Кесарее.

1. Как Нерон (16-3 до разр. хр.), упоенный счастьем и богатством, употреблял во зло свое высокое положение; как он по очереди лишил жизни своего брата, жену и мать; как его изуверство обратилось затем против благороднейших мужей; и как он, наконец, в своем безумии подвизался на сцене и в театре — обо всем этом, как о вещах всем известных, я не стану распространяться и перейду к событиям, которые в его царствование происходили в Иудее.

2. Нерон даровал царство Малую Армению Аристовулу, сыну Ирода; к царству же Агриппы он прибавил еще четыре города с их окрестностями: Авилу и Юлиаду [78] в Перее, Тарихею и Тивериаду в Галилее. Наместничество над остальной Иудеей он вверил Феликсу. Последний схватил живыми — разбойничьего атамана Элеазара (12, 4), разорявшего страну в течение двадцати лет [79], и многих из его сообщников и послал их в Рим. Огромная масса разбойников была им распята; много других лиц, замешанных в соучастии, было предано разным другим казням.

3. Когда страна была таким образом очищена, в Иерусалиме образовалась другого сорта шайка разбойников, получивших название сикариев. Они убивали людей среди белого дня и

в самом городе; преимущественно в праздничные дни они смешивались с толпой и скрытыми под платьем кинжалами [80] закалывали своих врагов; как только жертвы падали, убийцы наравне с другими начинали возмущаться происходившим и, благодаря такому притворству, оставались скрытыми. Первый, который таким образом был заколот, был первосвященник Ионафан [81]. Вслед за ним многие другие погибали ежедневно; паника, воцарившаяся в городе, была еще ужаснее, чем самые несчастные случаи, ибо всякий, как в сражении, ожидал своей смерти с каждой минутой. Уже издали остерегались врага, не верили даже и друзьям, когда те приближались, и однако, при всей этой подозрительности и осмотрительности, убийства попрежнему продолжали совершаться. Так велика была ловкость и сила притворства тайных убийц.

4. В одно время с ними появилась другая клика злодеев, которые, будучи хотя чище на руки, отличались зато более гнусными замыслами, чем сикарии, и не менее последних способствовали несчастью города. Это были обманщики и прельстители, которые под видом воинственного вдохновения стремились к перевороту и мятежам, туманили народ безумными представлениями, манили его за собою в пустыни, чтобы там показать ему чудесные знамения его освобождения, Феликс усмотрел в этом семя восстания и выслал против них тяжеловооруженных всадников и пехоту, которые убивали их массами.

5. Еще более злым бичом для иудеев был лжепророк из Египта. В Иудею прибыл какой-то обманщик, который выдал себя за пророка и действительно прослыл за небесного посланника. Он собрал вокруг себя около 30 000 заблужденных, выступил с ними из пустыни на так называемую Елеонскую гору, откуда он намеревался насильно вторгнуться в Иерусалим, овладеть римским гарнизоном и властвовать над народом с помощью драбантов, окружавших его [82]. Феликс однако предупредил осуществление этого плана, выступив навстречу ему во главе римских тяжеловооруженных; весь народ также принял участие в обороне. Дело дошло до сражения; египтянин бежал только с немногими своими приближенными, большая же часть его приверженцев пала или взята была в плен; остатки рассеялись, и каждый старался укрыться в свою родину.

6. Едва потушена была эта вспышка, как появилась другая, точно в больном организме воспаление переходит с одной части на другую. Обманщики и разбойники соединились на общее дело. Многих они склонили к отпадению, воодушевляя их на войну за освобождение, других же, подчинявшимся римскому владычеству, они грозили смертью, заявляя открыто, что те, которые добровольно предпочитают рабство, должны быть принуждены к свободе [83]. Разделившись на группы, они рассеялись по всей стране, грабили дома облеченных властью лиц, а их самих убивали и сжигали целые деревни. Вся Иудея была полна их насилий, и с каждым днем эта война загоралась все сильнее.

7. Столкновение иного характера возникло в Кесарее между сирийским населением этого города и проживавшими там иудеями. Последние утверждали, что город принадлежит им, так как его построил иудей, а именно царь Ирод. Те же признавали, что основателем его был иудей, но настаивали на том, что город все-таки принадлежит эллинам, ибо, говорили они, если б Ирод предназначил его для иудеев, то он не воздвигал бы здесь храмов и статуй. На этой почве возникли распри, которые мало-помалу перешли в вооруженные столкновения; каждый день смельчаки с той и другой стороны вступали в бой друг с другом. Старейшины из иудеев не были больше в состоянии обуздать горячие головы своей общины; эллинам же, с другой стороны, казалось стыдом отступать пред смелостью иудеев. Богатством и мужественной силой иудеи превосходили своих врагов; но за эллинами был тот перевес, что на их стороне были солдаты, так как большая часть квартировавшего в городе римского гарнизона состояла из сирийцев, которые всегда были готовы помогать своим соплеменникам [84]. Административные власти старались прекратить беспорядки, арестовывали в каждом отдельном случае наиболее ретивых бойцов обеих партий и наказывали их плетьми и цепями; но участь арестованных не устрашала и не усмиряла

оставшихся на свободе, а вызывала напротив того еще большее ожесточение и большее возбуждение страстей. Когда однажды иудеи одержали победу, на площадь явился Феликс и с угрозами приказал им отступить; когда же те не повиновались, он напустил на них солдат, которые убили многих и разграбили их имущество. Когда же после этого борьба все-таки не унималась, Феликс избрал по нескольку влиятельнейших лиц с обеих сторон и отправил их в качестве послов к Нерону для того, чтобы она лично пред императором оспаривали друг у друга свои права.

Глава ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

(И. Д. XX, 8, 9-9. 7).

Феликса сменяет Фест; за ним следует Альбин, преемником которого является Флор. — Последний своей жестокостью вынуждал иудеев начать войну.

1. Фест, вступив в управление после Феликса [85] около (10 до раз. хр.), выступил немедленно против опустошителей страны; большинство разбойников было схвачено и не мало из них казнено [86]. Преемник же его Альбин (около 7 до разр. хр.) вел правление совсем в другом духе, чем первый. Не было того злодейства, которого он бы не совершил. Мало того, что он похищал общественные кассы, массу частных лиц лишил состояния и весь народ отягощал непосильными налогами, но он за выкуп возвращал свободу преступникам, схваченным или их непосредственным начальством или предшествовавшими правителями, и содержавшимся в заключении, как разбойники. Только тот, который не мог платить, оставался в тюрьме. При нем опять в Иерусалиме подняли головы сторонники переворота. Богатые посредством подкупа заручились содействием Альбина настолько, что они, не встречая препятствий с его стороны, могли безбоязненно возбуждать мятеж; и та часть народа, которой не нравилось спокойствие, примкнула к тем, которые действовали за одно с Альбином. Каждый из этих злодеев окружал себя своей собственной кликой, а над всеми, точно разбойничий атаман или тиран, царил Альбин, употреблявший своих сообщников на ограбление благонамеренных граждан. Дошло до того, что ограбленные вместо того, чтобы громко вопиять, как естественно должно было быть в таких случаях, вынуждены были молчать; те же, которые еще не пострадали, из боязни пред подобными насилиями даже льстили тем, которые должны были бы подлежать заслуженной каре. Вообще никто не смел произнесть свободное слово — люди имели над собою не одного, а целую орду тиранов. Тогда уже было брошено семя вскоре наступившего разрушения города.

2. Но Альбин являлся еще образцом добродетели в сравнении с его заместителем Гессием Флором [87] (6 до разр. хр.). В то время когда тот совершал свои злодейства большею частью втайне и с предосторожностями, Гессий хвастливо выставлял свои преступления всему народу напоказ. Он позволял себе всякого рода разбои и насилия и вел себя так, как будто его прислали в качестве палача для казни осужденных. В своей жестокости он был беспощаден, в своей наглости — без стыда. Никогда еще до него никто не умел так ловко опутать правду ложью или придумывать такие извилистые пути для достижения своих коварных целей, как он. Обогащаться на счет единичных лиц ему казалось чересчур ничтожным; целые города он разграбил, целые общины он разорил до основания и немного не доставало для того, чтобы он провозгласил по всей стране: каждый может грабить где ему угодно с тем только условием, чтобы вместе с ним делить добычу. Целые округа обезлюдели вследствие его алчности; многие покидали свои родовые жилища и бежали в чужие провинции [88].

3. Во все время, когда Цестий Галл, правитель Сирии, находился вдали, никто не осмеливался посылать к нему депутатов для обжалования Флора. Но когда он прибыл в Иерусалим, и как раз пред наступлением праздника опресноков, его окружило не меньше трех миллионов иудеев со слезной мольбой сжалиться над изнемогающей нацией и освободить ее от Флора, губителя страны. Этот находился налицо и стоял возле Цестия, но на поднятый против него ропот отвечал язвительными насмешками. Цестий сам успокоил,

однако, народ обещанием настроить Флора милостивее к ним и возвратился в Антиохию. Флор, чтобы изгладить в нем вынесенное впечатление, провожал его до Кесареи, но с тех пор он начал подумывать о том, как бы вызвать необходимость войны с иудеями, в которой он видел единственное средство для сокрытия своих беззаконий. Ибо пока существовал мир, он должен был быть всегда готовым к тому, что иудеи обжалуют его пред императором, но раз ему удастся вызвать открытое восстание, тогда он мог надеяться большим злом отвлечь их от разоблачения меньшего. Так он с каждым днем все больше усугублял бедствия народа, дабы этим вынудить его к отпадению.

4. Между тем кесарийские эллины добились того, что Нерон объявил их хозяевами города, и привезли грамоту, заключавшую в себе это решение [89]. Это положило начало войне (4 до разр. хр.) на двенадцатом году владычества Нерона, семнадцатом году правления Агриппы в месяце Артемизии [90]. Ужасные последствия этой войны нисколько не соответствовали первоначальным ее причинам. Иудеи в Кесарее имели синагогу на месте, принадлежавшем эллину этого города. Неоднократно они старались приобресть в собственность это место, предлагая за него сумму, далеко превышавшую настоящую его стоимость. Но владелец ни за что не уступал их просьбам, а напротив, чтобы еще больше их разозлить, застроил место новыми зданиями и поместил в них мастерские, так что для иудеев остался лишь тесный и очень неудобный проход. Вначале некоторые пылкие юноши делали вылазки с целью помешать сооружению построек. Но когда Флор воспретил этот насильственный образ действий, богатые иудеи, к которым пристал также откупщик податей Иоанн, не нашли себе другого исхода, как только подкупить Флора восемью талантами для того, чтобы он своей властью приостановил дальнейшую постройку. До получения денег он обещал все; но как только имел их уже в руках, он выехал из Кесареи в Себастию и предоставил раздор своему собственному течению, точно он за полученные деньги продал иудеям право употреблять насилия.

5. На следующий день, выпавший в субботу, когда иудеи в полном сборе были в синагоге, один кесариец-бунтовщик взял горшок, поставил его вверх дном пред самыми синагогальными дверьми и принес на нем в жертву птиц. Этот поступок еще более привел в ярость иудеев, так как в нем заключалось издевательство над их законом и осквернение места [91]. Более солидные и спокойные стояли за то, чтобы еще раз обратиться к властям. Но страстная и пылкая молодежь, напротив того, горела жаждою борьбы. С другой стороны, кесарийские забияки стояли уже готовыми к бою, и они-то преднамеренно подослали жертвовавшего. Таким образом вскоре завязался рукопашный бой. Юкунд, начальник римской конницы, на обязанности которого лежало охранение тишины и спокойствия, устранил жертвенный сосуд и пытался прекратить битву; но так как кесарийцы ему не повиновались, то иудеи схватили впопыхах свои законодательные книги и отступили к Нарбате — иудейской местности, отстоящей на шестьдесят стадий от Кесареи. Иоанн и двенадцать влиятельных иудеев направились в Себасту к Флору, выразили свое сожаление по поводу случившегося и просили его заступничества, проронив при этом легкий намек на восемь талантов. Он же приказал бросить их в темницу за то, что они — это было вменено им в преступление — унесли из Кесареи свои законодательные книги.

6. Весь Иерусалим страшно был возмущен этими происшествиями; но несмотря на это, жители столицы все еще сдерживали свой гнев. Флор же, как будто он специально нанялся для этого, нарочно раздувал пламя войны. Он послал за храмовой казной и приказал взять оттуда семнадцать талантов под тем предлогом, будто император нуждается в них. Весть об этом привела народ в негодование; с громкими воплями он устремился в храм, взывал к имени императора и молился об освобождении от тирании Флора. Некоторые из более возбужденных открыто хулили имя Флора, обошли толпу с корзинками в руках и просили милостыни, приговаривая: "подайте бедному, несчастному Флору!" Это, однако, не заставило его устыдиться своей жадности, а напротив подстрекало его на дальнейшие вымогательства.

Вместо того, чтобы поспешить в Кесарею, потушить разгоревшуюся там войну и устранить причины неудовольствия, за что ему же заплатили, — он ринулся в Иерусалим с конницей и пехотой, чтобы силой римского оружия отстоять свои требования и страхом и угрозами волновать город.

7. Чтобы заранее смягчить его гнев, граждане вышли навстречу солдатам с приветствиями и сделали все для того, чтобы принять Флора, как можно почтительнее. Флор же выслал вперед центуриона Капитона с пятьюдесятью всадниками и с приказом возвратиться назад, в город: "пусть не заигрывают теперь в дружбу с тем, которого они раньше так постыдно поносили; если они настоящие молодцы и так незастенчивы в своих выражениях, то пусть же они осмеять его в глаза, пусть докажут свою любовь к свободе не только на словах, но и с оружием в руках". Когда всадники Капитона нагрянули прямо на толпу, последняя, ужаснувшаяся такого приема, рассеялась, прежде чем успела приветствовать Флора и засвидетельствовать солдатам свои чувства преданности. Все поспешно разошлись по домам и провели ночь в страхе и унынии.

8. Флор переночевал в царском дворце, а на следующий день приказал поставить пред дворцом судейское кресло, на которое он взошел. Первосвященники и другие высокопоставленные лица, равно и вся знать города, предстали пред этим судилищем. Флор потребовал тогда от них выдачи тех, которые его оскорбляли, присовокупив угрозу, что, в случае отказа, они сами поплатятся за виновных. Они же, напротив, указывали на мирное настроение народа и просили его простить тех, которые грешили своими речами. Неудивительно, сказали они, если среди такой огромной массы находятся некоторые горячие головы и по молодости своей необдуманные; отыскать их теперь невозможно, так как все переменили свой образ мысли и из страха пред наказанием будут отпираться от своей вины. Пусть он лучше позаботится теперь о поддержании мира среди населения, о сохранении города для римлян; пусть лучше простить немногих провинившихся ради многих невинных, а не ввергнет в несчастье огромную массу благонадежных из-за горсти злодеев.

9. Этот ответ только увеличил его гнев; он громко отдал приказ войску разграбить так называвшийся верхний рынок и убить всех, которые только попадутся им в руки. Повеление начальника пришлось по вкусу алчным солдатам: они не только разгромили указанную им часть города, но врывались во все дома и убивали жильцов. Все пустились бежать по тесным улицам; кто был застигнут, тот должен был умереть, и ни единый способ разбоя не был упущен солдатами. Многих также спокойных граждан они схватили живыми и притащили к Флору, который велел их прежде бичевать, а затем распять. Общее число погибших в тот день вместе с женщинами и детьми (и бессловесные дети не были пощажены) достигало около 3600. Еще больше усугубило несчастье неслыханное до тех пор у римлян изуверство; Флор отважился на то, чего не позволил себе никто из его предшественников: лиц всаднического сословия, хотя иудейского происхождения, но носивших римское почетное звание, он приказал бичевать пред трибуналом и распять их [92].

Глава ПЯТНАДЦАТАЯ.

Вереника напрасно умоляет Флора о пощаде для иудеев. — Флор опять раздувает восстание после того, как оно уже было потушено.

1. В это время царь Агриппа уехал в Александрию, чтобы поздравить Александра (11, 6), которому Нерон вверил Египет, послав его туда в качестве наместника. Его сестра, Вереника [93], находилась как раз в Иерусалиме и была свидетельницей всех ужасов, совершенных солдатами. Проникнутая глубоким сожалением, она несколько раз посылала к Флору своих кавалерийских офицеров и телохранителей с просьбой прекратить резню. Но ни огромное число жертв, ни высокое происхождение заступницы не повлияли на него; он только думал о барышах, которые принесли ему грабежи, и не обращал внимания на ее просьбы. Ярость солдат обратилась против самой царицы: они не только мучили и убивали пленных на ее глазах, но и ее самое лишили бы жизни, если б она поспешно не скрылась в

царский дворец, где всю ночь, боясь нападения солдат, провела среди своей стражи. Цель ее тогдашнего пребывания в Иерусалиме было исполнение данного ею Богу обета. У иудеев существует обычай, что те, которые перенеся болезнь или другое какое либо несчастье, должны тридцать дней до принесения ими жертвы посвятить себя благочестию, воздержаться от вина и снять волосы с головы. Выполнением такого обета Вереника занята была тогда, когда она босая, как просительница, предстала пред трибуналом Флора, не только не встречая при этом почтительного обращения, но подвергая свою жизнь явной опасности.

2. Это произошло в шестнадцатый день месяца Артемизия. На следующий день народ в глубоком трауре собрался на верхнем рынке и с громкими воплями оплакивал убитых; но тут стали также раздаваться враждебные голоса против Флора. Сильно опасаясь за исход дела, знатные лица и первосвященники разорвали на себе одежду, пали к ногам некоторых из толпы и умоляли их сдержать себя и не вызывать Флора на новые злодейства. Народ сейчас же дал себя уговорить, отчасти из благоговения пред просящими, отчасти в надежде, что Флор ничего враждебного против них больше не предпримет.

3. Успокоение умов пришлось, однако, Флору не по сердцу. Он придумывал поэтому новые средства, чтобы возбудить их вновь. С этими мыслями он призвал к себе первосвященников и почетных граждан и объявил им: если они желают представить ему истинное доказательство в том, что иудеи не помышляют о мятеже, то пусть последние устроят торжественную встречу придвигающимся отрядам из Кесареи. (Две когорты были на пути к Иерусалиму). Но в то время, когда те были заняты в народном собрании, Флор отправил вестового с инструкцией к начальникам когорт, чтобы они приказали своим людям ничего не ответить на приветствия иудеев; в случае же, если последние позволять себе какое-либо слово против его личности, тогда они должны пустить в ход свое оружие. Между тем первосвященники созвали народ в храм и побуждали его выйти навстречу римским когортам и радостно их приветствовать, дабы избегнуть худших последствий. Жаждавшие мятежа отказались от этого предложения и народ, помня убитых, склонялся на сторону более решительных.

4. Тогда появились все коганы и все священнослужители, неся перед собою священные сосуды и одетые в облачение, которое они обыкновенно носили при богослужении; дальше шли игравшие на цитрах и храмовые певцы с их инструментами — все пали ниц перед народом и молили его сохранить им священное облачение и не довести до того, чтобы римляне разграбили посвященные Богу драгоценности. Самих первосвященников можно было видеть с пеплом на голове и с обнаженной грудью, так как они разорвали на себе одежду. Они обратились к некоторым знатным особам поименно и ко всему народу в целом и заклинали их не подвергать опасности родного города из-за упущения незначительной формальности и не отдать его на произвол тем, которые хотят погубить его. "Что же выиграют солдаты от приветствия иудеев, а с другой стороны, если они откажутся выйти им навстречу — поправится ли совершившееся уже несчастье? Если они по установившемуся обычаю дружелюбно примут приближающиеся отряды, тогда они отнимусь у Флора всякий повод к войне, сохранят отечественный город и в будущем не будут больше обеспокоены. Помимо того, было бы непростительной необдуманностью с их стороны дать руководить собою немногим беспокойным умам, вместо того, чтобы своим подавляющим большинством заставить тех присоединиться к ним".

5. Этими словами они не только смягчили народ, но — одних угрозами и других внушавшим уважение повелительным тоном — заставили умолкнуть даже коноводов. Спокойно и в праздничных нарядах народ подвигался навстречу солдатам и приветствовал их, когда те приблизились. Видя же, что солдаты оставляют приветствие без всякого ответа, некоторые из беспокойных стали поносить имя Флора. Это послужило лозунгом к нападению на иудеев. Солдаты их немедленно оцепили и начали бить кнутами; бежавших преследовали

всадники и растаптывали их. Огромное число пало под кнутами римлян, но еще больше погибло в натиске своих же. Страшна была давка в воротах: каждый хотел опередить другого и вследствие этого замедлилось общее бегство; те, которые падали на землю, погибали самым жалким образом. Задушенные и раздавленные наступавшей на их тела толпой, они до того были изуродованы, что никто не мог отыскать трупа родных для погребения. Вместе с ними втеснились в город также и солдаты, не переставая бить всех, кого только застигали. Они старались загнать народ в Бецету [94] для того, чтобы, оттолкнув его в сторону, завладеть храмом и замком Антонией. В этом же расчете и Флор с своим войском прискакал из дворца и старался достигнуть цитадели. Но этот план ему уже не удался. Народ повернулся лицом, выдержал натиск римлян и, взобравшись на крыши, стал стрелять в римлян сверху вниз. Затрагиваемые этими выстрелами сверху и слишком слабые для того, чтобы пробиться чрез толпу, запрудившую тесные улицы, римляне потянулись назад в свои квартиры, близ царского дворца.

6. Опасаясь, чтобы Флор при вторичном нападении не овладел храмом со стороны замка Антонии мятежники поспешили вверх и сломали колоннады, соединявшие храм с последней [95]. Это немного охладило жадность Флора: его страстным вожделением были священные сокровища и потому-то он так старался добраться до Антонии; но раз галереи были сорваны, он отказался от своего намерения. Он потребовал к себе первосвященников и совет и объявил им, что он сам удалится [96], но оставит в их распоряжении войска, сколько им угодно. Они обещали ему полную безопасность и спокойствие города, если он оставит им одну единственную когорту, только не ту, которая только что сражалась, так как ожесточение народа против нее очень велико. Согласно этому выраженному ими желанно, он дал им когорту и возвратился вместе с остальным войском в Кесарею.

Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Цестий посылает трибуна Неаполитана для расследования положения дел в Иудее. — Речь царя Агриппы к иудеям, в которой он им советует не начинать войны против римлян.

1. Чтобы дать новую пищу войне, Флор отправил Цестию донесение, в котором ложно обвинял иудеев в отпадении, приписал им начало борьбы и винил их во всем том, что они перетерпели. Но и городские власти в Иерусалиме не молчали: сообща с Вереникой они в письме, обращенном к Цестию, изложили все преступления Флора против города. Получив эти противоречивые сообщения, Цестий в кругу своих офицеров держал совет, что делать. Одни высказывались в том смысле, что Цестий во главе войска лично должен идти в Иерусалим и наказать за отпадение, если последнее действительно имело место, или же укрепить иудеев в их настроении, если они остались верными римлянам. Но он сам счел за лучшее на первых порах отправить одного из своих друзей для расследования дела на месте и представления точного отчета о состоянии умов в Иудее. Эту миссию он возложил на одного из своих трибунов, Неаполитана, который на своем пути в Иерусалим сошелся возле Иамнии с возвратившимся из Александрии царем Агриппой и сообщил ему кем и зачем он послан.

2. Там же находились первосвященники, влиятельнейшие иудеи и советь, прибывшие встречать царя. Отдавши ему должные почести, они поведали ему свое горе и описали в частностях зверские поступки Флора. Как ни велик был гнев царя и как он ни сочувствовал внутренне иудеям, он все-таки из благоразумия выместил свою злобу на последних же, желая умерить их самонадеянность и отклонить их от всякой мысли о мщении, для которого будто никакого повода не имеется. Они же, как люди, стоявшие выше толпы, которые вместе с тем для сохранения своих богатств сами тоже желали мира, поняли, что укоры царя вытекают из доброжелательства к народу. Но на расстоянии шестидесяти стадий от Иерусалима прибыла масса простого иерусалимского народа для приветствования Агриппы и Неаполитана. Впереди шли жены убитых, потрясая воздух громкими рыданиями; народ присоединился к этому воплю и просил Агриппу о заступничестве; Неаполитану они горько

жаловались на многочисленные насилия Флора и по прибытии в город показали ему и царю опустошенный рынок и разрушенные дома. Затем они уговорили чрез Агриппу Неаполитана в сопровождении одного лишь слуги обойти весь город до Силоама [97] для того, чтобы убедиться, с какой покорностью иудеи относятся к римлянам и что ненавидят они одного только Флора за его неслыханные зверства. Когда он при своем объезде по городу получил достаточные доказательства мирного настроения его обитателей, он взошел в храм, созвал туда народное собрание, высказал ему много похвал за его верность к римлянам, напомнил серьезно о сохранении спокойствия на будущее время и, почтив, на сколько ему приличествовало, Божий храм, уехал обратно к Цестию.

3. Теперь народная толпа обратилась к царю и первосвященникам с требованием отправить к Нерону посольство для обжалования Флора, дабы их молчание о таком страшном кровопролитии не навлекло еще на них же подозрения в отпадении: "если они не поспешат указать на лицо, впервые поднявшее оружие, то подумают, что они были те, которые первые это сделали". Судя по настроению народа, можно было видеть ясно, что если ему будет отказано в отправлении депутации, он не останется в покое. Но Агриппа рассчитал, что назначение послов для обжалования Флора создаст ему врагов; с другой же стороны, он отлично понимал, как невыгодно будет для него, если он допустит, чтоб военная вспышка, охватившая иудеев, разгорелась в пламя. Он решился поэтому созвать народ на окруженную колоннами площадь (Ксист, большая площадь перед дворцом Асмонеев), поставил свою сестру Веренику рядом с собою таким образом, чтоб всякий мог ее видеть, и пред дворцом Асмонеев, возвышавшимся над площадью на окраине верхнего города (эта площадь была посредством моста соединена также и с храмом), произнес следующую речь:

4. "Если б я видел, что вы все без исключения настаиваете на войне против римлян, а не наоборот, — что лучшая и благонадежная часть населения твердо стоит за мир, то я бы не выступил теперь пред вами и не взял бы себе смелости предложить вам свой совет. Ибо всякое слово о том, что следовало бы делать, бесполезно, когда гибельное решение принято заранее единогласно. Но так как войны домогается одна лишь партия, подстрекаемая отчасти страстностью молодежи, не изведавшей еще на опыте бедствий войны, отчасти — неразумной надеждой на свободу, отчасти также — личной корыстью и расчетом, что когда все пойдет вверх дном, они сумеют эксплуатировать слабых — то я счел своим долгом собрать вас всех сюда и сказать, что именно я считаю за лучшее, дабы люди разумные опомнились и переменили свой образ мыслей и добрые не пострадали из-за немногих безрассудных. Пусть никто не перебивает меня, если он услышит что-нибудь такое, что ему не понравится. Те, которые какой бы то ни было ценой добиваются мятежа, и после моей речи могут остаться при своем мнении, если же не все будут спокойно вести себя, то мои слова пропадут даром и для тех, которые охотно желали бы слушать меня.

Я знаю, что многие с большою страстностью говорят о притеснениях прокураторов и о прелестях свободы. Но прежде чем разобрать, кто вы такие, и кто те, с которыми вы думаете бороться, я хочу размотать клубок перепутанных между собою предлогов для войны. Если вы только хотите отомстить тем, которые вас обижают, то при чем тут ваши гимны о свободе? Если же рабское положение кажется вам невыносимым, то жалобы на личности правителей становятся излишними: они могут быть очень мягкосердечны, а все-таки зависимое положение остается позорным. Разберите же каждый пункт в отдельности и тогда увидите, сколь маловажными являются поводы к войне. Рассмотрим прежде жалобы на правителей. Благоговеть надо пред властителями, а не возбуждать их гнев; если же вы на небольшие погрешности отвечаете жестокими оскорблениями, то вы восстановляете против самих себя тех, которых вы поносите: они тогда причиняют вам вред не тайно и робко, а губят вас открыто. Ничто так не противодействует удару, как перенесение его: терпение обижаемых трогает сердце тех, которые причиняют обиды. Допустим даже, что римские чиновники невыносимо жестоки, но вас же не притесняют все римляне и не притесняет вас император,

против которого вы собираетесь начать войну. Ведь не посылают вам правителя, которому предписано быть злодеем, а на Западе не видят, что происходит на Востоке, как вообще даже вести о нас доходят туда только с трудом. Разве не нелепо, из-за одного человека бороться со многими и из-за ничтожных причин — воевать с такой великой державой, которая вдобавок не знает о наших претензиях. Возможно же, что мы вскоре избавимся от наших тягостей; ведь не вечно же будет у нас оставаться один и тот же правитель, а его преемники будут, вероятно, люди более милостивые. Но раз война начата, то без несчастий не легко будет ни прекратить, ни продолжать ее. Что же касается свободы, то в высшей степени несвоевременно теперь гнаться за нею. Прежде нужно было бороться, чтобы не потерять ее, ибо первое ощущение рабства, действительно, больно, и всякая борьба против него в начале справедлива. Если же кто, будучи раз покорен, опять отпадет, то он не больше, как возмечтавший о себе раб, но не любящий свободу человек. Да, тогда нужно было напрягать все усилия, чтобы не впустить римлян, — тогда, когда Помпей впервые вступил в страну. Но и наши предки и их цари, которые далеко превосходили вас и деньгами, и силами, и мужеством, — все-таки не могли устоять против незначительной части римского войска; а вы, которые зависимость от римлян получили уже в наследство, которые во всех отношениях так далеко уступаете вашим предкам, впервые пришедшим в соприкосновение с римлянами и мало еще знавшим о них, — вы теперь хотите померяться со всем римским государством! [98] Афиняне, которые однажды за свободу эллинов сами предали свой город огню, которые высокомерного Ксеркса, ехавшего на суше в кораблях и пешком перешагавшего моря — море не могло обнять его флоты, а вся Европа была слишком тесна для его войска — этого Ксеркса они как беглеца преследовали на челноке и у маленького Саламина сломили ту великую азиатскую державу — они теперь подданные римлян, и город, некогда стоявший во главе Эллады, управляется теперь приказаниями, исходящими из Италии. Лакедемоняне, имевшие свои Фермопилы, Платею и Агезилая, открывшего недра Азии, должны были подчиниться тому же господству. Македоняне, которые все еще бредят Филиппом и видят его вместе с Александром, сеющими семена всемирного македонского царства, — мирятся с превратностью судьбы и почитают тех, которым счастье теперь улыбается. И бесчисленные другие народности, воодушевленные еще большим влечением к свободе, смиряются; одни только вы считаете стыдом быть подвластными тому, у ног которого лежит весь мир. Какое войско, какое оружие вселяет в вас такую уверенность? Где ваш флот, который должен занять римские моря? Где те сокровища, которыми вы должны поддержать ваше предприятие? Не воображаете ли вы, что подымаете оружие против каких-нибудь египтян или арабов? Не знаете ли вы разве, что значит римское государство? Или вы не имеете масштаба для собственной своей слабости? Разве вы не бывали уже часто побеждаемы вашими соседями? А мощь римлян, напротив, на всей обитаемой земле непобедима. Но им всего этого еще мало было и их желания шли дальше; весь Евфрат на востоке, Дунай на севере, на юге Ливия [99], которую они прорезали до пустынь, и Гадес [100] на западе — все это их не удовлетворило: они отыскали себе по той стороне океана новый свет и перенесли свое оружие к дотоле никому неизвестным британцам. А вы что? Вы богаче галлов, храбрее германцев, умнее эллинов и многочисленнее всех народов на земле? Что вам внушает самоуверенность восстать против римлян? Вы говорите, что рабское иго слишком тяжело. На сколько же тяжелее оно должно быть для эллинов, слывущих за самую благородную нацию под солнцем и населяющих такую великую страну! Однако же они сгибаются пред шестью прутьями [101] римлян; точно также и македоняне, которые бы имели больше прав, чем вы, стремиться к независимости. И, наконец, пятьсот азиатских городов — не покоряются ли они даже без гарнизонов одному властелину и консульским прутьям. Не говоря уже о гениохах [102], колхидянах [103] и народе тавридском [104], об обитателях Босфора и племенах на Понте [105] и Меотийского моря, [106] которые раньше не имели понятия даже о туземной власти, а теперь их обуздывают три тысячи тяжеловооруженных, и сорок военных кораблей удерживают мир на бурном и прежде непроезжем море. Сколь много могли сделать

для достижения своей цели Вифиния [107], Каппадокия [108], Памфилия [109], Ликия [110] и Киликия [111]! Все же таки они платят дань, не будучи даже принуждены к этому оружием. Взгляните на фракийцев [112]! Их страна имеет пять дней езды ширины и семь — длины, гораздо более дика и защищена, чем ваша, их жестокие холода служат страшилищем для неприятеля — не повинуются ли они, однако, гарнизону из 2000 римлян? А их соседи иллирийцы [113], владения которых простираются до Далмации и Дуная — не покоряются ли они двум легионам, которые еще помогают им отражать нападения дакийцев [114]? Дальше, далматы [115], так часто пытавшиеся сбросить с себя иго рабства и после каждой неудачи собиравшие новые силы для отпадения — как спокойно они теперь живут под охраной одного римского легиона! Если есть нация, которая в действительности имела бы возможность к восстанию, так это именно галлы, которые так прекрасно защищены самой природой; на востоке Альпами, на севере Рейном, на юге — Пиренейскими горами и океанам на западе. Но несмотря на то, что они окружены такими крепостями, считают в своей среде триста пять народностей, владеют внутри своей страны всеми, так сказать, источниками благосостояния и своими продуктами наводнят почти весь мир, тем не менее они мирятся с положением данников города Рима, которому они предоставляют распоряжаться как угодно богатствами своей собственной страны. И это они терпят не из трусости или по врожденному им рабскому чувству — ведь они восемьдесят лет вели войну за свою независимость — а потому, что рядом с могуществом Рима их страшит и его счастье, которому он обязан больше, чем своему оружию. Так их держат в повиновении 1200 солдат в то время, когда у них почти больше городов, чем эта горсть людей. Иберийцам [116] в их войне за свободу не помогло ни золото, добываемое из родной почвы, ни страшная отдаленность от римлян, как на суше, так и на море, ни воинственные племена лузитанцев [117] и кантабров [118], ни близкий океан с его бурным прибрежным течением, страшным даже для коренных жителей. Неся свое оружие чрез Геркулесовы столбы [119] и прокладывая себе дорогу чрез облака по вершинам Пиренеев, римляне покорили также и тех, и гарнизона из одного легиона достаточно для этих столь отдаленных и труднопоборимых народностей. Кто из вас еще не слышал о многочисленной нации германцев? Их телесную силу и гигантский рост вы уже часто имели случай наблюдать, так как римляне повсюду имеют пленников из этой нации. Они обитают огромные страны; выше их роста их гордость; они обладают презирающим смерть мужеством, а нравом своим они свирепее самых диких зверей. И ныне, однако, Рейн составляет предел их наступлений; покоренные восемью легионами римлян, их пленники были обращены в рабство, а народные массы ищут спасения в бегстве. Взгляните на стены британцев, вы, возлагающие надежды на стены Иерусалима! Они защищены океаном и населяют остров, не меньший нашей страны: римляне приплыли к ним и покорили их; четыре легиона охраняют весь этот большой остров. Нужно ли еще больше примеров, когда даже парфяне — это сильнейшее воинственное племя, покорители столь многих народов, обладающие такими огромными силами — когда и они посылают римлянам заложников, и в Италии мы видим, как знать Востока, желая показаться миролюбивой, исполняет рабскую службу. В то время, когда почти все народы под солнцем преклоняются пред оружием римлян, вы одни хотите вести с ними войну, не подумав об участи карфагенян, которые могли хвалиться своим великим Ганнибалом и благородным своим происхождением от финикиян и которые, однако, пали под ударами Сцнпиона! Ни киренеяне [120], производившие свое происхождение от лакедемонян, ни мармариды [121], племя которых углубляется в безводные пустыни, ни сиртяне [122], насамоны [123] и мавры [124], одно имя которых возбуждает уже страх, ни многочисленный народ нумидийский [125], — не могли противостоять храбрости римлян. И всю третью часть света [126], народности которой не легко даже исчислить, окруженную Атлантическим океаном и Геркулесовыми столбами, доставляющую приют бесчисленным эфиопам до Красного моря, подчинили себе римляне. Кроме ежегодной доставки хлеба, которым население Рима питается восемь месяцев, они платят еще разные другие подати, добровольно удовлетворяя потребности государства и не

считая, подобно вам, ни одного из налогов бесчестием для себя, несмотря на то, что у них содержится один только легион. Но нужно ли мне доказывать могущество римлян ссылками на дальние страны, когда на это указывает близкий к нам Египет, простирающийся до Эфиопии и счастливой Аравии, граничащий с Индией, имеющий, как показываете подушная подать, кроме жителей Александрии, население в семь с половиной миллионов и не стыдящейся при всем том своего подчиненного положения римлянам. И какую сильную опору для отпадения имел бы Египет в необычайно великой Александрии с ее многочисленным населением и огромными богатствами! Ведь этот город имеет тридцать стадий длины и не меньше десяти стадий ширины; в один месяц он уплачивает римлянам больше дани, чем вы за целый год, и, кроме денег, снабжает Рим хлебом на четыре месяца; защищен же он со всех сторон, частию непроходимыми пустынями, частию морями, лишенными гаваней, а частью реками и болотами. Но все это бессильно против счастья римлян: два легиона, расположенные в городе, обуздывают далеко простирающуюся египетскую страну точно также, как и родовую македонскую честь. Где же вы думаете найти союзников против римлян? В необитаемой ли части земли? Ведь на обитаемой земле все принадлежите Риму. Или, быть может, кто-либо из вас перенесется мыслью за Евфрат и будет мечтать о том, что наши соплеменники из Адиабены поспешат к нам на помощь? Но они, во первых, без основательного повода не дадут себя втянуть в такую войну; а если бы даже они и приняли такое безрассудное решение, то их выступлению воспрепятствуют парфяне, потому что в интересах последних лежит охранение мира с римлянами, которые всякую вылазку парфянских подданных против них будут считать нарушением мирного договора. Таким образом ничего больше не остается, кроме надежды на Бога. Но и Он стоит на стороне римлян, ибо без Бога невозможно же воздвигнуть такое государство. Подумайте дальше, как трудно станет вам даже в борьбе с легкопобедимым врагом сохранять чистоту вашего богослужения; обязанности, соблюдение которых вам больше всего внушает надежду на помощь Бога, вы будете вынуждены переступать и этим навлечете на себя Его немилость. Если вы захотите строго блюсти запреты субботы и не дадите себя склонять ни на какую работу в этот день, то вы в таком случае легко будете одолены, подобно тому, как пали ваши предки пред Птоломеем, пользовавшимся, главным образом, теми днями, которые праздновали осажденные, для усиления и ускорения осады. Если же, наоборот, вы во время войны сами будете нарушать отцовские законы, то я не понимаю, из-за чего вам еще воевать. Это же единственная цель вашего рвения — оставить за собою неприкосновенность отцовских законов. Но как вы можете взывать к помощи Бога, если вы преднамеренно грешите против Него. Войну начинают обыкновенно в надежде или на божество или на человеческую помощь; но когда зачинщики войны лишены и того и другого, тогда они идут на явную гибель. Что же вам мешает собственными своими руками убить своих детей и жен и сжечь свою величественную столицу! Вы, правда, поступите, как сумасшедшие, но, по крайней мере, избегнете позора падения. Разумнее, мои друзья, гораздо разумнее сидеть в гавани и выжидать погоды, чем в самую бурную стихию пускаться в открытое море, потому что, если кого неожиданно постигает несчастье, тот, по крайней мере, вызывает сожаления, если же кто сам обрекает себя на гибель, на того вместе с несчастьем сыпятся и укоры. Никто же из вас не станет надеяться, что римляне будут вести с вами войну на каких-то условиях и что когда они победят вас, то будут милостиво властвовать над вами. Нет, они, для застращивания других наций, превратят в пепел священный город и сотрут с лица земли весь ваш род; ибо даже тот, который спасется бегством, нигде не найдет для себя убежища, так как все народы или подвластны римлянам, или боятся подпасть под их владычество. И опасность постигнет тогда не только здешних, но и иноземных иудеев — ведь ни одного народа нет на всей земле, в среде которого не жила бы часть ваших. Всех их неприятель истребит из-за вашего восстания; из-за несчастного решения немногих из вас иудейская кровь будет литься потоками в каждом городе, и каждый будет иметь возможность безнаказанно так поступать. Если же иудеи будут пощажены, то подумайте, какими

недостойными окажетесь вы, что подняли оружие против такого гуманного народа. Имейте сожаление, если не к своим женам и детям, то по крайней мере к этой столице и святым местам! Пожалейте эти досточтимые места, сохраните себе храм с его святынями! Ибо и их не пощадят победоносные римляне, если за неоднократную уже пощаду храма вы отплатите теперь неблагодарностью. Я призываю в свидетели вашу Святая Святых, святых ангелов Господних и нашу общую отчизну, что я ничего не упустил для вашего спасения. Если вы теперь примете правильное решение, то вместе со мною будете пользоваться благами мира, а если вы последуете обуревающим вас страстям, то вы это сделаете без меня, на ваш собственный риск".

После этих слов царь и его сестра заплакали, и их слезы подавили самые бурные порывы народных страстей. Присутствовавшие воскликнули: "Они не желают бороться с римлянами, но с своим притеснителем, Флором". На это Агриппа возразил: "Судя, однако, по вашим действиям, вы уже вступили в борьбу с римлянами, потому что вы не заплатили налогов императору и сорвали галерею с замка Антонии. Вы можете свалить с себя обвинение в возмущении тем, что вновь восстановите галерею и внесете подать; ведь не Флору принадлежит замок и не Флору вам нужно платить деньги".

Глава СЕМНАДЦАТАЯ.

Иудеи начинают войну против римлян. — Манаим.

1. Народ дал уговорить себя. Все поспешили вместе с царем и Вереникой вверх в храм и принялись за восстановление галерей. Представители народа и члены совета разделили между собою деревни и начали собирать дань; вскоре были сколочены не достававшие еще к уплате сорок талантов. Таким образом Агриппе удалось задержать еще грозившую войну. Но после этого он начал также побуждать народ повиноваться Флору до тех пор, пока император не пришлет на его место преемника. Это уже ожесточило массу: ропот негодования раздался против царя, и ему велено было сказать, чтоб он оставил город. Некоторые из мятежников осмелились даже бросать в него каменьями. Видя совершенную невозможность обуздать мятежников и раздраженный причиненными ему оскорблениями, царь отправил народных представителей и влиятельнейших иудеев к Флору в Кесарею для того, чтобы он из их среды назначил сборщиков податей; сам же он возвратился в свое царство [127].

2. Между тем собралась толпа иудеев, стремившихся к войне с особенной настойчивостью и поспешно выступила против одной крепости по имени Масада [128]; взяв ее хитростью, они убили находившихся там римлян и поставили туда гарнизон из своих людей. В то же время Элеазар, сын первосвященника Анания, — чрезвычайно смелый юноша, занимавший тогда начальнический пост, — предложил тем, которые заведовали порядком богослужения, не принимать больше никаких даров и жертв от не-иудеев. Это распоряжение и было собственно началом войны с римлянами, потому что в нем заключалось отвержение жертвы за императора и римлян. Как ни упрашивали первосвященник и знатнейшие особы — не отменить обычного жертвоприношения за верховную власть, они все-таки не уступали, полагаясь отчасти на свою многочисленность (их сторону держали наиболее сильные из недовольной партии), отчасти же и преимущественно — на Элеазара, предводителя храмовой стражи.

Ввиду серьезного и опасного характера движения, представители властей, первосвященники и знатнейшие фарисеи, собрались вместе для совещания о положении дел. Решено было попытаться урезонить недовольных добрыми словами; с этой целью народ был созван на собрание к медным воротам, находящимся внутри храмового двора, против восточной стороны. Сделав народу много упреков за его смелую попытку к отпадению, сопряженному с столь опасной войной для отечества, ораторы старались вместе с тем поколебать основательность поводов к этой войне. "Их предки украшали храм большею частью приношениями, сделанными иностранцами, и всегда принимали дары от чужих наций.

Они не только не отказывали никому в приношении жертв, что было бы тяжким грехом, но и устанавливали кругом в храме священные дары, которые и поныне, по истечении столь долгого времени, можно еще видеть. Ведь только для того, чтобы раздразнить римлян и заставить их взяться за оружие, они вдруг хотят ввести новые религиозные законы по отношению к инородцам, рискуют, независимо от непосредственной опасности, навлечь еще на город безбожную молву, будто у одних только иудеев иноземец не может ни жертвовать, ни молиться в храме. Если бы подобный закон был направлен только против частного лица, он бы мог уже возбудить негодование как преступление против человеколюбия, они же даже позволяют себе лишить императора и римлян такого права. А между тем следует опасаться, как бы отвержение жертв этих последних не имело своим последствием того, что вскоре они сами будут лишены возможности жертвовать и что город будет объявлен вне защиты государства; а потому не лучше ли одуматься скорее, возобновить жертвоприношения и постараться загладить оскорбление, прежде чем оно дошло до сведения тех, кому оно нанесено".

4. Во время этой речи представлены были народу священники, знакомые с древними обычаями и разъяснившие, что их предки во все времена принимали жертвы от иноплеменников. На все это никто из восставших не обратил никакого внимания; священники, заведовавшие богослужением, даже стали пренебрегать своими обязанностями, готовясь к войне. Представители властей увидели, что они больше не в состоянии справиться с мятежом, и начали заботиться о том, чтобы свалить с себя всякое подозрение, так как ответственность пред римлянами должна была пасть прежде всего на них. С этой целью они отправили посольства: одно под предводительством Симона, сына Анании, к Флору, а другое, из лиц высокого ранга, как Саул, Антипа и Костобар — родственники царя — к Агриппе. Обоих они просили стянуть войска к городу и подавить восстание, пока есть еще возможность. Для Флора это было чрезвычайно приятное известие; решившись раздувать пламя войны, он не дал послам никакого ответа. Но Агриппа, одинаково озабоченный судьбою, как восставших, так и тех, против которых война была возбуждена, старавшийся сохранить для римлян иудеев, а для иудеев — их храм и столицу, понявший, наконец, что и ему лично восстание не может принести никаких выгод, — послал иерусалимским жителям три тысячи конных солдат из Аврана, Батанеи и Трахонеи под командой Дария, начальника конницы, и главным предводительством Филиппа, сына Иакима.

5. Ободренная этой помощью, иерусалимская знать, с первосвященниками и миролюбивой частью населения, заняла верхний город; нижний же город и храм находились в руках мятежников. С обеих сторон пустили в ход камни и метательные снаряды и начался беспрерывный ряд перестрелок между обоими лагерями. Отдельные отряды делали в то же время вылазки и завязывали сражения на близких дистанциях. При этом мятежники выказывали больше отваги, царские же отряды — больше военной опытности. Последние стремились, главным образом, к тому, чтобы овладеть храмом, дабы изгнать оттуда осквернителей Святилища; мятежники под предводительством Элеазара старались, напротив, захватить в свою власть еще и верхний город. Семь дней [129] подряд лилась кровь с обеих сторон и, однако, ни одна парт не уступала другой занятых ею позиций.

6. На восьмой день, в праздник ношения дров [130], когда каждый должен был доставить дрова к алтарю для поддержания на нем вечного огня, ревнители исключили своих противников из участия в этом акте богослужения. Вместе с невооруженной массой вкралось тогда в храм множество сикариев (разбойников с кинжалами под платьем), с помощью которых они еще более усилили нападения. Царские отряды оказались в меньшинстве и уступали им также в мужестве; они должны были освободить верхний город. Тогда наступавшие вторгнулись туда и сожгли дом первосвященника Анания, а также дворцы Агриппы и Вереники; вслед за этим они перенесли огонь в здание архива для того, чтобы как можно скорее уничтожить долговые документы и сделать невозможным взыскание долгов.

Этим они имели в виду привлечь массу должников на свою сторону и восстановить бедных против лиц состоятельных. Надзиратели архива бежали, так что они беспрепятственно могли предать его огню. Уничтожив здания, составлявшие как бы нервы города, они бросились на своих врагов. Часть властных людей и первосвященников скрылась в подземные ходы; другие вместе с царским отрядом отступили назад, в верхний дворец, и поспешно заперли за собою ворота. Между последними находились: первосвященник Ананий, брат его Езекия и посланные пред тем к Агриппе делегаты. Тогда только бунтовщики сделали перерыв, довольствуясь победой и произведенными огнем опустошениями.

7. На следующий день (в 15-й день Лооса) [131] они сделали нападение на замок Антонию, штурмовали его после двухдневной осады, убили весь гарнизон, а самую цитадель предали огню. За тем они обступили дворец, куда спаслись царские отряды, разделились на четыре громады и пытались пробить стену. Находившиеся внутри, в виду многочисленности наступавших, не отваживались на вылазку; вместо этого они установили посты на брустверах и башнях, стреляли в нападавших и убивали значительное число разбойников под стеною. Ни днем, ни ночью не унималась борьба. Мятежники рассчитывали, что недостаток съестных припасов заставит гарнизон сдаться, а осажденные надеялись, что те устанут от чрезмерного напряжения.

8. Между тем поднялся некий Манаим [132], сын Иуды, прозванного Галилеянином, замечательного софиста (законоучителя), который при правителе Квиринии укорял иудеев в том, что они, кроме Бога, признают над собою еще и власть римлян (II, 8, 1), Этот Манаим отправился во главе своих приверженцев в Масаду, разбил здесь арсенал Ирода, вооружил, кроме своих земляков, и чужих разбойников, и с этой толпой телохранителей вступил, как царь, в Иерусалим, стал во главе восстания и принял руководительство над осадой. Осаждавшие не имели осадных орудий, а под градом сыпавшихся стрел сверху не было никакой возможности открыто подкопать стену. Вследствие этого они, начавши издали, выкопали мину по направлению к одной из башен, укрепили ее подпорами, подожди эти последние и вышли наружу. Как только фундамент сгорел, башня мгновенно рухнула. Но другая стена, выстроенная внутри против наружной стены, предстала пред глазами осаждавших. Дело в том, что осажденные поняли план неприятеля (вероятно потому, что башня, как только она была подкопана, пошатнулась) и соорудили себе другую защиту. При этом неожиданном зрелище осаждавшие, торжествовавшие уже победу, были немало поражены. Тем не менее осажденные послали к Манаиму и главарям восстания просить о свободном отступлении; только царским солдатам и коренным жителям это было предоставлено, и они действительно отступили. Оставшихся же на месте римлян охватило отчаяние: преодолеть столь значительно превосходившие их силы они не могли, а просить о миролюбивом соглашении они считали позором, не говоря уже о том, что они не могли верить обещанию, если бы оно и было дано. Они поэтому покинули свои недостаточно защищенные квартиры и бежали в царские замки: Иппик, Фазаель и Мариамму. Люди Манаима ворвались в то место, которое было оставлено солдатами, изрубили всех, которые не успели еще спастись, и, захватив всю движимость, сожгли самый дворец. Это произошло 6 Горпиайоса [133].

9. На следующий день первосвященник Ананий был вытащен из водопровода царского дворца, где он скрывался, и умерщвлен разбойниками вместе с его братом Езекией [134]. Гарнизон в замках был обложен стражей, дабы никто из них не убежал тайком. Разрушение укрепленных мест и смерть первосвященника поощрили Манаима на безумные жестокости; он думал, что нет у него соперника, который мог бы оспаривать у него власть, и сделался несносным тираном. Против него восстали поэтому Элеазар и его сторонники, которые говорили: "после того, как из-за обладания свободой они поднялись против римлян, то не следует теперь переуступить ее одному из соотечественников и мириться с игом деспота, который, если бы даже не совершил никаких насилий, все-таки ниже родом, чем они; ибо

если б и необходимо было поставить одно лицо во главе государства, то и тогда выбор меньше всего должен пасть на него". Сговорившись таким образом между собою, они напали на Манаима в храме, когда он в полном блеске, наряженный в царскую манию и окруженный целою толпою вооруженных!" приверженцев, шел к молитве. Когда люди Элеазара кинулись на него, то весь народ, присутствовавший при этом нападении, собирал кучи камней и бросал ими в софиста в том предположении, что если только он сойдет со сцены, то мятеж придет к концу. Манаим с его людьми держались некоторое время, но, увидев, что весь народ восстал против них, каждый бросился бежать, куда мог. Те, которых удалось поймать, были убиты, другие, пытавшиеся укрыться, подверглись преследованию; только немногие спаслись бегством в Масаду, и в том числе был и Элеазар, сын Иаира, близкий родственник Манаима, сделавшийся потом тираном в Масаде (VII, 7-9) [135]. Сам Манаим, бежавший в так называемую Офлу [136] и трусливо спрятавшийся там, был вытащен оттуда и после многих мучений лишен жизни; той же участи подверглись его военачальники, а также Авесалом, бывший худшим орудием его тирании.

10. Народ, как уже было замечено, содействовал падению Манаима, в надежде тем или иным способом потушить восстание; но другие в этом случае вовсе не имели в виду прекращения войны, а скорее, напротив, — возобновление ее с усиленной энергией. Вопреки настойчивым мольбам народа освободить солдат из осады, они еще больше стеснили их, пока Метилий, римский предводитель, и его люди, положение которых стало невыносимым, не послали вестников к Элеазару с просьбой пощадить только их жизнь и взамен нее взять у них оружие и все имущество. Элеазар охотно согласился на эту просьбу и послал к ним Гориона сына Никомеда, Анания сына Саддука и Иуду сына Ионафана для того, чтобы подтвердить миролюбивое соглашение ударом по рукам и клятвой. Вслед за этим Метилий действительно вывел свои отряды. Все время, когда последние носили еще свое оружие, никто из бунтовщиков их не трогал и не обнаруживал ни тени измены; когда же все, согласно уговору, сложили свои щиты и мечи и, не подозревая ничего дурного, начали удаляться, тогда люди Элеазара бросились на них и оцепили их кругом. Римляне не пробовали даже защищаться или просить о пощаде; но они громко ссылались на уговор. Все были умерщвлены бесчеловечным образом, за исключением только Метиллия: его одного они оставили в живых, потому что он слезно умолял их даровать ему жизнь, обещав принять иудейскую веру; даже дать себя обрезать. Для римлян этот урон был незначителен: они потеряли лишь ничтожную частицу огромной, могущественной армии. Для иудеев же это являлось как бы началом их собственной гибели; они сознавали, что теперь дан бесповоротный повод войне и что их город запятнан таким постыдным делом, за которое, помимо мщения римлян, нужно ожидать кары небесной. Они открыто наложили на себя траур, и на весь город легла печать уныния и печали. Умеренные были полны страха, предчувствуя, что и им придется потерпеть за бунтовщиков; при том резня была совершена как раз в субботу, [137] т. е. в такой день, когда, ради служения Богу, иудеи удерживаются от всякой работы.

Глава ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Во многих местах воздвигаются кровавые преследования против иудеев.

1. В тот же день и тот же час, как бы по высшему предопределению, жители Кесареи убили всех иудеев в городе; в один час убито было свыше двадцати тысяч, так что во всем городе не осталось ни одной иудейской души, ибо и бежавших Флор изловил и, как пленных, поместил в корабельные верфи. Кровавая резня в Кесарее привела в ярость всю иудейскую нацию. Отдельными отрядами иудеи опустошили сирийские деревни и близлежащие к границе города: Филадельфию (I, 2, 4), Себонитис, [138] Геразу (I, 4, 8), Пеллу (I, 4, 8) и Скифополь (I, 2, 7). Оттуда они двинулись на Гадару (I, 4, 2), Иппон (I, 20, 3) и Гавлан (I, 20, 4), где многие здания частью разрушили, частью превратили в пепел, и пошли затем на тирскую Кедасу, Птоломаиду [139] (I, 6,3), Гаву [140] и Кесарею. Даже Себаста и Аскалон (I, 21, 11) не могли противостоять их набегу: они сожгли и эти города до основания и разрушили

еще Анфедон и Газу (I, 4, 2). Кроме того было разгромлено ими много деревень, лежавших вокруг этих городов, и бесчисленное множество пленных было убито. Но сирийцы, в свою очередь, убивали не меньше иудеев; они также умерщвляли в городах тех, которые им попадались в руки, и теперь они уже это делали не из одной вражды, как прежде, а для того, чтобы предупреждать грозившую им самим опасность. Вся Сирия была в страшном волнении; каждый отдельный город разделился на два враждебных лагеря, каждая часть искала спасения в гибели другой. Дни проходили в кровопролитиях, а ночи страх делал еще ужаснее, чем дни. Там, где кончали с иудеями, начинали бояться друзей иудейства. Сомнительных из обеих партий никто хотя не убивал зря, но во взаимных отношениях с ними каждый боялся их, считая их положительно чужими. Жадность к легкой наживе толкала на убийства самых благонамеренных людей из обеих партий, потому что имущество убитых разграблялось без всякого стеснения — его присваивали, точно добычу, достававшуюся на войне. Кто больше награбил, тот восхвалялся, как победитель наибольшего числа врагов. Города были переполнены не погребенными трупами, старцы валялись распростертыми возле бессловесных детей, тела умерщвленных женщин оставлялись обнаженными, с непокрытыми срамными частями. Вся провинция была полна ужасов; но страшнее всех совершавшихся злодейств были опасения за те потрясения, которые грозили еще всей стране.

3. До этих пор иудеям приходилось бороться только с чужими нациями, но при своем нападении на Скифополь они столкнулись лицом к лицу с иудейским же населением этого города. Последнее из чувства самосохранения, подавив в себе чувство родства, перешло на сторону скифопольцев и выступило против своих же соотечественников [141]. Их усердие было, однако, слишком велико, чтобы не возбуждать подозрения. Скифопольцы действительно опасались, что они, пожелав загладить свою вину пред своими единоплеменниками, нападут на город ночью; ввиду этого они предложили иудеям, если они хотят подтвердить свой союз с инородцами и представить доказательство своей верности, то пусть они вместе с их семьями уйдут в загородную рощу. Иудеи, не подозревая никакой опасности, повиновались этому требованию. Чтобы убаюкать их в их беспечности, скифопольцы два дня оставались в покое; но в третью ночь, улучив удобный момент, они напали на них в то время, когда они, ничего не подозревая, спали спокойным сном, и убили свыше тринадцати тысяч человек; вслед за этим они разграбили все их имущество.

4. Достойна повествования судьба Симона, сына небезызвестного мужа по имени Саул. Одаренный физической силой и отвагой, он и то и другое употреблял на зло своим единоплеменникам: ежедневно он врывался в лагерь иудеев, расположенный у Скифополя, и многих из них убивал; нередко он один приводил в бегство целые толпы людей, решая, таким образом, исход сражения. Но теперь его настигла заслуженная кара за братоубийство. В то время, когда скифолольцы окружили иудеев со всех сторон в роще и сыпали на них стрелами, Симон поднял свой мать и, не трогая никого из врагов, с подавляющей численностью которых он справиться не мог, в сильном возбуждении воскликнул: «От вас, скифопольцы, я получаю заслуженное возмездие за мои деяния — за ту дружбу к вам, которую я доказал убийством многих моих собратьев. Кто так тяжело прегрешил пред своим родным народом, для того вероломство со стороны чужих — справедливое воздаяние. Но мне не подобает принять смерть из рук врага — собственной рукой я прекращу свою обремененную проклятием жизнь. Только такая смерть может искупить мои преступления и доставить мне славу героя. Пусть никто из врагов не хвастает, что он убил меня и пусть никто не глумится над моим трупом». После этих слов он окинул свою семью (он имел жену, детей и престарелых родителей) взором, полным ярости и сожаления; первого он схватил отца за его серебристые волосы и пронзил его мечом; вслед за ним он убил свою мать, не выказывавшую ни малейшего сопротивления, а за тем жену и детей, которые спешили почти на встречу его мечу для того, чтобы предупредить неприятеля. Умертвив таким образом всю свою семью, он стал на трупы убитых, высоко простер свою правую руку, чтобы не остаться

скрытым ни для кого, и, чтобы сразу покончить с собою, воткнул себе меч глубоко в тело. Жаль было этого юношу, столь сильного телом и мощного духом, но его приверженность к инородцам заслужила такую участь.

5. За резней в Скифоноле начались и в других городах восстания против проживавших в них иудеев. Две тысячи пятьсот было убито аскалонитянами, две тысячи — жителями Птоломаиды, кроме огромной массы брошенных в темницы; тиряне тоже убили много иудеев и еще больше заключили в кандалы; точно также иппиняне и гадариняне истребили наиболее решительных, а менее страшных заключили под стражу. Подобные расправы совершались и в других городах Сирии, где только туземное население питало страх или неприязнь к иудеям. Одни только антиохийцы, сидоняне и жители Апамеи (I, 10, 10) щадили живших среди них иудеев и не допускали ни смертоубийства, ни насилия над чьей бы то ни было личностью — быть может потому, что они, сознавая свое численное превосходство, не придавали никакого значения начавшемуся движению, а может быть, что мне кажется более вероятным, из сожаления к иудеям, в среде которых они не могли заметить никаких попыток к восстанию. Геразиняне тоже не причиняли вреда остававшимся у них иудеям, а тех, которые по собственному желанно покидали город, они даже провожали до самой границы.

6. И в царстве Агриппы евреев изменнически преследовали. Он сам уехал к Цестию Галлу в Антиохию и на время своего отсутствия вверил правление одному из друзей по имени Ноар, родственнику царя Соема [142]. Тогда из Батанеи прибыли семьдесят мужей, знатнейшие в влиятельнейшие из тамошних граждан, и просили дать им войска для того, чтобы в случае каких либо беспорядков иметь защиту и средства к уничтожению планов бунтовщиков. Но Ноар, при помощи отряда царских тяжело вооруженных, убил их ночью всех до одного. Это злодейство Ноар совершил без ведома Агриппы. Жадность к богатству толкала его на преступления против его же собственных соотечественников и всей страны, и он с таким жестоким произволом еще долго продолжал свирепствовать, пока о нем не услышал Агриппа, который, не решаясь казнить его из боязни пред Соемом, отнял у него по меньшей мере правление. Мятежники между тем овладели крепостью Кипром (I, 21, 4), лежавшей выше Иерихона, убили гарнизон и стерли сооружения с лица земли. В те же дни многочисленные иудеи в Махероне потребовали от тамошнего римского гарнизона очистки ими местности. Боясь быть прогнанными насильно, они согласились, выговорив себе свободный проход; когда это им было обещано, они сдали крепость, которую немедленно заняли махеряне [143].

7 В Александрии туземное население жило в постоянном раздоре с иудеями с тех пор, как Александр в награду за оказанную ему помощь против египтян предоставил иудеям селиться в Александрии на равных правах с эллинами. Это преимущество сохранялось за ними и при преемниках Александра, которые отвели им даже в собственность отдельные кварталы (дабы они, не соприкасаясь слишком тесно с остальным населением, тем легче могли бы сохранить чистоту своих нравов) и даровали им звание македонян [144]. После, когда в Египте воцарилось владычество римлян, то ни первый Цезарь, ни один из его преемников не могли ограничить дарованные им Александром права. Но неприязненные столкновения между иудеями и эллинами происходили беспрестанно, и хотя местная власть ежедневно наказывала массами виновников беспорядков с обеих сторон, взаимное ожесточение все-таки росло все более и более. Как только в других местах вдруг поднялись волнения, то и здесь, в Александрии, раздор принял угрожающий характер. В одно собрание, созванное жителями Александрии по поводу отправления посольства к Нерону [145], вместе с эллинами стеклось также и множество иудеев. Как только их противники увидели их в амфитеатре, они подняли шум и с криками: "враги, шпионы!" бросились на них, схватили трех иудеев и потащили вон из амфитеатра, чтобы сжечь их живьем, а остальных истребили в бегстве. Все иудейство поднялось тогда на месть. Вначале они бросали в эллинов каменьями, но затем они собрали факелы, ринулись всей толпой к амфитеатру и грозили

сжечь живьем все собрание. Они бы это и исполнили, если б начальник города Тиверий Александр (15, 1) не обуздал их ярости. Для отрезвления их он все-таки не сразу пустил в ход оружие, а прежде послал к ним влиятельнейших лиц с требованием успокоиться, дабы не восстановить против себя римское войско. Но бунтовщики встретили это требование руганью и насмешками против Тиверия [146].

8. Убежденный в том, что мятежники не усмирятся без серьезного наказания, Тиверий выдвинул против них расположенные в городе два римских легиона вместе с еще 5000 солдат, прибывших только что из Ливии, на гибель иудеям. Он дозволил войскам не только убивать, но и грабить имущество иудеев и сжигать их дома. Они вторглись в так называемую Дельту, где жило все александрийское иудейство, и исполнили данные им приказания, хотя и не без кровавых потерь для самих себя. Иудеи, именно, тесно сплотились вместе, выдвинули вперед лучше вооруженных своих людей и таким образом долго отстаивали место сражения. Но раз приведенные к отступлению, они были уничтожены массами. Поражение было полное: одни были застигнуты на открытых местах, другие укрывались в дома, но римляне, предварительно разграбив последние, поджигали их. Они не чувствовали ни жалости к детям, ни благоговения пред старцами — люди всех возрастов были умерщвлены. Вся местность была затоплена кровью и пятьдесят тысяч трупов были рассеяны по ней кучами. Ни малейшего следа не осталось бы от иудеев, если бы иные не прибегали к мольбам. К этим Александр чувствовал сожаление, и он дал знак римлянам к отступлению. Приученные к послушанию, они по первому сигналу прекратили резню; но александрийская чернь в порыве своей ненависти была почти неукротима: она насилу дала себя оторвать от трупов.

9. Такова была резня в Александрии. Так как с иудеями везде и повсюду велась война, то и Цестий не считал уже возможным больше медлить. Он выступил из Антиохии с полным двенадцатым легионом и с двумя тысячами солдат, избранных им из остальных легионов, кроме того еще с шестью когортами пехоты и четырьмя конными отрядами. К этим силам присоединились еще вспомогательные отрады царей, а именно: от Антиоха [147] две тысячи всадников и три тысячи пеших солдат, исключительно стрелков; от Агриппы — такое же число пехоты, всадников же меньше двух тысяч; Соем также прислал четыре тысячи солдат, третья часть которых состояла из всадников, а большая — из стрелков. С этой армией Цестий двинулся к Птоломаиде. Из городов также собрано было много вспомогательных отрядов, уступавших хотя солдатам в военной опытности, но пополнявших этот пробел усердием и ненавистью к иудеям. Сам Агриппа сопровождал Цестия, чтобы указать ему маршрут и снабдить его съестными припасами. С одной частью своей армии Цестий направился против Завулона [148] — сильный галилейский город, образовавший пограничный оплот против Птоломаиды; он нашел его пустым от людей, так как жители бежали в горы, но полным за то всякого рода сокровищами. Эти богатства он предоставил солдатам разграбить, а самый город предал огню, несмотря на то, что здания его были удивительной красоты, наподобие тех, какие находились в Тире, Сидоне и Берите; вслед за этим он отправился в прилегающие окрестности, грабил все, что ему попадалось в руки, сжег все· деревни и возвратился в Птоломаиду. В то время, когда сирийцы из Берита все еще заняты были грабежом, иудеи, узнавши об удалении Цестия, снова ободрились, напали неожиданно на оставшихся и убили до двух тысяч из них.

10. После этого Цестий выступил из Птоломаиды, сам отправился в Кесарею, а часть войска послал в Иоппию с приказанием занять этот город, если удастся застигнуть его врасплох, но если их приближение будет замечено, то ожидать его личного прибытия с остальной армией. Частью морем, частью сухопутьем те поспешили туда и, напав на город с обеих сторон, взяли его без особенного труда. Жители, не говоря уже о возможности какого-либо сопротивления, не имели даже времени спасаться бегством и были все поголовно вместе с их семействами убиты вторгшимся неприятелем. Город был разграблен и сожжен. Число убитых достигало восьми тысяч четырехсот. Точно таким же образом Цестий послал в

соседний к Кесарее Нарбатинский округ (14, 6) сильный отряд всадников, который опустошил весь этот край, убил массу туземных жителей, расхитил их имущество и предал огню деревни.

11. В Галилею Цестий послал предводителя двенадцатого легиона, Галла, с таким количеством войска, которое ему казалось достаточным для покорения народа. Сильнейший из галилейских городов Сепфорис (I. 15, 6) принял его дружелюбно, а после этого разумного примера другие города также оставались в покое. Но беспокойная, разбойничья толпа бежала на гору Асамон — в сердце Галилеи, насупротив Сепфориса. Против этих людей выступил Галл со своим корпусом. Все время, когда они находились на возвышении, они низвергали нападавших на них римлян и убили без труда около двухсот человек; но когда римляне тайно обошли их кругом и взобрались на более возвышенные места, они немедленно были преодолены: с их легким вооружением они не могли ни держаться против тяжеловооруженных, ни спасаться от всадников. Так пало свыше двух тысяч из них, и только немногим удалось укрыться в непроходимые места.

Глава ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Цестий выступает против иудеев и осаждает Иерусалим, но против всякого ожидания отступает от города. — То, что он испытывает со стороны иудеев во время своего отступления.

1. Так как Галл не замечал больше в Галилее никаких волнений, то он возвратился с своим войском в Кесарею. Цестий же двинулся со всеми своими соединенными силами в Антипатриду (I, 4, 7). Когда ему здесь было доложено, что в Афековой башне собралось внушительное число вооруженных иудеев, он отрядил туда часть войска для нападения. Но один страх пред неприятелем рассеял иудеев прежде, чем дело дошло до столкновения; по прибытии на место римляне сожгли пустой лагерь и близлежащие деревни. Из Антипатриды Цестий двинулся вперед в Лидду, но нашел город покинутым его обитателями, так как по случаю праздника кущей все население устремилось в Иерусалим; только пятьдесят человек усмотрено было на месте, — они были убиты и город предан огню. Оттуда он пошел дальше через Ветхорон (12, 2), и у Гаваона, [149] на расстоянии пятидесяти стадий от Иерусалима, разбил свой лагерь.

2. Как только иудеи увидели, что театр войны приближается к столице, они приостановили празднование и взялись за оружие. Упорствуя в своей надежде на свою многочисленность, они с воинственными кликами бросились беспорядочными толпами в битву, не взирая на седьмой день, который, как день отдыха и покоя, они всегда соблюдали наистрожайшим образом [150]. Воинственная ярость, заглушившая в них чувство религиозности, была также причиной того, что они выиграли сражение. С такой неудержимой быстротой они ринулись на римлян, что прорвали их замкнутые ряды и, убивая направо и налево, протеснились сквозь них. Вся армия Цестия погибла бы тогда, если б конница и свежая еще часть пехоты не поспешили бы на помощь той части войска, которая удерживала еще поле сражения. Римлян пало пятьсот пятнадцать, а именно четыреста пеших, а остальное — всадников; иудеи же потеряли лишь 22 человека. Храбрее всех среди них оказались родственники адиабенского царя Монобаза — Монобаз и Кенедай; за ними — Нигер из Переи и вавилонянин Сила, служивший прежде в рядах Агриппы, но перешедший к иудеям. Отбитые однако с фронта, иудеи потянулись обратно в город, между тем как Симон, сын Гиоры [151], при отступлении римлян в Ветхорон, напал на них с тыла, разбил значительную часть их арьергарда и отнял у них множество вьючных животных, с которыми вступил в город. В продолжение трех дней, в которые Цестий оставался еще в этой местности, иудеи заняли возвышенности и расставили караулы у проходов. Из этого ясно можно было понять, что при дальнейшем движении римлян они не останутся праздными.

3. Агриппа видел опасность, в которой продолжали оставаться и теперь римляне, так как окружавшие их горы были покрыты бесчисленным неприятелем, и решил поэтому начать

переговоры с иудеями, в надежде или всех отклонить от войны, или по крайней мере людей, не солидарных с войной, побудить отпасть от их противников. Он послал поэтому тех из своих приближенных, которые пользовались у иудеев наибольшим почетом, Боркея и Феба, с обещанием дружбы Цестия и полного прощения со стороны римлян за все совершившееся, если только они положат оружие и перейдут на его сторону. Но мятежники, опасаясь, чтобы народ, соблазнившись этими обещаниями, не перешел к Агриппе, решили убить послов. И действительно, Феба они умертвили, прежде чем он мог обратиться к народу; Боркея они не успели убить; раненный, он спасся бегством; тех же из народа, которые громко вознегодовали против произошедшего, они камнями и кнутами загнали обратно в город.

4. В этом раздоре, возникшем в среде самих иудеев, Цестий усмотрел благоприятный момент для нападения. Он бросился на них со всей своей армией, вынудил их к отступлению и преследовал до Иерусалима. Разбив свой стан на так называемом Скопе [152], в семи стадиях от города, он три дня не подступал к городу, выжидая, быть может, примирительного шага со стороны его жителей, а приказал только солдатам делать набеги на окрестлежавшие деревни и собрать съестные припасы. На четвертый же день, 30-го Ипервeретея [153], он выстроил войско в боевой порядок и повел его на город. Народ был охраняем мятежниками; эти же последние, устрашившись стройной организации римлян, покинули наружные предместья города и ушли во внутренний город и в храм. Цестий занял покинутую местность и превратил в пепел Вецету, новый город и так называвшийся дровяной рынок; вслед за тем он подступил к верхнему городу и расположился лагерем против царского дворца. Если б ему заблагорассудилось в ту же минуту штурмовать стены, он сейчас же овладел бы городом и положил бы конец войне. Но военачальник Тиранний Приск и большинство начальников конницы были подкуплены Флором, и они отклонили его от этого плана. В этом кроется вина того, что война затянулась на такое продолжительное время и сделалась столь ужасной в гибельной для иудеев.

5. Между тем многие почетные граждане, по совету Анана, сына Ионафана, пригласили Цестия в город, обещая ему открыть ворота. Но с досады он уже ничего слышать не хотел об этом; к тому же он не вполне доверял им и продолжал медлить до тех пор, пока мятежники не узнали об измене; они тогда сбросили со стены Анана и его людей и камнями разогнали их по домам. Сами же они разместились по башням и стали отстреливаться против тех, которые приступали к стене. Пять дней римляне делали попытки со всех сторон, не достигая никакого результата; но на шестой день Цестий сформировал сильный отряд отборных солдат, присоединил к ним и стрелков и сделал нападение на северную сторону храма. Иудеи защищались с высоты галерей и неоднократно отбивали атаку на стены, но вынуждены были все-таки отступить перед горячей стрельбой. Тогда римляне устроили так называемую черепаху, состоявшую в том, что передовые солдаты крепко упирали свои щиты в стены, следовавшие за ними упирали свои щиты в предыдущие и т. д. Стрелы, падавшие на этот навес, скользили по поверхности, без всякого действия: солдаты могли теперь совершенно спокойно подкопать стену и сделали уже приготовления к тому, чтобы поджечь храмовые ворота.

6. Страшная паника охватила теперь мятежников. Уже многие бежали из города, ожидая его покорения с минуты на минуту. Но народ, напротив, как раз в этот момент вновь воспрянул духом: как только злонамеренные удалились, он приблизился к воротам с намерением открыть их и принять Цестия как благодетеля. Если бы он хоть еще немного продолжал осаду, он тотчас имел бы город в своей власти. Но я думаю, что по вине злых Бог уже тогда отвернулся от Святыни и не судил поэтому войне окончиться в тот день.

7. Невзирая на отчаяние осажденных и настроение народа, Цестий вдруг велел солдатам отступить назад, отказался от всякой надежды на успех, хотя он никакой неудачи не потерпел, и самым неожиданным образом покинул город. Его внезапное отступление возвратило смелость разбойникам, которые напали на арьергард и убили массу всадников и

пехоты. Ближайшую ночь Цестий провел в стане на Скопе; но на следующий день он двинулся дальше, сам как будто маня за собою неприятеля. Последний еще раз уничтожил заднее войско в походе и одновременно с тем подстреливал его со стороны дороги. Арьергард не осмеливался стать против своих преследователей, так как он считал, что их необычайно много, фланги также не были в состоянии отражать нападение, так как римляне были тяжело вооружены и опасались разорвать походную линию; иудеи напротив, как они хорошо видели, были легко вооружены и вели нападение с большим воодушевлением. Так они должны были терпеть большие потери, не будучи в состоянии причинить с своей стороны какой-либо вред неприятелю. Поражаемые на всем пути и приводимые каждый раз в смятение, они падали массами. В числе многочисленных убитых были предводитель шестого легиона Приск, трибун Лонгин и начальник одного из конных эскадронов, Эмилий Юкунд. С большим трудом, потеряв также большую часть своей поклажи, они достигли, наконец, своего прежнего лагеря — Гаваона (§ 1). Цестий провел здесь в нерешительности два дня; когда на третий день число неприятеля еще больше увеличилось и все кругом кишело иудеями, он сознал, что его медлительность послужила ему только во вред и что дальнейшее пребывание на месте только умножит еще более число его врагов.

8. Чтобы ускорить бегство, он приказал уничтожить все, что может отягчать войско в пути. Были убиты поэтому мулы и вьючные животные за исключением тех, которые носили орудия стрельбы и машины; последние они сохранили на случай надобности, а главным образом для того, чтобы они не попались в руки иудеев и не были ими обращены против римлян. После этого они выступили в Ветхорон. На открытом поле иудеи их меньше беспокоили; но каждый раз, когда им приходилось спускаться вниз по узким крутизнам, одна часть иудеев, быстро забегая вперед, загораживала им выход, другая часть сзади гнала их в лощину, а главная масса, растягиваясь по отлогим сторонам дороги, обдавала войско градом стрел. Тяжело было пехоте, не знавшей как обороняться, но в еще большей опасности находилась конница: совершать спуск сомкнутыми рядами не дозволяла ей беспрерывная стрельба, но вместе с тем непроходимые крутизны мешали им набрасываться на неприятеля; с другой же стороны дороги зияли овраги и пропасти, в которые они падали при каждом неосторожном движении. Не имея таким образом возможности ни бежать, ни сопротивляться, они в своей нужде разражались громкими воплями и криками отчаяния. Им в ответ раздавались победные звуки, ликующие крики и призывы мщения иудеев. Немногого не доставало, чтобы они смяли всю армию Цестия; но наступила ночь и тогда римляне могли бежать в Ветхорон. Иудеи меж тем заняли все кругом и стали выжидать их выступления.

9. Отчаявшись в возможности открытого отступления, Цестий начал помышлять о тайном бегстве. С этой целью он избрал около четырехсот храбрейших, солдат и расставил их вдоль шанцев с приказом водрузить на них полевые знаки лагерных караулов для того, чтобы заставить иудеев думать, что все войско находится еще в стане. Он же сам с остальным войском выступил втихомолку на тридцать стадий вперед. На следующий день, когда иудеи увидели римский стан покинутым, они напали на тех четырехсот, которые их обманули; поспешно расстреляли их и пустились в погоню за Цестием. Но последний в продолжение ночи выиграл довольно большое расстояние, а днем ускорил бегство до того, что солдаты в страхе и смятении оставили в дороге осадные и метательные машины, равно как и большую часть других орудий, которые достались иудеям и впоследствии употреблялись против их первоначальных обладателей. Иудеи гнались за римлянами до Антипатриды, но так как не застали уже их здесь, то возвратились назад, взяли с собою машины, ограбили трупы, собрали покинутую римлянами добычу и с победными песнями вступили в столицу. Сами они потеряли очень немного людей в то время, как римлян и их союзников они убили пять тысяч триста пеших солдат и триста восемьдесят всадников. Это совершилось на восьмой день месяца Дия [154], в двенадцатом году царствования Нерона (4 до разруш. храма).

Глава ДВАДЦАТАЯ.

Цестий отправляет посольство к Нерону. — Дамаскинцы перебивают живущих среди них иудеев. — Жители Иерусалима, возвратившись с погони за Цестием и восстановив внутри порядок, выбирают многих военачальников, в том числе также автора этой истории. — Кое что об административной деятельности Иосифа.

1. После поражения Цестия многие знатные иудеи оставили город, точно также как спасаются с погибающего судна. Оба брата Костобар и Саул [155] с Филиппом сыном Иакима (он же был военачальником царя Агриппы) бежали из города и отправились к Цестию. Как вместе с ними Антипа был осажден в царском дворце и как он, отказавшись от бегства, был убит мятежниками — об этом мы расскажем в свое время (IV, 3, 4). Цестий же послал Саула и его свиту, по их собственной просьбе, в Ахайю к Нерону с тем, чтобы они изложили пережитые ими самими бедствия и взвалили бы вину войны на Флора. Перенесением гнева Нерона на последнего он надеялся именно отвратить грозившую ему самому опасность.

2. Между тем жители Дамаска, узнав о гибели римлян, поспешили убить проживавших среди них иудеев. Подобно тому, как прежде они из подозрительности созвали раз иудеев на собрание в гимназии, они решили, что и теперь, назначив такое же собрание, им легче всего будет осуществить задуманный план. Они только боялись своих жен, которые, за немногими исключениями, все преданы были иудейской вере. Они поэтому тщательно скрывали от них этот план, напали на стеснившихся на маленьком пространстве десять тысяч невооруженных иудеев в вырезали их всех в один час, не подвергаясь сами никакой опасности.

3. Когда преследователи Цестия возвратились в Иерусалим, они, частью силой, частью убеждением, заставили перейти на свою сторону находившихся еще в городе римских друзей и назначили собрание в храме с целью избрания нескольких полководцев для ведения войны. Избраны были Иосиф сын Гориона и первосвященник Анан с безграничной властью над городом и особым полномочием вновь исправить городские стены. Сына Симона, Элеазара, хотя он имел в своих руках отнятую у римлян добычу, похищенные у Цестия деньги, а равно и другие государственные суммы, они все-таки не хотели поставить во главе правления, так как они видели в нем властолюбивого человека, а преданные ему зелоты вели себя как его телохранители. Недолго спустя, однако, недостаток денежный, средств и обворожительность Элеазара довели народ до того, что он подчинялся ему, как верховному повелителю.

4. Для Идумеи они избрали других полководцев, а именно: Иисуса сына Сапфия — одного из первосвященников и Элеазара, сына первосвященника Анания. Прежнего идумейского начальника Нигера (по прозвищу Перейского, так как он происходил из лежавшей по ту сторону Иордана области Переи) они подчинили власти только что названных лиц. Остальная часть страны тоже не была забыта: в Иерихон послан был в качестве военачальника Иосиф сын Симона, в Перею — Манассия; в округ Фамны — ессей Иоанн, которому были подчинены также Лидда, Иоппия и Эммаус. Начальство над округами Гофны и Акрабатины получил Иоанн сын Анания; над обеими частями Галилеи — Иосиф сын Матфия [156]; к его же области была причислена Гамала — сильнейший город в том краю [157].

5. Каждый из остальных начальников управлял вверенной ему областью по своему личному усмотрению. Иосиф же, по прибытии в Галилею, старался главным образом обеспечить себе прежде всего расположение населения в том убеждении, что на этом пути он больше всего будет успевать даже при том условии, если счастье не будет ему сопутствовать. Он понял, что сильных он привлечет на свою сторону, если будет делить с ними власть, простую массу — если главнейшие мероприятия он будет осуществлять чрез коренных жителей и популярных среди населения лиц. В этих видах он избрал семьдесят старейших и почтеннейших мужей и поручил им управление всей Галилеей; в каждом же отдельном городе он организовал судебные учреждения из семи судей для незначительных

тяжб, в то время, как более важные дела и уголовные процессы подлежали ведению самого Иосифа и упомянутых семидесяти.

6. Упорядочив таким образом юридические отношения в общинах, он приступил к мерам для ограждения внешней их безопасности. Так как он предвидел нападение римлян на Галилею, то он укрепил подходящие места: Иотапату (III, 7), Вирсавию [158], Селамин, кроме того, Кафарекхон, Иафу, Сигонь [159], так называемую Итавирийскую гору, Тарихею (III, 10, 1) и Тивериаду. Далее он обвел окопами пещеры на берегу Геннисаретского озера в так называемой Нижней Галилее, а в Верхней Галилее — Ахаварскую скалу [160], Сеф, Иамниф и Мероф. В Гавлане он укрепил: Селевкию, Согану и Гамалу [161]; только сепфорийцам он предоставил самим обустроить свои стены, так как он нашел их снабженными деньгами и вполне расположенными, по собственному побуждению, к войне [162]. Гисхалу (21, 1) точно таким же образом укрепил на свой собственный счет Иоанн сын Леви по приказанию Иосифа. В других работах по возведению укреплений он сам участвовал, оказывая им свое содействие или непосредственно руководя ими. Кроме того он набрал в Галилее войско, из слишком ста тысяч молодых людей и снабдил их старым оружием, как только можно было его собрать.

7. Убежденный в том что римское войско обязано своей непобедимостью главным образом господствующему в нем духу дисциплины и постоянному обиходу с оружием, он должен был позаботиться об ознакомлении своего войска с практическим учением; но так как он считал, что строгую дисциплину можно поддержать лишь большим числом предводителей, то он сформировал свое войско больше по образцу римского и назначил над ними многочисленных начальников. Солдат он разделил на маленькие корпусы и поставил их под команду предводителей каждого десятка, сотни и тысячи людей, а над этими предводителями стояли начальники больших отделений. Он обучал их передаче друг другу военных лозунгов, трубным сигналам к наступлению и отступлению, стягивание и развертывание флангов, дальше, — как побеждающая часть подает помощь другой части в случае стесненного положения последней, и всегда напоминал им о необходимости хранить присутствие духа и закалить себя телесно. Но чаще всего он, для того, чтобы сделать их подготовленными к войне, рассказывал им при каждом удобном случае о прекрасном порядке в римском войске и ставил им на вид, что они будут иметь дело с людьми, которые, благодаря своей телесной силе и мужеству, покорили почти весь мир. Еще до начала войны, говорил он, он хочет испытать их военную дисциплину на том, оставят ли они привычные им пороки: воровство, разбойничество и хищничество, бесчестные поступки против их соотечественников и стремления наживаться за счет разорения своего ближнего; ибо для успеха войны чрезвычайно важно, чтоб солдаты принесли с собою чистую совесть, те же, которые из дому являются уже испорченными, те имеют своим противником не только надвигающегося неприятеля, но и самого Бога.

8. С такими и другими напоминаниями он обращался к ним безустанно. Он имел уже вполне организованное войско из шестидесяти тысяч пехоты, двухсот пятидесяти всадников и, кроме этих сил, на которые возлагал главнейшие надежды, еще около четырех тысяч пятисот наемников. Шестьсот отборных солдат составляли его личную стражу. Все войско, за исключением наемников, без труда продовольствовалось городами, потому что каждый из перечисленных нами городов посылал на действительную службу только одну половину, а другую половину удерживал у себя для добывания средств на удовлетворение нужд первой, так что одни состояли под оружием, а другие употреблялись для различных работ и, снабжая вооруженных съестными припасами, взамен этого пользовались защитой, доставленной им последними [163].

Глава ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Иоанн из Гисхалы. — Его интриги против Иосифа и меры, принятые последним против них. — Иосиф вновь подчиняет себе несколько отпавших от него городов.

1. В то время, когда Иосиф вышеописанным образом правил Галилеей, против него объявился противник в лице сына Леви, Иоанна из Гисхалы — пронырливейшего и коварнейшего из влиятельных людей, который в гнусности не имел себе подобного. Вначале он был беден и это отсутствие средств еще долгое время лежало камнем преткновения на пути его злодейства; но зато он всегда был готов солгать и в совершенстве владел искусством делать свою ложь правдоподобной; обман он считал добродетелью и пользовался им против лучших своих друзей. Он притворялся человеколюбивым, но в действительности был до крайности кровожаден из корыстолюбия, всегда он носился с высокими планами, но строил их всегда на своих гнусных плутовских проделках. Начав свою карьеру с обыкновенного разбойника, занимающегося своим ремеслом на собственный риск, он вскоре нашел себе товарищей, не уступавших ему в смелости, сначала немногих, а с течением времени все больше и больше. Он не принимал ни одного, которого можно было бы легко побороть, а выбирал себе исключительно людей, отличавшихся крепким телосложением, решимостью и военной опытностью. Так довел он свою шайку до четырехсот [164] человек, состоявших большею частью из беглецов из области Тира и тамошних деревень. С ними он, грабя везде, шнырял по всей Галилее, возбуждая многих, находившихся в томительном ожидании предстоящей войны [165].

2. Он мечтал уже о том, чтобы сделаться полководцем и носился с еще более широкими планами, только недостаток денег мешал их осуществлению. Видя, что Иосифу сильно нравится его деловитость, он сумел прежде всего склонить его на то, чтоб он ему доверил возобновление стен его родного города. Благодаря этому, ему удалось наживаться на счет богачей. Затем он под ловко придуманным предлогом ограждения сирийских иудеев от употребления масла неприготовленного иудеями [166], испросил у Иосифа право доставлять им этот продукт к границе. За тирийские монеты, равняющиеся четырем аттическим драхмам, он покупал четыре амфоры, а продавал по той же цене пол-амфоры [167]. Галилея вообще производила много масла, а тогда как раз имела хороший урожай, в то время, когда сирийцы терпели недостаток в масле. Поставляя им сам один огромные партии, он нажил себе известную сумму денег, употребленную им вскоре против того, который доставил ему эту прибыль [168]. У него сложилось предположение, что если ему удастся низвергнуть Иосифа, то он сам получит начальство над Галилеей, а потому он приказал подчиненным ему разбойникам настойчивее преследовать свое разбойничье ремесло [169] в надежде, или при волнениях и беспорядках, которые подымутся во многих местах, каким-нибудь изменническим путем убить полководца, когда тот поспешит на помощь стране, или же, если он будет остерегаться разбойников, то очернить его в глазах населения. Затем он распространял молву, будто Иосиф только и помышляет о том, чтобы все предать римлянам, и многими подобными происками добивался падения последнего.

3. В это время несколько молодых людей из деревня Дабаритгы, принадлежавшие к наблюдательному корпусу на Большой равнине, напали на управляющего Агриппы и Вереники, Птоломея, и отняли у него весь багаж, заключавший в себе, между прочим, немало дорогих материй, массу серебряных бокалов и шестьсот золотых слитков. Так как они не могли утаить награбленное, то они доставили все Иосифу в Тарихею. Последний порицал их насильственный образ действий против царских особ и отдал все, что они принесли, на сохранение богатейшему тарихейскому гражданину Энею, с намерением при удобном случае переслать это собственникам. Это, однако, накликало на него большую беду. Участники в грабеже, в досаде на то, что им ничего не досталось от добычи, проникнув также намерение Иосифа, ценою их трудов оказать услугу царской чете, еще в ту же ночь побежали в свои деревни и повсюду изображали Иосифа, как изменника. Они подняли на ноги также и ближайшие города, так что к утру на него нахлынуло сто тысяч вооруженных. Они собрались в тарихейский ипподром, где было произнесено много страстных речей против Иосифа. Одни кричали, что нужно отрешить от должности изменника, другие — чтоб предали его

сожжению. Иоанн и вместе с ним Иисус сын Сапфии, тогдашний начальник Тивериады, все больше раздували ярость толпы [170].

Друзья и телохранители Иосифа, за исключением четырех, разбежались все от страха пред нападением толпы. Он сам еще спал, когда уже имел быть подложен огонь; затем он поднялся и хотя оставшиеся при нем четыре телохранителя советовали ему бежать [171], он все-таки, не страшась ни покинутого своего положения, ни многочисленности врагов, выскочил к толпе в изорванном платье, с покрытой прахом головой, закинутыми на спину руками и привязанным сзади к шее своим собственным мечом [172]. Это возбудило сожаление дружественно расположенных к нему людей, в особенности жителей Тарихеи; те же, которые прибыли из деревень и ближайших окрестностей и были озлоблены против него, поносили его и требовали, чтоб он немедленно выдал сокровища, составляющие общественное достояние, и сознался бы в своих изменнических связях. Вид, в котором он предстал перед ними, породил именно в них мнение, что он не намерен отрицать возникшие против него подозрения и прибег ко всем этим средствам, способным возбудить жалость, для того, чтобы вымолить прощение. Но в действительности обнаруженная им полная смиренность была только прелюдией к задуманной им военной хитрости, и только для того, чтобы раздвоить негодовавшую против него толпу по предмету ее злобы, он обещал им во всем признаться. Когда он получил позволение говорить, он произнес: "Эти сокровища я не имел в виду ни послать к Агриппе, ни присвоить и себе, ибо никогда я не буду считать своим другом вашего противника или личной выгодой то, что вредит общим интересам. Но я видел, что ваш город, о граждане Тарихеи, в высшей степени нуждается в защите и не имеет никаких запасных денег для сооружения его стен, — вот почему я решил из боязни пред тивериадцами и другими городами, претендующими на эту добычу, сохранить втайне этот клад для того, чтобы на эти средства выстроить вам стену. Если вы этого не одобряете, то я прикажу привести сюда добытое добро и отдам его на разграбление; если же я имел в виду вашу пользу, то казните вашего благодетеля!"

4. Тарихеяне ответили на это громкими одобрениями, тивериадцы же и другие ругали и угрожали. Обе части оставили Иосифа в стороне и затеяли спор между собою. Опираясь на тарихеян, которых он склонил в свою пользу, а их было около сорока тысяч, он уже смелее заговорил со всей толпой и строго укорял ее в поспешности. Что касается спорных денег, заключил он, то прежде всего он укрепит на них Тарихею, но и для остальных городов будут приняты меры безопасности; они не будут терпеть недостаток в деньгах, если только они соединятся против тех для борьбы с которыми нужно собрать эти деньги а не восстанут против того, который их доставляет.

5. Тогда удалилась та часть толпы, которая видела себя обманутой в своих надеждах, хотя все еще озлобленная; две тысячи вооруженных [173] все-таки напали на него и с угрозами окружили дом, в который он еще во время спасся бегством. Против них Иосиф опять употребил другую хитрость. Он взошел на крышу, дал знак рукой, чтоб они замолчали и сказал: "Он собственно не знает, в чем состоит их желание, ибо он их не может понять, когда они все вместе кричат. Но он готов сделать все, чего от него потребуют, если они нескольких из своей среды пошлют к нему в дом для того, чтобы он мог спокойно объясниться с ними". По этому предложению к нему зашли знатнейшие из них вместе с коноводами. Иосиф приказал потащить их в самый отдаленный угол его дома и при закрытых дверях бичевать их до тех пор, пока не обнажатся их внутренности. Толпа в это время стояла на улице и полагала, что продолжительные переговоры так долго задерживают депутатов. Иосиф же велел внезапно распахнуть двери и выбросить вон на улицу обагренных кровью людей [174]. Этот вид нагнал такой страх на угрожавшую толпу, что она бросила оружие и побежала прочь.

6. Это усилило зависть Иоанна, и он задумал новое покушение против Иосифа. Под видом какой-то болезни он письменно просил у Иосифа разрешения пользоваться теплыми

целебными купаньями в Тивериаде. Иосиф, не подозревавший еще о его кознях, предписал администрации города оказать Иоанну должное гостеприимство и заботиться о его нуждах. Добившись всего этого, он уже спустя два дня стал преследовать настоящую цель своего прибытия в Тивериаду. То ложными россказнями, то подкупом он начал побуждать жителей к отпадению от Иосифа. Сила, поставленный Иосифом для наблюдения за городом, немедля написал ему о предательских затеях. По получении письма, Иосиф в ту же ночь выехал и с наступлением утра был уже в Тивериаде. Народ вышел ему навстречу; Иоанн, хотя догадывался, что прибытие Иосифа касается лично его, послал одно из своих доверенных лиц сказать ему, что болезнь приковывает его к кровати, вследствие чего он не может встретить его лично. Когда же Иосиф собрал тивериадцев в ипподром и только что хотел было начать им говорить о содержании письма, Иоанн тайно послал вооруженных людей с поручением убить его. Когда собрание увидело этих людей, обнажавших свои мечи еще на некотором отдалении, оно громко вскричало; Иосиф обернулся на этот шум и, увидев сверкающие уже над его головой мечи, побежал вниз к берегу (он во время своего обращения к народу стоял на кургане вышиною в шесть локтей), вскочил в тут же стоявшее судно и с двумя телохранителями поплыл в открытое озеро [175].

Его же солдаты взялись вдруг за оружие и пошли на убийц. Опасаясь, что при возникновении междоусобицы, весь город может сделаться жертвой злонамеренности немногих людей, Иосиф приказал своим через посла, чтобы они только заботились о своей безопасности, но не убивали никого из виновных и никого не подвергали ответственности. Повинуясь этому приказу, те остались в покое; но жители окрестностей, услышав об измене и ее зачинщике, вооружились против Иоанна, который между тем успел уже бежать к себе на родину, в Гисхалу. Со всех городов Галилеи стеклись к Иосифу тысячи вооруженных людей и объявили себя готовыми выступить против общего врага, Иоанна, и сжечь его вместе с городом, который оказывает ему убежище. Он благодарил их за сочувствие к нему, но старался смягчить их гнев, ибо он лучше хотел преодолеть своих врагов умом, чем лишить их жизни. Узнавши от отдельных городов имена людей, отпавших вместе с Иоанном (граждане добровольно выдавали своих земляков), он объявил чрез герольдов, что тот, который в течение пяти дней [176] не оставит Иоанна, того имущество он отдаст на разграбление, а дома виновных вместе с их семействами уничтожить огнем. Этой угрозой он мгновенно привел на свою сторону более трех тысяч человек, которые явились и положили свое оружие к его ногам. С остатком из двух тысяч [177] сирийских беглецов Иоанн стал агитировать тайно, после того, как ему не удалось сделать это открыто. Так он тайно отправил послов в Иерусалим с целью заподозрить все более возраставшую власть Иосифа и велел им сказать: "если не примут мер против него, то его вскоре увидят, как тирана в столице". Народ это предвидел и не обращал внимания на посольство. Но сильные и некоторые из стоявших во главе из зависти послали втайне деньги Иоанну для того, чтоб он мог набрать наемное войско и побороть Иосифа. В то же время они решили между собою отрешить его от должности правителя. Полагая, однако, что одного их решения не будет достаточно, они послали две тысячи пятьсот тяжеловооруженных и четырех высокопоставленных мужей: Иоазара, сына Номика, Анания сына Саддука, и Симона и Иуду сыновей Ионафана [178], (все очень искусные ораторы) с поручением отвратить от Иосифа расположение народа, и если он добровольно отдастся им в руки, то дать ему возможность оправдаться; если же он насильно будет отстаивать свой пост, то поступит с ним, как с врагом. Иосифу было сообщено письменно его друзьями о выступлении войска, но причин они не могли ему объяснить, так как план его врагов хранился втайне [179]. Он поэтому не принял никаких мер предосторожности и таким образом на сторону врагов тотчас же перешли четыре города: Сепфорис, Гамала, Гисхала и Тивериада. Но скоро он без кровопролития вновь возвратил себе эти города, хитростью овладел четырьмя предводителями и сильнейшими из

вооруженных и послал их обратно в Иерусалим. Народ не мало был возмущен против них и наверно убил бы их со всеми их спутниками, если б они не спаслись бегством [180].

8. С этих пор страх пред Иосифом удерживал Иоанна внутри стен Гисхалы. Несколько дней спустя Тивериада опять отпала после того, как жители ее призвали к себе на помощь царя Агриппу [181]. Так как последний не прибыл в назначенный срок, а в этот день появились некоторые римские всадники, то они чрез герольда объявили Иосифа изгнанным из их города. Об их отпадении немедленно дано было знать в Тарихею. Иосиф же как раз разослал всех солдат для сбора провианта и потому не мог ни выступить сам один против отпавших, ни остаться там, где он находился, так как в том случае, если бы он медлил, царские отряды могли бы достигнуть города; независимо от этого, следующий день выпал в субботу, по причине которой он ничего не мог предпринять. Вследствие этого он задумал перехитрить отпавших. Он приказал запереть ворота Тарихеи, дабы никто не мог открыть его план тем, против которых он был составлен; затем он велел собрать все лодки, находившиеся в озере: их оказалось двести тридцать и в каждой из них не больше четверых гребцов. С ними Иосиф немедленно отплыл в Тивериаду. На таком расстоянии от города, на каком их нельзя было ясно видеть, он приказал пустым лодкам остаться в открытом озере в то время, когда он в сопровождении лишь семи невооруженных телохранителей подъехал ближе к городу. Но как только противники, не перестававшие его ругать, увидели его со стены, то, полагая, что все суда переполнены тяжеловооруженными, бросили свое оружие, начали махать масличными ветвями, как люди, просящие помощи, и молить его о пощаде города.

9. Иосиф пригрозил им серьезно, жестоко укорял их в том, что они, первые, которые начали войну с римлянами, заранее пожирая свои силы в междоусобицах, идут только на встречу желаниям неприятеля, что они ищут крови человека, заботящегося об их безопасности и не стыдятся запереть город пред тем, который окружил его стеной. При всем том он изъявил готовность принять к себе всех тех граждан, которые признают свою вину и помогут ему овладеть городом. Немедленно явились к нему все десять влиятельнейших граждан Тивериады. Он приказал поместить их в одну из лодок и отплыть с ними далеко в озеро. Затем он потребовал к себе пятьдесят других из важнейших членов магистрата под предлогом получить и от них залог верности. После этого он выдумывал еще другие поводы, чтобы вызывать к себе все больше и больше людей, точно он желал заключить с ними договор, и каждый раз приказывал рулевым как можно скорее ехать в Тарихею и там заключить всех пленных в тюрьму; таким образом он захватил в свои руки весь Совет, состоявший из шестисот членов, да еще двух тысяч простых граждан и в челнах отправил их в Тарихею [182].

10. Так как остальные громогласно указывали на некоего Клита, как на главного зачинщика отпадения, и просили Иосифа выместить на нем свой гнев, то он, решивши никого не наказывать смертью, послал одного из своих телохранителей, Леви, с приказанием отрубить ему обе руки; во из боязни пред массой врагов тот не хотел идти сам один. Клит же, видя, как Иосиф, полный негодования, сам, стоя в лодке, порывается вперед, чтобы лично исполнить наказание, начал умолять с берега, чтобы хоть одну руку оставил ему. Иосиф удовлетворил его просьбу с тем, чтоб он сам отрубил себе одну из рук. И действительно, тот правой рукой поднял свой меч и отсек себе левую — так велик был его страх пред Иосифом. Таким образом последний с пустыми лодками и только семью телохранителями подчинил своей власти граждан Тивериады и снова склонил город на свою сторону. Спустя несколько дней он взял Гисхалу, отпавшую одновременно с Сепфорисом, и отдал ее солдатам на разграбление. Все то, однако, что можно было собрать, он опять возвратил жителям города, равно как и жителям Сепфориса и Тивериады [183]; ибо уже после покорения последних он ограблением их хотел дать им предостережение, в то время как возвращением им имущества он вновь покорил их сердца.

Глава ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Военные приготовления Иудеев. — Симон сын Гиоры обращается к разбойничеству.

1. Волнения в Галилее наконец улеглись, внутренние распри прекратились и все уже обратились к военным приготовлениям против римлян. В Иерусалиме первосвященник Анан и властный лица, как они ни были склонны к римлянам, привела в порядок стены и заготовили массу боевых орудий. Во всем городе ковали стрелы и целые доспехи. Масса молодых людей без плана и системы упражнялись в боевых приемах, и все было полно военной сутолоки. Страшное уныние царило в среде умеренных, и многие, предвидя надвигающееся несчастье, разражались громкими воплями. Появлялись знамения, которые друзья мира принимали за предвестники бедствия в то время, как зачинщики воины истолковывали их в благоприятном для себя смысле. Уже до нападения римлян Иерусалим имел вид обреченного на гибель города. Анан хотел было прервать на короткое время военные приготовления и направил бунтовщиков и безумие так называемых зелотов в более полезную сторону, но он сделался жертвой насилия. Мы после расскажем, каков конец постиг его (IV, б, 2).

2. В Акраватском округе Симон сын Гиоры набрал массу недовольных и производил разбойничьи набеги, в которых не только грабил дома богатых людей, но и совершал насилия над их личностью. Уже тогда заранее видно было начало его тирании. Анан и остальные начальники послали против него часть войска; но он со своими сообщниками бежали к разбойникам в Масаду [184] (17, 2, 8), где он, вместе с ними, опустошая Идумею, оставался до падения Анапа и других его врагов. Правители названной страны, вследствие многочисленных убийстве и постоянных грабежей, собрали войско и разместили гарнизоны по деревням. Таково было положение в Иудее.

Конец второй книги.

ТРЕТЬЯ КНИГА.

Глава ПЕРВАЯ.

Нерон отправляет Веспасиана в Сирию, возлагая на него ведение войны с Иудеями.

1. Когда Нерону доложено было о печальных событиях в Иудее [1], он, весьма естественно, почувствовал тайный страх и смущение; но наружно старался быть высокомерным и показывал себя гневным, говоря: «во всем происшедшем виновата больше небрежность полководца, чем храбрость врагов». Ему казалось, что императорскому величеству пристойнее горделиво взирать на печальные явления и делать вид, будто его душа выше всяких несчастий. Однако его озабоченность изобличала его душевное волнение.

2. Долго размышляя о том, кому вверить взволновавшийся Восток, кому поручить наказание иудеев за их мятеж и сдерживание зараженных уже ими соседних народов, он остановился на Веспасиане, как на единственном человеке, способном совладать с критическим положением и могущем предпринять такую серьезную войну — человеке, выросшем и поседевшем в сражениях, еще задолго до этого возвратившем Риму потрясенный германцами Запад, подчинившем силой оружия римскому скипетру неведомую до той поры Британию и доставившем, таким образом, отцу Нерона, Клавдию [2] триумф, не заслуженный им собственными подвигами.

3. Видя в этом выборе хорошее предзнаменование, принимая также во внимание солидный возраст избранника [3] в связи с его военной опытностью, имея в его сыновьях залог верности его и замечая в этих юношах, только что достигших зрелого возраста, опору доблести отца; быть может, наконец, и потому, что Бог уже так все это предопределил, — он

послал Веспасиана (3 г. до раз. храма) принять начальство над войсками в Сирии [4]. Предварительно однако, чтобы возбудить его рвение, он, приневоленный нуждой, всячески умилостивлял его и всевозможными любезностями старался расположить его к себе [5]. Веспасиан послал из Ахайи, где он находился вместе с Нероном, своего сына Тита в Александрию, чтобы взять оттуда пятый и десятый легионы [6], сам он отправился чрез Геллеспонт и сухим путем прибыл в Сирию, где он собрал римские силы и многочисленные союзные отрады соседних царей.

Глава ВТОРАЯ.

Сильное поражение иудеев у Аскалона. — Веспасиан подвигается к Птолемаиде.

1. Победив Цестия, иудеи до того возгордились своим неожиданным успехом, что никак не могли умерить свой пыл и, точно воодушевленные счастливым роком, все настойчивее стояли за дальнейшее ведение войны. Кто только способен был носить оружие бросился, не долго думая, в поход, предпринятый против Аскалона. Это старый город, отдаленный от Иерусалима на 520 стадий, всегда ненавидимый иудеями и долженствовавший поэтому сделаться теперь первой жертвой их нападения. Во главе кампании стояли три человека, выдававшиеся телесной силой и предусмотрительностью; это были: Нигер Перейский, Сила Вавилонянин и ессей Иоанн. Аскалон был сильно укреплен, но почти без войска: в городе находились лишь одна когорта пехоты и один лишь эскадрон всадников под командою Антония.

2. В своем ожесточении они шли так быстро, что сразу, как будто прибывшие из недалека, очутились пред городом. Но Антоний, предупрежденный заранее об их враждебном намерении, вывел уже своих всадников и, не робея пред многочисленностью и смелостью врагов, храбро выдержал их первый натиск и отбросил назад тех, которые подступили к стенам. Новички в борьбе с опытными солдатами, пешие против конных, разбросанные в беспорядке против тесно сомкнутых рядов, с наскоро сколоченным оружием против воинов в полных доспехах, руководимые больше гневным инстинктом, чем предусмотрительностью, воюя против солдат, привыкших повиноваться слову команды и действовать по одному мановению, — иудеи были легко преодолены. Ибо как только их передовые ряды пришли в смятение, они уже были приведены конницей к отступлению и таким образом, напирая на задние ряды, стремившиеся к стене, теснили друг друга до тех пор, пока все, преследуемые конницей, не рассеялись по всей равнине. Широко и открыто расстилалась равнина пред римской конницей, что значительно способствовало победе римлян, для иудеев же было причиной гибели. Бежавших римляне обгоняли и оборачивались к ним лицом; собиравшихся на пути бегства они вновь рассеивали и убивали в бесчисленном множестве; другие окружали со всех сторон толпы иудеев и расстреливали их без всякого труда; иудеям многочисленность их, вследствие отчаянного положения, в котором они очутились, казалась ничтожеством; римляне же, как их ни было немного, но благодаря тому, что счастье было на их стороне, считали себя достаточно сильными для того, чтобы одержать верх. Так как первые, стыдясь своего поспешного бегства и выжидая благоприятного оборота дела, боролись с своим несчастьем, а последние не переставали пользоваться своим счастьем, то битва затянулась до самого вечера. В результате десять тысяч иудеев и среди них двое из предводителей, Иоанн и Сила, легли мертвыми на поле сражения [7]. Остальные, большею частью раненые, с уцелевшим еще предводителем Нигером, спаслись в идумейский городок по имени Саллис. Римляне имели в этой битве только немного раненых.

3. Это сильное поражение не смирило, однако, гордости иудеев; скорее это несчастье только усилило их смелость. Не проученные жертвами, лежавшими у их ног, а увлеченные счастьем, улыбавшимся им прежде, они дали себя заманить в другое поражение. Не выжидая даже столько времени, сколько требовалось для заживания ран, они собрали все свои боевые силы, чтобы с большей яростью и в большем количестве еще раз напасть на Аскалон.

Но, вместе с неопытностью и другими военными недостатками, им сопутствовала туда и прежняя судьба. Антоний на этот раз уже заблаговременно занял все проходы; таким образом они неожиданно попали в засаду, и прежде, чем успели выстроиться в боевой порядок, были оцеплены всадниками и опять потеряли свыше восьми тысяч человек. Все остальные бежали и между ними также Нигер, который на пути бегства выказывал еще много смелых подвигов. Неприятель преследовал их и загнал в укрепленную башню деревни Виседеля. Чтобы не оставаться долго у непобедимой почти башни и чтобы не оставить однако в живых вождя иудеев, который вместе с тем был и их храбрейшим борцом, они подожгли башню снизу. Когда она сгорела, римляне полные радости возвратились назад, не сомневаясь в том, что и Нигер погиб. Но Нигер уцелел, соскочив с башни в потаенное подземелье замка и на третий день, когда иудеи с плачем разыскивали его труп для погребения, он окликнул их снизу. Его появление наполнило сердца иудеев неожиданной радостью: божественное Провидение, казалось им, сберегало им в его лице полководца для будущего.

4. В Антиохии, столице Сирии, которая по своей величине и благосостоянию занимает бесспорно третье место среди городов римского мира [8], Веспасиан принял свою армию. Здесь он соединился также с царем Агриппой, который во главе всей своей собственной армии ожидал его прибытия. Отсюда он поспешил в Птолемаиду. В этом городе его встречали мирно настроенные граждане Сепфориса из Галилеи. Они не заблуждались насчет своих собственных выгод и могущества римлян и еще до прибытия Веспасиана заключили оборонительный и наступательный союз с Цестием Галлом, получив от него гарнизон; теперь же, будучи благосклонно приняты полководцем, они объявили себя готовыми к участию в борьбе против своих соотечественников. По их же просьбе полководец дал им гарнизон из пехоты и всадников, достаточно сильный для того, чтобы выдержать могущие произойти нападения со стороны исступленных иудеев. Ибо потеря Сепфориса ему казалась не мало опасной для предстоящей войны, так как он был величайший город Галилеи, имел от природы хорошо защищенное положение и мог поэтому сделаться опорным пунктом для всей страны.

Глава ТРЕТЬЯ.

Описание Галилеи, Самарии и Иудеи.

1. Галилея, разделяющаяся на Верхнюю и Нижнюю, окружена Финикией и Сирией. Западную ее границу составляют Птолемаида и окружающая ее область, а также Кармил, некогда галилейский горный хребет, а ныне тирский, у которого лежит всаднический город Гава (II, 18, 1), получивший свое название от поселившихся в нем всадников, освобожденных от службы Иродом. На юге она тянется по границам Самарии и Скифополя вплоть до Иорданских вод. По восточной ее границе расположены: Иппина, Гадара, Гавлан (I, 20, 4) и царство Агриппы (§ 5), на севере ее замыкают Тир и тирские владения. Нижняя Галилея простирается в длину от Тивериады до Завулона [9], невдалеке от прибрежной полосы Птолемаиды, а в ширину она расстилается от деревни Ксалоса по Большой равнине до Вирсавы; здесь же начинается ширина Верхней Галилеи, продолжающаяся до деревни Вака, у тирской границы, между тем как длина этой части Галилеи тянется от прииорданской деревни Феллы до Мерофа (II, 20, 6).

2. Несмотря на большое протяжение этих обеих частей страны и на окружающее их со всех сторон иноплеменное население, жители все-таки всегда стойко выдерживали всякое вражеское нападение. Ибо они от самой ранней молодости подготовляли себя к бою и были всегда многочисленны. Этих бойцов никогда нельзя было упрекнуть в недостатке мужества, ни страну — в недостатке людей. Последняя очень плодородна, изобилует пастбищами, богато насаждена разного рода деревьями и своим богатством поощряет на труд самого ленивого пахаря. Немудрено поэтому, что вся страна сильно заселена; ни одна частица не остается незанятой; скорее она чересчур даже пестрит городами [10], и население в деревнях,

вследствие изумительного плодородия почвы также везде до того многочисленно, что в самой незначительной деревне числится свыше 16 000 жителей.

3. Вообще, если даже по величине Галилея уступает Перее, то, по силе и значению, необходимо отдать преимущество первой, потому что она вся возделана и имеет вид огромного сплошного сада. Перея же, при ее гораздо более значительном протяжении, в большей своей части бесплодна, не культивирована и слишком дика для производства нежных плодов. Места же не столь пустынные и даже более или менее плодородные, равно как находящиеся под насаждениями равнины, эксплуатируются преимущественно для культуры оливкового дерева, винограда, пальм и обильно орошаются горными потоками, а при их высыхании во время жарких ветров — постоянно действующими ключами. Перея простирается в длину от Махерона (VII, 6, 1) до Пеллы (I, 4, 8), а в ширину — от Филадельфии (I, 2, 4) до Иордана. Пелла, о которой идет речь, лежит на северной границе; западную же границу образует Иордан; на юге Перея граничит с землею моавитян, а на востоке с Аравиею, Сильбонитидой [11] с областью Филадельфии и Геразой.

4. Страна самарян лежит в средине между Галилеей и Иудеей. Она начинается у деревни Гинеи (II, 12, 3), на большой равнине и кончается у Акрабтинского округа. Природа ее совершенно тождественна с природой Иудеи. Обе эти страны богаты горами и равнинами, легко обрабатываемы, плодородны, засажены деревьями и изобилуют плодами в диком и культурном виде. Естественное орошение здесь хотя не очень богатое, но за то бывают обильные дожди. Текучие воды все чрезвычайно пресны, а благодаря обилию хорошего корма, скот здесь обладает большей молочной производительностью, чем где-либо. Лучшим же доказательством превосходных качеств и богатой производительности обеих стран служит густота их населения.

Обе граничат между собою у деревни Ануафа, иначе называемой Воркеем, которая вместе с тем служит северной границей Иудеи; западную оконечность Иудеи по длине образует лежащая на границе против Аравии деревня, называемая тамошними иудеями Иорданом [12]; в ширину же она простирается от Иордана до Иоппии. Как раз в самой средине Иудеи лежит Иерусалим, вследствие чего иные не без основания называли этот город пупом страны [13]. Иудея не лишена также благоприятного соседства с морем, так как ее прибрежная полоса тянется до Птолемаиды. Она разделена на одиннадцать округов, над которыми, как царская столица, владычествует Иерусалим, возвышающийся над окружающей его страной, как голова над телом. Остальные города распределены по округам: ближайшим за Иерусалимом следует Гофна, затем Акрабатта, после Тамна, Лидда, Эммаус, Пелла, Идумея, Енгадди (IV, 7, 2), Иродион и Иерихон. Затем окружные города образуют: Иамния, и Иоппия, наконец Гамала и Гавлан, Ватанея и Трахонея, принадлежавшие вместе с тем к области царя Агриппы. Последняя начинается у Ливанских гор и истоков Иордана и простирается в ширину до Тивериадского озера, а в длину — от деревни Арфы до Юлиады (II, 9, 1). Население этой страны составляет смесь иудеев и сирийцев. Столько я счел нужным сказать вкратце о Иудее и ее окружающих местностях.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ.

Иосиф, делающий нападение на Сепфорис, отбрасывается. — Тит во главе многочисленного войска приходит в Птолемаиду.

1. Вспомогательные отряды, посланные Веспасианом сепфорянам под предводительством Плацида (2, 4), состоявшие из 1 000 всадников и 6 000 пехоты, разбили лагерь на Большой равнине, чтобы здесь разойтись: пехота в виде гарнизона расположилась в самом городе, а конница осталась в стане. Обе части войска постоянными вылазками и набегами на окрестности причиняли Иосифу и его людям, хотя последние находились в покое, много вреда: они разграбляли все вокруг города и отбивали нападения, на которые отваживались жители этих окрестностей. Иосиф, впрочем, сделал нападение на город и надеялся покорить его после того, как он сам до отпадения города от галилеян так сильно

укрепил его, что даже римляне не могли бы взять его, разве только с большим трудом. Но по этой именно причине он ошибся в расчете: он увидел себя одинаково не в состоянии победить сепфорян ни силой, ни добрым словом [14]. Его попытка только больше ожесточила неприятеля против страны. Раздраженные нападением римляне, не отдыхая ни днем, ни ночью, опустошали поля, грабили имущество поселян, убивали каждый раз способных носить оружие, а более слабых продавали в рабство. Убийства и пожары наполняли всю Галилею; никакие бедствия и несчастия не остались неиспытанными, ибо преследуемые не имели другого убежища, кроме городов, укрепленных Иосифом.

2. Между тем Тит быстрее, чем можно было ожидать в зимнее время, переплыл из Ахайи в Александрию (1, 3) и принял под свою команду военную силу, за которой он был послан. Быстро подвигаясь вперед, он скоро достиг Птолемаиды, где он нашел своего отца, присоединил к находившимся при нем двум превосходным легионам (пятому и десятому) приведенный им с собою пятнадцатый легион. Сюда прибыли еще 18 когорт и кроме них из Кесареи пять когорт с конным отрядом и пять других отрядов сирийских всадников. Десять из названных когорт имели по 1000 человек пехоты каждая, а остальные 13 когорт — по 600 человек; конные отряды состояли из 120 всадников каждый. Кроме того составился еще сильный вспомогательный корпус от царей: Антиох, Агриппа и Соем выставили каждый по 2000 пеших стрелков и 1000 всадников; аравитянин Малх послал 1000 всадников и 5000 пехоты — большей частью стрелков, так что соединенная армия, включая и царские отряды, достигала 60000 человек пехоты и конницы [15]. В этот счет не вошел еще обоз, следовавший в громадном составе, хотя последний по знанию военного дела должен быть также причислен к ратному войску, потому что в мирное время прислуга занята всегда теми же упражнениями, что и их господа, а в войне она разделяет опасности последних, так что в опытности и физической силе она никому не уступает, кроме разве своих господ.

Глава ПЯТАЯ.

Описание римского войска, его лагерного быта и прочего, что составляет славу римлян.

1. Уже в одном этом пункте достойна удивления мудрость римлян, что они пользуются обозом прислуги не только для служебных обязанностей повседневной жизни, но умели приспособить его также к самой войне. Если же бросить взгляд на все их военное устройство в целом, то нужно придти к убеждению, что это обширное царство приобретено ими благодаря их способностям, а не получено как дар счастливой случайности. Ибо не тогда только, когда война уже наступает, они начинают знакомиться с оружием, и не нужда лишь заставляет их подымать руки для того, чтобы в мирное время снова их опускать, — нет, точно рожденные и выросшие в оружии, они никогда не перестают упражняться им, а не выжидают для этого каких-либо определенных случаев [16]. Их упражнения отличаются тем же неподдельным жаром и серьезностью, как действительные сражения: каждый день солдату приходится действовать со всем рвением, как на войне. Поэтому они с такой легкостью выигрывают битвы; ибо в их рядах никогда не происходит замешательства и ничто их не выводит из обычного боевого порядка; страх не лишает их присутствия духа, а чрезмерное напряжение не истощает их сил. Верна поэтому их победа над теми, которые уступают им во всех этих преимуществах. Их упражнения можно по справедливости называть бескровными сражениями, а их сражения кровавыми упражнениями. И внезапным нападением неприятель не может иметь успех, ибо, вступая в страну неприятеля, они избегают всякого столкновения с ним до тех пор, пока не устраивают себе укрепленного лагеря. Последний они разбивают не зря, без определенного плана, и не на неровном месте; и не все вместе без разбора участвуют в его сооружении. Если место выпадает неровное, то его выравнивают, отмеривают четырехугольник и тогда за дело принимается отряд ремесленников, снабженных необходимыми строительными инструментами.

2. Внутреннее пространство они отводят для палаток, а наружное кругом образует как бы стену, которая застроена башнями на равном расстоянии друг от друга. В пространстве

между башнями они ставать быстро-метательные снаряды, камнеметни, баллисты и другие крупные метательные орудия — приспособленные все к немедленному действию. Четверо ворот построены на четырех сторонах окружности лагеря; все они удобопроходимы для вьючных животных и достаточно широки для вылазок в случае надобности. Внутри лагерь удобно распланирован на отдельные части. В средине стоят палатки предводителей, а посреди последних, наподобие храма, возвышается шатер полководца. Все остальное пространство представляет вид импровизированного города, снабженного чем-то вроде рынка, ремесленным кварталом и особым местом для судейских кресел, где начальники разбирают возникающие споры. Укрепление окружности и устройство всех внутренних частей стана совершается с неимоверной быстротой [17], благодаря большому количеству и ловкости рабочих. В необходимых случаях с наружной стороны вала делается еще окоп в четыре локтя глубины и столько же ширины [18].

3. Раз шанцы уже готовы, солдаты отдельными группами отдыхают в тишине и порядке в своих палатках. Жизнь лагеря со всеми ее отправлениями подчиняется также установленному порядку: ношение дров, доставка провианта и возка воды производятся особо назначенными войсковыми отделениями по очереди [19]. Никто не вправе завтракать или обедать, когда ему заблагорассудится, а один час существует для всех; часы покоя, бодрствования и вставания со сна возвещаются трубными сигналами; все совершается только по команде. С наступлением утра солдаты группами являются с приветствием к центурионам, эти — к трибунам, с которыми тогда все офицеры вместе для той же цели представляются полководцу. Последний, по обычаю, объявляет им пароль дня [20], а также и приказы для сообщения их своим подчиненным. Соблюдается этот порядок и в сражении, так что они имеют возможность густыми массами делать быстрые движения к наступлению или отступлению, смотря по тому, необходимо ли одно или другое.

4. Об оставлении лагеря возвещается трубным звуком. Все тогда приходит в движение; по первому мановению снимаются шатры и все приготовляются к выступлению. Еще раз раздается звук трубы — быстро навьючивают тогда солдаты мулов и других животных орудиями и стоят уже, словно состязающиеся в бегах за ареной, совершенно готовыми к походу. В это же время они сжигают шанцы для того, чтоб не воспользовался ими неприятель, в той уверенности, что в случае надобности они без особого труда могут соорудить на этом месте новый лагерь. Третий трубный сигнал возвещает выступление — выстраиваются ряды и всякий замешкавшийся солдат спешит занять свое место в строю. Тогда вестник, стоящий у правой руки полководца, троекратно спрашивает на родном языке: все ли готово к бою. Солдаты столько же раз громко и радостно восклицают: «да, готово!» Нередко они, предупреждая окончание вопроса, полные воинственного воодушевления, с простертыми вверх руками издают только один воинственный клик [21].

5. Тогда они выступают в путь и подвигаются молча, в стройном порядке. Каждый остается в линии, как в сражении. Пехотинцы защищены панцирями и шлемами и носят с обеих сторон острые оружия; меч на левом боку значительно длиннее меча, висящего на правом и имеющего в длину только одну пядень. Отборная часть пехоты, окружающая особу полководца, носит копья и круглые щиты; остальная часть пехоты — пики и продолговатые щиты, пилы и корзины, лопаты и топоры и кроме того еще ремни, серпы, цепи и на три дня провизии; таким образом пешие солдаты носят почти столько же тяжести, сколько вьючные животные. Всадники имеют с правой стороны длинный меч, в руке такое же длинное копье; на лошади поперек спины лежит продолговатый щит; в колчане они имеют три или больше длинных, как копья, метательных дротиков с широкими наконечниками; шлемы и панцири они имеют одинаковые с пехотой; избранные всадники, окружающие особу полководца, вооружены точно так же, как их товарищи в эскадронах. Авангард образует всегда легион, назначающийся по жребию.

6. Такого порядка держатся римляне в походе, в лагере и по отношению к выбору разного рода оружия. В самых сражениях ничто не происходит без предварительного совещания; каждое движение имеет основанием своим предначертанные план, и наоборот за каждым решением следует всегда его исполнение. Оттого они так редко совершают ошибки и каждый промах легко поправляется вновь. Победе, доставшейся счастливой случайностью, они охотнее предпочитают поражение, если только последнее является следствием заранее составленного плана. Они держатся того мнения, что успех, приобретенный не по вине действующих лиц, порождает неосмотрительность, в то время, как всестороннее обдумывание, если даже иной раз и не достигает своей цели, имеет, однако, своим последствием энергическое стремление к предупреждению неудач в будущем; затем случайная удача не имеет виновником того, на долю которого она выпадает, между тем как печальные результаты, не оправдывающие прежних расчетов, оставляюсь по крайней мере утешение в том, что дело было правильно задумано.

7. Упражнения оружием направлены у них к тому, чтобы закалить не только тело, но и дух; для достижения этой цели действуют также и страхом: их законы карают смертью не только дезертирование, но и менее важные проступки [22]. Беспощаднее закона еще личная карательная власть полководцев; только щедрость наград, выдаваемых, храбрым воинам, образует противовес, благодаря которому они не кажутся столь жестокими по отношению к провинившимся. Зато и повиновение командирам так велико, что все войско в мирное время представляет вид парада, а на войне — одного единственного тела, — так крепко связаны между собою ряды, так легки повороты, так навострены уши к приказам, глаза напряженно устремлены на сигнальные знаки и руки подвижны к делу. Поэтому они всегда готовы к действию и не легко переносят бездействие. Раз только они стоят в боевом порядке, то они никогда не отступают ни пред количественным превосходством сил, ни перед военной хитростью, ни пред препятствиями, представляемыми местностью, ни даже пред изменой счастья, ибо тверже, чем в последнее, они веруют в свою победу. Нужно ли удивляться, что народ, который всегда рассуждает, прежде чем что-либо предпринимает, который для осуществления своих предприятий имеет такую могущественную армию — что этот народ расширил свои пределы: к востоку до Евфрата, к западу до океана, на юге до тучных нивх Ливии, а на севере — до Дуная и Рейна? Иной не без основания даже скажет, что владения все еще не так велики, как того заслуживают владельцы.

8. Это описание не имеет, впрочем, целью хвалить римлян, а утешать побежденных и падких к возмущениям людей наводить на другие размышления [23]. С другой стороны организация римского войска может служить образцом для тех, которые умеют ценить совершенство, но не вполне с ним знакомы. Однако после этого уклонения я опять возобновляю нить моего рассказа.

Глава ШЕСТАЯ.

Плацид отбит от Иотапаты. — Веспасиан вторгается в Галилею.

1. Веспасиан со своим сыном Титом оставались некоторое время в Птоломаиде [24] и приводили в порядок свои войска, между тем как Плацид рыскал по Галилее, захватывал в плен множество жителей и убивал их; в его руки попадалась, однако, слабая и малодушная часть населения, ратный же люд, как Плацид хорошо замечал, каждый раз бегал от него в укрепленные Иосифом города. Он двинулся поэтому против сильнейшего из последних, Иотапаты (7, 7), надеясь легко покорить ее внезапным нападением и этим прославить себя в глазах полководцев, а им самим облегчить дальнейшее ведение войны, ибо он думал, что другие города после падения сильнейшего из них со страха сдадутся без борьбы. Но он жестоко ошибся в своих надеждах. Иотапатцы узнали о его приближении и ожидали его у города. Неожиданно они напали на римлян в большом числе, вооруженные и воодушевленные к бою, сознавая, что они сражаются за угрожаемое отечество и за жен и детей. Спустя короткое время они отбросили назад римлян, причем ранили многих, но убили

лишь семь человек, ибо они отступали не в беспорядке, удары не глубоко врезывались в хорошо защищенные со всех сторон тела римлян, а иудеи, будучи сами легко вооружены, не осмеливались нападать на тяжеловооруженных врагов на близком расстоянии и метали в них стрелы большею частью издали. Со стороны же иудеев пали трое и несколько было ранено. Плацид увидел себя слишком слабым для нападения на город и обратился в бегство.

2. Решившись, наконец, сам вторгнуться в Галилею, Веспасиан выступил из Птоломаиды и пустил свое войско в поход в принятом по римскому обычаю порядке. Легкие вспомогательные отряды и стрелков он выслал вперед для отражения непредвиденных неприятельских нападений и осмотра подозрительных лесов, удобных для засад. За ними следовало отделение тяжеловооруженных римлян, состоявшее из пехоты и всадников, после шли по десяти человек из каждой центурии, носившие, как собственную поклажу, так и инструменты для отмеривания лагеря; за ними тянулись рабочие, которые должны были выровнять извилистые и бугристые места по главной дороге и срубать мешающие кустарники, дабы войско не уставало от трудностей похода; позади них, под прикрытием сильного отряда всадников подвигался обоз, состоявший из багажа начальствующих лиц. Затем следовал сам Веспасиан, сопровождаемый отборной пехотой, всадниками и броненосцами, вслед за ним ехали принадлежавшие к легионам всадники, которых каждый легион имеет 120; затем шли мулы, навьюченные осадными машинами и другими военными снарядами; после появлялись легаты, начальники когорт с трибунами, окруженные отборным войском; за ними носили знамена и посреди них орла, которого римляне имеют во главе каждого легиона. Как царь птиц и сильнейшая из них, орел служит им эмблемой господства и провозвестником победы над всяким врагом, против которого они выступают. За этими святынями войска [25] шли трубачи [26] и тогда лишь двигалась главная масса войска тесными рядами по шести человек в каждом, сопровождаемая одним центурионом, который, по обыкновению, наблюдал за порядком. Обозы легионов вместе с вьючными животными, носившими багаж солдат, непосредственно примыкали к пехоте. Наконец, позади всех легионов, шла толпа наемников, за которыми для их безопасности следовал еще арьергард, состоявший из пехоты, тяжеловооруженных и массы всадников.

3. Подвигаясь со своим войском в таком порядке, Веспасиан достиг границы Галилеи, где разбил свой стан. Он нарочно удерживал еще рвение солдат для того, чтобы видом своих военных сил внушить страх врагам и вместе с тем дать им время одуматься до начала действий. В то же время однако он делал приготовления к штурмованию крепостей. Появление полководца действительно поколебало многих в их мятежных замыслах и наполнило всех страхом. Войско, которое под предводительством Иосифа стояло лагерем невдалеке от Сепфориса, у города Гариса, лишь только услышало, что римляне стоят уже у них за спиной и готовы уже драться, — не выждав столкновения с ними, даже не видя их еще в глаза, немедленно рассеялось по всем сторонам. Иосиф, оставшись с очень немногими, увидел себя чересчур слабым для встречи неприятеля; от его внимания не ускользнул также упадок духа, овладевший иудеями, и то обстоятельство, что они большей своей частью, если б могли довериться римлянам, охотно вошли бы в соглашение с ними. Исполненный мучительных предчувствий насчет исхода войны вообще, он решил на этот момент по возможности уйти от опасности и вместе с оставшимися верными ему людьми бежал в Тивериаду.

Глава СЕДЬМАЯ.

Овладев городом Габарой [27], Веспасиан направляется против Иотапаты. — После продолжительной осады он берет этот город, благодаря измене перебежчика.

1. Веспасиан двинулся против города Габары и овладел им при первом наступлении, так как нашел его покинутым войском. По вступлении в город он приказал убить всех юношей; римляне в своей ненависти к иудеям и из мести за жестокое обращение с Цестием не щадили никакого возраста. После этого он приказал предать огню не только самый город, но и все

селения в его окрестности; большинство из последних было совершенно покинуто своими обитателями; оставшиеся кое-где жители были проданы в рабство.

2. В том городе, который Иосиф избрал себе убежищем, его прибытие в качестве беглеца распространило страх. Жители Тивериады были убеждены, что он не бежал бы, если б окончательно не отчаялся в счастливом исходе войны, и в этом последнем отношении они действительно отгадали его мнение. Иосиф ясно сознавал, к какому концу поведут начинания иудеев, и единственное спасение, которое было еще возможно для них, он видел в оставлении ими задуманного дела. Сам же он, хотя вполне мог надеяться на прощение римлян, готов был лучше сто раз умереть, нежели изменой своему отечеству и обесчестием возложенного на него достоинства полководца благоденствовать среди тех, которых он послан был побороть. Ввиду этого он решил доложить в точности правительству в Иерусалиме о положении дел, дабы, с одной стороны, преувеличенным описанием неприятельских сил не навлечь на себя впоследствии упрека в трусости, а с другой, — умалением этих сил не ободрять тех, которые хотели бы принять лучшее решение. Он написал поэтому в Иерусалим, что если правительство пожелает завязать мирные переговоры, то пусть оно даст ему знать неотложно, в противном случае если решение о войне останется твердым, тогда пусть пришлет ему такое войско, которое было бы в состоянии сразиться с римлянами. И немедленно он отправил послов с донесением в Иерусалим.

3. Веспасиан, решившись разрушить Иотапату (куда, как он узнал, бежала большая часть неприятеля и которую он вообще признавал крепкой опорой для последнего), отрядил пехоту и всадников для нивелирования холмистого и каменистого пути, труднопроходимого для пешеходов и совсем недоступного для всадников. В четыре дня они окончили работу и открыли пред римлянами широкую столбовую дорогу. На пятый день — это было в двадцать первый день месяца Артемизия [28] — Иосиф прибыл из Тивериады в Иотапату и своим появлением вновь воскресил упадший дух иудеев. Перебежчик принес Веспасиану желанную весть о прибытии Иосифа в Иотапату и советовал ему чем скорее напасть на город, так как со взятием последнего он покорит всю Иудею, если он вместе с тем захватит в плен и Иосифа. Веспасиан с радостью выслушал эту весть, считая ее чрезвычайно счастливым предзнаменованием; он усматривал персть Божий в том, что тот из его врагов, который слыл самым талантливым, самовольно попал в ловушку, и поэтому послал немедленно Плацида и декуриона Эбуция — человека, отличавшегося храбростью и предусмотрительностью, с 1000 всадников для оцепления города с целью лишить Иосифа возможности тайного бегства.

4. На следующий день он сам выступил во главе своей соединенной армии и к вечеру прибыл к Иотапате. На севере от города, на возвышении, отстоящем от него на семь стадий, он разбил свой лагерь; он хотел именно как можно ближе находиться на виду неприятеля, чтобы внушить ему страх, — и это удалось ему в такой степени, что ни один иудей не осмелился выйти за стену. Нападать сейчас римляне не могли решиться, так как они весь день находились в пути; они удовольствовались поэтому оцеплением города двойной войсковой линией и образованием позади них еще третьей линии из всадников, чтобы закрыть всякий выход для жителей. Но иудеи, отчаявшись в спасении, сделались чрез это только смелее, ибо ничто так не воодушевляет на борьбу, как сознание безысходности.

5. На следующий день римляне предприняли наступление. Вначале иудеи, расположившиеся лагерем в окрестности перед стеной, сражаясь на близком расстоянии, выдерживали напор; но когда Веспасиан напустил на них стрелков, пращников и всю массу войска, вооруженного метательными копьями, а сам он с пехотой устремился вверх по крутизне, на вершине которой легко было уже взять стену, — Иосиф, опасаясь за судьбу города, во главе всего гарнизона, сделал вылазку. Тесными рядами иудеи бросились на римлян и отбросили их далеко от стены, выказав при этом много примеров храбрости и отваги; впрочем, сколько они причинили вреда, столько же они и потерпели сами, ибо в той

же мере, в какой иудеев ожесточало отчаяние, римлян подзадоривало честолюбие; последним помогала в бою военная опытность в соединении с силой, а первым — смелость в связи с ожесточением. По окончании сражения, длившегося целый день, иудеи предались ночному покою; они ранили массу римлян и 13 человек убили, на их стороне было 17 убитых и 600 раненных.

6. На следующей день они сделали вторую вылазку против римлян и боролись с еще большим упорством; сопротивление, оказанное ими сверх ожидания врагу в предшествовавший день, сделало их еще более смелыми; но и римляне защищались сильнее; удар, нанесенный их честолюбию, ожесточил их до крайности, так как им казалось равносильным поражению то, что они не сразу победили. До пятого дня продолжались беспрерывно наступления римлян, равно как ожесточенные вылазки и борьба со стены со стороны иотапатцев: ни иудеи не робели пред превосходством сил римлян, ни римляне не могли остановиться пред трудностями покорения города.

7. Иотапата почти вся расположена на отвесной скале; со всех сторон ниспадают столь глубокие пропасти, что, когда всматриваешься в эти бездны, глаз от утомления не проникает до глубины; только с северной стороны, где город спускается по склону горы, он бывает доступен; но и эту часть Иосиф окружил укреплениями для того, чтобы возвышающийся над ней горный хребет не мог бы быть занят неприятелем. Прикрытый со всех сторон другими горами, город оставался совершенно невидимым до тех пор, пока не приходили в непосредственную близость его. Так была укреплена Иотапата.

8. Но Веспасиан хотел побороть и природу местности и отвагу иудеев; он решил поэтому усилить осаду и собрал начальников для обсуждения способа нападения. Когда же принято было решение воздвигнуть вал против доступной стороны стены, Веспасиан разослал все войско для добывания строевого материала. Горные леса вокруг города были срублены и кроме леса доставлено также бессметное количество камней. Для защиты от стрельбы, производившейся сверху вниз, были натянуты на столбах ивняковые плетни, под прикрытием которых солдаты, не подвергая себя опасности от стрел, которые летали со стены, работали над валом. Еще одна часть войска раскапывала ближайшие холмы и постоянно перевозила землю. Так, делясь на три отряда, все войско занято было работами. Иудеи, с своей стороны, бросали на защитительные кровли римлян большие обломки скал и разного рода стрелы, которые если и не перебивали рабочих, то во всяком случае мешали им своим беспрерывным и страшным гулом.

9. Тогда Веспасиан велел расставить кругом метательные машины, которых войско имело в числе 160 штук, и стрелять в тех, которые занимали стены. Катапульты бросали свои копья, баллисты [29] — камни весом в один талант, пылающие головни и густые кучи стрел, которые не только сделали стену недоступной для иудеев, но отрезали от них еще некоторое пространство пред стеной, потому что одновременно с машинами стреляли и многочисленные арабские стрелки и все метатели копий и камней. Не имея возможности сопротивляться со стены, иудеи между тем не оставались праздными. Маленькими группами, на разбойничий манер, они делали вылазки, срывали защитительные кровли и убивали незащищенных рабочих; там, где последние были обращены в бегство, они разрушали вал и сожигали сваи вместе с покоившимися на них крышами. Так продолжалось до тех пор, пока Веспасиан не понял, что причина этого зла кроется в расстоянии, отделяющем сооружения, так как проходы между ними доставляют иудеям свободный к ним доступ, и не приказал связать между собою защитительные кровли. Создав этим самым сообщение для отрядов, он отныне положил конец дальнейшим нападениям иудеев.

10. Вал между тем все больше вырастал и достиг уже почти высоты стенных зубцов. Иосиф видел, как велика будет опасность, если он, с своей стороны, не примет мер для спасения города; он созвал мастеров и приказал им возвысить стену; когда же те заявили о невозможности работать под постоянным градом стрел, он придумал для них следующее

прикрытие. Он приказал соорудить столбы и расположить на них только что стянутые с волов шкуры: камни из метательных машин в них задерживались, стрелы скользили по их поверхности, а головни, вследствие мокроты шкур, теряли свою опасность. Под этой кровлей мастера беспрепятственно могла работать день и ночь, довести высоту стены до 20 локтей, построить на ней многочисленные башни и соорудить еще крепкий бруствер. Все это удручающим образом подействовало на римлян, мнивших уже себя столь близкими к цели: они изумлялись изобретательности Иосифа и присутствию духа осажденных.

11. Сам Веспасиан был страшно озлоблен этой хитрой выдумкой и смелостью иотапатцев. Последние же, ободренные новыми сооружениями, начали возобновлять свои прежние вылазки. Схватки между отдельными отрядами, всякого рода разбойничьи нападения, похищение у неприятеля всего, что только было возможно, и сожигание осадных сооружений опять сделались повседневным явлением. Веспасиан решил наконец прекратить всякую борьбу и, держа город в осаде, заморить его голодом. Он предполагал одно из двух: или жители вследствие недостатка необходимейших жизненных продуктов будут вынуждены просить о пощаде, или же, если они доведут свое упорство до крайности, то погибнут от голода; во всяком случае он надеялся гораздо легче победить их в бою чрез некоторый промежуток времени, когда он нападет на истощенных и обессиленных. На первых же порах он ограничился тем, что приказал охранять все входы и выходы города.

12. Хлеба и всех других припасов, кроме соли, осажденные имели в изобилии; зато ощущался недостаток в воде, так как в городе не было никаких источников и жители его перебивались обыкновенно дождевой водой. Но в летнее время дождь в той местности — редкое явление; а так как осада выпала именно в это время года, то при одном воспоминании об угрожающей жажде жители теряли головы и были так удручены, как будто запасы воды уже иссякли. Ибо Иосиф, снабдив город всем необходимым и заметив бодрый дух жителей и готовность их затянуть, вопреки ожиданиям римлян, осаду на продолжительное время, выдавал воду в определенном размере. Вот это сбережение казалось им более тягостным, чем действительный недостаток; не имея возможности пить в свое удовольствие, они еще больше желали и алкали воды, точно уже изнемогали от жажды. Это обстоятельство не ускользало от внимания римлян: они видели с возвышений, как жители города стекались к одному определенному месту, где им вода выдавалась по мере. Туда же они и направляли свои машины и многих лишали жизни.

13. Веспасиан надеялся, что цистерны в скорости иссякнут и тогда сдача города будет неизбежна. Чтобы отнять у него эту надежду Иосиф приказал многим жителям погрузить свою одежду в воду и затем развесить ее на стенные брустверы, так что вся стена потекла водой. Это ужаснуло римлян и лишило их бодрости: они увидели вдруг, что те, которые по их мнению, нуждаются в глотке воды, расточать такую массу ее для насмешки. Тогда и полководец потерял надежду на покорение города голодом и жаждой, и вновь принялся за оружие. Это вполне соответствовало желаниям иудеев: отчаявшись в своем собственном спасении и спасении города, они, конечно, предпочитали смерть в бою смерти от голода и жажды.

14. Кроме названной хитрости, Иосиф выдумал еще другую для доставления себе жизненных припасов. Чрез одно непроходимое и поэтому менее охраняемое караулами ущелье на западной стороне долины он завязал чрез послов письменные сношения с иудеями в окрестностях и таким образом получал в избытке те продукты, которых не доставало в городе. При этом он приказывал своим послам ползком прокрадываться мимо караулов и прикрывать спину шкурами для того, чтобы стражники, если и заметят их ночью, принимали бы их за собак. Но однажды хитрость эта была обнаружена, и охрана ущелья усилена.

15. Иосиф тогда убедился, что город недолго еще будет держаться и что его личное спасение, в случае дальнейшего его пребывания в нем, сделается весьма сомнительным. Ввиду этого он, посоветовавшись с знатнейшими лицами, составил план бегства. Жители,

однако, узнали об этом, обступили его кругом и умоляли его «не покидать их в то время, когда они только и рассчитывают на него: он составляет еще последнюю надежду на спасение города, так как пока он здесь, то ради него каждый будет бороться с радостью; попадут они в руки неприятеля, он останется их утешением. Ему не подобает бежать от врага, бросать друзей и при наступлении бури покинуть корабль, на который он вступил при спокойном плавании. Он окончательно погубит город, так как никто не осмелится больше сопротивляться неприятелю, если уйдет тот, который всем внушает бодрость».

16. С этой минуты Иосиф не давал больше повода заметить, что он занят мыслью о собственном спасении, а говорил, наоборот, что желает уйти в их же собственных интересах. «Ибо его пребывание в городе, пока они еще вне опасности, не принесет им много пользы; если же они будут покорены, тогда он без всякой надобности погибнет вместе с ними. Но раз ему удастся проскользнуть мимо осаждающих, он может оказать им извне существеннейшие услуги: он поспешит тогда, как можно скорее, собрать галилеян из деревень и таким образом заставит римлян выступить против него и отступить от их города. Он не видит, чем он может быть им полезен теперь, оставаясь на месте, — будет разве то, что он сделает римлян более настойчивыми в осаде, так как для них чрезвычайно важно захватить его в свои руки; если же они узнают о его бегстве, тогда они значительно охладеют к осаде». Иосиф, однако, не убедил этих людей, а достиг только того, что они еще сильнее к нему приставали. Дети, старцы, женщины с грудными младенцами на руках пали с воплем пред ним, охватили его ноги и, рыдая, молили его все-таки делить с ними их судьбу, — не потому, я думаю, чтоб они не желали спасения ему, а потому, что они еще надеялись на свое собственное: ибо они думали, что пока Иосиф остается на месте, им не может быть причинено никакое зло.

17. Убедившись, что лучше уступить их настойчивым требованиям и что в случае упорства его возьмут под стражу, тронутый, с другой стороны, жалостью к стонущим, он решил остаться и, вооружившись тем духом отчаяния, которое внушало положение города, воскликнул: «В таком случае пора начать бой, ибо надежды на спасение больше нет! Ценой жизни мы купим добрую славу и храбрыми подвигами прославим себя перед дальними потомками». От этих слов он перешел к делу, сделал вылазку во главе отборных бойцов, обратил в бегство неприятельские аванпосты, протеснился до самого лагеря римлян, разрушил кровли, под которыми укрывались строители шанцев, и бросил пылающие головни в их сооружения. Повторяя то же самое на второй и на третий день, он еще несколько дней и ночей подряд провел в безустанной борьбе.

18. От этих вылазок римляне терпели много вреда: отступать пред иудеями они стыдились, когда же те отступали, они, вследствие тяжести своего вооружения, не могли их преследовать; таким образом иудеи, причиняя им потери без всякого урона для себя, могли каждый раз возвращаться в город. Ввиду этого Веспасиан приказал своим тяжеловооруженным отступать пред нападениями иудеев и не вступать больше в бой с людьми, ищущими смерти; ибо ничто не делает более храбрых, как отчаяние; но боевая горячка охлаждается сама собою, если предположенная цель не достигается, подобно тому, как гаснет огонь за недостатком горючего материала. Кроме того, римлянам подобает вообще верным путем идти к победе, тем больше, что они ведут не оборонительную войну, а наступательную. Ввиду этого он возложил отражение неприятельских нападений по большей части на арабских стрелков и сирийских пращников [30] и камнеметателей. При этом, разумеется, оставлены были в деле также и многочисленные тяжелые орудия. Пред этими последними иудеи хотя отступали с потерями, но раз они вступали в линию полета стрел, они с яростью бросались на римлян и сражались на жизнь и смерть. Выбитые из строя с обеих сторон пополнялись каждый раз свежими силами.

19. По продолжительности времени и многочисленности вылазок Веспасиану могло казаться, что он сам находится в осаде. А так как валы приближались уже к стенам, то он порешил поставить «баран» [31]. Это — чудовищная балка, похожая на корабельную мачту и

снабженная крепким железным наконечником наподобие бараньей головы, от которой она и получила свое название; посередине она на толстых канатах подвешивается к другой поперечной балке, покоющейся обоими своими концами на крепких столбах. Потянутый многочисленными воинами назад и брошенный соединенными силами вперед, он своим железным концом потрясает стену. Нет той крепости, нет той стены, которая была бы настолько сильна, чтобы противостоять повторенным ударам «барана», если она и выдерживает первые его толчки. Этим орудием начал наконец действовать римский полководец: он спешил взять город силой, так как медленная осада при большой подвижности иудеев приносила ему только потери. Римляне притащили свои каменометни и остальные метательные орудия ближе к городу, чтобы стрелять в тех, которые окажут сопротивление со стены; точно также выдвинулись вперед густыми массами стрелки и пращники. В то время, когда никто таким образом не мог осмелиться взойти на стену, одна часть солдат притащила сюда баран, который для защиты рабочих и машин был покрыт сплошной кровлей, сплетенной из ив и обтянутой сверху кожами [32]. При первом же ударе стена задрожала и внутри города раздался страшный вопль, точно он уже был покорен.

20. Когда Иосиф увидел, что римляне всегда ударяют в одно и то же место стены и последняя была уже близка к обрушению, он придумал средство, чем парализовать силу машины. Он приказал своим людям набить мешки мякиной и опускать их каждый раз на то место, к которому прицеливался баран для того, чтобы изменять его направление и мягкостью мешков ослаблять силу ударов. Это в значительной степени тормозило успех римлян, так как стоявшие на стене каждый раз направляли туда, куда метила машина, мешки, которые на столько противодействовали ударам, что тяжесть их не причиняла стене никакого вреда. Наконец, римляне напали на мысль привязать впереди к длинным столбам серпы, которые отрезывали мешки. Так как таран вследствие этого вновь приобрел свою силу, а стена, хотя и новопостроенная, начала уже колебаться, то Иосиф со своими людьми прибегли отныне к другому защитительному средству — к огню. Они собрали сколько только могли сухих дров, сделали вылазку тремя отдельными партиями и подожгли машины, защитные кровли и шанцы римлян. Последние оказали лишь слабое сопротивление, отчасти потому, что смелость осажденных лишила их самообладания, отчасти и потому, что вспыхнувшее пламя предупредило возможность защиты: сухие дрова в связи с асфальтом, смолой и серой распространили огонь с невообразимой быстротой. В один час все постройки, с таким трудом сооруженные римлянами, были превращены в пепел.

21. При этом случае достопамятным образом отличился также один иудей по имени Элеазар сын Самая, родом из Саавы в Галилее. Он поднял чудовищной величины камень и с такой ужасающей силой бросил им с высоты стены в таран, что отрубил машине голову; тогда он соскочил вниз, поднял ее чуть ли не из под рук неприятеля и с замечательным спокойствием понес ее на стену. Но враги все разом направили на него свои оружия и так как он ничем не был вооружен, то в его тело вонзилось пять стрел. Нисколько, однако, об этом не печалясь, он стал на стену, куда, вследствие его геройского подвига, были обращены все взоры, но вскоре после этого, скривившись от смертельной боли, упал со стены с бараньей головой в руках. Ближайшими после него по храбрости показали себя оба брата Нетир и Филипп из деревни Румы, тоже галилеяне. Они налетели на солдат десятого легиона и с такой неудержимой яростью бросились на римлян, что разорвали их сомкнутые ряды и всех встретившихся им на пути обратили в бегство.

22. Вслед за ними бросился Иосиф во главе остального войска с целой массой пылающих головень, поджог машины, равно как и плетеные кровли и свайные постройки бежавших пятого и десятого легионов, в то время, когда другие быстро уничтожали инструменты и всякие строительные материалы. К вечеру однако римляне снова установили таран и направили его опять против того же места стены, которое прежде подвергалось ударам. В это время один из защитников стены выстрелил в Веспасиана и ранил его в стопу;

рана хотя была легкая, так как выстрел вследствие отдаленности пространства потерял свою силу, тем не менее римляне пришли от нее в ужас. Ближайшие к Веспасиану не мало встревожились при виде его крови и их душевная тревога сообщилась всему войску, по которому быстро разнеслась весть о ранении полководца [33]. Большинство солдат, отстав от осады, в страхе и отчаянии столпились вокруг него. Тит, озабоченный участью отца, первый прибыл на место. Страшное уныние, вызванное как преданностью войска к своему полководцу, так и душевным потрясением его сына, воцарилось в лагере. Скоро однако успокоил отец глубоко опечаленного сына и взволнованных солдат. Подавив физическую боль и стараясь показаться всем перепуганным солдатам, он этим еще больше воспламенил их рвение на борьбу с иудеями. Каждый хотел теперь, как мститель полководца, быть первым в бою, и, воодушевляя друг друга боевыми кликами, они все вместе с неукротимой яростью ринулись против стены.

23. Хотя люди Иосифа один за другим падали, пораженные катапультами и баллистами, они тем не менее не давали себя прогнать со стены, а кидали горящие головни, куски железа и камни против тех, которые, укрываясь под кровлями, действовали бараном. Но терпя потери за потерями, они не достигали никакого результата или лишь самого незначительного, так как, находясь на виду у неприятеля, сами не могли его видеть. Освещенные горевшими в их собственных руках головнями, они ночью, как и при дневном свете, служили верной целью для врагов, между тем как сами не могли избегать стрел от машин, остававшихся для них невидимыми за дальностью расстояния. Действие скорпионов [34] и катапульт губило многих сразу, тяжесть извергнутых ими массами камней срывала брустверы со стены, разбивала углы башен. Нет такого густого отряда, который не был бы разбит до последнего воина силой и величиной такого камня. О мощи боевых орудий можно судить по некоторым случаям, имевшим место в ту ночь. Одному из людей Иосифа, стоявшему на стене, камнем сорвало голову, причем череп был отброшен на расстояние трех стадий от туловища. На рассвете беременная женщина, только что покинувшая свой дом, была застигнута камнем, который вырвал у нее дитя из утробы и отбросил его на полстадии. Так велика была сила баллист. Еще ужаснее были грохот орудий, свист и гул стрел. Беспрестанно раздавалось сотрясение земли от падавших на нее со стены трупов; внутри города подымался каждый раз душу раздирающий крик женщин, с которым смешивались доносившиеся извне стоны умирающих. На том месте, где кипела битва, вся стена текла кровью и на нее можно было взбираться по одним только человеческим трупам. Общий гул еще усиливался и делался более ужасным от эха, раздававшегося с окрестных гор, и все, что только может быть страшным для зрения и слуха, совершалось в ту ночь. Многие из защитников Иотапаты умерли в эту ночь геройской смертью, многие были ранены. К утру стена только еле начала поддаваться беспрерывно действовавшим орудиям. Но прежде, чем римляне установили штурмовые лестницы, один из отрядов Иосифа, который был хорошо вооружен и защищен панцирями, воздвигнул новую стену рядом с разрушенной.

24. Утром Веспасиан, после краткого отдыха от напряженных ночных трудов, повел свое войско на приступ. Для того, чтобы прогнать защитников с обвалившихся частей стены, он приказал храбрейшим своим всадникам слезать с коней и, вооруженными с ног до головы, с простертыми вперед копьями, построиться в три линии против обвала, чтобы первыми вторгнуться, когда будут установлены подъемные мосты. Позади них он поставил отборную часть пехоты; остальных всадников он расставил вдоль стены на всей горе кругом для того, чтобы при штурме крепости никто не мог бы тайно бежать; сам в тылу он разместил в том же порядке стрелков с приказанием держать оружие наготове, точно также и пращников и тех, которые прислуживали машинам. Других, снабженных лестницами, он назначил для нападения на уцелевшие части стены с той целью, чтобы часть осажденных была отвлечена от защиты поврежденных мест стены и тогда другую часть защитников легче будет прогнать стрельбой.

25. Иосиф угадал этот план и поставил на сохранившиеся части стены усталых воинов и стариков в том предположении, что здесь им не будет причинено никакого вреда; на разрушенные же части стены он поставил, напротив, сильнейших воинов и во главе их назначил каждый раз других шесть начальников, чередуясь и сам с ними на опаснейших местах. Он приказал им заткнуть себе уши, чтобы не испугаться боевых кликов легионов, для защиты от массы стрел — опускаться на колени, прикрываясь поднятыми вверх щитами, и даже поддаваться немного назад до тех пор, пока стрелки не опорожнят своих колчанов; но как только римляне наведут мосты, тогда сразу ударить на них и броситься навстречу врагу по его же собственному сооружению. Пусть каждый пойдет в бой не во имя спасения своего города, а чтобы мстить уже теперь за его гибель; пусть они представят себе, как враг вскорости будет убивать стариков и резать женщин и детей и пусть теперь же обратят всю свою ярость против тех, которые совершат над ним все эти ужасы.

26. Таким образом он разделил своих людей на две части. Но когда незанятая масса жителей, женщины и дети, увидели город, как тройным поясом, обтянутым воинами, между тем как передовые стражи все еще удерживали свои прежние позиции; когда они дальше заметили, что враги с обнаженными мечами стоят уже у стенных люков, что возвышающиеся над городом горы засверкали блеском оружий, а стрелы арабских стрелков готовы каждую минуту слететь с луков — тогда они подняли вопль, напоминавший последний надгробный плач над павшим городом, точно несчастье уже пришло и совершилось, а не только угрожало. Для того, чтобы женщины своим плачем не смягчили сердца солдата, Иосиф велел запереть их в домах и с угрозами приказал их замолчать. После этого он появился на выпавший ему по жребию пост стенного люка, не обращая больше внимания на тех, которые по лестницам взбирались на другие места стены, и с напряженным нетерпением стал выжидать открытия стрельбы.

27. В то же время загремели трубы всех легионов, войско подняло потрясающий боевой клич и по данному сигналу раздался со всех сторон залп орудий, так что воздух помрачился. Но люди Иосифа, помня его наставления, защитили свои уши от крика и тела от выстрелов; когда же наброшены были наступательные мосты, они ринулись по ним навстречу воинам, прежде чем последние успели ступить ногой на эти мосты. В завязавшемся здесь рукопашном бою с римлянами они совершали чудеса силы и мужества, стремясь в своем безнадежном положении не уступать в храбрости менее угрожаемому противнику. Они не отступали от римлян до тех пор, пока или сами не падали, или не поражали врага. Но так как иудеи, уставая от непрерывной борьбы, не могли пополняться свежими силами, в то время, когда ослабевавшие римляне каждый раз сменялись новыми отрядами и на место отбитых сейчас же выступали другие, то последним удалось, ободряя друг друга боевыми кликами, сплачиваясь в сомкнутые ряды, прикрываясь сверху своими щитами, образовать одну непроницаемую массу [35]. Всей фалангой, точно они срослись в одно тело, они оттеснили иудеев назад и были уже близки к тому, чтобы взобраться на стену.

28. В эту страшную минуту Иосифа надоумила нужда (прекрасная изобретательница, когда отчаяние изощряет находчивость человека) лить на прикрытых щитами солдат кипящее масло. Многие из его людей имели этот материал под руками в большом количестве, словно они запаслись им еще заранее, и со всех сторон полили его на римлян, швыряя в них также и горячо накаленную посуду. Это обожгло римлян и привело их в смятение; под ужасными мучениями они падали вниз со стены, ибо масло и под вооружением легко протекало по всему телу от головы до пяток и обжигало кожу, как пламя, так как масло по природе своей быстро нагревается и благодаря содержимому в нем жиру медленно остывает. Обтянутые своими панцирями и шлемами, римляне не могли освободиться от жгучего масла; прыгая и корчась от боли, они падали с мостов; те, которые бежали назад, сталкиваясь с напиравшими вперед товарищами, были легко побеждены поражавшими их с тылу иудеями.

29. Римлян в их несчастье не покидала, однако, сила, точно так как иудеев находчивость. Видя пред собой ужасные страдания облитых, они тем не менее теснились вперед против обливавших их иудеев, и каждый проклинал предшествовавшего ему в строю, мешавшего ему развернуть свои силы. Иудеи, с своей стороны, чтобы удержать этот новый натиск, прибегли к другой хитрости: они высыпали на доски сваренное греческое сено [36], по которому римляне, скользя, скатывались вниз. Ни те, которые отступали назад, ни другие, которые стремились вперед, не могли удержаться на ногах, но одни, отброшенные назад на мосты, были растоптаны, а другие в большом числе падали вниз на вал и здесь были расстреляны иудеями, так как последние при падении римлян освободились от рукопашного боя и могли теперь сделать употребление из своих стрел. К вечеру полководец приказал солдатам, сильно пострадавшим во время штурма, прекратить битву. Не мало легло в этой битве и еще больше было ранено; из иотапатцев пало мертвыми шесть человек, а унесено раненых свыше 300. Это сражение произошло в двадцатый день Десия [37].

30. Когда Веспасиан, ввиду понесенного поражения, хотел утешить свое войско, он нашел его страшно озлобленным и нуждающимся не в ободрении, но в новом деле. Он велел поэтому еще выше поднять валы и воздвигнуть три башни, вышиной в 50 футов каждая, и обить их со всех сторон железом для того, чтобы они были огнеупорны и вследствие своей собственной тяжести устойчивы. Эти башни он построил на насыпи и поместил в них копьеметателей [38], стрелков и более легкие метательные машины, к тому еще и сильнейших пращников. Скрываемые от глаз иудеев вышиною и брустверами башен, римляне с своей стороны могли все-таки видеть тех, которые стояли на стене, и поражать их стрелами. Иудеи же, не имея возможности спасаться от летевших сверху стрел и защищаться от невидимых врагов, видя также, что с ручными стрелами они с трудом достигают высоты башен и не могут сжечь их стены, обложенные железом, побросали стену и делали вылазки против тех, которые шли на приступ. Так держались иотапатцы. Ежедневно многие из них погибали. Не имея возможности вредить неприятелю, они должны были ограничиваться тем, что с большими жертвами удерживали его подальше от себя.

31. В те дни Веспасиан отрядил начальника десятого легиона, Траяна [39], во главе 1000 всадников и 2000 пехотного войска против соседнего с Иотапатой города Иафы (II, 20, 6), который, ободряемый неожиданным сопротивлением иотапатцев, также примкнул к восстанию. Траян нашел город трудно поборимым, так как, кроме природных укреплений местности, он был защищен двойной стеной; но видя, что жители идут ему навстречу в боевом порядке, он вступил с ними в битву и обратил их в бегство после лишь краткого сопротивления, оказанного ими. Они устремились за первую городскую стену; римляне же, преследовавшие их по стопам, ворвались вместе с ними; они хотели бежать дальше, за вторую стену, но их же сограждане заперли пред ними ворота для того, чтоб вместе с ними не вторглись также и римляне. Бог как будто сам на радость римлянам вверг галилеян в такое несчастье, отдав всю массу народа, оттолкнутую собственными руками сограждан, на заклание кровожадному врагу. Стесненные густыми кучами у ворот, громко обзывая по имени караульщиков, они с мольбой на устах падали под мечами римлян. Первую стену заперли враги, вторую их же сограждане, и так, скученные между двумя обводными стенами, многие закалывали друг друга, многие и сами себя, но бесчисленное множество пало от рук римлян, прежде чем кто нибудь мог подумать об обороне, ибо, кроме страха пред врагами, их поразила еще измена своих друзей. Они умирали, проклиная не римлян, а своих же собратьев. Так легли мертвыми на месте 12 000 человек. Полагая, что город лишился теперь всего своего ратного войска и что оставшиеся в нем из страха ничего не предпримут, Траян отложил взятие города для полководца и отправил послов к Веспасиану с просьбой послать своего сына Тита для довершения победы, Веспасиан, однако, полагал, что предстоит еще борьба, и дал своему сыну отряд из 500 конных и 1000 пеших солдата. Тит поспешно двинулся к городу, выстроил свое войско в боевой порядок и, поручив Траяну команду над

левым крылом, сам во главе правого крыла открыл наступление. Когда солдаты со всех сторон приставили лестницы к стене, галилеяне после краткой обороны отступили от нее. Люди Тита вскочили на стены и быстро заняли город. Но внутри последнего им пришлось еще выдержать ожесточенный бой с иудеями: в тесных улицах бросилась им навстречу самая сильная часть населения, в то время как женщины из домов бросали все, что им попадалось в руки, на головы римлян; шесть часов длилось их сопротивление; но когда пали все бойцы, остальная масса народа на открытых местах и в домах была уничтожена, стар и млад без различия, и никто из мужского пола не был пощажен, за исключением бессловесных детей, которые вместе с женщинами были обращены в рабство. Число убитых в городе и в предшествовавшей битве простиралось до 15 000, число пленников было 2130. Это поражение галилеяне потерпели 25-го числа месяца Десия [40].

32. Самаряне также не избегли несчастья. Они собрались на святопочитаемую ими гору Гаризим и оставались здесь хотя в покое, но в самом этом соединении и во всем их поведении было уже нечто, вызывающее на войну. Поражение их соседей не отрезвило их: невзирая на свои слабые силы, они вздумали поспорить со счастьем римлян и нетерпеливо ждали случая к мятежу. Веспасиан счел самым благоразумным предупредить всякое движение с их стороны и подавить их мятежнические стремления. Ибо хотя во всей Самарии кругом находились римские гарнизоны, тем не менее огромное число и поведение собравшихся на горе должно было вызвать опасения. Он отправил поэтому против них предводителя пятого легиона Цереала с 600 всадниками и 3000 пехоты. Взобраться на гору и вступить в битву с находившимся наверху неприятелем Цереал, ввиду многочисленности последнего, считал неразумным; вместо этого он оцепил подошву горы своими отрядами со всех сторон и наблюдал за ним весь день. Самаряне терпели от недостатка воды и как раз день тогда был неимоверно жаркий; к тому же они не заготовили себе самых необходимых припасов, так что некоторые еще в тот же день умерли от жажды, а многие, предпочитая рабство, такой мучительной смерти, перешли к римлянам. Когда Цереал узнал от них, что и оставшиеся наверху совершенно изнемогли от своих страданий, он поднялся на гору и выстроился кругом, заключив неприятелей в средину. Вначале он их вызывал на добровольную сдачу, уговаривал их не губить самим себя и обещал вместе с тем пощадить жизнь тому, кто положит оружие. Но видя, что его слова не производят никакого впечатления, он напал на них и приказал истребить всю толпу, в общем 11, 600 человек. Это совершилось в 27-й день месяца Десия. Так несчастливо окончили самаряне [41].

33. Между тем как иотапатцы против ожидания все еще держались и несмотря на все ужасы осады оставались твердыми, валы римлян превысили, наконец, на 47-й день городскую стену. Тогда, в тот же день, пришел к Веспасиану перебежчик, который представил ему, как слабы и малочисленны осажденные и как они, изнуренные от постоянного бодрствования и беспрерывной борьбы, не могут противостоять энергичному наступлению. «Хитростью, — продолжал перебежчик, — если к ней прибегнуть, было бы легко овладеть ими, ибо после целой ночи бодрствования, когда они рассчитывают найти отдых от своих бедствий и утренний сон сомкнет глаза истомленных, тогда погрузятся в глубокий сон также и часовые» — вот этот час он советовал избрать для нападения. Веспасиан собственно не доверял перебежчику, так как он знал взаимную верность иудеев и видел, как равнодушно они относятся к наказаниям. Ибо раз уже был такой случай, что пойманный иотапатец выдержал все ужасы пытки, принял, улыбаясь, мученическую смерть на кресте, но не проронил пристававшим к нему с огнем врагам ни единого слова о внутреннем положении города. Однако, искренний тон его показаний внушал доверие к этому изменнику; Веспасиан подумал, — быть может, он и в самом деле говорил правду, во всяком же случае, если в этом кроется коварство, то оно не может иметь для него особенно пагубных последствий. Ввиду этого он, отдав перебежчика под стражу, приказал войску приготовиться к штурму.

34. В указанный час римляне неслышно приблизились к стене. Тит с трибуном Домицием Сабином и некоторыми воинами из пятого и десятого легионов первые взошли на нее. Убив часовых, они тихо заняли город. Вслед за ними трибун Секстий Цереал и Плацид ввели в город свои войска. Крепость была занята, враг стоял посреди города и уже утро настало, а осаждаемые все еще ничего не подозревали; большая часть жителей была обессилена усталостью и сном. Густой туман, спустившийся над городом как раз в то утро, помрачал глаза тех, которые просыпались; и лишь тогда, когда все войско входило в город, они поднялись — поднялись для того, чтобы увидеть свое несчастье и уже под смертельными ударами неприятельского меча убедиться в действительном покорении города. Римляне, помня свои страдания во время осады, не знали теперь ни жалости, ни пощады: они убивала народ, оттесняя его с крутой крепости вниз. Неблагоприятные условия местности отняли у тех, которые еще были способны к бою, всякую возможность самообороны: стиснутые в узких улицах, скользя на отлогих местах, они была задавлены бросившимися на них с крепости воинами. Это побуждало многих, даже самых отборных солдат Иосифа, на самоумерщвление. Не будучи в состоянии убить хотя бы одного римлянина, они, чтобы по меньшей мере не быть убитыми неприятелем, собирались на краю города и сами себя закалывали.

35. Те из боевой стражи, которые при первом открытии неприятеля в стенах города, успели спастись в одну из северных башен, некоторое время сопротивлялись, но, окруженные наконец со всех сторон, они добровольно отдали себя на заклание ворвавшимся солдатам. Римляне могли бы похвастать, что конец осады не стоил им ни одной капли крови, если бы при взятии города не пал один центурион по имени Антоний. Он погиб благодаря измене: один из скрывавшихся в пещере — таких было много — просил Антония протянуть ему руку, как залог дарования ему жизни и чтобы вместе с тем помочь ему вылезть наверх. Антоний был настолько неосторожен, что подал ему свою руку, а тот в это время снизу вонзил ему в подбрюшную полость копье и на месте умертвил его.

36. В тот день римляне уничтожали только те массы людей, которые попадались им на глаза; в следующие же дни они осматривали все норы и лазейки и преследовали скрывавшихся в пещерах и подземных ходах, не щадя при этом никакого возраста и оставляя в живых одних только женщин и младенцев; они собрали всего 1200 пленных. Общее же число убитых при взятии города и в предшествовавших сражениях составляло 40 000. Веспасиан приказал срыть город до основания и сжечь все его укрепления. Так пала Иотапата на тринадцать году царствования Нерона в первый день месяца Панема [42].

Глава ВОСЬМАЯ.

Иосиф, выданный женщиной, решил сдаться римлянам. — Речь его к товарищам, удерживавшим его от этого намерения. — Разговор его с Веспасианом, когда он был приведен к нему, и как Веспасиан с ним поступил.

1. Римляне же, будучи сами ожесточены против Иосифа и зная кроме того, что взятия его в плен сильно желал также и полководец, придававший этому чуть ли не решающее значение для войны, разыскивали его повсюду, как между мертвыми, так и во всех потаенных уголках города. Но Иосиф, вслед за взятием города, точно сопутствуемый Провидением, пробрался сквозь ряды неприятеля и вскочил в глубокую цистерну, сообщавшуюся в одну сторону с незаметной снаружи просторной пещерой, где он нашел сорок знатных людей, снабженных припасами на более или менее продолжительное время. Днем он скрывался здесь, так как все кругом было занято неприятелем; по ночам же он выходил наружу, чтобы отыскивать путь к бегству и выслеживал стражу; но так как именно из-за него все кругом охранялось солдатами и тайное бегство было немыслимо, то он спускался назад в пещеру. Два дня он оставался таким образом ненайденным; на третий же день, когда была взята в плен находившаяся с ними женщина, он был выдан ею римлянам. Веспасиан немедленно поспешил послать двух трибунов, Павлина и Галликана, чтобы те, обещая ему безопасность, склонили его к выходу из пещеры.

2. Они пришли, упрашивали его, ручались ему за жизнь, но не могли его убедить. Не кроткая манера этих послов, а опасения перед тем, что, по всей вероятности, должно было его ожидать за причиненное им римлянам зло, сделали его подозрительным: он боялся, что его вызывают только для казни. Наконец, Веспасиан отправил к нему третьего посла в лице близкого знакомого Иосифа и давнего его друга, трибуна Никанора. Последний явился и рассказал, как кротко римляне обращаются с побежденными и как он, Иосиф, вследствие выказанной им храбрости, вызывает в военачальниках больше удивления, чем ненависти; полководец зовет его к себе не для казни — ведь завладеть им он мог бы, если он даже не выйдет, — но он предпочитает даровать ему жизнь, как храброму воину. Никогда, прибавил он, Веспасиан для коварных целей не послал бы к нему друга, чтобы прикрыть постыдное добродетелью, вероломство дружбой; да сам он, Никанор, никогда не согласился бы придти для того, чтобы обмануть друга.

3. Так как и после просьб Никанора, Иосиф все еще оставался нерешительным, то солдаты, придя в ярость, приготовились уже бросить огонь в пещеру; но начальник их удержал, потому что считал для себя делом чести захватить Иосифа в свои руки живым. В то время, когда Никанор так настойчиво упрашивал, а солдаты так заметно угрожали, в памяти Иосифа выступали ночные сны, в которых Бог открыл ему предстоящие бедствия иудеев и будущую судьбу римских императоров. Иосиф понимал толкование снов и умел отгадывать значение того, что открывается божеством в загадочной форме; вместе же с тем он, как священник и происходивший от священнического рода, был хорошо посвящен в предсказания священных книг. Охваченный как раз в тот час божественным вдохновением и объятый воспоминанием о недавних страшных сновидениях, он обратился с тихой молитвой к Всевышнему и так сказал в своей молитве. «Так как Ты решил смирить род иудеев, который Ты создал, так как все счастье перешло теперь к римлянам, а мою душу Ты избрал для откровения будущего, то я добровольно предлагаю свою руку римлянам и остаюсь жить. Тебя же я призываю в свидетели, что иду к ним не как изменник, а как Твой посланник.

4. После этого он выразил Никанору свое согласие. Но когда скрывавшиеся вместе с ним иудеи заметили, что он уступил просьбам римлян, все они тесно обступили его и воскликнули: «Тяжело будут вопиять против тебя отеческие законы, дарованные нам Самим Богом, тем Богом, который создал иудеям души, смерть презирающие! Ты желаешь жить, Иосиф, и решаешься смотреть на свет Божий, сделавшись рабом? Как скоро забыл ты самого себя! Сколько по твоему призыву умерло за свободу! Слава храбрости, которая тебя окружала, была таким образом ложью; ложь была также и слава о твоей мудрости, если ты надеешься на милость тех, с которыми ты так упорно боролся, и если ты, будь даже эта милость не сомнительна, соглашаешься принять ее из их рук! Однако, если ты, ослепленный счастьем римлян, забываешь сам себя, то мы должны заботиться о славе отечества. Мы предлагаем тебе нашу руку и наш меч: хочешь умереть добровольно, то умрешь ты, как вождь иудеев; если же недобровольно, то умрешь, как изменник!» С этими словами они обнажили свои мечи и грозили заколоть его в случае, если он сдастся римлянам.

5. Боясь насилия над собою, но убежденный вместе с тем, что он совершит измену против божественного повеления, если умрет до возвещения сделанных ему откровений, Иосиф в своем безысходном положении пытался урезонить их доводами разума. «Зачем, друзья мои, обратился он к ним, мы так кровожадны к самим себе? Или почему мы хотим разорвать тесную связь между телом и душой? Говорят, что я сделался иным — верно! Но это и римляне хорошо знают. Прекрасно умереть на поле битвы, — но умереть, как солдат на войне, т. е. от рук победителя. Если б я бежал от меча римлян, то я действительно заслужил бы быть умерщвленным собственным мечом, собственными руками; но если у них является желание спасти врага, то тем естественнее должны мы сами пощадить себя. Было бы безумно, чтоб мы сами причинили себе то, из-за чего мы боремся с ними. Хорошо умереть за свободу — это утверждаю и я, но сражаясь и от рук тех, которые хотят отнять ее у нас. Но

теперь ведь они ни в бой не вступают с нами, ни жизни не хотят нас лишить. Одинаково труслив как тот, который не хочет умереть, когда нужно, так и тот, который хочет умереть, когда не нужно. Что собственно удерживает нас от того, чтобы выйти к римлянам? Не правда ли, боязнь перед смертью? Как же мы непременно хотим причинить себе то, чего мы только опасаемся со стороны врагов? — Нет, говорит другой, мы боимся рабства. — Да, теперь то мы, конечно, вполне свободны! — Герою подобает самому умертвить себя, говорит третий. — Нет, наоборот, это худшая трусость: я, по крайней мере, считаю того кормчего очень трусливым, который, боясь бури, до разгара стихии потопляет свое судно. И кроме того, самоубийство противоречит природе всего живущего, и — это преступление пред Богом, нашим Творцом. Нет ни одного животного, которое бы умирало преднамеренно и убивая самого себя. Ибо таков уже всесильный закон природы, что каждому врождено желание жить. Потому мы и называем врагом того, который открыто хочет нас лишить жизни, и мстим тому, который посягает на нее тайно. И не сознаете ли вы, что человек навлекает на себя Божий гнев, если он преступно отвергает его дары? От Него мы получили наше бытие — Ему мы и должны предоставить его прекращение. Наше тело смертно и сотворено из бренной материи; но в нем живет душа, которая бессмертна и составляет частицу Божества. Если кто растрачивает или плохо сохраняет имущество, вверенное ему другим человеком, то он считается недобросовестным и вероломным; но если кто вверенное ему самим Богом добро насильно вырывает из своего собственного тела — может ли он надеяться, что избегнет кары Того, Которого он оскорбил? Считается законным наказывать беглых слуг, если даже они бросают жестоких господ; а мы не считаем грехом бежать от Бога — лучшего господина? Разве вы не знаете, что те, которые отходят от земной жизни естественной смертью, отдавая Богу его дар, когда Он Сам приходит за получением его, что те люди удостаиваются вечной славы, прочности рода, потомства, а их души остаются чистыми и безгрешными и обретут святейшее место на небесах, откуда они по прошествии веков вновь переселятся в непорочные тела; но души тех, которые безумно наложили на себя руки, попадают в самое мрачное подземное царство, а Бог, Отец их, карает этих тяжких преступников еще в их потомках. Он ненавидит это преступление, и мудрейший законодатель наложил на него наказание [43]. У нас самоубийцы должны быть оставлены не погребенными до заката солнца, в то время когда мы считаем своею обязанностью хоронить даже врагов наших. У других народов принято по закону таким мертвецам отрезать правую руку, которой они лишили себя жизни, чтобы этим показать, что как их тело было чуждо души, так и рука не должна принадлежать телу. А потоку, друзья, следует быть благоразумным и не присовокуплять к человеческому несчастью еще грех пред Нашим Творцом. Если мы желаем жить, то мы сами должны заботиться о своей жизни, и нас нисколько не должно стеснять принятие пощады от тех, которым мы выказали свою доблесть столь многочисленными подвигами. Если же предпочитаем умереть, — хорошо, пусть это совершится через победителей. Я не перейду в ряды неприятеля, чтобы сделаться изменником самому себе; ведь я был бы тогда безумнее настоящих перебежчиков, ибо последние имеют целью спасти свою жизнь, между тем как я шел бы на собственную гибель. Я, однако, желаю себе коварной измены со стороны римлян, потому что если, вопреки их честному слову, я буду казнен, то умру с радостью: это вероломство будет для меня лучшим утешением, чем даже победа».

6. Многое в этом духе говорил Иосиф, с целью отклонить своих товарищей от самоубийства. Но отчаяние сделало их глухими ко всяким вразумлениям; они уже давно посвятили себя смерти, а потому только ожесточались против него. С обнаженными мечами они кинулись на него со всех сторон, называли его трусом и каждый из них был готов заколоть его на месте. Он же, окликнув одного по имени, окинув другого взором полководца, третьего схватив за руку, четвертого урезонив просьбами, сумел в своем горестном положении, обуреваемый разными чувствами, каждый раз отражать от себя смертельный удар, поворачиваясь, подобно зверю в клетке, то к тому, то к другому намеревавшемуся

напасть на него. Так как они и в своей крайней беде все еще чтили в нем полководца, то руки у них опустились, кинжалы упали и многие, которые только что бросались на него с мечами, сами вложили их обратно в ножны.

7. И в этом тяжелом положении Иосифа не покинуло его благоразумие: в надежде на милость Божию он решил рискнуть своей жизнью и сказал: «Раз решено умереть, так давайте предоставим жребию решить, кто кого должен убивать. Тот, на кого падет жребий, умрет от рук ближайшего за ним, и таким образом мы все по очереди примем смерть один от другого и избегнем необходимости сами убивать себя; будет, конечно, несправедливо, если после того, как другие уже умрут, один раздумает и останется в живых». Этим предложением он вновь возвратил себе их доверие; уговорив других, он сам также участвовал с ними в жребии. Каждый, на которого пал жребий, по очереди добровольно дал себя заколоть другому, последовавшему за ним товарищу, так как вскоре за тем должен был умереть также и полководец, а смерть вместе с Иосифом казалась им лучше жизни. По счастливой ли случайности, а быть может по божественному предопределению, остался последним именно Иосиф еще с одним. А так как он не хотел ни самому быть убитым по жребию, ни запятнать свои руки кровью соотечественника, то он убедил и последнего сдаться римлянам и сохранить себе жизнь.

8. Спасенный таким образом из борьба с римлянами и своими собственными людьми, он был приведен Наканором к Веспасиану. Все римляне устремились туда, чтобы видеть его; вокруг полководца все засуетилось и зашумело: одни ликовали по поводу его пленения, другие выкрикивали угрозы, третьи пробивались чрез толпу, чтобы ближе рассмотреть его, более отдаленные кричали: «казнить врага!» Стоявшие поближе вспоминали о его подвигах и изумлялись происшедшей с ним перемене; среди начальников не было ни одного, который, если и был ожесточен против него прежде, не смягчился бы тогда его видом. Тит в особенности, по благородству своему, проникся сочувствием к его долготерпению в несчастии и сожалением к его возрасту. Воспоминание о недавних геройских подвигах Иосифа и вид его в руках неприятеля навели его на размышления о силе судьбы, о быстрой переменчивости счастья в войне и непостоянстве всего, что наполняет жизнь человеческую. Это настроение и сострадание к Иосифу сообщилось от него большинству присутствовавших. Тит также больше всех хлопотал пред своим отцом о спасении Иосифа. Веспасиан приказал содержать его под стражей, но обращаться с ним с большим вниманием и намеревался в ближайшем будущем отправить его к Нерону.

9. Когда Иосиф это услышал, он выразил желание поговорить с Веспасианом наедине. Последний приказал всем присутствовавшим удалиться, за исключением сына своего Тита и двух друзей. Иосиф тогда начал: «Ты думаешь, Веспасиан, что во мне ты приобрел только лишь военнопленника; но я пришел к тебе, как провозвестник важнейших событий. Если бы я не был послан Богом, то я бы уже знал, чего требует от меня закон иудеев и какая смерть подобает полководцам. Ты хочешь послать меня к Нерону? Зачем? Разве долго еще его преемники удержатся на престоле до тебя? Нет, ты, Веспасиан, будешь царем и властителем, — ты и вот этот, твой сын! Прикажи теперь еще крепче заковать меня и охранять меня для тебя; потому что ты, Цезарь, будешь не только моим повелителем, но и властелином над землей и морем и всем родом человеческим. Я же прошу только об усилении надзора надо мной, дабы ты мог казнить меня, если окажется, что я попусту говорил именем Бога» [44]. Веспасиан, как казалось, в первое мгновение недоверчиво отнесся к этим словам, считая их за увертку со стороны Иосифа для спасения себе жизни, но мало-помалу им овладело доверие, так как Бог возбудил в нем мысль о царстве и указал ему еще другими знамениями, что скипетр перейдет к нему [45]. При этом он узнал, как безошибочно еще раньше Иосиф предсказывал будущее. Ибо один из друзей полководца, присутствовавший при этом тайном разговоре, выразил удивление по поводу того, что Иосиф, если все сказанное им не праздная болтовня, направленная лишь к тому, чтобы умилостивить врага, не предвидел раньше

падения Иотапаты и своего собственного пленения? «Совершенно верно, возразил на это Иосиф, он предсказывал иотапатцам, что они по истечении 47 дней попадут в руки неприятеля, а он сам живым будет пленен римлянами» [46]. Веспасиан проверил это показание чрез находившихся у него пленников и нашел его правдивым; тогда он начал уже верить в касавшееся его собственной личности пророчество. Оставив Иосифа, хотя под арестом и в цепях, он все-таки подарил ему великолепную одежду, разные другие драгоценности и продолжал милостиво и ласково обращаться с ним. Оказанию ему этих почестей в значительной степени содействовал Тит.

Глава ДЕВЯТАЯ.

Взятие Иоппии и сдача Тивериады.

1. Четвертого Панема Веспасиан снова выступил в Птоломаиду и оттуда двинулся в приморскую Кесарею [47], (I, 21, б) — один из величайших городов Иудеи, населенный большею частью эллинами. Жители встретили войско и полководца громкими приветствиями и изъявлением полной радости, отчасти вследствие дружеского расположения к римлянам, отчасти же, и еще больше, из ненависти к побежденным. По той же причине целые толпы народа требовали казни Иосифа; Веспасиан, однако, молча отклонил эту просьбу, исходившую от безрассудной массы. Здесь, в Кесарее, он оставил два легиона на зимовку, ибо нашел город приспособленным для этой цели, а чтобы, с другой стороны, не обременить его всем войском, Веспасиан пятнадцатый легион отправил в Скифополь. Климат в Кесарее, расположенной на равнине и у самого моря, приятный и теплый зимой, а летом удушливо жаркий.

2. Между тем изгнанные неприятелем из своих родных пепелищ во время мятежей, а также беглецы из опустошенных городов собрались в немалом количестве и вознамеривались опять укрепить разрушенную Цестием Иоппию (II, 18, 10), чтобы сделать ее убежищем для себя. Но так как проникнуть в страну, завоеванную неприятелем, было не безопасно, то они обратились к морю. Они построили огромное число разбойничьих судов и грабили на пути между Сирией, Финикией и Египтом, и таким образом сделали эти моря опасными для плавания. Веспасиан, услышав об их похождениях, послал в Иоппию конницу и пехоту, которые ночью вторглись в неохраняемый город. Жители его заранее узнали о предстоящем нападении и, не надеясь на возможность защиты, из страха пред римлянами бежали на корабли, где переночевали вне неприятельских выстрелов.

3. Иоппия не имеет природной гавани, так как она окаймлена неровным, крутоспускающимся берегом, еле только загибающимся на обоих концах; но и эти последние состоят из высоких утесов и ниспадающих в море скал. Здесь показывают еще следы оков Андромеды, свидетельствующие о глубокой древности этого сказания [48]. Северный ветер, дующий здесь против берега и нагоняющий на противостоящие скалы свирепые волны, делает рейд еще более опасным, чем открытое море. На этом рейде находились жители Иоппии, когда с наступлением утра поднялась сильная буря (так называемый мореплавателями в тех водах черный северный ветер). Одни из судов она разбила друг о друга, а другие — о скалы. Многие, страшась каменистого берега, занятого к тому еще неприятелем, старались всеми силами выйти в открытое море, но были поглощены бушующими волнами. Некуда было бежать, не было спасения и на месте: ветер гнал их из моря, римляне не впускали их в город. При громких воплях матросов суда каждый раз сталкивались между собою и со страшным треском разбивались друг о друга. Моряки частью уносились набегавшими волнами, частью погибали при крушении кораблей. Иные сами закалывали себя мечами, предпочитая этот род смерти гибели в морской пучине; большинство, однако, унесенное волнами, было разбито о прибрежные скалы. Море было окрашено кровью на далеком расстоянии и берег был усеян множеством трупов, ибо выброшенные живыми на берег были уничтожены стоявшими здесь римлянами. Число

трупов, выброшенных морем, достигало 4200. Завоеванный без меча город римляне сравняли с землей.

4. Таким образом Иоппия в короткое время была во второй раз покорена римлянами. Для того, однако, чтобы пираты вновь не сделали ее оплотом для себя, Веспасиан построил в крепости лагерь и оставил там конницу и немного пехоты, приказав последней находиться на месте и охранять лагерь, а всадникам — грабить окрестности и разорять деревни и соседние к Иоппии поселения. Верное своему назначению войско ежедневно делало нападения и опустошало весь округ.

5. Когда весть о судьбе Иотапаты прибыла в Иерусалим, большинство не хотело сначала этому верить, как ввиду громадности несчастья, так и потому, что не было ни одного очевидца его. Ибо от всего города не уцелел даже вестник: о его же падении повествовала одна только молва, которая вообще охотно подхватываете всякое бедствие. Но мало-помалу правда пробивалась через пограничные округа и предстала, наконец, пред всеми, вытесняя всякое сомнение, хотя к действительным фактам прибавлялись еще и вымыслы. Между прочим рассказывали, что при взятии города погиб также Иосиф. Эта весть наполнила Иерусалим великою скорбью: в то время когда в отдельных домах и семействах всякий из погибших оплакивался своими, плач о полководце был всеобщий. Одни оплакивали людей, оказавших им гостеприимство, другие родственников, третьи друзей или братьев, Иосифа же оплакивали все; 30 дней сряду длился траур в городе. Многие приглашали флейтистов, которые звуками своей музыки сопровождали их заунывные песни.

6. Но когда с течением времени сделалось известным действительное положение и более точная обстановка падения Иотапаты, когда наряду с этим рассеялся вымысел о смерти Иосифа, а выяснилось наоборот, что он жив, находится в руках римлян и пользуется таким обращением со стороны римских военачальников, какого не может ожидать военнопленный, то ожесточение иудеев против живого Иосифа было так же велико, как прежнее их сочувствие к мнимо умершему. Одни поносили его как труса, другие как изменника. Весь город был полон негодования, повсюду раздавались поношения против него. Уже одно поражение ожесточило их, но злая судьба сделала их еще более непримиримыми; то несчастье, которое людей благоразумных заставляет подумать о собственной безопасности и позаботиться о предохранении себя от подобных же бед, подстрекало их на новые опасности; конец одного бедствия был для них всегда началом другого. Ненависть и ярость против римлян удвоилась еще тем, что они хотели вымести на них свою злобу против Иосифа. Так бушевали тогда страсти в Иерусалиме.

7. Веспасиан, желая обозреть царство Агриппы (сам царь пригласил его к себе вместе с войском, для того, чтобы встретить их во всем великолепии своего дома, а с другой стороны, чтобы с помощью римлян укрепить свой шаткий престол), отправился из Кесареи приморской в Кесарею Филиппа [49] (I, 21, 3, II, 9, 1). Здесь он дал своему войску двадцатидневный отдых, провел и сам все это время в постоянных пиршествах и принес Богу благодарственные жертвы за свои победы. Но когда ему было сообщено о волнениях в Тивериаде и отпадении Тарихеи, принадлежавших обе к владениям Агриппы (II, 13, 2), то он, решившись повсеместно подчинить иудеев, признал своевременным предпринять поход против них обеих. С другой стороны, он желал также воздать благодарность Агриппе за его гостеприимство и усмирением этих городов укрепить их за ним. Поэтому он послал своего сына, Тита, в Кесарею для того, чтобы расположенное там войско перевести оттуда в Скифополь (самый большой в области десяти городов [50], близ Тивериады, и, сам отправившись туда, соединился с сыном. Оттуда он выступил с тремя легионами и разбил лагерь в тридцати стадиях от Тивериады, на месте называемом Сеннабром, где мятежники могли его легко видеть. Из этого лагеря он прежде всего отправил декуриона [51] Валериана во главе пятидесяти всадников с поручением попытаться завязать с жителями мирные переговоры и склонить их на сдачу города, так как Веспасиан слышал, что население

собственно страстно желает мира, но оно насилуется отдельной партией, настаивающей на войне. Валериан поскакал туда и, достигнув стены, слез вместе с провожавшими его всадниками с лошади, дабы не подать повода думать, что он намерен вступить в бой. Но прежде чем он начал говорить, ему навстречу бросились вооруженными храбрейшие из мятежников и во главе их предводитель разбойничьей шайки некий Иошуа, сын Сафата. Валериан, который против приказания полководца не мог вступать в битву, даже если бы был уверен в победе, считал кроме того опасным бороться со своими немногими людьми против многих, с невооруженными против вооруженных; к тому еще он был смущен неожиданной смелостью иудеев. Таким образом он бежал пешком и вместе с ним еще другие пять оставили на месте своих лошадей. Иошуа с его людьми повели их ликуя в город, точно они овладели ими в открытом сражении, а не коварством.

8. Но старейшие и знатнейшие граждане, смущенные этим поступком, бежали в римский лагерь и, привлекши раньше на свою сторону царя, припали к Веспасиану с мольбой «принять их милостиво и не наказывать весь город за безрассудство немногих людей. Пусть пощадит он дружественно-расположенное к римлянам население и накажет только зачинщиков восстания, по вине которых они до сих пор, при всем своем желании, не могли сдаться». Полководец, хотя был озлоблен против всего города, за похищение лошадей, уступил, однако, этой просьбе, потому что видел, что и Агриппа сильно озабочен судьбою города. Иошуа и его приверженцы, узнав о милости, обещанной Веспасианом населению, почувствовали себя не безопасными в Тивериаде и бежали в Тарихею. На следующий день Веспасиан послал Траяна с отрядом всадников на горную вершину с целью выследить оттуда настроение населения. Когда он убедился, что жители так же мирно настроены, как и ходатайствовавшие за них представители, он прибыл с своим войском в город. Жители отворили ему ворота и, выйдя навстречу, приветствовали его, как спасителя и благодетеля. Но так как узкий проход в воротах сильно стеснял войско, Веспасиан велел сломать часть южной стены и таким образом расширил ему вход. В угоду царю он воспретил при этом солдатам грабить и совершать насилия против жителей; благодаря ему же, он пощадил также стены, так как царь ручался за верность города в будущем. Таким путем Веспасиан возвратил Агриппе город после того, впрочем, как последний много выстрадал от мятежа.

Глава ДЕСЯТАЯ.

Как была взята Тарихея. — Описание Иордана и Геннисаретского округа.

1. Продолжая дальше свой поход, Веспасиан на пути между Тивериадой и Тарихеей разбил лагерь, который укрепил сильнее, предвидя, что здесь борьба будет более продолжительная, так как все недовольные собрались в Тарихею, надеясь на твердыни города и на озеро, именуемое жителями Геннисаром. Город, лежавший подобно Тивериаде, у подошвы горы, был сильно укреплен Иосифом со всех сторон, где он не был омываем озером, но все-таки не так сильно, как Тивериада. Ибо обводную стену вокруг последней он построил в начале восстания, когда располагал в избытке и денежными средствами и рабочими силами. Тарихея же могла воспользоваться только остатком его щедрости. Зато тарихеяне имели на озере массу лодок, приспособленных, как для бегства в случае поражения на суше, так и для морского сражения. Уже в первое время, когда римляне укрепляли еще свой лагерь, люди Иошуи, не страшась ни численности, ни прекрасной организации неприятеля, сделали вылазку и при первом набеге рассеяли рабочих, разрушили небольшую часть сооружений и лишь тогда, когда они увидели сплачивающихся против них тяжеловооруженных, побежали невредимыми назад к своим. Римляне преследовали их и загнали в лодки; но они отплыли на такое расстояние в озеро, что могли еще стрелять в римлян, затем бросили они якоря и сдвинули суда вместе, чтобы сомкнутыми рядами бороться против стоявших на суше врагов. Между тем Веспасиан услышал, что большая толпа иудеев собралась на равнине перед городом, и выслал против них своего сына с 600 отборных всадников.

2. Когда последний увидел, что неприятель значительно превышает его в количестве, он приказал доложить отцу, что он нуждается в подкреплении. Но заметив, что большинство его всадников готово напасть еще до прибытия вспомогательных отрядов, в то время, как некоторые втихомолку все-таки побаивались численного превосходства иудеев, он стал на такое место, откуда все могли его слышать и сказал: «Римляне! В самом начале моей речи я должен напомнить вам о вашем происхождении для того, чтоб вы знали, кто вы и кто те, с которыми нам предстоит бороться. От наших рук до сего времени еще не ушел ни один народ на всем земном шаре; иудеи же, чтобы сказать что-нибудь и в их пользу, хотя обессилены, все еще не утомлены. Было бы недостойно, если бы мы устали от наших удач, в то время, когда те стойко выдерживают свои неудачи. Я с удовольствием вижу хотя, что вы, на сколько можно заметить, бодро настроены, но я все-таки боюсь, что численность врага может внушить тому или другому тайный страх. А потому пусть каждый еще раз подумает о том, кто он и против кого он будет сражаться; пусть вспомнит также, что хотя иудеи чрезвычайно смелы и презирают смерть, но за то они лишены всякой военной организации, не опытны в сражениях и могут быть названы скорее беспорядочной толпой, чем войском. Что я в противоположность этому должен сказать о вашей военной опытности и тактике? Потому же мы только и упражняемся так с оружием в мирное время, чтобы на войне не нужно было нам считаться силами с неприятелем. Иначе, какая польза от этих постоянных боевых упражнений, если мы будем сражаться с неопытными в одинаковом с ними числе. Вспомните дальше, что вы боретесь в полном вооружении против легковооруженных, на лошадях против пеших, под командой предводителя против плохо управляемой толпы и что эти преимущества значительно умножают вашу численность, тогда как названные недостатки на много уменьшают силы врага. Сражения, наконец, решаются не количеством людей, если даже все они способны к бою, но храбростью, когда она воодушевляет хотя бы менее значительные отряды. Последние легко могут образовать тесно сомкнутые ряды и помогать друг другу, между тем как не в меру большое войско страдает больше от собственной многочисленности, чем от врагов. Иудеями руководит смелость и отвага — последствия отчаяния, которые хотя успехом поддерживаются, но при малейшей неудаче все-таки погасают; нас же ведут храбрость, дисциплина и тот благородный пыл, который в счастье обнаруживает мощную силу, но и при неудачах проявляет крайнюю устойчивость. Независимо от этого, вы боретесь за более высокие блага, чем иудеи. Ибо пусть последние сражаются за свободу и отчизну; но что для нас может быть выше, чем слава и стремление опровергнуть мнение, будто мы, властители мира, нашли в иудеях достойных противников? Мы не должны еще забывать, что нам во всяком случае не угрожает крайняя опасность, ибо близки те, которые придут к нам на помощь, а их очень много. Но мы сами можем пожать лавры этой победы, а потому должны предупредить ожидаемые от моего отца подкрепления, для того чтобы не пришлось вместе с ними делить успех, который вследствие этого сделается еще значительнее. Я полагаю, что этот час будет иметь решающее значение для моего отца, для меня, для вас: достоин ли мой отец своих прежних подвигов, его ли я сын и мои ли вы солдаты! Он привык всегда побеждать и потому я не позволю себе предстать пред его глазами побежденным. А вы? Разве вам не будет стыдно дать себя победить, когда ваш предводитель будет предшествовать вам в опасности? А я, знайте это, намерен так именно поступить; я первый ударю в неприятеля — вы только не отставайте от меня. Будьте убеждены, что Бог будет покровительствовать моему нападению, и верьте, что мы в рукопашном бою достигнем больше, чем стрельбой издали».

3. Удивительная жажда боя охватила солдат после речи Тита, и когда еще до начала битвы к ним примкнул Траян с 400 всадниками, они возроптали, как будто последние хотели отнять у них часть победы. Веспасиан кроме того послал еще Антона Силона с 2000 стрелков для того, чтобы занять возвышения, находящиеся против города, и прогнать борцов со стены. И они действительно, согласно приказу, отразили врагов, которые со стены хотели

помогать своим. Тит на коне первый грянул на неприятеля, за ним с воинскими кликами бросились остальные, которые растянулись вдоль неприятельского фронта по равнине, и таким образом казались гораздо многочисленнее. Иудеи хотя смутились пред стремительностью и стройным порядком римлян, однако выдерживали некоторое время нападение. Но под ударами копий и страшным натиском лошадей они все-таки скоро отступили и были растоптаны. Под неукротимой резней они рассеялись и каждый бежал по возможности быстрей к городу. Тит убивал одних, преследуя сзади, собиравшихся же он вновь рассеивал, других он перегонял и прокалывал спереди, а тех, которые наталкиваясь друг на друга, сбивались с ног и падали, он тут же на месте и умерщвлял. Но всем он старался отрезать доступ к стене, чтобы овладеть ими в открытом поле. Иудеи, однако, напирая всей своей массой вперед, все-таки протеснились в город.

4. Внутри тотчас же поднялся между ними бурный разлад. Коренные жители, дорожа своим имуществом и городом, уже с самого начала не сочувствовали войне, а тем больше теперь, после поражения, иногородние же, которых было очень много, хотели принудить их к этому. В своем страстном споре они так неистово кричали и шумели точно были близки к тому, чтобы взяться за оружие. Когда Тит, стоявший не вдалеке от стены, услышал этот гул, он воскликнул: «Товарищи, удобный час настал! Чего мы медлим, когда сам Бог отдает нам в руки иудеев? Ловите победу! Вы разве не слышите крика? Те, которые бежали от нашего меча, спорят между собою! Город в наших руках, если мы только поспешим. Но кроме поспешности от нас требуется напряжение силы и отвага, ибо ничто великое не дается без риска. Мы должны предупредить не только примирение врагов, которое нужда легко может ускорить, но и прибытие помощи со стороны наших для того, чтобы после победы, одержанной нами при нашей малочисленности над столь превосходными силами, мы одни взяли бы также город».

5. С этими словами он вскочил на своего коня и бросился в озеро, чрез которое в сопровождении других, первый вторгся в город. Его смелость навела панику на людей, стоявших на стене. Никто не отважился ни вступать в бой, ни оказывать сопротивление. Приверженцы Иошуи покинули свои посты и бежали в открытое поле, другие, бежавшие к озеру, пали от рук ринувшихся им навстречу врагов; многие были убиты в ту минуту, когда готовились сесть в лодки, а иные — когда пустились вплавь, пытаясь догнать отчаливших уже от берега. Велика была резня в городе, так как кроме той части пришельцев, которая не успела разбежаться и пробовала защищаться, были истреблены также и горожане. Последние пали, не обороняясь, ибо в надежде на милость, сознавая себя свободными от участия в борьбе с римлянами, они воздерживались от сопротивления. После того, как виновные были убиты, Тит сжалился над жителями и приказал прекратить резню. Бежавшие в озеро, увидя город в руках врагов, уехали подальше от них.

6. Тит отправил всадника, чтоб принести отцу радостную весть о происшедшем. Веспасиан естественно был чрезвычайно рад подвигам своего сына и успеху его похода, которым, как казалось, окончена была значительная часть войны. Он немедленно появился сам и приказал оцепить город, наблюдать, чтоб никто из него не ушел и убивать всякого, который сделает попытку к бегству. На следующий день он вышел на берег и приказал построить плоты для преследования бежавших. При изобилии леса и рабочих плоты скоро были готовы.

7. Геннисаретское озеро [52] получило свое название от примыкающей к нему прибрежной полосы. Оно имеет 40 стадий ширины и 140 длины [53]. Вода его пресна и очень пригодна для питья, ибо она жиже густой воды болотистых озер и прозрачна, так как озеро со всех сторон окаймляется песчаными берегами, и удобочерпаема. Она мягче речной или ключевой воды и при всем этом прохладнее, чем можно ожидать, судя по величине озера. Если оставить воду на открытом воздухе, то она делается холодной, почти как снег; в летнее время жители обыкновенно это делают ночью. В озере водится разного рода рыба, которая

по виду своему и вкусу отличается от рыб других вод. Посредине оно прорезывается Иорданом. Предполагаемый источник Иордана — это Панион, который, впрочем, и сам питается невидимыми подземными притоками, из так называемой Фиалы. Последняя лежит по дороге в Трахонею, в 120 стадий расстояния от Кесареи, невдалеке от дороги, вправо. По своей круглой форме этот бассейн по справедливости прозван Фиалой [54], ибо он имеет вид круга. Вода в нем всегда доходит до края, не понижаясь и не переливаясь. Тетрарх Филипп из Трахонеи впервые указал на эту местность, как на источник Иордана, остававшийся до него неизвестным. Он велел именно бросить в Фиалу мякину, которая показалась опять в Панионе, прежде считавшемся началом реки. Чудная природа Паниона возвеличена царским великолепием, которым с большими затратами украсил ее Агриппа. От пещеры у Паниона начинается видимое течение Иордана; он прорезывает сначала болота и топи Самахонитского озера (IV, 1, 1), уклоняется оттуда в сторону на 120 стадий и протекает мимо города Юлиады (II, 9, 1) посредине Геннисаретского озера, после чего, пройдя еще длинный путь чрез пустыню, впадает в Асфальтовое озеро [55].

8. Вдоль Геннисарета тянется страна того же имени изумительной природы и красоты. Земля по тучности своей восприимчива ко всякого рода растительности, и жители действительно насадили ее весьма разнообразно; прекрасный климат также способствует произрастанию самых различных растений. Ореховые деревья, нуждающиеся больше в прохладе, процветают массами в соседстве с пальмами, встречающимися только в жарких странах; рядом с ними растут также фиговые и масличные деревья, требующие более умеренного климата. Здесь природа как будто задалась целью соединить на одном пункте всякие противоположности; здесь же происходит чудная борьба времен года, каждое из которых стремится господствовать в этой местности. Ибо почва производит самые разнообразные, повидимому, плоды не только один раз, но и в течение всего года беспрерывно. Благороднейшие плоды, виноград и фиги она доставляет десять месяцев в году сряду, в то время, когда остальные плоды по очереди поспевают в продолжение всего года. Кроме мягкого климата, богатому плодородию способствует еще орошение, доставляемое могучим источником, называемым жителями Кафарнаумом. Иные считают его даже за жилу Нила, так как в нем живут такие же рыбы, какие найдены в озере возле Александрии. Полоса эта тянется по берегу одноименного с ней озера на протяжении 30 стадий длины и 30 стадий ширины. Такова природа той местности [56].

9. Когда плоты были построены, Веспасиан снабдил их таким количеством войска, какое он считал необходимым для уничтожения врагов, рассеявшихся по озеру. Последние не могли спасаться на сушу, так как все кругом находилось в руках врагов и не были также в состоянии сражаться на озере, ибо их маленькие, слабой конструкции, лодки, построенные наподобие пиратских, были слишком бессильны против плотов, а редевшие в них воины боялись приблизиться к нападавшим на них густыми рядами римлянам. Однако, они огибали плоты, а время от времени подходили также близко, бросая в римлян камни издали и дразня их перестрелками вблизи. Но оба приема нападения причиняли им самим больше вреда: ибо своими камнями, попадавшими в панцири римлян, они производили одно только постоянное бряцание, в то время как сами себя подвергали действию вражеских стрел; если же они осмеливались подходить близко, то были немедленно побеждаемы, прежде чем могли что-нибудь предпринять, и погибали вместе со своими лодками. Многих, которые пытались пробиваться, римляне прокалывали своими копьями, других, вскочив к ним в лодки, они убивали мечом, а иных они, атаковав своими плотами, брали в плен вместе с их челнами. Если погруженные в воду вновь выныривали на поверхность, их или настигала стрела, иди догонял плоть, а если они в отчаянии начинали цепляться за плоты римлян, последние отрубали им головы или руки. Велико и разнообразно было побоище пока, наконец, остаток, совершенно выбитый из сил и оцепленный на своих судах, не был оттеснен к берегу. Многие из них нашли смерть в озере, прежде чем они достигли берега, многие другие были убиты

после того, как вышли на берег. Все озеро было окрашено кровью и полно трупов, ибо ни один человек не вышел живым. Чрез несколько дней по всей окрестности распространился страшный смрад; не менее ужасен был и вид ее; берега были покрыты обломками судов и раздутыми телами, которые, разлагаясь под знойными лучами солнца, заражали воздух, что не только приводило в отчаяние иудеев, но и внушало отвращение римлянам. Так кончилось это морское сражение. Включая и число еще раньше павших в городе, погибло тогда 6500 человек.

10. По окончании битвы Веспасиан сел в Тарихее на судейское кресло, чтобы отделить людей, нахлынувших извне и вовлекших всех в войну, от жителей города и чтобы совместно с начальниками решить вопрос о том, следует ли их оставить в живых. Все считали помилование их делом опасным: как люди без родины, они наверно не останутся в покое и будут в состоянии принудить к войне силой даже тех, у которых они найдут приют. Веспасиан также признавал, что они не достойны пощады и что они своим спасением воспользуются во вред своим освободителям. Он поэтому останавливался только над тем, каким способом удобнее будет их извести. Убив их на месте, он должен был опасаться нового восстания коренных жителей, которые без сомнения не допустили бы добровольно заклания столь многих просящих; кроме того он сам не мог позволить себе напасть на людей, которые, доверившись его слову, передали себя в его руки. Но его друзья взяли верх над ним, сказав: против иудеев все позволительно и всегда нужно полезное предпочесть достойному, если нельзя и то и другое соединить вместе. Таким образом Веспасиан в двусмысленных словах обещал пришельцам пощаду, но позволил им выступить только по дороге к Тивериаде. Со сладкой верой в свою мечту, ничего дурного не подозревая, открыто неся с собою свои пожитки, они выступили по указанному им пути. Римляне же между тем заняли всю дорогу до Тивериады для того, чтобы никто не завернул в сторону и заперли их в город. Вскоре туда явился Веспасиан, который приказал всем собраться в ристалище. Здесь он приказал стариков и слабых в числе 1200 убить; из молодых он избрал 6000 сильнейших, чтобы послать их к Нерону на Истм [57]. Остальную массу, около 30400 человек, он продал, за исключением тех, которых подарил Агриппе. Царю он предоставил поступить с людьми, бежавшими из его области, как ему заблагорассудится; они, впрочем, были царем также проданы. Остальная масса из Трахонеи, Гавлана, Иппа и Гадары, состояла преимущественно из бунтовщиков, беглецов и других людей, которые были вовлечены в войну постыдными делами, совершенными ими еще во время мира. Они были взяты в плен восьмого числа месяца Горпиая [58].

Конец третьей книги

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА.

Глава ПЕРВАЯ.

Осада и взятие Гамалы.

1. Галилеяне, которые и после взятия Иотапаты продолжали борьбу с римлянами, смирились после победы над иудеями в Тарихее. Римляне заняли все крепости и города, за исключением Гисхалы и гарнизона на горе Итавирионе [1]. К последним примкнула также Гамала — город, лежавший против Тарихеи, по ту сторону озера и составлявший вместе с Соганой и Селевкией (II, 20, 6) границу владений Агриппы. Гамала и Согана принадлежали к Гавлану (первая — к нижней его части, а последняя — к верхней, называемой собственным Гавланом), Селевкия же была расположена на берегу Самахонитского озера [2]. Это озеро

имеет 30 стадий ширины и 60 длины; его топи простираются до чрезвычайно живописной местности Дафны, водяные источники которой питают так называемый малый Иордан и вместе с ним, ниже храма Золотого быка, впадают в большой. Согану и Селевкию. Агриппа в начале восстания привел на свою сторону, Гамала же не сдавалась, так как она еще больше, чем Иотапата, могла надеяться на свое защищенное от природы местоположение. Крутой хребет отделяется от высокой горы и по самой средине образует горб. Последний своей возвышенной частью вытягивается немного в длину и спадает спереди так же круто, как и сзади, так что все в целом изображает из себя вид верблюда, от которого местность эта и получила свое название [3], хотя в произношении туземцев не слышится в точности его происхождение. С боков и спереди местность окружена недоступными пропастями, только сзади недоступность уменьшается, так как с этой стороны Гамала соединена с горой. Жители, однако, прокопав здесь поперечный ров, постарались и с этой стороны отрезать город и сделать его недоступным. Дома, построенные на отвесном боковом склоне холма, лепились и громоздились друг к другу, так что казалось, что город висит в воздухе и вследствие своей покатости готов каждую минуту обрушиться; его наклон был к югу. Такой же точно холм на юге достигает неимоверной высоты и, служа городу как бы крепостью, оканчивается крутым неогороженным никакой стеной обрывом, ниспадающим в глубокую пропасть. Внутри стен, на самой окраине города, находится водяной источник.

2. Таким образом сама природа сделала город почти неприступным. Но Иосиф укрепил его еще больше подземными ходами и окопами. Жители тверже уповали на местоположение города, чем иотапатцы, и хотя они считали в своей среде гораздо меньше бойцов, они все-таки, полагаясь всецело на защищенность местности, никого больше к себе не принимали. Город, впрочем, вследствие его укреплений, был полон беглецов. Благодаря всему этому, он и прежде мог держаться семь месяцев против осадного войска Агриппы.

3. Веспасиан выступил из Аммауса, где стоял лагерем на виду Тивериады (слово Аммаус [4] означает теплые купанья, по находящимся здесь теплым целебным источникам), и двинулся к Гамале. Положение города не давало возможности атаковать его со всех сторон, но на тех местах, где было возможно, Веспасиан расставил посты и приказал также занять гору, господствовавшую над городом. После того, как легионы обычным образом построили лагерь на этой горе, он начал возводить насыпь на задней ее стороне, точно также и на востоке, где на самом высшем пункте города находилась башня, против которой расположились лагерем пятый и десятый легионы. Пятый легион действовал отсюда на центр города, между тем как десятый сравнивал окопы и природные углубления. Царь Агриппа, приблизившись в это время к стене с намерением завязать переговоры со стоявшими на ней людьми относительно передачи города, был ранен в правый локоть камнем, брошенным в него пращником. Его свита сейчас же приняла его в свою среду. Негодование по поводу происшествия с царем, а также страх за самих себя сделали римлян еще более настойчивыми в осаде: они полагали, что люди, которые так ожесточены против соотечественника и доброжелательного советника, перейдут всякие пределы жестокости по отношению к чужим и врагам.

4. Когда насыпи, благодаря обилию рук и опытности римлян в подобных работах, были окончены, они перевезли туда свои машины. Харес и Иосиф, самые могущественные в городе, выстроили в порядок своих вооруженных. Последние не проявляли особенной твердости духа ввиду того, что, не будучи снабжены в достаточной мере ни водой, ни другими жизненными припасами, не надеялись выдержать продолжительную осаду; однако, предводители внушили им мужество и повели их к стене. И действительно, долгое время они отбивали назад солдат, устанавливавших машины, но, обданные стрельбой катапульт и баллист (III, 7, 9), должны были все-таки отступить назад в город. Римляне в трех местах установили тараны и проломали стену. Чрез образовавшиеся бреши, под оглушительные звуки труб, бряцание оружия и воинские клики они вторглись в город и вступили в

рукопашный бой с находившимися внутри него. Иудеи выдержали первый натиск римлян, остановили их дальнейшее наступательной движение и храбро отбили их назад; но теснимые более многочисленным войском, нападавшим на них со всех сторон, они отступили в выше лежавшую часть города. Так как враги напирали и туда, они обернулись, бросились на них и стеснили их всех против крутого обрыва, где римляне, приведенные в узкой неудобной местности в замешательство, были перебиты. Не будучи в состоянии сопротивляться против нападавших на них сверху и не находя выхода, так как они были теснимы еще своими собственными людьми, стремившимися все вперед, они взлезли на крыши неприятельских домов, которые были очень низки, но последние долго не могли выдержать тяжести солдат и мгновенно рухнули. Каждый обвалившийся дом опрокидывал многих стоявших внизу, а эти последние развалили других, стоявших еще ниже [5]. Это стоило жизни множеству римлян; ибо в своей беспомощности они вскакивали на крыши даже тогда, когда видели их уже обрушивающимися. Таким образом многие были похоронены под развалинами, многие изувечены в бегстве, большинство, однако, погибло в удушливой пыли. Гамаляне видели в этом Божью помощь и, не взирая на собственный урон, с еще большей настойчивостью напирали на римлян, искавших убежища на крышах, и с верху расстреливали тех, которые падали, сбиваясь на крутых улицах. Развалившиеся дома доставили им кучи камней, а оружие — убитые враги: у павших они срывали мечи и обращали их против других, боровшихся еще со смертью. Многие, которым грозила опасность упасть вместе с крышами, бросались с них и таким образом сами убивали себя. Даже бежавшим не было так легко спасаться: не зная выходов и кружась в пыльной мгле, они не узнавала своих, сталкивались между собою и резали друг друга.

5. Кто только отыскивал выход, тот спешил прочь из города. Веспасиан все время оставался при своем поражаемом войске. Сердце его дрогнуло при виде как город обрушился над его солдатами; не думая о личной безопасности, сам того не замечая, он протеснился чуть ли не до самой возвышенной части города, где среди величайшей опасности очутился один лишь с очень немногими; при нем не было даже сына его, Тита, находившегося тогда в командировке у Муциана в Сирии. Считая обратное возвращение ни безопасным, ни достойным для себя, он, собрав все свое мужество и вспомнив о пережитых им от самой молодости опасностях, точно охваченный божественным вдохновением, приказал сопровождавшим его сомкнуться телом и оружием в одну массу [6]. Таким образом он оборонялся против устремившихся сверху масс неприятеля и, не страшась ни численности его, ни его стрел, держался до тех пор, пока враг, усмотрев в его мужестве нечто сверхъестественное, умерил нападение. Как только натиск сделался слабее, он шаг за шагом сам отступал, не показывая, однако, тыла, и так вышел за стену города. Множество римлян пало в этой битве, между ними также декурион Эбуций — человек, который не только в том сражении, где он погиб, но и прежде, при каждом случае, выказывал себя истым героем и наносил иудеям много вреда. Центурион, по имени Галл, во время свалки был оцеплен вместе с десятью солдатами; но ему удалось скрыться в какой-то дом. Ночью он услышал, как обитатели этого дома говорили за ужином о том, что жители намерены предпринять в свою защиту против римлян (он с его людьми были по происхождению сирийцы), тогда он бросился на них, убил всех и спасся вместе с солдатами к римлянам.

6. Веспасиан был очень удручен понесенными армией потерями: такое несчастие ее еще нигде не постигало. Последняя же в особенности сгорала от стыда при воспоминании о том, что оставила полководца одного в опасности. Веспасиан поэтому старался утешить ее, но ни единым словом не упомянул о своей собственной особе, не проронил даже ни малейшего упрека и только сказал: «Общие несчастия нужно перенести стойко и не забывать, что по природе войны, никакая победа не дается без кровопролития. Изменчивая фортуна витает всегда над воюющими, переходя то на одну, то на другую сторону. Естественно поэтому, что они, истребившие тысячи иудеев, должны были и сами принести року маленькую жертву. Но

подобно тому, как недостойно чересчур зазнаваться в счастье, точно также малодушно совершенно опускать руки в несчастии. Ибо быстра перемена судьбы, а потому здравомыслящий человек должен сохранять присутствие духа в неудачах и бодро стремиться к возвращению себе потерянного. То, что совершилось на наших глазах, — продолжал он, — произошло не вследствие нашей слабости и не вследствие храбрости иудеев, а только позиция была выгодна для них и убийственна для нас. В этом отношении единственно в чем вас можно упрекнуть, так это в том, что вы увлеклись безумным порывом. Ибо после того, как враги отступили на возвышения, вы должны были остановиться, а не подвергать себя опасностям, угрожавшим сверху; вы должны были занять нижний город, а затем постепенно вызывать бежавших на верх на верный и правильный бой. Вы же в своем горячем стремлении к победе забыли совершенно о собственной безопасности. Но необдуманность в битвах и бешеная горячка не в обычае римлян, а присущи варварам и составляют также главную особенность иудеев; мы же выигрываем сражения своей опытностью и дисциплиной. Мы должны поэтому возвратиться к свойственной нам храбрости и постигшее нас незаслуженное поражение должно вызвать в вас скорее чувство досады, чем упадок духа. Самого верного утешения пусть все-таки каждый ищет в своей собственной руке — тогда вы отомстите за павших и накажете их убийц. Что касается меня, то я останусь тем же, каким был прежде: в каждом бою с недругом я вам буду предшествовать и оставлять поле сражения последним».

7. Такими словами он воодушевил свое войско. Радость гамалян по случаю неожиданной победы была непродолжительна. Вскоре они сообразили, что теперь потеряна всякая возможность мирного соглашения, а надежды на спасение не было никакой, ибо давно уже начали истощаться съестные припасы. Это отняло у них все мужество и лишило их всякой надежды. Однако, они делали еще все возможное для своего спасения; храбрейшие заняли стенные бреши, а остальные охраняли уцелевшие еще части стены. Но когда римляне возвысили свои валы и сделали вторую попытку штурма, очень многие бежали из города частью чрез непроходимые ущелья, где не были расставлены караулы, частью по подземным ходам. Те же, которые страшась плена остались, терзались голодом, так как съестные, припасы для одних только бойцов приходилось собирать отовсюду.

8. И в этом столь тяжком положении они все-таки оставались твердыми. Веспасиан меж тем, как побочное дело, предпринял поход против гарнизона на горе Итавирионе лежащей посредине между Большой равниной и Скифополем. Она подымается на высоту 30 стадий и едва досягаема с северной стороны; на ее вершине расстилается равнина на 26 стадий, вся заключенная укреплениями. Объемистую обводную стену Иосиф построил в 40 дней, в течение которых ему все необходимое, а также вода, доставлялось снизу, так как наверху нет иной воды, кроме дождевой. Так как здесь сосредоточилась огромная толпа иудеев, то Веспасиан послал против них Плацида с 600 всадников. Подняться на гору ему было невозможно. Ввиду этого он манил их к себе вниз обещанием мира и прощения. Они действительно пришли, но с тем, чтобы и ему подставить ловушку. Плацид только потому и завязал с ними мирные переговоры, чтобы завладеть ими в открытом поле, а они делали вид, что предаются добровольно — тоже с целью неожиданно напасть на него. Победила, однако, хитрость Пладида. Как только иудеи пустили в дело оружие, он для вида обратился в бегство и увлек за собою преследующих далеко в поле; здесь же он обратил на них всадников, большую часть уничтожил, а остальной массе отрезал путь на гору. Они покинули Итавирион и бежали в Иерусалим. Собственно же население горы, страдавшее уже от недостатка воды, предало себя вместе с горой в руки Плацида.

9. Из Гамалы между тем смельчаки успели тайно бежать, а слабые были заморены голодом. Боевая же часть жителей выдерживала осаду до 22-го числа месяца Иперберетая [7], когда три солдата пятнадцатого легиона перед началом рассвета подкрались в самую высшую башню, стоявшую насупротив их лагеря, и тихо подкопали ее, между тем

как находившаяся на ней стража не заметила ни их приближения (так как это случилось ночью), ни их присутствия внутри башни. Солдаты бесшумно сдвинули с места пять громаднейших камней и быстро отскочили прочь, после чего башня с грохотом рухнула; вместе с нею свалились и стражи. Находившиеся на других постах караулы бежали в смятении. Многих, которые пытались пробиваться, уничтожили римляне; в их числе пал от выстрела Иосиф (§ 4) в ту минуту, когда он хотел проскочить чрез брешь в стене. Среди жителей города, переполошенных гулом, произошли смятение и паника, как будто все вражеское войско уже вторгнулось. Харес (§ 4), лежавший как раз больным, тогда же испустил дух: страх в значительной доле способствовал смертельному исходу его болезни. Римляне, впрочем, проученные своим прежним поражением, вступили в город только 23-го названного месяца.

10. Возвратившийся в это время Тит, раздраженный ударом, понесенным римлянами в его отсутствии, во главе 200 отборных всадников и части пехоты, соблюдая полнейшую тишину, вступил в город. Караульщики, впрочем, заметили его приближение и с криком бросились к оружию; вскоре его вторжение сделалось известным внутри города; одни тогда схватили своих детей и потащили их вместе с женами с воплем и воем в крепость; другие стали против Тита, но один за другим падали пред ним. Те, которым не удалось спастись на высоту крепости, очутились, в своем безвыходном положении, лицом к лицу с римлянами. Со всех сторон раздавались стоны убиваемых; кровь лилась ручьями по спускам города. Против бежавших в крепость Веспасиан между тем повел все войско. Вершина, обрамленная кругом скалами и едва доступная, подымавшаяся на ужасную высоту и окруженная пропастями, кишела людьми. Иудеи оттуда убивали тех, которые хотели взлезать наверх, других они поражала стрелами и камнями, между тем как их самих, вследствие высокой позиции, занятой ими, стрелы не достигали. Но вдруг, как бы по Божественному велению, на их гибель поднялся противный им ветер, подымавший против них стрелы римлян и уклонявший от цели их собственные стрелы, давая последним косое направление. Гонимые этой бурей, они не могли устоять на лишенном всякой опоры краю обрыва и не могли также уследить за взбиравшимися вверх врагами. Таким образом римляне взлезли и окружили их прежде, чем они успели оказать сопротивление или просить о пощаде. Воспоминание о павших при первом штурме усилило ярость римлян против всех. Многие в отчаянии, обняв своих жен и детей, бросались с ними в бездонную пропасть, зиявшую под крепостью. Ожесточение римлян далеко еще уступало изуверству пленников против самих себя: римляне уничтожили 4000, между тем как в лощине найдено свыше 6000, которые сами бросились туда. Никто не остался в живых, кроме двух женщин. Это были дочери сестры Филиппа, сына превосходного военачальника царя Агриппы, по имени Иакима (II, 17, 4, 20, 1). Они спаслись тем, что скрылись от ярости римлян, ибо последние не щадили даже грудных детей: многих таких младенцев они хватали и швыряли с высоты крепости вниз. Так пала Гамала в 23-й день месяца Иперберетая [8]; начало ее восстания совпало с 24-м днем месяца Горпиая [9].

Глава ВТОРАЯ.

Сдача Гисхалы после бегства Иоанна в Иерусалим.

1. Один только городок в Галилее остался непокоренным — это была Гисхала (II, 21, 1). Население ее, хотя было мирно настроено, так как оно большею частью состояло из земледельцев, все помыслы которых сосредоточивались постоянно на урожае, — но к его несчастью, в среде жителей свила себе гнездо не незначительная шайка разбойников и эта шайка заразила своим образом мыслей также и часть граждан. Человек, который подстрекал их к отпадению и сплачивал в одну силу, был Иоанн, сын некоего Леви — обманщик, человек чрезвычайно коварного нрава, носившийся всегда с обширными планами и умевший ловко их осуществлять; ко всему этому он был склонен к войне, так как он на этом пути, как известно было, надеялся достигнуть власти. Под его командой стояли бунтовщики в Гисхале, присутствие которых было случайной причиной того, что граждане, которые готовы были

вступать в переговоры относительно сдачи города, теперь в боевой готовности ожидали прибытия римлян. Веспасиан послал против них Тита с 1000 всадников. Десятый легион он перевел в Скифополь, а с остальными двумя легионами он сам возвратился в Кесарею для того, чтобы доставить им отдых после тягостей походов и, пользуясь обильными запасами этого города, подкрепить своих солдат телесно и духовно для предстоявших им еще битв. Ибо он хорошо сознавал, что еще не мало трудов ждет его под Иерусалимом — этой царской резиденцией, главным городом всей нации и сборным центром для всех бежавших из предыдущих сражений. Мощный своей природой и укрепленный еще искусственными сооружениями, Иерусалим внушал ему не мало забот. Независимо от укреплений города, он считал и его обитателей, по их непреклонной твердости и храбрости, труднопобедимыми. Ввиду этого он приготовлял своих солдат, как атлетов, к бою.

2. Титу после прибытия его с конным отрядом в Гисхалу было бы легче всего взять ее внезапным нападением. Но зная, что при взятии города с боя, солдаты уничтожают всю массу народа; будучи сам насыщен уже резней и жалея население, которое все поголовно, невинные вместе с виновными, было бы истреблено, он предпочел склонить город к добровольной сдаче. Так как стена вся была покрыта людьми, принадлежавшими большей частью к отчаянной толпе мятежников, то он обратился к ним со следующими словами: «Он удивляется, что им придает духа одним поднять оружие против римлян после того, как пала вся Галилея; они же видели, что города более сильные были разрушены одним ударом, между тем как все те города, которые отдавали себя на милость римлян, наслаждаются теперь своим покоем и безопасностью. Это он и им предлагает теперь и да будет прощена и предана забвению их самонадеянность. Простительна еще их надежда на свободу, но не настойчивое стремление к несбыточному. Если они не примут его дружеского совета и милостивого предложения, тогда они узнают, как беспощадно римское оружие и увидят сейчас, что покорение таких стен для римских осадных машин составляет только детскую игру. Если же они опираются на эти стены, то доказывают этим только то, что они одни из всех галилеян при своей беспомощности наказаны еще самоуверенностью».

3. Жители не только не имели возможности дать на это какой-либо ответ, но ни один из них не мог даже взойти на стену, ибо последняя была вся занята разбойниками, а у ворот стояли стражи для того, чтобы никто не вышел для переговоров или не привел в город всадников. Один Иоанн ответил: «Он лично согласен на это предложение и добрыми ли словами или силой заставить также и других принять его. Но этот день (это было как раз в субботу) он, по закону иудеев, должен праздновать и ведение мирных переговоров ему возбранено все равно, как ведение войны. Римлянам также хорошо известно, что в каждый седьмой день недели иудеи не имеют права заниматься никакими делами. Заставить переступить такой запрет было бы таким же тяжелым грехом, как дать себя принудить к этому. Но эта отсрочка не может Титу принести никакого вреда, ибо что можно предпринять в течение одной ночи, кроме разве бегства, а этому Тит может воспрепятствовать, установив охрану над городом. Для них чрезвычайно важно не нарушать ни одного установления из отеческих законов; ему же, дарующему им, сверх ожидания, мир, подобает также уважать законы тех, которых он хочет спасти». Так он говорил только с целью обмануть Тита; ему не так была дорога суббота, как его собственное спасение. Он боялся именно, что после взятия города его все покинут, между тем как ночью он мог надеяться спастись бегством. По Промыслу Божию, решившему сохранить Иоанна на гибель Иерусалима, Тит не только удовлетворил его коварную просьбу об отсрочке, но и отодвинул свой лагерь далеко от города, более к Кидессе. Это — укрепленный городок на тирской границе, находившийся в постоянной вражде и неприязни с галилеянами. Он был густо населен и имел укрепления, на которые мог опираться в своих распрях с туземцами.

4. Ночью, когда римские караулы снялись с своих постов и удалились, Иоанн, улучив удобный момент, поднялся не только с преданными ему вооруженными воинами, но и с целой

толпой неспособных к бою людей и их семействами и вместе с ними бежал по направлению к Иерусалиму. Только 20 стадий мог он, трепеща сам за свою жизнь и свободу, таскать за собою толпу женщин и детей; в дальнейшем же своем торопливом бегстве он их покинул. Ужасен был вопль брошенных на произвол судьбы: чем больше они удалялись от своих близких, и родных, тем ближе казался им враг. Они уже начали представлять себе чуть ли не за спиною тех, которые возьмут их в плен, и в паническом страхе оглядывались назад при каждом шуме, произведенном их собственным бегством, как будто неприятель их уже настиг. Многие сбились с пути и завязли в непроходимых местностях, а многие, спеша обогнать друг друга, были растоптаны на дороге. Женщины и дети погибли самым жалким образом. Иные имели еще настолько сил, чтобы звать к себе своих мужей и родственников и трогательно умоляли их подождать их. Но еще неумолимее звучал приказ Иоанна, чтоб они спасали самих себя и бежали бы туда, откуда они будут в состоянии мстить римлянам и за покинутых, если последние будут ими похищены. Таким образом рассеялась толпа беглецов, смотря по той прыткости и ловкости, какою каждый из них обладал.

5. На следующий день под стенами Гисхалы появился Тит для окончания переговоров. Жители открыли ворота, вышли ему навстречу со своими семействами и приветствовали его как благодетеля и освободителя города от его притеснителей. Тут же они доложили ему о бегстве Иоанна и просили его их самих пощадить, а по вступлении в город наказать оставшихся еще в нем сторонников мятежа. Не соглашаясь сейчас на просьбы народа, Тит немедленно отрядил отделение всадников для преследования Иоанна. Его самого они не догнали, так как он уже достиг Иерусалима, но из людей, бежавших вместе с ним, они убили около 6000, а около 3000 женщин и детей они оцепили и погнали назад. Тит хотя был раздражен тем, что сейчас же не мог наказать Иоанна за его обман, но за эту неудавшуюся месть он нашел достаточное удовлетворение в массе пленных и убитых и с громким ликованием вступил в город. Солдатам он приказал по военному обычаю разрушить часть стены. Нарушителей покоя в городе он старался обезвредить больше угрозами, чем наказаниями, ибо он опасался, что, при выделении виновных из массы населения, многие из личной ненависти и вражды могут выдавать и невинных; а потому он счел за лучшее держать виновных в постоянном страхе, чем вместе с ними погубить хотя бы одного невинного. Первые, надеялся он, из страха пред наказанием и из благодарности за помилование, быть может, сами постараются загладить свою вину, между тем как казнь невинных ничем нельзя будет поправить. Для того, однако, чтобы обеспечить за собою город, он оставил здесь гарнизон, посредством которого надеялся отрезвить беспокойные головы и ободрить приверженцев мира. Этим закончено было подчинение всей Галилеи, стоившее римлянам много пота.

Глава ТРЕТЬЯ.

О Иоанне из Гисхалы, зелотах, первосвященнике Анане и об их взаимных распрях.

1. При вступлении Иоанна в Иерусалим весь народ устремился навстречу, и вокруг каждого сопровождавшего его беглеца собрались большие толпы, которые осведомлялись о несчастных событиях, происшедших в провинции. Уже одно их хриплое и отрывистое дыхание обнаруживало их жалкое положение. При всем этом у них еще хватало духа хвастать и утверждать, что они не бежали от римлян, а пришли только для того, чтобы бороться против них с более сильной позиции; да и было бы неразумно и бездельно рисковать жизнью за Гисхалу и подобные ничтожные городки, вместо того, чтобы сберегать силы и оружие для столицы. Далее они рассказали о взятии Гисхалы, причем для многих стало ясно, что их разукрашенное, так называемое отступление было не что иное, как бегство. Когда же, наконец, сделалась известной участь пленных, весь народ приуныл, ибо он видел в этом предзнаменование своей собственной гибели. Иоанн, однако, не дал чересчур обескуражить себя судьбой брошенных им в пути; обращаясь ко всякому отдельно он старался возбуждать в них надежды и ободрять их к войне, превознося их силы и средства

и низводя на степень ничтожества силы римлян. Издеваясь над простотой и неведением людей, он говорил: «римляне, которые уже под деревнями Галилеи так много потерпели и разбивали свои военные машины, никогда не будут в состоянии перешагнуть чрез стены Иерусалима, если даже они вооружатся крыльями».

2. Такими речами он вскружил головы значительной части молодежи и вдохновил ее на войну; но люди рассудительные и более солидного возраста все без исключения предвидели грядущее и оплакивали город, как будто он уже пал. Таким образом среди жителей возник раскол. Но еще раньше, чем вспыхнуло междоусобие в Иерусалиме, было уже раздвоено население провинции. Произошло это — когда после прибытия Тита из Гисхалы в Кесарею Веспасиан выступил оттуда против Иамнии (I, 2, 2) и Азота (I, 7, 7), покорил их обоих, оставил там гарнизоны и с большой толпой сдавшихся ему жителей возвратился назад. Тогда в каждом городе начались волнения и междоусобицы. Едва только эти люди вздохнули свободно от ига римлян, как они уже подымали оружие друг против друга. Жаждавшие войны вели ожесточенную борьбу с друзьями мира. В первое время борьба возгоралась между семействами еще раньше жившими не в ладу между собою; но вскоре распадались и дружественные между собою фамилии; каждый присоединялся к своим единомышленникам и в короткое время они огромными партиями стояли друг против друга. Междоусобицы таким образом везде были в полном разгаре. Но партия, приверженная к восстанию и войне, состоя из молодых и смелых людей, одерживала верх над старшими и рассудительными. Вначале только единичные личности из местных жителей принимались за разбойничье дело, но мало-помалу они собирались в шайки и грабили деревенских жителей, нисколько не уступая в жестокости и противозакониях врагам-римлянам, так что пострадавшим от них римское ярмо казалось уже более сносным.

8. Гарнизоны, расположенные в городах, частью из злобы за перенесенные ими невзгоды, частью из ненависти к иудеям, не оказывали преследуемым никакой поддержки или ограничивались самой незначительной помощью. Таким образом начальники рассеянных повсюду разбойников, насытившись грабежами в провинции и сплотившись в одну разрушительную шайку, незаметно вторгались в Иерусалим, лишенный тогда верховного объединяющего руководителя и принимавший по древнему обычаю всех единоплеменников без всяких мер предосторожности, тем более, что всякий смотрел на этих пришельцев, как на людей приходящих с добрым намерением оказывать помощь. Но и независимо от мятежа они впоследствии еще больше усугубляли бедственное положение города; ибо, благодаря нахлынувшей бесполезной и праздной массе, съестные припасы, которых быть может хватило бы для воинов, были скоро съедены, а это прибавило к войне еще голод и междоусобие.

4. Другие разбойничьи шайки, прибывшие в город, соединялись с худшими элементами, находившимися уже в нем, и сообща совершали самые гнусные насилия. Испробовав свои силы на кражах и грабежах, они скоро перешли к убийствам; убивали же они не ночью или тайно и не простых людей, а открыто среди белого дня и начали с высокопоставленных. Первого они схватили в плен и заключили в тюрьму Антипа — человека царского происхождения, одного из могущественнейших в городе, которому даже доверялась государственная казна; за ним Леви, также знатного мужа, и Софу, сына Рагуела — оба они также были царской крови; а затем — всех вообще, пользовавшихся высоким положением в стране. Страшная паника охватила весь народ, и, точно город был уже завоеван неприятелем, каждый думал только о собственной безопасности.

5. Одно только пленение названных людей было для них недостаточно. С другой стороны, они считали не безопасным долгое содержание в заключении столь важных людей, так как далеко разветвлявшиеся семейства последних были бы конечно в состоянии освободить их; вместе с тем они боялись, что исполненный негодования народ может восстать против их беззаконий. Ввиду этого они порешили извести их совсем и предназначили для этой цели самого услужливого из своей среды палача, некоего Иоанна,

называвшегося на отечественном языке «сыном газели» [10]. Последний отправился в тюрьму с десятью вооруженными, которые помогли ему умертвить пленных. Для оправдания этого ужасного преступления они выдумали неудачный повод, будто «заключенные вели переговоры с римлянами относительно передачи города, а они, убийцы, устранили только изменников народной свободы». Итак, они еще выхваляли свое злодейство, точно они этим облагодетельствовали и спасли город.

6. Приниженность и робость народа рядом с неистовством названной партии усугублялись до того, что последняя присвоила даже себе право избрания первосвященников. Она отвергла привилегии тех фамилий, из которых по преемственности назначались первосвященники, и выбирала простых людей низкого звания для того, чтобы в них иметь сообщников своих насилие; ибо люди, достигшие высшего достоинства без всяких заслуг, должны были служить послушным орудием в руках тех, которым они обязаны были своим положением. Тех же, которые еще могли препятствовать им, они путем разных интриг и наушничаний восстановили друг против друга и затем воспользовались их взаимными распрями для своих целей. Так, наконец, они, пресыщенные преступлениями против людей, обратили свою наглость и против Бога и с оскверненными ногами вторглись в Святая-Святых.

7. Но тогда против них поднялся народ, подстрекаемый на то старейшим из первосвященников, Ананом (II, 20, 3) — в высшей степени умным человеком, который, если бы избежал рук палачей, быть может и спас бы город [11]. Разбойники же превратили тогда храм Божий в укрепление против грозных волнений народа; святыня служила им исходным пунктом для тирании. К своим злодействам они присовокупили еще издевательство, действовавшее еще чувствительнее, чем первые. Они хотели именно испытать, как далеко простирается страх народа пред ними, и испробовать вместе с тем свои собственные силы — а вот они осмелились избрать первосвященников по жребию в то время, как сан этот, как мы уже заметили, переходит по наследству [12]. Для оправдания своего дерзкого нововведения они ссылались на какой-то древний обычай и уверяли, что и в былые дни первосвященническое достоинство давалось по жребию. В сущности же это было уничтожение бесспорного закона — средство к возвышению их власти, к насильственному захвату высшего достоинства, к чему они собственно и стремились.

8. Таким образом они созвали одно из священнических отделений, называемое Элахимом [13], и выбрали первосвященника по жребию. Случайно жребий выпал на человека, личность которого ярко осветила все безумие их затеи, на некоего Фаннию [14], сына Самуила из деревни Афты. Он не только не был достоин носить звание первосвященника, но был на столько неразвит, что не имел даже представления о значении первосвященства. Против его воли они потащили его из деревни, нарядили его, точно на сцене, в чужую маску, одели его в священное облачение и наскоро посвящали его в то, что ему надлежит делать. Для них это гнусное дело было только шуткой и насмешкой, другие же священники обливались слезами при виде того, как осмеивается закон, и стонали над профанацией священных должностей.

9. Такую дерзость народ не мог уже снести, — все поднялось для свержения тирании. Влиятельнейшие мужи, Горион, сын Иосифа, и Симеон, сын Гамалиеля, разжигали народ в собраниях и в речах, обращенных к отдельным личностям, и побуждали их наказать, наконец, губителей свободы и очистить святилище от кровопийц. И самые уважаемые из первосвященников, Иошуа сын Гамалы и Анан сын Анана, открыто в собраниях упрекали народ в бездеятельности и подстрекали его против зелотов (ревнителей). Так именно они себя назвали, точно они ревностно преследовали хорошие цели, между тем как в действительности они все свое рвение прилагали к дурным делам и в этом отношении превосходили самих себя.

10. Когда народ собрался толпой и все было полно негодования против занятия храма, грабежей и убийств (хотя никто еще не решался сделать шаг к мщению, так как зелоты, по справедливости, считались трудно победимыми), среди собрания поднялся Анан, который,

несколько раз возведя к храму влажные от слез глаза, сказал: «Лучше бы мне умереть, чем видеть дом Божий полным стольких преступлений, а высокочтимые святые места оскверненными ногами убийц. Но, одетый в первосвященническое облачение и неся благоговейнейшее из священных имен [15], я охотно живу и не жалею о том, что меня еще не постигла славная смерть, достойная моего преклонного возраста. Т. е. я рад, что я, несмотря на свой преклонный возраст, еще жив, потому что надеюсь, что мне удастся совершить доброе дело и спасти вас и священный город. Конечно, если я останусь один, как в пустыне, тогда я готов один жертвовать Богу свою душу. Ибо на что мне жизнь среди такого народа, который не сознает своих ран, который потерял способность чувствовать свое горе в то время, когда его уже можно осязать руками. Вас грабят, а вы остаетесь равнодушными, вас бьют и вы молчите, над убитыми даже никто не смеет громко стонать. Какая жестокая тирания! Но зачем я порицаю таранов? Разве они не вскормлены вами же и вашим долготерпением? Не вы ли сами своим молчанием давали первоначальным немногочисленным сборищам разрастаться в целые орды? Не вы ли своей беспечностью позволяли им вооружаться, обратив свое оружие против самих себя, вместо того, чтобы отбить первые их нападения и дать им отпор еще тогда, когда они глумились над своими ближними? Вы сами вашим равнодушием поощряли этих злодеев на разбои. Когда они опустошали дома, никто из вас словом не обмолвился, и не удивительно, поэтому, что они также убивали их владельцев! Когда последних волочили по всему городу, никто не приходил им на помощь! Когда мучили цепями выданных вами людей — не хочу сказать сколько и каких — но никем необвиненных и без суда, никто не заступался за обремененных оковами. Последствием всего этого было то, что мы в конце концов увидели их казненными. Мы видели своими глазами, как точно из стада неразумных животных, каждый раз похищается лучшая жертва. Никто не подымал даже голоса, не говорю уже о том, чтобы кто-нибудь шевельнул рукой. Но теперь вы опять будете терпеть? Вы будете терпеть, когда топчут ногами святилище? Если вы сами шаг за шагом протоптали этим злодеям дорогу к преступлению, то неужели вы еще и теперь не тяготитесь их властью над собою? Ведь они теперь пойдут еще дальше, если только найдут для опустошения что нибудь более великое, чем храм. В их руках находятся уже самое укрепленное место города — разве иначе можно теперь назвать храм? — с которым они обращаются как с какой-нибудь крепостью или гарнизонным пунктом. Если из-за этой крепости угрожает вам такая жестокая тирания, если вы видите ваших врагов над вашими головами, то о чем вы еще думаете, чем вы можете себя успокоить? Вы ждете римлян, чтобы они пришли на помощь вашим святыням? Такое ли положение города и так ли мы уже беспомощны, чтоб враги должны были сжалиться над нами? А сами вы, несчастные, не восстанете? Не отразите направленных против вас ударов? Не сделаете даже того, что животные делают, и не будете мстить тем, которые вас бьют? Не хотите вы воскресить в памяти каждое отдельно совершенное злодеяние, чтобы под свежим впечатлением пережитых мук воодушевиться на месть? Убито таким образом в вас самое благородное и естественнейшее чувство — любовь к свободе. И мы, значит, превратились в рабские натуры и лакейские души, точно мы рабство получила в наследие от наших предков. Но нет, они за свою самостоятельность вели многие и великие войны, они не отступали ни пред мощью Египта, ни пред мидянами, лишь бы только не подчиняться чужой воле! Однако, зачем я вывожу наших предков? Вот настоящая война против римлян, целесообразность и полезность которой я теперь не хочу разбирать, чем она вызвана — разве не желанием свободы? Если же мы не хотим покориться владетелям мира, то должны ли мы терпеть над собою тиранов из нашей же среды? Подчиненность чужеземцам может быть еще объяснена единичным неблагоприятным случаем; но если гнут спину пред худшими из своих сограждан, так это трусость и самоотречение. Так как я упомянул здесь о римлянах, то я не хочу скрыть от вас, какая мысль мне пришла при этом в голову: мне кажется, что если бы мы были покорены римлянами, от чего храни нас Бог, нам не пришлось бы терпеть от них больше, чем от тех. Разве можно удержаться от слез при виде того, как в храме, где можно даже видеть

приношения от самих римлян, соотечественники прячут добычу, доставшуюся им от истребленной ими столичной знати и умерщвления таких людей, которые, если бы победили сами, то пощадили бы их! Сами римляне никогда не переступали чрез порог даже неосвященных мест, не нарушали ни одного из наших священных обычаев, со священным страхом они только издали смотрели на ограду храма; а люди, выросшие в нашей стране, воспитанные на наших законах и носящие имя иудеев, рыщут среди Святая-Святых в то время, когда их руки дымятся еще кровью их соотечественников! Должны ли мы бояться войны с внешними врагами, когда они в сравнении с нашими единоплеменниками более человечны? Если называть вещи их настоящими именами, тогда мы найдем, что блюстителями наших законов были именно римляне, между тем как их враги находятся среди нас. Что эти изменники свободы должны быть уничтожены и что никакая кара, какую только возможно придумать, не может служить достаточным возмездием за их гнусные дела — это убеждение, я надеюсь, вы все принесли уже с собой и еще до моей речи вы достаточно были ожесточены против них теми страданиями, которые вы перенесли. Только иные из вас, быть может, страшатся их многочисленности, смелости и их выгодных позиций. Но так как во всем виновато ваше бездействие, то дальнейшей вашей медлительностью все это еще больше ухудшится; ибо с каждым днем их рать увеличивается новыми приливами, каждый день к ним прибывают все новые единомышленники. Их смелость поощряется именно тем, что они до сих пор не наталкивались ни на какое препятствие; теперь же, если вы только дадите им время, то они своим преимущественным положением против нас воспользуются еще для того, чтобы употребить силу оружия. Но если мы подымимся против них, то, верьте мне, нечистая совесть ввергнет их в страх, сознание вины превратит в ничто преимущество их возвышенной позиции. Быть может также поруганное Божество обратит их выстрелы против них самих и поразит нечестивцев их собственными стрелами. Покажемся только им — и они погибли! А если даже с этим связана опасность, так вы должны почесть за славу умереть пред священными воротами и отдать жизнь, если не за жен и детей, то за Бога и Его святилище. Я словом и делом буду предшествовать вам. Все, что вы только придумаете для вашей безопасности, будет предпринято, и вы увидите, что и я сам не буду щадить себя».

11. Этими словами Анан старался возбудить народ против зелотов, хотя он сам не мог скрыть от себя, что последние по своей многочисленности, юношеской силе и твердости, а главным образом сознанием достигнутых успехов трудно победимы. От них можно было ожидать самого отчаянного сопротивления, так как они не могли надеяться на прощение их преступлений. Тем не менее он решился рискнуть всем, а не оставить положение дел в таком хаотическом виде. Народ также требовал, чтоб он их повел против тех, на борьбу с которыми он вызывал их, и каждый горел желанием первым броситься в опасность.

12. Между тем как Анан избирал и выстраивал способных к бою, зелоты узнали о готовящемся на них нападении; они имели людей, которые передавали им обо всем происходившем в народе. Исполненные ожесточения, они хлынули из храма, то сомкнутыми рядами, то мелкими партиями и беспощадно уничтожали все, что встречалось им на пути. Быстро собрал Анан народ, который хотя превосходил зелотов в числе, но уступал им в вооружении и стойкости строя. Однако, жажда боя пополняла пробелы в обоих лагерях: находившиеся в городе были исполнены такого ожесточения, которое было сильнее всякого оружия; скрывавшиеся в храме обладали такой смелостью, которая не страшилась никаких превосходных сил. Первые считали невозможным дальше оставаться в городе, если не избавиться от разбойников; зелоты же предвидели для себя, в случае своего поражения, жесточайшие кары. Таким образом они, полные ярости, бросились друг на друга, перекидываясь вначале камнями в городе и пред храмом и издали пуская в ход стрелы, но как только часть обратилась в бегство, победители взялись за мечи. Множество пало мертвыми с обеих сторон и многие были ранены. Раненные из среды народа были унесены домой своими родственниками; раненные же зелоты возвращались в храм и своей кровью

смачивали священную землю; можно сказать, что уже одна их кровь была осквернением для святыни. Разбойники хотя при всяком новом столкновении все больше одерживали верх, но и число народных бойцов росло вместе с их ожесточением. Порицая малодушие отступавших, они отрезывали им путь к бегству и гнали всю массу вперед, на врагов. Последние не могли больше устоять против натиска и шаг за шагом пятились назад к храму; вслед за ними туда же вторглись и люди Анана. Ужас охватил зелотов, когда они потеряли первую обводную стену: они бросились внутрь и поспешно заперли за собою ворота. Анан не мог решиться штурмовать священные ворота, тем более, что враги метали сверху стрелы; кроме того, он считал грехом, в случае даже победы, ввести в храм народ без предварительного очищения. Ввиду этого он избрал из числа всех по жребию около шести тысяч хорошо вооруженных и расставил их в виде стражи на колоннадах; их места замещали затем другие, так что по очереди все должны были исполнять эту службу; однако многие из сановных лиц освобождались руководителями движения от этой обязанности, но зато они должны были вместо себя посылать наемных людей из бедного сословия.

13. Виновником всеобщего несчастья был тот Иоанн, который, как мы рассказали (2, 2, 3, 1), бежал из Гисхалы — опасный интриган, томимый в душе болезненной страстью к деспотической власти и давно уже питавший тайные замыслы против государства. В то время он под маской преданного народу сопровождал повсюду Анана, когда последний совещался днем с начальниками или проверял ночью стражу. Всякие тайны он передавать зелотам, так что малейшее намерение народа, еще прежде чем оно было достаточно обдумано, чрез него уже делалось известным врагам. Чтобы не возбуждать никакого подозрения, он даже был чересчур услужлив к Анану и другим народным представителям; но его заискивание имело совершенно обратное действие тому, чего он хотел достигнуть: его пошлая лесть навлекла на него еще большие подозрения, а его присутствие везде, куда его и не приглашали, служило только подтверждением того, что он выдает тайны. Замечено было, что враги посвящались всегда во все народные решения, и никому нельзя было с большей вероятностью приписать это предательство, как именно Иоанну. Устранить же его было не так легко, ибо он был способен на самые мерзкие дела, происходил вообще не из низкого рода и кроме того пользовался покровительством многих, принимавших участие в общественных делах [16]. Ввиду этого решено было потребовать от него присягу в верности. Иоанн без колебания присягнул быть всегда верным народу, не выдавать врагам никакого решения или действия народа, а словом и делом содействовать сокрушенно тех, которые взялись за оружие. Анан и его окружающие уверовали в его клятву и, отбросив всякое подозрение, позволяли ему отныне участвовать в их совещаниях. Мало того, они даже избрали его своим послом к зелотам для переговоров о прекращении распри. Ибо они прилагали все старания к тому, чтобы не осквернять храма и не допускать убийства в нем никого из соотечественников.

14. Иоанн же, точно он присягнул в верности зелотам, а не их противникам, пришел к первым, стал среди ними и произнес: «Уже не один раз он из-за них подвергал себя опасностям, но не оставлял их в безызвестности насчет того, что задумывала против них партия Анана; ныне же он может погибнуть вместе с ними, если сам Бог не придет им на помощь. Анан не хочет выжидать больше: уговорив народ, он отправил послов к Веспасиану с просьбой придти, как можно скорее, и захватить город в свои руки. На следующий день объявлена жертва очищения для того, чтобы под предлогом богослужения или силой вторгнуться и вступить в битву с ними. А потому он не думает, чтоб они долго еще могли выдержать осаду или противостоять столь превосходным силам». К этому он прибавил еще: «Богу угодно было, чтобы он был прислан в качестве посредника для мирных переговоров; но эти переговоры Анан затеял только для того, чтобы напасть на них врасплох. Они должны поэтому для спасения своей жизни или просить пощады у осаждающих, или искать себе помощи извне. Те же, которые в случае поражения надеются еще на милость, те, вероятно,

забыли о своих собственных грешках, или быть может они воображают, что за раскаянием виновных непременно должно последовать прощение потерпевших. Но часто преступники при всем своем раскаянии остаются презренными, и жажда мщения оскорбленных, как они только получают власть в свои руки, делается еще сильнее. Во всяком случае им всегда будут угрожать друзья и родственники убитых, точно также и масса народа, которая сильно ожесточена против нарушения законов и ниспровержения легального порядка. Если бы даже одна часть и была склонна к прощению, то она исчезла бы в массе жаждущих мщения».

Глава ЧЕТВЕРТАЯ.

Идумеяне, призываемые зелотами, быстро являются в Иерусалим, но не будучи впущены, проводят ночь вне города. — Речь первосвященника Иошуи и ответная речь идумеянина Симона.

1. Такой коварной ложью он навел панику на всю толпу. Что именно он подразумевал под помощью извне, он хотя не решался высказывать ясно, но намекал на идумеян. Для того, чтобы разжигать еще вожаков зелотов каждого в отдельности, он представил им ложное описание жестокости Анана и прибавил, что его угрозы, главным образом, направлены лично против них. Эти вожаки были Элеазар сын Симона (II, 20, 3), славившийся в особенности своей изобретательностью и уменьем осуществлять задуманное; далее Захария сын Фалека [17] — оба из рода священников. Последние, услышав об угрожающей их собственной личности опасности, и что, кроме того, партия Анана, чтобы завладеть высшей властью, хочет призвать себе на помощь римлян (и эта ложь была присовокуплена Иоанном), некоторое время находились в нерешительности насчет того, что им предпринять в столь короткий срок, оставшийся еще в их распоряжении. Они думали, что народ готовится уже к нападению и что близость осуществления этого намерения почти уже отрезала от них всякую внешнюю помощь, ибо еще прежде чем кто-либо из их союзников узнает об их положении, оно может сделаться крайне опасным. Ввиду этого было решено призвать идумеян. Они написали им краткое письмо следующего содержания: «Анан обманывает народ и хочет предать столицу римлянам; они сами, отделившиеся от него во имя спасения свободы, осаждены в храме. Времени для спасения осталось мало. Если идумеяне не поспешат к ним на помощь, тогда они попадут в руки Анана и своих врагов, а город в руки римлян». Подробности о положении дел поручено было послам изложить на словах предводителям идумеян. Посольство состояло из двух лиц, опытных в подобных предприятиях, одаренных даром слова и силой убеждения и, что тут было особенно важно, отличавшихся быстротой ног. Зелоты были уверены, что идумеяне скоро склонятся на их предложение, ибо это буйный, необузданный народ, всегда падкий к волнениям и переворотам, народ, которому стоит только сказать несколько слов, чтобы поставить его на вооруженную ногу, который идет на войну точно на торжество. Требовалось только быстрое исполнение возложенного на послов поручения, а последние, оба носившие имя Анании, в этом отношении ничего желать не оставляли. Таким образом они вскоре прибыли к предводителям идумеян.

2. Содержание письма и устные сообщения послов произвели на них потрясающее впечатление: как бешеные они бегали в толпе и проповедовали войну. Еще прежде чем люди узнали в чем дело, они уж были в полном сборе. Все подняли оружие якобы за освобождение столицы и, выстроившись в числе около двадцати тысяч, они появились под стенами Иерусалима, имея во главе четырех предводителей: Иоанна и Иакова, сына Сосы, Симона, сына Кафлы, и Финеаса, сына Клусофа.

3. Отбытие послов осталось скрытым, как от Анана, так и от стражи; но не то было с приходом идумеян. О нем Анан заранее узнал и запер поэтому пред ними ворота, а на стене расставил караульные посты. Однако, он отнюдь не намеревался сейчас же вступить с ними в битву, а хотел прежде, чем прибегнуть к силе оружия, привлечь их на свою сторону добрыми словами. Старейший из первосвященников после Анана, Иошуа [17], взошел на башню, находившуюся на виду идумеян, и произнес: «Из всех бед, стрясшихся над нашим городом,

ничто так необъяснимо, как то, что злым неизвестно откуда каждый раз является помощь. Ведь вы именно хотите оказать поддержку отщепенцам против нас и прилетели сюда с такой готовностью, какую не проявили бы даже в том случае, если б столица призвала вас на помощь против варваров. Если бы хоть ваше войско было похоже на тех людей, которые вас призвали, то я бы еще мог объяснить себе ваше усердие; ибо ничто так быстро не созидает дружбы, как родство характеров. Но ведь если разбирать их по одиночке, то каждый из них окажется тысячу раз заслуживающим смерти; ведь они выродки и позорище всей страны; люди промотавшие свое собственное состояние, истощившие свою преступную энергию в деревнях и городах окрестностей и в конце нахлынувшие, как воры, в священный город; разбойники, которые в своей разнузданности покрывают позором даже священную землю, которые без стыда напиваются теперь пьяными в святилище и награбленным у убитых наполняют свои ненасытные утробы. Ваши же ополчения и ваши доспехи имеют такой доблестный вид, точно столица по всеобщему согласию созвала вас в качестве союзников против чужеземцев. Не насмешка ли судьбы, что целая нация связывается с шайкой злодеев? Уже давно представляется мне загадкой: что именно вас так быстро подняло на ноги? Должен же быть какой-нибудь веский повод, который заставил вас поднять оружие за разбойников против родственной вам нации. Мы слышали здесь что-то о римлянах и измене — эти именно слова были только что произнесены некоторыми из вас; заявившими с шумом, что они пришли для освобождения столицы. Но такой вымысел нас поражает больше, чем все другие дерзости, проявленные теми гнусными людьми. Конечно, свободолюбивых по природе своей людей, всегда готовых ополчиться из-за нее против внешнего врага, ничем другим нельзя было восстановить против нас, как тем, чтобы нас заклеймить именем предателей столь желанной свободы. Но вы же должны подумать — от кого исходит эта клевета и против кого она направлена; вы должны искать подтверждения в общем положении вещей, а не верить голословному вымыслу. Что могло нас побудить теперь предаться римлянам, когда от нас всецело зависело или с самого начала не отпадать совсем, или сейчас же после отпадения вновь перейти на их сторону, когда страна кругом нас еще не была опустошена. Но теперь, если бы мы и желали, нам было бы трудно помириться с римлянами, так как завоевание Галилеи сделало их гордыми, а преклониться пред ними теперь, когда они уже так близки, было бы для нас позором, страшнее смерти. Я, правда, лично предпочел бы мир смерти. Однако, раз война объявлена и находится в полном разгаре, я также охотно предпочитаю славную смерть жизни военнопленника. А кто же, говорят, тайно послал к римлянам? Одни ли мы, представители народа, или вместе с нами также и народ по общему решению? Если только мы, — то пусть же нам назовут друзей, которых мы послали, прислужников, способствовавших измене! Был ли кто-нибудь пойман на пути к римлянам или схвачен на возвратном пути? Быть может напали на следы письма? И каким образом мы могли это скрыть от столь многих граждан, с которыми находимся в постоянном общении? Каким образом случилось, что только тем немногим людям, которые вдобавок осаждены и даже не могут выходить из храма в город, сделалось известным то, что тайно происходило внутри страны? И узнали они об этом именно теперь, когда их ожидает кара за совершенные ими преступления; раньше же, когда они находились в безопасности, никто из нас не навлекал на себя подозрения в измене. Если же взваливают вину на народ, в таком случае должно было состояться публичное совещание, из которого никто не мог быть исключен, тогда достоверный слух об этом должен был бы дойти до вас еще гораздо раньше формального донесения. Да и как тогда не избирали бы послов для заключения договора? Если же все было так, то пусть скажут, кто был назначен для этой миссии? Но нет! Все это только уловка людей, борющихся со смертью и стремящихся отвратить от себя наказание. Если только городу суждено пасть от измены, то на это способны только наши клеветники, злодеяниям которых недостает только одного — предательства. Вы же, раз вы уже явились сюда с оружием в руках, должны были бы теперь — и это было бы самое справедливое — оказать поддержку столице и помочь истребить тиранов, уничтоживших право, топтавших

закон ногами и носящих свои приговоры на острие меча. Ведь они знатных людей, на которых никто не жаловался, схватили на улице, грубо обращались с ними в темнице и, наконец, не взирая ни на воззвания, ни на моления, казнили. Вы можете, если только вы хотите вступить в наш город не как враги, убедиться собственными глазами в том, что я сказал: вы увидите в конец разграбленные дома, жен и детей убитых — в черной траурной одежде, вопли и слезы во всем городе. Ибо нет человека, который не испытывал бы на себе насилий этих безбожников; они в своем безумии зашли так далеко, что свою разбойничью отвагу принесли с собою из деревень в городов не только в самое сердце [19] всей нации — в Иерусалим, но и отсюда — в самый храм. Последний они превратили теперь в крепость, в место убежища и укрепленный пункт против нас. Место, святопочитаемое на всем земном шаре, даже иноземцами, обитателями окраин мира, знающими о нем только понаслышке, эти чудовища, здесь же родившиеся, топчут ногами. Но верх их наглости — это то, что они в своем теперешнем отчаянном положении вооружают племена против племен, государства против государств и вызывают нацию на борьбу против собственной же крови. Ввиду этого, как я уже сказал, вам больше всего подобало бы в союзе с нами истребить преступников, наказать их именно за этот обман, за то, что они дерзали призвать в качестве союзников вас, которых они напротив должны были бояться, как мстителей. Если же хотите оказать честь приглашению таких людей, так вам предоставляется, как нашим соплеменникам [20], сложив оружие войти в город и занять место, лежащее в средине между союзниками и врагами, — место судей. Посудите при этом сами, какое это для них преимущество, если им за признанные столь великие преступления будет предоставлено чрез вас формальное судопроизводство, между тем как они невинным не давали даже слова защиты. Однако, ради вашего появления мы готовы оказать им эту милость. Если же вы не желаете разделить наше негодование и отказываетесь также от роли судей, так остается еще третий выход: оставить обе стороны, не вмешиваясь в наши несчастия и не оставаясь на стороне врагов столицы. Ибо, если вы сильно подозреваете, что кто-нибудь из нас вел переговоры с римлянами, так вы можете занять проходы, и, если откроется что-либо из того, в чем нас обвиняют, прибыть, осадить город и наказать виновных, которых вы поймаете. Во всяком случае вас, живущих так близко к столице, враги не могут опередить. Если же вам ни одно из этих предложений не приходится по душе и вы ни на что не согласитесь, так не удивляйтесь, если мы будем держать ворота запертыми до тех пор, пока вы будете стоять под оружием».

4. Так приблизительно говорил Иошуа. Но идумеяне не обращали на это никакого внимания; они только возмущались тем, что их не впускают в город; предводители их также отказывались от сложения оружия, полагая, что они уподобятся военнопленникам, если по требованию других сбросят с себя оружие. Один из предводителей, Симон, сын Кафлы, с трудом успокоив шумевшую толпу, стал на такое место, откуда он мог быть услышанным первосвященниками, и сказал: «Теперь меня больше не удивляет, что поборники свободы осаждены в храме, раз даже некоторые запирают принадлежащую всему народу столицу, и в то время, когда готовятся встречать римлян, для которых, быть может, украсят ворота венками, с идумеянами переговариваются с башен и приглашают их даже сложить оружие, которое они подняли за свободу. С одной стороны, не хотят доверить единоплеменникам охрану города, а в то же время их назначают третейскими судьями в споре; жалуются на некоторых за то, что они казнили без суда и права, а между тем весь народ пятнают позором — запирают пред соотечественниками город, стоящий открытым даже пред чужеземцами для целей богослужения. Правда, мы пришли, чтобы воевать против соотечественников; но мы потому так поспешили, чтобы в вашем несчастье все-таки сохранить вам свободу. Вы столь же были обижены теми, которых вы осаждаете, как убедительны, на мой взгляд, подозрения, собранные вами против них. Затем, держа патриотов в заключении внутри города, запирая ворота пред ближайшим родственным народом и делая нам такое бесчестное предложение, вы говорите еще, что вас тиранизируют, а имя деспотов навязываете тем, которых вы

насилуете. Кто потерпит такие лицемерные речи, когда факты говорят как раз о противном? Недостает еще того, чтобы вы говорили, что идумеяне выгоняют вас из столицы, между тем как вы им преграждаете доступ к святыням отцов. Единственно в чем действительно можно упрекнуть осажденных в храме, так это в том, что, раз они имели мужество наказывать изменников, которых вы, их соумышленники, называете прекрасными, безупречными людьми, сразу лучше не начали с вас и тем не отрубили голову измене. Но если те были мягкосердечнее, чем должны были быть, мы, идумеяне, будем охранять дом божий, мы станем во главе войны за общую отчизну и одновременно отразим как врагов извне, так равно изменников внутри. Здесь, под этими стенами, мы с оружием в руках останемся до тех пор, пока римлянам не надоест вас ждать, или пока вы сами не отдадитесь делу свободы».

5. Вся толпа идумеян встретила эти слова громкими одобрениями. Иошуа печально отступил назад: он видел, что идумеяне замышляют недоброе и что городу предстоит борьба с двух сторон. Впрочем, и идумеяне чувствовали себя не хорошо: с одной стороны они были сердиты за оскорбительное преграждение им доступа в город, а с другой стороны, считая партию зелотов очень могущественной, но увидев, что последние не оказывают им ни малейшей поддержки, они очутились в большом затруднении и многие уже раскаялись что предприняли поход; однако стыд отступления без всякого результата был сильнее раскаяния, — они остались на месте, под стенами, несмотря на всю затруднительность своего положения, так как ночью поднялась страшная гроза: порывистый ветер с сильнейшим ливнем, беспрерывная молния с оглушительными раскатами грома и ужас наводящий гул дрожавшей земли. Казалось, мировой порядок пришел в смятение на гибель людям, и поневоле приходилось усматривать в этом зловещий признак большого несчастия.

6. Эти явления произвели как на идумеян, так и на горожан одинаковое впечатление: первые думали, что Бог гневается на них за их поход и не оставит безнаказанным их вооруженного нападения на столицу; Анан же и его люди считали уже победу выигранной без битвы, так как Бог сражается за них. Но они оказались плохими пророками: они предсказывали врагам то, что суждено было им самим. Идумеяне стояли тесной толпой, друг друга согревая, и сомкнули щиты над своими головами, чтобы меньше терпеть от ливня. В то же время зелоты, опасавшиеся теперь за судьбу идумеян больше, чем за свою собственную, собрались, чтобы обдумать, не могут ли они оказать им какую-либо помощь. Более горячие головы предлагали силой оружия овладеть стражей, а тогда — вторгнуться в город и без дальнейших рассуждений открыть ворота союзникам, ибо караулы будут устрашены их непредвиденным появлением и отступят, тем более, что большинство из них не вооружены и неопытны в сражениях; что же касается городского населения, то оно загнано непогодой в дома и не так скоро соберется. Если, наконец, дело будет сопряжено с опасностями, то они скорее должны идти на крайности, нежели оставить столь многих людей погибнуть недостойным образом из-за них. Но более осторожные отсоветовали открытое нападение, так как они видели, что не только усилена наблюдающая за ними стража, но и городская стена заботливо охраняема из-за идумеян; к тому же они предполагали, что Анан везде на лицо и каждый час обходит караулы. Это действительно так бывало всегда по ночам, но как раз в ту ночь было упущено — не по небрежности Анана, а потому, что он тогда находился уже во власти судьбы, которая решила погубить его и многочисленную стражу. По предопределению же судьбы, когда ночь спустилась и разразилась гроза, стража, находившаяся в галерее, была отпущена на покой. Это внушило зелотам мысль пропилить пилами, найденными ими в святилище, засовы ворот, а вой ветра и беспрестанные раскаты грома заглушали произведенный этим шум.

7. После того, как они незаметно пробрались из храма, они подошли к стене, где с помощью тех же пил открыли идумеянам ближайшие к ним ворота. Идумеяне подумали вначале, что люди Анана нападают на них и так перепугались, что каждый схватился за свое оружие для обороны; но вскоре они узнали появившихся и вошли в город. Если бы они

напали сейчас на город, то, без сомнения, весь народ был бы истреблен ими до единой души: так велико было их остервенение; но они спешили прежде всего освободить зелотов из осады, так как и люди, впустившие их в город, настойчиво просили их не оставлять тех, из-за которых они пришли, и этим не усугублять еще больше их опасное положение; пусть они только овладеют гарнизоном, тогда им уже легко будет двинуться на город, но раз солдаты поднимут тревогу, тогда они уже не в состоянии будут одержать верх над жителями, так как последние, как только узнают в чем дело станут в боевой порядок и преградят им дорогу.

Глава ПЯТАЯ.

О жестокостях идумеян, вошедших в город во время бури, и зелотов. — О смерти Анана, Иошуи и Захарии и об отступлении идумеян.

1. Идумеяне согласились и двинулись через город к храму, где зелоты с напряженным нетерпением ожидали их прибытия. Когда они взошли, те, ободрившись, выступили также изнутри храма, смешались с идумеянами и вместе напали на стражу. Нескольких передовых караульных они убили; на крик пробудившихся поднялась вся толпа и в ужасе бросилась к оружию, чтобы защищаться. До тех пор, пока они полагали, что имеют дело только с зелотами, они бодро держались, надеясь одолеть их численным превосходством; но увидев новые толпы, устремившиеся извне, они догадались, что вторгнулись идумеяне, тогда большинство их, потеряв мужество, бросило также и оружие и разразилось громким воплем; только весьма немногие из молодых тесно сплотились вместе, мужественно встретили идумеян и долгое время защищали толпу стариков. Последние своим криком дали знать о несчастии жителям города. Но и эти, как только им сделалось известным вторжение идумеян, не посмели придти к ним на помощь, а только ответили им еще более отчаянным плачем, усиливавшимся громким воем женщин, между тем как все караульные находились в опасности. Зелоты же напротив соединяли свои победные клики с призывами идумеян, а свирепствовавшая буря сделала этот всеобщий гул еще более потрясающим. Идумеяне не щадили никого: кровожадные по своей натуре, ожесточенные еще тем, что им пришлось перенесть от грозы, они обращали свои мечи против тех, которые их не впустили в город, не делая различия между сопротивлявшимися и молившими о пощаде; многих они пронзили своими мечами в ту минуту, когда те напоминали им об их племенном родстве с ними и просили пощады во имя их общего святилища. Бегство было немыслимо, а на спасение не было надежды: стесненные густыми толпами, они были убиты целыми кучами; загнанные по большей части в такие места, откуда не было выхода, пораженные неприятельскими ударами, они в беспомощности своей сами бросились вниз в город и таким образом добровольно подвергли себя, как мне кажется, еще более ужасной смерти, чем та, от которой они бежали. Весь наружный храм утопал в крови и наступившее утро осветило восемь тысяч пятьсот трупов.

2. Но ярость идумеян все еще не унималась. Они обратились теперь против города, грабили целые дома и убивали всех, попадавшихся им на пути. Продолжать дальше травлю простого народа казалось им напрасной тратой времени; зато они старались отыскивать первосвященников и толпами предпринимали охоту на них. Последние были вскоре схвачены и тут же умерщвлены. Став над трупами убитых, они потешались над попечениями Анана о народе, так равно и над речью Иошуи, произнесенной им со стены. Так далеко они зашли в своем злодействе, что бросили тела первосвященников непогребенными, между тем как иудеи ведь так строго чтят погребение мертвых, что даже приговоренных к распятию они до заката солнца снимают и хоронят. Я решительно не ошибусь, если скажу, что смерть Анана была уже началом падения города, и с того дня, как иудеи увидели своего первосвященника, указывавшего им путь к спасению, убитым посреди города, их стены уже были разрушены и дело проиграно. Анан был вообще не только достойный уважения и в высшей степени справедливый человек, но любил кроме того, несмотря на свое высокое положение, которое доставляли ему его происхождение, его сан и всеобщее к нему уважение, быть на равной

ноге с каждым человеком, даже с людьми низшего сословия; вместе с тем он горячо любил свободу и был поклонником народного правления. Всегда он свои личные выгоды отодвигал на задний план пред общественной пользой [21]; к тому же он ставил выше всего мир, ибо он знал, что могущество римлян непобедимо и предвидел, что если иудеи не будут настолько разумны, чтобы помириться с римлянами, то неизбежно найдут свою гибель в войне с ними.

Короче, если бы Анан остался жив, то, во всяком случае, состоялось бы мирное соглашение. Ибо он был могущественный оратор, пользовался огромным влиянием на народ и ему уже удалось подчинить себе тех, которые стояли ему на пути или требовали войны. Под предводительством такого вождя иудеи доставили бы еще много хлопот римлянам. Тесно связан с ним был Иошуа, который хотя и не выдерживал сравнения с ним, но других превосходил [22]. Но Бог, думается мне, решил уничтожить оскверненный город и очистить огнем храм, — поэтому, Он отстранил тех, которые еще заступались за них и крепко их любили. Таким образом, людей, недавно только перед тем одетых в священное облачение, стоявших во главе распространенного по всему свету богослужения и с благоговением встречаемых всегда прибывавшими со всех краев земли на поклонение святым местам пилигримами, — этих людей можно было видеть теперь брошенными нагими на съедение собакам и диким зверям. Сама добродетель, думаю я, стонала над этими мужами и плакала над тем, что зло так восторжествовало над ней самой. Таков был конец Анана и Иошуи.

3. После их смерти зелоты вместе с идумейской ордой накинулись на народ и уничтожили его, как стадо нечистых животных. Истребляя повсюду простой народ, они знатных и молодых забирали в плен и скованными в кандалах бросали в темницу в надежде, что при отсрочке казни иные, быть может, перейдут на их сторону. Никто, однако, не склонялся на их убеждения, все предпочитали умереть, нежели стать против отечества на стороне злодеев. Ужасные муки они перенесли за свой отказ: их бичевали и пытали, и когда их тело уже не было более в состоянии выносить пытки, тогда только их удостаивали казни мечом. Арестованные днем были ночью казнены; тела их выносили и бросали на открытые места, чтобы очистить место для новых пленников. Народ находился в таком оцепенении, что никто не осмеливался открыто ни оплакивать, ни хоронить убитого родственника; только в глубоком уединении, при закрытых дверях, лились слезы, и тот, кто стонал, боязливо оглядывался по сторонам, чтобы враг не услышал, — в противном случае оплакивающий сейчас же мог испытать на себе участь оплакиваемого. Только ночью брали горсть земли в руки и бросали ее на мертвых; безумно отважен должен был быть тот, который это делал днем. Двенадцать тысяч человек благородного происхождения постигла такая участь.

4. Зелоты, которым опротивела уже резня, бесстыдно наглумились еще над судилищем и судом. Жертвой своей они избрали одного из знатнейших мужей, Захарию, сына Баруха. Его презрение к тиранам и непреклонная любовь к свободе сделали его ненавистным в их глазах; к тому же, он был еще богат, так что они имели приятные виды на ограбление его состояния и на устранение человека, который мог воспользоваться своим влиянием для их низвержения. Таким образом, они для формы приказали созвать семьдесят находившихся в должностях простых граждан в качестве судилища, которое, конечно, лишено было авторитета, и здесь обвиняли Захарию в том, что он хотел предать город в руки римлян и с изменнической целью послал уполномоченных к Веспасиану. Обвинение не подкреплялось ни свидетельскими показаниями, ни другими какими-либо доказательствами; но они утверждали, что вполне убеждены в этом и считали, что этого одного достаточно для установления истины. Когда Захария убедился, что у него нет никакой надежды на спасение и что его собственно не вызывали к суду, а только заманили коварно в заключение, он, видя свою жизнь погибшей, решил дать полную волю своему языку. Он поднялся, сделал ироническую оценку той самоуверенности, с которой возбуждено было против него обвинение, и вкратце опроверг приведенные улики. Но затем он обратил свое слово против своих обвинителей, прочел им перечень совершенных ими преступлений и разразился

жалобами на нарушение всякого порядка в государстве. Зелоты перебили его криками. Если они настолько еще владели собою, что не обнажали мечей, так только потому, что хотели довести до конца насмешливое подражание судопроизводству и, кроме того, хотели испытать, насколько сами судьи будут руководствоваться правдой ввиду угрожавшей им опасности. Суд семидесяти оправдал однако обвиняемого, предпочитая заранее умереть вместе с ним, чем принять на себя ответственность за его смерть. Этот оправдательный приговор зелоты встретили с неистовым шумом: они все были возмущены тем, что судьи не хотели понять призрачности данной им власти. Двое же из самых дерзких набросились на Захарию, убили его среди храма и насмешливо воскликнули над павшим: «вот тебе и наш голос — наше решительное оправдание!» Вслед за этим они выбросили его из храма в находящуюся под ним пропасть. Судей же они, в насмешку, били обухами мечей и вытолкали из ограды храма, даровав им жизнь только для того, чтобы они рассеялись по городу и принесли бы всем весть о порабощении народа.

5. Идумеяне раскаивались уже в своем походе: им самим сделалось противно все то, что творилось. Но вот, пришел к ним частным образом один из зелотов, созвал их в собрание, изобразил весь ужас преступлений, совершенных ими сообща с теми, которые их призвали, и описал также положение дел в городе. «Они, — сказал он, — подняли оружие в том предположении, что первосвященники намерены предать город римлянам, а между тем они не обнаружили никаких улик измены, а сделались только покровителями тех, которые ложно обвиняли первосвященников и ныне свирепствуют в городе, как враги и тираны. Лучше было бы, если б они с самого начала этому воспрепятствовали; но раз они уже сделались соучастниками в братоубийстве, то пусть, по крайней мере, положат конец своему заблуждению и не останутся дольше здесь, чтобы не поддерживать тех, которые хотят свою собственную отчизну ввергнуть в несчастье. Если иные из них все еще раздражены тем, что нашли ворота запертыми и не были впущены в город, так ведь виновные в этом наказаны; Анан лежит мертвый и почти весь народ в течение одной ночи уничтожен. Многие из них, как он хорошо замечает, сами об этом сожалеют, с другой же стороны он видит, что неистовство призвавших их не знает ни меры, ни предела и они даже не стесняются больше перед теми, которым они обязаны своим спасением. На глазах своих товарищей они позволяют себе самые постыдные жестокости, вина которых будет приписываться идумеянам до тех пор, пока кто-нибудь из них не воспрепятствует им и не положит конец их беззакониям. Поэтому, ввиду того, что обвинение в измене оказалось клеветой, что появления римлян нельзя ожидать так скоро, а город защищен непобедимыми почти силами, то пусть они возвратятся к себе домой и то зло, которое они, будучи обмануты злодеями, совершали вместе с последними, постараются исправить тем, что отныне прекратят всякие сношения с ними.

Глава ШЕСТАЯ.

Зелоты, освободившись от идумеян, производят еще большую резню в городе. — Веспасиан удерживает пока римлян, желающих идти на иудеев.

1. Эти внушения произвели впечатление на идумеян. Первым их делом было освобождение заключенных, около двух тысяч граждан, которые сейчас же бежали из города и отправились к Симону, о котором речь будет впереди. Вслед за этим они оставили Иерусалим и возвратились на родину. Их выступление явилось неожиданным для обеих партий. Народ, не знавший о перемене их образа мыслей, на одно мгновение вздохнул свободно, думая, что избавился от врагов. Но и зелотам также развязались руки, ибо они не чувствовали себя покинутыми союзниками, а напротив, освобожденными от таких людей, которые не одобряли их насилий и старались удерживать их от этого. Теперь они могли действовать решительно и без всякого промедления. С быстротой молнии они ковали свои планы и исполняли их еще быстрее, чем задумывали. Преимущественно кровожадность их направлена была против всего мужественного и знатного: знатных они убивали из зависти, храбрых — из боязни; ибо только тогда они могли чувствовать себя вне всякой опасности,

когда бы не осталось в живых ни одного человека более или менее влиятельного. В массе других убит был также Горион — человек благородного происхождения и возвышенной души, друг народного правления и самостоятельный по своему образу мыслей, как истый иудей. Его погубили главным образом смелость в речах, равно и другие его достоинства [23]. Даже Нигера Перейского (II, 19, 2, 20, 4. III, 2, 1) их руки не пощадили — человека, высоко отличавшегося в битвах с римлянами: его волочили по городу, он же громко вопиял и показывал свои раны. Когда его вывели за ворота, он, не сомневаясь в своей казни, просил только о погребении; они же совершили над ним казнь лишь после того, как отказали ему в могиле, которой он так жаждал. Еще перед самой смертью Нигер призывал на их головы месть римлян, голод и чуму как спутники войны, да еще взаимную резню между ними самими.

Все это послало грешникам Провидение, которое лучшее доказательство своей справедливости явило в том, что вскоре они, раздвоенные между собою, дали друг другу чувствовать свое изуверство. Смерть Нигера окончательно освободила их от всяких опасений за собственное падение. Среди народа не осталось уже никого, которого нельзя было бы погубить по какому угодно поводу, раз только этого хотели. Та часть народа, которая восстала против зелотов, давно уже была истреблена; а против других, мирных жителей, стоявших в стороне от всех, придумывали, смотря по обстоятельствам, иные обвинения. Тот, кто вовсе не связывался с ними, считался у них высокомерным, кто открыто приближался к ним — презирающим, а кто льстил — предателем. За высшее преступление, как и за самое ничтожное упущение существовало одно наказание — смерть: ее избегал только тот, который уже очень низко стоял по своему происхождению или по крайней бедности.

2. Все римские военачальники видели в раздорах врагов неожиданное счастье для себя и хотели не медля напасть на город. В этом они убеждали также Веспасиана, для которого, как они думали, чуть ли не все уже выиграно. «Божественное Провидение, говорили они ему, облегчает им борьбу, обращая врагов друг против друга; но решительная, благоприятная минута скоро будет пропущена, ибо иудеи, либо потому, что междоусобица им надоесть, либо из раскаяния, соединятся вновь». Но Веспасиан возразил, что они жестоко ошибаются относительно того, что нужно делать, если, игнорируя опасность, желают как на сцене выдвинуть вперед свою личную храбрость и силу своего оружия, но не обращают внимания на то, что полезно и безопасно. «Если, продолжал он, вы сейчас нагрянете на город, то этим самым вы вызовете примирение в среде врагов и обратите против нас их еще не надломленную силу; если же вы еще подождете, то число врагов уменьшится, так как их будет пожирать внутренняя война. Лучший полководец, чем я, это Бог, который без напряжения сил с нашей стороны хочет отдать иудеев в руки римлян и подарить нашему войску победу, несвязанную с опасностью. В то время как враги губят себя своими собственными руками и терзаются самым страшным злом — междоусобной войной, — нам лучше всего остаться спокойными зрителями этих ужасов, а не завязывать битвы с людьми, ищущими смерти, беснующимися так неистово друг против друга. Если же кто скажет, что блеск победы без борьбы чересчур бледен, то пусть знает, что достигнуть цели в тишине полезнее, чем испытать изменчивое счастье оружия. Ибо столько же славы, сколько боевые подвиги, приносят самообладание и обдуманность, когда последними достигаются результаты первых. В то время, когда враг сам себя ослабляет, мое войско будет отдыхать от военных трудов и еще больше окрепнет. Помимо этого теперь не может быть речи о блестящей победе, ибо иудеи ведь не заняты теперь заготовлением оружия, сооружением укреплений или стягиванием вспомогательных войск, так чтобы полученная ими отсрочка могла бы считаться в ущерб нам, — нет! Терзаемые междоусобной войной и внутренними распрями им теперь приходится каждый день переносить гораздо больше, чем мы могли бы им причинить, нападая на них и держа их в наших тисках. Итак, в видах безопасности, разумнее всего людей, пожирающих друг друга, предоставить самим себе. Но и с точки

зрения славы, доставляемой победами, не следует нападать на потрясаемое внутренними болезнями государство, в противном случае будут иметь полное основание сказать, что мы обязаны победой не себе самим, а раздвоенности неприятеля» [24].

3. Военачальники согласились с мнением Веспасиана, и вскоре обнаружилось, как верно видел глаз полководца; ибо каждый день начали прибывать массы перебежчиков, спасавшихся от зелотов. Хотя бегство было затруднительно, так как последние обложили все выходы города стражами, убивавшими всякого приближавшегося, как перебежчика к римлянам, — однако, кто давал деньги, того пропускали; только тот, кто ничего не давал, был изменник. Поэтому-то истреблялись только бедняки, между тем как состоятельные могли выкупать свое бегство. На больших дорогах громоздились повсюду кучи трупов; многие поэтому, искавшие средства к бегству, возвращались в город, предпочитая умереть там, так как надежда на погребение делала смерть в родном городе менее ужасной. Но зелоты были так бесчеловечны, что одинаково лишали погребения, как убитых на дорогах, так и замученных в городе: точно они обязались вместе с отечественными законами попирать также и законы природы и на ряду с преступлениями против людей издеваться еще над божеством, — они оставляли тела мертвых гнить на солнце. Кто похоронил одного из своих близких, тот был наравне с перебежчиками наказан смертью; и кто только хотел совершить над другим обряд погребения, тому угрожала опасность самому быть лишенным его. Словом, ни одно из лучших чувств не было в те несчастные дни так окончательно убито, как чувство жалости. То, что должно было возбуждать сожаление, служило только поводом к ожесточению изуверов; от живых их гнев переходил на убитых, а от мертвых опять на живых. Такой неимоверный страх овладел всеми, что уцелевшие считали блаженными изведенных раньше, как людей обретших покой, а томившиеся в заточении считали даже непогребенных счастливее себя самих. Все человеческие права зелоты попирали ногами, божественные они осмеивали, а над словами пророков издевались, как над пустой болтовней. Пророки много вещали о добродетели и пороках: зелоты же, презирая их учение, сами способствовали исполнению их пророчества над своим отечеством. Существовало именно древнее предсказание мудрецов, что город тогда будет завоеван и Святая Святых сделается добычей пламени, как только вспыхнут волнения и руки граждан осквернят Богом освященные места. Хотя зелоты в общем верили в это пророчество, тем не менее они сами сделались его исполнителями.

Глава СЕДЬМАЯ.

Стремление Иоанна к тирании. — Злодеяния зелотов в Масаде. — Взятие Веспасианом Гадары. — Успехи Плацида.

1. Иоанн, мечтавший уже о роли тирана, считал ниже своего достоинства ограничиться той же честью, какою пользовались его товарищи. Ввиду этого он пользовался каждым случаем, чтобы всякий раз привлекать на свою сторону по нескольку человек из самых худших, и таким образом все больше и больше делал себя независимым от своей партии. Так как он всегда отказывался повиноваться решениям других, а свои собственные объявлял повелительным тоном в форме приказов, то нельзя было больше сомневаться в том, что он стремится к единовластию. И все-таки ему подчинялись: одни из страха, другие из привязанности (ибо он мастерски умел путем коварства и обмана вербовать себе приверженцев), многие же потому, что они в интересах своей собственной безопасности желали, чтоб ответственность за предыдущие насилия падала не на многих, а на одного человека. Кроме того приобретала ему много поклонников его отважная решимость во всех делах. Тем не менее осталось еще значительное число его противников, руководимых отчасти завистью и считавших гнетом для себя повиновение человеку, которого они до сих пор считали себе равным; преимущественно же отталкивали их от него опасения сосредоточия власти в одних руках. Они заранее предвидели, что раз он получит власть в руки, то уже не так легко даст себя ниспровергнуть и что тогда он воспользуется также

противодействием, оказанным ими до сих пор, как поводом к жестокому обращению с ними самими. Наконец, каждый из них был готов испытать самую отчаянную борьбу, чем дать себя добровольно поработить и рабски погибнуть. И так одна часть отделилась от них, между тем как Иоанн в присоединившейся к нему партии господствовал как царь. Друг против друга они расставили повсюду караулы, хотя не пускали в ход оружия; если стычки происходили, то они были незначительны. Тем беспощаднее была их борьба с народом, у которого каждая партия наперерыв старалась захватить как можно больше добычи. Таким образом город терзался теперь тремя самыми ужасными бичами: войной, властью тиранов и партийной борьбой. Война извне являлась уже для жителей легчайшим бедствием в сравнении с другими. А потому естественно было, что многие бежали от своих собственных соотечественников, бежали к чужим и у римлян искали спасения, которого они не могли ожидать от своих соплеменников.

2. Еще четвертое бедствие стряслось над народом на его погибель. Невдалеке от Иерусалима существовала чрезвычайно сильная крепость, воздвигнутая прежними царями для сокрытия своих сокровищ в опасное военное время, а также для личной безопасности; она называлась Масадой (I, 12, 1) и находилась в руках так называемых сикариев (II, 13, 3), которые, обузданные страхом, не пускались в дальние набеги, а грабили только ближайшие окрестности, ограничиваясь при этом лишь захватыванием съестных припасов. Теперь же, когда они узнали, чти римское войско стоит неподвижно, а иудеи в Иерусалиме раздвоены между собою борьбою партий и деспотической властью, они отважились на более смелые предприятия. В праздник опресноков, установленный иудеями в память освобождения от египетского рабства и возвращения в свою отечественную страну, они незаметно для тех, которые могли бы воспрепятствовать им, вышли ночью из своей крепости и напали на городок по имени Энгадди [25]. Часть жителей, способная к бою, была рассеяна и прогнана из города еще прежде, чем она могла собраться и вооружиться, остальные же, слишком слабые для бегства, женщины и дети, в числе свыше семисот, были все перебиты; затем они начисто ограбили дома, захватили созревший хлеб и возвратились со своей добычей в Масаду. Таким путем они разграбили все деревни вокруг крепости и дальние окрестности; каждый день число их значительно усиливалось притоком со всех сторон таких же нравственно погибших людей. И в других частях Иудеи, пользовавшихся до сих пор покоем, настали разбойничьи беспорядки. Если важнейшая часть тела воспалена, то вместе с ней заболевают все члены — так было и здесь: распри и анархия в Иерусалиме дали возможность злодеям в провинции безнаказанно совершать разбои. Покончивши с деревнями своих соотечественников, они собрались в уединенной местности, скрепили свой союз клятвами и образовали полчища, которые если уступали в численности военным отрядам, зато были сильнее разбойничьих шаек, и тогда начали нападать на святые места и города. Если и случалось, что они сами терпели от тех, на которых нападали, как это бывает с захваченными в сражении, зато в других случаях они предупреждали их месть и на разбойничий манер быстро рассеивались, унося с собою добычу. Не осталось ни одной части Иудеи, которой бы не грозила та же гибельная участь как ее славной столице.

3. Это было сообщено Веспасиану перебежчиками. Ибо хотя мятежники охраняли все выходы и убивали всякого, каким бы то ни было способом подходившего к ним, все ж таки попадались такие, которые пробирались мимо, прибежали к римлянам и силились склонить полководца поспешить на помощь городу и спасти остаток народа, который, как они рассказывали, большей частью истребляется именно за склонность его к римлянам, а находящиеся еще в живых по той же причине подвержены также опасности. Проникнутый жалостью к их страданиям, Веспасиан поднялся, как казалось, для того, чтобы осадить Иерусалим, на самом же деле он имел в виду воздержаться пока от осады, ибо перед этим он должен был покорить все, еще незавоеванное, чтобы не оставить в тылу ничего, могущего помешать осаде. Поэтому он прежде всего двинулся против Гадары — хорошо укрепленного

главного города Переи [26] — и вступил в нее в 4-й день месяца Дистра [27]. Ибо именитейшие граждане этого города тайно от мятежников послали к нему уполномоченных с обещанием передачи города. Желание мира и сохранения своего состояния побудили их на этот шаг, так как город был населен многими богатыми людьми. Об этом посольстве противная партия ничего не подозревала и узнала о нем только тогда, когда Веспасиан был уже совсем близко к городу. Отстаивать последний собственными силами они считали себя слишком слабыми, так как они уступали в числе даже своим противникам в городе, а тут еще римляне стояли невдалеке — они поэтому решились бежать. Но сделать это без кровопролития, и не отомстив как нибудь виновным, они считали бесславным. Ввиду этого они схватили в плен Долеса, признававшегося инициатором посольства и бывшего кроме того по своему сану и происхождению первым человеком в городе, умертвили его и тогда бежали из города, выместив еще свою свирепую злобу на теле убитого. Когда римское войско подступило, гадаряне встретили Веспасиана благословениями, принесли ему присягу в верности и получили от него гарнизон из конницы и пехоты для защиты от дальнейших нападений беглецов. Стену они, не выжидая требования римлян, сами разрушили для того, чтобы воочию убедить римлян в своем миролюбивом настроении и чтобы отнять у желающих войны всякую к тому возможность.

4. Против бежавших из Гадары Веспасиан послал Плацида с 500 всадниками и 3000 пехотинцами, между тем как сам с остальным войском возвратился в Кесарею. Когда беглецы вдруг увидели преследующих их всадников, они, прежде чем вступить в бой, стеснились все в деревню, называвшуюся Бетеннабрином [28]. Здесь они нашли значительное число молодых людей, которых они частью по доброй воле последних, частью и насильно вооружили и затем по безумию своему сделали вылазку против отрядов Плацида. При первом их натиске последние несколько отступили назад, желая таким образом отвлечь их подальше от стены. Заманив их на выгодную для себя позицию, они оцепили их кругом и пустили в ход против них копья: всадники отрезали путь пытавшимся бежать, а пехота производила опустошение в рядах сражавшихся. Иудеям ничего не оставалось, как погибнуть в отчаянной, непосильной борьбе; они не могли ни прорвать цепь римлян, ни сразить их своими стрелами, так как те стояли тесно сомкнутыми рядами, прикрываемые своими доспехами точно стеною; сами же они были поражаемы стрелами неприятеля и, как дикие звери, бросались на встречу смертоносному мечу. Так падали они — одни от ударов, нанесенных им спереди, другие от обгонявших их всадников.

5. Главное стремление Плацида состояло в том, чтобы преградить им бегство в деревню. Он поэтому каждый раз устремлялся в ту сторону, поворачивал назад, беспрерывно поддерживал стрельбу, которой поражал приближавшихся, и удерживал натиск отдаленных. В конце, однако, храбрейшие силой пробились до самой стены. Стражи не знали, что им делать: с одной стороны им тяжело было не впускать гадарян из-за своих собственных людей; с другой же стороны, они боялись, что если примут их, то погибнут вместе с ними. Это действительно и случилось. Римские всадники едва не вторгнулись вместе с преследуемыми, стеснившимися у стены. Однако, осажденным удалось еще запереть пред ними ворота. Плацид был вынужден идти на приступ и, храбро сражавшись до вечера, получил в свою власть стену и обитателей деревни. Праздная масса была уничтожена; более знатные бежали; дома были ограблены солдатами, а деревня сожжена. Обратившиеся в бегство увлекли за собою и население окрестных деревень и повсюду распространяли панику, преувеличивая свое собственное поражение и распуская молву, что вся римская армия находится на ходу. Многочисленными толпами они стремились к Иерихону, ибо город этот, сильный своими укреплениями и огромным населением, еще твердо надеялся на свое собственное спасение. Плацид, опираясь на своих всадников и сопровождавшее его до сих пор счастье, следовал за ними по стопам до самого Иордана и на ходу убивал всех, кого догонял. Достигши реки, он всю массу стеснил к берегу и, так как быстрое течение реки,

разлившейся от дождей и сделавшейся поэтому непроходимой, лишало их возможности переправы, выстроился против них в боевой порядок. С своей стороны, иудеи, не находя исхода в бегстве, вынуждены были вступить в битву. Они растянулись по берегу в очень длинную линию и в этом положении выдержали стрельбу и набег всадников, которые, врубившись в неприятельские ряды, многих загнали в реку. Пятнадцать тысяч человек пало от меча, а загнанных, силой в реку было бесчисленное множество. Пленено было две тысячи двести и кроме того захвачена была очень богатая добыча, состоявшая из ослов, овец, верблюдов и рогатого скота.

6. Это поражение не уступало, правда, предыдущим, но оно казалось иудеям еще более гибельным, потому что не только вся местность, чрез которую они бежали, была полна крови и не только Иордан был запружен телами, но и Асфальтовое озеро было полно трупов, массами снесенных туда течением реки. Плацид, пользуясь своим счастьем, выступил против небольших городов и деревень в окрестностях, покорил Авилу, Юлиаду, Бесимот [29] и все населенные пункты до Асфальтового озера. Перебежчиков, способных к бою, он оставлял в каждом покоренном пункте в качестве гарнизонов. Затем он отправил своих солдат в лодках для уничтожения остатков, бежавших в озеро. Вся Перея до Махерона добровольно сдалась или была завоевана.

Глава ВОСЬМАЯ.

Веспасиан, узнав о волнениях в Галлии, спешит окончить войну с иудеями. — Описание Иерихона и Большой долины, а также Асфальтового озера.

1. Между тем получились известия о волнениях в Галлии и о том, что Виндекс с туземными предводителями отпал от Нерона, как об этом более точно описано другими [30] . Эти известия побудили Веспасиана поспешить с окончанием войны, ибо он уже прозревал будущие междоусобицы и опасное положение всего государства и думал, что в состоянии будет освободить Италию от ужасов, если раньше водворит мир на Востоке. В течение зимы он обеспечил за собою покоренные города и деревни тем, что расположил в них гарнизоны и поставил — первые под власть центурионов, а последние — декурионов. В то же самое время он приказал вновь обустроить многие разрушенные города и деревни. С началом же весны, он во главе большей части своего войска выступил из Кесареи в Антипатриду (I, 4, 7, 21, 9), где в продолжение двух дней приводил в порядок городские дела, а на третий поднялся, чтобы огнем и мечом опустошить окрестлежащие местности. По завоевании Фамнитской топархии (III, 3, 15) он пошел на Лидду и Иамнию (I, 2, 2), покорил и ту и другую, населил их жителями раньше перешедших к нему городов, которые казались ему подходящими для этого, и прибыл в Аммаус (I, II, 2). Отрезав населению этого города бегство в столицу, он построил здесь сильно укрепленный лагерь, в котором оставил пятый легион, а с остальным войском двинулся в Бетлептефитскую [31] топархию. Последнюю, равно, как и примыкавшую к нему область, он опустошил огнем, приказал тогда построить крепостцы в Идумее, на удобных местах, взял две деревни в сердце Идумеи, Бетарис и Кефартобу, где свыше десяти тысяч жителей уничтожил, больше тысячи забрал в плен, остальную массу разогнал и оставил на месте значительную часть войска, которое опустошало всю горную страну кругом. Сам Веспасиан с остатком войска возвратился в Аммаус, откуда он через Самарию и мимо так называемого Неаполиса или, как его туземцы называют, Маборфа [32], прибыл в Корею (I, 6, 5), на второй день Дайсия [33], разбил здесь лагерь, а на следующий день достиг Иерихона. Здесь соединился с ним один из военачальников, Траян (III, 7, 31, 10, 3), с его отрядами, приведенными им из Переи, так как весь заиорданский край был уже завоеван.

2. Большая часть жителей Иерихона, не выждав нападения римлян, бежала в лежащие против Иерусалима горы. Оставшиеся, которых было также не мало, были истреблены, и город, таким образом, опустел. Сам Иерихон расположен в долине, над которой возвышаются обнаженные от всякой растительности горные кряжи, тянущиеся на значительную длину; к северу до окрестностей Скифополя, а к югу до того места, где в древности стоял Содом, и до

берега Асфальтового озера. На всем своем протяжении горы эти лишены всякой культуры и вследствие своей бесплодности необитаемы. Параллельно им вдоль Иордана тянется другой горный хребет, начинающийся у Юлиады и еще севернее ее и простирающийся к югу до Соморра, на границе Петры в Аравии. К нему принадлежит также так называемая Железная гора [34], упирающаяся своей длиной в Моавитянскую страну. Земля, заключающаяся между обоими горными хребтами, называется Большой долиной и тянется от деревни Гиннабрина до Асфальтового озера; длина ее достигает двухсот тридцати стадий, а ширина ста двадцати. Посредине она прорезывается Иорданом и имеет два озера противоположной природы; Асфальтовое и Тивериадское, из которых первое соленое и бесплодное, а последнее пресное и жизнеобильное. В летнее время долина вся как будто выжжена а воздух в ней, вследствие непомерно высокой температуры, вреден для здоровья. Кроме Иордана долина не имеет никаких других водяных источников, вследствие чего пальмы особенно роскошны и плодоносны на берегах, но менее цветущи в отдаленных от них местах.

3. Возле Иерихона существует весьма обильный и чрезвычайно удобный для целей орошения источник, берущий свое начало близ древнего города, первого из завоеванный мечом в Ханаанской земле предводителем евреев, Иошуей сыном Навина. Этот источник, как говорят, в былые времена действовал пагубно на плоды не только земли и деревьев, но и женщин и вообще был вреден и приносил смерть всему живущему; но пророк Елисей, ученик и последователь Илии, облагородил его и сделал его совершенно здоровым и животворным. В благодарность за радушный прием и доброе расположение, оказанное ему жителями Иерихона, он на веки облагодетельствовал их и страну. Он подошел к источнику, бросил в пучину глиняный сосуд с солью, простер тогда свою праведную руку к небу и, принесши над источником умилостивительную жертву возлияния, молил Бога смягчить его воду, открыть для него более пресные жилы, смешать благоприятный воздух с его водами, дать жителям вместе с плодородием земли и продолжение рода и не отнимать у них животворной воды до тех пор, пока они останутся добродетельными. Сопровождая эту молитву еще разными движениями рук, по своему обыкновению, он совершенно преобразил источник [35], и вода, которая прежде была причиной бесплодия и голода, с того времени доставляла счастливое и многочисленное потомство; действие этой воды, употребляемой для орошения, так велико, что от одного смачивания ею земля делается более плодородной, чем при полном насыщении ее той же водою; а потому при обильном ее употреблении польза не велика, наоборот же при скудном орошении пользы больше. Источник орошает большее пространство, чем всякий другой; он прорезывает долину в семьдесят стадий длины и двадцать ширины и питает на этой долине прекраснейшие, густо насажденные друг возле друга парки. Почва производит здесь разных видов пальмы, орошаемые водою этого источника и отличающиеся друг от друга по названию и вкусу плодов. Более сочные плоды этих пальм прессуются и доставляют мед настолько вкусный, что он немногим только уступает настоящему. Впрочем, и пчелы также водятся в этой стране. Последняя, наконец, производит деревья, доставляющие бальзам — драгоценнейший из ее продуктов, равно как хенну [36] и миробалан [37]. По справедливости можно поэтому эту местность, дающую в таком огромном изобилии самые редкие и драгоценные плоды, назвать земным раем. По отношению к плодородию местности вообще можно сказать, что редкая полоса земли может выдержать сравнение с нею, — так щедро почва возвращает то, что вкладывают в нее [38]. Происходит это, на мой взгляд, от теплоты воздуха и плодотворной силы воды: первая располагает растение к пышному росту, между тем как влага укрепляет корни, внедряющиеся в землю, летняя же жара прибавляет им силу. В это время года почва бывает так накалена, что не легко что нибудь произрастает. Вода, заготовленная до восхода солнца и оставленная на открытом воздухе, делается очень прохладной и принимает температуру, противоположную окружающей атмосфере; зимою же она наоборот согревается и делается приятной для купанья. Зимою температура до того умеренна, что туземные жители носят

полотняное одеяние, в то время как в других частях Иудеи падает снег. От Иерусалима Иерихон отстоит на сто пятьдесят стадий, а от Иордана на шестьдесят. Страна до Иерусалима пустынна и камениста, полоса до Иордана и Асфальтового озера хотя более низменна, но также пустынна и бесплодна. Но счастливое положение Иерихона уже достаточно описано.

4. Подробного описания заслуживает также Асфальтовое озеро. Вода его, как уже было замечено, горька, неплодотворна, но притом так легка [39], что она удерживает на своей поверхности самые тяжелые предметы, бросаемые в нее, а человеку при самых напряженных усилиях не так легко окунуться в нее. Веспасиан, посетивший озеро для наблюдений над ним, приказал бросить в глубь несколько человек, не умеющих плавать, со связанными на спину руками, но все они, точно подхваченные ветром, были подняты вверх и остались плавать на поверхности. Замечательно также изменение цвета озера: три раза в день поверхность переменяет свой цвет и отражает солнечные лучи пестрой игрой цветов. Во многих местах озеро выделяете черные асфальтовые комья, которые плавают на воде, принимая по форме и величине вид воловьих туловищ без головы. Рабочие на озере пользуются ими, как источником пропитания, и собирают сливающаяся массы в лодки; когда челны наполняются, не легко бывает отбить собранную массу, так как последняя вследствие своей вязкости прилипает к дну; снимают ее с помощью месячной крови женщин или урины: этим средствам она поддается. Этот асфальт употребляется не только при строении судов, но и для лечебных целей, так как он примешивается ко многим лекарствам. Озеро имеет пятьсот восемьдесят стадий в длину, простираясь до Цоара в Аравии, и сто пятьдесят стадий ширины [40]. К нему примыкает область Содома, некогда богатая своим плодородием и благосостоянием городов, ныне же всецело выжженная. Она, как говорят, вследствие греховности ее жителей была уничтожена молнией. Еще теперь существуют следы ниспосланного Богом огня и еще теперь можно видеть тени пяти городов. Каждый раз появляется вновь пепел в виде известных плодов, которые по цвету кажутся съедобными, но как только ощупывают их рукой, они превращаются в прах и пепел [41]. Таким образом древние сказания о Содомской стране подтверждаются наглядно.

Глава ДЕВЯТАЯ.

Веспасиан после взятия Гадары готовится к осаде Иерусалима, но получив известие о смерти Нерона, переменяет, решение. — О Симоне из Геразы.

1. Чтобы изолировать Иерусалим со всех сторон, Веспасиан разбил лагери в Иерихоне и Адиде и в обоих городах поместил смешанные гарнизоны из римлян и союзников. Одновременно с тем он послал в Геразу Луция Анния с конным эскадроном и сильным отрядом пехоты. Тот взял город штурмом, перебил около тысячи юношей, не спасшихся бегством, семейства их обратил в военнопленников, а имущество жителей отдал в добычу солдатам. После всего он еще предал огню дома и бросился на соседние деревни. Кто мог, бежал, слабейшие погибли, а сами деревни были уничтожены огнем. Между тем как война охватила всю горную область и всю долину, жителям Иерусалима был отрезан всякий выход. Те, которые намеревались перейти к римлянам, охранялись зелотами, а те, которые еще не питали расположения к римлянам, были окружены войском, запершим теперь город со всех сторон.

2. Веспасиан только что вернулся в Кесарею и намеревался со всеми силами двинуться на Иерусалим, когда ему было сообщено о смерти Нерона, царствовавшего тринадцать лет и восемь дней. Как этот император обесчестил свой трон, оставив бразды правления в руках величайших злодеев, Нимфидия и Тигиллина, и недостойнейших вольноотпущенников; как затем последние составили заговор против него, а он, покинутый всеми телохранителями, с оставшимися верными ему только четырьмя отпущенниками бежал и в одном из предместий Рима сам лишил себя жизни; как те, которые его низвергли, были скоро после этого наказаны; какое течение и какой исход имела галльская война и как Гальба, провозглашенный императором, вернулся в Рим из Испании, но вскоре обвиненный своими

солдатами в низких замыслах, публично на форуме коварно умерщвлен, а Оттон возведен в его преемники, поход последнего против полководцев Вителлия и его падение; далее, восстания при Вителлии и бой у Капитолия; наконец, как Антоний Прим и Муциан после поражения Вителлия и германских легионов усмирили междоусобицу — обо всем этом я могу и не говорить подробно, как о делах общеизвестных и описанных многими эллинами и римлянами. Чтобы удержать связь событий и не прерывать нить истории, я вкратце указал на главнейшие моменты. — Веспасиан тогда отсрочил поход против Иерусалима, ибо он находился в напряженном выжидании, кому достанется престол после Нерона. И после того, как он услышал, что Гальба сделался императором, он не хотел приступить к нападению на Иерусалим, прежде чем не получит от него письменной инструкции насчет войны. Ввиду этого, он отправил к нему своего сына, Тита, который должен был приветствовать его и получить соответствующие приказания относительно иудеев. В тех же видах вместе с Титом поехал и царь Агриппа, пожелавший тоже посетить Гальбу. Но в то время, когда они на военных кораблях достигли берега Ахайи (дело было зимою), Гальба, процарствовавший семь месяцев и столько же дней, уже тоже был убит. На престол вступил Оттон, овладевший им силой. Агриппа, не взирая на перемену правления, бесповоротно решил ехать в Рим; но Тит, как по внушению свыше, поплыл из Эллады в Сирию и поспешно прибыл к своему отцу в Кесарею [42]. Томимые положением всего государства, ожидая потрясения римского царства, они с меньшим вниманием относились уже к войне с иудеями и, страшно озабоченные судьбой своего собственного отечества, считали нападение на чужих несвоевременным.

3. Но вместо этого над Иерусалимом стряслась другая война. Виновником ее был известный Симон сын Гиоры (II, 19, 2. 22, 2), уроженец Геразы, молодой человек, который всемогущему в Иерусалиме Иоанну уступал хотя в хитрости, но превосходил его телесной силой и безумной отвагой. Вследствие этого именно он был изгнан первосвященником Ананом из Акрабатской топархии, над которой начальствовал, и присоединился к разбойникам, занимавшим Масаду. Вначале они хотя с недоверием относились к нему и позволили ему поселиться вместе с привезенными им женами только в нижней части крепости, между тем как они сами находились в верхней, вскоре, однако, он, обнаружив одинаковые с ними наклонности и овладев их доверием, мог уже принимать участие в их разбойничьих набегах и помогал им в опустошении окрестностей Масады. К более важным предприятиям он их все-таки не мог склонить: привыкнув к крепости, они боялись удаляться от этой своей разбойничьей берлоги. Но Симон стремился к власти и жаждал более крупных подвигов. А потому, как только услышал о смерти Анана, он расстался с ними, отправился в горы, чрез вестников обещал рабам свободу, а свободным вознаграждение, и таким образом собрал вокруг себя негодяев со всех сторон.

4. Имея уже сильную шайку, он грабил деревни в горах; но когда чем дальше — все больше стекалось к нему людей, он отважился спуститься в долину. Теперь он сделался страшным и для городов. Многие из знатных, привлекаемые его могуществом и счастливыми успехами его предприятий, стекались к нему на свою гибель, так что в его войске, кроме рабов и разбойников, было также не мало граждан, повиновавшихся ему как царю. С этим войском он исходил всю Акрабатскую топархию и страну до Большой Идумеи, грабя на всем пути. Близ деревни Наина [43] он воздвигнул себе бастион, служивший ему, подобно крепости, гарантией безопасности; а в одной ложбине, называющейся Фараном, он устроил много пещер, кроме еще тех, которые нашел здесь готовыми, и превратил их в казнохранилища и магазины для помещения добычи; в них он хранил награбленный хлеб, в них также помещалась значительная часть его шайки. Ясно было, что эти пробные походы и другие приготовления ведут к экспедиции против Иерусалима.

5. Опасаясь изменнического нападения, зелоты решились опередить человека, возрастающее могущество которого сделалось угрожающим для них самих, и вооруженными в большом числе выступили ему навстречу. Симон принял сражение, многих из своих

противников уничтожил, а остальных загнал назад в город. Он не доверял еще своему войску настолько, чтобы отважиться на штурм и поэтому отступил, решившись прежде завоевать Идумею. Во главе двадцати тысяч тяжеловооруженных он двинулся к ее границам. Вожаки идумеян со всей поспешностью собрали со всей страны способных к бою, в числе около двадцати пяти тысяч, большую часть которых оставили однако внутри страны для защиты против вторжения сикариев из Масады, и встретили Симона на границе. Дело дошло до битвы и хотя весь день продолжался бой, все-таки не знали, кто победил или был побежден. Симон возвратился в Наин, а идумеяне — к себе домой. Не много времени прошло, как Симон еще с более сильным войском вновь вторгнулся в их страну. У деревни Текои он разбил лагерь и послал к гарнизону близ лежавшего Иродиона (I, 21, 10) одного из своих приближенных, Элеазара, с поручением склонить его к сдаче крепости. Гарнизон приветливо принял его, пока не знал еще о цели его прибытия; но как только тот намекнул на сдачу, они бросились на него с обнаженными мечами и преследовали его до тех пор, пока он, не имея куда скрыться, бросился со стены в пропасть. Он погиб моментально. Идумеяне же, которым могущество Симона внушало однако страх, порешили, прежде чем вступить в битву, выведать силы неприятеля.

6. На эту миссию вызвался добровольно Иаков, один из военачальников; но он замышлял измену. Из деревни Алура, где тогда сосредоточилось идумейское войско, он отправился к Симону и сговорился прежде всего насчет того, чтобы предать ему место своей родины, и взамен этого получил от него клятвенное обещание в том, что он навсегда останется в почете; затем он обещал ему еще свое содействие в покорении всей Идумеи, к чему Симон подстрекал его дружеским гостеприимством и подачей блестящих надежд. Когда после этого Иаков вернулся к своим, его первым делом было представить преувеличенное описание могущества войска Симона, затем в более интимных разговорах с начальниками и отдельными частями войск он старался привести все войско к решению принять Симона и без всякого вооруженного сопротивления передать ему высшую власть. Действуя таким образом, он одновременно с тем пригласил Симона чрез послов и обещал ему рассеять идумеян, что ему действительно и удалось. Ибо как только подступило войско Симона, он первый бросился на своего коня и, увлекая за собою своих сообщников, пустился бежать. Тогда страх обуял весь народ, и прежде чем дошло до столкновения, ряды расстроились и все отступили на родину.

7. Против ожидания, Симон без кровопролития вступил в Идумею и внезапным нападением взял прежде всего город Хеврон, в котором нашел богатую добычу и награбил огромные запасы хлеба. По свидетельству коренных жителей, Хеврон не только старше остальных городов в том краю, но древнее даже чем Мемфис в Египте, ибо они число его лет определяют в две тысячи триста [44]. Рассказывают также, что он служил местопребыванием Авраама, родоначальника иудеев, после его исхода из Месопотамии; оттуда также, как гласит предание, дети Авраама переселились в Египет. Их гробницы, прекрасно сделанные из великолепнейшего мрамора, по настоящий день показываются еще в том городе. На расстоянии шести стадий от города показывают также исполинское скипидарное дерево, существующее, как полагают, от сотворения мира [45]. Отсюда Симон исходил всю Идумею, не только опустошая деревни и города, но и разоряя всю страну. Ибо, кроме его тяжеловооруженных, следовали за ним сорок тысяч человек, так что самых необходимых съестных припасов не хватало для этой несметной толпы. К недостатку припасов присоединялась еще его жестокость и ожесточение против народа, что приводило еще к большему опустошению Идумеи. Подобно тому, как туча саранчи обнажает целые леса от листьев, так войско Симона оставляло позади себя полнейшую пустыню, сожигая одно, ломая другое, уничтожая все растущее на земле или растаптыванием или вытравливанием и делая своим походом возделанную землю обнаженнее пустыни. Словом, в опустошенных местностях не осталось ни малейшего признака обитаемости.

8. Эти события вывели зелотов из их бездеятельности. Преодолеть Симона в открытом сражении они хотя не надеялись, зато они устроили в узком проходе засаду и захватили в плен жену Симона с ее многочисленной свитой. Полные ликования, как если бы схватили самого Симона, они возвратились в столицу и ждали, что он сейчас положит оружие и смиренно будет просить выдачи ему жены. Но он не чувствовал жалости, а проникся только гневом против этого похищения и, явившись под стенами Иерусалима, точно раненный зверь, не могущий достигнуть того, который ранил его, выместил свою ярость на всех попавшихся ему на пути. Кто только выходил за городские ворота за дровами ли или овощами, невооруженные и старики, были схвачены и замучены насмерть; недоставало еще, чтобы он для утоления своей свирепости съедал их трупы. Многих он отослал с отрубленными руками обратно в город, с одной стороны, чтобы нагнать страх на своих врагов, а с другой, чтобы восстановить народ против виновных. Им поручено было также передать следующее: «Симон клянется Богом Всеведущим, что если ему сейчас же не выдадут жены, то он будет штурмовать стену и, не щадя никакого возраста, не различая виновных и невинных, одинаково накажет всех жителей города». Эта угроза устрашила не только народ, но и зелотов; они выдали ему жену, после чего он, немного смягченный, приостановил на время убийства.

9. Не в одной Иудее, впрочем, царили мятежи и междоусобицы, — они господствовали также и в Италии. Гальба был открыто умерщвлен на римском форуме и вместо него провозглашен императором Оттон [46], который в свою очередь воевал с Вителлием, избранным в императоры германскими легионами [47]. При Бедриаке в Галлии произошло столкновение между Оттоном, с одной стороны, и Валентом и Цецинной, полководцами Вителлия, с другой. В первый день побеждал Оттон, а во второй — войско Вителлия. Когда уже много крови было пролито, Оттон, узнавший в Брикселле о своем поражении, сам лишил себя жизни, процарствовав три месяца и два дня. Войско его перешло на сторону полководцев Вителлия, и последний со своей армией вступил в Рим. В это самое время, в пятый день месяца Дайсия [48], Веспасиан также выступил из Кесареи против еще незавоеванных округов Иудеи. Он поднялся в гористую страну и покорил две топархии, Гофнитскую и Акрабатскую, затем города Бефила и Эфраим, в которых оставил гарнизоны, и двинулся вперед к самому Иерусалиму. Много иудеев, попавших в его руки, было уничтожено, а большое число было также пленено. Один из его военачальников, Цереалий, во главе отделения всадников и пехоты, опустошал так называемую Верхнюю Идумею, сжег едва заслуживавшую названия городка Кафефру, на которую напал врасплох, и после нападения осадил другой город Кафарабин, имевший очень сильную обводную стену. В то время, когда он готовился вести здесь продолжительную осаду, жители вдруг открыли ему ворота и сдались, прося о пощаде. Обеспечив за собою этот город, Цереалий двинулся к древнейшему городу Хеврону, лежавшему, как выше было сказано, недалеко от Иерусалима в гористой местности. Взяв этот город с бою, он приказал всех способных носить оружие уничтожить, а город сжечь. Так как все, исключая занятых разбойниками крепостей, Иродиона, Масады и Махерона, было уже покорено, то ближайшей целью завоевания для римлян остался теперь Иерусалим.

10. Симон же, спасши свою жену из рук зелотов, возвратился в пощаженную им еще часть Идумеи и так стеснил народ со всех сторон, что многие бежали в Иерусалим. Но он погнался за ними и туда, еще раз атаковал стену и всех приходивших с полей рабочих, которых только мог поймать, убивал. Из внешних врагов был Симон для народа страшнее римлян, а зелоты внутри города были ему страшнее их обоих. Между тем безнравственность и разнузданность уничтожили также дисциплину в рядах галилейского войска. Ибо после того как Иоанн был возведен последним на вершину могущества, он в свою очередь, в благодарность за полученную от войска власть, предоставил ему делать все, что заблагорассудится. Тогда разбойничья жадность солдат сделалась ненасытной: дома богатых

обыскивались; убийства мужчин и оскорбления женщин служили им утехой. Обагренные еще кровью, они пожирали награбленное и из одного пресыщения бесстыдно предавались женским страстям, завивая себе волосы, одевая женское платье, натирая себя пахучим маслом и для красоты расписывая себе глаза. Но не только в наряде и уборе подражали они женщинам, но и в своих страстях и в избытке сладострастия измышляли противоестественный похоти. Они бесчинствовали в городе, как в непотребном доме, оскверняя его самыми гнусными делами. Женщины на вид, — они убивали кулаками; шагая изящной, короткой походкой, они вдруг превращались в нападающих воинов; из-под пестрого верхнего платья они вынимали кинжалы и пронизывали каждого, становившегося им на пути. Если кто бежал от Иоанна, то его ожидал еще кровожадный Симон; кто спасался от тирана внутри города, тот делался жертвой тирана, стоявшего вне города, так что желавшим перейти к римлянам был отрезан всякий путь.

11. Тогда в войске поднялось восстание против Иоанна: находившиеся в нем идумеяне отделились от других, чтобы напасть на Иоанна превосходство которого возбуждало в них соревнование, а жестокость его — ненависть. В рукопашном бою идумеяне убили много зелотов, а всех остальных прогнали в построенный Граттой (родственницей адиабенского царя Изата) дворец; но проникши и туда, они загнали зелотов еще дальше — в храм и тогда принялись за разграбление сокровищ Иоанна. Ибо названный выше дворец был его жилищем, где он также хранил добычу своей тирании. Между тем оставшаяся в городе масса зелотов устремилась к храму, соединилась с бежавшими сюда, и уже Иоанн начал делать приготовления к тому, чтобы повести их на бой против народа и идумеян. Тогда последние, превосходившие первых воинственностью, начали опасаться не столько открытого нападения со стороны зелотов, сколько того, чтобы они из отчаяния не напали на них тайно в ночное время и не истребили бы города огнем. Они созвали поэтому собрание и совещались с первосвященниками о том, каким образом обезопасить себя от такого покушения. Но Бог направил их мысли не на добрый путь, так что они избрали средство спасения, оказавшееся хуже гибели. Чтобы ниспровергнуть Иоанна, они решили принять в город Симона и, покорно смирясь, ввести другого тирана. И это решение было приведено в исполнение. Они послали первосвященника Матфию, который от их имени должен был просить столь страшного для них прежде Симона придти в город. К их просьбам присоединились также и те, которые бежали из Иерусалима от зелотов и надеялись теперь получить обратно свои дома и имущество. Симон высокомерно предоставил им милость сделаться их господином и вступил в город (с виду для того, чтобы освободить их от зелотов), приветствуемый народом, как спаситель и покровитель. Но вошедши в город вместе со своим войском, он все свои усилия направил на то, чтобы упрочить за собою верховную власть и одинаково враждебно начал относиться как к тем, которые его приглашали, так и к другим, против которых он был призван.

12. Итак, на третий год войны в месяце Ксантике [49] Симон сделался властелином Иерусалима. Иоанн же и многочисленные зелоты, для которых все выходы из храма были заперты и у которых было отнято все, чем они владели в городе (так как войско Симона уже разграбило всякую их собственность), находились в отчаянном положении. Поддерживаемый народом, Симон сделал нападение на храм. Но зелоты, расположившись на галереях и брустверах храма, отразили его; множество из людей Симона пало и не мало было унесено ранеными, ибо зелоты с своих возвышенных позиций стреляли легко и всегда попадая в цель. Кроме того, они, пользуясь благоприятной местностью, воздвигли четыре могущественных башни, чтобы посылать свои стрелы еще с более высоких пунктов; одну на северо-восточном конце, другую над Ксистом, третью на противоположном конце, насупротив Нижнего города, а последняя была построена над верхними помещениями, на том месте, где по прежнему обычаю в вечер, предшествующий субботе, становился один из священников и трубным звуком возвещал о наступлении последней, равно как на следующий

вечер — об ее окончании, чтобы таким образом в первый раз дать знать народу о прекращении всех дел, а во второй раз — об их возобновлении [50]. На этих башнях они разместили катапульты и другие метательные машины, равно как стрелков и пращников. С этих пор Симон уже не был так горяч в своих нападениях, так как большая часть его людей потеряла мужество, но в силу численного своего превосходства все еще держался. Вылетавшие на более далекое расстояние стрелы метательных машин производили однако большие опустошения в рядах его бойцов.

Глава ДЕСЯТАЯ.

Войска в Иудее и Египте провозглашают Веспасиана императором. — Веспасиан освобождает Иосифа из оков.

1. В это время и над Римом стряслись страшные бедствия. Вителлий с своим войском и еще с многочисленной толпой народа, которую он тащил за собою, прибыл из Германии и, так как все солдаты не могли поместиться в предназначенные для них здания превратил весь Рим в лагерь и каждый дом наполнил вооруженными. Последние, глядя на богатства римлян непривычными глазами, ослепляемые со всех сторон золотом и серебром, не могли обуздать свою жадность настолько, чтобы не приняться за грабежи; каждого же который препятствовал им в этом, они убивали. Таково было положение в Италии.

2. Когда Веспасиан после покорения ближайших окрестностей Иерусалима вернулся в Кесарею, он узнал здесь о беспорядках в Риме и о том, что Вителлий сделался императором. Хотя он умел повиноваться так же, как и повелевать, все-таки известие это привело его в негодование, ибо человека, так безумно распоряжавшегося точно в осиротевшем царстве, он считал недостойным престола. Будучи проникнут самыми мучительными мыслями, он чувствовал всю тягость своего положения как покорителя чужих земель в то время, как его собственное отечество погибало. Но как ни побуждал его гнев к мщению, мысль о большой отдаленности пространства в той же степени удерживала его: он подумал, какие препятствия может поставить ему коварная судьба еще прежде, чем он высадится на италийский берег, тем более, что плавание по морю выпадало бы в зимнее время, а потому он на этот раз подавил в себе гневное нетерпение.

3. Но военачальники и солдаты на своих товарищеских сходках открыто совещались о перемене правления и свое неудовольствие выражали в громких жалобах: «Солдаты в Риме, говорили они, утопающие в благоденствии, изнеженные уши которых не могут даже слышать слово «война», отдают царский трон по своему благоусмотрению и назначают императоров из одной только корысти; они же, перенесшие столько военных трудностей и поседевшие под шлемом, должны ли они предоставить господство другому, когда в своей же среде имеют человека, наиболее достойного власти. Когда они еще раз найдут случай воздать ему за его добрые отношения к ним, если они упустят настоящий момент? И Веспасиан настолько же имеет больше права на престол чем Вителлий, насколько они сами достойнее тех, которые избрали последнего. Ибо они вели отнюдь не менее значительный войны, чем те в Германии, и владеют оружием не хуже тех, которые оттуда привели тирана. В борьбе совсем не представится надобности, ибо ни сенат, ни римский народ не предпочтут необузданность Вителлия умеренности Веспасиана; не предпочтут они жестокого тирана доброму царю, бездетного [51] — тому, кто уже имеет сына. Вернейшее ручательство мирного царствования лежит в истых доблестях властелина. А потому, подобает ли верховная власть долголетней опытности, то они имеют Веспасиана; если она приличествует силе молодости, то они имеют Тита. Они поэтому, смотря по обстоятельствам, воспользуются возрастом того и другого. Избранника сумеют энергично отстаивать не только они в числе трех легионов, находящиеся также в союзе с царями, но ему будут содействовать еще весь Восток и часть Европы, оставшаяся вне страха пред Вителлием, точно также союзники в Италии, брат и второй сын Веспасиана [52]. К последнему примкнут многие знатные юноши; а первому вверена даже охрана города [53], что имеет не малое значение для получения власти. Независимо от этого,

если они будут медлить, сенат может еще признать императором такого человека, к которому они, солдаты, защитники государства, не будут питать никакого уважения».

4. Подобные разговоры вели солдаты на своих сходках. Вскоре они собрались всей массой и, ободряя друг друга, провозгласили Веспасиана императором и призвали его на спасение обуреваемого отечества. Он сам давно уже был озабочен положением государства, не думая все-таки о собственном восшествии на престол. По своим заслугам он считал себя, конечно, достойным престола, но предпочитал спокойствие частной жизни опасностям такого блестящего положения. Но чем больше он отказывался, тем настойчивее сделались военачальники; солдаты окружили его с обнаженными мечами и угрожали ему смертью, если он не захочет с честью жить. После того, как он представил им все основания, по которым отклоняет от себя власть, он, видя, что не может их разубедить, в конце концов уступил своим избирателям.

5. Так как Муциан и другие полководцы также подбивали его принять императорское достоинство, а войско громко объявило себя готовым идти против всякого его противника, то он старался прежде всего обеспечить себе Александрию, ибо он хорошо знал великое значение Египта для государства, как поставщика хлеба для последнего. Владея этой страной, он надеялся низвергнуть Вителлия, если даже последний будет отстаивать свое господство силой, так как народ, если только из-за него подвергнется голоду, наверно не захочет долго терпеть его. Находившиеся в Александрии два легиона он надеялся привлечь на свою сторону. Вместе с тем он рассчитывал найти в Египте оплот против непредвиденных несчастных случайностей; ибо со стороны материка страна эта едва доступна, а со стороны моря лишена удобных портов; на западе тянутся безводные пустыни Ливии, на юге ее замыкает Сиена, отделяющая ее от Эфиопии, и неудобные для плавания водопады Нила, на востоке, до Копта, ее омывает Красное море, а на севере береговая полоса до Сирии и так называемое Египетское море, не имеющее ни единого порта, служат ей защитительной стеной. Так защищен Египет со всех сторон. Длина его от Пелузия до Сиены составляет две тысячи стадий; но морем от Плинфины [54] до Пелузия [55] ехать приходится три тысячи шестьсот стадий. Нил судоходен до города Элефантина; отсюда же вверх плаванию препятствуют упомянутые уже водопады. Гавань в Александрии даже в безбурную погоду с трудом доступна, ибо въезд узок и проезжая дорога извивается в кривую линию между невидимыми подводными скалами. Левая сторона гавани прикрыта искусственными сооружениями; на правой находится островок Фарос с очень высокой башней, освещающей мореплавателям дорогу на триста стадий [56], дабы они ночью, ввиду трудности въезда, могли остановиться в некотором отдалении. Этот маленький островок обнесен кругом высокими стенами и искусственными плотинами. Волнение, образующееся здесь от того, что волны с одной стороны разбиваются о плотину, а с другой отбрасываются назад противолежащими прибрежными строениями, делает этот водяной путь очень бурным и беспокойным, а въезд, еще вследствие его тесноты, опасным. Внутри же гавань, наоборот, совершенно безопасна и занимает пространство в тридцать стадий. В нее ввозится все, в чем страна нуждается для своих жизненных потребностей, извне; с другой стороны, излишек ее собственных продуктов оттуда развозится по всему свету.

6. Вполне понятно поэтому, почему Веспасиан для укрепления своей власти старался заручиться этой страной. Немедленно написал он наместнику Египта и Александрии, Тиверию Александру, изобразил ему преданность войска и как ему, принужденному принять на себя тяжесть правления, приятно будет воспользоваться его помощью и содействием. Сейчас по прочтении этого письма Александр приказал легионам и народу присягнуть на верность Веспасиану. Они повиновались с радостью, так как достоинство Веспасиана были им хорошо известны по его делам на близком к ним театре войны. Александр, которому досталась такая важная роль при возвышении Веспасиана [57], начал теперь готовиться к тому, чтобы достойным, образом встретить его. С неимоверной быстротой весть о новом императоре

разнеслась на Востоке. Каждый город устраивал празднества с жертвоприношениями по случаю полученной доброй вести и в честь нового императора. Легионы в Мезии [58] и Панонии [59], которые незадолго пред тем восстали против дерзкого Вителлия [60], теперь с тем большей радостью принесли присягу на верность Веспасиану, как своему императору. Сам Веспасиан выступил из Кесареи и отправился в Берит, где со всей Сирии и других провинций ожидали его многие посольства, вручившие ему от всех городов венки и приветственные адресы. И Муциан, правитель Сирии, также явился и доложил ему о преданности населения и покорности городов.

7. Так как все шло навстречу желаниям Веспасиана и обстоятельства почти вполне складывались в его пользу, то ему пришло на ум, что не помимо божественного предначертания он взялся за кормило правления и что владычество присуждено ему высшей судьбой. Среди многочисленных других знамений, предвещавших ему господство, он вспомнил тогда и слова Иосифа, который еще при жизни Нерона осмелился величать его титулом императора (III, 8, 9). Он ужаснулся, когда вспомнил также, что этот человек содержится у него еще в оковах, созвал поэтому Муциана с остальными полководцами и друзьями, охарактеризовал пред ними, во-первых, энергичный характер Иосифа и как последний воевал с ним под Иотапатой, рассказал затем о его пророчестве, которое он тогда принимал за выдумку, навеянную страхом, и которое однако, как показали время и факты, исходило от Бога. «Было бы грешно, продолжал он, если бы этот человек, предсказавший мне господство и сделавшийся выразителем воли Бога, продолжал бы еще оставаться в положении военнопленника и по-прежнему влачил бы кандалы». После этого он приказал призвать Иосифа и освободить его от оков. Эта признательность, проявленная Веспасианом к чужому, послужила для самих полководцев указанием на лучшее будущее. Тит же, стоявший возле своего отца, в это время сказал: «Было бы справедливо, отец, если б вместе с оковами снять с Иосифа также и позор: если вместо того, чтобы развязать его от цепей, мы разрубим последние, тогда это будет равносильно тому, как будто он их никогда не носил». Таков именно обычай по отношению к тем, которые невинно были подвергнуты оковам. Император дал на это свое согласие: подошел слуга и разрубил цепи. Таким образом восстановлена была честь Иосифа в воздаяние за его пророчество, и отныне стали относиться с доверием к его словам в вопросах о будущем.

Глава ОДИННАДЦАТАЯ.

После поражения и смерти Вителлия Веспасиан отправляется в Рим, а сын его Тит возвращается в Иерусалим.

1. Распустив посольства и разделив наместничества по заслугам и достоинствам, Веспасиан отправился в Антиохию и, обдумывая здесь, куда ему прежде всего направиться, пришел к решению, что римские дела для него важнее похода в Александрию, так как в этом городе он был уверен, между тем как Рим был волнуем Вителлием. Ввиду этого, он послал Муциана в Италию во главе значительной армии из конницы и пехоты. Так как дело происходило зимою, то Муциан не решался ехать морем и повел свое войско сухим путем чрез Каппадокию и Фригию.

2. В то же время Антоний Прим, бывший тогда правителем Мезии, поднялся оттуда с третьим легионом, чтобы также напасть на Вителлия. Последний выслал против него с многочисленным войском Цецинну, о котором он, вследствие победы его над Оттоном, был высокого мнения. Скорым маршем Цецинна выступил из Рима и столкнулся со своим противником у Кремоны, в Галлии, — пограничного города Италии. Убедившись здесь в силе и прекрасной организации неприятельского войска, он не отважился на сражение и, считая также обратное отступление опасным, решился на измену [61]. Он собрал подчиненных ему центурионов и трибунов и старался склонить их на переход к Антонию, умаляя в их глазах могущество Вителлия и возвышая, напротив, силы Веспасиана. «Один, — сказал он, — имеет только титул властелина, а другой — силу. Лучше всего будет поэтому, если они из нужды

сделают доброе дело, и так как с оружием в руках они неминуемо будут побеждены, то пусть добровольным решением предупредят опасность. Веспасиан в состоянии будет и без них покорить себе то, что ему еще осталось, Вителлий же и при их помощи не сумеет отстоять даже и то, что уже имеет».

3. Многими подобными увещаниями он их склонил и вместе со всем своим войском перешел к Антонию. Но в ту же ночь солдатами овладело раскаяние, да и страх перед тем, который их послал и который мог еще оказаться победителем. С обнаженными мечами они напали на Цецинну и хотели убить его; и они бы это сделали, если бы трибуны на коленях не вымолили его спасения. Но они согласились только оставить его в живых и заключили его в кандалы, как изменника, намеревавшись послать его к Вителлию. Как только узнал об этом Прим, он приказал трубить о выступлении и повел своих людей вооруженными против отпавших. Последние приняли сражение, но после краткого сопротивления показали тыл и бежали к Кремоне. Тогда Прим, своими всадниками, отрезал им вход, перебил большую часть тех, которых оцепил, вместе с остальными вторгся в самый город и отдал его солдатам на разграбление. Много чужих и туземных купцов погибло тогда [62], точно также и все войско Вителлия, состоявшее из 30 200 человек. Впрочем, и Антоний потерял из своего мезийского легиона 4, 500 человек. Цецинну он приказал освободить от оков и послал его к Веспасиану для сообщения ему этих событий. Последний милостиво принял его и нежданными почестями покрыл позор его измены.

4. Известие о приближении Антония вселило также мужество Сабину в Риме: он привлек на свою сторону войска, сосредоточившие в своих руках ночную охрану города, и ночью же занял ими Капитолий. Когда утро наступило, к нему еще примкнули многие знатные граждане, в том числе также и сын его брата — Домициан, на котором главным образом строили надежду на победу. Прим не особенно беспокоил Вителлия, но участники восстания Сабина наполнили его гневом. Жестокий по природе и жадный к благородной крови, он приказал приведенному им в Рим войску сделать приступ на Капитолий. Штурмовавшие, равно как и сражавшиеся с храма, выказывали много подвигов храбрости, но германцы, в конце, концов благодаря своему численному превосходству, овладели холмом. Только Домициан и с ним многие знатные римляне каким-то чудом спаслись, вся же остальная масса была разбита наголову; Сабин был приведен к Вителлию и казнен, а храм, после того, как солдаты разграбили находившиеся в нем священные приношения, был предан огню [63].

Только на один день позже прибыл в город Антоний со своим войском; отряды Вителлия стали против него и дрались в трех пунктах города, но были совершенно разбиты. Шатаясь от вина, подобно человеку, в последний раз пред гибелью своей насытившемуся за обеденным столом, Вителлий вышел из своего дворца, но был схвачен чернью, которая поволокла его по улицам и, вдоволь наглумившись, убила его в самом Риме [64]. Он царствовал восемь месяцев и пять дней. Живи он больше, всей империи, кажется, не хватило бы для его обжорства [65].

Прочих убитых насчитано было свыше пятидесяти тысяч. Это произошло в третий день месяца Апеллая [66]. Через день вступил Муциан со своим войском и прежде всего приказал людям Антония прекратить убийства, ибо последние обыскивали дома и продолжали еще убивать солдат Вителлия и многих граждан из его приверженцев, не делая, впрочем, в своем ожесточении строгого разграничения. Затем он представил народу Домициана в качестве правителя до прибытия его отца. Граждане, освобожденные теперь от всякого страха, радостно провозгласили Веспасиана императором и праздновали его возвышение одновременно с падением Вителлия [67].

5. Прибывши только что в Александрию [68], Веспасиан получил эти радостные известия из Рима. В то же время явились посольства с приветствиями со всех частей покорного ему мира; город, — второй по величине после Рима, — был тесен для нахлынувших масс людей. И вот, теперь, когда его власть была признана повсюду и Римское государство неожиданно

спасено, Веспасиан опять обратился к неоконченной им еще задаче в Иудее. Сам он готовился в конце зимы ехать в Рим, вследствие чего он быстро закончил свои дела в Александрии, для завоевания же Иерусалима он послал своего сына Тита с отборным войском. Последний отправился сухопутьем до Никополиса, двадцать стадий от Александрии, пересадил здесь войско на корабли и плыл по Нилу до города Тмуиса, Мендесского округа. Высадившись в этом месте, он пошел сухопутьем вперед и устроил стоянку возле городка Таниса. Вторую ночную стоянку он имел в Ираклеополе, а третью — в Пелузии. Здесь он отдохнул два дня; на третий день он перешел через пелузийское устье Нила; весь день шел по пустыне и остановился у храма Зевса Касийского, а на следующий день — у Остракины, безводной местности, жители которой привозят себе воду извне. После этого он отдохнул еще в Ринокоруре (I, 14, 2), достиг затем четвертой станции, Рафии (I, 4, 2), первого сирийского города, в пятый раз разбил лагерь под Газой, в следующий — под Аскалоном, отсюда двинулся к Иамнии, затем — в Иоппию, а из Иоппии в Кесарею, куда он намеревался стянуть и остальные военные силы.

Конец четвертой книги

ПЯТАЯ КНИГА.

Глава ПЕРВАЯ.

О междоусобиях в Иерусалиме и проистекавших от них для города бедствиях.

1. После того, как Тит указанным путем прошел пустыню между Египтом и Сириею, он прибыл в Кесарею, где прежде всего хотел привести в порядок свое войско. В то время как он в Александрии помогал своему отцу укрепить новое, Богом дарованное ему господство, смуты в Иерусалиме еще более разрослись и образовались три партии, обратившие свое оружие друга против друга, что, пожалуй, в несчастии можно было бы еще назвать счастьем и делом справедливости. Враждебные действия зелотов против народа, носившие в себе начало падения государства, подробно описаны выше от самого возникновения до гибельного их возрастания. Не без справедливости можно назвать это состояние мятежом в мятеже, который, подобно взбесившемуся зверю, за отсутствием питания извне, начинает раздирать свое собственное тело.

2. Элеазар, сын Симона, тот самый, который прежде побудил зелотов отделиться от народа в храм [1], как бы из негодования против жестокостей; совершаемых изо дня в день неистощимым в своей кровожадности Иоанном, в действительности же потому, что ему было невыносимо подчиняться восставшему после него тирану, помышляя сам о единовластии и стремясь к господству, — этот Элеазар основал отдельную партию, привлекши к себе из влиятельных лиц Иуду, сына Хелкии, и Симона, сына Эзрона, к которым присоединился еще Эзекия сын Хобари, человек не безызвестный, а каждый из них в отдельности увлекал за собою не малое количество зелотов. Они заняли внутреннее пространство храма и над священными воротами, на виду Святая Святых, водрузили свое оружие. Обилие жизненных припасов укрепляло их дух, ибо жертвенные даяния доставляли этим людям, считавшим все дозволенным, избыток во всем; но они были озабочены малочисленностью своих сил, а потому, сложив оружие на означенном месте, они оставались в покое. С другой стороны, преимущество Иоанна над ними в превосходстве сил терялось позицией, которую он занимал, ибо враги стояли над его головой, а потому он не мог нападать на них без опасности для себя. Однако, ожесточение не давало ему покоя: терпя больше вреда, чем сам

причинял Элеазару, он все-таки не переставал нападать; беспрестанно повторялись вылазки, а перестрелка продолжалась беспрерывно. Все места храма были осквернены убийствами.

3. Симон, сын Гиоры, тот тиран, которого народ в своем отчаянии призвал к себе на помощь и который имел в своих руках Верхний город и большую часть Нижнего, еще с большей настойчивостью напирал теперь на людей Иоанна, подвергавшихся нападению также и сверху. Симон же производил свои нападения снизу; находясь по отношению к Иоанну в таком же положении, в котором последний находился по отношению к тем, которые стояла выше его, Иоанн, теснимый с двух сторон, так же легко терпел потери, как легко наносил их сам, ибо насколько он, благодаря своей позиции, был сильнее Симона, на столько же он был слабее Элеазара. Нападения снизу он мог легко отражать руками; против тех же, которые сражались с высоты храма, он защищался машинами. В его распоряжении находилось немало катапульт и других камнеметен, которыми он не только поражал врагов, но и убивал многих, приносивших жертвы. Хотя они в своем безумии позволяли себе всякие бесчинства, все же они впускали в храм желающих жертвовать, ограничиваясь лишь обыском последних; причем коренные жители обыскивались более строго, чем чужеземные иудеи. Но когда иудеи своими просьбами обезоруживали их жестокосердие и вступали в храм, то здесь они падали жертвами царившей междоусобицы, ибо стрелы силой машин долетали до жертвенника и храма и попадали в священников и жертвоприносителей. Многие, поспевшие из дальних стран ко всемирно-известному и священному для всех людей месту, падали пред своими жертвами и своей кровью смачивали алтарь, высоко чтившийся всеми эллинами и варварами. Тела туземцев и чужих, священников и левитов, лежали смешавшись между собою и кровь от этих различных трупов образовала в пределах святилища настоящее озеро. Испытал ли ты, несчастнейший из городов, нечто подобное от римлян, которые вступили в тебя для того, чтобы тебя очистить от гнусных поступков твоих собственных детей? Ибо Божиим городом ты уже перестал быть и не мог быть больше после того, как ты сделался могилой твоих собственных граждан и когда ты храм превратил в кладбище для жертв, павших в междоусобной борьбе. Быть может, ты когда-нибудь опять возродишься, если ты умилостивишь Бога, который разрушил тебя! Однако, долг историографа повелевает подавить в себе чувства горести, ибо здесь не место для личной скорби, а для описания событий. Я прослежу поэтому дальнейшее развитие восстания.

4. Таким образом, внутренние враги города были разъединены на три враждебных лагеря: Элеазар и его приверженцы, под охраной которых находились посвященные храму первые плоды, неистовствовали против Иоанна, а шайка последнего грабила жителей и стояла против Симона. Но и Симона для поддержки против другого лагеря мятежников город должен был снабжать провиантом. Иоанн, подвергаясь нападениям с двух сторон, выстраивал своих людей двумя противоположными фронтами и в то время, когда с галерей обстреливал противников, вторгавшихся из города, он посредством машин защищался против копьеметателей, сражавшихся с храма. Как только нападавшие сверху давали ему вздохнуть свободно (что случалось часто, когда те напивались или были утомлены), он во главе многочисленного войска предпринимал смелые вылазки против Симона и по мере того, как отбивал его назад в глубь города, сожигал на всем пространстве здания, наполненные зерном и разного рода другими припасами. Когда отступал Иоанн, тоже самое делал Симон, точно они нарочно, в угоду римлянам, хотели уничтожить все, что город приготовил для осады, и умертвить жизненный нерв своего собственного могущества. Последствием было то, что все вокруг храма было сожжено, что в самом городе образовалось пустынное место, вполне пригодное для поля битвы между воюющими партиями, и что весь хлеб, которого хватило бы для осажденных на многие годы, за небольшим исключением был истреблен огнем [2]. Таким образом город пал от голода, который отнюдь не мог бы наступить, если бы его не подготовили сами же мятежники.

5. В то время, когда город со всех сторон громили его внутренние враги и ютившийся в нем всякий сброд, все население его, как одно огромное тело, терзалось в сознании своей беспомощности. Старики и женщины, приведенные в отчаяние бедствиями города, молились за римлян и нетерпеливо ожидали войны извне, чтобы избавиться от потрясений внутри. Граждане, объятые паническим страхом и совершенно растерявшись, не имели ни времени, ни возможности подумать о возврате; не было также надежды ни на мир, ни на особенно желанное бегство. Ибо все было занято стражами, и как ни враждовали между собой главари разбойников во всем остальном, но мирно расположенных людей или заподозренных в желании бежать к римлянам, они убивали, как общих врагов; их солидарность только и проявлялась в умерщвлении тех, которые заслуживали быть пощаженными. День и ночь беспрерывно слышались громкие крики сражавшихся, но еще печальнее было тихое стенание плачущих. Хотя несчастия одно за другим приносили все новые и новые поводы к плачу, но страх замыкал рот и сдерживал громкие вопли, боязнь удерживала чувства от проявления и они терзались подавленными стенаниями. Не было больше уважения и сочувствия к родственникам; исчезла забота о погребении убитых, — до того каждый был удручен своим собственным отчаянием. За исключением тех, которые участвовали в мятеже, все сделались бесчувственными ко всему, да и видели они пред собою только неминуемую свою гибель. А мятежники, стоя на грудах трупов, все неистовее боролись между собою, точно они бешеную ярость сосали из трупов под их ногами. Измышляя друг против друга все новые козни, исполняя с бессердечием каждое свое решение, они не оставляли неиспробованным ни единого рода беззакония и жестокости. Иоанн употреблял даже священный лес для постройка военных машин. Народ и священники еще раньше решили подпереть храм снизу и поднять его на двадцать локтей; тогда царь Агриппа с величайшими затратами и усиленными трудами доставил на место из Ливана [3] строевой лес, достойный удивления по стройности и длине стволов; теперь же, когда война прервала строительные работы, Иоанн приказал разрезать балки и строить из них башни, находя эти балки по их размерам пригодными для целей борьбы со сражавшимися с ним сверху храма; он воздвиг башни за стеной, против западной галереи, где собственно и возможно было их построить, так как другие части храма отстояли слишком далеко вследствие ступеней [4].

6. Этими сооружениями, устроенными с неблагочестивой целью, Иоанн надеялся победить своих врагов. Но Бог разрушил его планы, приведя к городу римлян еще прежде, чем кто-нибудь из его людей успел стать на сооруженные им башни. Тит именно выступил из Кесареи с одной частью армии, послав другой части приказание соединиться с ним под Иерусалимом. Он имел при себе три легиона, прежде опустошавшие Иудею при его отце, и двенадцатый легион, который раньше под предводительством Цестия был побежден, но который всегда отличался храбростью, и теперь, помня то поражение (II, 18, 9), еще с большей жаждой боя спешил отомстить. Пятый легион получил приказание присоединиться к нему чрез Аммаус, а десятый — чрез Иерихон идти на Иерусалим. Сам же Тит выступил с остальными отрядами, к которым примкнули вспомогательные войска царей, возобновленные и усиленные, и еще много союзников из Сирии. И та рать, которую Веспасиан выделил из четырех легионов и послал с Муцианом в Италию, была опять пополнена из приведенных Титом отрядов, так как из александрийского войска за ним последовали две тысячи отборных солдат и кроме них стянуты были к нему три тысячи воинов из гарнизонов на Евфрате [5]. При нем находился также самый испытанный своей преданностью и славившийся своей опытностью в военном деле друг его, Александр Тиверий, бывший правитель Египта, которому он теперь поручил начальство над войском. Он казался достойным своего назначения, так как он первый из всех признал власть нового императора и с безотчетной преданностью связал свою собственную судьбу с темной еще будущностью последнего (IV, 10, 6). Выделяясь своим возрастом и опытностью, он сопровождал Тита в качества советника в войне [6].

Глава ВТОРАЯ.

Как Тит двинулся к Иерусалиму. — Как он, высматривая город, подвергся опасности и где расположился лагерем.

1. Поход Тита во вражескую страну открывали отряды царей и все, прочие вспомогательные войска; за ними шли строители дорог и квартирмейстеры, а также вьючные животные с багажом предводителей; за ними, под прикрытием тяжеловооруженных, следовал сам полководец, окруженный многочисленным отборным войском и копьеносцами. Вслед за ними и непосредственно перед машинами ехали принадлежавшие к легионам всадники, а позади машин — трибуны под прикрытием отборного войска и начальники со своими когортами. За ними появлялись полевые знамена с орлом в средине, предшествуемые трубачами, а тогда уже — главное ядро легионов, по шести человек в ряду. Каждый легион имел за собою свой обоз, который возил поклажу. Наконец, во хвосте находились наемные отряды и охранявший их арьергард. В таком обычном у римлян порядке похода (III, 5) Тит подвигался через Самарию в Гофну, завоеванную еще его отцом (IV, 9, 9) и снабженную теперь гарнизоном. Здесь он переночевал и на следующее утро двинулся дальше. Маршируя целый день, он к вечеру разбил лагерь на месте, называемом иудеями на их родном языке «Шиповой долиной», возле деревни Гаватсаула (что обозначает холм Саула) на расстоянии около тридцати стадий от Иерусалима. Отсюда он с шестьюстами избранных всадников отправился на разведку, желая ознакомиться с укреплениями Иерусалима и настроением иудеев и попытаться вместе с тем, не сдадутся ли они со страха без борьбы при одном его появлении; ибо он знал, как это и было в действительности, что народ, находившийся под гнетом мятежнической партии и разбойников, жаждал мира и только потому бездействует, что чувствует себя бессильным.

2. Пока Тит ехал по большой дороге, ведущей прямо к стене, никто не показывался у ворот; когда же он возле башни Псефина, свернув с дороги, повел свою конницу в сторону, несметные враги ринулись внезапно мимо так называемых Женских башен через ворота, лежавшие против памятника Елены, прорвали линию всадников, бросились навстречу находившимся еще на дороге, воспрепятствовали им соединиться с другими, свернувшими уже в сторону, и таким образом отрезали Тита с немногими людьми. Идти вперед Титу было невозможно, так как все пространство до стены было изрыто канавами, сделанными для плантаций, и поперечными садами, обведенными многими заборами; но и обратное отступление к своим он тоже нашел отрезанным многочисленным неприятелем, находившимся в средине, большинство же его людей, неподозревавшее опасности своего государя [7], разбежалось в том предположении, что и он вместе с ними повернул назад. Видя тогда, что его спасение может зависеть только от личной его храбрости, он поворотил своего коня назад, крикнул своей свите следовать за ним и бросился в самую толпу неприятеля, чтобы силой проложить себе дорогу к своим. Тогда-то можно было убедиться воочию, что перипетии войны и судьба государей находятся в руках Божиих: сколько ни летело стрел на Тита, который был без шлема и без щита (ибо, как уже было сказано, он выехал не как воин, а только в качестве разведчика), все-таки ни одна его не задевала, а все без всякого действия просвистели мимо, точно они с умыслом не попадали в цель. С мечом в руках, прокладывая себе дорогу чрез напиравших на него с боку, перескакивая чрез многих, становившихся ему на пути, он мчался на коне чрез опрокинутых все вперед и вперед. При виде этой смелости Цезаря, они подымали крик и друг друга призывали к нападению на него; но куда только устремлялся он, все бежало и рассеивалось. Разделявшие с ним опасность товарищи его, получая удары сзади и с боков, держались тесно возле него, ибо каждый из них имел еще надежду на спасение: помочь Титу открыть себе выход прежде чем его не оцепили. Двое из самых задних пали: один был оцеплен на коне и заколоть, другой, соскочивший с коня, был также убит, а его конь уведен. Но с остальными Тит благополучно

спасся в лагерь. Успех иудеев при этой первой стычке, внушил им сумасбродные надежды: мгновенная милость судьбы вселила им страшную самоуверенность.

3. На следующий день Тит, после того, как ночью присоединился к нему легион из Аммауса, снялся с лагеря и двинулся вперед до места, называемого Скопом. Отсюда открывается вид на город и исполинское здание храма, вследствие чего это примыкающее к северу от города плоскогорье весьма кстати названо Скопом [8]. Находясь еще в семи стадиях от города, он приказал построить для обоих легионов один общий лагерь, а позади них в трех стадиях — другой лагерь для пятого легиона, ибо ввиду того, что солдаты последнего были утомлены от ночного похода, он нашел нужным отвести им более защищенное место, дабы они тем спокойнее могли укрепиться. Едва только они приступили к сооружению лагеря, как появился уже десятый легион из Иерихона, где им оставлена была часть тяжеловооруженных для охранения этого завоеванного Веспасианом прохода (IV, 9, 1). Этот легион получил приказание расположиться лагерем в шести стадиях от Иерусалима на так называемой Елеонской горе, лежащей против города на востоке и отделенной от него глубокой лощиной, называющейся Кидроном.

4. Только война извне, мощно и внезапно обрушившаяся на город, положила конец беспрерывным распрям, царившим между партиями. С ужасом увидели мятежники этот тройной лагерь римлян и тогда они начали искать сближения между собой и соединения с дурной целью [9]. «Чего мы еще ждем, — говорили они друг другу, — как мы можем допустить, чтоб нам дыхание было отрезано тремя стенами? Неприятель крепко уселся против нас, а мы, запертые в наших стенах, остаемся спокойными зрителями неприятельских действий, как будто бы они были благодетельны для нас, оставляя в бездействии наши руки и наше оружие. Да! Мы храбры только против себя, римлянам же наш раздор поможет покорить город даже без меча». Такими словами они соединились, друг друга ободряли, взялись за оружие и сделали внезапную вылазку против десятого легиона. С ужасающими кликами грянули они через долину и бросились на римлян, работавших над укреплениями. Так как последние разделились по своим работам и большинство из них сложило с себя оружие (они и не предполагали, чтобы иудеи осмелились на вылазку, или чтоб они даже при желании могли предпринять ее ввиду царившего между ними разлада), то внезапное нападение привело их в замешательство: часть бросив работу и сейчас же отступила назад, многие побежали за своим оружием, но были убиты еще прежде, чем могли стать против врагов. К иудеям примыкали ободренные их победой все новые и новые бойцы, а счастье делало их в собственных глазах и в глазах римлян еще более многочисленными, чем они были на самом деле. Солдаты, приученные к боевой тактике и умеющие сражаться сомкнутыми рядами по команде, скорее всего теряют самообладание при неожиданном расстройстве. Поэтому отступили теперь пред нападением застигнутые врасплох римляне. Всякий раз однако, когда преследуемые оборачивались, они удерживали напор иудеев и наносили раны тем, которые в своей стремительности были менее осторожны. Но по мере того, как масса нападающих все более возрастала, увеличивалось смятение римлян, которые, наконец, были отброшены от своего лагеря. Дело приняло такой оборот, что всему легиону угрожала опасность; но тогда Тит, уведомленный об их опасном положении, быстро поспешил на помощь. Громко негодуя против трусости бежавших, он заставил их повернуть назад, сам во главе прибывшего с ним отборного войска набросился на иудейский фланг, многих смял, еще больше ранил, а остальных обратил в бегство, и оттеснил в самую лощину. Иудеи, однако, после большого урона, вскоре выбились из этой местности и, поднявшись на противоположную возвышенность, обернулись лицом и сражались через лощину. До полудня продолжался бой в таком положении; но когда солнце начало клониться к западу, Тит оставил на месте против неприятеля только то войско, с которым он прибыл на помощь, да еще несколько других когорт; остальную же часть легиона он отправил для возобновления шанцевых работ на вершине горы.

5. В этих действиях иудеи усмотрели бегство римлян, и так как поставленный ими на стене вестник возвестил об этом потряхиванием своей одежды, то совершенно свежая многочисленная толпа бросилась с такой стремительностью, что их наступление походило на бег свирепейших зверей. И действительно никто из построенных в боевом порядке римлян не выдержал их удара: строевая линия, точно под напором тяжелого орудия, была прорвана, и все пустилось бежать вверх по горе. Один Тит с немногими остался посреди склона горы. Его свита, которая из уважения к полководцу, пренебрегая опасностью, осталась при нем, настойчиво умоляла его удалиться от иудеев, ищущих смерти, а не броситься в опасность за войско, которое должно было бы прикрывать его; он должен, наконец, подумать о своем высоком положении в качестве руководителя войны и владетеля мира, чтобы не обратиться в простого солдата и чтобы не подвергать столь явной опасности собственную личность, от которой зависит все. Но он делал вид, будто ничего не слышит, оказывал сопротивление тем, которые ринулись ему навстречу, убивал других, которые силой хотели овладеть доступом вверх, бросился по крутому склону на тесно сплотившуюся массу врагов и отбил их назад. Но иудеи, как они ни были смущены твердым и стремительным нападением Тита, и теперь еще не бежали в город, а расступившись по обеим сторонам, преследовали бегущих кверху. Этот новый натиск Тит останавливал нападением на фланги. Но между тем солдаты, работавшие на верху над шанцами, увидев, что их товарищи внизу разбежались, были вновь охвачены ужасом и отчаянием. Весь легион рассеялся, так как все считали, что против набега иудеев противостать невозможно и что Тит также находится в бегстве, ибо, думали они, если б он удержался на месте, то другие не бежали бы. В паническом страхе бежали они по всем направлениям, пока, наконец, некоторые увидели полководца в самом водовороте сражения и, полные опасения за его жизнь возвестили криками всему легиону о его опасном положении. Стыд заставил всех возвратиться: осыпая друг друга упреками за бегство, а еще больше за то, что покинули Цезаря, они со всей силой бросились на иудеев, и как только последние начали отступать, окончательно оттеснили их в долину. Иудеи хотя боролись еще и при отступлении, но римляне, благодаря занятому ими возвышению, находились в более выгодном положении, вследствие чего они опрокинули неприятеля в самую пропасть. Теперь Тит преследовал тех, которые раньше на него нападали; легион он опять послал к его шанцевым работам, а для отражения неприятеля остался сам с теми отрядами, которые прежде сражались вместе с ним. Чтобы сказать правду, не вдаваясь в преувеличение из лести и не умаляя из зависти, — Цезарь один дважды спас угрожаемый легион и доставил ему возможность спокойно укрепить свой лагерь.

Глава ТРЕТЬЯ.

Возобновление междоусобицы в Иерусалиме. — Козни иудеев против римлян. — Тит укоряет солдат за их опрометчивость.

1. Внешняя война на время приостановилась, партийная же борьба внутри вспыхнула вновь. Так как с 14 днем месяца Ксанфика [10], приближался праздник опресноков, к которому иудеи относят начало своего избавления от египтян, партия Элеазара открыла храмовые ворота, чтобы впустить народ, собравшийся на молитву; Иоанн же воспользовался праздником для прикрытия своих хитрых замыслов. Он снабдил тайным оружием менее известных из его людей, большинство из которых к тому еще были нечисты, и приказал им смешаться с толпой для того, чтобы овладеть храмом. Проникши во внутрь, они сейчас сбросили с себя верхнее платье и вдруг предстали пред всеми в полном вооружении. В храме поднялась неимоверная сумятица; непричастный к партийной борьбе народ думал, что нападение готовится на всех без различия; но зелоты поняли, что оно направлено только против них и поэтому покинули ворота, соскочили со стенных зубцов и, избегая всякого столкновения, скрылись в подземные ходы храма, народ же, робко теснившийся у алтаря и кругом в храме, был растоптан и умерщвлен палками и мечами. Много спокойных граждан пало от рук своих личных врагов, как сторонники противной партии; кто только был узнан

кем-нибудь из мятежников, которого он раньше оскорбил, был теперь убит им как зелот. Совершив много зверских насилий над невинными, они после этого объявили прощение виновным, и когда последние вышли из подземелья, дали им свободно разойтись. Сделавшись сами обладателями внутреннего храма и всех его запасов, они почувствовали себя еще сильнее для сопротивления Симону. Таким образом существовавшие до сих пор три враждебных партии распались на две [11].

2. Тит между тем принял решение сняться со своим лагерем, расположенным на Скопе, и ближе придвинуться к городу. С этой целью он поставил отборный отряд всадников и пехоты в количестве, признанном им необходимым для защиты против вылазок иудеев, и приказал всему остальному войску выровнять все промежуточное пространство до стены. Тогда все заборы и решетки, которыми жители Иерусалима огораживали свои сады и рощи, были сломаны, плодовые деревья в окружности срублены и имя заполнены все углубления и впадины; скалистые же утесы были устранены железными инструментами. Таким образом они выровняли все пространство между Скопом и памятником Ирода, находившимся близ так называемого Змеиного пруда.

3. В эти дни иудеи устроили римлянам такого рода ловушку. Самые отважные из мятежников, представляя из себя изгнанными миролюбивыми жителями, вышли за город из так называемых Женских башен; здесь они, как бы опасаясь нападения римлян, столпились все вместе, и каждый старался укрыться за плечами другого. Другие, с виду простые граждане, стояли там и сям на стене, взывали о мире, просили о пощаде и призывали к себе римлян, обещая им открыть ворота. Одновременно с этими громкими взываниями они бросали камнями в своих же, как будто хотели отогнать их от ворот; а те, то делали вид, будто хотят насильно вторгнуться, то обращались с трогательными просьбами к своим согражданам, то наконец устремлялись к римлянам, но каждый раз в страхе и смущении пятились назад. Солдаты поддались на эту хитрую ловушку; полагая, что одни попались уже им в руки и их немедленно же можно будет наказать, а другие откроют им город, они тотчас приступили к делу. Титу, однако, этот неожиданный призыв казался подозрительным: только днем раньше он приглашал иудеев через Иосифа на добровольную сдачу и не встречал однако сочувствия. Он приказал поэтому солдатам не трогаться с места; но некоторые из тех, которые впереди всех заняты были работами, уже поспешно взялись за оружие и двинулись к воротам. Мнимо изгнанные из города вначале как будто попятились назад, но когда солдаты были уже между башнями ворот, они бросились вперед, оцепили их и напали с тыла; в то же время стоявшие на стене осыпали их густым градом камней и разного рода других стрел, которыми многих убили и еще больше ранили. Повернуть назад им было нелегко, так как их теснили с тылу; но, помимо этого, стыд за ослушание приказа военачальников заставлял уже довести до конца начатую ошибку — поэтому-то они так долго держались в бою. Но сильно израненные иудеями и в свою очередь нанеся им не меньше ударов, они отбили наконец оцепивших их врагов. Еще при своем отступлении они до гробницы Елены были преследуемы неприятельскими стрелами.

4. Иудеи тогда в грубой форме проявили свое торжество над римлянами: они осмеивали их за то, что дали себя обмануть хитростью, прыгали, потрясая своими щитами, и громко ликовали от радости. Солдаты же были встречены угрозами центурионов и гневом Цезаря. — «В то время, сказал последний, когда иудеи, которых одно только отчаяние ведет в бой, действуют все-таки обдуманно и осмотрительно, расставляют сети, устраивают засады и при этом еще за их послушность, взаимное доверие и прочную солидарность покровительствуемы счастьем, римляне, которым счастье так всегда благоприятствует за их дисциплину и повиновение предводителям, напротив, терпят теперь поражение, попадаются в плен вследствие своей собственной опрометчивости и, что еще более постыдно, сражаются без предводителей, в присутствии Цезаря. Глубоко будут вопиять военные законы, точно как и мой отец, когда он узнает об этом поражении: он, который поседел в битвах, никогда не

потерпев такого удара, а законы, которые всегда самое малейшее упущение против дисциплины карают смертью. Теперь эти законы должны были быть свидетелями того, как целый отряд войска покинул строй! Но пусть сейчас узнают своевольники, что у римлян даже победа без приказа не приносит славы». По этим словам, обращенным к полководцам, можно было подумать, что он намерен поступить со всеми по всей строгости законов; солдаты поэтому упали духом, так как они ожидали для себя заслуженной казни. Но легионы окружили Тита и настойчиво просили его помиловать их товарищей и ради послушности значительного большинства простить поспешность немногих, которые совершенную ими только что ошибку хотят загладить в будущем своей храбростью.

5. Тит, удовлетворил их просьбу, тем более что последняя совпадала с его собственными интересами; ибо он полагал, что наказать одного человека должно действием, а при наказании целой толпы можно ограничиться только словами. Он простил поэтому солдат, предупредив их серьезно, чтоб они в будущем были осторожнее, и начал обдумывать, как наказать иудеев за их хитрость. Когда по истечении четырех дней промежуток до стены был выровнен, он для того, чтобы в безопасности перевести сюда обоз и остальную часть армии, расставил самое ядро войска в семи рядах по направлению от севера к западу против стены; впереди стояла пехота, сзади конница, каждая часть в трех рядах, а седьмую линию образовали поставленные между ними стрелки. Так как этим сильным строем у иудеев отнята была всякая возможность дальнейших вылазок, то вьючный скот трех легионов и обоз могли безопасно выдвинуться вперед. Сам Тит расположился станом на расстоянии около двух стадий от стены у одного из углов последней, против башни называемой Псефиной, где обводная стена на своем северном протяжении загибается к западу. Остальная часть войска разбила лагерь у так называемой Гипиковой башни, тоже в двух стадиях от города. Десятый же легион сохранял свою позицию на Елеонской горе.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ.

Описание Иерусалима.

1. Тройной стеной был обведен город, и только в тех местах, где находились недоступные обрывы, была одна стена. Сам город был расположен на двух противолежащих холмах [12], отделенных посредине долиной [13], в которую ниспадали ряды домов с обеих сторон. Тот из двух холмов, на котором [14] находился Верхний город, был выше и имел более плоскую вершину. Вследствие своего укрепленного положения, он был назван царем Давидом (отцом Соломона, первого соорудителя храма) крепостью [15], а нами — Верхним Рынком [16]. Второй холм [17], названный Акрой [18], на котором стоял Нижний город, был, напротив, покат с обеих сторон. Против него лежал третий холм [19] ниже Акры, от природы и прежде отделенный от нее широкой впадиной; но Асмонеи во время своего владычества заполнили эту долину, чтобы связать город с храмом; вместе с тем была снесена часть Акры; высота ее понижена для того, чтобы храм возвышался над нею. Долина, называемая Тиропеоном [20], о которой мы сказали, что она отделяла Верхний город от Нижнего, простирается до Силоама, каковым именем мы называем пресный и обильный водой источник. Снаружи оба холма города были окружены глубокими обрывами и вследствие своих крутых спусков нигде с обеих сторон недоступны.

2. Из трех стен древнейшая была труднопобедима вследствие окружавших ее пропастей и возвышавшегося над последними холма, на котором она была построена; но ее природная мощь была значительно возвеличена еще искусственно, так как Давид и Соломон, равно и последовавшие за ними цари, старались превзойти друг друга в укреплении этой твердыни. Начинаясь на севере у так называемой Гипиковой башни, она тянулась до Ксиста [21], примыкала затем к зданию Совета и оканчивалась у западной галереи храма. С другой стороны по направлению к западу она, начинаясь у того же пункта, шла к месту, называемому Бетсоном [22] и простиралась до Ессенских ворот, возвращалась затем к югу от Силоамского источника, загибала опять восточнее, к рыбному пруду Соломона, отсюда

тянулась до так наз. Офлы [23] и оканчивалась у восточной галереи святилища. Вторая стена начиналась у ворот Генната, принадлежавший, еще к первой стене, обнимала северную сторону и доходила только до Антония. Третья стена начиналась опять у Гипиковой башни, откуда она тянулась на север до башни Псефины, отсюда, простираясь против гробницы Елены (царицы адиабенской и материм царя Узата), шла через царские пещеры и загибала у угловой башни так называемого Гнафейского [24] памятника; после этого она примыкала к древней стене и оканчивалась в Кидронской долине [25]. Этой третьей стеной Агриппа обвел возникшую новую часть города, остававшуюся прежде совсем незащищенной. Ибо вследствие прироста населения город все больше расширялся за стены и после того как заключили в пределы города северный склон храмового холма, потребовалось идти еще дальше и застроить еще четвертый холм, называемый Бецетой, лежащий против Антонии и отделенный глубоким рвом, проведенным нарочно с той целью, чтобы нижние сооружения Антонии, сообщавшиеся с холмом, не были так легко доступны и так низко расположены. Высота башен естественно выиграла значительно вследствие глубины окопа; эта позже построенная часть города называлась на отечественном языке Бецетой, что на греческом языке означает «Новый город» [26]. А так как жители этой части города нуждались в защите, то отец ныне живущего царя, называвшийся также Агриппой, начал строить вышеназванную стену; но убоявшись затем, чтобы грандиозность сооружения не возбуждала подозрения императора Клавдия в стремлении к новшеству или отпадению от него, он прекратил постройку [27], положив ей только основание. И если бы стена была окончена так, как она начата, город сделался бы поистине неприступным: ибо стена была сложена из огромных камней, которые имели по двадцати локтей [28] длины и десяти локтей ширины каждый и которые не легко было бы ни подкопать железными орудиями, ни сдвинуть с места машинами; самая же стена имела десять локтей в ширину, а высота ее без сомнения превысила бы значительно ширину, если бы рвение того, который начал сооружение, не наткнулось на препятствия. Впоследствии стена эта, несмотря на напряженные усилия иудеев, была возвышена только до двадцати локтей, получила еще брустверы на два локтя и зубцы трех локтей вышины, так что общая высота достигала двадцати пяти локтей.

3. Над стеной возвышались башни двадцати локтей ширины и двадцати локтей высоты каждая, четырехугольные и, как сама стена, массивные. По прочности сложения и красоте камней они не уступали храмовым сооружениям. На этих двадцатилоктевых массивах находились великолепные покои, а над ними — еще верхнего яруса помещения; для дождевой воды построено были там весьма много цистерн с широкими лестницами, ведущими к каждой в отдельности. Таких башен третья стена вмела девяносто; расстояние между каждыми двумя башнями измерялось двумястами локтей. На средней стене были размещены четырнадцать башен, а на древней — шестьдесят. Окружность всего города достигала тридцати трех стадий. Если третья стена сама по себе была достойна удивления, то находившаяся на северо-западном ее углу башня Псефин, против которой расположился лагерем Тит, представляла выдающееся творение искусства. Простираясь вверх на высоту семидесяти локтей, она открывает дальний вид на Аравию и на крайние пределы еврейской земли до самого моря. Она была восьмиугольная. На противоположной ей стороне, на древней стене была сооружена царем Иродом Гипикова башня, а вблизи последней еще две другие башни, которые по величине, красоте и крепости не имели себе подобных в мире. Ибо изящество этих сооружений было не только делом врожденного царю вкуса к величественному и ревностной его заботы о городе, но и являлась данью чувствам его сердца, так как этими башнями он воздвиг памятники трем любимейшим лицам: своему брату, другу и жене, имена которых он присвоил этим сооружениям. Свою жену он, как мы выше сообщили (I, 22, 5), убил из ревности, двух других он потерял на войне, где они храбро сражались. Гипикова башня, названная по имени его друга, была четырехугольная, двадцати пяти локтей ширины и длины, тридцати локтей высоты и массивно построена; на этом,

составленном из глыб массиве, находилось вместилище для дождевой воды двадцати локтей глубины; над ним возвышалось еще двухэтажное жилое здание, вышиною в двадцать пять локтей, разделенное на различного рода покои и увенчанное маленькими двухлоктевыми башенками и трехлоктевыми брустверами, так что общая высота башни достигала восьмидесяти локтей высоты. Вторая башня, названная Иродом, по имени его брата Фазаеля [29], имела по сорока локтей в ширину и длину и столько же в вышину и была вся массивная. На верху опоясывал ее кругом балкон вышиною в десять локтей, защищенный брустверами и выступами; в средине этого балкона возвышалась другая башня, помещавшая в себе великолепные покои, снабженные даже баней, так что вся башня совершенно походила на царский замок. Ее вершина была еще роскошнее предыдущей и украшена башенками и зубцами. В общем она имела около девяноста локтей высоты. По внешнему виду она была похожа на Фаросский маяк, что пред Александрией (IV, 10, 5), но значительно превосходила его объемом. В то время в ней укрепился Симон, сделав ее главным пунктом своей власти. Третья башня Мариамна (так было имя царицы) имела массивное основание в двадцать локтей вышины, двадцать локтей ширины и столько же длины; жилые помещения на верху были устроены еще великолепнее и разнообразнее, чем в предыдущих башнях, ибо царь считал приличествующим — здание, названное по имени женщины, больше разукрасить, чем те, которые носили имена мужчин; зато последние были, наоборот, сильнее женской башни. Высота этой башни достигала пятидесяти пяти локтей.

4. Величина этих трех башен, как ни была она значительна сама по себе, казалось еще большей, благодаря их местоположению: ибо древняя стена, на которой они стояли, сама же была построена на высоком холме и, подобно вершине горы, подымалась на вышину тридцати локтей, а потому башни, находившиеся на ней, выигрывали в вышине. Поразительна была также величина камней, употребленных для башен, ибо последние были построены не из простых камней или обломков скал, которые люди могли бы нести, а из обтесанных белых мраморных глыб, из которых каждая измерялась двадцатью локтями длины, десятью локтями ширины и пятью — толщины; и так тщательно они были соединены между собою, что каждая башня казалась выросшей из земли одной скалистой массой, в которой уже впоследствии рука мастера вырезала формы и углы — так незаметны были швы сооружения. К этим стоявшим на севере башням примыкал изнутри превосходивший всякое описание царский дворец, в котором великолепие и убранство доведены были до высшего совершенства. Он был окружен обводной стеной в тридцать локтей высоты, носившей в одинаковых расстояниях богато украшенные башни, и помещал в себе громадные столовые с ложами для сотен гостей. Неисчислима была разновидность употребленных в этом здании камней, ибо самые редкие породы были доставлены сюда массами из всех стран; достойны удивления потолки комнат по длине балок и великолепию убранства. В нем находилось несметное число разнообразной формы покоев, и все они были вполне обставлены; большая часть комнатной утвари была из серебра и золота. Много было перекрещивавшихся между собою кругообразных галерей, украшенных разнообразными колоннами; открытые их места утопали в зелени. Здесь виднелись разнородные парки с прорезывавшими их длинными аллеями для гулянья, а вблизи их глубокие водовместилища и местами цистерны, изобиловавшие художественными изделиями из меди, чрез которые протекала вода. Кругом этих искусственных источников находились многочисленные башенки для прирученных диких голубей [30]. Однако нет возможности описать по достоинству этот дворец; мучительно только воспоминание об опустошении, произведенном здесь разбойничьей рукой; ибо не римляне сожгли все это, а как выше было рассказано (II, 17, 6, 7), внутренние враги сделали это в начале восстания: в замке Антонии впервые вспыхнул огонь, затем он охватил дворец и уничтожил также верхние постройки трех башен.

Глава ПЯТАЯ.

Описание храма [31].

1. Храм, как выше замечено, был построен на хребте сильно укрепленного холма [32]. Вначале вершина его едва хватала для самого храма и алтаря, так как холм со всех сторон был покат и обрывист. Но после того, как царь Соломон, первый основатель храма, укрепил стеной восточную часть холма, на земляной насыпи была построена еще колоннада; на других сторонах храм стоял еще открытым. В последующие же века народ все больше расширял путем постоянных насыпей поверхность холма; тогда разломали и северную стену и прирезали еще столько места, сколько впоследствии составлял весь объем храма. После того как иудеи подкрепили холм от самой его подошвы тройной террасообразной стеной и окончили превзошедшее всякие ожидания сооружение, на что были употреблены долгие века и все священные сокровища, стекавшиеся со всего мира, они обстроили верхнее пространство и нижнее храмовое место. Самая низкая часть храма покоилась на фундаменте в триста локтей высоты, а местами и больше. Но не вся глубина этого замечательного фундамента была видна, ибо большей частью заполняли лощину для уравнения ее с улицами города. Употребленные для фундамента скалы имели величину сорока локтей. Изобилие денежных средств и рвение народа неимоверно ускоряли ход работ, и, благодаря этой неослабной настойчивости, с течением времени было возведено сооружение, которое раньше не надеялись даже когда-либо окончить.

2. Достойны такого основания были также воздвигнутые на нем здания. Все галереи были двойные; двадцатипятилоктевые столбы, на которых они покоилась, состояли каждый из одного куска самого белого мрамора; покрыты же они были потолками из кедрового дерева. Высокая ценность этого материала, красивая отделка и гармоничное сочетание его представляли величественный вид, хотя не кисть художника, ни резец ваятеля не украшали здания снаружи. Ширина каждой галереи достигала тридцати локтей, а весь объем их, включая также и замок Антонию, исчислялся шестью стадиями. Непокрытые дворовые места были вымощены везде разноцветной мозаикой. Между первым и вторым освященным местом тянулась каменная, очень изящно отделанная ограда вышиною в три локтя. На нем в одинаковых промежутках стояли столбы, на которых на греческом и римском языках был написан закон очищения, гласивший, что чужой не должен вступить в святилище, ибо это второе священное место называлось именно святилищем [33]. На четырнадцать ступеней выходили туда от первого места. Святилище представляло собою четырехугольник, обнесенный особой стеной. Внешняя вышина последней, хотя достигала сорока локтей, не была видна из-за прикрывавших ее ступеней; внутри же стена имела только двадцать пять локтей; ибо так как стена была построена на высоком месте, на которое взбирались по ступеням, то не вся внутренняя часть ее была видна, потому что холм ее закрывал. Лестница оканчивалась на верху площадкой, имевшей до стены десять локтей. Отсюда другие лестницы, в пять ступеней каждая, вела к воротам, которых на севере и юге было восемь (по четыре на каждой стороне), а на востоке двое. Столько ворот было здесь необходимо, так как на этой стороне огорожено было место, предназначенное для богослужения женщинам; поэтому здесь понадобились еще вторые ворота, прорубленные в стене против первых; и на других сторонах, т. е. на юге и севере, в женский притвор вели особые ворота; через другие ворота женщинам не дозволялось входить, точно также как им не разрешалось выходить из своего притвора в другие части храма. Это место было одинаково открыто как для туземных, так и чужестранных иудейских женщин без различия. Западная сторона не имела никаких ворот, стена закрывала ее наглухо. Галереи, находившиеся между воротами по внутренней стороне стены и ведшие к казнохранилищам, покоились на ряде больших и чрезвычайно красивых столбов. Впрочем, кроме величины, они и во всех других отношениях не уступали тем, которые находились в нижнем дворе.

3. Девять из этих ворот были от верха до конца сплошь покрыты золотом и серебром, равно как косяки и притолоки; одни из них, находившиеся вне храма, были даже из коринфской меди [34] и далеко превосходили в стоимости посеребренные и позолоченные.

Каждые ворота состояли из двух половин, имевших по тридцати локтей высоты и пятнадцати ширины. Внутри ворот с обеих сторон находились просторные помещения наподобие башен, имевших тридцать локтей в ширину и более сорока в вышину. Каждую из этих башен поддерживали две колонны по двенадцати локтей в объеме. Все ворота были одинаковой величины; только те, которые находились поверх коринфских, на восточной стороне женского притвора, против храмовых ворот, были значительно больше; они имели пятьдесят локтей вышины и двери сорок локтей ширины, были покрыты более толстыми серебряными и золотыми листами и украшения на них были еще более великолепны, чем на других. Эту металлическую облицовку пожертвовал для девяти ворот Александра отец Тиверия [35]. Пятнадцать ступеней вели от стены, составлявшей границу женского притвора, до больших ворот — на пять ступеней меньше тех, которые вели к остальным воротам.

4. К самому зданию храма, возвышавшемуся по средине, т. е. к святилищу, вели двенадцать ступеней. Фронтон здания имел, как в вышину, так и в ширину, сто локтей; задняя же часть была на сорок локтей уже, ибо с обеих сторон фронтона выступали два крыла, каждое на двадцать локтей. Передние ворота храма, семидесяти локтей вышины и двадцати пяти ширины, не имели дверей — это была эмблема бесконечного, открытого неба. Лицевая сторона этих ворот была вся покрыта золотом и чрез них виднелась вся внутренность первого и большего отделения храма. Внутри ворот все кругом блистало золотом. Внутреннее помещение храма распадалось таким образом на два отделения; но открытым оставалось только переднее, которое имело девяносто локтей в вышину, пятьдесят в длину и двадцать в ширину. Ворота, которые вели в это отделение, были, как сказано выше, сплошь позолочены, равно как и вся стена, окаймлявшая их. Над ними находились золотые виноградные лозы, от которых свешивались кисти в рост человеческий. Из двух отделений храмового здания внутреннее было ниже внешнего. В него вели золотые двери пятидесяти пяти локтей вышины и шестнадцати ширины; над ними свешивался одинаковой величины вавилонский занавесь, пестро вышитый из гиацинта [36], виссона [37], шарлаха [38], и пурпура [39], сотканный необычайно изящно и поражавший глаз замечательной смесью материй. Этот занавес должен был служить символом вселенной: шарлах обозначал огонь, виссон — землю, гиацинт — воздух, а пурпур — море [40]; два из них — по сходству цвета, а два — виссон и пурпур, — по происхождению, ибо виссон происходит из земли, а пурпур из моря. Шитье на занавесе представляло вид всего неба, за исключением знаков зодиака [41].

5. Чрез этот вход входили в низшую часть храмового здания. Последняя имела шестьдесят локтей вышины, столько же длины и двадцать локтей ширины; в свою длину она опять разделялась на два отделения: первое из них, перегороженное от второго на длине сорока локтей, заключало в себе три достопримечательных, всемирно-известных произведения искусства: светильник, стол и жертвенник для курений. Семь лампад, на которые разветвлялся светильник, обозначали семь планет; двенадцать хлебов на столе — зодиак и год; курильница, наполненная тринадцати родов курильными веществами, взятыми из моря, необитаемых пустынь и обитаемой земли, указывала на то, что все исходить от Бога и Богу же принадлежит. Самая внутренняя часть храма имела двадцать локтей [42] и была отделена от внешней также занавесом. Здесь собственно ничего не находилось [43]. Она оставалась запретной, неприкосновенной и незримой для всех. Она называлась Святая Святых. По бокам низшего отделения храма находились многие сообщавшиеся между собою трехэтажные жилища, которые с обеих сторон были доступны чрез особые входы. Верхнее отделение храма не имело никаких подобных пристроек, так как оно было и уже и выше почти на сорок локтей. Вместе с тем оно было проще отделано, чем низшее. Если прибавить к шестидесяти локтям от земли упомянутые сорок, то в общем получится высота в сто локтей.

6. Внешний вид храма представлял все, что только могло восхищать глаз и душу. Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листами, он блистал на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным для глаз, как солнечные лучи. Чужим, прибывавшим на

поклонение в Иерусалим, он издали казался покрытым снегом, ибо там, где он не был позолочен, он был ослепительно бел. Вершина его была снабжена золотыми заостренными шпицами для того, чтобы птица не могла садиться на храм и загрязнить его [44]. Каменные глыбы, из которых он был построен, имели до сорока пяти локтей длины, пяти толщины и шести ширины. Пред ним стоял жертвенник вышиной в пятнадцать локтей, тогда как длина и ширина его был одинакового размера в пятьдесят локтей. Он представлял собою четырехугольник и имел на своих углах горообразные выступы: с юга вела к нему слегка подымавшаяся терраса. Он был сооружен без железного инструмента и никогда железо его не коснулось. Храм вместе с жертвенником были обведены изящной, сделанной из красивых камней, решеткой около локтя вышины, которая отделяла священников от мирян. Гноеточивым и прокаженным был воспрещен вход в город вообще; женщинам же не дозволялось входить в храм во время их месячного очищения, но и когда они были чисты, им запрещалось переступать выше обозначенную границу. Мужчины, когда они не были вполне чисты, не должны были входить во внутренний двор, точно также как и священник в подобных же случаях.

7. Лица, происходившие из священнического рода, которые вследствие какого либо телесного недостатка не могли совершать священную службу, находились внутри решетки возле физически безупречных и получали также части жертв, принадлежавшие им в силу их родового происхождения, но носили простую одежду, ибо только участвовавшие в службе должны были носить священное облачение. У жертвенника и в храме служили только чистые и безупречные священники, одетые в виссон; из благоговения к своим священным обязанностям они в особенности воздерживались от употребления вина для того, чтобы они не нарушили какого-нибудь обряда. С ними всходил первосвященник, но не всякий раз, а только по субботам, новолуниям, годичным праздникам, или если совершалось какое-нибудь всенародное празднество. Он совершал священную службу в поясе [45], прикрывавшем тело от чресел до голеней, в льняной нижней одежде [46] в гиацинтово-голубой, достигавшей до ног, обхватывавшей все тело, верхней одежде [47], обшитой кистями. К кистям привешены были золотые колокольчики с гранатными яблоками попеременно: первые, как эмблема грома, вторые — молнии. Повязка, прикреплявшая верхнюю одежду к груди, представляла пеструю ткань из пяти полос: золота, пурпура, шарлаха, виссона и гиацинта, — тех самых материй, из которых, как выше сказано, были сотканы занавесы храма. Поверх этого он носил еще надплечное одеяние [48], вышитое из тех же цветных материй с преобладанием золота. Покрой этого облачения походил на панцирь, две золотых застежки [49] скрепляли его и в эти застежки были вправлены красивейшие и величайшие сардониксы [50], на которых вырезаны были имена колен народа. На другой стороне свешивались двенадцать других камней четырьмя рядами, по три в каждом: карнеол, топаз и смарагд, карбункул, яспис и сапфир, агат, аметист и янтарь, оникс, берилл и хризолит [51]. На каждом из этих камней стояло одно из названий колен. Голову покрывала пара, сотканная из виссона и гиацинтово-голубой материи; ее обвивала кругом золотая диадема с надписанными священными буквами. Это были четыре гласных [52]. Это облачение, впрочем, он не носил во всякое время, так как для обычного ношения употреблялся более легкий убор, а только тогда, когда входил в Святая-Святых, и то один раз только в году, когда все иудеи в честь Бога постились [53]. О городе, храме и касавшихся их обычаях и законах я еще ниже буду говорить обстоятельнее, ибо еще не мало остается сообщить о них.

8. Замок Антония с двумя галереями на внешней храмовой площади, западной и северной, образовал угол. Построен он был на отвесной со всех сторон скале, вышиною в пятьдесят локтей. Это было творение царя Ирода, которым он преимущественно доказал свою любовь к великолепию. Прежде всего скала от самой своей подошвы была устлана гладкими каменными плитами отчасти для украшения, отчасти же для того, чтобы пытавшийся вскарабкаться наверх или слезать вниз, соскальзывал с нее. Затем пред самим

зданием замка подымалась на три локтя стена, внутри которой сам замок возвышался на сорок локтей. Внутренность отличалась простором и устройством дворца; она распадалась на разного вида и назначения покои, на галереи, бани и просторные царские палаты, так что обстановка со всеми удобствами придавали замку вид города, а пышность устройства — вид царского дворца. В целом он имел форму башни, но на своих четырех углах он опять был обставлен четырьмя башнями, из которых две были пятидесяти локтей вышины, а две другие, а именно нижняя и восточная, — семидесяти, так что с них можно было обозревать всю храмовую площадь. Там, где замок соприкасался с храмовыми галереями, от него к последним вели лестницы, по которым солдаты квартировавшего всегда в замке римского легиона вооруженными спускались вниз, чтобы, разместившись по галереям, надзирать за народом в праздничные дни с целью предупреждать мятежные волнения. Точно, как храм для города, так и Антония для храма служила цитаделью. В ней находился также гарнизон для всех троих [54]. Кроме этого и Верхний город имел свою собственную цитадель — дворец Ирода. Холм Бецета, как сказано выше, был отделен от Антонии; он был высочайший из всех холмов и одной своей частью соединен с Верхним городом. Он один заслонял также вид на храм с северной стороны. Так как о городе и стенах я имею в виду еще ниже говорить о каждом в отдельности, то можно пока ограничиться сказанным.

Глава ШЕСТАЯ.

О тиранах Симоне и Иоанне. — Как во время обхода Тита вокруг стены был ранен Никанор, вследствие чего осада была усилена.

1. Из вооруженных мятежников города десять тысяч человек, не считая идумеян, образовали партию Симона; они состояли под командой пятидесяти предводителей, над которыми Симон начальствовал, как главнокомандующий. Идумеяне, бывшие на его стороне, в числе пяти тысяч воинов, управлялись десятью предводителями. Первыми из них признавались в известной степени: Яков, сын Сосы, и Симон, сын Кафлы. Иоанн, занимавший храм, имел шесть тысяч тяжеловооруженных под начальством двадцати предводителей; кроме того к нему примкнули забывшие свою прежнюю вражду зелоты в числе двух тысяч четырехсот, руководимые своими прежними вожаками, Элеазаром и Симоном, сыном Яира. Обе эти партии, как выше было замечено, враждовали между собою, а жертвой их распри был народ, так как та часть населения, которая устраняла себя от участия в их злодействах, подвергалась грабежам со стороны обеих партий. Симон владел Верхним городом и большой стеной до Кидрона; кроме того в его власти находились та часть древней стены, которая тянулась от Силоамского источника к востоку до дворца Монобаза (царя адиабинов по ту сторону Евфрата), равно как названный источник вместе с Акрой (Нижним городом) и вся местность до дворца Елены, матери Монобаза. Иоанн же властвовал над храмом и большей частью его окружности, далее — над Офлой и кидронской долиной. Уничтожив огнем часть города, лежавшую между их владениями, они создали открытое место для своей взаимной борьбы (1, 3). Ибо даже тогда, когда римляне стояли уже лагерем под стенами Иерусалима, междоусобная война не унималась. Образумившись на минуту после первой вылазки против римлян (2, 2, 4), они вскоре вновь впали в свою прежнюю болезнь, опять раздвоились между собою, друг с другом воевали и делали все только на руку осаждавшим. Друг с другом они поступали так, что и от неприятеля их не могло ожидать более жестокое обращение, а после их действий для города никакое бедствие не могло казаться новым; еще и до падения города его несчастие было так велико, что римляне могли только улучшить его положение. Я думаю так: междоусобная война уничтожила город, а римляне уничтожили междоусобицу, которая была гораздо сильнее стен; всякую вину можно поистине приписать туземцам, а всякую справедливость — воздать римлянам. Но пусть каждый судит по тому, чему поучают события.

2. В то время, когда город находился в таком положении, Тит в сопровождении отборного отряда всадников объехал его с целью высмотреть удобный пункт нападения на стену. На всех пунктах он нашел затруднения; со стороны глубоких долин стена и так была

недоступна; но и на других пунктах наружная стена казалась слишком массивной для машин. Наконец, он решил предпринять штурм у гробницы первосвященника Иоанна. На этом месте наружное укрепление было ниже, а второе не примыкало к нему, так как в менее населенной части нового города укрепления оставлены были в пренебрежении. Отсюда поэтому легко можно было перейти к третьей стене, чрез которую Тит предполагал овладеть Верхним городом, как чрез Антонию храмом. На этом объезде был ранен стрелой в левое плечо друг его Никанор в тот момент, когда он вместе с Иосифом ближе подъехал к стене, чтобы, как человек хорошо известный иудеям [55], предложить им мир. Из того, что они не пощадили человека, приблизившегося к ним для их же собственного блага, Тит понял, как велико их упорство. Он поэтому еще с большим рвением принялся за осаду, позволил легионам опустошать окрестности города и отдал приказ собрать материал для постройки валов.

Вслед за этим он разделил войско на три части для работ. В промежутках между валами он выстроил пращников и стрелков, а перед фронтом последних поставил еще скорпионы, катапульты и баллисты [56] с целью отражать вылазки неприятеля против рабочих и попытки воспрепятствовать работам со стены. Деревья были все вырублены, вследствие чего пространство перед городом вскоре обнажилось. В то время, однако, когда отовсюду приносились деревья для валов и все войско усердно занималось работами, иудеи тоже не оставались праздными. Народ, жизнь которого проходила среди убийств и грабежей, теперь опять воспрянул духом: он надеялся вздохнуть свободно, когда его притеснители будут отвлечены борьбой с внешним врагом, и отомстить виновным, если римляне одержат верх.

3. Иоанн из страха пред Симоном оставался на своем посту, несмотря на то, что его войско горело желанием идти навстречу внешнему неприятелю. Симон, напротив, по тому уже одному, что он находился ближе к осадным работам, не бездействовал, а расставил на различных местах стены метательные машины, отнятые у Цестия (II, 19, 9) и у гарнизона в Антонии (II, 17, 7). Эти машины, впрочем, не приносили иудеям существенной пользы, так как они не знали, как обращаться с ними; только немногие, научавшиеся обращению с машинами от перебежчиков, стреляли из них и то плохо. Зато они метали в рабочих камни и стрелы, делали правильные вылазки и завязывали с римлянами небольшие сражения. Но защитой от стрел служили для римлян построенные на насыпях плетеные кровли, а против вылазок их защищали метательные машины. Ибо все легионы были снабжены превосходными машинами, в особенности десятый легион имел необыкновенно сильные скорпионы и громадные баллисты, посредством которых он опрокидывал стоявших даже на стене, не говоря уже о тех, которые делали вылазки: эти машины извергали камни весом в таланты [57] на расстояние двух стадий и больше; а против их ударов не могли устоять не только передовые воины, непосредственно застигнутые ими, но и стоявшие далеко позади них. Вначале иудеи ускользали от вылетавших камней, так как последние предупреждали о себе своим свистом и были даже видимы для глаз вследствие своей белизны; к тому же еще стражи с башен давали им знать каждый раз, когда машина заряжалась и камень вылетал, выкрикивая на родном языке: «стрела летит!», тогда те, в которых метила машина, расступались и бросались на землю. При употреблении этой предосторожности камни часто падали без всякого действия. Но римляне, с своей стороны, напали на мысль окрасить камни в темный цвет; таким образом они перестали быть видимыми заранее и попадали в цель; один выстрел сразу уничтожал многих. Но несмотря на весь вред, который терпели иудеи, они все-таки не давали римлянам ни одной покойной минуты для сооружения осадных валов, а денно и нощно всякого рода хитростью и смелостью старались мешать им в этом.

4. Когда сооружения были окончены, мастера отмерили расстояние до стены, бросив туда с вала прикрепленный к шнуру кусок свинца; они должны были прибегнуть к этому средству, так как иначе они были бы обстреляны сверху. Найдя, что тараны могут достигать стены, они привезли их сюда. Тит приказал тогда установить метательные машины на более близком расстоянии для того, чтобы иудеи не могли удерживать тараны от стены, и затем

отдал приказ пустить в ход сами тараны. И вот когда разом с трех мест в городе раздался страшный треск, жители его подняли крик, да и сами мятежники не мало ужаснулись. Ввиду общей опасности, обе партии подумали, наконец, об общей обороне и сказали друг другу: «Мы ведь действуем только на руку врагам! Если Бог и отказал нам в постоянном согласии, то по крайней мере в настоящую минуту мы должны забыть взаимные распри и соединиться воедино против римлян!» И действительно, Симон обещал находившимся в храме безопасность, если только они выйдут к стене, и Иоанн, хотя и с недоверием, но принял предложение. Забыв всякую вражду и взаимные раздоры, они стояли теперь вместе, как один человек, заняли стену, бросали с нее массы пылающих головень на сооружения и поддерживали беспрерывную стрельбу против тех, которые заряжали стенобитные орудия. Люди посмелее бросались толпами вперед, срывали защитные кровли с машин и нападали на скрывавшихся под ними воинов большею частью победоносно, скорее всего по своей бешеной отваге, чем вследствие опытности. Но Тит ни на минуту не покидал рабочих: с обеих сторон машин он расставлял всадников и стрелков и при их помощи отражал поджигателей, прогонял стрелявших со стены и доставлял таранам возможность действовать беспрепятственно. Стена, однако, не поддавалась ударам: один только таран пятнадцатого легиона отбил угол башни; но стена осталась нетронутой и не подверглась даже опасности, ибо башня далеко выдавалась вперед, а потому от ее повреждения не так легко могла пострадать стена.

5. Так как иудеи на некоторое время прекратили свои вылазки, то римляне подумали, что они из страха и усталости обратились на бездействие, и рассеялись по своим сооружениям и лагерям. Но иудеи, как только это заметили, сделали у Гиппиковой башни чрез тайные ворота вылазку всей массой, подожгли сооружения и были уже готовы вторгнуться в лагерь. На их шум хотя успели собраться ближе стоявшие римляне, равно как и более отдаленные, но быстрее римской тактики была бешеная отвага иудеев: они обратили в бегство первых встретившихся им на пути и бросились на собиравшихся. Вокруг машин завязался ужасный бой: иудеи делали все, чтобы их зажечь, римляне, с своей стороны, — чтобы этого не допустить; неясный гул слышался на обеих сторонах; множество из передовых рядов пало мертвыми. Но иудеи своей бешеной отвагой победили: огонь охватил сооружения, и сами солдаты погибли бы в пламени вместе с машинами, если бы часть отборнейших александрийских отрядов с неожиданным для них самих мужеством, которым они в этой битве прославили себя больше других, не отстаивали поля сражения до тех пор, пока на неприятеля не обрушился Цезарь во главе отборнейшей конницы. Двенадцать из передовых он собственноручно положил на месте; их судьба привела остальную массу к отступлению; он преследовал ее, загнал всех в город и таким образом спас сооружения от пожара. В этом сражении один иудей был схвачен живым — Тит велел распять его на виду стены для того, чтобы этим ужасным зрелищем сделать других более податливыми. Уже после отступления был убит Иоанн, предводитель идумейский, в то время, когда он, стоя перед стеной, разговаривал с одним преданным ему солдатом. Арабский стрелок выстрелил в него в грудь, и он умер мгновенно к великой скорби иудеев и к сожалению мятежников, ибо он выделялся своей храбростью и мудростью.

Глава СЕДЬМАЯ.

Как одна из построенных римлянами башен сама собою рухнула. — Как после большого кровопролития римляне завладели первой стеной и как Тит делал нападение на вторую. — О римлянине Лонгине и иудее Касторе.

1. В следующую ночь в римском лагере произошла неожиданная паника. Одна из трех пятидесятилоктевых башен, воздвигнутых Титом впереди каждого вала для того, чтоб они прикрывали последние от стоявших на стене иудеев, обрушилась сама собою среди глубокой ночи. Страшный грохот, произошедший при ее падении, навел на войско ужас: все бросилось к оружию в том предположении, что неприятель делает нападение; ужас и смятение

воцарились в легионах, и так как никто не мог объяснить в чем дело, они в своем отчаянии предполагали то одно, то другое. Когда врагов все-таки нигде не было видно, они начали пугаться самих себя: каждый в страхе спрашивал другого пароль, боясь, не прокрались ли иудеи в самый лагерь. В этом паническом страхе они оставались до тех пор, пока Тит не узнал о происшедшем и не приказал объявить во всеуслышание причину грохота. С трудом они дали себя этим успокоить.

2. Иудеи храбро сопротивлялись против всякого рода нападений; но башни причиняли им много вреда: оттуда именно они одновременно были обстреливаемы более легкими машинами, копьеметателями, стрелками и пращниками; вместе с тем эти башни по своей высоте были недосягаемы для иудеев; не могли они также быть опрокинуты и взяты по своей тяжести, а железная броня предохраняла их от огня. Если же иудеи удалялись за пределы выстрелов, то они не могли больше останавливать наступление таранов, которые своими беспрестанными ударами, хотя медленно, а все-таки достигали кое-каких результатов. И уже стена поддалась Никону [58] (так иудеи сами называли самый большой таран, вследствие того, что он все побеждал); а иудеи между тем давно уже были истощены от борьбы и бодрствования по ночам вдали от города. К тому же они еще по легкомыслию или потому, что они вообще плохо обдумывали все свои действия, считали излишней охрану этой стены ввиду того, что за ней оставались еще другие две, и большей частью малодушно отступали от нее. Таким образом римляне вторгнулись в стенные отверстия, пробитые Никоном, после чего все стражи бежали за вторую стену. Те, которые перешли чрез стену, открыли ворота и впустили все войско. На пятнадцатый день осады, в седьмой день месяца Артемизия [59], римляне овладели первой стеной. Большую часть ее они разрушили, равно как и северную часть города, как раньше это сделал Цестий (II, 19, 4).

3. Тогда Тит, заняв все пространство до Кидрона, построил свой лагерь внутри стен в так называемом Ассирийском стане [60]. Так как он находился еще на расстоянии выстрела от второй стены, то он немедленно начал наступление. Иудеи разделились по позициям и защищали стену упорно, люди Иоанна боролись с замка Антонии, северной храмовой галереи и гробницы царя Александра [61], а отряды Симона заняли вход в город у гробницы Иоанна и защищали линию до ворот, у которых водопровод загибает к Гиппиковой башне. Часто они бросались из ворот и вступали в рукопашные схватки, но каждый раз были отбиваемы за стены; ибо в стычках на близком расстоянии они, не посвященные в римское военное искусство, были побеждаемы [62], между тем как сражаясь со стены они одерживали верх. Римляне обладали силой вместе с опытностью; на стороне иудеев была смелость, усиленная отчаянием и присущая им выносливость в несчастье. Рядом с этим, последних все еще поддерживала надежда на спасение, а первые в той же степени надеялись на быструю победу. Ни одни, ни другие не знали усталости; нападения, схватки около стен, вылазки мелкими партиями происходили беспрерывно в течение всего дня, и ни одна форма борьбы не осталась неиспробованной. Рано утром они начинали и едва ночь приносила покой — она проходила бессонной для обоих лагерей и еще ужаснее, чем день: для иудеев потому, что они каждую минуту ожидали приступа к стене, для римлян потому, что они всегда боялись наступления на их лагерь. Обе стороны проводили ночи под оружием, а с проблеском первого утреннего луча стояли уже друг против друга готовыми к бою. Иудеи всегда оспаривали друг у друга право первым броситься в опасность, чтобы отличиться пред своими начальниками. Больше, чем ко всем другим, питали они страх и уважение к Симону. Его подчиненные были ему так преданы, что по его приказу каждый с величайшей готовностью сам наложил бы на себя руку. В римлянах храбрость поддерживали привычка постоянно побеждать и непривычка быть побежденными, постоянные походы, беспрестанные военные упражнения и могущество государства, но больше всего личность самого Тита, всегда и всем являвшегося на помощь. Ослабевать на глазах Цезаря, который сам везде сражался бок о бок со всеми, считалось позором; храбро сражавшиеся находили в нем и свидетеля своих

подвигов и наградителя, а прославиться на глазах Цезаря храбрым бойцом считалось уже выигрышем. Многие поэтому выказывали часто превышавшее их собственные силы военное мужество. Когда, например, в те дни сильный отряд иудеев стал пред стенами в боевом порядке, и оба войска обстреливались еще издали, один всадник, Лонгин, грянул вперед из рядов римлян, врубился в самый строй иудеев, разорвал его своим набегом и убил двух храбрейших из них, — одного, ставшего против него в упор, а другого, обратившегося в бегство, заколол с боку вытянутым у первого копьем и тогда ускакал из рук врагов обратно к своим. Это был, конечно, совсем исключительный подвиг, но многие старались подражать ему в геройстве. Иудеи нисколько не печалились о причиненных им потерях. Все их помыслы и усилия были направлены к тому, чтобы и с своей стороны наносить урон. Смерть казалась им мелочью, если только удавалось, умирая, убить также и врага. Для Тита, напротив, безопасность солдат была столь же важна, как победа; стремление вперед без оглядки он называл безумием и признавал храбрость только там, где обдуманно и без урона шли в дело. Поэтому он учил свое войско быть храбрым, но не подвергать себя опасности.

4. Наконец, под личным руководством Тита был установлен таран против средней башни северной стены, где один хитрый иудей, по имени Кастор стоял на страже с десятью ему подобных после того, как другие бежали пред стрелками. Некоторое время они, притаиваясь за брустверами, тихо лежали; но, когда башня начала колебаться, они вскочили с разных мест; Кастор при этом простер свои руки, как человек, умоляющий о пощаде, взывал к Цезарю и жалобным голосом просил сжалиться над ним. Тит прямодушно поверил ему, вознадеявшись, что иудеи теперь намерены переменить свой образ мыслей; он приказал поэтому остановить таран, запретил стрелять в просящих и пригласил Кастора говорить. Когда тот заявил, что он хочет сойти и сдаться, Тит ответил, что он приветствует его разумное решение и будет очень рад, если все последуют его примеру, так как он, с своей стороны, охотно протянет городу руку примирения. Пять из десяти присоединились к лицемерным просьбам Кастора, между тем, как другие кричали, что они никогда не сделаются рабами римлян, пока у них будет возможность умереть свободными людьми. В этом споре прошло долгое время, в продолжение которого наступление было приостановлено. Кастор между тем послал сказать Симону, что он может совершенно спокойно совещаться со своими людьми о делах нетерпящих отлагательства, ибо он еще долго задержит римское войско.

В то же время он делал вид, будто старается склонить на сдачу также и сопротивлявшихся ему, а те, точно в негодовании, подняли обнаженные мечи над брустверами, пронзили себе щиты и пали на землю, как будто заколотые. Изумление охватило Тита и его окружающих при виде решимости этих людей и, не будучи в состоянии видеть снизу все в точности, они дивились только их мужеству и жалели вместе с тем об их участи. Тогда один из римлян ранил Кастора в лицо у носа; Кастор вытащил стрелу, показал ее Титу и жаловался на несправедливое обращение. Цезарь сделал выговор стрелявшему и дал поручение Иосифу, стоявшему возле него, идти к стене и протянуть руку Кастору. Но Иосиф отказался, ибо он подозревал, что просящие замышляют недоброе, и удерживал также своих друзей, желавших поспешить туда. Перебежчик по имени Эней вызвался на это дело, а так как Кастор кричал еще, чтоб кто-нибудь пришел за получением денег, хранившихся при нем, то этот Эней еще проворнее побежал и подставил свой плащ; но Кастор поднял камень и швырнул его вниз; в него самого он не попал, так как тот был на стороже, но ранил сопровождавшего его солдата. Этот обман привел Тита к убеждению, что снисходительность в войне только вредна, между тем как строгость больше предохраняет против хитрости. Разгневанный этим издевательством, он приказал заставить действовать таран еще с большей неукротимостью. Когда башня колебалась уже под его ударами, Кастор и его люди подожгли ее и прыгнули сквозь пламя в находившийся под нею тайный проход, чем они еще раз удивили своей храбростью римлян, полагавших, что они бросились в огонь.

Глава ВОСЬМАЯ.

Как римляне два раза взяли вторую стену и приготовились ко взятию третьей.

1. На этом месте Тит овладел второй стеной пять дней спустя после взятия первой. После того, когда иудеи удалились от нее, он вступил с тысячью вооруженных и с избранным отрядом, составлявшим его свиту, и занял в новом городе шерстяной рынок, кузнечные мастерские и площадь, где происходила торговля платьем, а также улицы, расположенные в косом направлении к стене. Если бы он сейчас же или сломал более значительную часть стены или, как принято по военному обычаю, разрушил взятую часть города, то его победа, по моему мнению, не была бы омрачена никакими потерями. Но Тит надеялся, что, избегая крутых мер, которые он мог принимать по своему усмотрению, он смягчит упорство иудеев, и потому приказал не расширять входа настолько, чтобы он сделался удобным для отступления; он думал, что те, которым он хотел оказать снисхождение, не устроят же ему засаду. Еще больше — по своем вступлении он воспретил убивать кого-либо из схваченных иудеев или ожигать дома; одновременно с тем, он предоставил мятежникам свободу продолжать борьбу, если только они сумеют это сделать без вреда для народа, а последнему обещал возвратить его имущество. Ибо для него было крайне важно сохранить для себя город, а для города храм. Народ и раньше склонен был в уступчивости и податливости [63]; воины же иудейские принимали его человеколюбие за бессилие: Тит, думали они, распорядился так потому, что он чувствует себя не в силах овладеть всем городом. Они грозили смертью всякому, кто подумает о сдаче; а кто проронил слово о мире, того убивали. В то же время они напали на вступивших римлян, частью бросаясь им навстречу на улицах, частью обстреливая их с домов; одновременно с тем, другие отряды делали вылазки из верхних ворот против римлян, находившихся вне стен. Эти вылазки навели такой страх на расположенную у стены стражу, что она поспешно соскакивала с башен и бежала к себе в лагерь. Громкий вопль поднялся среди римлян: находившиеся внутри города были оцеплены кругом врагами, а стоявшие извне были охвачены ужасом при виде опасности покинутых ими товарищей. Между тем число иудеев все больше росло; точное знакомство с улицами давало им значительный перевесь: они ранили массу римлян и с неудержимой силой теснили их назад. Последние поневоле оказывали продолжительное сопротивление, так как чрез тесный проход, сделанный в стене, они не могли бежать большими массами. Все вступившие в город несомненно были бы перебиты, если бы им на помощь не явился Тит. Расположив стрелков на концах улиц, он сам стал в самой страшной давке и стрелами отбивал неприятеля. Бок о бок с ним сражался Домиций Сабин (III, 7, 34), и в этой битве выказывал себя отменно храбрым. Продолжая без перерыва стрельбу, Цезарь этим отражал нападение иудеев до тех пор, пока его солдаты не совершили свое отступление.

2. Таким образом, римляне после того, как они уже завоевали вторую стену, были опять отброшены от нее. Дух иудеев, желавших войны, еще более поднялся; успех внушил им новые надежды. Римляне, думали они, уже не осмелятся ногой вступить в город, а в случае возобновления борьбы, никогда не одержат победы над ними. Бог за их грехи помрачил их ум, и они не видели, что изгнанные отряды составляли только маленькую часть римской армии и не замечали прокрадывавшегося к ним голода. Они сами продолжали еще насыщаться воплями граждан и питаться кровью обывателей! Лучшие же люди давно уже испытывали недостаток во всем, даже в самых необходимейших жизненных продуктах. Но в гибели людей мятежники усматривали только облегчение для самих себя; только тех они считали достойными жизни, которые знать не хотели о мире и жили для того, чтобы бороться с римлянами; а если иначе рассуждавшая масса погибала, то они только радовались этому, как освобождению от тяжелой ноши. Так они относились к жителям города. Римлян же, если только те пытались вновь вторгнуться в город, они вооруженной рукой отбивали и своими телами затыкали отверстия в стене. Три дня они так держались, храбро сопротивлялись. Но на четвертый день геройский удар Тита был для них слишком силен: они были отброшены и

потянулись на свою прежнюю позицию, Тит тогда опять овладел стеной и на этот раз приказал снести всю северную ее часть. В башнях южной стены он поместил гарнизон и сталь подумывать о взятии приступом третьей стены.

Глава ДЕВЯТАЯ.

Тит ввиду того, что иудеи, несмотря на приостановку осады, нисколько не смягчились, снова приступает к осаде и посылает Иосифа переговорить с его соотечественниками о мире.

1. Тит, однако, порешил приостановить на время осаду и дать мятежникам время одуматься для того, чтобы видеть, не сделаются ли они более уступчивыми ввиду разрушения второй стены или из опасения голода, так как награбленных ими припасов не могло уже хватить на долгое время. Этот отдых он употребил на нужное дело, а именно, на выдачу продовольствия солдатам, чему уже наступил срок. Он приказал предводителям вывести войско на место, видимое для врагов, и здесь вручить каждому солдату порознь следуемое ему жалованье. По принятому в таких случаях обычаю, войско выступило с открытыми щитами, которые обыкновенно накрывались чехлами, и в полном вооружении; всаднике водили своих лошадей также во всем убранстве. Ярким блеском серебра и золота засияла окрестность города, и насколько восхитительно было это зрелище для римлян, настолько было страшно для их врагов. Вся древняя стена и северная сторона храма были переполнены зрителями, даже крыши домов покрылись любопытными, и весь город, казалось, кипел толпами людей. Даже самые отважные были охвачены ужасом, когда увидели всю армию сосредоточенной в одном месте, пышность оружия и отличный порядок среди солдат; и я думаю, что этот вид заставил бы мятежников одуматься, если бы они, вследствие своих вопиющих преступлений пред народом, не отчаивались в прощении римлян; они были того мнения, что и в случае прекращения борьбы, им не миновать смерти преступников, а потому предпочли смерть в бою. Помимо всего и воля судьбы была уже такова, чтобы невинные вместе с виновными и город вместе с бунтовщиками погибли за одно.

2. Четыре дня римляне употребили на то, чтобы выдать продовольствие всем легионам. На пятый день Тит, увидев, что иудеи все таки не выступают с миролюбивыми предложениями, разделил свое войско на две части и приступил к постройке насыпей: одной против замка Антонии, а другой — у гробницы Иоанна. С этого последнего пункта он думал завоевать Верхний город, а с первого — храм, ибо без храма и обладание городом нельзя было считать обезпеченным. Таким образом на каждом из двух названных пунктов легионы соорудили по одному валу. Работавшим у гробницы старались мешать посредством вылазок идумеи и хорошо-вооруженный отряд Симона, а у замка Антонии — люди Иоанна и отряд зелотов. Вследствие занимаемой ими возвышенной позиции, они теперь имели преимущество не только при употреблении ручного оружия, но также в стрельбе из машин, так как, благодаря повседневным упражнениям, они приобрели навык и научились владеть ими. Они имели триста копьеметательных и сорок камнеметательных машин, с помощью которых значительно затрудняли возведение валов. Но Тит, который в сохранении или гибели города усматривал выигрыш или потерю лично для себя, во все время осады не упускал из виду и другую задачу, а именно, склонять иудеев к перемене своего образа мыслей. Свои военные действия он сопровождал дружескими советами и, зная, что часто добрыми словами можно успеть больше, чем силой оружия, он частью лично обращался к ним с напоминаниями спасти полузавоеванный уже город путем добровольной сдачи, частью же, в надежде, что соотечественнику они будут более послушны, посылал к ним Иосифа, который говорил с ними на их родном языке.

3. Иосиф [64] обошел стену, чтобы отыскать место, где он находился бы вне выстрела и, вместе с тем, мог бы быть услышанным, и в пространной речи сказал им следующее: «Сжальтесь, наконец, над самими собою и народом, сжальтесь над родным городом и храмом, не будьте ко всему этому более жестоки чем чужие! Римляне уважают святыни своих

врагов и до сих пор не трогали их, хотя они к ним непричастны, между тем как те, которые воспитаны в лоне этих святынь и которые в случае сохранения их останутся единственными их обладателями, делают все, клонящееся к уничтожению. Вы видите: ваши сильнейшие стены пали, оставшиеся слабее еще завоеванных. Вы знаете, что мощь римлян несокрушима, а их господство для вас не ново. Если война за независимость дело славное, то ее следовало бы вести в самом начале; но раз покорились однажды и долгое время мирились с чужим господством, то после этого захотеть свергнуть с себя иго — не значит стремиться к свободе, а к жалкой гибели. Более слабым властителям можно еще отказать в повиновении, но не тем, которым подвластно все. Какие страны избежали всепокоряющей власти римлян? Разве только те, которые вследствие своего знойного или сурового климата не имеют для них никакой цены. Везде счастье на их стороне, и Бог, Который заставляет мировое господство переходить от одного народа к другому, ныне избрал своим обиталищем Италию. Есть закон, твердо установленный как у животных, так и у людей — это, что более сильное оружие всегда побеждает и что слабые покоряются более сильным, поэтому-то предки наши, далеко превосходившие нас и телесной и духовной силой, равно как и другими оборонительными средствами, подчинились римлянам, чего они наверно не сделали бы, если бы не были убеждены, что Бог на стороне последних, А вас что поощряет к сопротивлению? Большая часть города уже завоевана, а вы сами внутри, если даже стены уцелеют, находитесь в худшем положении, чем военнопленники. Голод, водворившиеся в городе, истребляющий пока только народ, но долженствующий вскоре уничтожить также ваше войско, не составляет больше тайны для римлян. Если даже последние прекратят наступление и не вторгнутся в город с мечом в руках, то и тогда рядом с вами поселился, ведь, непобедимый внутренний враг, который с каждым часом приобретает все больше силы. С голодом вы, ведь, не можете бороться посредством оружия. Иначе вы были бы единственные, которые подобным образом совладали бы с таким бедствием. Как хорошо было бы, продолжал он, если бы вы одумались до того, как зло сделается непоправимым и если бы приняли спасительное решение, пока есть еще время! Римляне не вспомнят вам совершившегося, если только вы не доведете свое упрямство до конца; ибо они, по природе своей, милостивы в победе и более склонны преследовать свои собственные выгоды, чем мстить врагу, а их собственные интересы не состоят в том, чтобы взять безлюдный город или опустошенную от людей страну. Поэтому Тит и теперь предлагает вам помилование. Если же он после того, как вы даже в самой крайней вашей нужде не последуете его милостивым предложениям, должен будет взять город силой, тогда он не пощадит никого. А что вскоре падет также третья стена, за это ручается взятие обеих первых; да если бы даже эта твердыня была бы несокрушима, то ведь голод борется против вас за римлян!»

4. В то время, когда Иосиф говорил им все это, многие, стоявшие на стене, осмеивали его, другие ругали, а некоторые даже стреляли в него. Видя, что его доводы, основанные на действительный, фактах, не производят на них никакого действия, он перешел к отечественной истории и сказал: «О, вы несчастные, забывающие своих истинных союзников, вашими руками и вашим оружием вы хотите побороть римлян? Случалось ли когда-нибудь, чтобы мы таким путем побеждали? Не всегда ли мстителем нашего народа, когда с ним несправедливо поступали, являлся Бог, Творец? Бросьте взгляд назад, вы увидите, что собственно толкнуло вас в эту борьбу и какого великого союзника вы оскорбили. Вспомните чудеса времен ваших отцов и сколько раз на этом священном месте некогда находили гибель наши враги. Я, хотя не без содрогания, начинаю рассказывать о делах Бога недостойным ушам вашим, но вы все таки слушайте для того, чтобы убедиться, что вы боретесь не только против римлян, но также против Бога. Древний египетский царь Нехао, называвшийся также Фараоном, пришел с десятками тысяч в нашу страну и похитил царицу Сару, родоначальницу нашего племени. Что делал тогда ее муж Авраам, наш прародитель? Мстил ли он грешнику с оружием в руках? Нет! Имея триста восемнадцать вассалов, из которых каждый

владычествовал над несметным количеством людей, он, не взирая на них, считал все-таки себя совершенно покинутым без помощи Бога. Он поднял тогда свои праведные руки к оскверненному вами теперь месту и вымолил себе помощь непобедимого союзника. Не была ли царица сейчас же на следующий вечер возвращена обратно неприкосновенной к ее супругу, а египтянин, устрашенный ночными сновидениями, не бежал ли он после того, как излил молитву на месте, запятнанном вами братоубийством, а любимых Богом евреев одарил серебром и золотом? [65] Должен ли я умолчать или говорить о переселении наших праотцев в Египет, где они, насилуемые и угнетаемые чужими царями в течение четырехсот лет, всецело полагались на милость Божию вместо того, чтобы, как они, конечно, могли, сопротивляться с оружием в руках. Кто не знает, как затем Египет наполнялся всякого рода зверьми и был изнуряем всевозможными болезнями, как страна лишилась своего плодородия, а Нил — своих вод? Десять казней следовали одна за другой, после чего наши предки были отпущены под прикрытием, без кровопролития, без всяких опасностей, потому что сам Бог вел своих избранников. Когда наш священный ковчег был похищен ассирийцами [66], не стонали ли тогда вся филистимская земля, идол Дагон и вся нация, к которой принадлежали похитители? Гнилые язвы появились у них на сокрытых местах тела и вместе с пищей они испускали и внутренности. Кончилось тем, что те же руки, которые похитили ковчег, привезли его вновь обратно под звуки цимбалов и тимпанов и свой грех пред святыней искупили всевозможными жертвами. Вы видите, что Бог явил свою милость нашим предкам за то, что они, не прибегая к мечу, всецело вознадеялись на Него. Ассирийский царь Сеннахерив, когда он с бесчисленными народами изо всей Азии осадил этот город, пал ли он от человеческих рук? Последние тогда не были заняты оружием, а были простерты к молитве. Но ангел убил в одну ночь несметное войско, и когда ассириянин с наступлением утра поднялся, он нашел сто восемьдесят пять тысяч мертвых, и бежал он с остатками от безоружных евреев, которые даже не преследовали его [67].

Вам известно также вавилонское пленение, когда семьдесят лет народ жил на чужбине, не помышляя о насильственном освобождении, пока Кир в угоду Богу не предоставил им свободу, дал им проводников, и они снова сделались избранниками своего Союзника. Словом, нельзя привести ни одного случая, где наши предки только силой оружия завоевали себе счастие, или чтоб они терпели несчастье, когда они без борьбы отдавались в руки Провидения: не трогаясь с места, они побеждали, как только этого хотел Небесный Судья; если же они сражались, то всегда были поражаемы. Это случилось также, когда царь вавилонян осаждал этот город, а наш царь Седекия, вопреки пророчеству Иеремии, сразился с ним: тогда он сам был пленен и сделался свидетелем разрушения города и храма. И однако, на сколько тот царь и его народ были праведнее вас и ваших вожаков! Ни царь, ни народ не убивали же Иеремии, когда он открыто вещал, что они своими грехами навлекли на себя немилость Божию и что они будут побеждены, если добровольно не сдадут города. Вы же, напротив, — не говорю уже о преступлениях, которые вы совершаете в городе, для них я не имею слов, — поносите меня, который учит вас, как спасти себя, стреляете в меня из озлобления за то, что я вам напоминаю о ваших злодеяниях, за то, что вам вовсе не хотелось бы слушать о тех поступках, которые каждый день совершаете. Но возвратимся к нашей истории. Когда Антиох Эпифан, много грешивший пред Господом, осаждал город и наши предки сделали вооруженную вылазку, то они сами погибли в этом сражении, а город был разграблен врагами, святилище же было предано запустению на три года и шесть месяцев. К чему еще больше примеров? А теперь вот римляне — кто их накликал на нашу страну? Не безбожие ли ее жителей? Что дало первый толчок к порабощению ее римлянами? Не междоусобица ли наших праотцев? Безумие Аристовула и Гиркана и их взаимный раздор повлекли за собою поход Помпея против столицы, и Бог покорил под власть римлян тех, которые уже не были достойны свободы. После трехмесячной осады города, они сдались, между тем как они не грешили, как вы, ни пред святилищем, ни пред законом и обладали

гораздо большими средствами для ведения войны. Не знаем мы разве, какой конец постиг Антигона сына Аристовула? В его царствование Бог еще раз отдал на порабощение грешный народ: Ирод сын Антипатра привел Созия, а Созий — римское войско; Иерусалим был оцеплен и осаждаем в течение шести месяцев, пока его жители в воздаяние за грехи не были побеждены, а город разграблен. Таким образом сила оружия никогда не составляла опоры нашего народа, ибо война всегда влекла за собою порабощение. По моему убеждению, те, которые владеют священным местом, должны предоставлять все на суд Божий и отвергать всякую человеческую силу, пока в них жива надежда на Всевышнего Судью. Но что исполняли вы из того, на что законодатель наложил благословение? И что оставили вы из того, что он обрек проклятию? Во сколько раз вы преступнее ваших отцов, которые тем не менее пали еще быстрее, чем вы? Тайные преступления, как воровство, обман и прелюбодеяние, были для вас слишком ничтожны! Вы соперничали между собою в разбоях, и убийствах и прокладывали себе новые, неведомые еще пути зла. Храм сделался местом сборища для всех, и руками коренных жителей осквернялись Богу посвященные места, чтимые издали даже римлянами, которые в пользу нашего закона оставляют многие из своих обычаев. И вот после всего этого, вы ждете помощи от Того, против Которого вы так грешили. Но допустим, вы точно такие же благочестивые богомольцы и молитесь о Божеской помощи с такими же чистыми руками, как некогда наш царь [68], когда он призывал к Богу против ассирийцев и когда Бог в одну ночь уничтожил в прах ту великую армию; но разве действия римлян можно приравнивать к тому, что сделали ассирийцы, чтобы вы могли надеяться на подобную же помощь Бога? У ассирийцев царь купил за деньги пощаду города [69], а они вопреки данному слову пришли, чтобы зажечь храм; римляне же требуют только установленной подати, которую наши отцы уплачивали их отцам; раз только они добьются этого требования, они оставят город не разрушенным и храм нетронутым, все остальное они предоставят нам: семьи наши свободны, имущество в нашем распоряжении, а священные законы остаются неприкосновенными. Только безумие может допустить, чтоб Бог поступил со справедливыми одинаково, как с несправедливыми. Кроме того, ведь Бог, когда нужно, умеет быстро помогать: могущество ассирийцев Он сломил в первую же ночь, когда они стали лагерем под стенами Иерусалима; а потому, если б Он считал наше поколение достойным свободы, или римлян достойными наказания, то Он, точно как некогда на ассирийцев, сейчас обрушился бы на римлян — еще когда Помпей наложил свою руку на народ, или позже, когда нагрянул Созий, когда Веспасиан опустошал Галилею и, наконец, в настоящие дни, когда Тит приблизился к городу. Однако, Магнус [70] и Созий не только не были разбиты, но они и город взяли силой, Веспасиан в войне с нами достиг императорского достоинства, а что касается Тита, то для него даже источники обильно потекли водой — те источники, которые раньше иссякли для вас. До его прибытия, как вам известно, Силоам и все источники вне города высохли, так что вода покупалась по мере; теперь же эти источника стали столь изобильными, что они щедро наделяют водою не только ваших врагов и их скот, но даже сады [71]. Это чудесное знамение вам уже знакомо из прежних времен, а именно при нашествии названного вавилонского царя, который разгромил город и сжег храм; а между тем тогдашние наши предки не могли упрекнуть себя в таких преступлениях, как вы. А потому я думаю, что Божество бежало из своей Святая-Святых и стоит теперь на стороне тех, с которыми вы воюете. Если праведный человек бежит из порочного дома и с презрением отворачивается от его обитателей, то неужели вы думаете, что Бог будет сопутствовать вам в вашей греховной жизни — Он, Который видит сокрытое и слышит умалчиваемое. Впрочем, вы разве стараетесь что-либо скрыть от зрения и слуха? Ведь все ваши дела стали известны даже врагам; вы ведь хвастаете нарушением законов и ежедневно оспариваете друг у друга первенство в злодеяниях. Ваши бесстыдства вы выставляете на показ, точно это — добродетели. Но несмотря на все это, вам, если захотите, остается еще путь спасения, и Божество охотно прощает сознающего свою вину и кающегося в своих грехах. Бесчувственные! Бросьте ваше вооружение, сжальтесь над полуразрушенным уже

отечеством! Оглянитесь вокруг себя и смотрите: какое великолепие, какой город, какой храм, скольких народов приношения вы хотите принесть в жертву! Кто хочет предать все это огню? Кто желает, чтоб все это исчезло? Что еще больше заслуживает сохранения, чем это? Но если вы, непреклонные и более бесчувственные, чем камни, пред всем этим закрываете глаза, так подумайте о ваших семействах! Пусть каждый представит себе мысленно своих детей, жену и родителей, которых вскоре похитит голод или меч! Я знаю, что опасность витает и над моей матерью [72], моей женою, моей не беззнатной фамилией и издревле известным родом; вы думаете, быть может, что из-за них я вам так советую. Нет! убейте их, берите мою собственную кровь за ваше спасение! И я сам готов умереть, если только после смерти моей вы образумитесь».

Глава ДЕСЯТАЯ.

Многие из народа пытаются бежать к римлянам. Страдания оставшихся от голода и бедствий, от него происшедших.

1. Мятежники не поддавалась на слезные призывы Иосифа, ибо они не считали изменение образа действий безопасным для себя; но среди народа возникло движение в пользу перехода к римлянам. Одни продавали за бесценок свое имущество, другие — свои драгоценности, вырученные за них золотые монеты проглатывали, для того, чтобы они не были найдены разбойниками, и бежали в римские лагерь. Когда золото вновь появлялось наружу, они употребляли его на свои необходимейшие потребности, так как большинству из них Тит позволил селиться в любом месте в стране. Это еще больше подстрекало осажденных к бегству, ибо таким путем они избавлялись от внутренних потрясений, не делаясь вместе с тем рабами римлян. Одновременно же с тем, люди Иоанна и Симона старались воспрепятствовать побегу со стороны иудеев еще ревностнее, чем вторжению со стороны римлян, и предавали немедленной казни всякого, на кого только падала тень подозрения.

2. Богатым людям, однако, и оставаться в городе было опасно, ибо и их обвиняли в желании бежать к неприятелю для того, чтобы их казнить и овладеть их богатством. С голодом возрастала свирепость бунтовщиков, и оба бедствия с каждым днем делались все более ужасающими. Когда жизненные продукты перестали появляться на рынках, мятежники вторгались в частные дома и обыскивали их. Если находили что-нибудь, они били хозяев за то, что те не выдавали добровольно; если ничего не находили, они также их истязали, предполагая, что припасы тщательно ими сокрыты. Присутствие или отсутствие у кого-либо съестных припасов они определяли по наружному виду несчастных: у кого вид был еще здоровый, тот, значит, имел запас пищи; истощенных, напротив, они не беспокоили, так как не было причины убивать тех, чья жизнь подкашивалась уже голодом. Богатые отдавали тайком все свое имущество за одну только меру пшеницы, менее состоятельные — за меру ячменя; затем они запирались в самых затаенных уголках своих домов и в своем нестерпимом голоде пожирали зерно немолотым, или по мере того, как обстоятельства и страх позволяли, еле испеченным. Стол нигде больше не накрывался — пищу выхватывали из огня еще сырой и в таком виде проглатывали ее.

3. Жалкое было питание, и сердце сжималось при виде того, как более сильные забирали лучшую часть, тогда как слабые изнемогали в отчаянии. Голод господствовал над всеми чувствами, но ничто не подавлялось им так сильно, как чувство стыда; все, что при обыкновенных условиях считается достойным уважения, оставлялось без внимания под влиянием голода. Жены вырывали пищу у своих мужей, дети у своих родителей и, что было немилосерднее всего, матери у своих бессловесных детей; любимые детища у них на руках умирали от голода, а они, не робея, отнимали у них последнюю каплю молока, которая могла бы еще продлить им жизнь. Но и с такими средствами питания они не могли укрыться — мятежники подстерегали их повсюду, чтобы и это похитить у них. Запертый дом служил им признаком того, что обитатели его кое-что поедают; внезапно они выламывали двери, вторгались во внутрь и вырывали у них кусок почти из глотки. Стариков, цепко державшихся

за свою пищу, они били беспощадно, женщин, скрывавших то, что имели в руках, волочили за волосы; не было сожаления ни к почтенной седине, ни к нежному возрасту; они вырывали последние куски и у детей, которых швыряли на землю, если те не выпускали их из рук. С теми, которые, для предупреждения разбойников, наскоро проглатывали то, что в противном случае было бы у них похищено, они поступали еще суровее, точно у них отнималось неотъемлемо им принадлежащее. Пытки ужасного рода они изобретали для того, чтобы выведать места хранения припасов: они затыкали несчастным срамные отверстия горошинами и кололи им заостренными палками в седалище. Иные подвергались неимоверным мучениям только из-за того, чтоб они выдали кусок хлеба или указали на спрятанную горсточку муки. Пытавших можно было бы назвать менее жестокими, если бы их поступки были вызваны нуждой; но они не терпели голода, а стремились на ком-либо вымещать свою свирепую злобу и хотели при этом заготовить себе припасы на будущее. Бывали смельчаки, которые ночью прокрадывались чуть ли не до римского лагеря и там собирали дикие овощи и травы; но возвратившись с добычею, довольные тем, что спаслись от рук неприятеля, они подвергались нападению своих же людей, которые все у них отнимали и не оставляли им ничего, если даже те молили и именем Бога заклинали уделить им хоть часть того, что было добыто ими с опасностью жизни: ограбленный должен был довольствоваться тем, что ему по крайней мере жизнь пощадили.

4. Такие насилия, впрочем, терпело простонародье от прислужников тиранов; но люди именитые и богатые были приведены к самим тиранам. Там одни были умерщвлены по ложному обвинению в заговоре, другие под предлогом, что они хотят предать город римлянам; чаще же всего выступали подставные свидетели, обвинявшие их в том, что они имели в виду перебежать к римлянам. Ограбленные Симоном были препровождаемы к Иоанну, а разоренные последним передавались в руки первого. Так поочередно они пили кровь своих сограждан и делили между собою трупы несчастных. Воюя между собою за верховную власть, они были единодушны в злодействах. Кто препятствовал другому принимать участие в насилиях над согражданами, считался самолюбивым негодяем, а тот, который был устранен от участия, жалел о том, что лишился случая совершить жестокость, как о потере доброго дела.

5. Описать в отдельности их изуверства нет возможности. Коротко говоря, ни один город не переносил чего-либо подобного и ни одно поколение с тех пор, как существует мир, не сотворило больше зла. В конце концов они ругались еще над еврейским народом для того, чтобы казаться менее безбожными в отношении чужестранцев. Но этим они ясно показали, что сами были рабы, скопище бродяг и незаконнорожденное отребье своего народа. Они-то и разрушили город; они принудили римлян, против своей собственной воли, дать свое имя печальной победе и сами же почти своими руками втащили в храм замедливший огонь. Без скорби и без слез смотрели они с Верхнего города на пожарище, тогда как оно у римлян вызвало чувство сострадания. Об этом, впрочем, еще будем иметь случай поговорить, когда дойдем до описания соответственных событий.

Глава ОДИННАДЦАТАЯ.

Множество иудеев было распято пред стенами города. — Об Антиохе Эпифане. — Иудеи разрушают укрепления римлян.

1. Тит между тем быстро закончил сооружение валов, несмотря на то, что солдаты много терпели от защитников стены. После этого он отрядил часть всадников для поимки тех иудеев, которые в поисках за средствами питания спускались в загородные овраги. Между ними попадались также и воины, которые не могли уже насыщаться одними грабежами, но большею частью это были бедняки из простого народа. Если они не переходили к римлянам, то лишь потому, что боялись за судьбу своих семейств; ибо бежать с женами и детьми было немыслимо из-за бдительности бунтовщиков; оставить же их на произвол этих злодеев, значило бы преднамеренно обречь их на смерть. Голод, однако, внушал им смелость

покидать город; но и после того, как им удавалось обмануть стражу, опасность угрожала еще от внешнего врага. Попадаясь в руки римлян, они невольно, из страха пред казнью, оборонялись, а раз оказавши сопротивление, они считали уже бесполезным просить после о помиловании и погибали. После предварительного бичевания и всевозможного рода пыток они были распяты на виду стены. Тит хотя жалел этих несчастных, которых ежедневно было приводимо пятьсот человек, а иногда и больше, но с другой стороны, он считал опасным отпускать на свободу людей, взятых в плен силой, а если бы он хотел их охранять, то такая масса охраняемых скоро могла бы превратиться в стражу для своей стражи. Главной же причиной, побуждавшей Тита к такому образу действия, была надежда, что вид казненных склонить иудеев к уступчивости, из опасения, что в случае дальнейшего сопротивления их всех постигнет такая же участь. Солдаты в своем ожесточении и ненависти пригвождали пленных для насмешки в самых различных направлениях и разнообразных позах. Число распятых до того возрастали, что не хватало места для крестов и недоставало крестов для тел.

2. Мятежники, однако, не только не отрезвились этим ужасающим зрелищем, а напротив, коварно воспользовались им для склонения на свою сторону и остального народа. Они пригоняли к стене родственников переметчиков и тех граждан, которые были миролюбиво настроены, и указывали им на то, какая участь постигает бежавших к римлянам, утверждая при этом, что распятые были не военнопленники, а просители помощи и пощады. До поры до времени, пока дело не разъяснилось в настоящем своем виде, многие действительно воздерживались от бегства и оставались в городе; но иные тотчас же бежали оттуда с преднамеренной целью погибнуть как можно скорее, так как смерть от рук врага считалась уже усладой в сравнении с мучительной смертью от голода. Тит, между прочим, приказал отрубить руки многим пленникам для того, чтобы они не были приняты за перебежчиков и своим искалеченным видом возбуждали бы доверие осажденных, и в таком виде послал их к Иоанну и Симону со следующим предложением: «Пора им остановиться и раскаянием спасти хотя бы в последнюю минуту свою собственную жизнь, величественный родной город и храм, которой не имеет равного себе у других народов; если же они его не послушаются, то он будет вынужден уничтожить весь город». Одновременно с тем он объехал валы и поторопил рабочих, желая этим показать, что за его угрозами последует и исполнение. Но те, стоя, на стене, в ответ на эти слова, поносили Цезаря и его отца: «Смерть мы презираем, — восклицали они, — смерть гораздо приятнее нам, чем рабство. Но пока мы еще дышим, мы будем причинять римлянам столько вреда, сколько у нас хватит сил и возможности. Нашим городом мы нисколько не дорожим, так как мы, как ты сам заявляешь, все равно должны погибнуть; что же касается храма, то Бог имеет лучший храм — вселенную. Однако мы еще надеемся, что и этот храм будет оберегаем Тем, Который в нем обитает. С Ним в союзе мы осмеиваем всякие угрозы, от которых действительность еще далека, ибо исход дела в руках Божьих!»

3. В это время в римский лагерь прибыл Антиох Эпифан [73] во главе многих других тяжеловооруженных и со свитой так называемых македонян. Это были исключительно его ровесники, люди высокого происхождения, едва только вышедшие из отроческого возраста, вышколенные и вооруженные на македонский манер, откуда и их название: «македоняне». Большинство, однако, из них далеко не достигало славы этой нации. Из всех царей, подчиненных римлянам, самым счастливым был царь Коммагенский; но и он испытал на себе изменчивость судьбы. Уже на закате лет он представил собою пример того, что никто до самой смерти не может считать себя счастливым [74]. Сын его, появившийся туда в такое время, когда отец его находился на высоте своего счастья, выражал свое удивление по поводу того, что римляне так медлят покорением стен. Он сам был храбрый воин, обладал твердой, непреклонной волей и могучей телесной силой, которая в связи с его отвагой была почти непобедима. Тит на его слова, посмеиваясь, отвечал: «наше желание вполне

совпадает с вашим». Тогда Антиох со своими македонянами сделал приступ на стену. Благодаря своей силе в ловкости, он лично успел увернуться от иудейских стрел, осыпая в то же время иудеев своими стрелами, но его юные воины, за исключением только немногих, были смяты: они бились со всех сил, чтобы доказать, что не отделяют слово от дела, но покрытые многочисленными ранами должны были все-таки уступить. Они узнали тогда, что и истые македоняне для того, чтобы побеждать, должны еще обладать счастьем Александра.

4. С большими усилиями и после беспрестанной семнадцатидневной работы римляне в 29-ый день Артемизия [75] окончили сооружение валов, начатое ими 12-го того же месяца. Они построили четыре главных вала: один, против Антонии, был проведен пятым легионом посреди так называемого Воробьиного пруда; другой, почти на двадцати локтях от первого, был воздвигнут двенадцатым легионом; десятый легион возвел свое укрепление на значительном отдалении от последнего, у так называемого Миндального пруда, на севере; наконец, на тридцати локтях дальше, у гробницы первосвященника [76], находились шанцевые сооружения пятнадцатого легиона. На всех этих валах были уже поставлены машины. Тогда Иоанн приказал провести изнутри под находившиеся против Антонии укрепления подземный ход и подпереть столбами как самый ход, так и сооружения, находившиеся над ним, затем он заложил туда дров, обмазанных смолой и асфальтом, и приказал все это поджечь. Когда подпоры сгорели, мина обвалилась и за ней с большим грохотом обрушились сооружения. Вначале поднялся густой столб пыли, так как огонь был на половину потушен мусором; но когда весь свалившийся лес обрушился, огонь возгорелся ярким пламенем. Страх объял римлян при этом неожиданном зрелище; все мужество их пропало: они уже считали себя близкими к победе и вдруг лишились этой надежды даже на будущее. Тушить огонь они считали бесполезным делом, ибо если бы и удалось прекратить пожар, то самих валов уже больше не существовало.

5. Два дня спустя Симон со своими людьми предпринял нападение на другие валы, на которых римляне уже установили тараны и ими потрясали стену. Некий Тефтай из галилейского города Гарсиса [77] и Мегассар, из придворных слуг Мариамны, далее, сын Наватая из Адиабены, по прозвищу Хагейр [78], что значит хромой, схватили факелы и сделали вылазку на машины. Более удалых и опасных воинов, чем этих трех, город не имел в этой войне. Словно навстречу товарищам, а не густосплоченной вражеской массе, без страха и колебания ринулись они сквозь ряды неприятеля и начали поджигать машины. Обданные градом стрел, встреченные со всех сторон ударами мечей, они не покидали своего опасного поста до тех пор, пока огонь не охватил строений. Когда пламя вспыхнуло, римляне бросились туда на помощь из стана; но иудеи старались со стены отгонять их прочь и завязывали также рукопашный бой с огнетушительной командой, нисколько не щадя при этом своей жизни. Когда римляне вытаскивали тараны из-под горевших уже защитных кровель, иудеи и тогда старались овладевать ими, бросались в самый огонь и не выпускали машин из рук, если даже им приходилось держаться за раскаленное железо. От машин огонь распространился дальше до валов, так что вспомогательный отряд, прибыл уже поздно. Окруженные везде огнем, римляне увидели себя не в силах спасти свои сооружения и потянулись обратно в лагерь. Но иудеи, подкрепленные приливом сил изнутри и ободренные успехом, с неудержимой стремительностью бросились вперед, протеснились до лагерных шанцев и вступили в схватку с часовыми. (Перед лагерем у римлян стоит всегда особая вооруженная стража, которая каждый раз сменяется другой; а за оставление поста часовым закон наказывает его смертью). Стражники, предпочитая геройскую смерть в бою казни преступника, удерживали свои посты. Многие из бежавших устыдились, когда увидели своих товарищей в крайней опасности и опять вернулись на свои места. Они поставили на лагерный вал метательные машины и посредством них удерживали нахлынувшую из города толпу, не позаботившуюся ни о каких мерах предосторожности к своей безопасности и защите. Ибо иудеи схватывались с каждым человеком, попадавшимся им на пути; тяжестью

своей массы они опрокидывали врагов, в своем порыве не знавшем никакой осторожности, сами натыкаясь на копья; их превосходство заключалось не столько в успешных результатах, сколько в собственном своем мужестве; а римляне, если отступали, то не из-за того, чтоб они терпели значительные потери, а больше потому, что избегали их бешеной отваги.

6. Вскоре, однако, появился Тит с замка Антонии, где он высматривал позиции для других валов. Прежде всего он сделал солдатам строгий выговор за то, что они, господствуя уже над вражеской стеной, покидают свои собственные укрепления; что, выпустив иудеев из заключения, они как будто сами натравили их на себя и теперь сами пришли в положение осажденных. Затем он со своими собственными отборными отрядами набросился на неприятельский фланг. Хотя иудеи в то же время вмели против себя римлян и с фронта, тем не менее они обратились также против Тита и храбро сопротивлялись. Среди общей свалки пыль ослепляла глаза, а бранные клики заглушали уши — никто больше не мог различать между другом и недругом. В то время, когда иудеи боролись теперь уже не в сознании своей силы, а больше из отчаяния, римляне, напротив, воодушевлялись мыслью о славе, чести оружия и Цезаре, который предшествовал им в сражении. Я думаю, что они в пылу ярости на этот раз покончили бы со всей массой иудеев, если бы последние, не выжидая исхода, не отступили обратно в город. Но и римляне были сильно удручены разрушением валов, так как в один час они потеряли плоды многих дней усилий и труда; многие отчаивались уже в возможности покорения города обыкновенными машинами.

Глава ДВЕНАДЦАТАЯ.

Тит окружает город стеной, вследствие чего голод начинает опустошать целые дома и семейства.

1. Ввиду этого, Тит созвал военный совет. Более горячие из предводителей были того мнения, что следует всей армией сразу сделать приступ на стены: «до этих пор, говорили они, иудеи сталкивались только с разрозненными частями войска; но если сразу нагрянуть на них всей массой, так они не выдержат такого удара: они будут засыпаны стрелами». Из более рассудительных одни советовали опять строить валы; другие же — продолжать осаду без всяких валов, а только наблюдать за тем, чтобы жители не могли ни покидать города, ни получать припасов извне, и таким образом заставить неприятеля сдаться голодать, но отнюдь не вступать больше с ним в бой, ибо тщетна всякая борьба с людьми, которыми руководит отчаяние и которые считают смерть от меча высшим благом для себя; их без того ожидает худшая участь. Что же касается самого Тита, то он хотя признавал, что это не сделает чести римлянам, если такая могущественная армия будет праздно стоять под стенами города; но, с другой стороны, он также соглашался, что излишне бороться с людьми, которые сами истребляют друг друга. «Строить новые валы, сказал он, дело трудное, вследствие недостатка строевого леса; запереть все выходы еще труднее; ибо оцепить город кругом войском будет нелегко, вследствие его огромной величины и его почвенных условий; кроме того, это и не безопасно, ввиду вылазок, которые будут совершать иудеи; последние, наконец, если даже все известные ходы будут охраняемы, по необходимости и вследствие своего знакомства с местностью, отыщут себе тайные ходы. А раз жизненные припасы будут тайным образом поступать в город, то это только затянет осаду и можно опасаться, что долгая продолжительность ее умалит славу победы. Со временем, конечно, всего можно достигнуть, но для славы требуется также быстрота. А потому, продолжал он, чтобы соединить быстроту с безопасностью действий, следует весь город обвести стеной: только таким путем можно запереть все выходы и заставить иудеев или сдаться из отчаяния, или погибнуть от голода, без всяких усилий со стороны римлян. При всем этом он не думает остаться совершенно праздным, а постарается также и новые валы строить, так как тогда можно будет ожидать лишь самое слабое сопротивление. Если же кому-нибудь такое сооружение покажется слишком грандиозным и невыполнимым, то пусть тот подумает о том,

что мелкие предприятия недостойны римлян, а с другой стороны — совершить нечто великое без напряжения сил никому не дано и доступно разве одному божеству».

2. Этими словами он убедил полководцев и тотчас же отдал приказ войску приступить к работам. Невероятное рвение охватило солдат. После того, как обводная стена разделена была по частям между легионами, соревнование началось не только между последними, но и между отдельными когортами в каждом легионе. Простой солдат хотел отличиться пред декурионом, последний пред центурионом, а этот пред трибуном; честолюбие трибунов побуждало каждого из них искать одобрения предводителей; а соревнование последних вознаграждал Цезарь. Он лично, по нескольку раз в день, совершал объезды и сам осматривал работы. От ассирийского стана, где находился его собственный лагерь, он вел стену в нижнюю часть Нового города, отсюда, чрез Кидрон, на Елеонскую гору, огибал гору по южному склону ее до утеса Перистереона и ближайшего к нему холма, подымающегося через долину у Силоамского источника, оттуда он направил ее опять к западу в долину того же источника; затем стена подымалась по направлению к усыпальнице первосвященника Анана и, обняв гору, на которой некогда расположился лагерем Помпей, обратилась к северу, мимо деревни Эребинтона [79], охватила затем памятник Ирода и примыкала опять к востоку, к лагерю Тита, где она началась. Стена имела тридцать девять стадий в окружности. Снаружи к ней пристроены были тринадцать сторожевых башен, объем которых, в общей сложности, достигал десяти стадий. В три дня воздвигнуто было это сооружение. Дело, для которого целые месяцы не могли бы считаться чересчур продолжительным сроком, окончено было с такой быстротой, которая превосходит всякое вероятие. Заперев этой обводной стеной город и разместив войска в сторожевых башнях, Тит, в первую ночь, сам совершил объезд, для наблюдения за стражами; вторую ночь он предоставил Александру [80], а в третью ночь полководцы между собою метали жребий. Ночная стража, также по жребию, делила между собою часы сна, причем бодрствовавшие, в течение всей ночи, обходили промежутки между башнями.

3. Раз отнята была возможность бегства из города, то и всякий путь спасения был отрезан иудеям. А голод меж тем, становясь с каждым днем все более сильным, похищал у народа целые дома и семейства. Крыши были покрыты изнеможенными женщинами и детьми, а улицы — мертвыми стариками. Мальчики и юноши, болезненно-раздутые, блуждали, как призраки, на площадях города и падали на землю там, где их застигала голодная смерть. Хоронить близких мертвецов ослабленные не имели больше сил, а более крепкие робели пред множеством трупов и неизвестностью, висевшей над их собственной будущностью. Многие умирали на трупах в ту минуту, когда они хотели их хоронить, многие другие еще сами доплетались до могил прежде, чем их настигала неумолимая смерть. Никто не плакал, никто не стенал над этим бедствием: голод умертвил всякую чувствительность. С высохшими глазами и широко-раскрытыми ртами смотрела медленно угасавшие на тех, которые до них обретали покой. Глубокая тишина, как страшная могильная ночь, надвинулась над городом. Но ужаснее всего этого были все-таки разбойники. Точно могильщики, они вламывались в дома, ограбляли мертвецов, срывали с них покрывала и со смехом удалялись, или же пробовали на трупах острые наконечники своих кинжалов; нередко они, для испытания своего оружия, пронзали таких, которые боролись еще со смертью; другим же, которые, напротив, умоляли, чтобы их убивали, они, со спесивой насмешливостью, предоставляли умирать голодной смертью. Умиравшие, при своем последнем издыхании, устремляли свои остывшие глаза к храму, где они оставляли мятежников в живых. Последние одно время погребали умерших на средства общественной казны, так как запах трупов был для них невыносим, но после, когда число мертвецов все увеличивалось, их прямо швыряли со стен в пропасть.

4. Однажды, когда Тит на одном из своих обходов увидел эти пропасти, наполненный мертвецами, и массу гноя, вытекавшего из разложившихся трупов, он со вздохом поднял свои

руки и призвал Бога в свидетели, что не он виновен во всем этом. Таково было положение города. Зато римляне были теперь бодры и веселы: мятежники больше не тревожили их вылазками, так как они были охвачены унынием и голодом; хлеба и других съестных припасов римляне получали в избытке из Сирии и соседних провинций. Многие солдаты становились против стены, показывали обильные запасы продуктов, чем еще сильнее разжигали голод врагов. Видя, однако, что никакие испытания не могут вынудить у мятежников никаких уступок, Тит из жалости к остаткам населения, из желания спасти от гибели по крайней мере тех, которые еще уцелели, начал опять строить валы, несмотря на то, что доставка строевого материала была чрезвычайно затруднительна. Все деревья вокруг города были вырублены еще раньше для прежних строений, так что теперь солдатам приходилось доставать лес из-за девяноста стадий. Тем не менее римляне против одной только Антонии возвели четыре вала и даже значительно больших, чем были прежние. Цезарь обошел все легионы и сам подгонял рабочих, чтобы тем показать разбойникам, что они у него в руках. Они же, единственные, не знавшие ни сожаления, ни раскаяния, продолжали свои жестокости. Души свои они как будто отделили от своих тел и управляли теми и другими, как совершенно посторонними, им не принадлежащими предметами: душа не знала жалости, тело не ощущало боли. Мертвых они терзали, как собак, а больными они наполняли темницы.

Глава ТРИНАДЦАТАЯ.

Убийства и святотатственные грабежи усиливаются в Иерусалиме.

1. Симон предал мучительной казни даже Матфию, которому он был обязан доступом в город [81]. Первосвященник Матфия сын Боефа пользовался высоким авторитетом и влиянием на народ. Когда зелоты, с которыми вступил уже в союз Иоанн, терзали городское население, он убедил народ впустить Симона как спасителя, не сговорившись с ним предварительно и не ожидая с его стороны ничего дурного. Но как только Симон вступил в город и сделался его властелином, он начал относиться к Матфии, хлопотавшему в его пользу, одинаково враждебно, как к другим, приписывая этот шаг его простодушию. В те именно дни Матфия был схвачен и обвинен в приверженности к римлянам, и Симон, не давая ему даже возможности защиты, приговорил его вместе с тремя его сыновьями (четвертый сын еще раньше бежал к Титу) к смертной казни. Когда осужденный молил его, в благодарность за то, что он открыл ему ворота, казнить его прежде, чем сыновей, Симон, напротив, приказал казнить его последним. На трупах своих детей, казненных на его собственных глазах, он был умерщвлен после того, как его еще предварительно вывели на показ римлянам. Это было исполнено самым жестоким сподвижником Симона, Ананом сыном Бамада, который, глумясь, воскликнул тогда: «а ну-ка посмотрим, захотят ли помочь тебе те, к которым ты хотел бежать?» Тела убитых Симон воспретил предать земле. После них были казнены священник Анания сын Масамбала, видный человек, Аристей из Аммауса, секретарь совета, и вместе с ними еще пятнадцать выдающихся лиц из народа. Отца Иосифа они все еще содержали в одиночном заключении и, опасаясь измены, публично объявили, что никто из жителей не имеет права ни говорить с ним, ни посещать его. Тех, которые своими стонами выражали свое сочувствие казненным, без суда и следствия предавали сверти.

2. После описанных происшествий некто Иуда сын Иуды, один из начальников, подчиненных Симону, которому последний вверил охрану одной башни, отчасти быть может из сожаления к безжалостно убитым, больше однако из опасений за свою собственную участь, созвал десять самых преданных ему солдат и обратился к ним со следующими словами: «Доколе мы будем терпеть такие ужасы? Разве мы себя спасем тем, что останемся верными злодею? Разве не воюет уже против нас голод? Или не близко ли уже вторжение римлян? И как предательски поступает Симон со своими благодетелями! У него мы всегда должны дрожать за свою жизнь, между тем как на слово римлян можно смело положиться. Предадим же стену и спасем себя и город. Что касается Симона, то для него не будет

слишком жестокое возмездие, если он, лишенный всякой надежды на спасение, чем скорее понесет кару». Склонив такими словами этих десятерых, он к утру разослал остальных своих подчиненных на разные позиции для того, чтобы сохранить свой план втайне, сам же он, в третьем часу начал вести с башни переговоры с римлянами. Одни из последних относились к его предложению с презрением, другие с недоверием, большинство же не хотело принять его потому, что по их расчету город вскоре должен был без всякой опасности для них попасть в их руки. Тем не менее Тит начал было приближаться со своими тяжеловооруженными к стене. Но в эту самую минуту неожиданно нагрянул Симон, который, узнав о заговоре, быстро занял башню, тут же на глазах римлян перебил солдат и изуродованные их тела сбросил со стены.

3. В это время Иосиф, который не переставал делать свои напоминания, во время одного из своих обходов вокруг стены получил удар брошенным на него камнем в голову и так был ошеломлен им, что моментально упал на землю. При виде этого иудеи устремились наружу и наверно потащили бы его в город, если бы Тит не отрядил быстро людей для его защиты. В то время, когда солдаты дрались между собою, Иосиф в бессознательном состоянии был унесен. Мятежники, думая, что они покончили с человеком, смерти которого они алкали, громко возликовали. Весть об этом быстро распространилась среди остального населения города и произвела удручающее впечатление, так как они думали, что действительно умер тот, присутствие которого внушало им смелость переходить к римлянам. Когда мать Иосифа, содержавшаяся в заключении, узнала о смерти своего сына, она сказала приставленным к ней стражникам из Иотапаты [82]: «Она вполне верит этому слуху, но будь сын ее даже жив, она бы не имела от него никаких радостей». Но наедине со своими прислужницами она с горечью воскликнула: «Так вот что судила судьба мне, детьми благословенной матери! Сына, на которого я могла надеяться, что он предаст мой прах земле, я сама теперь не могу хоронить!» Однако скорбь ее, равно как и злорадство разбойников не были продолжительны. Иосиф скоро оправился от полученного им удара, вновь появился пред стеной и крикнул своим противникам: «Немного времени еще пройдет, и вы должны будете дать мне удовлетворение за мою рану!» Народ же он опять призывал на добровольную сдачу. Его появление вновь воскресило надежды граждан и внушило вместе с тем страх мятежникам.

4. Многие, побуждаемые нуждой, открыто соскакивали со стены и бежали к римлянам; другие бросались вперед с камнями в руках, делая вид, что идут в бой, а затем скрывались у неприятеля. Но их постигала еще худшая участь, чем тех, которые оставались в городе; утоление голода, которое они находили у римлян, еще больше ускоряло их смерть, чем самый голод, пожиравший их дома. Ибо, вследствие голода, они являлась к римлянам распухшие и как бы одержимые водянкой; и вот, переполняя в таком состоянии свой пустой желудок, они лопались. Только те избегали этой горькой участи, которые, наученные опытом, медленно умеряли свой голод и лишь постепенно вводили пищу в отвыкший от питания организм. Однако, и спасшихся таким путем ожидало еще другое несчастье. Сирийцы заметили, что один из перебежчиков при испражнении подбирал золотые монеты. Последние, как мы уже выше сообщали (10, 1), они бывало проглатывали прежде, чем покидали город, так как мятежники всех обыскивали. А золота было очень много в городе: за двенадцать аттик покупали такое количество золота, какое, обыкновенно, имело стоимость двадцати пяти аттик. Как только хитрость эта была обнаружена на одном перебежчике, разнесся слух по всем лагерям, что переметчики приходят наполненные золотом. Тогда многие арабы, а также и сирийцы вскрывали животы искателям убежища, чтобы отыскать золото в их внутренностях. Это было самое страшное из всех бедствий, постигших иудеев: в одну ночь было распорото около двух тысяч человек.

5. Когда Тит узнал об этом гнусном деле, он был готов оцепить виновных всадниками и всех их расстрелять; однако, громадное количество этих виновных удерживало его от своего

намерения, ибо подлежавших наказанию было гораздо больше, чем погибших упомянутым образом. Ввиду этого, он созвал к себе предводителей вспомогательных отрядов и начальников легионов (ибо и римляне были замешаны в этих зверствах) и, обратившись с негодованием к тем и другим, произнес: «Неужели среди моих солдат есть такие, которые, из-за гадательного барыша, способны совершить нечто подобное? Неужели они не стыдятся своего собственного оружия, сделанного также из золота и серебра?» Арабам и сирийцам он сказал: «А вы, в чужой для вас войне, хотите прежде всего самовольно удовлетворить ваши инстинкты, а затем, за вашу свирепую кровожадность и вашу ненависть к иудеям, сделать ответственными римлян. Вот некоторые из моих собственных солдат уже разделяют с вами ту позорную репутацию, которой вы пользуетесь». Самим же солдатам он грозил смертью за повторение этого преступления и отдал приказ по легионам, чтобы подозрительные были выделены и приведены лично к нему. Но жадность к деньгам, как видно, не боится кары; человеку врожден отвратительная любовь к наживе и ничто не подвергает его стольким опасностям, как сребролюбие, ибо всякая другая страсть имеет свой предел и может быть обуздана страхом. Во всем, этом, впрочем, участвовала и рука Провидения, Которое отвергло весь народ и все пути спасения превратило для него в пути гибели. То, что Цезарь воспретил своими угрозами, совершалось теперь над перебежчиками тайно: варвары встречали и резали беглецов еще прежде, чем другие могли их заметить; оглядываясь, чтоб не быть замеченными кем-либо из римлян, они их вскрывали и вынимали из внутренностей омерзительную добычу. Впрочем, только в некоторых найдено было золото, большинство же пало жертвой несбывшихся надежд убийц. Ввиду этой опасности, многие, решившиеся уже на переход к римлянам, теперь воздерживались от этого [83].

6. Между тем Иоанн, когда у народа уже нечего было брать, обратился к святотатственному грабежу: массу принадлежавших храму священных даров, богослужебной утвари, кувшинов, чаш и столов, он приказал расплавить; даже посланные Августом и его супругой в дар кружки для вина не были пощажены. В то время, когда римские императоры во все времена окружали храм почетом и умножали его сокровища, иудей сам расхитил дары иноземцев. Своим окружающим он говорил: «предметы, посвященные Богу, можно без всякого стеснения употребить на служение Богу, а те, которые борются за храм, имеют право черпать из него средства к существованию». На этом основании, он позволил себе также взять из внутреннего храма священного масла и священного вина, которые священники хранили для окропления жертв всесожжения, разделил их между народом, а последний, без страха, израсходовал того и другого больше гина [84]. Я не могу умолчать о том, что мне внушается скорбью. Мне кажется, если бы римляне медлили уничтожением этих безбожников, тогда сама земля разверзлась бы и поглотила бы город, или его посетил бы потоп, или, наконец; молнии стерли бы его, как Содом; ибо он скрывал в себе несравненно худшее из всех поколений, которые постигли эти кары. Безумие их ввергло в гибель весь народ.

7. Но зачем мне перечислять в отдельности все бедствия народа? Достаточно вспомнить показания Манная, сына Лазаря, бежавшего в те дни к Титу и утверждавшего, что чрез одни единственные ворота, находившиеся под его охраной, со дня разбития лагеря пред городом, т. е. от 14-го Ксантика до 1-го Панема [85] вынесено было сто пятнадцать тысяч восемьсот восемьдесят мертвых. По истине ужасающее число! А между тем Маннай не был начальником стражи, а был поставлен у ворот для ведения счета только тем мертвецам, за погребение которых уплачивалось из городской кассы (13, 3); но было еще много умерших, которых хоронили родные и близкие. Погребение состояло в том, что трупы выносили за город и там их бросали на произвол судьбы. Многие перебежчики из высшего сословия, прибывавшие за Маннаем, определяли число мертвых из неимущего класса, выброшенных за ворота в 600 000; число остальных никак нельзя было определить. Когда, рассказывали они дальше, не было возможности, вследствие недостатка сил, выносить умерших бедняков, последних

сваливали в большие дома и здесь их запирали. Мера пшеницы доходила в цене до таланта; а когда затем, вследствие обнесения города стеной, нельзя было доставать и зелени, голод увеличился до того, что люди рылись в клоаках, шарили в старом навозе, чтобы отыскивать жалкие крупицы корма. То, чего раньше нельзя было видеть без отвращения, сделалось теперь предметом питания. Римляне, слыша только рассказы об этом, проникались сожалением, мятежники же, которые видели все это своими глазами, оставались вполне равнодушными к этому, пока не пришел и их черед испытать нужду. Злой рок их ослепил, и они не видели, что предстояло городу и им самим.

Конец пятой книги

ШЕСТАЯ КНИГА.

Глава ПЕРВАЯ.

Бедствия иудеев усиливаются. — Нападение римлян на Антонию.

1. Бедствия Иерусалима с каждым днем становились ужаснее; но они только сильнее возбуждали мятежников и делали их все более свирепыми, ибо голод похищал теперь свои жертвы не только из народа, но и из их собственной среды. Бесчисленные трупы, сваленные кучами в самом городе, представляли страшное зрелище, распространяли чумоносный запах и даже мешали воинам в их вылазках: точно на поле сражения, после кровавого боя, они в своих наступлениях должны были переступать чрез тела мертвых. Но ступая на трупы, они не испытывали ни страха, ни жалости и не задумывались даже о том, что в этом поругании умерших кроется грозное предзнаменование для них самих. С руками, оскверненными братоубийством, они вступали в бой с чужими, как будто хотели этим — мне, по крайней мере, так кажется — бросить вызов Божеству за то, что оно так долго медлит наказанием. Ибо давно уже перестала воодушевлять их к войне надежда на победу — ее место заменило отчаяние. Римляне, напротив, хотя доставка строевого леса причиняла им большие затруднения, окончили валы в двадцать один день, причем, как выше (V, 12, 4) было замечено, все окрестности города, на 90 стадий в окружности, были совершенно оголены. Печален был вид всего края. Страна, которая прежде щеголяла своими древесными насаждениями и парками, была теперь повсюду опустошена и обезлесена. Из чужестранцев, знавших прежнюю Иудею и великолепные предместья Иерусалима, никто не мог удержаться от слез при виде тогдашнего опустошения и от выражения скорби об этой страшной перемене. Война уничтожила всякий след красоты, и если бы кто-нибудь, знавший прежде эту местность, вдруг появился вновь в ней — он бы не узнал ее, а искал бы города, пред которым он стоял.

2. Новые валы послужили источником забот, как для иудеев, так и для римлян. Первые предвидели, что если им не удастся сжечь опять и эти сооружения, покорение города неизбежно; римляне же, если бы и эти валы были уничтожены, лишились бы всяких видов на завоевание города. Ибо добыть еще лесного материала не было никакой возможности, да кроме того, солдаты уже изнурились от постоянных напряженных трудов и приуныли духом от последовавших одна за другой неудач. Даже бедствия осажденных привели к большому упадку духа среди римлян, чем среди жителей города. Ибо последние, не взирая на самые ужасные невзгоды свои, нисколько не смягчились и каждый раз разбивали надежды врагов, с успехом противопоставляя валам хитрость, машинам — крепкие стены, а в рукопашных сражениях — бешеную отвагу. Видя эту силу духа, которой обладают иудеи и которая возвышает их над внутренним раздором, голодом, войной и другими несчастиями, римляне

начали считать их жажду брани непреодолимой, а их мужество в перенесении несчастья — неисчерпаемым, и сами предлагали себе вопрос: чего бы только такие люди не могли предпринимать при счастливых условиях, когда несчастье все более и более их закаляет? Ввиду этих соображений, римляне еще более усилили караульные посты на валах.

3. Войско Иоанна в Антонии, подумав об опасности, угрожавшей им в случае если бы стена была пробита, поспешило, еще прежде чем был установлен таран, сделать нападение на неприятельские сооружения. Но на этот раз дело их не удалось: бросившись с факелами в руках, они, не дойдя еще близко к валам, потеряли надежду на успех и потянулись назад. Видно было, что их план страдает прежде всего отсутствием единства: они выступили разрозненными партиями, робко и медленно, одним словом, совсем не в прежнем иудейском духе; не доставало всего того, что всегда отличало иудеев, а именно: смелости, быстроты натиска, общности набега и искусства в прикрытии отступления. Кроме того, совершив на этот раз вылазку с меньшей решимостью против обыкновенного, они встретились с более твердым строем римлян, чем всегда: последние своими телами и вооружениями прикрывали насыпи вплотную, не оставляя незащищенного места, куда можно было бы бросить огонь, и стояли на своих постах с твердым намерением не давать прогнать себя живыми. Ибо, не говоря уже о сознании, что с сожжением этих укреплений все их надежды превратятся в ничто, солдатская честь уже начала в них возмущаться против того, что хитрость всегда берет верх над храбростью, безумная отвага — над военным искусством, численность — над опытностью, иудеи — над римлянами. Были пущены в ход также и метательные машины, стрелы которых долетали до нападавших. Каждый выбитый из строя образовал препятствие для следовавшего за ним с тыла; да и кроме того опасность, с которой был сопряжен дальнейший натиск, лишала их решимости; находившиеся уже в районе выстрелов, отступили еще до боя, одни устрашенные видом выстроенных в образцовом порядке тесно сплоченных рядов неприятеля, другие раненные метательными копьями. Так они, упрекая друг друга в трусости, все рассеялись, не достигнув никакого результата. Это нападение произошло первого Панема [1]. После отступления иудеев, римляне установили стенобитные машины. Тогда защитники Антонии начали метать в них обломки скал, горящие головни, куски железа и всевозможного рода другие стрелы, какие только подвертывались им под руки; ибо при своей уверенности в несокрушимости стен и при всем пренебрежении к римским машинам, они все-таки хотели воспрепятствовать установке последних. Но римляне, напротив, приписывали рьяное усердие иудеев в защите Антонии от машин слабости стен и в свою очередь удвоили рвение, в надежде, что фундаменты поддадутся разрушению. Однако, стена в местах нападения не поддавалась. Некоторое время римляне выдерживали беспрерывную стрельбу и, не обращая внимания на все грозившие им сверху опасности, не переставали действовать таранами. Но стоя внизу и подвергаясь ударам камней, беспрерывно бросаемых сверху, часть солдат, образовав из своих щитов кровлю над собою, начала подкапывать руками и рычагами фундамент, и так работая настойчиво, выломали, наконец, четыре камня. Наступившая ночь положила конец борьбе с обеих сторон. В ту же ночь потрясенная тараном стена внезапно обрушилась на том месте, где Иоанн прокопал мину под прежние валы. Произошло это вследствие обвала самой мины.

4. Это неожиданное происшествие произвело на воюющие стороны действие обратное тому, какого можно было ожидать. Иудеи, которых непредвиденный и непредупрежденный ими обвал должен был привести в уныние, не потеряли все-таки бодрости ввиду того, что сам замок Антония остался на месте. Радость же римлян, при внезапном разрушении стены, была отравлена появлением другой стены, сооруженной людьми Иоанна позади первой. Хотя приступ против этой новой стены был, повидимому, легче осуществим, чем против первой, так как развалины первой стены облегчали доступ ко второй; хотя и было очевидно, что она гораздо слабее Антонии и, как вспомогательная стена, может быть легко разрушима;

несмотря на все это, никто не осмеливался взойти на эту стену, ибо первые, которые попытались бы это сделать, шли бы на верную смерть.

5. Тит, убежденный в том, что боевое мужество в солдатах можно возбудить преимущественно воззванием и внушением надежды, что бодрящее слово в связи с обещаниями учат солдат забыть опасность и даже презирать смерть, собрал вокруг себя храбрейших и для их испытания произнес: «Товарищи! Речь, имеющая целью воодушевить людей на безопасное дело, равносильна оскорблению тех, к которым она обращена. Такая речь изобличает также отсутствие достоинства в том лице, которое ее произносит. Слово поощрения необходимо, по моему, только в опасных случаях, там, где требуется указание, как следует всякому в отдельности действовать. А потому я сам говорю откровенно: тяжело вам взобраться на стену; но к этому хочу еще прибавить, что бороться с трудностями как раз и подобает тому, который желает прославить себя, что геройская смерть заключает в себе что-то величественное и что тот, кто первый совершит храбрый подвиг, не останется не награжденным. Прежде всего вас должно воспламенить то именно, что иных, пожалуй, может охладить: я имею в виду терпение иудеев и их упорную выносливость в тяжелых обстоятельствах. Ведь было бы стыдно, если бы вы, римляне и мои воины, которые и в мирное время обучаетесь военному делу, а на войне привыкли побеждать, если б вы давали иудеям превзойти себя в силе и мужестве — и это когда — накануне победы, когда сам Бог являет вам свою помощь.

«Наши поражения только следствия отчаянного мужества иудеев; они же, напротив, обязаны своими все возрастающими несчастиями вашей храбрости, поддерживаемой Богом. В самом деле — междоусобная война, голод, осадное положение, разрушение стен без участия машин — разве это не гнев Божий на них, а нам Божья помощь? Пусть же не попрекают вас в том, что вы были побеждены слабейшими себя и к тому еще оттолкнули божественную помощь.

«Если иудеи, для которых поражения не могут считаться особенным позором хотя бы потому одному, что они уже изведали иго рабства, однако, чтобы опять не впасть в прежнее свое состояние, пренебрегают смертью и то и дело врываются прямо в наши ряды, даже без всяких видов на победу, а только лишь для того, чтобы показать себя храбрыми воинами, — то не стыдно ли нам, властелинам почти всех земель и морей, для которых не побеждать уже составляет позор, сидеть сложа руки, не предпринимая ничего энергичного и ждать, пока голод и неблагоприятная им судьба не совершат начатого ими дела без того, чтоб мы хоть раз рискнули своей жизнью, в то время, как одной маленькой ставкой мы можем выиграть все. Раз только мы взберемся на Антонию — весь город будет наш. Ибо если внутри еще и предстоит маленькая стычка, чего я, впрочем, не допускаю, то высокая и господствующая над городом позиция, которой мы овладеем, обеспечит за нами быструю и полную победу. Не стану я теперь прославлять смерть в бою и бессмертие тех, которые падают во вдохновенной борьбе. Я, напротив, желаю малодушным умереть в мирное время от болезни, чтобы души их с телами вместе сгнили в гробах. Ибо кто из храбрых не знает, что души, разлученные от тел мечом в строю, внедряются в чистейшем эфирном элементе, между звезд, откуда они светятся потомкам, как добрые духи и покровительствующие герои; а те, которые чахнут в болезненных телах, хотя бы и чистые от грехов и пятен, погружаются в мрачное подземное царство, где их окружает глубокое забвение и где они сразу теряют и тело, и жизнь, и память. Раз судьба установила вообще для человека неминуемую смерть, и раз меч более благосклонный слуга ее воли, чем всякая болезнь, то хорошо ли будет с нашей стороны, если мы откажемся жертвовать с благородной целью тем, что мы неизбежно как долг обязаны отдать судьбе. Однако, все это я говорил в том предположении, что те, которые отважатся на приступ, не возвратятся оттуда живыми, но ведь бывает наоборот, что храбрые спасают себя от величайшей опасности. Взобраться на развалины ведь совсем легко, а тогда уже не трудно разрушить новое строение. Если только вы смело и бодро и в большом числе пойдете в дело,

тогда вы взаимно будете воодушевлять и поддерживать друг друга, а ваша твердая решимость быстро сломит спесь врага. Возможно, что успех не будет стоить вам ни одной капли крови; все лишь сводится к тому, чтобы только взяться за дело. Когда вы станете подыматься на стену, неприятель без сомнения будет стараться отражать вас; но если вы будете действовать незаметно для них и в то же время силой пробьете себе дорогу туда, они не в состоянии будут сопротивляться, хотя бы даже вас было немного. Да будет мне стыдно, если я того, который первый взберется на стену, не сделаю предметом зависти для всех. Останется он жив, он будет начальствовать над ныне равными ему; но если даже падет, ему будут оказаны завидные почести».

6. И после речи Тита войско в целом все еще колебалось, трепеща пред грозной опасностью. Но один, сириец по происхождению, по имени Сабин, служивший в когортах, показал себя храбрым и отважным героем, хотя, если судить о нем по внешнему виду, едва ли можно было принять его за настоящего солдата. Он был черный, сухощавый и неуклюжий; но в этом невзрачном теле жила истая геройская душа. Он первый выступил вперед и сказал: «За тебя, Цезарь, я готов пожертвовать собою; я берусь первым взойти на стену. Да сопутствует мне вместе с моей силой и решимостью еще и твое счастье. Если же мне не суждена удача, так знай, что неудача не будет для меня неожиданностью, ибо я по своей доброй воле иду на смерть за тебя». После этих слов он левой рукой поднял свой щит над головой, правой обнажил меч и пошел к стене около 6 часов дня [2]. Из всего войска за ним последовали одиннадцать соревнователей его храбрости. Во главе всех он грянул вперед, точно охваченный божественным вдохновением. Караулы со стены метали в них копья, осыпали их со всех сторон настоящим градом стрел и швыряли громадной величины камни, поразившие некоторых из одиннадцати. Но Сабин бросился навстречу выстрелам и, хотя покрытый стрелами, не остановился в своем натиске до тех пор, пока не достиг вершины и не обратил врагов в бегство. Устрашенные его силой и присутствием духа иудеи бежали, предполагая, что вместе с ним еще многие другие взлезли на стену. Но тут произошел случай, подтверждающий, что не без основания упрекают судьбу в том, что она завистлива к храбрости и всегда ставит препятствия чрезвычайным геройским подвигам. Когда этот человек достиг уже своей цели, он вдруг поскользнулся, споткнулся о камень и с грохотом упал лицом вниз. Иудеи обернулись и, увидев, что он один и лежит на земле, направили на него со всех сторон свои стрелы. Он привстал на колено и вначале еще защищался с приподнятым пред собою щитом, ранив при этом многих, приближавшихся к нему; но весь израненный «он опустил руку и, осыпанный стрелами, наконец испустил дух. Человек этот за храбрость свою был достоин, конечно, лучшей доли, хотя предпринятое им дело было именно такого рода, что оно должно было стоить ему жизни. Из его спутников трех, достигших тоже вершины стены, иудеи убили камнями; остальные восемь были унесены ранеными обратно в лагерь. Это произошло 3-го Панема [3].

7. Спустя два дня двадцать солдат из среды стоявшей на валах стражи сговорились между собою, привлекли к себе еще знаменосца пятого легиона, двух человек из конных отрядов и одного трубача и в 9-м часу ночи [4] тайно проникли чрез развалины в Антонию, убили спавшую передовую стражу, заняли стену и велели трубачу дать сигнал. Пробужденные этим внезапным трубным звуком, остальные стражники бросились бежать, не успевши различить число взобравшихся на стену. Страх и сигнал трубы возбудили в них ложное подозрение, что неприятель всей массой проник в цитадель. Между тем Тит, едва только раздался сигнал, скомандовал к оружию и во главе отборной части войска, вместе с предводителями, первый взошел в замок. Так как иудеи бежали в храм, то римляне устремились за ними по подземному ходу, прорытому прежде Иоанном к римским валам. Мятежники, хотя были разделены на два лагеря под начальством Иоанна и Симона, дружно бросились навстречу римлянам, сражаясь с необыкновенным напряжением сил и удивительным воодушевлением, ибо они хорошо сознавали, что с завоеванием святилища

город должен пасть. Римляне же усматривали в занятии храма начало победы. Таким образом в воротах завязался ожесточенный бой: римляне хотели вторгнуться внутрь, чтобы овладеть и храмом, иудеи же старались оттеснить их к Антонии. Стрелы и копья для тех и других были бесполезны, они нападали друг на друга с обнаженными мечами. В пылу битвы нельзя было разобрать на чьей стороне каждый в отдельности сражается, так как солдаты стояли густой толпой, смешавшись между собою в общей свалке, а из-за общего гула ухо не могло различать отдельных кликов. На обеих сторонах лилось много крови; борцы растаптывали и тела, и вооружение павших. Смотря по тому, на чьей стороне был перевесь, раздавался то победный крик наступавших, то вопль отступавших. Но не было жеста ни для бегства, ни для преследования — беспорядочный бой шел с попеременным успехом. Стоявшие впереди должны были или убивать, или давать себя убить, ибо бегство было немыслимо из-за стоявших в следующих рядах, которые своих собственных людей толкали все вперед, не оставляя даже свободного пространства между сражающимися. В конце концов, свирепая отвага иудеев одержала верх над военной опытностью римлян, и бой, длившийся от девятого часа ночи до седьмого часа дня [5], совершенно прекратился. Иудеи сражались всей своей массой и с храбростью, сообщенной им опасностью, которая угрожала их городу; римляне же участвовали в битве только частью своего войска, так как легионы, на которых покоилась надежда воюющих, еще не вступали в замок. По этой же причине они на этот раз довольствовались занятием только Антонии.

8. Когда Юлиан, центурион из Вифинии, человек небезызвестный, с которым я во время войны лично познакомился, отличавшийся пред всеми военной опытностью, телесной силой и мужеством, увидел, что римляне отступаюсь и только слабо защищаются, он выскочил из замка, где стоял возле Тита, и сам один отогнал побеждавших уже иудеев до угла внутренняго храмового двора. Они бежали всей толпой, так как его сила и смелость казалась им чем-то сверхъестественным. Он же мчался среди бегущей толпы с одной стороны на другую и убивал всякого попадавшегося ему на пути. Это зрелище возбуждало в высшей степени удивление Цезаря и наполняло величайшим страхом других. Но и его преследовала судьба, которой не может избегнуть ни один смертный. Он носил, подобно прочим солдатам, обувь, густо подбитую острыми гвоздями; и вот, когда он пересекал мостовую, он поскользнулся и упал навзничь; громко звякнуло его оружие и раздавшийся грохот, обращая на себя внимание бежавших, заставил их вернуться. Римляне, увидев его с Антонии в опасности, издали вопль отчаяния; иудеи же окружили его густой толпой и со всех сторон направили на него свои копья и мечи. Первые удары он отражал своим щитом и несколько раз делал попытку встать, но пересиленный многочисленностью нападавших, он каждый раз падал опять на землю. Однако, и лежа он многих ранил своим мечом; ибо сразу его не могли убить: его шлем и щит прикрывали все уязвимые места тела, а шею он стянул; лишь, когда остальные части тела были изрублены и никто не осмелился придти ему на помощь, он сдался. Глубокое сострадание охватило Цезаря при виде этого доблестного героя, убитого на глазах столь многочисленных его боевых товарищей; он сам охотно поскакал бы к нему на помощь, но местоположение сделало это для него невозможным; те же, которые могли бы это сделать, были парализованы страхом. После ожесточенного боя, из которого лишь немногие из его убийц вышла невредимыми, Юлиан с трудом был окончательно убит, оставив по себе славную память не только у римлян и Цезаря, но и среди врагов своих. Иудеи, похитивши его тело, еще раз обратили римлян в бегство и заперли их в Антонии. На их стороне отличились в этом сражении: из войска Иоанна — Алексас и Гифтей; из войска Симона — Малахия и Иуда сын Мертона и предводитель идумеев Яков сын Сосы; а из среды зелотов — два брата Симон и Иуда, сыновья Иаира.

Глава ВТОРАЯ.

Тит, повелев разрушить Антонию, побуждает Иосифа вновь обратиться к иудеям со словом увещания.

1. Тит отдал приказ солдатам разрушить фундамент Антонии для того, чтобы открыть всему войску удобную дорогу. В тот же день — это было семнадцатого Панема [6] — он узнал, что принесение жертвы, называемой постоянной [7], по недостатку людей было приостановлено и что народ этим крайне удручен. Он пригласил к себе поэтому Иосифа и приказал ему повторить еще раз Иоанну, что — «если он все еще одержим непростительной страстью к борьбе, — то может вывести против него сколько угодно войска, но пусть не вовлечет, в свою гибель также города и храма и пусть перестанет осквернять святилище и грешить перед Богом. Ему предоставляется возобновить приостановленное жертвоприношение при помощи иудеев, которых он сам может избрать [8]. Иосиф избрал себе такое место, с которого он мог быть услышанным не только Иоанном, но и массой народа, и, объявив им на еврейском языке то, что поручил ему сказать Тит, присовокупил еще свою неоднократную просьбу, чтобы «они пощадили родной город, предотвратили огонь, который уже лижет храм, и опять приносили бы Богу обычные жертвы». Народ был глубоко сокрушен его речью и молчал; но тиран осыпал Иосифа руганью и проклятиями и закончил свою речь следующими словами: «Разрушения города я раз навсегда не боюсь, ибо город принадлежит Богу». В ответ на это Иосиф громко воскликнул:

«Да! Ты сохранил город во всей чистоте нашему Богу, святилище также осталось незапятнанным; ты ничем не согрешил пред тем, на чью помощь ты уповаешь, и Он до сих пор получает от тебя стародавние жертвы! О, ты, гнусный человек! Если бы кто-нибудь лишил тебя повседневного питания, ты считал бы того своим врагом, а Бога, Которого ты лишил веками установленной службы, ты считаешь союзником твоей борьбы! Ты хочешь взвалить твои грехи на римлян, а между тем они до сих пор еще уважают наши законы и настоятельно требуют, чтоб упраздненные тобою жертвоприношения опять возобновились. Как не вопиять, как не оплакивать города при виде столь неестественной перемены? Чужие и враги хотят восстановить то, что ты безбожно нарушил; ты же, иудей, рожденный и воспитанный в законе, кощунствуешь хуже всякого врага. Но, Иоанн, и в самую последнюю минуту еще не стыдно отстать от зла. Если хочешь, то прекрасный пример спасения государства представляет тебе Иехония, царь иудейский, который однажды, когда вавилонянин выступил против него войной, сам покинул город и вместе со своим семейством сдался в добровольный плен для того, чтобы не быть вынужденным отдать это святилище врагу, чтобы спасти Божий храм от сожжения [9]. За то же он прославляется устами всего народа в священной песне, за то память о нем, переходя из рода в род, остается бессмертной до позднейших поколений. Прекрасный пример для тебя, Иоанн, будь даже подражание ему связано с опасностью! Но я ручаюсь тебе за прощение со стороны римлян. Вспомни, что я советую тебе, как соотечественник и обещаю, как иудей; и ты должен принять во внимание, от кого и в каком смысле исходит совет. Никогда не случится, чтобы я продолжал жить в плену, отрекаясь от своего народа и забывая свою отчизну. Опять ты негодуешь и кричишь, осыпая меня твоей руганью! Да, я заслуживаю еще худшего обращения, ибо я наперекор судьбе подаю еще советы и насильно хочу спасти людей, отверженных Богом. Кто не знает писания древних пророков и их предсказаний об этом несчастном городе, предсказания, которые теперь именно близятся к осуществлению? Они предвещали, что тогда город падет, когда кто-нибудь начнет проливать кровь своих соплеменников (IV, 6, 3). А разве город и весь храм не полны трупов вами убитых? Оттого то сам Бог вместе с римлянами приближает очистительный огонь к храму и огнем же очищает обремененный столь ужасными злодеяниями город».

2. Так говорил Иосиф с воплями и слезами, пока рыдания не прервали его речи. Римляне прониклись сожалением к его горю и с уважением отнеслись к его добрым пожеланиям; люди же Иоанна еще больше ожесточились против римлян, так как они горели желанием овладеть личностью Иосифа. Однако, многие из знатного сословия были тронуты его речью; многие хотя не надеялись на свое спасение или сохранение города, остались на

месте из страха пред стражей бунтовщиков, некоторые же улучали моменты, благоприятствовавшие безопасному бегству, и переходили к римлянам. В числе их находились первосвященники и сыновья первосвященников, Иосиф и Иошуа, три сына Измаила, обезглавленного в Кирене, четыре сына Матфии и сын другого Матфии, который после того, как Симон сын Гиоры казнил его отца и трех братьев, один лишь спасся, как уже было сообщено выше (V, 13, 1). Вместе с первосвященниками перешли к римлянам еще многие другие знатные лица. Тит не только принял их дружелюбно, но зная, что им не совсем удобно будет жить среди народа с чужими нравами, отпустил их на время в Гофну с обещанием по окончании войны возвратить каждому его имущество. С радостью и в полной безопасности они отправились в указанный им городок. Мятежники же, не замечая их больше в лагере, с понятной целью удержать остальных от перехода к римлянам, опять распространили слух, что перебежчики умерщвлены последними. Некоторое время эта хитрость пользовалась тем же успехом, как и прежде (V, 11, 2), и действительно удерживала людей от перехода к врагам.

3. Но впоследствии, когда Тит вернул иудеев из Гофны и приказал им в сопровождении Иосифа обойти всю стену кругом, масса людей опять бежала к римлянам. Собравшись в кружок в присутствии римлян, они с плачем и рыданиями умоляли мятежников прежде всего открыть весь город римлянам и еще раз спасти отечество, или же по крайней мере удалиться совершенно из святилища и сохранить для них храм; ибо всей своей смелостью они не будут в состоянии воспрепятствовать, чтобы римляне, доведенные до крайности, не предали святилища огню. Но это только усилило упорство мятежников: они ответили перебежчикам массой ругательств и поместили на священных стенах метательные машины, катапульты и баллисты, так что храм принял вид крепости, между тем как окружавшие его святые места, по многочисленности трупов, походили на кладбище. В святилище и в Святая-Святых они сновали с оружием взад и вперед, с руками, дымившимися еще от крови братоубийства, и так далеко заходили в своем святотатстве, что то негодование, которое было бы естественно для иудеев, если бы римляне столь оскорбительным образом действовали против них, испытывали наоборот римляне против иудеев так жестоко грешивших против своих собственных святынь. Ни один простой даже солдат не мог взирать на храм без страха, чувства благоговения и без желания, чтобы разбойники остановились прежде, чем несчастье сделается неисправимым.

4. В пылу негодования Тит еще раз обратился с упреками к Иоанну и его приверженцам: «Не вы ли, безбожники, устроили эту ограду (V, 5, 2) вокруг святилища? Не вы ли у нее воздвигли те столбы, на которых на эллинском и нашем языках вырезан запрет, что никто не должен переступить через нее? Не предоставляли ли мы вам права карать смертью нарушителя этого запрещения, если бы даже он был римлянином? И что же, теперь вы, нечестивцы, в тех же местах топчете ногами тела умерших, пятнаете храм кровью иноплеменников и своих! Я призываю в свидетели богов моего отечества и Того, Который некогда — но не теперь — милостиво взирал на это место, ссылаюсь также на мое войско, на иудеев в моем лагере и на вас самих, что я вас не принуждал осквернять эти места; и если вы изберете себе другое место сражения, то никто из римлян не ступит ногой в святилище и не прикоснется к нему. Храм я сохраню для вас даже против вашей воли».

5. Когда, Иосиф объявил им это со слов Цезаря, разбойники с тираном во главе только возгордились в том чаянии, что не доброе пожелание, а трусость внушила ему это предложение. Тит увидел тогда, что эти люди не имеют сожаления ни к самим себе, ни к храму, и приступил опять к военным действиям, хотя неохотно. Надвинуть на них всю армию было невозможно, так как для нее не хватало места. Поэтому он из каждой сотни солдат избрал по тридцати храбрейших, поставил каждую тысячу под командой особого трибуна, самих трибунов под начальством Цереалия и отдал приказ напасть на стражи в девятом часу ночи [10]. И сам он надел доспехи, решившись тоже участвовать в бою; но его друзья

удерживали его от этого намерения ввиду серьезной опасности. К ним присоединились также военачальники, которые сказали ему: «Он принесет больше пользы делу, если останется спокойно на Антонии и заиметь пред войском пост боевого судьи, вместо того, чтобы сойти вниз и лично руководить сражением, ибо пред глазами своего Цезаря солдаты будут совершать чудеса храбрости». Цезарь дал себя уговорить и объявил солдатам: «он позволяет себе остаться только для того, чтобы быть в состоянии ценить их храбрость; чтобы всякий смелый воин был награжден, а трусливый — наказан; чтоб он, властный карать и возвышать, был вместе с тем очевидцем их заслуг». С этими словами он к упомянутому часу отпустил назначенное в дело войско, а сам отправился на сторожевую башню и стал выжидать событий.

6. Посланное для нападения войско не нашло, как оно надеялось, стражей спящими; последние, напротив, бросились с криком навстречу и немедленно вступили в схватку; на крик передовых караулов и остальные густыми рядами ринулись изнутри. Римляне выдержали первый натиск; тогда задние ряды наталкивались уже на своих собственных людей, вследствие чего многие терпели от своих соратников, как от врагов. Узнавать друг друга по боевому клику нельзя было из-за смешанного гула обоих сражавшихся лагерей; зрение затемнялось ночью, не говоря уже о том, что одних ослепляла ярость, а других страх, а потому бились они не оглядываясь, не обращая внимания на то, в кого попадают. Римляне, которые тесно сомкнули щиты между собою и двигались в порядке, меньше страдали от этого хаоса, тем более, что каждый из них знал свой пароль. Иудеи же, которые то рассеивались, то бросались вперед без плана и опять отступали, нередко являлись друг для друга неприятелями: отступавшего друга иной принимал в темноте за нападавшего недруга. Словом, больше иудеев было ранено их же соотечественниками, чем римлянами. Только с наступлением утренней зари сражающиеся могли видеть и отличить друг друга; тогда они разъединились и в пространстве: бой принял правильный ход, нападение и оборона последовали в стройном порядке. Но ни одна часть не отступала и не уставала: римляне, занятые мыслями о Цезаре, наблюдавшем за ними, соперничали между собою: солдат с солдатом, отряд с отрядом; каждый надеялся, что этот день, если он храбро будет сражаться, будет для него началом повышения. Смелость иудеев разжигалась страхом за самих себя и за святилище, равно как и присутствием тирана, который одних воодушевлял призывами, других принуждал плетьми и угрозами. Битва же ограничивалась почти все время одним и тем же местом, выходя из его пределов в одну, или в другую сторону только краткими промежутками и то не на большие расстояния; ибо ни одна часть не имела места ни для бегства, ни для преследования. Каждая перемена в сражении сопровождалась оглушительными кликами римлян с высоты Антонии, которые то воодушевляли своих, когда они осиливали неприятеля, то призывали их к твердости, когда они ослабевали. Дело походило на бой в цирке, ибо ничто из происходившего в сражении не ускользало от глаз Тита и его свиты. Наконец, разошлись бойцы после пятого часа дня, начав битву в девятом часу ночи [11]. Ни одна сторона не привела другой к решительному отступлению — победа осталась нерешенной. Из среды римлян многие отличились в том сражении, а из иудеев наиболее выдвинулись: Иуда сын Мертона и Симон сын Иосии из войска Симона; из идумеев — Яков и Симон: первый сын Сосы, второй — Кафлы; из людей Иоанна — Гифтей и Алексас, а из зелотов Симон, сын Иаира.

7. Между тем остальная часть римского войска после семидневной работы [12] разрушила фундаменты Антонии [13] и устраивала широкую дорогу до самого храма. Приблизившись таким образом к первой стене, легионы начали строить валы: один против северо-западного угла внутреннего храма, второй — вблизи северной паперти, между двумя воротами, а из остальных двух — один у западной галереи наружного храма и другой — у северной галереи снаружи. Сооружение этих укреплений стоило, однако, много усилий и трудов, — лесной материал нужно было доставлять за сто стадий; кроме того римляне часто терпели от

неприятельских засад; ибо громадное превосходство делало их беспечными, между тем как иудеи из отчаяния делались все смелее и отважнее. Некоторые всадники, отправляясь за дровами или сеном, оставляли, пока они собирали нужное, своих лошадей без узды на пастбище; иудеи тогда делали вылазки толпами и похищали их. Так как такие случаи повторялись очень часто, то Тит заключил, как это и было на деле, что причина этих потерь лежит больше в небрежности его собственных людей, чем в храбрости иудеев, и решил поэтому строгостью заставить их лучше беречь своих лошадей. Ввиду этого он приказал казнить одного из солдат, лишившегося своей лошади, и этим устрашающим примером сохранил коней остальным; ибо отныне солдаты более не оставляли их свободно пастись, а, словно приросшие к лошадям, выезжали для исполнения упомянутых обязанностей. Тем временем храм с сооружением валов был приведен в осадное положение.

8. На другой день после нападения римлян многие мятежники, гонимые голодом, которые они не могли уже утолять грабежами, соединились и сделали вылазку в одиннадцатом часу дня [14] против римского стана Елеонской горы. Они надеялись пробиться чрез него без труда, полагая, что застигнут римлян врасплох, во время их отдыха. Но римляне своевременно заметили их намерение и сбежалась с ближайших постов для того, чтобы помешать их переходу чрез лагерный вал и насильственному вторжению в стан. В завязавшемся ожесточенном бою обе стороны совершали чудеса храбрости; римляне проявляли всю свою мощную силу и опытность, иудеи — свирепую стремительность и неукротимую ярость; первые — по чувству чести, последние — по необходимости. Римляне считали величайшим стыдом для себя дать на этот раз ускользнуть иудеям, когда они уже были окутаны кругом как бы сетью; иудеи же могли надеяться на спасение только в том случае, когда они силой пробьются сквозь шанцы. В отдельности заслуживает упоминания подвиг одного всадника по имени Педания. Когда иудеи были уже обращены в бегство и стиснуты в долину, тот налетел на них с боку во весь опор, схватил на бегу крепкого, вооруженного юношу за пяту и вместе с ним ускакал прочь: так низко он перегнулся чрез мчавшуюся во всю прыть лошадь, так велика была сила руки и всего его тела и ловкость его в верховой езде. Точно какую-нибудь драгоценность он принес пленника к Титу. Последний изумился силе всадника, пленника же приказал казнить за нападение на шанцы. После этого он опять отправился к войску, стоявшему возле храма, и подгонял рабочих к скорейшему окончанию валов.

9. Иудеи между тем, увидев, что в сражениях они постоянно терпят потери, а опасность войны все ближе надвигается и стучится уже в ворота храма, отрезали пораженные члены, как обыкновенно поступают с воспаленным телом, когда хотят предотвратить распространение болезни. Они сожгли ту часть северо-западной галереи храма [15], которая была соединена с Антонией, и сломали ее еще дальше на протяжении двадцати локтей. Таким образом они первые своими собственными руками начали уничтожать огнем священные здания. Два дня спустя, в 24-й день упомянутого выше месяца [16], римляне тоже сожгли находившуюся в соседстве галерею, а когда огонь охватил площадь в пятнадцать локтей, иудеи еще помогли им и сорвали крышу. Имея возможность бороться с огнем, они не только не препятствовали ему, но сами еще истребляли все, что находилось между ними и Антонией. Невозмутимо глядели они на пожар и давали ему производить свои опустошения, на сколько это было в их собственных интересах. Вокруг храма, однако, борьба не прекращалась; стычки между мелкими отрядами происходили беспрерывно.

10. В те дни из среды иудеев выступил некто Ионафан, низенький, невзрачный по происхождению и во всех других отношениях человек незначительный; появлялся он всегда у гробницы первосвященника Иоанна и, разражаясь высокомерными речами против римлян, вызывал храбрейшего из них на поединок. Большинство расположенных там солдат считало его недостойным внимания, иные, напротив, как казалось, побаивались его; другие разумно рассуждали, что с человеком, ищущим смерти, не следует пускаться в бой, ибо отчаявшиеся

обладают безграничной яростью, и нет у них страха Божия; рискующий же своей жизнью в борьбе, выигрыш которой не может принести особенно великой славы, а проигрыш сопряжен не только с позором, но с опасностью, обнаруживает больше бешеной отваги, чем мужества. Долгое время поэтому никто не откликнулся на его зов; но когда иудей — большой хвастун и ненавистник римлян — начал над ними насмехаться и упрекать в трусости, выступил конный солдат Пудений, возмущенный его словами и чванливостью, — а быть может потому, что относился к его малорослой фигуре с пренебрежением, — и завязал с ним рукопашный бой. Хотя, в общем, он превосходил своего противника, но счастье ему изменило, и он упал на землю. На упавшего наскочил Ионафан, пронзил его, а затем стал ногами на его труп, раскачивал правой рукой окровавленный меч, а левой рукой щит, торжествовал пред лицом всего войска, хвастал падением воина и так он издевался над римлянами, пока центурион Приск среди его прыганья и хвастливой болтовни не прострелил его насквозь стрелой. При виде этого иудеи и римляне, движимые совершенно противоположными чувствами, издали громкий крик. Скривившись от боли, иудей упал над телом своего противника, являя тем живое доказательство, как быстро на войне следует за незаслуженным счастьем должное возмездие.

Глава ТРЕТЬЯ.

О хитром замысле иудеев, благодаря которому было сожжено много римлян. — Дальнейшее описание страшного голода.

1. Мятежники в храме не только продолжали открытую борьбу с расположенными на валах солдатами, но 27-го Панема [17] провели еще военную хитрость. Они заполнили промежутки между балками и кровлей западной галереи сухими дровами, асфальтом и смолой, а затем удалились, делая вид, что устали бороться. Многие менее осторожные римляне в своей горячности пустились преследовать отступавших и с помощью лестниц вскочили на галерею; но рассудительные, которым неожиданное отступление иудеев показалось лишенным всякого разумного основания, остались на месте. И действительно, лишь только галерея наполнилась вторгнувшимися, иудеи подожгли ее со всех сторон. Внезапно вспыхнувшее пламя навело панику на стоявших вне опасности римлян и ввергло в отчаяние находившихся внутри галереи. Объятые со всех сторон огнем, одни бросались назад, в город, другие к неприятелям; но прыгая с галереи в надежде спасти себя, они ломали себе члены. В большинстве случаев попытки к бегству предупреждались огнем, а иные предупреждали огонь мечом. Распространившийся повсюду огонь быстро охватил также и тех, которые уже умерли иной смертью. Как ни негодовал Цезарь против несчастных, без приказания взобравшихся на галерею, он все-таки чувствовал и жалость к ним, тем более, что никто не мог оказать им никакой помощи. И это было утешением для погибавших; ибо они видели, как убивается по них тот, которому они принесли себя в жертву, как он силится ободрить их, как он призывает всех окружающих оказывать им возможную помощь. Эти призывы, эту скорбь Цезаря каждый принимал как погребальную почесть, и умирал с радостью. Некоторые, впрочем, спасались от огня на широкую стену портика, но здесь они были окружены иудеями и после долгого сопротивления, которое они оказали, не взирая на свои тяжелые раны, погибли, наконец, все.

2. Самым последним из них пал юноша, по имени Лонг. Его доблесть послужила украшением этого злосчастного происшествия. Из всех погибших здесь достопамятным образом он оказался храбрейшим. Иудеи, удивляясь его смелости и желая овладеть им, убеждали его сойти и ввериться им на слово; но с другой стороны, брать его Корнелий заклинал его не позорить себя и римского войска. Он послушался брата и на виду обеих армий размахнулся своим мечом и заколол себя. Из людей, охваченных пламенем, спасся один, по имени Арторий, благодаря такой хитрости. Он крикнул своему товарищу по палатке, Лоцию, громким голосом: «я назначаю тебя наследником всего моего состояния, если ты подойдешь и подхватишь меня». Тот с радостью подбежал к нему; но в то время, когда

прыгнувший на него остался невредим, сам он тяжестью его так сильно был придавлен к мостовой, что на месте умер. Описанный случай, хотя и подавил на минуту дух римлян, но в то же время сделал их более осторожными на будущее; он принес им ту пользу, что они отныне не поддавались ни на какие хитрости иудеев, от которых они, вследствие незнания местности и людей, с которыми имели дело, так часто терпели. Сама галерея сгорела до Иоанновой башни, называемой так по имени Иоанна, который построил ее над выходными воротами колоннады Ксиста, во время своей борьбы с Симоном. То, что уцелело от огня, иудеи разрушили, покрывая развалинами тела погибших. На следующий день римляне в свою очередь сожгли еще всю северную галерею до восточной. Угол, в который упирались обе эти галереи, возвышался над самым глубоким местом Кидронской долины. В таком положении находилась ближайшая окрестность храма.

3. В городе между тем голод похищал неисчислимая жертвы и причинял невыразимые бедствия. В отдельных домах, где только появлялась тень пищи, завязывалась смертельная борьба: лучшие друзья вступали между собою в драку и отнимали друг у друга те жалкие средства, которые могли еще продлить их существование; даже умиравшим не верили, что они уже ничего не имеют: разбойники обыскивали таких, которые лежали при последнем издыхании, чтобы убедиться, не притворяется ли кто-нибудь из них умирающим, а все-таки скрывает за пазухой что-либо съедобное. С широко разинутыми ртами, как бешеные собаки, они блуждали повсюду, вламывались, как опьяненные, в первые встречная двери — из отчаяния врывались в дом даже по два, по три раза в один час. Нужда заставляла людей все хватать зубами; даже предметы, негодные для самой нечистоплотной и неразумной твари, они собирали и не гнушались поедать их. Они прибегали, наконец, к поясам и башмакам, жевали кожу, которую срывали со своих щитов. Иные питались остатками старого сена, а некоторые собирали жилки от мяса и самое незначительное количество их продавали по четыре аттика. Но зачем мне описывать жадность, с какой голод набрасывался на безжизненные предметы? Я намерен сообщить такой факт, подобного которому не было никогда ни у эллинов, ни у варваров. Едва ли даже поверят моему страшному рассказу. Не имей я бесчисленных свидетелей и между моими современниками, я с большой охотой умолчал бы об этом печальном факте, чтобы не прослыть пред потомством рассказчиком небылиц. С другой стороны, я оказал бы моей родине дурную услугу, если бы не передавал хоть словами того, что она в действительности испытала.

4. Женщина из-за Иордана, по имени Мария, дочь Элеазара из деревни Бет-Эзоб (что означает дом иссопа) [18], славившаяся своим происхождением и богатством, бежала оттуда в числе прочих в Иерусалим, где она вместе с другими переносила осаду. Богатство, которое она, бежав из Переи, привезла с собою в Иерусалим, давно уже было разграблено тиранами; сохранившиеся еще у нее драгоценности, а также съестные припасы, какие только можно было отыскать, расхищали солдаты, вторгавшиеся каждый день в ее дом. Крайнее ожесточение овладело женщиной. Часто она старалась раздразнить против себя разбойников ругательствами и проклятиями. Но когда никто ни со злости, ни из жалости не хотел убить ее, а она сама устала уже приискивать пищу только для других, тем более теперь, когда и все поиски были напрасны, ее начал томить беспощадный голод, проникавший до мозга костей; но еще сильнее голода возгорелся в ней гнев. Тогда она, отдавшись всецело поедавшему ее чувству злобы и голода, решилась на противоестественное, — схватила своего грудного младенца и сказала: «Несчастный малютка! Среди войны, голода и мятежа для кого вскормлю тебя? У римлян, если даже они нам подарят жизнь, нас ожидает рабство, еще до рабства наступил уже голод, а мятежники страшнее их обоих. Так будь же пищей для меня, мстительным духом для мятежников и мифом, — которого одного недостает еще несчастью иудеев — для живущих!» С этими словами она умертвила своего сына, изжарила его и съела одну половину; другую половину она прикрыла и оставила. Не пришлось долго ожидать, как пред нею стояли уже мятежники, которые, как только почуяли запах гнусного

жаркого, сейчас же стали грозить ей смертью, если она не выдаст приготовленного ею. — «Я сберегла для вас еще приличную порцию», сказала она и открыла остаток ребенка. Дрожь и ужас прошел по их телу, и они стали пред этим зрелищем, как пораженные. Она продолжала: «Это мое родное дитя, и это дело моих рук. Ешьте, ибо и я ела. Не будьте мягче женщины и сердобольнее матери. Что вы совеститесь? Вам страшно за мою жертву? Хорошо же, я сама доем остальное, как съела и первую половину!» В страхе и трепете разбойники удалились. Этого было для них уже чересчур много; этот обед они, хотя и неохотно, предоставили матери. Весть об этом вопиющем деле тотчас распространилась по всему городу. Каждый содрогался, когда представлял его себе пред глазами, точно он сам совершал его. Голодавшие отныне жаждали только смерти и завидовали счастливой доле ушедших уже в вечность, которые не видывали и не слыхивали такого несчастья [19].

5. Случай этот быстро сделался известным также и среди римлян. Многие отказывались ему верить, другие почувствовали сострадание, но большинство воспылало еще большей ненавистью к народу. Тит и по этому поводу принес свое оправдание пред Богом и сказал: «Мир, религиозную свободу и прощение за все их поступки я предлагал иудеям; но они избрали себе вместо единения раздоры, вместо мира войну, вместо довольствия и благоденствия голод; они собственными руками начали поджигать святилище, которое мы хотели сохранить, и они же являются виновниками употребления такой пищи. Но я прикрою теперь позор пожирания своих детей развалинами их столицы. Да не светит впредь солнце над городом, в котором матери питаются таким образом. Такой пищи более уже достойны отцы, которые и после подобного несчастья все еще стоят под оружием». Говоря таким образом, Тит внутренне был убежден, что эти люди дошли уже до полнейшего отчаяния и, испытавши все, уже более не способны одуматься; вот если бы они еще не пережили всего этого, тогда можно было бы еще надеяться на перемену их образа мыслей.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ.

По окончании валов, когда и действие таранов оказалось безуспешным, Тит приказал поджечь ворота; вскоре после этого против его воли был подожжен также и храм.

1. Когда оба легиона окончили валы в 8-й день месяца Лооса [20], Тит приказал привезти тараны и направить их на западную галерею внутреннего храмового двора. Еще раньше против этой стены работал шесть дней не переставая сильнейший тарань, но без всякого успеха; также неудачны была попытки других стенобитных орудий. Мощные по своей величине и сочленению камни ничему не поддавались. Но другие в то же время подкапывали основание северных ворот и после долгих усилий выломали передние камни; однако сами ворота, поддерживаемая внутренними камнями, устояли. Тогда римляне отчаялись в успешности машин и рычагов и установили лестницы на галерею. Иудеи не мешали им в этом, но как только те взбирались уже на верх, они нападали на них, многих сбрасывали со стены, а других убивали в схватке; многие были заколоты в тот момент, когда они оставляли уже лестницы, но не успели прикрыться щитами; некоторые лестницы, как только они наполнялись вооруженными, были опрокинуты сверху иудеями. Последние, впрочем, и сами тоже теряли много людей. Знаменоносцы, которые хотели водрузить на верху знамена, сражались за них на жизнь и на смерть, так как потеря их считается величайшим позором; однако, иудеи овладели знаменами и избили, наконец, всех, взлезших на верх. Тогда остальные, устрашенные участью погибших, отступили. Римляне все без исключения, совершив какие либо подвиги, пали; из среды же мятежников храбрейшими показали себя те самые, которые выдвигались и в предыдущих сражениях, и кроме них еще Элеазар, племянник тирана Симона. Когда Тит убедился, что пощада чужих святынь ведет к ущербу и гибели его солдат, он отдал приказ поджечь ворота.

2. В то именно время к нему перешли Анан из Аммауса, кровожаднейший из соратников Симона (V, 13, 1), и Архелай сын Магадата. Они надеялись на милость ввиду того, что оставили иудеев в тот момента, когда победа была на их стороне. Эта уловка только

возмутила Тита и так как он узнал еще об их жестокостях против иудеев, то он с большой охотой отдал бы их на казнь. «Только нужда, сказал он, пригнала их сюда, но отнюдь не добровольное решение; помимо того не достойны пощады люди, бежавшие из родного города после того, как сами предали его огню». Тем не менее он смирил свой гнев ради раньше данного им раз слова и отпустил их обоих, не поставив их однако в одинаковое положение с остальными перебежчиками. Тем временем солдаты подожгли уже ворота [21]; расплавившееся повсюду серебро открыло пламени доступ к деревянным балкам, откуда огонь, разгоревшись с удвоенной силой, охватил галереи. Когда иудеи увидели пробивавшиеся кругом огненные языки, они сразу лишились и телесной силы, и бодрости духа; в ужасе никто не тронулся с места, никто не пытался сопротивляться или тушить, — как остолбеневшие, они все стояли и только смотрели. И все-таки, как ни велико было удручающее действие этого пожара, они не пытались переменой своего образа мыслей спасти все остальное, но еще больше ожесточились против римлян, как будто горел уже храм. Весь тот день и следовавшую за ним ночь бушевал огонь, так как римляне не могли поджечь все галереи сразу, а только каждую порознь.

3. На следующий день [22] Тит приказал одной части войска потушить пожар и очистить место у ворот, чтобы открыть свободный доступ легионам. Вслед за этим он созвал к себе начальников; к нему собрались шесть важнейших из них, а именно: Тиверий Александр, начальник всей армии, Секст Цереал, начальник пятого легиона, Ларций Лепид, начальник десятого, Тит Фригий, начальник пятнадцатого, кроме того Фронтон Этерний, префект обоих легионов, прибывших из Александрии, и Марк Антоний Юлиан, правитель Иудеи, да еще другие правители и военные трибуны. Со всеми ими он держал совет о том, как поступить с храмом. Одни советовали поступить с ним по всей строгости военных законов, ибо «до тех пор, пока храм, этот сборный пункт всех иудеев, будет стоять, последние никогда не перестанут замышлять о мятежах». Другие полагали так: «если иудеи очистят его и никто не подымет меча для его обороны, тогда он должен быть пощажен; если же они с высоты храма будут сопротивляться, его нужно сжечь, ибо тогда он перестает быть храмом, а только крепостью, и ответственность за разрушение святыни падет тогда не на римлян, а на тех, которые принудят их к этому». Но Тит сказал: «Если даже они будут сопротивляться с высоты храма, то и тогда не следует вымещать злобу против людей на безжизненных предметах и ни в каком случае не следует сжечь такое величественное здание; ибо разрушение его будет потерей для римлян, равно как и наоборот, если храм уцелеет, он будет служить украшением империи». Фронтон, Александр и Цереал с видимым удовольствием присоединились к его мнению [23]. После этого Тит распустил собрание и приказал командирам дать отдых войску для того, чтобы они с обновленными силами могли бороться в следующем сражении; только одному отборному отряду, составленному из когорт, он приказал проложить дорогу чрез развалины и тушить огонь.

4. В тот день иудеи, изнуренные телом и подавленные духом, воздержались от нападения; но уже на следующий день они вновь собрали свои боевые силы и с обновленным мужеством во втором часу чрез восточные ворота сделали вылазку против караулов наружного храмового двора. Последние, образуя впереди себя из щитов одну непроницаемую стену, упорно сопротивлялись. Тем не менее можно было предвидеть, что они не выдержат натиска, так как нападавшие превосходили их числом и бешеной отвагой. Тогда Тит, наблюдавший за всем с Антонии, поспешил предупредить неблагоприятный поворот сражения и прибыл к ним на помощь с отборным отрядом конницы. Этого удара иудеи не вынесли: как только пали воины первого ряда, рассеялась большая часть остальных. Однако, как только римляне отступили, они опять обернулись и напали на их тыл; но и римляне повернули свой фронт и опять принудили их к бегству. В пятом часу дня иудеи были, наконец, преодолены и заперты во внутреннем храме.

5. Тогда Тит отправился на Антонию, приняв решение на следующий день утром двинуться всей своей армией и оцепить храм. Но храм давно уже был обречен Богом огню. И вот наступил уже предопределенный роковой день — десятый день месяца Лооса, тот самый день, в который и предыдущий храм был сожжен царем вавилонян [24]. Сами иудеи были виновниками вторжения в него пламени. Дело происходило так. Когда Тит отступил, мятежники после краткого отдыха снова напали на римлян; таким образом завязался бой между гарнизоном храма и отрядом, поставленным для тушения огня в здании наружного притвора. Последний отбил иудеев и оттеснил их до самого храмового здания. В это время один из солдат, не ожидая приказа, или не подумав о тяжких последствиях своего поступка, точно по внушению свыше, схватил пылающую головню и, приподнятый товарищем вверх, бросил ее чрез золотое окно, которое с севера вело в окружавшие храм помещения. Когда пламя вспыхнуло, иудеи подняли вопль, достойный такого рокового момента, и ринулась на помощь храму, не щадя сил и не обращая больше внимания на жизненную опасность, ибо гибель угрожала тому, что они до сих пор прежде всего оберегали.

6. Гонец доложил о случившемся Титу. Он вскочил с ложа в своем шатре, где он только что расположился отдохнуть после боя, и в том виде, в каком находился, бросился к храму, чтобы прекратить пожар. За ним последовали все полководцы и переполошенные происшедшим легионы. Можно себе представить, какой крик и шум произошел при беспорядочном движении такой массы людей. Цезарь старался возгласами и движениями руки дать понять сражающимся, чтоб они тушили огонь; но они не слышали его голоса, заглушенного громким гулом всего войска, а на поданные им знаки рукой они не обращали внимания, ибо одни были всецело увлечены сражением, другие жаждой мщения. Ни слова усовещевания, ни угрозы не могли остановить бурный натиск легионов, — одно только общее ожесточение правило сражением. У входов образовалась такая давка, что многие была растоптаны своими товарищами, а многие попадали на раскаленные, еще дымившиеся развалины галерей и таким образом делили участь побежденных. Подойдя ближе к храму, они делали вид, что не слышат приказаний Тита, и кричали передним воинам, чтоб те бросили огонь в самый храм. Мятежники потеряли уже надежду на прекращение пожара: их повсюду избивали или обращали в бегство. Громадные толпы граждан, все бессильные и безоружные, были перебиты везде, где их настигали враги. Вокруг жертвенника громоздились кучи убитых, а по ступеням его лились потоки крови и катились тела убитых на верху.

7. Когда Тит увидел, что он не в силах укротить ярость рассвирепевших солдат, а огонь между тем все сильнее распространялся, он в сопровождении начальников вступил в Святая-Святых и обозрел ее содержимое [25]. И он нашел все гораздо более возвышенным, чем та слава, которой оно пользовалось у чужестранцев, и нисколько не уступающим восхвалениям и высоким отзывам туземцев. Так как пламя еще ни с какой стороны не проникло во внутреннее помещение храма, а пока только опустошало окружавшие его пристройки, то он предполагал — и вполне основательно — что собственно храмовое здание может быть еще спасено. Выскочив наружу, он старался поэтому побуждать солдат тушить огонь, как личными приказаниями, так и чрез одного из своих телохранителей, центуриона Либералия, которому он велел подгонять ослушников палками. Но гнев и ненависть к иудеям и пыл сражения превозмогли даже уважение к Цезарю и страх пред его карательной властью. Большинство кроме того прельщалось надеждой на добычу, так как они полагали, что если снаружи все сделано из золота, то внутренность храма наполнена сокровищами. И вот в то время, когда Цезарь выскочил, чтобы усмирить солдат, уже один из них проник во внутрь и в темноте подложил огонь под дверными крюками, а когда огонь вдруг показался внутри, военачальники вместе с Титом удалились и никто уже не препятствовал стоявшим снаружи солдатам поджигать. Таким образом храм, против воли Цезаря, был предан огню.

8. Как ни печальна и прискорбна гибель творения, удивительнейшего из всех ведомых миру и по объему, и по великолепию, и по роскошной отделке отдельных частей, славившегося к тому еще своей святостью, — однако утешением должна служить мысль о неизбежности судьбы для всего живущего, для всех творений рук человеческих и для всех мест земли. Замечательна в этом случае точность времени, с которой действовала судьба. Она предопределила для разрушения, как уже было сказано, даже тот же месяц и день, в который некогда храм был сожжен вавилонянами. От первоначального его сооружения царем Соломоном до пережитого нами разрушения, состоявшегося во второй год царствования Веспасиана, прошло тысяча сто тридцать лет семь месяцев и пятнадцать дней, а от вторичного его воссоздания Аггеем во второй год царствования Кира [26] до разрушения при Веспасиане протекло шестьсот тридцать девять лет сорок пять дней.

Глава ПЯТАЯ.

Бедствия, вынесенные иудеями во время пожара храма. — О лжепророке и о знамениях, предшествовавших взятию города.

1. В то время, когда храм горел, солдаты грабили все попадавшееся им в руки и убивали иудеев на пути несметными массами. Не было ни пощады к возрасту, ни уважения к званию: дети и старцы, миряне и священники были одинаково умерщвлены. Ярость никого не различала: сдававшихся на милость постигала та же участь, что и сопротивлявшихся. Треск пылавшего повсюду огня сливался со стонами падавших. Высота холма [27] и величина горевшего здания заставляли думать, что весь город объят пламенем. И ужаснее и оглушительнее того крика нельзя себе представить. Все смешалось в один общий гул: и победные клики дружно подвигавшихся вперед римских легионов, и крики окруженных огнем и мечом мятежников, и смятение покинутой на верху толпы, которая в страхе, вопия о своем несчастье, бежала навстречу врагу; со стенаниями на холме соединялся еще плач из города, где многие, беспомощно лежавшие, изнуренные голодом и с закрытыми ртами, при виде пожара в храме собрали остаток своих сил и громко взвыли. Наконец эхо, приносившееся с Переи и окрестлежащих гор, делало нападение еще более страшным. Но ужаснее самого гула была действительная участь побежденных. Храмовая гора словно пылала от самого основания, так как она со всех сторон была залита огнем; но шире еще огненных потоков казались лившиеся потоки крови, а число убитый — больше убийц. Из-за трупов нигде не видно было земли: солдаты, преследовавшие неприятеля, бегали по целым грудам мертвых тел. Разбойничья шайка с трудом дробилась сквозь ряды римлян сначала в наружный притвор, а оттуда в город; уцелевший же еще остаток граждан спасся в наружную галерею. Некоторые из священников вначале сламывали шпицы храма вместе с оловом, в которое они были вправлены, и метали их против римлян; видя же, что ничего не достигают этим, а огонь все приближается к ним, они заняли стену, имевшую 8 локтей ширины. Но двое из знатнейших, которые могли или перейдя к римлянам спастись или выжидать на стене общей участи, бросились в огонь и сгорели вместе с храмом. То были: Меир сын Билги и Иосиф сын Далая.

2. Полагая, что после разрушения храма пощада окружающих строений лишена будет всякого смысла, римляне сожгли все остальное, а именно: уцелевшие остатки галерей и ворота, за исключением двух, восточных и южных, которые впрочем были разрушены впоследствии. Затем они сожгли также казнохранилища, где находились огромные суммы наличных денег, бессчетное множество одеяний и другие драгоценности — словом, все богатство иудеев, так как туда богатые помещали на хранение свои сокровища. Затем пришла очередь за оставшейся еще галереей наружного притвора, куда спаслись женщины, дети и многочисленная смешанная толпа в числе 6000 душ. Прежде чем Тит успел принять какое-либо решение и дать инструкцию военачальникам, солдаты в своей ярости подожгли эту галерею. Одни погибли в пламени, другие нашли смерть, бросаясь из пламени вниз. От всей массы людей не осталось ни единой души. Их погибель легла на совести одного

лжепророка, который в тот день возвестил народу в городе: «Бог велит вам взойти к храму, где вы узрите знамение вашего спасения». Вообще тираны распустили тогда среди народа много пророков, которые вещали ему о Божьей помощи для того, чтобы поменьше переходило к римлянам и чтобы внушить твердость тем, которых ни страх, ни стража не удерживали. В несчастье человек становится легковерным, а когда является еще обманщик, который сулит полное избавление от всех гнетущих бед, тогда страждущий весь превращается в надежду.

3. Так отуманивали тогда несчастный народ обольстители, выдававшие себя за посланников Божиих. Ясным же знамениям, предвещавшим грядущее разрушение, они не верили и не вдумывались в них. Точно глухие и без глаз, и без ума, они прозевали явный глас Неба, неоднократно их предостерегавший. Вот какие были знамения. Над городом появилась звезда, имевшая вид меча и в течение целого года стояла комета. Пред самым отпадением от римлян и объявлением войны, когда народ собрался к празднику опресноков, в восьмой день месяца Ксантика [28], в девятом часу ночи [29], жертвенник и храм вдруг озарились таким сильным светом, как среди белого дня, и это яркое сияние продолжалось около получаса. Несведущим это казалось хорошим признаком; но книговеды сейчас же отгадали последствия, на которые оно указывало и которые действительно сбылись. В тот же праздник корова, подведенная первосвященником к жертвеннику, родила теленка на священном месте. Далее, восточные ворота внутреннего притвора, сделанные из меди, весившие так много, что двадцать человек и то с трудом могли запирать их по вечерам [30], скрепленные железными перекладинами и снабженные крюками, глубоко запущенными в порог, сделанный из цельного камня — эти ворота однажды в шесть часов ночи [31] внезапно сами собою раскрылись. Храмовые стражники немедленно доложили об этом своему начальнику, который прибыл на место, и по его приказу ворота с трудом были вновь закрыты. Опять профаны усматривали в этом прекрасный знак, говоря, что Бог откроет пред ними ворота спасения; но сведущие люди видели в этом другое, а именно, что храм лишился своей безопасности, что ворота его предупредительно откроются врагу и про себя считали этот знак предвестником разрушения. Спустя несколько дней после праздника, 21-го месяца Артемизия [32] показалось какое-то призрачное, едва вероятное явление. То, что я хочу рассказать, могут принять за нелепость, если бы не было тому очевидцев и если бы сбывшееся несчастье не соответствовало этому знамению. Перед закатом солнца над всей страной видели мчавшиеся в облаках колесницы и вооруженные отряды, окружающие города. Затем, в праздник пятидесятницы, священники, как они уверяли, войдя ночью, по обычаю служения, во внутренний притвор, услышали сначала как бы суету и шум, после чего раздалось множество голосов: «давайте, уйдем отсюда!» Еще знаменательнее следующий факт. Некто Иошуа, сын Анана, простой человек из деревни, за *четыре года до войны*, когда в городе царили глубокий мир и полное благоденствие, прибыл туда к тому празднику, когда по обычаю все иудеи строят для чествования Бога кущи, и близ храма вдруг начал провозглашать: «Голос с востока, голос с запада, голос с четырех ветров, голос, вопиющий над Иерусалимом и храмом, голос, вопиющий над женихами и невестами, голос, вопиющий над всем народом!» Денно и нощно он восклицал то же самое, бегая по всем улицам города. Некоторые знатные граждане, в досаде на этот зловещий клич, схватили его и наказали ударами очень жестоко. Но не говоря ничего ни в свое оправдание, ни в особенности против своих истязателей, он все продолжал повторять свои прежние слова. Представители народа думали — как это было и в действительности, — что этим человеком руководит какая-то высшая сила, и привели его к римскому прокуратору; но и там, будучи истерзан плетьми до костей, он не проронил ни просьбы о пощаде, ни слезы, а самым жалобным голосом твердил только после каждого удара: «о, горе тебе Иерусалим!» Когда Альбин — так назывался прокуратор [33] — допрашивал его, «кто он такой, откуда и почему он так вопиет», он и на это не давал никакого ответа и продолжал попрежнему накликивать горе на город. Альбин,

полагая, что этот человек одержим особой манией, отпустил его. В течение всего времени до наступления войны он не имел сношений ни с кем из жителей города: никто не видал, чтоб он с кем-либо обменялся словом; день-деньской он все оплакивал и твердил, как молитву, «горе, горе тебе, Иерусалим!» Никогда он не проклинал того, который его бил (что случалось каждый день), равно как и не благодарил, если кто его накормил. Ни для кого он не имел иного ответа, кроме упомянутого зловещего предсказания. Особенно мощно раздавался его голос в праздники, и, хотя он это повторял семь лет и пять месяцев, его голос все-таки не охрип и не ослабевал. Наконец, во время осады, когда он мог видеть глазами, что его пророчество сбывается, обходя по обыкновению стену с пронзительным криком «горе городу, народу и храму», он прибавил в конце: «горе также и мне!» В эту минуту его ударил камень, брошенный метательной машиной, и замертво повалил его на землю. Среди этого горестного восклицания он испустил дух [34].

4. Если вникнуть во все это, то нужно придти к заключению, что Бог заботится о людях и разными путями дает им знать, что именно служит к их благу; только собственное безумие и личная злость ввергают людей в гибель. Так точно иудеи после падения Антонии сделали свой храм четырехугольным, не взирая на то, что в их пророчествах написано, что город и храм тогда будут завоеваны, когда храм примет четырехугольную форму. Главное, что поощряло их к войне, было — двусмысленное пророческое изречение, находящееся также в их священном писании и гласящее, что к тому времени один человек из их родного края достигнет всемирного господства. Эти слова, думали они, указывают на человека их племени, и даже многие из их мудрецов впадали в ту же ошибку, между тем в действительности пророчество касалось воцарения Веспасиана, избранного императором в иудейской земле [35]. Но людям не дано избегать своей судьбы даже тогда, когда они предвидят ее. Иудеи толковали одни предзнаменования по своему желанию, а относились к другим совсем легкомысленно, пока, наконец, падение родного города и собственная гибель не изобличила их в неразумии.

Глава ШЕСТАЯ.

Римляне, внесши знамена в храм, с ликованием приветствуют Тита. — Речь Тита к иудеям, домогавшимся спасения. — Их ответ приводит Тита в негодование.

1. Когда мятежники бежали в город, а храм вместе с соседними зданиями еще горели, римляне принесли свои знамена на священные места и, водрузив их против восточных ворот, тут же совершили пред ними жертвоприношения и при громких благопожеланиях провозгласили Тита императором [36]. Добычей все солдаты были так нагружены, что в Сирии золото упало в цене на половину против прежнего. В то время, когда священники все еще находились на храмовой стене, один мальчик, мучимый жаждой, взмолился римским передовым постам о пощаде и просил у них воды. Из сострадания к его возрасту и положению они обещали даровать ему жизнь, после чего он сошел к ним, сам утолил свою жажду, наполнил водою и сосуд, который принес с собою, и поспешно убежал наверх к своим. Стражники не могли уже поймать его, но послали ему вдогонку упреки в вероломстве. Он же возразил, «что ничем не нарушил условия, ибо он протянул к ним руку не для того, чтобы остаться у них, а за тем лишь, чтобы сойти и добыть воды: и то, и другое он исполнил и тем сдержал свое слово». Обманутые дивились этой изворотливости, приняв в особенности во внимание возраст мальчика. На пятый день священники, гонимые голодом, сошли вниз и были приведены стражами к Титу, которого они просили пощадить им жизнь. Но он ответил: «Время прощения для вас прошло; да и того, ради чего я быть может имел бы основание вас помиловать, тоже нет. Священникам подобает погибнуть вместе со своим храмом!» С этими словами он приказал всех их казнить.

2. Когда тираны и их шайки увидели себя побежденными везде войной, окруженными со всех сторон и лишенными возможности бегства, они послали к Титу просить о мирных переговорах. Человеколюбивый по натуре, Тит хотел по крайней мере спасти город, что

советовали ему также его друзья, предполагавшие, что разбойники теперь уже присмирели. Ввиду этого он стал у западной стороны внешнего притвора. Здесь находились ворота над Ксистом и мост, который соединял Верхний город с храмом; этот мост теперь отделял тиранов от Цезаря. На обеих сторонах вокруг главных лиц толпилась масса людей: вокруг Симона и Иоанна — иудеи в нетерпеливом ожидании помилования, вокруг Тита — римляне, жаждавшие услышать его решение. Тит приказал своим солдатам укротить свой гнев и прекратить стрельбу, поставил рядом возле себя переводчика и в знак того, что он победитель, заговорил первый. «Уже вы насытились страданиями вашего отечества! Наконец-то, после того, как вы, не рассчитав нашего могущества и вашей собственной слабости, в безумной ярости погубили и народ, и город, и храм! По справедливости и вы должны погибнуть, вы, которые с того времени, как покорил вас Помпей, всегда помышляли о мятеже и, наконец, выступили открытой войной против римлян. На что вы опирались? На вашу многочисленность? Смотрите, ничтожная часть римской армии может справиться со всеми вами. На поддержку союзников? Какой же это народ вне пределов нашего государства предпочтет иудеев римлянам? На вашу телесную силу? Так вы ведь знаете, что даже германцы — и те наши рабы. На крепость ваших стен? Но есть ли более надежная преграда, чем океан и, однако, защищенные им британцы тоже преклонились пред оружием римлян. На ваше мужественное терпение и хитрость вождей? Так вы же вероятно слышали, что даже карфагеняне были нами побеждены. А потому ничто другое не могло довести вас до войны с римлянами, кроме только мягкосердечия самих последних. Мы отдали страну в ваше владение, мы назначали вам царей из вашего народа; далее, мы уважали ваши отечественные законы и предоставляли вам не только у себя на родине, но и среди чужих жить, как вам заблагорассудится. Еще больше, мы позволяли вам для божественной службы устанавливать налоги и собирать приношения [37], мы не запрещали никому жертвовать добровольно и не старались вам препятствовать, чтобы вы, враги, не делались еще богаче нас и не могли бы нашими деньгами воевать с нами. Привыкши к таким высоким благодеяниям, вы сделались надменны, восстали против тех, которые предоставляли их вам, и, подобно неукротимым змеям, обрызгали своим ядом тех, которые вас ласкали. Да, раньше вы, как разрозненные и подавленные, не взирая на беспечность Нерона, коварно молчали; но когда недуги государства обострились [38], вы показали себя в настоящем виде и выступили с безмерными прихотями и дерзкими надеждами. Тогда пришел мой отец в страну. Не с тем он пришел, чтобы наказать вас за то, что вы содеяли Цестию, а чтобы сделать только вам предостережение; ибо пожелай он искоренить ваше национальное бытие, он бы начал с корня и прежде всего уничтожил бы этот город. Но он не сделал так: он только опустошил Галилею и ее окрестности, чтобы дать вам время одуматься. Вы же принимали его снисходительность за слабосилие, наша мягкость дала только пищу вашей дерзости. После кончины Нерона вы себя вели так, как только могут себя вести самые злые люди; наши междоусобные волнения внушили вам бодрость, и когда я с моим отцом отправились в Египет, вы употребили этот удобный момент для военных приготовлений и не постыдились нарушить покой тех, которые стали во главе империи и которых вы знали и за человеколюбивых полководцев. Когда государство перешло под скипетр нашего дома, порядок в нем водворился и отдаленнейшие народы отправляли к нам послов, чтобы нас приветствовать, тогда опять одни только иудеи были нашими врагами; посольства шли от вас по ту сторону Евфрата, чтобы взволновать тамошние племена; новые обводные стены были воздвигнуты, поднялись мятежи, раздоры между тиранами, междоусобицы — все такие явления, какие только можно ожидать от злых людей. Тогда явился я под стенами города с печальными полномочиями, которые весьма неохотно дал мне мой отец. Я слышал, что народ мирно настроен и радовался этому. До начала борьбы я вам предлагал уняться; во все время борьбы я был снисходителен, помиловал перебежчиков, исполнял обещания, данные мною обращавшимся ко мне, смиловался над многими пленниками, удерживал наказаниями жаждавших мести, вывозил мои машины против ваших стен только по необходимости,

обуздывал кровожадность солдат, после каждой победы предлагал вам мир, точно я был побежденный. Подступив наконец к храму, я опять забыл законы войны и по доброй моей воле просил вас пощадить ваше собственное святилище, спасти себе храм, дозволил вам свободное отступление, обещал пощаду жизни, а в случае отклонения этого, предоставил вам случай сразиться с вами на другом месте — все это вы оттолкнули от себя и собственными руками сожгли храм, а теперь, злодеи, вы вызываете меня на переговоры! Что хотите вы еще спасти? Что может выдержать хотя бы отдаленное сравнение с тем, что уже погибло? Да и какую цену может иметь ваша жизнь после падения храма? Однако, вы и теперь еще стоите здесь под оружием? Даже в самом крайнем положении вы все-таки не хотите и вида подать, что нуждаетесь в милости! Несчастные! На что вы еще уповаете? Народ ваш мертв, храм погиб, город — мой, в коих руках и ваша жизнь, и вы лелеете еще славу геройской смерти? Но я не желаю состязаться с вами в безумии; если вы бросите оружие и сдадитесь, так я дарую вам жизнь. Как кроткий домохозяин, я накажу только неисправимых, а остаток спасу для себя».

3. Их ответ гласил: «Условий от него принять не могут, так как они клялись не делать этого никогда и ни в каком случае; но они просят его дать им свободно пройти чрез обводную стену вместе с женами и детьми. Они пройдут в пустыню и оставят ему город». Возмущенный тем, что они, находящиеся в положении пленников, диктуют ему еще условия, как победители, Тит велел объявить им через вестника: «Ни один перебежчик не будет принят отныне, да не надеется никто на милость, ибо он не пощадит никого. Пусть они сопротивляются всеми силами и спасутся, как знают, он же будет действовать теперь только по законам войны». Одновременно с тем он приказал солдатам жечь и грабить город. Однако, в тот день они еще выжидали; но на следующий день они подожгли архив, Акру, здание совета и часть города, называвшуюся Офлой. Огонь распространился до дворца Елены, стоявшего в средине Акры, и на пути истребил также отдельные дома и целые улицы, наполненные телами умерших от голода.

4. В тот день явились к Цезарю с просьбой о помиловании сыновья и братья царя Изата (II, 19, 2. V, 4, 2) в сопровождении многих знатных граждан. Как ни был Тит восстановлен против всех оставшихся еще иудеев, он все-таки не мог изменить своему характеру и принял их, приказав лишь на первых порах содержать их всех под стражей. Впоследствии он сыновей родственников царя повел в оковах в Рим в качестве заложников.

Глава СЕДЬМАЯ.

Дальнейшая судьба мятежников, причинявших и переносивших много зла. — Цезарь овладевает Верхним городом.

1. Мятежники бросились теперь в царский дворец, где многие, ввиду его укрепленного положения, держали на хранении свои сокровища, выгнали оттуда римлян, уничтожили всю скопившуюся там чернь, около 8400 человек, и разграбили имущество. Из римлян они двух взяли в плен живыми, одного конного и одного пешего солдата. Последнего они сейчас же убили и поволокли по всему городу, словно желая в лице этого одного человека отмстить всем римлянам; всадник же, обещавший дать им полезный совет для их спасения, был приведен к Симону. Но так как он здесь не знал что сказать, то и был предан в руки одного предводителя по имени Ардалы для казни. Этот, скрутив ему руки за спину и завязав повязкой глаза, повел его вперед для того, чтобы обезглавить на виду римлян. Но пока иудей извлекал свой меч, пленник поспешно убежал к римлянам. Тит не мог позволить себе лишить его жизни после того, как он спасся от рук неприятеля, но считая бесчестием для римского солдата сдаться живым в плен, он приказал отнять у него оружие и исключить его из войска, что для человека с честью составляет большее наказание, чем смерть.

2. На следующий день римляне выгнали разбойников из Нижнего города и предали огню всю местность до Силоама. Хотя их и тешил вид горящего города, но вместе с тем не мало огорчало их лишение добычи, ибо мятежники все начисто опорожнили и отступили в Верхний

город. Несчастье не приводило их к раскаянию; они, напротив, хвастали им, точно они достигли успеха. Глядя на горящий город, они заявляли, что теперь они спокойно и с радостью умрут, — умрут, ничего не оставив врагам, ибо народ погиб, храм сожжен, а город объят пламенем. И теперь, когда дело доходило до крайности, Иосиф не уставал просить их спасти остаток города. Но, сколько он ни говорил об их свирепости и нечестии, сколько ни убеждал их спасти себя, — кроме насмешек ничего не достиг. Так как они, в силу своей клятвы, не могли сдаться римлянам, а оказать сопротивление тоже не были в состоянии, потому что оказались как бы заключенными в тюрьме, то желая убийствами, сделавшимися для них привычным делом, пресечь возможность побегов, они выходили поодиночке на окраину города и, прячась в развалинах, подкарауливали тех, которые хотели переходить к римлянам. Многие, которые, вследствие истощения от голода, не имели сил бежать от преследователей, были ими пойманы, убиты и брошены на съедение собакам. Но всякая другая смерть казалась им сноснее голодной, а потому и бежали они к римлянам, несмотря на то, что не имели никакой надежды на помилование; потому они добровольно давали убивать себя и кровожадным мятежникам. Ни одного свободного места не оставалось в городе, где бы не валялись жертвы голода и разбоя — все было покрыто их трупами.

3. Тираны, с их разбойничьей шайкой, возлагали еще надежды на подземные ходы, где, как думалось им, они останутся не разысканными до окончания войны, а после, когда римляне удалятся, они снова выйдут и убегут. Но это, конечно, была мечта: им не суждено было укрыться от Бога и римлян. В надежде на эти подземные ходы, они сами жгли еще больше, чем римляне. Тех, которые из горевших зданий спасались в мины, они беспощадно убивали и грабили их имущество, а если находили у кого-либо пищу, оскверненную хотя кровью, то и ее похищали и пожирали. Из-за грабежа они даже воевали друг с другом и, если бы не подоспело покорение, то они, кажется мне, в своем остервенении пожирали бы даже трупы.

Глава ВОСЬМАЯ.

Цезарь воздвигает насыпи против Верхнего города, по окончании которых он повелевает установить машины и побеждает весь город.

1. Так как Верхний город, вследствие своего крутого положения, не мог быть взят без валов, Тит, в 20-й день Лооса [39], разделил войско по шанцевым работам. Тяжела была доставка леса, ибо для постройки прежних укреплений, как выше было сказано, вся окрестность города, на сто стадий кругом, была совершенно обнажена. Все четыре легиона воздвигали свои сооружения на западной стороне города, против царского дворца, между тем как вспомогательные отряды и остальная масса войска работала вблизи Ксиста, моста и той башни, которую Симон построил как опорный пункт в борьбе с Иоанном и назвал своим именем.

2. В эти дни вожди идумеян тайно собрались вместе и совещались относительно перехода к римлянам; они послали из своей среды пять человек к Титу, с просьбой о помиловании. Тит подумал, что после ухода идумеян, составлявших большую военную силу, тираны тоже сделаются уступчивее, и потому, после долгого колебания, обещал им действительно помилование и отпустил послов обратно. Но Симон проведал про их приготовления к отступлению и немедленно казнил всех пять человек, бывших у Тита; предводителей же, в том числе и знатнейших из них, Якова сына Сосы, бросил в темницу, а простую идумейскую толпу, лишившуюся своих вожаков и оставшуюся беспомощной, приказал охранять и, кроме того, усилил еще охрану на стене. Тем не менее стражи не были в силах остановить побеги: сколько ни убивали, а все-таки беглецов было еще больше. Римляне принимали всех, так как Тит, по кротости своей, оставлял без исполнения свои прежние угрозы, а солдаты, из пересыщения и надежды на прибыль, удерживались от убийств. Ибо только одиноких людей римляне пропускали мимо, всю же остальную массу они продавали с женами и детьми за бесценок как вследствие многочисленности рабов, так и

незначительного числа покупателей. И хотя Тит приказал объявить, чтоб никто не переходил сам один, а брал бы ась собою свои семейства, тем не менее он принимал и явившихся по одиночке. При этом он все-таки учредил суд, который выделяло из перебежчиков людей, достойных наказания; несметное же множество было продано в рабство. Из числа простых жителей было помиловано и отпущено на свободу, куда кому угодно было, свыше 40 000.

3. В те же дни явился также один из священников, Иошуа, сын Тебута, после того, как Тит клятвенно обещал ему пощаду, под условием выдачи некоторых священных драгоценностей, и принес с храмовой стены два светильника, совершенно схожих с стоявшими в храме, столы, кувшины и чаши — все из чистого, массивного золота; вместе с тем, он передал завесы и облачения первосвященника с камнями (V, 6, 7) и много другой утвари, употреблявшейся при богослужении. И казнохранитель храма, по имени Пинхас, схваченный тогда же, представил облачения и пояса священников, массу пурпура и шарлаха, хранившегося в запасе на случай надобности исправления завесы, кроме того, много корицы, кассии [40] и других благовонных веществ, из которых каждый день составлялась смесь для воскурения Богу. Еще много других драгоценностей и не мало священных украшений он выдал, благодаря чему он получил одинаковые льготы с другими перебежчиками, несмотря на то, что был взят в плен с оружием в руках [41].

4. Наконец, после восемнадцатидневной работы, в седьмой день месяца Гарпея [42], валы были окончены и машины на них установлены. Многие из мятежников считали уже город потерянным и, оставив стены, отступили в Акру, другие побрели в подземные ходы, значительное же число, выстроившись в ряд, старалось воспрепятствовать установке машин. Но и над ними римляне вскоре восторжествовали, не только благодаря своей силе и большой численности, но главным образом потому, что они со свежими, бодрыми силами боролись с приунывшими и изнемогшими. Когда часть стены была разрушена и некоторые башни поддались ударам таранов, защитники сейчас же разбежались, да и самих тиранов охватил страх, далеко не соответствовавший опасности. Ибо прежде чем враги взлезли на стену, они уже оторопели и были готовы бежать. Тогда можно было видеть этих горделивых людей, некогда кичившихся своими злодеяниями, смиренно дрожащими и до того изменившимися, что при всех своих тяжких грехах, они все-таки возбуждали жалость. Им хотелось сделать вылазку против обводной стены, чтобы, пробившись сквозь стражу, выйти на свободу. Но их верные солдаты разбежались куда попало, а вестовые в то же время, один за другим, доносили: «разрушена западная стена», «римляне уже вторглись», «вот они уже близко, ищут вас»; и, наконец, другие, ослепленные страхом, утверждали даже, что видят уже своими глазами врагов на башнях. Тогда они с блуждающими от страха глазами пали лицом на землю, вопили над своим безумием и не могли тронуться с места, точно сухожилия были у них перерезаны. Тогда явственно можно было видеть, как преследовал гнев Божий этих нечестивцев и как велико было счастье римлян: тираны сами лишили себя надежнейшей твердыни и покинули башни, где никакая сила не могла бы их победить, за исключением разве голода; а римляне, так много трудившиеся над менее сильными стенами, овладели укреплениями, не боявшимися никаких орудий, по одному только счастью. Ибо три башни, которые мы выше описали (V, 4, 3), устояли бы против всяких машин.

5. После того, как они покинули эти башни, или, вернее говоря, когда Бог их изгнал оттуда, они бежали в долину, ниже Силоама и, опомнившись немного, устремились к устроенному там укреплению. Но от страха и несчастья исчезла их прежняя отвага: они были отброшены тамошними стражами, рассеялись и скрылись в подземные ходы. Между тем римляне заняли стены, водрузили свои знамена на башнях и при ликующих рукоплесканиях запели победную песню. Конец войны оказался для них гораздо легче, чем можно было ожидать по ее началу. Им самим казалось невероятным, что последней стеной овладели они без кровопролития, и они сами недоумевали, что не нашли здесь ожидаемого противника. Тогда они устремились с обнаженными мечами по улицам, убивая беспощадно все

попадавшееся им на пути, и сжигая дома вместе с бежавшими туда людьми. Они грабили много; но часто, вторгаясь в дома за добычей, они находили там целые семейства мертвецов и крыши, полные умерших от голода, и так были устрашены этим видом, что выходили оттуда с пустыми руками. Однако, искреннее сожаление, которое они питали к погибшим, не простиралось на живых: всех, попадавшихся им в руки, они умерщвляли, запруживая трупами узкие улицы и так наводняя город кровью, что иные загоревшиеся дома были потушены этою кровью. С наступлением вечера резня прекратилась, огонь же продолжал свирепствовать и ночью. В восьмой день месяца Гарпея [43] солнце взошло над дымившимися развалинами Иерусалима. За время осады город перенес столько тяжких бед, что если бы он от начала своего основания вкушал столько же счастья, то был бы поистине достоин зависти. Но ничем он не заслужил столько несчастья, как тем лишь, что воспитал такое поколение, которое его ниспровергло.

Глава ДЕВЯТАЯ.

Распоряжения Цезаря по вступлении его в город. — Число взятых в плен и погибших. — О бежавших в подземелья, в числе которых были и тираны Симон и Иоанн.

1. Когда Тит вступил в город [44], он дивился его могучим укреплениям, в особенности же тем трем башням, которые тираны в своем безумии покинули. Рассматривая вышину массивного сооружения, чудовищную величину каждого камня и тщательность сочленения их, он воскликнул: «мы боролись покровительствуемые Богом; только Он мог оттолкнуть иудеев от таких крепостей, ибо что значили бы человеческие руки или машины против таких башен?» В этом роде он еще долго беседовал со своими друзьями. Пленников, брошенных тиранами в крепости, он выпустил на свободу; остальную часть города он разрушил, стены срыл, но те башни он оставил нетронутыми, в память покровительствовавшего ему счастья, которое предало в его руки и непобедимое.

2. Так как солдаты устали уже от резни, а между тем появлялись еще огромные массы иудеев, то Тит отдал приказ убивать только вооруженных и сопротивляющихся, всех же других брать в плен живыми. Но вопреки приказу, солдаты убивали еще стариков и слабых; только молодых, крепких и способных к труду они загнали на храмовую гору и заперли их в женском притворе. Надсмотрщиком над ними Тит назначил своего вольноотпущенника, а другу своему Фронтону он поручил решить участь каждого из них по заслугам. Последний (Фронтон) казнил мятежников и разбойников, выдававших друг друга, и выделил самых высоких и красивейших юношей для триумфа (VII, 5, 5). Из оставшейся массы Тит отправил тех, которые были старше семнадцати лет, в египетские рудники, а большую часть раздарил провинциям [45], где они нашли свою смерть в театрах, кто от меча, кто от хищных зверей (VII, 2, 1, 3, 1); не достигшие же семнадцатилетнего возраста были проданы. В те дни, когда Фронтон решал участь пленников, 11 000 умерло от голода: одни вследствие того, что стражники из ненависти не давали им есть, а другие потому, что сами отказывались от предложенной им пищи. Независимо от этого, прямо не хватало хлеба для такой массы людей.

3. Число всех плененных, за время войны, простиралась до девяносто семи тысяч, а павших во время осады было миллион сто тысяч. Большинство их было родом не из Иерусалима; ибо со всей страны стекался народ в столицу к празднику опресноков и здесь был неожиданно застигнут войной, так что густота населения породила прежде чуму, а скоро после нее — голод. А что город мог вмещать такую массу людей, явствует из переписи при Цестии. Последний, чтобы показать Нерону, считавшему иудейский народ совсем малозначущим, как велика степень процветания города, поручил первосвященнику по возможности привести в известность численность населения. Так как тогда наступал праздник Пасхи, когда от 9 до 11 часа приносят жертвы, а вокруг каждой жертвы собирается общество из девяти человек по меньшей мере, но часто и из двадцати (ибо одному нельзя поедать эту жертву), так сосчитали жертвы, и их оказалось 256500. Если положим на каждую

жертву только по десяти участников, то получим 2700000 [46] — и то исключительно чистых и освященных, ибо прокаженные, одержимые семятечением, женщины, находившиеся в периоде месячного очищения, и вообще нечистые не допускались к участию в этой жертве, равно как и являвшиеся для поклонения не иудеи.

4. Большая часть этой массы людей прибыла извне; сама, следовательно, судьба устроила таким образом, что весь народ очутился запертым, как в темнице, и неприятельское войско оцепило город, битком набитый людьми. Размеры гибели людей превысили все, что можно было ожидать от человеческой и Божеской руки. Из тех, которые и теперь еще появлялись, римляне одних убивали, а других брали в плен. Они разыскивали скрывавшихся в подземельях и, раскапывая землю, убивали всех там находившихся. В этих же минах найдено было свыше 2000 мертвых, из которых одни сами себя убили, иные — друг друга, а большая часть погибла от голода. При вторжении в эти подземелья на солдат повеяло страшным трупным запахом, так что многие, как пораженные, отскочили назад; другие же, которых жадность к наживе влекла вперед, топтали кучи мертвых. И действительно в этих пещерах находили массу драгоценностей, а корысть оправдывала всякие средства к их добыванию. Из подземелий были извлечены, наконец, пленники, брошенные туда тиранами, которые и в самые последние минуты упорствовали в своих жестокостях. Но и им обоим Бог воздал по заслугам. Иоанн, который вместе со своими братьями терпел голод в подземелье, попросил, наконец, у римлян так часто отвергнутой им милости; Симон же сдался после того, как вынес еще упорную борьбу, которая будет описана ниже. Симон был предназначен для триумфальное жертвы (VII, 5, 9), а Иоанн — к пожизненному заключению. Римляне, наконец, предали огню и отдаленнейшие части города и срыли стены до основания.

Глава ДЕСЯТАЯ.

Город, пять раз прежде завоеванный, теперь во второй раз подвергся разрушению. — Краткая его история.

Таким образом на втором году царствования Веспасиана, в 8 день месяца Гарпея, Иерусалим был завоеван. Пять раз он был прежде покорен, причем один раз также разрушен. Раз он был взят царем египетским Асохеем [47], затем Антиохом, после Помпеем, а за ним Созием сообща с Иродом [48]. Во всех этих случаях город был каждый раз пощажен; но еще до них он был завоеван вавилонским царем и им же разрушен спустя 1468 лет 6 месяцев после его основания. Первый основатель города был ханаанский владетель, имя которого на туземном языке означает «Праведный царь», каким он был и на самом деле. Поэтому он был первым жрецом Бога, Которому основал святилище, причем город, называвшийся прежде Солима, переименован был им же в Иерусалим [49]. Позже иудейский царь Давид изгнал хананеев из города и населил его своими соплеменниками. 477 лет 6 месяцев после него город был разрушен вавилонянами. От царя Давида, первого иудейского царя в Иерусалиме, до разрушения, произведенного Титом, прошло 1179 лет, а от первоначального основания до последнего завоевания 2177 лет. Ни древность города, ни неимоверное богатство его, ни распространенная по всей земле известность народа, ни великая слава совершавшегося в нем богослужения не могли спасти его от падения. Таков был конец иерусалимской осады.

Конец шестой книги

СЕДЬМАЯ КНИГА.

Глава ПЕРВАЯ.

Разрушение всего Иерусалима, кроме трех башен. — Тит в собрании превозносит своих воинов, раздает им награды и многих распускает.

1. Войско не имело уже кого убивать и что грабить. Ожесточение не находило уже предмета мести, так как все было истреблено беспощадно. Тогда Тит приказал весь город и храм сравнять с землей; только башни, возвышавшиеся над всеми другими, Фазаель, Гиппик, Мариамма и западная часть обводной стены должны были остаться: последняя — для образования лагеря оставленному гарнизону, а первые три — чтобы служить свидетельством для потомства, как величествен и сильно укреплен был город, который пал пред мужеством римлян [1]. Остальные стены города разрушители так сравнили с поверхностью земли, что посетитель едва ли мог признать, что эти места некогда были обитаемы. Таков был конец этого великолепного, всемирно известного города, постигший его вследствие безумия мятежников.

2. В качестве гарнизона Тит назначил десятый легион и несколько отрядов конницы и пехоты. По окончании всех военных действий он пожелал поблагодарить все войско за его военные подвиги и в отдельности вознаградить достойным образом тех, которые выдвигались из среды других. Посреди бывшего лагеря для него построена была трибуна, которую он занял вместе с главнейшими начальниками и вслух пред всем войском сказал: «Благодарю, много раз благодарю вас за вашу преданность ко мне, оставшуюся неизменной до сих пор. Хвалю ваше послушание и личную храбрость, которую вы, не взирая на многочисленные и великие опасности, выказывали в продолжение всей войны, чтобы, насколько это зависело от вас, расширить господство вашего отечества и тем ясно показать миру, что ни численное превосходство, ни могучие крепости, ни величина города, ни слепая безумная отвага и зверская свирепость врага не могут устоять против могущества римлян, хотя бы даже одни или другие из наших врагов во многом покровительствуемы были счастьем. Хорошо, — продолжал он, — что долго длившаяся война, благодаря вам, окончилась и что все желания, какие мы лелеяли в начале войны, теперь исполнились. Но еще приятнее и достопамятнее должно быть для вас то, что правителей и руководителей римского государства, которых вы избрали и дали отечеству, все встречают, с радостью, охотно подчиняются их распоряжениям и к вам питают признательность за избрание их. Удивления и любви преисполнен я ко всем вам; ибо знаю, что каждый из вас ревностно исполнял то, что мог. Но тех из вас, которые, благодаря своей превосходной силе, особенно отличились в войне, украсили свою жизнь геройскими подвигами и своими успехами возвеличили славу моего войска, — тех я хочу вознаградить теперь достойным образом. Всякий, старавшийся делать больше других, да получит заслуженную награду. Об этом я больше всего забочусь, как вообще мне гораздо приятнее награждать доблесть моих соратников, чем наказывать их погрешности».

3. Тотчас же он приказал назначенным для этой цели лицам провозгласить имена тех, которые в этой войне совершили какой нибудь блестящий подвиг. Вызывая их поименно, он хвалил подходивших и выказывал столько радости, как будто их подвиги осчастливили лично его; тут же он возложил на них золотые венки, золотые шейные цепи, дарил большие золотые копья или серебряные знамена и каждого из них возводил в высший чин. Кроме того, он щедрой рукой наделял их из добычи золотом, серебром, одеждой и другими вещами. Вознаградив таким образом всех по заслугам, он благословил все войско и при громких ликующих криках солдат сошел с трибуны и приступил к победным жертвоприношениям. Огромное количество быков, стоявшее уже у жертвенников, было заколото и мясо их роздано войску. Он сам пировал вместе с ними три дня, после чего часть войска [2] была отпущена куда кому угодно было; десятому легиону, вместо того, чтобы послать его обратно на место его прежней стоянки за Евфратом, он поручил охрану Иерусалима; а двенадцатый легион, которому он не мог забыть прежнего поражения, понесенного им в Иудее при Цестии, он изгнал совсем из Сирии, где местом стоянки служила ему Рафанея, и сослал в так

называемую Мелитину у Евфрата, на границе между Арменией и Каппадокией. Два остальных легиона, пятый и пятнадцатые, он решил оставить при себе до своего прибытия в Египет. Вместе с этим войском он отправился в Кесарею приморскую, куда вслед за ним была доставлена несметная добыча и где также охранялись пленники. Отплытию в Италию помешала зима.

Глава ВТОРАЯ.

Тит устраивает разные зрелища в Кесарее Филипповой. — Взятие в плен тирана Симона и оставление его для триумфа.

1. В то время, когда Тит Цезарь деятельно занялся осадой Иерусалима, Веспасиан выехал из Александрии на грузовом судне в Родос, а там пересел на триеру и посетил все попутные города, встречал везде радостный прием. Затем из Иопии он направился в Элладу, а после из Корциры [3] к мысу Иапигии [4], откуда уже ехал сухопутьем. Тит же выступил из Кесареи приморской и направился в Кесарею Филиппову, где он остановился на более продолжительное время и устраивал всякого рода зрелища, причем множество пленников нашло свою смерть, частью в борьбе с дикими животными, большей же частью во взаимной борьбе, к которой их принуждали. Здесь Тит получил известие о захвате Симона, сына Гиоры, которое произошло следующим образом.

Симон во время осады Иерусалима находился в Верхнем городе. Но когда римское войско вступило уже внутрь стен и опустошало весь город, он, в сопровождении своих преданнейших друзей, нескольких каменщиков, снабженных необходимыми железными инструментами, и с запасом провизии на несколько дней, опустился в одно из невидимых подземелий. Пока тянулся еще старый ход, они беспрепятственно протискивались вперед; когда же дошли до плотной земли, то начали раскапывать ее в надежде выбиться на безопасное место и таким образом спастись. Но их попытка оказалась на деле невыполнимой: едва землекопы успели пробить себе несколько шагов вперед, как съестные припасы, при всей бережливости; с которой с ними обращались, начали истощаться. Тогда Симон задумал обмануть римлян и навести на них страх: он надел на себя белую тунику, поверх нее пурпуровую хламиду и выступил из подземелья на том самом месте, где прежде стоял храм. При его появлении солдаты вначале оробели и стали в тупик, но потом они приблизились и окликнули его вопросом: «кто идет?» Симон, не ответив им на вопрос, приказал привести командующего. Поспешно отправились они к Терентию Руфу, оставшемуся начальствовать над войсками, и тот немедленно явился. Узнав от Симона обо всем происшедшем с ним, он приказал заключить его в кандалы и содержать под стражей, а Цезарю он донес, каким образом тот был взят в плен. Так Бог предал Симона в руки сильно против него раздраженных врагов в наказание за его жестокости к своим соотечественникам, которых он так бесчеловечно тиранизировал. Не силой был он захвачен в плен, а сам добровольно должен был предстать для принятия наказания; сам он должен был сделать то, за что он столь многих ложно обвинял в преданности к римлянам и так беспощадно умерщвлял. Злу не избежать гнева Божьего; Его справедливость всемогуща и рано или поздно постигает она грешных, для которых обрушивающаяся на них кара тем чувствительнее, чем больше они беспечны и уверены в том, что если не были наказаны сейчас, то уже избавлены от наказания навсегда. Это испытал также Симон, когда он подпал под гнев римлян. Его появление из подземелья послужило причиной гибели многих других мятежников, которые в те дни были открыты в их подземных убежищах. Когда Тит возвратился в Кесарею приморскую, к нему был приведен Симон в цепях. Он приказал сохранить его для триумфа, который имел в виду праздновать в Риме.

Глава ТРЕТЬЯ.

Тит, празднуя день рождения своего брата и своего отца, убивает многих иудеев. — Об опасностях, испытанных иудеями в Антиохии, вследствие измены и безбожия иудея Антиоха.

1. Во время своего пребывания в Кесарее, Тит блестящим образом отпраздновал день рождения своего брата [5], в честь которого много пленных иудеев было предано смерти. Число погибших в бою с животными ссожженных и павших в битвах, устроенных между самими пленниками, превышало 2500. Но все это и другие бесчисленные роды мученической смерти, которым подвергались иудеи, казались римлянам чересчур легким наказанием. Из Кесареи Тит отправился в Берит — римская колония в Финикии, — где он оставался более продолжительное время и ко дню рождения своего отца устроил блестящие игры и всевозможные празднества еще с большими затратами. И здесь опять множество пленников погибли точно таким же путем, как и раньше.

2. В это же время случилось, что оставшиеся в Антиохии иудеи подверглись обвинениям которые грозили их опасностью жизни: против них восстали коренные граждане, отчасти вследствие возведенной на них тогда же клеветы, отчасти вследствие прежних происшествий. О последних я должен вкратце сообщить, чтобы сделать понятным рассказ о первых.

3. Известно, что иудейский народ рассеян по всей земле между обитателями различных стран [6]. Большая часть Сирии, как соседняя страна, ими населена, а в особенности много их в Антиохии, как в величайшем городе Сирии. К тому еще цари, последовавшие за Антиохом, позволяли им свободно селиться. Этот Антиох, по прозвищу Эпифан, при разрушении Иерусалима, разграбил и храм; но его преемники возвратили антиохийским иудеям медную храмовую утварь, установили ее в их синагоге и предоставили им одинаковые права гражданства с эллинами. Встречая такое же обращение и со стороны позднейших царей, иудейское население в Антиохии с течением времени значительно разрослось. Они украсили свою святыню высокохудожественными и драгоценными дарами и, привлекая к своей вере множество эллинов, сделали и этих последних до известной степени составной частью своей общины. В то время, когда объявлена была война, а Веспасиан только что прибыл сухим путем в Сирию, когда ненависть к иудеям возгорелась повсюду с ужасающей силой [7], выступил один из них, по имени Антиох, пользовавшийся почетом благодаря тому, что его отец состоял представителем антиохийских иудеев, и публично в театре пред собранием граждан обвинил собственного отца и других иудеев в том, что они решили между собою сжечь весь город в одну ночь; одновременно с тем он указал на некоторых иногородних иудеев, как на соучастников этого замысла. Услышав об этом, народ не мог сдержать свой гнев: он потребовал возвести немедленно костер, и тут же в театре все выданные иудеи были сожжены. Вслед за этим эллины набросились на остальную массу иудеев, предполагая, что чем скорее отмстят им, тем вернее они спасут свой родной город. Антиох еще больше разжигал их ярость и, чтобы убедить всех в перемене своего образа мыслей и в своем презрении к всему иудейскому, он вызвался совершить жертвоприношение по эллинскому обряду и предложил принудить остальных иудеев к принесению жертв, а отказавшихся от этого считать заговорщиками. Антиохийцы приступили к этому испытанию. Только немногие уступили, все же отказавшиеся были казнены. Тогда Антиох получил от римского начальника отряд солдат и с их помощью жестоко притеснял своих сограждан, запрещая им также праздновать субботу и заставляя их в этот день совершать повседневные работы. С такой настойчивостью умел он преследовать свои принудительные меры, что не только в Антиохии, но и в других городах было приостановлено на некоторое время празднование субботы.

4. Вскоре после того как в Антиохии были возбуждены эти преследования против иудеев, последних постигло другое несчастье. Этот именно случай и подал мне повод к описанию предыдущего. Сгорели в Антиохии четырехугольный рынок, городское здание, архив и царский дворец; только с большими усилиями удалось остановить распространение огня на весь город. Антиох объявил виновниками пожара иудеев. Такая клевета, брошенная в ту минуту, когда все находились еще под свежим впечатлением случившегося несчастья, могла бы иметь успех даже в том случае, если б антиохийцы не были еще раньше

предубеждены против иудеев; но Антиох не преминул подтвердить свои показания ссылками на прошедшее и таким образом довел граждан до того, что они, хотя и никто не видел, чтобы иудеи подложили огонь, с бешеной яростью готовы были обрушиться на оклеветанных. Только с трудом они были обузданы легатом Кнеем Коллегой, потребовавшим, чтоб ему было предоставлено прежде всего сообщить о случившемся императору. (Веспасиан хотя послал уже в Сирию в качестве правителя Цезенния Пета, но последний еще не прибыл). Тем же временем Коллега тщательным следствием обнаружил истинную причину происшествия; иудеи на которых Антиох взвалил всю вину, оказались ни к чему непричастными: весь пожар был делом рук нескольких погрязших в долги негодяев, которые вообразили, что если они истребят здание совета и общественный архив, тогда к ним нельзя будет предъявить никаких требований. Но пока над иудеями тяготело обвинение, они находились в большом страхе.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ.

Встреча Веспасиана в Риме — Германцы, отпавшие от римлян, снова покоряются. — Сарматы, напавшие на Мизию, принуждены возвратиться на родину.

1. Известие о задушевной встрече Веспасиана во всех городах Италии и в особенности о сердечном и блестящем приеме, оказанном ему в Риме, освободило Тита от забот о нем и наполнило его сердце радостью и успокоением. И действительно, когда Веспасиан был еще очень далеко, изо всей Италии радостно бились ему навстречу сердца жителей и, ожидая его, они из любви к нему уже предвкушали его прибытие. И это расположение к нему было свободно от всякого принуждения. Сенат, помня потрясения, проистекавшие от частой смены последних властителей, считал за счастье иметь императором человека почтенного возраста, окруженного ореолом военных подвигов, в котором можно было быть уверенным, что он будет пользоваться властью только для блага своих подданных. Народ, истерзанный междоусобными войнами, с нетерпением ждал его прибытия: он надеялся, что теперь наверно избавится от постигших его до сих пор бед и был уверен, что при нем воцарится благодать и личная безопасность. Войско, в особенности, взирало на него с высоким доверием, ибо оно лучше всех могло оценить значение так счастливо оконченных им войн. Изведав бездарность и трусость других императоров, войско желало, наконец, смыть позор, так часто понесенный им раньше, и единственного человека, который может восстановить его честь и могущество, оно видело в Веспасиане. Высшие сановники города, видя восторженное настроение всех классов населения, не могли в ожидании Веспасиана оставаться на месте, а поспешили ему навстречу далеко за пределы Рима. Но и другим гражданам всякая отсрочка этой встречи была невыносима; им было приятнее и легче выехать на встречу, чем оставаться в городе. И устремились они в дорогу такими огромными массами, что в городе ощущалось тогда в первый раз приятное чувство малолюдья, ибо оставшихся было меньше, чем выехавших. Когда же, наконец, было оповещено приближение императора, а предшествовавшая ему толпа прославляла его ласковое обращение со всеми, встречавшими его, тогда все остальное население вышло встречать его с женами и детьми, и на всем пути, по которому он проезжал, они, вдохновленные его добродушным видом и кротким взором, издавали радостные клики, называя его благодетелем, спасителем и единственным, достойным править Римом. Весь город принял вид храма, наполненного венками и фимиамом. Только с трудом мог он протесниться сквозь окружавшие его толпы народа во дворец, где он прежде всего принес домашним богам [8] благодарственную жертву за свое благополучное прибытие. После этого народ предался пиршествам. Трибы, колена и соседи, собравшись для пирования, при своих жертвоприношениях молили божество о сохранении римскому царству Веспасиана еще на долгие годы и об оставлении престола неоспоримым наследием его сыновьям и их отдаленнейшим потомкам. Принявший так радостно Веспасиана город Рим с тех пор вступил на путь полного благоденствия.

2. До описанного периода времени, еще когда Веспасиан находился в Александрии, а Тит был занят осадой Иерусалима, восстала значительная часть германцев, к которым

присоединились также соседние галлы; соединенные вместе они возымели большую надежду свергнуть с себя совершенно римское иго. Германцами в их отпадении и объявлении войны руководил, во-первых, их национальный характер, в силу которого они, неспособные действовать разумно, при малейших только видах на успех, слепо бросаются в опасность; во-вторых, ненависть к притеснявшим властителям и сознание, что их народ никем еще, кроме римлян, не был покорен; главным же образом их ободрял на этот шаг удобный момент. Они видели, что римское государство, вследствие быстрой смены императоров потрясено внутренней междоусобицей; они слышали, что все страны римского мира находятся в напряженно-выжидательном положении и думали, что эти затруднения и несогласия римлян дают им в руки удобный случай. Эти высокомерные надежды были им внушены обоими их вождями Классиком и Вителлием [9], которые, очевидно, давно уже замышляли мятеж и только теперь, поощряемые обстоятельствами, открыто выступили со своими планами, опираясь на племена и без того склонные к волнениям. Уже значительная часть германцев открыто объявила себя за восстание, а присоединение остальных можно было предвидеть, как Веспасиан, точно по высшему внушению, послал прежнему правителю Германии Петилию Цереалию письмо, в котором предоставил ему сан консула и приказал отправиться в качестве правителя в Британию. И вот по дороге к месту своего нового назначения Цереалий получил известие об отложении и вооружении германцев. Тогда он немедленно напал на них, уничтожил в одном сражении значительную часть восставших и тем заставил их отказаться от своей безумной затеи и образумиться [10]. Впрочем, если б Цереалий и не вторгся так быстро в их страну, они тоже были бы проучены и весьма скоро; ибо едва только известие об их отпадении прибыло в Рим, Цезарь Домициан, не размышляя долго, как это сделал бы всякий другой в его совсем еще юношеском возрасте, со всей храбростью, унаследованной им от отца, и удивительной для его возраста военной опытностью принял на себя великую задачу и тотчас же выступил в поход против варваров. Один только слух о его приближении уже сломил дух германцев: они покорились ему из страха и считали себя счастливыми, что могли без потери людей подпасть под прежнее ярмо. После принятия в Галлии предупредительных мер против возникновения безпорядков в будущем, Домициан, увенчанный славой и окруженный почетом за великие дела, которых и не по возрасту можно было ожидать от сына такого отца, возвратился в Рим.

3. Одновременно с только что упомянутым отпадением германцев в Риме получено было известие о возмущении скифов против римлян. Многочисленное скифское племя, сарматы, незаметно перешли чрез Дунай в Мизию и в огромном числе, распространяя повсюду панику неожиданностью своего нашествия, напали на римлян, истребили значительную часть тамошнего гарнизона, убили в кровавом побоище выступившего против них легата Фонтея Агриппу, после чего они разграбили и опустошили всю покоренную страну. Веспасиан, услышав об этих событиях и об опустошении Мизии, послал для отмщения сарматам Рубрия Галла, который действительно множество из них уничтожил в сражениях, а остальных заставил бежать на родину. По окончании этой войны полководец позаботился о будущей безопасности того края: он снабдил его более многочисленными и более сильными гарнизонами, которые сделали невозможным для варваров переход через Дунай. Таким образом борьба в Мизии быстро разрешилась.

Глава ПЯТАЯ.

О Субботней реке, которую осмотрел Тит во время своего путешествия через Сирию. — Жалобы антиохийцев на иудеев отвергаются Титом. — О триумфе Тита и Веспасиана.

1. Как мы уже упомянули, Цезарь Тит некоторое время проводил в Берите. Отсюда он предпринял поездку в сирийские города и везде, куда ни прибывал, устраивал великолепные зрелища и предавал иудейских пленников, в знак их поражения, смерти. В эту поездку он осматривал также весьма замечательную по своей природе реку, протекающую посредине между Аркеей [11] и Рафанеей [12] и обладающую удивительным свойством. Водообильная и

довольно быстро несущаяся во время течения, река ровно шесть дней в неделю иссякает от самого источника и представляет глазам зрителя сухое русло; в каждый же седьмой день воды ее снова текут, точно не было никакого перерыва. Такой порядок течения река сохраняет в точности, вследствие чего она и названа Субботней рекой по имени священного седьмого дня, празднуемая иудеями [13].

2. Когда население Антиохии узнало о приближении Тита, оно от радости не могло удержаться в своих стенах, а устремилось ему навстречу больше чем на 80 стадий от города — и не только одни мужчины, но и женщины с детьми пустились в дорогу. Едва же увидели его издали, они выстроились рядами по обеим сторонам дороги, простерли к нему руки с приветствиями и всякими благопожеланиями и провожали его в город. Свои возгласы они беспрерывно перемешивали просьбой об изгнании иудеев. Тит молча прислушивался к этой просьбе, ничем не обнаруживая своей готовности уступить ей, иудеи же, не зная определенно, что он думает и что намерен сделать, долгое время находились в величайшем страхе. Ибо Тит не остался в Антиохии, а сейчас же продолжал свой путь в Зевгму на Евфрате. Здесь его встретило посольство от парфянского царя Вологеза, которое принесло ему поздравления по случаю победы над иудеями и вручило ему золотой венок. Он принял его, угостить послов, после чего возвратился опять в Антиохию. На настойчивую просьбу совета и граждан Антиохии прибыть в их театр, где его ждет весь собравшийся народ, он любезно согласился. Но когда они и здесь обступали его с просьбами об изгнании иудеев из города, он дал им меткий ответ: «их отечество, куда иудеи могли бы выселиться, опустошено, а другой страны нет, которая их приняла бы». Получив отказ на первую просьбу, антиохийцы принесли вторую: пусть Тит объявит недействительными те медные доски, на которых вырезаны права иудеев. Но и этой просьбы Тит не удовлетворил, а оставил за антиохийскими иудеями прежние их права. [14] После этого он выехал в Египет. Дорога его вела мимо Иерусалима; и когда он сравнил печальное его опустошение с прежним великолепием города, когда он вызвал в своей памяти величие и красоту срытых сооружений, он проникся глубоким сожалением к погибшему городу и, вместо того, чтобы, как другой поступил бы на его месте, злорадствовать над тем, что силой оружия взял столь могущественный и сильно-укрепленный город, он неоднократно проклинал виновников восстания, которые навлекли на город эту кару правосудия. Этим он доказал как он далек от намерения искать славы храбрости в несчастии наказанных. Из неимоверных богатств города еще многое было найдено в развалинах; многое римляне сами откапывали, но в большинстве случаев указания самих пленников вели к открытию золота, серебра и других очень ценных предметов, владельцы которых ввиду безызвестности исхода войны закопали их в землю.

3. Тит продолжал свой путь в Египет, быстро прорезал пустыню и прибыл в Александрию. Здесь он начал готовиться к отъезду в Италию и отпустил сопровождавшие его два легиона на места их прежнего назначения: пятый легион в Мизию, а пятнадцатый в Паннонию. Из военнопленников он приказал отделить вожаков, Симона и Иоанна, и кроме них 700 человек, отличавшихся своим ростом и красотой, и немедленно отправить их в Италию, так как он имел в виду вывести их в триумфальном шествии. Плавание его по морю совершилось вполне благополучно, и Рим готовился выйти ему навстречу и приветствовать точно таким же образом, как его отца. Особенную честь доставляло Титу то, что его отец лично выехал ему навстречу и приветствовал его [15]. Тогда население города к величайшему своему удовольствию могло видеть всех троих [16] вместе. По истечении нескольких дней они порешили устроить общий триумф для чествования своих подвигов, хотя сенат разрешил каждому из них отдельный триумф. Так как день, назначенный для празднования победы, был объявлен заранее, то из бесчисленного населения столицы ни один не остался дома: каждое место, где только можно было стоять, было занято и свободным осталось лишь столько пространства, сколько было необходимо для проследования предметов всеобщего любопытства.

4. Еще ночью все войско выстроилось в боевом порядке под начальством своих командиров у ворот не верхнего дворца, а вблизи храма Изиды, [17] где в ту ночь отдыхали императоры, с наступлением же утра Веспасиан и Тит появились в лавровых венках и обычном пурпуровом одеянии и направились к портику Октавии [18]. Здесь ожидали их прибытия сенат, высшие сановники и знатнейшие всадники. Перед портиком была воздвигнута трибуна, на которой были приготовлены для триумфаторов кресла из слоновой кости. Как только они прибыли туда и опустились на эти кресла, войско подняло громовой клич и громко восхваляло их доблести. Солдаты были тоже без оружия в шелковой одежде и в лавровых венках. Приняв их приветствия, Веспасиан подал им знак замолчать. Наступила глубокая тишина, среди которой он поднялся и, покрыв почти всю голову тогой, прочел издревле установленную молитву; точно таким же образом молился Тит. После молитвы Веспасиан произнес пред собранием краткую, обращенную ко всем, речь и отпустил солдат на пиршество, обыкновенно даваемое им в таких случаях самим императором. Сам же он проследовал, к воротам, названным триумфальными, вследствие того, что через них всегда проходили триумфальная процессии. Здесь они подкрепились пищей, оделись в триумфальные облачения, принесли жертву богам, имевшим у этих ворот свои алтари, и открыли триумфальное шествие, которое подвигалось мимо театров [19] для того, чтобы народ легче мог все видеть.

5. Невозможно описать достойным образом массу показывавшихся достопримечательностей и роскошь украшений, в которых изощрялось воображение, или великолепие всего того, что только может представить себе фантазия, как: произведений искусства, предметов роскоши и находимых в природе редкостей. Ибо почти все драгоценное и достойное удивления, что приобретали когда-нибудь зажиточные люди и что считалось таким отдельными лицами — все в тот день было выставлено на показ, чтобы дать понятие о величии римского государства. Разнообразнейшие изделия из серебра, золота и слоновой кости видны были не как при обыкновенном торжестве, но точно рекой текли пред глазами зрителей. Материи, окрашенные в редчайшие пурпуровые цвета и испещренные тончайшими узорами вавилонского искусства, блестящие драгоценные камни в золотых коронах или в других оправах проносились в таком огромном количестве, что ошибочным казалось то мнение, будто предметы эти составляют редкость. Носили также изображения богов больших размеров, весьма художественно отделанные и изготовленные исключительно из драгоценного материала. Далее водили животных разных пород, каждое — украшенное соответствующим убранством. Даже многочисленные носильщики всех драгоценностей были одеты в пурпуровые и золототканые материи. Особенным богатством и великолепием отличалась одежда тех, которые были избраны для участия в процессии. Даже толпа пленников одета была не просто: пестрота и пышность цветов их костюмов скрашивали печальный вид этих изможденных людей. Но величайшее удивление возбуждали пышные носилки, которые были так громадны, что зрители только боялись за безопасность тех, которые их носили. Многие из них имели по три, даже по четыре этажа. Великолепное убранство их одновременно восхищало и поражало; многие были обвешаны золототканными коврами и на всех их были установлены художественные изделия из золота и слоновой кости. Множество отдельных изображений чрезвычайно живо воспроизводило войну в главных ее моментах. Здесь изображалось, как опустошается счастливейшая страна, как истребляются целые толпы неприятельские, как одни из них бегут, а другая попадать в плен; как падают исполинские стены под ударами машин; как покоряются сильные крепости, или как взбираются на самый верх укреплений многолюднейших городов, как войско проникает через стены и наполняет все кровью; умоляющие жесты безоружных, пылающие головни, швыряемые в храм, дома, обваливающиеся над головами своих обитателей, наконец, после многих печальных сцен разрушения, водяные потоки, — не те, которые орошают поля на пользу людям или животным, а потоки, разливающиеся по охваченной повсюду пожаром

местности. Так изображены были все бедствия, которая война навлекла на иудеев. Художественное исполнение и величие этих изображений представляли события как бы воочию и для тех, которые не были очевидцами их. На каждом из этих сооружений был представлен и начальник завоеванного города в тот момент, когда он был взят в плен. Затем следовали также многие корабли. Предметы добычи носили массами; но особенное внимание обращали на себя те, которые взяты были из храма, а именно: золотой стол, весивший много талантов, и золотой светильник, имевший форму отличную от тех, какие обыкновенно употребляются у нас. По самой средине подымался из подножия столбообразный стержень, из которого выступали тонкая ветви, расположенная наподобие трезубца; на верхушке каждого выступа находилась лампадка; всех лампадок было семь, символически изображавших седмицу иудеев. Последним в ряду предметов добычи находился Закон иудеев. Вслед за этим множество людей носило статуи богини Победы, сделанные из слоновой кости и золота. После ехал Веспасиан, за ним Тит, а Домициан в пышном наряде ехал с боку на достойном удивления коне.

6. Конечной целью триумфального шествия был храм Юпитера Капитолийского. Здесь, по старинному обычаю, все должны ожидать, пока гонец не известит о смерти вражеского вождя. Это был Симон, сын Гиоры, участвовавший в шествии среди других пленников. Теперь на него накинули веревку и, подгоняя его ударами плетей, стража втащила его на возвышавшееся над форумом место [20], где по римским законам совершается казнь над осужденными преступниками. Когда было объявлено о его смерти, поднялось всеобщее ликование и тогда начались жертвоприношения. Благополучно окончив это с установленными молитвами, императоры возвратились во дворец. Некоторых они пригласили к своему столу; остальная же масса пировала по домам. Ибо в этот день римляне праздновали как победу над врагами, так и конец внутренних распрей и зарю надежды на лучшее будущее [21].

7. По окончании празднеств и после восстановления полного покоя в государстве, Веспасиан решил воздвигнуть храм богине мира. В короткое время было окончено сооружение, превосходившее всякие человеческие ожидания; он употребил на это неимоверные средства, какие только дозволила ему его собственная казна и какие достались ему от предшественников, и разукрасил его всевозможными мастерскими произведениями живописи и скульптуры. В этом храме было собрано и расставлено все, ради чего люди прежде путешествовали по всей земле, чтобы видеть все эти различные вещи. Здесь он приказал хранить также драгоценности и сосуды, взятые из иерусалимского храма, так как он очень дорожил ими. Закон же иудеев и пурпуровые завесы Святая-Святых он приказал бережно сохранить в своем дворце.

Глава ШЕСТАЯ.

О Махероне. — Каким образом Луцилий Басс овладевает этой крепостью и другими пунктами.

1. В Иудею в качестве легата послан был Луцилий Басс с войском, переданным ему Цереалием Вителлианом [22]. Завладев крепостью Иродион и его гарнизоном вследствие добровольной сдачи, Луцилий стянул к себе все войско, которое большей частью было разрознено на отдельные части, равно как и десятый легион, и с этими силами предпринял поход против Махерона. Эту крепость необходимо нужно было взять, ибо она была так сильна, что в связи с защищенной от природы местностью могла бы ободрить многих иудеев к отпадению, внушить уверенность гарнизону, а нападающим страх и нерешительность. Сама крепость образована была скалистым холмом, подымающимся на чрезвычайную высоту и потому уже одному трудно победимым; но природа позаботилась еще о том, чтоб он был недоступен. Со всех сторон он окружен непроницаемой глубины пропастями, так что переход чрез них затруднителен, выравнивание же их землей совсем невозможно. Западная горная впадина простирается на 60 стадий и доходит до Асфальтового озера и как раз на этой же

стороне Махерон достигает наибольшей высоты. Северная и южная впадины уступают хотя в длине только что упомянутой, но тоже делают невозможным нападение на крепость; что касается восточной, то и она имеет не менее 100 локтей глубины, но примыкает к горе, противоположной Махерону.

2. Царь иудейский Александр [23] первый сознал благоприятные условия этого места и построил на нем крепость, но она впоследствии была срыта Габинием в войне с Аристовулом [24]. Когда же на престол вступил Ирод, он нашел, что это место больше всякого другого заслуживает особенного внимания и сильнейшего укрепления, в особенности еще вследствие соседства арабов, против владений которых эта крепость образовала по своему положению чрезвычайно выгодный пункт. Он обвел поэтому обширное пространство стенами и башнями и основал там город, чрез который лежал путь в цитадель. Точно также он и самую вершину горы окружил стеной и построил на углах башни в 160 локтей высоты каждую. Посреди укрепленной таким образом площади он воздвиг дивный дворец, помещавший в себе множество просторных и изящных покоев; в наиболее подходящих местах было построено еще много цистерн, как для собрания, так и для сохранения обильных запасов воды. Таким образом царь, соперничая с природой, при помощи искусственных сооружений сделал это место еще более непобедимым. Далее он снабдил крепость огромным запасом стрел и машин и старался вообще всевозможными средствами поставить гарнизон в такое положение, чтоб он мог противостоять продолжительнейшей осаде.

3. В бывшем дворце росла рута [25] поразительных размеров, не уступавшая ни высотой своей, ни объемом фиговому дереву. Говорят, что она стояла со времен Ирода и она быть может еще долго бы существовала, если б иудеи при занятии Махера не срубили ее. В долине, примыкающей к городу с севера, находится место, называемое Ваорасом и производящее корень того же имени. Последний имеет огненно-красный цвет и по вечерам испускает от себя лучи; его очень трудно схватить, так как он как будто убегает из-под рук и только тогда остается в покое, когда его поливают уриной от женщины или ее месячной кровью. Но и тогда прикосновение к нему влечет за собою верную смерть, если его не несут таким образом, чтоб он свешивался с руки. Существует, впрочем, и другой безопасный способ для овладевания этим корнем. Сначала его окапывают кругом до тех пор, пока только маленькая часть корня остается еще в земле, затем привязывают к нему собаку; когда последняя быстро устремляется за человеком, привязавшим ее, корень легко вырывается; но собака умирает на месте, как заместительная жертва за того, который хотел взять растение; а тогда его можно уносить без всяких опасений. Стоит однако подвергать себя опасности и трудиться над добыванием этого растения из-за присущего ему следующего свойства: так называемые демоны, т. е. духи злых людей, вселяющиеся в живущих и убивающие всех тех, которые остаются без помощи, немедленно изгоняются тем корнем, как только подносят его близко к больному [26]. На том же самом месте бьют теплые ключи, отличающиеся между собою различным вкусом воды: одни из ключей горьки, другие — почти совершенно пресны. Еще ниже в долине находятся многочисленные холодные источники, тесно расположенные один возле другого. Но еще удивительнее следующее. Вблизи находится незначительной глубины пещера, прикрываемая свешивающейся над ней скалой, а над этой скалой возвышаются на близком один от другого расстоянии два утеса, имеющие форму женских грудей; причем из одного утеса бьет совершенно холодный ключ, а из другого — очень горячий; будучи же смешаны вместе, оба ключа доставляют в высшей степени приятное, целебное, в особенности укрепляющее нервы купанье. Местность эта изобилует также серными и квасцовыми рудами.

4. Осмотрев местность со всех сторон, Басс пришел к заключению — заполнить восточную лощину и таким образом проложить себе путь к крепости. Согласно этому, он начал действовать, чтобы быть в состоянии по возможности скорее построить валы, которые должны были облегчить ему осаду. Тогда находившиеся внутри иудеи, увидя себя запертыми,

отделились от прибывших к ним извне, на которых они и без того смотрели, как на сброд, и принудили их остаться внизу в городе, чтобы выдержать первые наступления неприятеля; сами же они заняли цитадель на верху, полагаясь на ее сильные укрепления и надеясь в крайнем случае спасти себя посредством добровольной сдачи. На первых порах, однако, они хотели попытаться — не хватит ли у них возможности воспротивиться осаде. С этой целью они каждый день делали ожесточенные вылазки, схватывались со встречавшими их римлянами и хотя сами терпели большие потери, но и многих убивали. Победа одних или других в каждом данном случае зависела главным образом от уменья пользоваться благоприятным моментом: иудеи побеждали, когда они своим нападением застигали римлян врасплох; последние побеждали, когда они со своих валов вовремя замечали приготовления к вылазке и могли встретить врага густо сплоченными рядами. Однако, при таких частых схватках осада не могла достигнуть своей цели. Случай заставил иудеев сдаться против собственного своего ожидания. Среди осажденных находился один в высшей степени смелый и храбрый юноша Элеазар. В вылазках он всегда выдвигал себя на первый план, так как он именно ободрял всех нападать на римлян и мешать им в сооружении валов; затем в сражениях он причинял римлянам многочисленные и значительные потери. Сопровождавшим его в вылазках он облегчал нападение и прикрывал также их отступление, так как сам оставлял поле битвы последним. Однажды, когда бой уже давно окончился и обе стороны отступили, Элеазар, как бы в насмешку над врагами, остался и, думая, что никто из них не возобновит боя, углубился в разговор со стоявшими на стене. Этот момент подстерег египтянин римской службы, по имени Руф: незаметно для всех он побежал туда, поднял Элеазара вместе с его вооружением и прежде, чем солдаты на стене пришли в себя от охватившего их ужаса, уже унес его в римский лагерь. Полководец отдал приказ раздеть его до нага и на виду городских жителей бичевать его. Мучения юноши произвели на иудеев глубокое впечатление: во всем городе поднялся такой плач, какого нельзя было ожидать из-за несчастья одного человека. Заметив эту общую скорбь, Басс воспользовался ею для военной хитрости: он старался довести их сострадание до крайней степени для того, чтобы они, ради спасения юноши, сдали крепость. И этот план ему удался. Он приказал водрузить крест как будто для того, чтобы пригвоздить к нему Элеазара. При виде этого, иудеев в крепости охватила еще большая жалость; громко рыдая, они восклицали: невозможно допустить такую мученическую смерть юноши. Тут еще Элеазар начал умолять их, чтоб они спасли его от этой мучительнейшей из всех родов смерти и спасли бы также и себя; чтоб они уступили силе и счастью римлян после того, как все решительно уже покорено ими. Его просьбы раздирали им сердце, и так как в самой крепости еще многие просили за него, ибо Элеазар принадлежал к широко разветвлявшейся многочисленной фамилии, то они против своего обыкновения смягчились; быстро снаряжено было посольство, уполномоченное вести переговоры о сдаче крепости с тем лишь условием, чтоб им предоставлено было свободное отступление и выдан был Элеазар. Римляне с их предводителем приняли предложение. Когда толпа, находившаяся в нижнем городе, услышала об этом договоре, она приняла решение тайно бежать ночью. Но как только они открыли ворота, Басс был извещен об этом иудеями, заключившими договор, которые или не желали спасения пришельцев, или боялись, что бегство последних может быть поставлено в вину им самим. Храбрейшие из беглецов пробились, однако, и спаслись, но застигнутые еще внутри города 1700 мужчин были перебиты, а женщины и дети проданы в рабство. Что касается тех, которые обещали предать ему крепость, то Басс считал нужным исполнить договор, в силу которого он предоставил им свободный выход и выдал также Элеазара.

5. Справившись таким образом с Махероном, Басс быстрым маршем двинулся к лесу, называвшемуся Иардесом, где, как ему было донесено, собралась масса иудеев, бежавших во время осады Иерусалима и Махерона. Прибыв туда, он нашел, что полученное им известие вполне верно. Прежде всего он всадниками оцепил кругом всю местность, чтобы

предупредить возможность бегства; пехоте же он приказал вырубить лес, в котором скрывались беглецы. Эти действия принудили иудеев решиться на отважное дело. Так как единственную надежду на спасение сулил им еще отчаянный бой, то они ринулись всей массой с громкими кликами и напали на оцепивших их римлян. Но последние храбро выдержали натиск. При отчаянной смелости одних и неослабной твердости других, бой затянулся на довольно продолжительное время; но результат получился самый неравномерный: из римлян пало мертвыми 12 человек и только немного было ранено; из иудеев же ни один не вышел целым из этого сражения: все они в числе не менее 3000 человек были смяты, и между ними также их предводитель Иуда, сын Иаира, о котором мы выше сообщили, что он начальствовал над отрядом и спасся бегством чрез подземный ход [27].

6. К этому времени император послал предписание Бассу и прокуратору Ливерию Максиму распродать всю страну иудейскую. Нового города он не основал в ней, но оставил за собою страну в собственность [28]. Только восемьсот выслужившихся солдат он наделил землею в районе Аммауса [29], в 60 стадиях от Иерусалима. На иудеев же во всех местах их жительства он наложил поголовную подать в размере двух драхм в год в пользу Капитолия вместо того, что прежде тот же налог взимался на нужды храма [30]. Таково было теперь положение иудеев.

Глава СЕДЬМАЯ.

О несчастной судьбе Антиоха, царя Коммагены. — Об аланах, причинивших много бед жителям Мидии и Армении.

1. Со времени вступления в царствование Веспасиана протекло уже четыре года. Тогда над царем Коммагены, Антиохом, и всем его домом стряслась тяжкая беда. Цезений Пет, тогдашний правитель Сирии, письмом донес императору — по правде ли, или из вражды к Антиоху, не выяснено было тогда с точностью, — что Антиох вместе с его сыном Эпифаном помышляют об отпадении от римлян и в этих видах уже вступили в союз с парфянским царем; необходимо поэтому напасть на них врасплох и не дать им времени на приготовления, ибо в противном случае они могут все римское царство вовлечь в гибельную войну. Не следует ему, Веспасиану, равнодушно отнестись к этому донесению, так как соседство обоих царей требует крайней предусмотрительности ввиду того, что главнейший город Коммагены — Самосата — лежит на Евфрате, так что парфяне, при известном соглашении с Антиохом, могли бы весьма легко перейти реку и найти у него убежище. Пет нашел веру и получил полномочие действовать по своему разумению. Он и не медлил: с шестым легионом, отдельными когортами и некоторыми конными отрядами он внезапно, когда Антиох ничего не подозревал, вторгнулся в Коммагену. Его сопровождали цари: Аристовул из Халкиды и Соем из Эмесы. При своем вторжении они нигде не встречали никакого противодействия, так как никто из жителей и не думал о сопротивлении. Когда Антиох получил это неожиданное известие, он не имел даже отдаленного намерения начать войну с римлянами, а решился покинуть свое царство в том положении, в каком оно находилось, и тайно бежать с женой и детьми, думая этим путем очиститься в глазах римлян от павшего на него подозрения. Отойдя на сто двадцать стадий от города, он стал лагерем в открытом поле.

2. Пет отрядил часть войска для занятия Самосаты, что она и сделала, а с остальной частью двинулся сам против Антиоха. Но и тогда царь не дал себя склонить на какия-либо военные действия против римлян, а, оплакивая свою участь, отдался всецело на волю судьбы. Но его юным, опытным в военном деле и отличавшимся телесной силой сыновьям не было так легко покориться без боя: Эпифан и Каллиник взялись за оружие. В жарком сражении, длившемся целый день, они обнаружили блестящую личную храбрость и с наступлением вечера окончили битву без всякого урона. Но Антиох и после так благоприятно кончившегося для него сражения не считал безопасным для себя остаться; он бежал с женой и дочерьми в Киликию. Этим он сам отнял мужество у своих собственных солдат: последние,

предполагая, что он отрекся от престола, отпали от него и перешли на сторону римлян, не скрывая ни для кого своего упадка духа. Эпифан и его свита должны были подумать о бегстве прежде чем окончательно не лишились своих соратников; только десять всадников перешли с ними Евфрат, откуда они уже без всякой опасности следовали дальше и прибыли к парфянскому царю Вологезу (5, 2), который принял их не с презрением, как беглецов, а со всеми почестями, как будто они находились еще в своем прежнем положении.

3. Антиох, спасшийся в Тарс в Киликии, был схвачен центурионом, посланным Петом, и связанный отправлен в Рим. Веспасиан, однако, не мог допустить, чтоб царя привели к нему в таком виде: он предпочел лучше выказывать уважение к старой дружбе, чем пребывать в неумолимом гневе по поводу войны. А потому, еще когда тот находился в дороге, он приказал снять с него оковы и под предлогом отсрочки его поездки в Рим, оставить его в Лакедемоне; там он назначил ему значительные денежные доходы для того, чтоб он мог жить не только без нужды, но и по-царски. Эпифан и его брат, опасавшиеся за судьбу своего отца, освободились тогда от тяжелых забот и душевных тревог; вместе с тем они стали надеяться и на собственное примирение с императором, тем больше, что Вологез писал ему в их пользу. Им хотя и хорошо жалось у Вологеза, но они все-таки не хотели остаться навсегда вне пределов римского государства. Император выразил им полное благосклонности уверение в том, что бояться им нечего; тогда они отправились в Рим, куда вскоре прибыл также их отец из Лакедемона. Там они остались и содержались в полном почете.

4. Об аланском народе я, как мне кажется, еще выше упомянул, как о скифском племени, живущем на берегах Танаиса [31] и Меотийского озера [32]. В то время они задумали предпринять хищнический набег на Мидию и еще более отдаленные страны и по этому поводу завязали переговоры с гирканским царем, ибо последний господствует над проходом, который царь Александр [33] сделал неприступным посредством железных ворот [34]. И вот, когда тот открыл им доступ, они многочисленными толпами напали на нечаявших никакой опасности мидян, опустошили густонаселенный, изобиловавший стадами край, не встречая нигде со стороны оробевшего населения никакого сопротивления. Царь страны Пакор бежал в страхе в непроходимые пустыни, оставив все в их распоряжение; с трудом ему удалось выкупить у них за 100 талантов попавших к ним в плен свою жену и наложниц. Удовлетворяя свою разбойничью жадность беспрепятственно и даже без меча, они продолжали свой опустошительный набег до самой Армении. Царствовал здесь Теридат, который хотя и выступил им навстречу и дал им сражение, но тут сам чуть не попал живым в плен. Аланин издали накинул на него аркан и утащил бы его с поля брани, если бы царю не удалось вовремя перерубить мечом веревку и таким образом спастись. Варвары же, рассвирепевшие еще больше от этой битвы, опустошили всю страну и с огромной массой пленников и добычи, награбленной ими в обоих царствах, возвратились обратно на родину.

Глава ВОСЬМАЯ.

О Масаде и о занявших ее сикариях. — Каким образом Сильва приступает к осаде этой крепости. — Речь Элеазара.

I. После смерти Басса правление над Иудеей перешло к Флавию Сильве [35]. Он нашел всю страну уже покоренной; только одна крепость упорно отстаивала свою независимость, и против нее он выдвинул теперь все силы, какие только мог собрать из окрестностей. Эта крепость была Масада (I, 12, 1). Ее занимали сикарии (IV, 7, 2), во главе которых стоял знатный муж Элеазар [36] (II, 17, 9), потомок Иуды, который, как мы выше упомянули (II, 8, 1), когда Квириний был послан цензором в Иудею, уговорил множество иудеев сопротивляться переписи. И теперь сикарии восставали против тех, которые хотели подчиниться римлянам и обращались с ними во всех отношениях, как с врагами, грабя их имущество, угоняя их скот и сжигая их дома. «Ведь нет никакой разницы, говорили сикарии, между ними и чужими, так как они постыдно продали свободу, за которую так много было войн, и сами облюбовали римское рабство». Но этими речами, как явно показали их

действия, они только прикрывали свое жестокосердие и корыстолюбие; ибо те были такие, которые вместе с ними участвовали в восстании, сообща боролись с римлянами и больше отваги проявили в борьбе против последних, чем другие. А если кто-либо указывал им на неосновательность упомянутых доводов, то он за свои вполне справедливые упреки подвергался жестоким преследованиям. Тогдашнее время у иудеев было вообще богато всевозможного рода злодеяниями: ни одно гнусное дело не было упущено, и если бы хотели всю изобретательность ума направить на то, чтобы измыслить что-нибудь новое, то ничего больше не выдумали бы. Этой порчей нравов была заражена, как общественная, так и частная жизнь. Все на перерыв старались перещеголять друг друга в нечестивых поступках пред Богом и в несправедливостях против ближних. Сильные угнетали простой народ, а масса стремилась изводить сильных; те алкали власти, а эти — насилий и ограбления зажиточных. Первый пример разнузданной жизни и жестокого обращения со своими же соплеменниками подали именно сикарии, которые не брезгали никакими постыдными словами и действиями для преследования и погибели своих жертв. Но даже эти в сравнении с Иоанном казались еще умеренными. Иоанн не только убивал всех тех, которые проповедовали то, что, было справедливо и полезно, не только с такими гражданами поступал он как с врагами, но все свое отечество наполнял он неисчислимыми злодеяниями и действовал вообще так, как только можно ожидать от человека, лишившегося уже всякого религиозного чувства. На его столе подавались запретные блюда; освященных веками обрядов очищения он не соблюдал; нужно ли удивляться, что человек, так безрассудно выступавший против Бога, потерял чувство человечности и уважение к общественному благу? А Симон сын Гиоры? Каких только злодейств он не творил? Разве существовало такое насилие, какого он не совершил над личностями свободных иудеев, которым вдобавок он был еще обязан достижением власти тирана? Дружба и родство только подстрекали их на безпрестанные убийства. Ибо причинять зло чужим казалось им делом низкой трусости; им хотелось, напротив, открыто похвастать жестокостью, совершаемой против близких. С их безумием соперничало еще неистовство идумеев. После того, как эти нечестивцы заклали первосвященников для того, конечно, чтобы не осталось ни следа благочестия, они уничтожили также в конец все, что еще уцелело от общественного порядка, и доставили полное торжество беззаконию. При этом положении вещей возвысилось поколение так называемых зелотов, которые своими делами оправдали свое название. Ибо они старались подражать всякой гнусности, и их рвение было направлено на то, чтобы не упустить ничего, что известно было из истории прежних злодеяний. Имя, которое они себе присвоили, должно было конечно, по их понятию, обозначать соревнование в добродетели; но тут нужно допустить одно из двух: или они по свойственному им бесчеловечию хотели этим еще насмехаться над жертвами своих насилий, или они величайшее зло считали добродетелью. И постиг же каждого из них в отдельности достойный конец: всем им Бог воздал по заслугам; ибо все мучения, какие только человеческая природа способна перенесть, они переживали, а конец всех страданий — смерть — они принимали под самыми разнообразными пытками. Тем не менее можно, пожалуй, сказать, что они терпели меньше, чем заслужили своими делами, ибо полное возмездие было немыслимо. Оплакивать же достойным образом тех, которые пали жертвами их жестокостей, здесь не место, а потому возвращусь к моему разсказу.

2. Таким образом римский полководец во главе своего войска выступил против Элеазара и сикариев, занимавших Масаду. Всю окрестность он покорил без затруднений и в подходящих местах оставил гарнизоны. Самую же крепость для того, чтобы никто из осажденных не мог бежать, он окружил обводной стеной и расставил на ней караулы. Затем он избрал пригодное для начатия осады лагерное место, оказавшееся в том пункте, где скалистый хребет, на котором стояла крепость, был соединен с близлежащей горой, хотя это именно место значительно затрудняло доставку необходимых припасов. Ибо не только провиант приходилось подвозить издалека и с большим напряжением сил со стороны иудеев,

на которых возложена была эта обязанность, но даже воду для питья нужно было доставлять в лагерь, так как вблизи не было источников. Приняв необходимый меры по обеспечению войска продовольствием и водой, Сильва приступил к осаде, которая вследствие укрепленности цитадели требовала большого искусства и громадных усилий. Природа этой местности такова:

3. Скалистый утес не незначительного объема и огромной высоты окружают со всех сторон обрывистые пропасти непроницаемой глубины, недоступные ни для людей, на для животных; только в двух местах, и то с трудом можно приступить к утесу: одна из этих дорог лежит на востоке от Асфальтового озера, а другая, более проходимая — на западе. Первую, вследствие ее узости и извилистости, называют Змеиной тропой. Она пробивается по выступам обрыва, часто возвращается назад, вытягивается опять немного в длину и еле достигает до цели. Идя по этой дороге, необходимо попеременно твердо упираться то одной, то другой ногой; ибо если поскользнуться, то гибель неизбежна, так как с обеих сторон зияют глубокие пропасти, способные навести страх и на неустрашимых людей. Пройдя по этой тропинке 30 стадий, достигают вершины, которая не заостряется в узкую верхушку, а, напротив, образует широкую поляну. Здесь первый построил крепость первосвященник Ионатан [37], назвавший ее Масадой [38]. Впоследствии царь Ирод потратил много труда, чтобы привести ее в благоустроенный вид. Всю вершину на семи стадиях в окружности он обвел стеной, построенной из белого камня и имевшей двенадцать локтей высоты и восемь локтей ширины; на ней были возведены тридцать семь башен, каждая из которых достигала пятидесяти локтей высоты; с этих башен можно было проходить в жилые дома, пристроенные к внутренней стороне стены по всей ее длине. Всю же внутреннюю площадь, отличающуюся тучной и особенно рыхлой почвой, царь оставил для возделывания с той целью, чтобы на случай, когда привоз припасов извне сделается невозможным, гарнизон, доверивший свою участь крепости, не терпел бы нужды. У западного входа под стеной, окружавшей вершину, он воздвиг дворец с фасадом, обращенным на север, с чрезвычайно высокими и крепкими стенами и четырьмя башнями на углах, шестидесяти локтей высоты каждая. Внутренняя отделка комнат, галерей и бань была разнообразна и великолепна; каменные колонны были все цельные; стены и полы в комнатах были выложены мозаикой. Во всех жилых помещениях на верху, во дворце и перед стеной он приказал вырубить в скалах много больших цистерн, устроив их так, чтобы они могли давать такой же обильный запас воды, какой могут доставлять источники. Из дворца вел на самую верхушку утеса вырубленный в скале и невидимый снаружи ход; но и видимыми путями неприятель не так легко мог пользоваться: восточный — по самой природе своей, уже описанной нами, был непроходим; а западный путь царь на самом узком месте защитил большой башней, которая отстояла от крепости по меньшей мере на 1000 локтей и которую ни обойти, ни взять не было легко. Вследствие всего этого даже мирным посетителям проход был крайне затруднен. Так самой природой и искусственными сооружениями крепость была защищена против неприятельских нападений.

4. Еще более, чем все эти сооружения, достойны были удивления изобилие и долгая сохраняемость заготовленных внутри припасов. В крепости было сложено так много хлеба, что его могло хватить на долгое время, равно как и значительное количество вина и масла; было также и фиников и стручковых плодов в избытке. Когда Элеазар со своими сикариями хитростью овладел крепостью, он нашел все это в свежем виде, как будто оно только что было сложено; а между тем со времени заготовления этих припасов до завоевания римлянами прошло около столетия. Римляне также нашли остаток припасов неиспорченным. Причиной столь долгой сохраняемости следует бесспорно принять свойство воздуха, который вследствие высокого положения крепости, свободен от всяких землянистых и нечистых примесей. Сверх всего найдено было нагроможденное там царем разного рода оружие на 10 000 человек, равно еще сырое железо, медь и олово. Эти широкие приготовления имели

серьезные основания. Ирод, как говорят, приготовил эту крепость местом убежища лично для себя на случай опасности, угрожавшей ему с двух сторон: во-первых, со стороны иудейского народа, который мог свергнуть его и водворить на престол прежнюю династию [39]; большая же и серьезнейшая опасность угрожала со стороны египетской царицы Клеопатры. Последняя не скрывала своих отношений к Ироду, а, напротив, беспрестанно приставала к Антонию с просьбой убить Ирода и подарить ей царство иудеев (I, 18, 4). И действительно, нужно только удивляться, как Антоний, порабощенный, к несчастью своему, любовью к ней, не послушался ее требований; при всем том никто не мог ручаться, что он ей не поддастся. Вот какие опасения побудили Ирода укрепить Масаду. Обстоятельства между тем сложились таким образом, что он этой крепостью создал для римлян последнее препятствие в войне с иудеями.

5. Когда римский полководец, как выше уже сообщалось, окружил всю местность снаружи обводной стеной и принял тщательные меры к тому, чтобы никто из гарнизона не мог бежать, он приступил к осаде, хотя для закладки валов найден был лишь один пригодный для этой цели пункт. За крепостью, господствовавшей над восходящей к дворцу и на вершину утеса западной дорогой, находилась скала с огромной площадью, далеко выступавшая вперед, но лежавшая на 300 локтей ниже Масады. Она называлась Левкой [40]. На эту скалу взошел Сильва и приказал своему войску занять ее и подвозить к ней землю. И вот усердными работами многочисленной армии сооружена была могущественная насыпь в 200 локтей высоты, но и этот вал оказался все еще недостаточно высоким и прочным, чтобы служить базисом для машин, а потому на нем воздвигнуто было из камней новое сооружение 50-и локтей ширины и такой же высоты. Машины были той же конструкции, что и прежние, придуманные при осадах Веспасианом, а затем Титом; была также построена еще башня 60-и локтей высоты, которая сверху до низу была обшита железом и из которой римляне метали камни и другие стрелы, отгоняя со стены ее защитников и не позволяя им даже показываться из-за нее. Одновременно с тем Сильва приказал построить большой таран и с того же пункта беспрерывно потрясать им стену. На разрушение последней едва ли можно было надеяться; ему же все-таки удалось пробить в ней брешь. Но сикарии поспешно выстроили другую стену, которая должна была противостоять машинам. Для того, чтобы сообщить этой стене мягкость, которая могла бы ослаблять силу ударов, они придали ей следующее устройство: взяли длинные балки, плотно связали их концами и расположили их двумя параллельными рядами друг от друга на расстоянии толщины стены, а промежуток между ними заполнили землей: для того же, чтобы при возвышении постройки земля не осыпалась, они соединили продольные балки поперечными. Это сооружение получило таким образом некоторое сходство с домом. Удары машин, вследствие упругости материала, ослаблялись, а от сотрясений здание оседало и делалось, напротив, еще прочнее. Когда Сильва это заметил, он решил, что огнем скорее можно будет взять стену: по его приказу солдаты начали бросать на нее массами горящие головни. И действительно, постройка, состоявшая большей частью из дерева, быстро зажглась и вследствие своей легкой доступности была охвачена пламенем до самого основания. В начале пожара дул северный ветер, который был опасен для римлян, так как он отгонял пламя от крепости и направлял его прямо им в лицо. Уже они потеряли почти все надежды на успех вследствие того, что вместе со стеной могли сгореть также и их машины. Но внезапно, как по божественному мановению, ветер переменил свое направление, обратился к югу и направил огонь против стены, которая горела уже сверху донизу. Римляне, обрадовавшиеся божественной помощи, возвратились в лагерь, решив на следующий день сделать нападение на врага. На ночь они усилили стражу, дабы никто не мог бежать из крепости.

6. Но Элеазар и не думал о бегстве, да и никому другому он бы этого не позволил. Видя, что стена разрушена огнем, а никакого средства спасения или защиты придумать невозможно; воспроизводя живо пред глазами, как станут римляне обращаться с ними, их

женами и детьми, когда попадут к ним в руки, он решил, что все должны умереть. В настоящем положении он признал за лучшее для них смерть, и для того, чтобы ободрить их на этот шаг, он собрал наиболее решительных из своих товарищей и обратился к ним со следующей речью. «Уже давно, храбрые мужи, мы приняли решение не подчиняться ни римлянам, ни кому-либо другому, кроме только Бога, ибо Он Один истинный и справедливый Царь над людьми. Теперь же настал час, призывающий нас исполнить наделе наше решение. Да не посрамим себя мы, которые не хотели переносить рабство еще прежде, когда оно не угрожало никакими опасностями, не предадим же себя теперь добровольно и рабству, и самым страшным мучениям, которые нас ожидают, если мы живыми попадем во власть римлян! Ибо мы первые [41] восстали против них и воюем последними. Я смотрю на это, как на милость Божию, что он даровал нам возможность умереть прекрасной смертью и свободными людьми, чего не суждено другим, неожиданно попавшимся в плен. Мы же знаем наверно — завтра мы в руках врагов; но мы свободны выбрать славную смерть вместе со всеми, которые нам дороги. Этому не могут препятствовать враги, хотя бы они очень хотели живыми нас изловить. С другой стороны, и мы не можем победить их в бою. Быть может в самом начале, когда наши стремления к независимости наткнулись на столь большие препятствия со стороны наших соотечественников и еще большие со стороны неприятеля, мы бы должны были разгадать волю Провидения и уразуметь, что Бог обрек на гибель некогда столь любимый им народ иудейский. Ибо если бы Он был милостив к нам, или менее, по крайней мере, гневался на нас, то не допустил бы гибели столь многих людей, не отдал бы своего священнейшего города на добычу пламени разрушительной ярости врага. Если же все это случилось, можем ли мы надеяться на то, что мы одни из всего еврейского народа уцелеем и спасем нашу свободу? Если б мы не грешили пред Богом и не были бы причастны ни к какой вине, а то ведь мы на этом пути были учителями для других! Вы видите, как Бог осмеял наши суетные надежды! Ведь Он вверг нас в такую беду, которую мы ожидать не могли и которую нам не перенести. Непобедимое положение крепости не послужило нам в пользу; и хотя мы располагаем богатым запасом провианта и имеем в избытке оружие и все необходимое, мы все-таки, по явному предопределению судьбы, лишены всякой надежды на спасение. Еще недавно огонь, устремившийся вначале на врагов, как-то против воли своей обратился против построенной нами стены. Разве это не гнев Божий, постигший нас за многие преступления, которые мы в своей свирепости совершали против своих же соплеменников. Лучше поэтому принять наказание не от наших смертельных врагов — римлян, а от Самого Бога, ибо Божья десница милостивее рук врагов. Пусть наши жены умрут неопозоренными, а наши дети — неизведавшими рабства; вслед затем мы и друг другу сослужим благородную службу: тогда нашим почетным саваном будет наша сохраненная свобода. Но прежде мы истребим огнем наши сокровища и всю крепость. Я знаю хорошо: римляне будут огорчены, когда они не овладеют нами и увидят себя обманутыми в надеждах на добычу. Только съестные припасы мы оставим в целости, ибо это будет свидетельствовать после нашей смерти, что не голод нас принудил, а что мы, как и решились от самого начала, предпочли смерть рабству».

7. Так говорил Элеазар. Но его мнения отнюдь еще не разделяли все присутствовавшие. Одни хотя спешили принять его предложение и чуть не возликовали от радости, так как они смерть считали великой честью для себя, но более мягкие охвачены были жалостью к своим женам и детям; а так как эти тоже видели пред глазами свою верную гибель, то они со слезами переглядывались между собою и тем дали понять о своем несогласии. Элеазар, заметив, что они устрашены и подавлены величием его замысла, побоялся, чтоб они своими воплями и рыданиями не смягчили и тех, которые мужественно выслушали его слова. Ввиду этого он продолжал ободрять их и, глубоко проникнутый величием охватившей его мысли, он повышенным голосом, вперив свой взор в плачущих, сам себя вдохновляя, начал говорить великолепную речь о бессмертии души.

«Жестоко я ошибался, начал он, если я мечтал, что предпринимаю борьбу за свободу с храбрыми воинами, решившимися с честью жить, но и с честью умереть. Оказывается, что вы своей храбростью и мужеством нисколько не возвысились над самыми дюжинными людьми, раз вы трепещете пред смертью тогда, когда она должна освободить вас от величайших мук, когда не следует медлить или ждать чьего-либо призыва. От самого раннего пробуждения сознания в нас нам внушалось унаследованным от отцов божественным учением — а наши предки подкрепляли это и мыслью, и делом — что не смерть, а жизнь — несчастье для людей. Ибо смерть дарует душам свободу и открывает им вход в родное светлое место, где их не могут постигнуть никакие страдания. До тех же пор, пока они находятся в оковах бренного тела и заражены его пороками, они, в сущности говоря, мертвы, так как божественное с тленным не совсем гармонирует. Правда и то, что душа может великое творить и будучи привязана к телу, ибо она делает его своим восприимчивым орудием, управляя невидимо его побуждениями и делами возвышая его над его смертной природой. Но когда она, освободившись от притягивающего ее к земле и навязанного ей бремени, достигает своей настоящей родной обители, тогда только она обретает блаженную мощь и ничем не стесняемую силу, оставаясь невидимой для человеческого взора, как сам Бог. Незрима она собственно во все время пребывания своего в теле: невидимо она приходит и никто не видит ее, когда она опять отходит. Сама она неизменна, а между тем в ней же лежит причина всех перемен, происходящих с телом. Ибо чего только коснется душа, все то живет и процветает, а с чем она разлучается, то вянет и умирает — такова сила бессмертия, присущая ей. Наиболее верное доказательство того, что я вам говорю, дает вам сон, в котором души, нетревожимые телом, отдаваясь самим себе, вкушают самый сладкий покой в общении с Богом, Которому они родственны, повсюду летают и предвещают многое из грядущего. Как же можно бояться смерти, когда так приятен покой во сне? И не бессмысленно ли стремиться к завоеванию свободы при жизни и в то же время не желать себе вечной свободы? Уже в силу воспитания, полученного нами на своей родине, мы должны показать другим пример готовности к смерти. Но если мы тоже нуждаемся в чужих примерах, так взглянем на индусов, у которых можно научиться мудрости. Эти благородные мужи переносят земную жизнь нехотя, как отбытие какой-нибудь повинности природе, и спешат развязать душу от тела. Без горя, без нужды, а только из страстного влечения к бессмертному бытию, они возвещают другим, что намерены уйти от этого мира. Никто не препятствует им, а напротив, каждый считает их счастливыми и дает им поручения к умершим родственникам. Так твердо и незыблемо веруют они в общность жизни душ. По выслушании этих поручений, они предают свое тело огню для того, чтобы как можно чище отделить от него душу, и умирают прославляемые всеми. Близкие им люди провожают их к смерти с более легким сердцем, чем другие своих сограждан в далекое путешествие: оплакивают они самих себя, умерших же они считают блаженными, так как те уже приняты в сонм бессмертных. Не стыдно ли вам будет, если мы покажем себя ниже индусов, если мы своей нерешительностью посрамим наши отечественные законы, служащие предметом зависти для всего мира? Но если б даже нас издавна учили как раз противному, а именно, что земная жизнь — высочайшее благо человека, а смерть есть несчастье, то ведь настоящее наше положение требует, чтобы мы ее мужественно перенесли; ибо и воля Божия, и необходимость толкают нас на смерть. Бог, повидимому, уже давно произнес этот приговор над всей иудейской нацией. Мы должны потерять жизнь, потому что мы не умели жить по Его заветам. Не приписывайте ни самим себе вины, ни римлянам заслуги в том, что война с ними ввергла всех нас в погибель. Не собственное могущество их довело нас до такого положения, но высшая воля, благодаря которой они только кажутся победителями. Разве от римского оружия погибли иудеи в Кесарее? В то время, когда последние и не помышляли об отпадении от римлян, среди субботнего праздника на них напала кесарийская чернь, которая избила их вместе с женами и детьми [42], не встречая ни малейшего сопротивления и не робея даже пред римлянами, которые только отпавших, подобных нам, объявили врагами. Мне, пожалуй,

возразят, что кесарияне всегда жили в разладе с иудеями и, дождавшись удобного момента, выместили лишь старую злобу. Но что можно сказать о иудеях в Скифополисе? В угоду эллинам они подняли оружие против нас вместо того, чтобы в союзе с нами бороться с римлянами. Помогла ли им эта дружба и преданность эллинам? Вместе с семействами своими они были беспощадно умерщвлены ими [43]. Так их отблагодарили за помощь. То, чего они не допускали нас причинять эллинам, постигло их самих, как будто они замышляли против них зло. Однако, слишком долго пришлось бы говорить, если бы я хотел перечислить все в отдельности. Вы знаете, что нет города в Сирии, где не истребляли бы иудеев, хотя последние были нам более враждебны, чем римляне. Дамаскинцы, например, не имея даже возможности выдумать какой-либо благовидный повод, запятнали свой город ужасной резней, умертвив 18 000 иудеев вместе с женами и детьми [44]. Число замученных на смерть в Египте превысило, как мы узнали, 60 000 [45]. Про все эти случаи можно по крайней мере сказать, что иудеи, живя в чужой стране, не находили того, что нужно для успешной борьбы против врага; но разве те, которые в своей собственной стране вели войну с римлянами, не обладали всеми средствами, которые в состоянии сулить несомненную победу? Оружие, стены, непобедимые крепости и мужество, бесстрашно смотревшее в глаза всем опасностям борьбы за освобождение, все сильнее воодушевляло всех на отпадение. Но все это, исполнявшее нас гордых надежд, выдержало лишь очень короткое время и послужило причиной величайших несчастий. Ибо все завоевано и досталось врагам, как будто оно было приготовлено для того, чтобы придать больше блеска их победе, а не чтобы содействовать спасению тех, которые обладали всем этим. Счастливы еще те, которые пали в бою, ибо они умерли сражаясь и не изменив свободе. Но кто не будет жалеть тех многих людей, которые попали в руки римлян? Кто для избавления себя от такой же участи не прибегнет к смерти? Одни из них умирали под пытками, мучимые плетьми и огнем; другие, полусъеденные дикими зверями, сохранялись живыми для их вторичного пира на потеху и издевательство врагов. Но больше всех достойны сожаления те, которые еще живут; они каждый час желают себе смерти и не могут найти ее. А где великий город, центр всей иудейской нации, укрепленный столь многими обводными стенами, защищенный столь многими цитаделями и столь исполинскими башнями, — город, который еле окружила вся масса военных орудий, который вмещал в себе бесчисленное множество людей, сражавшихся за него? Куда он исчез этот город, который Бог, казалось, избрал своим жилищем? До самого основания и с корнем он уничтожен! Единственным памятником его остался лагерь опустошителей, стоящий теперь на его развалинах, несчастные старики, сидящие на пепелище храма, и некоторые женщины, оставленные для удовлетворения бесстыдной похоти врагов. Если кто подумает обо всем этом, как он может еще смотреть на дневной свет, если бы даже он мог жить в безопасности? Кто в такой степени враг отечества, кто так труслив и привязан к жизни, чтобы не жалел о том, что еще живет на свете? О, лучше вы все умерли бы прежде чем увидели святой город опустошенным вражеской рукой, а священный храм так святотатственно разрушенным! Но нас воодушевляла еще не бесславная надежда: быть может нам удастся за все это отмстить врагу. Теперь же, когда и эта надежда потеряна, и мы так одиноко стоим лицом к лицу с бедой, так поспешим же умереть со славой! Умилосердимся над самими собою, над женами и детьми, пока мы еще в состоянии проявить такое милосердие. Для смерти мы рождены и для смерти мы воспитали наших детей. Смерти не могут избежать и самые счастливые. Но терпеть насилия, рабство, видеть, как уводят жен и детей на поругание, — не из тех это зол, которые предопределены человеку законами природы; это люди навлекают на себя своей собственной трусостью, когда они, имея возможность умереть, не хотят умереть прежде чем доживут до всего этого. Мы же в гордой надежде на нашу мужественную силу отпали от римлян и только недавно отвергли их предложение сдаться им на милость. Каждому должно быть ясно, как жестоко они нам будут мстить, когда возьмут нас живыми. Горе юношам, которых молодость и свежесть сил обрекают на продолжительные мучения; горе старикам, которые в своем возрасте не способны перенести страдания. Тут один будет видеть своими

глазами, как уводят его жену на позор; там другой услышит голос своего ребенка, зовущего к себе отца, а он, отец, связан по рукам! Но нет! Пока эти руки еще свободны и умеют еще держать меч, пусть они сослужат нам прекрасную службу. Умрем, не испытав рабства врагов, как люди свободные, вместе с женами и детьми расстанемся с жизнью. Это повелевает нам закон, об этом нас умоляют наши жены и дети, а необходимость этого шага ниспослана нам от Бога. Римляне желают противного: они только опасаются, как бы кто нибудь из нас не умер до падения крепости. Поспешим же к делу. Они лелеют сладкую надежду захватить нас в плен, но мы заставим их ужаснуться картины нашей смерти и изумиться нашей храбрости».

Глава ДЕВЯТАЯ.

Каким образом жители крепости, убежденные, словами Элеазара, все убили друг друга, за исключением двух женщин и пятерых детей.

1. Элеазар хотел еще продолжать свою речь, как они в один голос прервали его, бурно потребовали немедленного исполнения плана и, точно толкаемые демонической силой, разошлись. Всеми овладело какое-то бешенное желание убивать жен, детей и себя самих; каждый старался предшествовать в этом другому, всякий хотел доказать свою храбрость и решимость тем, что он не остался в числе последних. При этом ярость, охватившая их, не ослабела, как можно было бы подумать, когда они приступили к самому делу — нет! До самого конца они остались в том же ожесточении, в какое привела их речь Элеазара. Родственные и семейные чувства у них хотя сохранились, но рассудок брал верх над чувством, а этот рассудок говорил им, что они таким образом действуют для блага любимых ими существ. Обнимая с любовью своих жен, лаская своих детей и со слезами запечатлевая на их устах последние поцелуи, они исполняли над ними свое решение, как будто чужая рука ими повелевала. Их утешением в этих вынужденных убийствах была мысль о тех насилиях, которые ожидали их у неприятеля. И ни один не оказался слишком слабым для этого тяжелого дела, — все убивали своих ближайших родственников одного за другим. Несчастные! Как ужасно должно было быть их положение, когда меньшим из зол казалось им убивать собственной рукой своих жен и детей! Не будучи в состоянии перенесть ужас совершенного ими дела и сознавая, что они как бы провинятся пред убитыми, если переживут их хотя одно мгновение, они поспешно стащили все ценное в одно место, свалили в кучу, сожгли все это, а затем избрали по жребию из своей среды десять человек, которые должны были заколоть всех остальных. Расположившись возле своих жен и детей, охвативши руками их тела, каждый подставлял свое горло десятерым, исполнявшим ужасную обязанность. Когда последние без содрогания пронзили мечами всех, одного за другим, они с тем же условием метали жребий между собою: тот, кому выпал жребий, должен был убить всех девятерых, а в конце самого себя. Все таким образом верили друг другу, что каждый с одинаковым мужеством исполнит общее решение как над другими, так и над собой. И действительно, девять из оставшихся подставили свое горло десятому. Наконец оставшийся самым последним осмотрел еще кучи павших, чтобы убедиться не остался ли при этом великом избиении кто-либо такой, которому нужна его рука, и найдя всех уже мертвыми, поджег дворец, твердой рукой вонзил в себя весь меч до рукояти и пал бок о бок возле своего семейства. Так умерли они с уверенностью, что не оставили ни одной души, которая могла бы попасть во власть римлян. Однако, одна старуха, равно и родственница Элеазара, женщина, которая по своему уму и образованию превосходила большинство своего рода, вместе с пятью детьми спрятались в подземный водопроводный канал в то время, когда всех остальных увлекла мысль об избиении своих близких. Число убитых, включая и женщин и детей, достигло 960. Это ужасное дело совершилось в 15-й день Ксантика [46].

2. Рано утром римляне, в ожидании вооруженного сопротивления, приготовились к сражению, накинули наступательные мосты на крепость и вторглись в нее. Каково же было их удивление, когда вместо ожидаемых врагов на них отовсюду повеяло неприветливой пустотой и кроме клокотавшего внутри огня над всей крепостью царило глубокое молчание.

Озадаченные этим явлением, они, наконец, как при открытии стрельбы, подняли боевой клик для того, чтобы этим вызвать находившихся внутри. Этот клик был услышан женщинами, которые вылезли из подземелья и по порядку рассказали римлянам о всем происшедшем. В особенности одна из этих женщин сумела передать в точности обо всем, что говорилось и делалось. Римляне все-таки не обратили внимания на их рассказ, так как не верили в столь великий подвиг, а постарались потушить пожар, быстро пробили себе путь и втеснились во внутренние помещения дворца. Увидев же здесь в самом деле массу убитых, они не возрадовались гибели неприятелей, а удивлялись только величию их решимости и несокрушимому презрению к смерти такого множества людей.

Глава ДЕСЯТАЯ.

Каким образом многие сикарии, бежавшие в Александрию, навлекают на себя опасность. — Храм, некогда построенный первосвященником Онией, из-за этого опустошается.

1. После того как пала таким образом Масада, римский полководец оставил в ней гарнизон, а сам с остальным войском возвратился в Кесарею, ибо неприятеля уже не было в стране, и вся она продолжительной войной была покорена. Зато теперь иудеи чужих стран начали чувствовать опасность своего тревожного положения. Уже после падения Масады в Александрии, в Египте, погибла масса иудеев. Дело в том, что проникнувшая туда часть партии сикариев, не довольствуясь своим спасением, стала опять поднимать волнения и возбудила многих из оказавших им убежище восстать во имя свободы, не считать римлян лучше себя, повелителем же над собою признать одного Бога. Так как некоторые из знатных иудеев воспротивились им, то они одних убивали, а других беспрерывно подстрекали к восстанию. Сознавая безумие их затеи, знатнейшие члены Совета в видах личной безопасности нашли невозможным дольше терпеть. Они созвали всех иудеев в собрание, раскрыли безумные замыслы сикариев и представили их как виновников всех бедствий. «И вот теперь, продолжали члены Совета, зная, что и удавшееся им бегство не может их окончательно спасти, ибо как только они будут узнаны римлянами, их немедленно казнят, они стараются подвергнуть заслуженной ими участи также и тех, которые никогда ничего общего с ними не имели». Они советовали поэтому народу остерегаться той беды, в которую хотят ввести его сикарии, и выдачей последних в руки римлян доказать свою невиновность. Сознавая всю опасность своего положения и убежденный этими речами, народ с яростью набросился на сикариев и захватил их в плен. Шестьсот человек схвачено было на месте, другие, бежавшие в глубь Египта и в особенности в Фивы [47], вскоре также были переловлены и доставлены обратно. Их стойкость и безумие или сила духа — как угодно это называть — возбуждали тогда всеобщее удивление: всевозможного рода пытки и мучения, которым их подвергали только для того, чтоб они признали императора своим повелителем, не склонили ни одного из них на эту уступку; ни от кого нельзя было добиться этого признанья, а все сохранили свое ничем несокрушимое упорство, точно их тело не было чувствительно ни к огню, ни к другим пыткам, а душа чуть ли не находила усладу в страданиях. Наибольшее удивление зрителей возбуждали дети, ибо и из них никто не поддался на то, чтобы назвать императора своим властелином. Так сила духа превышала слабость тела.

2. Луп, тогдашний правитель в Александрии, поспешил известить императора об этом движении. Тогда император в том убеждении, что мятежническая страсть иудеев никогда не укротится, опасаясь также того, чтоб они, соединившись вместе, не привлекали и других на свою сторону, приказал Лупу разрушить иудейский храм в так называемом Онийском округе. Этот египетский храм обязан своим основанием и именем следующему обстоятельству. Ония сын Симона [48], один из иерусалимских первосвященников, бежал в Александрию от сирийского царя Антиоха, воевавшего с иудеями. Птолемей, находившийся в разладе с Антиохом, принял его дружелюбно [49]. Тогда Ония обещал ему привлечь на его сторону всех иудеев, если он последует его совету. Когда царь согласился сделать все возможное, он

просил у него разрешения построить где-либо в Египте храм и ввести в нем богослужение по иудейскому обряду, ибо тогда, сказал он, иудеи еще решительнее будут бороться с Антиохом, опустошившим иерусалимский храм, а ему, Птолемею, сделаются еще преданнее и много иудеев ради свободы религии переселятся в его страну.

3. Эти соображения понравились Птолемею. Он подарил Онии место в 180 стадиях от Мемфиса, в Гелиопольском номе [50]. Это место Ония укрепил и построил на нем из огромных камней храм, хотя не по образцу иерусалимского, а походивший более на цитадель, вышиною в 60 локтей; жертвеннику же он придал форму иерусалимского и храм украсил такими же священными дарами, как в Иерусалиме. Только для светильника он сделал исключение: вместо стоячего светильника, он изготовил только золотую лампаду, испускавшую лучистый свет и ее он повесил на золотую цепь. Все освященное место он обвел кирпичной стеной, которая была снабжена массивными каменными воротами. Царь затем принес в дар большой участок земли, доходов с которого хватило с избытком на содержание священников и на все нужды богослужения. Намерения Онии в этом предприятии не были безукоризненны: им руководило недоброе чувство к иерусалимским иудеям, внушенное ему памятью о его бегстве, и вот он думал, что постройкой храма ему удастся отвлечь оттуда значительную массу иудеев. Впрочем, существовало еще древнее предсказание, предвозвещенное еще шестьсот лет назад; ибо пророк Исайя прорицал постройку иудеем этого храма в Египте [51]. Таким образом возник храм.

4. Правитель Александрии Луп по получении предписания императора появился в священном округе и запер храм, взяв предварительно оттуда некоторые священные драгоценности. Вскоре затем Луп умер и его преемником в наместничестве сделался Павлин (III, 8, 1). Последний взял из храма все, что там еще оставалось, угрожая при этом священникам жестоким наказанием за утайку чего-либо, и, воспретив иудеям посещение священного места, запер ворота и сделал храм совершенно недоступным, так что в нем не осталось ни следа богослужения. От сооружения храма до его закрытия протекло 343 года [52].

Глава ОДИННАДЦАТАЯ.

О Ионатане, одном из сикариев, поднявшем восстание в Кирене и оказавшемся гнуснейшим доносчиком.

1. Безумием сикариев заразились, как это бывает при повальных болезнях, даже города Кирены [53]. Туда бежал некто Ионатан, весьма низкий человек, по профессии своей ткач, который привлек к себе не мало неимущих, повел их в пустыню, где обещал показать им чудеса и знамения. В то время, когда его плутовские проделки остались еще другими незамеченными, знатные иудеи Кирены сами указали правителю Ливийского Пентаполиса [54] Катуллу на выступление его в пустыню и на его замыслы. Катулл послал пехоту и всадников, которые легко овладели безоружной толпой: большая часть ее пала на месте схватки, другие же все были взяты в плен и доставлены к Катуллу, главный же зачинщик, Ионатан, на первых порах исчез; но после долгих и тщательных розысков по всей стране был задержан. Представши пред правителем, он сумел выхлопотать себе прощение и дал еще Катуллу повод к незаконным действиям, ложно указав на богатейших иудеев, как на руководителей восстания.

2. Катулл жадно ухватился за эти клеветы, преувеличил всю историю и в трагическом описании придал ей важное значение для того, чтобы другим могло казаться, будто бы и он вынес на своих плечах нечто вроде иудейской войны. Но еще печальнее было то, что, относясь доверчиво ко всяким выдумкам, он сам еще наставлял сикариев, как клеветать. Таким образом Ионатан, по приказанию Катулла, дал показание против иудея Александра, с которым последний давно уже находился во вражде, впутал также в заговор жену Александра, Веренику, после чего Катулл приказал обоих казнить, а вслед за ними казнил

сразу всех богатых иудеев в числе 3000. Он думал, что все это останется безнаказанным ввиду того, что имущество убитых было им присоединено к доходам императора.

3. Для того, однако, чтобы иудеи какого-нибудь другого места не вывели на свет его беззаконий, он пошел еще дальше в своем коварстве и уговорил Ионатана и его сопленников обратить обвинение в мятежнических происках против знатнейших иудеев в Александрии и Риме. В число этих столь коварно обвиненных попал также Иосиф, автор настоящей истории. Но Катуллу, вопреки ожиданию, не удались его козни. Он прибыл в Рим и привез с собою в кандалах Ионатана и его товарищей, в той надежде, что если эти ложные обвинения будут поддержаны им лично, тогда будет перерезан путь всякому дальнейшему расследованию. Но Веспасиан, которому дело показалось подозрительным, приказал строжайше исследовать обстоятельства дела и, убедившись в безосновательности обвинения, поднятого против названных лиц, объявил их, по заступничеству Тита, совершенно свободными, а Ионатана напротив приговорил к заслуженной каре: он был подвергнут бичеванию и затем сожжен живым [55].

4. Снисходительности обоих императоров Катулл был тогда обязан тем, что он, хотя признанный виновным, освобожден был от наказания. Но недолго прошло, как его схватила сложная и неизлечимая болезнь. Он умер, наконец, в больших мучениях, терзаемый не только телом, но еще более болезнью духа. Ужасные призраки преследовали его беспрестанно, он все не переставал кричать, что видит возле себя тени им умерщвленных; бывало также, что, теряя самообладание, он соскакивал со своего ложа, как будто к нему применяют пытки и огонь. Недуг его все более ухудшался. Наконец внутренности его начали гнить, пока не выпали совсем — тогда он испустил дух. Случай этот, не менее других, служит явным доказательством того, что божественное провидение наказывает злодеев.

5. На этом я кончаю историю, которую обещал написать со всей старательностью для тех, которые хотят знать, как происходила эта война римлян с иудеями. Насколько успешно выполнено изложение — об этом пусть судят читатели; что же касается верности сообщений, то я смело могу утверждать, что она составляла единственную цель всего моего сочинения.

К О Н Е Ц.

КОММЕНТАРИИ

Введение

[1] Иосиф-бен-Матафий. Имя Флавия присвоено ему от покровительствовавшего ему римского императорского дома Флавиев, основанного Веспасианом.

[2] Иосиф, предавшись Веспасиану, был закован в цепи, от которых он освободился лишь, когда Веспасиан сделался императором.

Предисловие автора

[1] Сочинение это не сохранилось. *Переводчик*

[2] Блестящую параллель между греческими и иудейскими писателями-историками Иосиф делает в другом своем сочинении «Против Апиона» 1, 5, 8 и 9.

ПЕРВАЯ КНИГА

[1] Инициалы в примечаниях, которыми мы сочли необходимым снабдить настоящую книгу, означают: И. В. — «Иудейская война», И. Д. — «Иудейские древности», Ап. — «Против Апиона», Ав. — «Автобиография Иосифа» (все эти сочинения принадлежат перу переводимого нами автора — Иосифа Флавия), М. к. или М. — «1-ая Маккавеевская книга», и до раз. хр. — до разрушения второго храма.

[2] При переведении принятого нами летосчисления на христианское, нужно из данного числа вычесть 70, т. к. начало христианской веры относится к 70-му году до разрушения второго храма.

[3] Вот как эта кровавая драма описывается в М.к.: «Вошел Антиох во святилище с надменностью и взял золотой жертвенник, светильник и все сосуды его: и трапезу предложения, и возлияльники, и чаши, и кадильницы золотые, и завесу, и венцы, и золотое украшение, бывшее снаружи храма, и все обобрал. Взял и серебро, и золото, и драгоценные сосуды, и взял скрытые сокровища, какие отыскал. И взяв все, совершил убийства и говорил, с великой надменностью. Посему был великий плач во Израиле, во всех местах его. Стенали начальники и старейшины, изнемогли девы и юноши и изменилась красота женская. Всякий жених предавался плачу и сидящая в брачном чертоге была в скорби. Вострепетала земля за обитающих на ней, и весь дом Иакова облекся стыдом...

[4] По М. к. Антиох, по прошествии двух лет, вторично овладел Иерусалимом хитростью, вновь разгромил, его, увел много пленных и на этот раз оставил в городе гарнизон, состоявший из чужеземного войска и отщепенцев еврейского народа, братавшихся с греками. Гарнизон этот, с которым впоследствии Маккавеям приходилось, долгое время бороться, укрепился «в городе Давида (Сионе)». — «И было это постоянной засадой для святилища и злым демоном для Израиля. Они проливали невинную кровь вокруг святилища и оскверняли святилище. Жители же Иерусалима разбежались ради них, и он сделался жилищем чужих и стал чужим для своего рода, и дети его оставили его. Святилище его запустело, как пустыня, праздники его обратились в плач, субботы его в поношение, честь его — в унижение». О религиозных преследованиях, воздвигнутых Антиохом против евреев, М. к. рассказывает следующее: «Царь послал чрез вестников грамоты в Иерусалим и города иудейские, чтобы они следовали указаниям, чужим для своей земли, и чтоб не допускались всесожжения и жертвоприношения и возлияния в святильницы, чтобы ругались над субботами и праздниками и оскверняли святилище и святых, чтобы строили жертвенники, храмы и капища идольские, и приносили в жертву свиное мясо и скотов нечистых, и оставляли сыновей своих необрезанными, и оскверняли души их всякою нечистью и мерзостью для того, чтобы забыли закон и изменили всем постановлениям. А если кто не сделает по слову царя, да будет предан смерти...». «И поставил надзирателей над всем народом и повелел городам иудейским приносить жертвы во всяком городе. И собрались к ним многие из народа, все, которые оставили закон, и совершили зло в земле; и заставили Израиля укрываться во всяком убежище его. В пятнадцатый день Хаслева 145-го года (по эре Селевкидов, или 237 до раз. хр.) устроили на жертвеннике мерзость запустения и в городах иудейских кругом построили жертвенники; и пред дверьми домов и на улицах совершали курения; и книги закона какие находили, разрывали и сожигали огнем; у кого находили книгу завета и кто держался закона, того, по повелению царя, предавали смерти. С таким насилием поступали они с Израильтянами, приходившими каждый месяц в город. И в двадцать пятый день месяца, принося жертвы на жертвеннике, который был над алтарем, они, по данному повелению, убивали жен, обрезавших детей своих, а младенцев вешали за шеи их, и дома их расхищали. Но многие во Израиле остались твердыми и укреплялись, чтобы не есть нечистого, и предпочли умереть, чтобы не оскверниться пищею и не поругать святого завета, и умирали. И был весьма великий гнев над Израилем».

[5] В М. к. впервые упоминается о Вакхиде при описании войн Иегуды Маккавея (см. примечание 2-ое к § 6 этой же главы).

[6] По М. к., а также по И. Д. Маттафия был из рода Асмоная, но сын Иоханана, как и по ныне именуют его евреи. Модин был расположен на горе к северу от Иерусалима. Сыновья Маттафии назывались: Иоанн Гаддис, Симон Тасси, Иегуда Маккавей, Елеазар Аваран и Ионатан Апфус.

Иосиф в своих И. Д. называет начальника, убитого Маттафией, не Вакхидом, а Апеллесом. Вот при какой обстановке Маттафией сделан был этот первый шаг к освобождению угнетенного народа от греко-сирийского ига. В Модин пришли уполномоченные от царя для принуждения жителей к жертвоприношениям на языческих

жертвенниках. Начальник отряда обратился тогда к Маттафии и сказал: «Ты вождь, ты славен и велик в этом городе, исполни первый повеление царя, как сделали это все народы, и будешь ты и дом твой в числе друзей царских, и ты, и сыновья твои будете вознаграждены и серебром, и золотом, и многими дарами». И отвечал Маттафия громким голосом пред всем собравшимся народом: «Если и все народы в угоду царя отступят каждый от богов своих отцов и согласятся на его повеления, то я и сыновья мои останемся верными заветам наших предков. Упаси нас Бог оставить закон и постановления! Не послушаем мы слов царя и не отступим от нашей веры вправо или влево... Когда Маттафия умолк, из толпы выступил еврей и направился к жертвеннику, чтобы открыто пред всеми совершить жертвоприношение. Увидев это, Маттафия с яростью набросился на богоотступника, заколол его тут же у жертвенника, убил также и начальника и, разрушив самый жертвенник, бросился по городу с призывными криками: «Кто стоит за святое ученье и верен завету своего Бога, пусть тот идет за мною»! На этот призыв откликнулись все ревнители, — вслед за Асмонаями они бежали в горы и пещеры вместе с женами и детьми. (М., 2, 15-30, И. Д. XII, 6).

[7] Условия договора были написаны на медных досках и посланы римским сенатом в Иерусалим в память мира и союза. Вот текст этого послания. «Благо да будет Римлянам и народу Иудейскому на море и на суше на веки, и меч и враг да будет далеко от них. Если же настанет война прежде у Римлян или у всех союзников их во всем владении их, то народ Иудейский должен оказать им всем сердцем помощь на войне, как потребует того время; и воюющим они не будут ни давать, ни доставлять ни хлеба, ни оружия, ни денег, ни кораблей, ибо так угодно Римлянам; они должны исполнять обязанность свою, ничего не получая. Точно также, если прежде случится война у народа Иудейского, Римляне от души будут помогать им в войне, как потребует того время, и помогающим в войне они не будут давать ни хлеба, ни оружия, ни денег, ни кораблей: так угодно Риму: они должны исполнять свою обязанность, — и без обмана». (М., 8, 23—28). К союзу с римлянами Иегуда прибег уже незадолго перед своей смертью, когда после продолжительных войн с многочисленными неприятелями, после блестящих побед и уже после обновления храма ему пришлось начать новую кровопролитную войну с Дмитрием Селевкием.

[8] См. примечание 4-ое к § 2 этой главы.

[9] Акрой называлась собственно крепость в нижней части города.

[10] Это произошло 25 Хаслова 235 до раз. хр. В память этого события установлен 8-дневний праздник освящения.

[11] По рассказу М. и И. Д. Иегуда не имел никакого непосредственного столкновения с Эпифаном. Последний боролся с ним вначале чрез своих полководцев Аполлония и Сирона; первый был разбит на голову, второй с большими потерями бежал к филистимлянам. Тогда Антиох увидел, что имеет дело с серьезным противником и начал делать большие приготовления к войне. Собрав бессметную армию со всех концов своего обширного государства, он, чтоб держать ее наготове, заплатил солдатам жалованье вперед за весь год; эта беспримерная в истории Селевкидов щедрость до такой степени истощила его казну, что он опасался, как бы не остаться без средств в самом разгаре войны. Ввиду этого он разделил армию на две части: с одной он сам отправился в Персию для взимания поборов и обогащения своей казны, а другую половину войска он оставил под командой Лизиаса, которого назначил наместником тогдашнего царства Селевкидов (от Евфрата до конца Египта). Из этого похода Антиох уже не вернулся: он умер в Вавилонии, узнав пред самой смертью о поражениях его войска. Удалившись в Персию, Антиох приказал Лизиасу стереть с лица земли весь народ иудейский и разделить страну между соседними народностями. Но Иегуда одерживал блестящие победы не только над войском Лизиаса несколько раз обновлявшимся свежими силами, а поражал повсюду исконных врагов иудеев: идумеев, амонитян и других.

[12] Антиох V Евпатор, оставленный своим отцом на воспитании у Лизиаса и возведенный последним на престол сейчас по смерти Эпифана.

[13] В М. показаны другие цифры, а именно: 100000 пехоты, 20000 всадников и 32 слона.

[14] На одной из вершин Иудейских гор, не вдалеке от Хеврона.

[15] К северу от Ветсуры.

[16] Один из важнейших городов Иудеи, к северу от Иерусалима, близ границы Самарии.

[17] Исключая эпизод с Элиазаром, все эти события в М. к. и в И. Д. изложены иначе. Ветсура еще раньше была укреплена Иегудой, как оппозиционный пункт против нашествия идумейских орд. Осада этой первой иудейской крепости, остановившей дальнейшее наступательное движение войска Антиоха, прибывшего чрез Идумею (а не Иудею), длилось очень долго, и попытки взять ее штурмом не привели ни к какому результату, так как осажденные геройски защищались, делали вылазки на неприятеля и сожигали стенобитные орудия. Но принужденные голодом, ветсурцы согласились уступить город царю и после переговоров свободно удалились из него. Оставив гарнизон в покинутой крепости, Антиох двинулся к Иерусалиму и долгое время осаждал храм, где встречал энергичный отпор со стороны защитников святыни. Но и здесь голод одолевал борцов, тем больше, что евреи, бежавшие от угрожавшей им опасности в других странах, искали убежища в Иерусалиме и увеличили собою население города. Рядом с осажденными терпели от недостатка в провианте также и осаждавшие, так как вследствие «седьмого года» поля оставались необработанными, и врагу нечего было грабить в окрестностях города; это обстоятельство заставило Антиоха прекратить осаду. Но была еще одна причина поважнее, которая побудила его к поспешному отступлению. Антиох Эпифан, умирая в Вавилонии, назначил регентом над своим малолетним сыном одного из своих полководцев Филиппа, которому вручил венец и печать. Обладая этими царскими полномочиями и имея в своем распоряжении всю армию, он намеревался овладеть престолом. Видя, что молодой Антиох занят осадой Иерусалима, он поспешил занять тогдашнюю столицу Сирии, Антиохию. Это и заставило Антиоха Евпатора первым заговорить о мире с осажденными. Иудеи охотно согласились на его предложение и, взяв у него обычную клятву, впустили его войско в город. Но Антиох вероломно приказал срыть все сильные укрепления на Сионской горе и, оставив на месте гарнизон, поспешно удалился к Антиохии, которую он силой оружия отнял у Филиппа.

[18] 30 стадий от Ветхорона.

[19] Иосиф пропускает целый ряд событий в Иудее и Сирии и отмечает смерть Иегуды не в той битве, в какой она имела место по более полному и точному рассказу М. К., вполне согласному с фактами, дошедшими до нас из древней истории Сирии. Антиох Евпатор, победивши Филиппа, недолго спустя был убит Димитрием Селевкием, воцарившимся в Сирии. В его царствование выступает Вакхид (быть может тот самый Вакхид, появление которого Иосиф относит к царствованию Антиоха Эпифана), который, поддерживая Ильякима, главаря эллинствовавшей партии, претендовавшего на сан первосвященника и боровшегося с патриотической партиею Иегуды Маккавея. Последний удачно преследовал этого изменника, иго которого оказалось еще несноснее иностранного. Тогда Димитрий послал им на помощь своего главного полководца, Никанора — большого ненавистника Израиля. После небольшой схватки, окончившейся в пользу Иегуды, 13 Адара в Ветхоране состоялось решительное сражение, в котором войско Никанора было разбито на голову и сам Никанор пал в бою. Иудеи с особым торжеством отпраздновали эту великую победу и в память ее установили навсегда праздник, соблюдаемый евреями и поныне в день 13 Адара, накануне Пурима. Заключение союза с римлянами относится также к этому времени, что усматривается также из того, что римский сенат приказал Димитрию прекратить военные

действия против иудеев. Это, однако, не помешало Димитрию продолжать борьбу с Иегудой. Вслед за поражением Никанора он отрядил в Иудею отборное войско под командой Вакхида и Ильякима (Алкима); они наткнулись на Иегуду в тот момент, когда при нем осталось ничтожное ополчение из 800 человек. Вот как в М. К. описывается это замечательное в военной истории сражение, в котором великий, народный герой самой смертью своей прославил свое имя. «Иегуда расположился станом при Елеасе, и три тысячи избранных мужей с ним. Но, увидевши множество войска, как оно многочисленно, они весьма устрашились, и многие из стана его разбежались, и осталось из них не более восьмисот мужей. Когда увидел Иегуда, что разбежалось ополчение его, а война тревожила его, он смутился сердцем, потому что не имел времени собрать их. Он опечалился и сказал оставшимся: «может быть мы в силах будем сражаться с ними». Но они отклоняли его и говорили: «мы не в силах, будем теперь спасать жизнь нашу и потом возвратимся с братьями нашими и тогда будем сражаться против них, а теперь нас мало». Но Иегуда сказал: «нет, да не будет этого со мною, чтобы бежать от них; а если пришел час наш, то умрем мужественно за братьев наших и не оставим нарекания на славу нашу». И двинулось войско из стана и стало против них, и разделилась конница на две части, а впереди войска шли пращники и стрелки, и все сильные передовые воины. Вакхид же находился на правом крыле, и приближались отряды с обеих сторон и трубили трубами. Затрубили трубами и бывшие с Иегудою, и поколебалась земля от шума войск, и было упорное сражение от утра до вечера. Когда увидел Иегуда, что Вакхид и сильнейшая часть его войска находится на правой стороне, то собрались к нему все храбрые сердцем, — и разбито ими правое крыло, и они преследовали их до горы Азота. Когда находившиеся на левом крыле увидели, что правое крыло разбито, то обратились вслед за Иегудою и бывшими с ним с тыла. И сражение было жестокое, и много пало пораженных с той и другой стороны, пал и Иегуда, а прочие обратились в бегство. И взяли Ионатан и Симон Иегуду, брата своего, и похоронили его во гробе отцов его в Модине. И оплакивали его и рыдали о нем сильно все Израильтяне и печалились много дней и говорят: «как пал сильный, спасавший Израиля?»

[20] Более подробный рассказ Иосифа в его И. Д. о событиях, предшествовавших преемничеству Ионатана и последовавших за ним совершенно сходен с тем, что мы находим в М. К. Приводим их вкратце. Смерть великого поборника народных традиций и свободы возвратила бодрость эллинистам — ассимиляторам, которые сделались господствующими и грозными для Иудеи. Наставший тогда голод способствовал переходу на их сторону и народной массы. Они разыскивали лучших людей в стране, наиболее преданных делу освобождения, и выдавали их Вакхиду, который издевался над ними и умерщвлял их под пытками. «И была великая скорбь в Израиле, какой не бывало с того дня, как не видно стало у них пророка». В этой великой нужде друзья народа обратились к Ионатану и избрали его «вождем и начальником?». Первое столкновение с Вакхидом Ионатан имел у Иордана. Вакхид избрал для сражения день субботний, в надежде, что иудеи не нарушат святости этого дня и не окажут никакого сопротивления; но по призыву Ионатана иудеи сражались и победили. Вакхид возвратился в Иерусалим, укрепил многие города в Иудее и в особенности Акру, куда он заключил в качестве заложников сыновей вождей страны и расставил повсюду гарнизоны. Предводитель эллинистов, Ильяким содействовал ему во всем и был даже готов разрушить внутреннюю стену храмового двора, поставленную пророками для защиты храма; но внезапная смерть предупредила приведение в исполнение этого плана. Сейчас после смерти Ильякима, Вакхид вновь появился в Иудее, по наущению эллинистов, обещавших ему быструю и легкую победу над Маккавеями. Ряд чувствительных поражений убедил, однако, Вакхида в ошибочности расчета: он выместил свою злобу на эллинистах, которых умертвил во множестве и начал искать случая, как бы выйти с честью из этой несчастной для него войны. Миролюбивый Ионатан пришел на встречу его желаниям и предложил ему мир. Вакхид согласился на все условия, возвратил пленных иудеев и поклялся больше не

вторгаться в Иудею, что он действительно и исполнил. «И унялся меч в Израиле. И начал Ионатан судить народ и истребил нечестивых из среды Израиля». Лет через пять после описанных событий, в самой Сирии возгорелась борьба между царем Димитрием и братом его Александром (сыном Антиоха Эпифана), возвратившимся из Рима и овладевшим престолом. Оба брата старались на перерыв расположить к себе Ионатана, поддержка которого могла дать перевес той или другой стороне. Иудеи не поверили лживым посланиям и обещаниям Димитрия и предпочли союз с Александром, очень скоро и счастливо окончившим свою войну с братом. В продолжении всего своего семилетнего царствования, Александр сохранял самую тесную дружбу к Ионатану, которого сначала возвел в сан первосвященника, а затем пользовался каждым удобным случаем, чтобы оказывать ему царские почести. Но по истечении семи лет на место Александра воцарился, при помощи Птоломея, сын погибшего Димитрия, Димитрий. Последний, хотя изменнически поступал с иудеями, помогавшими ему в самые критические минуты, но существенных изменений в судьбе Иудеи в его царствование не произошло, так как Ионатан, так же мудр в политике как храбр на войне, умел хоть наружно поддерживать дружеские отношения с изменническим Димитрием. Неизвестно, однако, чем бы кончились эти искусственные мирные отношения, при ненасытной жадности Димитрия, если бы в Сирии вновь не произошел государственный переворот. Главным деятелем является здесь царедворец Трифон, который воспользовался ненавистью войска и народа к Димитрию для того, чтобы возложить корону на молодого Антиоха, сына Александра, воспитавшегося в Аравии, имея в виду впоследствии похитить престол и у этого последнего и основать собою новую династию. Ионатан не замедлил перейти на сторону Антиоха и силой оружия заставил многие города подчиниться молодому царю. Как друга последнего, Трифон, помышлявший о собственном владычестве, убил Ионатана изменническим образом.

[21] Популярность Симона — этого последнего из братьев Маккавеев — начинается еще при жизни Ионатана. Народ видел его всегда сражающимся рядом с Ионатаном или отдельно, во главе самостоятельных отрядов, вверенных его команде старшим братом. Многочисленными победами он возвеличил славу иудейского оружия и содействовал улучшению положения своей отчизны еще при жизни брата. По смерти последнего он сделался естественным его преемником. Времена в Иудее настали теперь другие. Партия эллинствующих, беспощадно преследуемая Ионатаном, потеряла всякое значение и не могла больше вызвать смуты и совратить народ с пути, по которому вели его Маккавеи. Симон по этому не имел надобности, подобно Ионатану, благоразумно молчать и ждать, пока народ сам явится к нему и скажет: «Приди княжить нами». Он сам вызвался быть предводителем народа в трудную минуту. Видя его «в страхе и трепете», он отправился в Иерусалим, собрал народ и сказал: «Сами вы знаете, сколько я и братья мои и дом отца моего сделали ради законов и святыни, знаете войны и угнетения, какие мы испытали. Потому и погибли все братья мои за Израиля, и остался я один. И ныне да не будет того, чтоб я стал щадить жизнь свою во все время угнетения, ибо я — не лучше братьев моих. Но буду мстить за народ мой и за святилище, и за меня, и за детей наших, ибо соединились все народы, чтоб истребить нас по неприязни». «И воспламенился дух народа, как только услышал он такие слова; и отвечали громким голосом и сказали: «Ты — наш вождь на место Иегуды и Ионатана, брата твоего. Веди нашу войну, и что ты ни скажешь нам, мы все сделаем». Народ чувствовал уже себя на столько сильным и независимым, что не ждал утверждения его вождя в сане первосвященника, как особой монаршей милости Селевкидов; на этот раз он сам назначил Симона первосвященником и этот акт усмиряющим образом подействовал на враждебные еврейству языческие народы, которые по смерти Ионатана готовы были опять стеснить иудеев со всех сторон. Одновременно с тем Трифон осуществил свой злодейский план, умертвил малолетнего Антиоха, напялил на себя венец Азии и дал полную волю своим хищническим инстинктам. Симон отправил посольство к Димитрию с просьбой избавить

страну от ига Трифона. В ответ на это предложение последовало очень дружелюбное послание Димитрия — декрет, в котором Иудея объявлена была свободной от всяких податей. Таким образом Иудея при Симоне была освобождена от языческого ига. Правление Симона сделалось началом новой эры для евреев.

[22] Газара (Гезер), около двух миль от Иерусалима к северо-западу — Иоппия — древняя Иафо ныне Яффа. Иамния — ныне Иевна, близ моря, к западу от Иерусалима.

[23] По свидетельству И. Д. и М. К., Симон предоставил им свободный выход, евреи очистили замок от идолов и с большим торжеством отпраздновали этот знаменательный день 23-го Ияра 211 до раз. хр., установив этот праздник на вечные времена. По рассказу Иосифа в И. Д., Симон срыл этот замок и снес даже холм, на котором он стоял, для того, чтобы во всем городе не осталось возвышения выше храма; откуда в известных случаях могло бы угрожать святилищу.

[24] Димитрий меж тем потерпел большое поражение в войне с парфянами, которые взяли его в плен. Но в Селевкии оставалась жена Димитрия, Клеопатра, с детьми. Заручившись доверием войска, она пригласила к себе брата Димитрия, Антиоха Сотера, предложила ему руку и трон. Таким образом Антиох сделался царем вместо Димитрия.

[25] Укрепленный морской город, у западного склона Кармеля, между Кесарией и Птоломаидой.

[27] Иегуда и Маттафия. По М. 11-17, братья Гиркана были убиты одновременно с их отцом.

Птоломей совершил эти убийства с политической целью: начальствуя над Иерихонским округом, владея огромными богатствами, рассчитывая также на помощь сирийского царя, он надеялся, после истребления маккавейского рода, произвести переворот в государстве и сделаться владетелем Иудеи.

[28] Город, лежавший в заиорданской части Палестины, упоминается несколько раз в Библии.

[29] Город Сихем, ныне Наблус.

[30] Гора Гаризим в Самарии.

[31] Самаряне.

[32] Адора, на западе от Хеврона, ныне Дура; Морисса — библейская Мареша, в южной Палестине между Хевроном и Асдодом.

[33] В Галилее вблизи Сепфориса.

[34] На юго-востоке от Генесаретского озера.

[35] Рафия — приморский город на юго-западе; Газа — древний филистимский город, часто упоминаемый в Библии; Анфидон — приморский город к северу от Газы.

[36] Библейское Галан, на востоке от Генесаретского озера.

[37] Сын Антиоха Грина, владел в то время частью Сирии.

[38] И. Д. XIII. 14, город назван Бетаме; положение его неизвестно.

[39] 150 стадий от Иопии, тождествен с городом Кафарсаба, упоминаемым в Талмуде.

[40] Заиорданский город.

[41] Заиорданский город, ныне Джераш.

[42] У Меромского озера.

[43] Крепость в Галилее, игравшая выдающуюся роль в иудео-римской войне.

[44] Библейский город Рабба, древняя столица Аммонитян.

[45] Помпей Великий находился тогда на апогее своего могущества. Народное собрание дало ему неограниченные полномочия, которые сделали его независимым даже от сената: в

его распоряжение отданы были почти все войска, весь флот и вся казна республики. Название «царя царей», данное ему греками, не было пустым звуком: он действительно был повелителем всего римского государства. Окончив войну с пиратами, он отправился в Сирию, сделавшуюся со времен падения селевкидской династии притягательным центром для всех выдающихся римских полководцев: здесь они наживали себе громадные богатства, которые были им так необходимы для удовлетворения безграничного мотовства и необузданной страсти к наслаждениям. Здесь они интриговали между отдельными тиранами, продавали власть тому, кто больше платил и, ослабляя их взаимными распрями, кончали обыкновенно тем, что превращали принадлежавшие им владения в римские провинции. Таковая участь постигла и Иудею. Помпей только что победил Тиграна и Митридата, владычество которых еще не было подкошено Лукуллом. Вся Сирия, Финикия, Киликия, Галатия и Каппадокия подпали под его власть; гордые повелители Востока со всех царств и княжеств приходили к нему с венками и богатыми подарками; и Аристовул прислал великолепный подарок, возбудивший всеобщее удивление: это было чудное произведение искусства, изображавшее собою виноградное дерево и ценившееся в 500 талантов (около 700 000 руб. сер.), впоследствии этот подарок украшал собою юпитерский храм в Риме (Страбон, в И. Д. XIV, 3, 1). Для защиты интересов братьев пред Помпеем явились уполномоченные: от Аристовула — Никодим, а от Гиркана — Антипатр, Помпей со свойственным ему высокомерием приказал послам, чтобы их верители лично явились к нему на суд в Дамаск. В назначенный день предстали пред Помпеем оба брата. Гиркан опирался на свои наследственный нрава; Аристовул ссылался на бессилие самого Гиркана, неспособного внушить к себе уважение, вследствие чего он, Аристовул, считал необходимым занять престол, дабы его не похитил кто-либо другой; но кроме них явился еще третий претендента — народ. Представители последнего жаловались на то, что потомки Маккавеев самовольно присвоили себе царскую власть, и просили Помпея избавить народ от обоих враждующих между собою братьев и предоставить ему самому избрать себе вождя, который правил бы страною не произволом, а по иудейским законам (И. Д. XIV, 3, 2). Во главе этой теократической партии стояли, несомненно, фарисеи, которые ничего хорошего не ожидали от наследственной борьбы и желали поэтому устранить владычество Маккавеев, превратившееся и без того в царское иго для народа. Но в интересах римского властелина было не дать Иудее развиться в свободную республику и не дать ей энергичного монарха, вроде Аристовула, который сумел бы охранять независимость своей державы. Он склонился поэтому на сторону Гиркана, т. е. решил спор в пользу того, который никоим образом не мог править страною без постоянного покровительства римлян.

[46] На юго-востоке от Тивериадского озера, близ Пеллы.

[47] Пелла см. 4, 8. Скиф. — древний Бет-Шан — на северо-восточ. границе Самарии, близ Иордана. Корея — между Сихемом и Силомом. Александрион — близ Кореи.

[48] В подтверждение этого факта, Иосиф ссылается на греческих писателей, Страбона из Каппадокии и Николая из Дамаска, а также римского историка, Ливия (И. Д. XIV, 4, 3).

[49] Около трех миллионов рублей серебром.

[50] Авсалом, сын Гиркана I.

[51] 5 верст от Тивериады, по ту сторону Иордана.

[52] Библейский Асдод, бывший филистимский город.

[53] В этом Иерусалимском несчастьи, говорит Иосиф в I. Д. (XIV, 4, 6), виновата только борьба между Гирканом и Аристовулом: Из-за них мы потеряли нашу свободу, сделались римскими подданными и должны были возвратить сирийцам страну, завоеванную нами силой оружия; не говоря уже о том, что римляне в короткое время взимали с нас свыше 10000 талантов (около 15 000 000 руб. сереб.) и что царское достоинство, остававшееся до сих пор в роде каганов, перешло к людям самого низшего происхождения.

[54] Авл Габиний был прежде народным трибуном в Риме. Его проискам и энергичному заступничеству в народном собрании Помпей был обязан получением царских полномочий. Цель его была попасть вместе с Помпеем в Азию и грабить восточные народы.

[55] После смерти Юлия Цезаря, в заговоре против которого он участвовал, он приобрел безграничную власть над римским государством и имел роковое влияние на судьбу Иудеи.

[56] Морской город между Кесарией и Иоппией.

[57] По (И. Д. XIV, 5, 1) народ не особенно был рад этому аристократическому правлению, введенному Габинием лишь с целью ослабить Иудею и разъединить ее внутренние силы, дабы легче было римлянам властвовать над нею. У Иерусалима — этого могущественного центра иудеев — отнято было значение столицы: по духу реформы Габиния, он должен был считаться обыкновенным окружным городом, наравне с четырьмя другими городами; иерусалимский синедрион семидесяти, управлявший всею страною, был упразднен; вместо него учреждены пять синедрионов, независимых друг от друга; а в составь синедрионов вошли люди, избранные Габинием и, следовательно, преданные римлянам.

[58] Прежде он был сторонником Гиркана и вместе с римлянами боролся против Александра II, сына Аристовула (8, 3).

[59] Взят в плен раненым (И. Д. XIV, 6, 1).

[60] В Египте в то время были два царя, оба побочные сыновья Птоломея Латира: Птоломей Авлет в Александрии и Птоломей Кипрский, — на Кипре. Оба приобрели свою власть подкупом; но теперь римский сенат рассудил, что пора прогнать бессильных царей и присоединить их владения к римскому государству. Посланный сенатом Катон без всякого труда подчинил остров, так как царь его отравился. Авлет же за свои жестокости был изгнан жителями Александрии, передавшими власть зятю его, жрецу Архелаю. Момент был очень удобный для того, чтобы уничтожить египетскую династию и превратить Египет в римскую провинцию. Но Помпей и Красс, подкупленные Авлетом, поручили Габинию возвести его на престол. За исполнение этого поручения Габиний был щедро награжден Авлетом, но по возвращении в Рим он был обвинен во взяточничестве и осужден на изгнание.

[61] Библейский Син — на восточном рукаве устья Нила. Узкие проходы к Пелузию составляли ключ к Египту с Востока, и охрана этого столь важного пункта вверялась иудеям — так высоко было доверие египетских царей к храбрости и преданности своих поданных евреев. Последние пропустили Габиния лишь тогда, когда Гиркан им засвидетельствовал, что он идет на помощь низвергнутому царю.

[62] Александр II прошел чрез всю Иудею и истребил всех встречавшихся ему на пути римлян; уцелевший остаток убежал на гору Гаризин и был осажден иудеями (И. Д. XIV, 6, 2).

[63] Тавор в Галилее.

[64] Частые преобразования, произведенные Габинием в государственном строе Иудеи, не прививались на практике и уничтожались каждый раз, как только он покидал страну.

[65] Этим заканчивается истории походов Помпея и Габиния против иудеев, писанная еще до Иосифа двумя греческими писателями: Страбоном и Николаем (И. Д. XIV, 6, 4).

[66] Красс своей наглостью и алчностью к наживе мог служить прекрасным представителем развращенного до мозга костей тогдашнего римского общества; без всяких дарований, он все свое влияние в Риме и в триумвирате, среди Цезаря и Помпея, поддерживал только своим богатством. Чтобы увеличить свое состояние, он бросился в Сирию, где он беспрепятственно мог грабить расслабленные народы и беззащитные храмы. В Иерусалимском храме, славившемся своими богатствами во всем древнем мире, Красс дал полную волю своим хищническим страстям. Хранитель храмовых сокровищ, каган Элеазар, видя жадность его к золоту, дал ему шесть из чистого золота весом в 300 мин (750 фунтов), взяв у него клятву не трогать всего остального в храме. С этого шеста свешивались

неимоверно дорогие, замечательной работы занавесы. Элеазар боялся за эти занавесы и другие драгоценные украшения храма — он думал утолить жажду римлянина тяжеловесным золотым слитком, невидимо скрывавшимся в полой балке. Но, не взирая на данную клятву, Красс похитил из храма весь денежный фонд и золотые сосуды, в общей сложности на сумму около 15 000 000 руб. (И. Д. XIV, 7, 1). Парфяне, как гласит легенда, наказали ненасытность Красса тем, что влили ему в рот расплавленное золото.

[67] На берегу Тивериадского озера в Галилее.

[68] После страшного поражения Красса все народы Сирии шли навстречу победоносным парфянам, ожидая от них освобождения от римского ига. Вознадеялись на парфян и иудеи, которые под предводительством приверженца Аристовула, Пифолая, спешили присоединиться к союзным войскам, но Кассий, спасшийся бегством из Парфии с уцелевшим остатком римской армии, отрезал им путь (И. Д. XIV, 7, 3).

[69] Триумвират Цезаря, Помпея и Красса был заключен со своекорыстной целью — соединенными силами овладеть республикой. Со смертью Красса в Месопотамии, союз этот был расторгнут. Помпей, оставшись один в Риме, в отсутствие Цезаря, занятого тогда покорением Галлии, стал во главе враждебной последнему аристократической партии (оптиматов). Последняя, терроризируя сенат, попирая законы, действуя без согласия народного собрания, дала Помпею неограниченные полномочия на войну с Цезарем. Дело шло как будто о судьбе республики; но это был лишь обман, которым обольщали народ; вожди партии хорошо знали, что вопрос идет теперь о том, кто из двух соперников будет римским императором: Цезарь или Помпей. Но в то время, когда Цезарь спешил набирать новые войска и скорым маршем двинулся в Италию, изнеженные оптиматы все медлили, так что, когда Цезарь был уже близь Рима, аристократы еще не окончили своих военных приготовлений. Сенат вместе с Помпеем вынужден был бежать из Рима чрез Ионийское море и объявить резиденцией правительства Диррахий.

[70] Римским наместником в Сирии был тогда тесть Помпея, Метелл Сципион. Последний из Сирии и Антипатр из Иудеи посылали Помпею в Диррахий вспомогательные войска. Для противовеса Помпейцам на Востоке Цезарь хотел послать туда Аристовула.

[71] Помпей при Диррахии одержал победу над Цезарем; но при Фессалии он потерпел решительное поражение, бежал оттуда в Египет, где был изменнически убит. Голова его была доставлена Цезарю и с почестями похоронена; тело же, оставленное на песчаном берегу, сделалось добычей хищных зверей.

[72] Митридат Пергамский спешит на помощь Цезарю, очутившемуся в большой опасности в Александрии. Вся масса населения этого города вместе с египетским войском возмутились против Цезаря за его вмешательство в дела династии (дети Птоломея Авлета, Птоломей Дионис и Клеопатра спорили из-за наследства). В то время, когда Рим готовился встретить победителя, последний целых 9 месяцев должен был вести уличную войну с александрийцами и с трудом защищать свою жизнь; Митридат с его союзными войсками вывел Цезаря из безвыходного положения и дал ему возможность не только освободиться из плена, но и овладеть городом.

[73] Еврейское население Мемфиса и Онийского округа присоединились к Митридату после того, как Антипатр прочел им письмо Гиркана, увещевавшее их дружелюбно отнестись к Цезарю (И. Д. XIV, 8, 1). Цезарь, по окончании войны в Египте, наградил евреев тем, что утвердил за ними одинаковые с греками права гражданства. Египет он оставил во власти 18-летней Клеопатры, сделавшейся его наложницей.

[74] Акт этот касался дружеского союза с иудеями и принятия от них в дар золотого щита. Разрешение на обновление иерусалимских стен, разрушенных Помпеем, дано было по просьбе Гиркана (И. Д. XIV, 8, 5).

[75] Ироду было тогда 25 лет (И. Д. XIV 9, 2). Вместе с назначением в Галилее он, как видно из последующего рассказа и как удостоверяет Иосиф в И. Д., получил начальство над всеми иудейскими войсками.

[76] Остатки разбитой армии Аристовула образовали теперь отдельные отряды, избегая открытых сражений, скрываясь в ущельях и каменных утесах (И. В. I, II), они вели партизанскую войну и жестоко мстили римлянам и сирийскому населению за пролитую кровь и позор Иудеи. Эти вольные отряды напоминали собою первую хассидейскую дружину Матафии и Иегуды Маккавея, которая, прежде чем окрепла, действовала также набегами на сирийские селения и войска. Народ видел в них залог своей будущей свободы, патриотическая партия — последнюю опору в своей оппозиционной борьбе против все больше возраставшего римско-идумейского владычества. Один из таких отрядов находился под предводительством Иезеккии. Ирод, который с самого начала вступления своего на политическое поприще выказывал открытое презрение к Иудейскому народу и рабскую лесть к римлянам и всем тогдашним врагам еврейства, начал свою карьеру с того, что истребил отряд Иеэеккии, сделавшийся страшилищем для всей Сирии. Сирийцы, конечно, ликовали и благословляли имя своего избавителя; Иудейский же народ горько оплакивал казнь патриотов и в лице своих лучших представителей требовал привлечения Ирода к суду (§ 7).

[77] Сбивчивый рассказ Иосифа о столкновении Ирода с синедрионом и Гирканом можно со всею последовательностью восстановить по «И. Д.», которые он написал 16 лет после «И. В.» и где он менее восторгается наглостью и зверскими поступками Ирода и не так уже преклоняется пред его политическим гением, выразившимся в продажной и раболепной дружбе с римлянами. Иудейские сановники постоянно ставили на вид Гиркану опасность, грозящую его делу и отечеству от семейства Антипатра; ему доказывали, что его канцлер все более и более оттесняет его назад и приобретает самостоятельную власть себе и своим сыновьям. Но ослепленный Гиркан, или не веря в искренность этих внушений, или сознавая свое собственное бессилие, не решался предпринять что-либо против могущественного идумейского семейства. Когда он узнал, что Антипатр, вымогая от него большие суммы для подкупа влиятельных римлян, посылает эти взятки от своего собственного имени и этим укрепляет свои личные связи с властными людьми, он только добродушно смеялся над этой проделкой Антипатра. Казнь Иезекии и его сподвижников (10, 5) вынудила, однако, Гиркана проявить свою власть; с одной стороны, члены синедриона указывали на этот факт, как на гнусное и дерзкое насилие со стороны идумейского узурпатора; с другой же стороны, матери казненных оглашали своими воплями двор храма и каждый день, когда появлялся туда Гиркан, они припадали к его ногам и умоляли его о наказании убийцы. Почти против воли Гиркан привлек Ирода к суду. Антипатр тогда предупредил своего сына, чтоб он не явился в Иерусалим без стражи. Ирод действительно прибыл с внушительным отрядом; кроме того, Секст Цезарь письменно потребовал от Гиркана освобождения Ирода от всякого наказания, пригрозив при этом в противном случае отомстить за него. Было назначено заседание синедриона, в котором принял участие и Гиркан. Во главе синедриона стояли тогда Семайа и Авталион, перенявшие свой сан от раби Симон-бен-Шетах. Когда судьи заняли свои места, явился обвиняемый. Он предстал в пурпурной мантии, окруженный толпою тяжеловооруженных телохранителей. Такое необычайное зрелище навело страх на членов синедриона; смутился и Гиркан; как пораженные сидели все с потупленными взорами и безмолвствовали. После мучительной паузы поднялся президента синедриона, праведный и неустрашимый Семайа и сказал: «Точно так, как вы судьи и ты мой царь, я в первый раз вижу человека, который, в качестве подсудимого, осмелился бы в таком виде предстать пред вами. До сих пор обвиняемые обыкновенно являлись в траурной одежде, с гладко причесанными волосами, дабы своей покорностью и печальным видом возбудить в верховном совете милость и снисхождение. Но наш друг Ирод, обвиняющийся в убийстве и призванный к суду вследствие такого тяжелого преступления, стоит здесь в порфире, с завитыми

волосами, среди своей вооруженной свиты для того, чтобы, в случае если мы произнесем законный приговор, убить нас и насмеяться над законом. При всем этом я нисколько не упрекаю Ирода, если он своей личной безопасностью дорожит больше чем святостью законов, — виноваты вы все вместе с царем, которые так много позволяли ему до сих пор. Но не забудьте, что наш Бог велик! Придет день, когда тот, которого вы, в угоду Гиркану, хотите оправдать, вас же накажет и не пощадит также и царя (Это предсказание — прибавляет Иосиф — сбылось буквально)». Гиркан, увидев, что члены синедриона, ободренные призывом Семайи, намерены осудить Ирода, велел прервать заседание до следующего дня; тайно же он посоветовал Ироду удалиться из города. Таким образом Ирод избег смертной казни. Прибыв в Дамаск к Сексту Цезарю и видя себя здесь вне опасности, он громогласно заявил, что вторично на суд не явится. Члены синедриона, полные негодования против всего случившегося, упрекали Гиркана в том, что он действует во вред своим собственным интересам. Гиркан, наконец, сам понял опасность своего положения, но по своей нерешительности ничего не предпринимал. Не медлил зато Ирод. Купив у Секста за деньги правление над Келесирией и Самарией, он счел себя уже на столько сильным, что снял с себя прозрачную маску. Тогда пред лицом Иерусалима и всего народа предстал, узурпатор во всей своей ужасающей наготе (И. Д. XIV, 9, 3-5).

[78] Сирийский город на правом берегу Оронта, к югу от Антиохии.

[79] Гай Кассий Лонгин (8, 9) был душой заговора против Юлия Цезаря. Но его единомышленник Марк Антоний после убийства Цезаря заключил триумвират с Октавианом и Лепидом. Прежняя междоусобная война Цезаря с Помпеем повторилась с большим ожесточением — только в других лицах: с одной стороны стоял теперь «второй триумвират», а с другой — Марк Брут и Гай Кассий. Для ведения этой войны Кассию нужны были деньги и войска — он прибыл поэтому в Сирию и грабил здесь не только города и народы, но и частную собственность. Его выражение: «Я им оставил солнечное сияние», относившееся к разоренным им народам, не было простой шуткой,

[80] Около 1 1/2 миллиона рублей.

[81] Лидда и Тамна. Все четыре города были иудейские (И. Д. XIV, 11, 2).

[82] Малих был один из начальников иерусалимского гарнизона, товарищ Пифолая, по оружию (8, 3). Последний перешел, как известно, в ряды Аристовула и Александра: Малих же остался верен Гиркану и из преданности к нему стал преследовать Антипатра, стремления которого были слишком ясны для всех, исключая одного ослепленного Гиркана. Преступления, которые Иосиф навязывает Малиху, состояли в том, что он всегда носился с мыслью об освобождении Иудеи от римского владычества: за это он был в большой немилости у римских наместников, Кассия и Мурка. О тайном обещании Кассия сделать Ирода иудейским царем первый узнал Малих; он убил Антипатра в надежде этим ослабить идумейское семейство и упрочить власть Гиркана (И. Д. XIV, 11, 3).

[83] Убийство Малиха послужило сигналом к открытой войне с идумейскими братьями, и этой войне покровительствовал сам Гиркан (12, 1).

[84] Один из римских полководцев, ставший на сторону Гиркана.

[85] На западном берегу Мертвого моря.

[86] По И. Д. (XIV, 12, 1) — низкого происхождения.

[87] Из страха пред Иродом Гиркан обручил с ним эту знаменитую по своей красоте и трагической жизни Мариамму. Брак состоялся позже, когда Ирод уже был назначен царем и осаждал Иерусалим (17, 8).

[88] Антоний в рядах Габиния сражался тогда с Александром, сыном Аристовула (8, 4).

[89] Тетрарх (четверовластник) — княжеский титул.

[90] В то время, когда Антоний, упоенный любовью к Клеопатре, проводил время в Александрии в сладострастных пирах и шумных оргиях, жена его Фульвия — жестокая и алчная женщина — захватила власть, покинутую ее мужем, объявила от имени последнего триумвират расторгнутым, прогнала Лепида и повела легионы на новую междоусобную войну с Цезарем Октавианом. Последний при Перузии победил своих врагов и сделался властителем Рима. Это новое положение вещей заставило Антония опомниться и вырваться из объятий Клеопатры: он поплыл в Афины, чтобы оттуда начать войну с Цезарем. В его отсутствии парфяне вновь вторглись в Малую Азию и Сирию и овладели римскими областями.

[91] I, 9, 2.

[92] Библейский Акзиб приморский город в Галилее, между Птоломаидой и Тиром.

[93] Александра, — Мариамма была дочь Александры, внучки Гиркана.

[94] Везде, где Иосиф говорит о стечении или о сочувствии народа к Ироду в пределах самой Иудеи, надо подразумевать его соплеменников-идумеев иди самарян; иудеи же, подняв свое оружие после убийства Малиха, беспрерывно и единодушно, хотя очень несчастливо, воевали с Иродом в течение 5-6 лет, пока под натиском римских легионов не пали Иерусалимские твердыни.

[95] Идумейский город.

[96] По И. Д. (XIV, 13, 11) Антигон приказал отрезать уши Гиркану.

[97] См. III кн. Моис. XXI, 17-24.

[98] Преемник Ареты.

[99] Нынешний Бриндизи.

[100] Гай Октавий был внук младшей из сестер Юлия Цезаря, но был усыновлен бездетным Цезарем. По смерти последнего он принял имя Гая Юлия Цезаря Октавиана. Египетский поход упомянут выше; 9, 3, 4.

[101] Выдающийся оратор того времени, друг Ирода, что видно из того что в Дафне, когда Иудейские депутаты жаловались Антонию на насилия Ирода, он принял на себя защиту его (12, 5).

[102] Римляне все еще не отомстили парфянам за страшное поражение Красса, в котором погибло около 40 000 римских солдат. Между тем в настоящее время парфяне владели Малой Азией и Сирией; война с ними была делом решенным — для начала ее уже послан на Восток легат Антония, Вентидий (16, 6).

[103] Ирод, боявшийся в начале своего путешествия беспорядков в Италии (§ 2), прибыл в Рим как раз после Бриндизийского договора, возстановившего на время мир между Антонием и Октавианом. Оба диктатора, соединившись между собою, еще больше унижали сенат, назначая членами его грубых воинов, отпущенников, иноземцев, даже рабов; и сенаторы соперничали друг пред другом в пошлом угодничестве. Между ними были такие низкие люди, что Октавиану впоследствии понадобилось издать указ, запрещавший сенаторам выходить на арену цирка гладиаторами (Георг Вебер III, 956). Таков был сенат, давший Ироду царский сан. Ораторы, восхвалявшие подвиги и, главное, беспредельную преданность римлянам семейства Антипатра, разумно умолчали о его происхождении, так как по общепринятым правилам и понятиям нельзя было возвести в цари человека не княжеского происхождения; а порабощенный сенат видел пред собою любимца диктаторов и не спрашивал о его роде и племени (И. Д. XIV, 16, 5).

[104] Публий Вентидий изгнал парфян после четырехлетнего их владычества над римскими владениями в Азии. Это были первые победы римлян над парфянами, за которые сенат назначил, праздник благодарности богам и триумф возвратившемуся с войны Вентидию.

[105] Ныне Яффа.

[106] Тождественна с упомянутой выше, ХШ, 8, крепостью Тресса.

[107] По И. Д. (XIV, 15, 2) Антигон не возражал глашатаям Ирода, а призвал к стене Силона и его солдат и сказал следующее: «Вы оскорбите ваше собственное римское право, если допустите, чтоб царство досталось Ироду — этому простолюдину и, как идумеянин, только полуиудею, между тем, как по законам страны, правление должно принадлежать только членам царской фамилии. Если вы недовольны лично мною и хотите отнять у меня власть за то, что я ее получил от парфян, то ведь есть еще другие претенденты одного происхождения со мною, обойти которых было бы вопиющей несправедливостью, так как они ни в чем не провинились пред римлянами и принадлежать к тому еще к роду каганов».

[108] Библейский Луд — на иерусалимско-яффской дороге.

[109] Антигон принял на себя продовольствие некоторой части войска на один только месяц. По истечении же этого срока он разослал приказ по всей Иудее, чтобы жители убрали свои хлеба с полей и бежали в горы, думая таким образом обречь римлян на голодную смерть. Но Ирод выручил Силона из беды (И. Д. XIV. 15, 4).

[110] По-еврейски Ципоры — в Галилее, на полудороге между Хаифой и Тивериадой.

[111] К западу от Тивериадского озера. Точное местоположение Арбелы неизвестно.

[112] Описываемые пещеры существуют и теперь в окрестностях Ирбида (невдалеке от западного берега Тивериадского озера), который с большой вероятностью принимают поэтому за бывшую Арбелу.

[113] Обитатели пещер, которых Иосиф клеймит именем разбойников, были несомненно те же патриоты, которые сопротивлялись иноземному владычеству еще при жизни Антипатра (10, 5) и теперь обратили всю свою ненависть против похитителя иудейского престола, Ирода.

[114] Столица сирийской области, Коммагены, владетель которой, Антиох, находился в союзе с парфянами и покровительствовал последним! при их вторжении в Сирию. Антоний должен был взять эту столицу для того, чтобы при переходе чрез Евфрат не оставить в тылу вражеский ему город.

[115] По другим древним источникам осада Самосаты была безуспешна. И действительно, Антоний должен был отложить поход в Парфию на целый год(18, 5).

[116] Антиох — царь Коммагены.

[117] Легион в последний период римской республики состоял из 4200 воинов, делившихся на четыре класса: гастатов (hastati), принципов (principes), триариев (triarii) и велитов (velites). Первые три класса имели полное вооружение, именно: большой щит, металлический нагрудник или кожаный панцирь, меч и два дротика, либо тяжелые копья; легковооруженные велиты носили: меч, легкое копье, круглый щит и кожаный шлем. Кроме того, к каждому легиону были прикомандированы когорты ремесленников, оружейников, резервных солдат, много офицерской прислуги, чиновников, служителей и проч. И так, осадное войско заключало в себе, кроме многочисленных союзных сил, набранных в Сирии, свыше 60 тысяч римских солдат.

[118] Нужда эта в одинаковой мере испытывалась и в городе и в римском лагере, так как осада выпала в «субботний год». (По Моисееву законодательству евреи должны были каждый седьмой год, который назывался «субботним» или «шмитой» дать отдых своей земле и оставить ее невспаханной и незасеянной). Осажденные поэтому делали частые вылазки в окрестности города и очищали их от припасов, дабы последние не доставались римлянам (И. Д. XIV, 16, 2).

[119] В каждом легионе было 60 центурионов, начальствовавших над отдельными взводами.

[120] Святая-святых храма составляли запретное место, куда вход не был дозволен никому из евреев и даже каганам. Один только первосвященник, и то раз в году, в «день всепрощения», входил в это отделение храма для совершения особой службы, установленной Моисеем для этого дня.

[121] По свидетельству Страбона (И. Д. XV, 16, 2), это был первый случай, когда римский полководец убил царя топором. Антоний, по словам этого писателя, избрал эту самую позорную казнь в виду того, что «евреев никоим образом нельзя было заставить признать Ирода царем своим, что их никакими пытками нельзя было принудить к тому, чтобы называть его царем — так высоко они чтили своих прежних царей. Антоний поэтому думал, что казнь топором набросит позорную тень на память Антигона, и вследствие этого ненависть евреев к Ироду ослабнет». Иосиф же, очевидно из лести к римскому дворцу, называет, этот род казни заслуженным Антигоном за то, что последний, законный наследник иудейского престола, принял корону из рук своего народа, не испрашивая на то разрешения римлян. Он даже ни разу не называет царем Антигона, который 3[1[/2 года царствовал фактически, а титулует этим именем Ирода с того момента, как только его назначение было освящено жертвоприношением в юпитерском храме в Риме. — Хотя Ирод еще стоял за стенами иудейской столицы и еще долгое время вел кровопролитную войну со своими будущими подданными, которые добровольно не уступали ему ни единой деревушки, ни единого клочка земли. Впрочем в (XIV, 6, 4) Иосиф дает совершенно иное освещение казни Антигона. Он рассказывает, что «Ирод большой суммой денег склонил Антония на убийство Антигона, ибо боялся, что если Антигон будет препровожден в Рим, тогда сенату станет известно, что свергнутый с престола принадлежит к царскому семейству, а он, Ирод, происходит из низкого рода».

[122] «Со смертью Антигона окончилось владычество Асмонеев, длившееся 129 лет (236-107 лет до раз. хр.). Их трон, говорит Иосиф (И. Д. XIV, 16, 4), перешел к сыну Антипатра, Ироду — человеку низкого происхождения и принадлежавшему к сословию простых подданных».

[123] Достигнув престола путем насилия и кровопролития, Ирод, как всякий похититель власти, начал свое правление с казней и убийств. Образцом служили ему римские диктаторы — его же современники и покровители, Антоний и Цезарь Октавиан, и он подверг Иерусалим тому самому террору, какой свирепствовал в Риме во дни этих самовластных триумвиров. Первыми жертвами мщения Ирода сделались члены Синедриона — те самые, которые девять лет тому назад хотели осудить его на смерть за убийства в Галилее (10, 7): они все пали под секирами палачей, за исключением только двух президентов Синедриона, Семайи и Авталиона. которые, находясь в личных неприязненных отношениях с Антигоном и предвидя неизбежное падение города, советовали народу во время осады добровольно сдаться Ироду. Не менее, чем фарисеев, ненавидел Ирод и родовую аристократию иудеев если первые были ему опасны, как защитники народного права и оплот демократических учреждений в духе национальной религии, то иудейская аристократия заключала в себе элементы, преданные династии Маккавеев и слишком гордые для того, чтобы преклоняться пред незаконной властью идумейского проходимца. Он их обрек на смерть со всеми их семействами и убил в том числе 45 знатнейших граждан Иерусалима. Казни совершились с бесчеловечной жестокостью: креатуры царя, преимущественно идумеи, рыскали по городу, подвергали его противников истязаниям, убивая одних и изувечивая других. Награда за убийства, приобретение милости деспота влекли людей на эти ужасные преступления. Не было места; не было дома, где обреченный на смерть нашел бы убежище, так как дававший приют преследуемому, подвергался таком же самому наказанию. Имущество убитых Ирод конфисковал в свою пользу; у всех ворот были расставлены вооруженные стражники, которые обыскивали трупы умерщвленных, при выносе их из города, и найденные при ннх драгоценности доставляли царю. Он был бы, быть может, менее кровожаден, если бы не

нуждался в деньгах для насыщения алчности Антония и его свиты. Но он был поставлен в необходимость убивать для того, чтобы грабить, и грабить для того, чтобы покупать милость римлян и с их помощью поддерживать свою власть над враждебным ему народом (И. Д. XV, 1, 1, 2).

[124] Ныне Наар-ель-Кебир (большая река) — образует собою границу между Сирией и Палестиной.

[125] Вместо «парфянин» следует читать армянин, как в И. Д. (XV, 4. 3), так как Артабаз или Артавазд был армянским царем. Он изменил римлянам и оставил их одних в Парфии. Антоний очутился там в очень бедственном положении, должен был отступить и при отступлении потерял до 30000 человек. За то он отмстил Артавазду.

[126] Антоний своей разгульной жизнью и безрассудными действиями на Востоке подвергал тяжелому испытанию терпение римского сената, народа и их повелителя Цезаря Октавиана. Своим постыдным походом на парфян он опозорил римское оружие; своей любовной страстью к Клеопатре он унижал гражданское достоинство римлян: он дал своей наложнице титул царицы царей, подарил ей и ее детям римские провинции, Сирию, Киликию Финикию, Кирену и Армению; забывая совершенно о Риме, он заботился только об увеличении блеска Александрии и стремился к тому, чтобы сделать ее столицей всего государства, а Клеопатру — его повелительницей. Сенат объявил войну Клеопатре и Антонию, именовавшемуся ее полководцем, и поручил ведение этой войны Цезарю Октавиану. При Акциуме состоялась морская битва между Антонием и Октавианом. К этой войне готовился также и Ирод, чтобы быть в помощь Антонию.

[127] Война была объявлена аравийскому царю за то, что он отказался платить дань с тех владений, которые были отняты у него Антонием и отданы Клеопатре. Тут страдали также интересы Ирода, так как он арендовал эти владения у Клеопатры и гарантировал ей доходы с них (И. Д. XV, 1, 4, 5, 1).

[128] Библейский Кенаф в Хавране.

[129] По И. Д. (XV, 5, 3) менее 10 000. Преимущественно или исключительно пострадала Саронская долина, где жители были погребены под своими развалившимися домами. С тех пор первосвященники в день всепрощения молились в Святая святых особо за саронцев. (Гретц, III т., Note 18).

[130] В И. Д. (XV, 5, 3) приведена речь более пространная и совсем в другом стиле, но одинакового содержания с этой.

[131] Виновницей этой решительной победы над Антонием была его же возлюбленная Клеопатра, участвовавшая в морской битве при Акциуме в качестве зрительницы. Антоний окружил ее 60 кораблями египетской эскадры для того, чтоб она не подвергалась никакой опасности. Но царица все-таки устрашилась грандиозного морского сражения, в котором, по словам некоторых древних историков, участвовало до 750 кораблей: она покинула место битвы и на всех парусах пустилась в открытое море. Как только увидел Антоний, что она удаляется, он поспешил за ней, оставив весь флот свой и войско без всяких инструкций. Этим была решена победа. Солдаты несколько дней ждали возвращения своего вождя, но, убедившись в его бегстве, они добровольно сдались Октавиану.

[132] Друзья Антония один за другим изменили ему главным образом из ненависти к Клеопатре, которая беспощадно преследовала всех восточных царей и князей, подчиненных ее обожателю. Если б Антоний согласился прервать связь с нею, то он мог бы собрать еще достаточно сил для продолжения войны с Октавианом.

[133] После битвы при Акциуме гладиаторы Антония, находившиеся в Кизике (на Геллеспонте), пытались переплыть в Египет на помощь своему господину, но новый правитель Сирии Квинт Дидий, при помощи Ирода, перерезал им путь.

[134] Ко всему этому Ирод подарил еще Октавиану 800 талантов, (И. Д. XV, 6, 6).

[135] Антоний, покинутый всеми своими друзьями и офицерами, которые изменнически, по тайному приказанию Клеопатры, сдали в руки Октавиана Пелузий, заколол себя мечом в то время, когда Цезарь подступал с войском к Александрии. Клеопатра же, завязавшая тайные переговоры с Цезарем еще при жизни Антония, надеялась очаровать его своей красотой, как прежних римских победителей: Юлия Цезаря и Антония. Но Октавиан устоял против ее чар и решил увезти ее в Рим, чтобы украсить ею свой триумф. Узнав об этом, Клеопатра улучила удобный момент и отравилась. С ее смертью прекратилась династия Птоломеев. Египет сделался римской провинцией. Управление ею поручено было наместнику императора, независимому от сената.

[136] Иудея таким образом была восстановлена в тех же пределах, в каких она существовала при Маккавеях, до братоубийственной войны.

[137] В честь своей победы при Акциуме Октавиан установил достопамятные акцийские игры, происходившие в Никополисе (близ Акциума), каждый пятый год и названные акциадами.

[138] Ныне Хиварион.

[139] Лизаний, — владетель Халкиды, сын породнившегося с домом Асмонеев Птоломея (9, 2), равно как и аравийский царь, Малих, были убиты Антонием в угоду Клеопатре.

[140] Зять Августа и знаменитейший из его полководцев, которому он был обязан своими победами над Помпеем и Антонием.

[141] Не считая обновления иерусалимского храма, все остальные дела Ирода, исчисляемые в следующей главе, можно назвать благочестивыми разве только с точки зрения язычника или вообще — врага иудаизма.

[142] Когда Ирод объявил о своем намерении перестроить храм, народ ужаснулся: одни боялись, что у него не хватит средств для окончания постройки, другие думали, что он подыскивает только предлоги для того, чтобы отнять у народа его святилище. Для устранения этих подозрений Ирод обещал приступить к реставрации храма лишь после заготовки материала и окончания всех подготовительных работ. 1000 подвод было заготовлено для возки камня, нанято 10 000 опытных мастеров и кроме них были обучены строительным ремеслам еще и многие священники. Для постройки собственно храма брались мраморные глыбы, имевшие 5[1[/2 саж. длины, 2[1[/2 саж. ширины и 1[1[/2 саж. толщины. Внутренняя часть храма окончена была в полтора года; остальные постройки, галереи, колоннады (162 колонны в 4 х рядах; каждая колонна имела 27 футов длины, а толщину ее только три человека могли охватить руками; колонны оканчивались на верху роскошными капителями коринфской работы) и башни строились беспрерывно в течение восьми лет. Во все эти годы, говорит Иосиф, дожди шли только ночью и не препятствовали работам (сказание это приводится также и в Талмуде). Иродианский храм своим блеском, величием и объемом значительно превосходил храм Зерувавеля и даже Соломона. Собственно святилище достигло 26 саж. высоты, а окружность храма имела 352 сажени (И. Д. XV, II). Подробное описание Иродианского храма Иосиф дает ниже; И. В. V, 5: 1-6.

[143] Замок этот впервые был построен Иоанном Гирканом и назывался Варисом (3, 3). Ирод, перестроивши его, соединил его также тайным подземным ходом с восточными воротами храма и здесь, у устья подземелья воздвиг высокую башню для того, чтобы спастись туда в случае неожиданного восстания (И. Д. XV, 11, 7).

[144] Себаста или Августа была построена на месте прежней Самарии. Таким образом главное гнездо искони враждебных иудеям самарян или хутеян, разрушенное и срытое до основания Гирканом I (2, 7), было возрождено Иродом.

[145] Ныне Банея.

[146] См. ниже § 9.

[147] Упоминается во 2 главе § 3.

[148] Общее название великолепных зданий, построенных в честь Августа.

[149] Знаменитая в древности афинская гавань.

[150] По всем городским улицам были проведены продольные и поперечные подземные каналы, которые таким образом были сообщены с морем так, что по одним дождевая вода и нечистоты могли выгоняться в море, а по другим напирала морская вода и очищала каналы (И. Д. XV, 9, 6).

[151] Впоследствии Кезарея сделалась резиденцией римского наместника и соперничала во влиянии и могуществе с Иерусалимом. В Кесарее ковались цепи для порабощения Иерусалима. В Кесарее еврейская община подвергалась всегда страшным унижениям и преследованиям, послужившими, наконец, одной из причин восстания всего народа против римлян.

[152] Театры и цирки были построены не только в Цезарее и во многих других провинциальных городах с языческим населением, но даже в еврейской столице — Иерусалиме. Здесь же и устраивались пятилетние игры в честь Августа. Целая сеть языческих колоний и сильных крепостей, как Кесарея, Себаста и другие, возникла уже после иерусалимского театра и была вызвана силой необходимости для Ирода, вследствие именно введения им учреждений, столь чуждых еврейским мировоззрениям. Вот как последовательный ход этих событий излагается в И. Д. Ирод, стремившийся к эмансипации еврейской религии с римскими нравами, учредил пятилетние игры и с большой, расточительностью построил в Иерусалиме театр и амфитеатр, которые были разукрашены римскими трофеями и орлами. Для привлечения лучших атлетов, наездников и музыкантов были назначены неимоверно высокие призы; для вящего удовольствия зрителей были доставлены редкие экземпляры львов и других диких зверей, которых заставляли состязаться между собою или с людьми. «Эти великолепные зрелища, — говорит Иосиф, — (И. Д. XV, 8, 1), служили для чужеземцев предметом удивления и величайших развлечений; но коренные жители (иудеи) усматривали в них полнейшую разнузданность нравов; им (иудеям) казалось явной жестокостью бросать людей на растерзание диким зверям и этим доставлять удовольствие другим людям. Тем более казалось им безбожным заменять такими варварскими обычаями отечественные нравы и законы. Народ никак, не мог мириться с такими нововведениями, явно клонившимися к переформированию чистого иудаизма на римско-греческий лад. Десять иерусалимских граждан уговорились между собою открыто напасть на Ирода и заколоть его в самом театре; если бы не удалось покончить с самим Иродом, то они решились убить несколько человек из его свиты, лишь бы так или иначе выразить всенародно протест против введенных в Иерусалиме театральных зрелищ. Но один из тайных агентов Ирода раскрыл заговор: как только Ирод вошел в театр, ему было указано на этих десять человек, вооруженных под верхним платьем кинжалами. Ирод считал это невероятным; он немедленно покинул ложу, удалился к себе во дворец и приказал привести к себе заговорщиков для допроса. Последние не обнаружили ни раскаяния, ни желания отпираться от задуманного ими плана каждый в отдельности признавался царю, что он был готов убить его и пожертвовать своей собственной жизнью на благо народа и отчизны. Все десять человек были преданы мучительным казням. Не долго спустя шпион, выдавший заговорщиков и сделавшийся предметом всеобщего презрения, попался в руки толпы: его не только убили, но разорвали на куски и бросили на съедение собакам. Хотя множество граждан присутствовало при этой расправе, но никто не указывал на виновных; только некоторые женщины были принуждены пытками к даче показания. Ирод приказал убить виновников смерти шпиона вместе с их женами и детьми. «Все происшедшее, — говорит далее Иосиф (И. Д. XV, 8, 4), — заставило Ирода глубоко призадуматься. Увидя какую стойкость и неустрашимое мужество проявляет народ в сохранении своих законов, он счел необходимым принять меры для своей безопасности. Он решил поэтому оцепить со всех

сторон враждебный ему народ для того, чтобы не дать ему возможности от этих волнений перейти к открытому восстанию. Так как в городе он уже владел двумя укреплениями, а именно: дворцом, в котором сам жил, а также храмовым замком, который он назвал Антонией, то он построил еще третий бастион на месте прежней Самарии, который он назвал Себастой, воздвиг против всего народа крепость на месте Стратоновой Башни и назвал ее Цезареей; точно также он построил замок на Большой долине (вероятно Саронской); далее он укрепил еще Гаву в Галилее и Есобонитиду в Перее. Так он настроил во всей стране крепости и оцепил ими всю нацию кругом. Все эти города он для собственного обеспечения населил своими солдатами и чужестранцами». Таковы были главные мотивы, побудивши Ирода к основанию столь пышных городов, описанных Флавием.

Но одними этими мероприятиями Ирод не ограничивался. В другом месте (И. Д. XV, 10, 4) Иосиф рассказывает: «Нововведениями Ирода, направленными к тому, чтобы подорвать в самом основании религию и добрые нравы, иудеи были чрезвычайно недовольны, весь народ говорил о них с большим негодованием. Чтобы предупредить открытое восстание, Ирод воспретил всякие собрания граждан; они не имели права ни ходить группами по улицам, ни собираться в частных домах; для соблюдения этого приказа везде были расставлены царские соглядатаи; если же кто был уличен в нарушении его, тот подвергался строгому наказанию. Многие граждане, частью открыто, частью тайно были уведены в крепость Гирканион и там были замучены. Повсюду в городах и селах находились шпионы, которые подстерегали всякие сходки. Говорят даже, что по ночам он сам переодевался и смешивался с толпой для того, чтобы выведать мнение народа о его царствовании. Тех, которые не подчинялись ему, он преследовал всевозможными средствами, а других он принуждал присягать ему в верности. Такую клятву он хотел взять с Семайи, Авталиона (президенты синедриона) и их товарищей-фарисеев; но они наотрез отказали ему в этом; тем не менее они были пощажены. Ессеев он также не принуждал к присяге».

[153] Саронской.

[154] Упоминается выше: 4, 7.

[155] На том самом месте, где Ирод одержал победу над иудеями, напавшими на него в то время, когда он бежал из Иерусалима (13, 8).

[156] Окрестности замка были застроены многочисленными домами, которые в действительности образовали вид города (И. Д. XV, 9, 4),

[157] Ныне Тарабул.

[158] Акко.

[159] Дшебель.

[160] Бейрут.

[161] Сур.

[162] Сайда.

[163] Латакия.

[164] Эллины в знак благодарности дали Ироду звание учредителя олимпийских игр (И. Д. XVI, 5, 3).

[165] «Не царя мы имели в Ироде, а лютейшего тирана, какой когда-либо сидел на троне. Он убил бесчисленное множество граждан, но участь тех, которых он пощадил, была такова, что они завидовали умершим, ибо он пытал своих подданных не только поодиночке, а мучил целые города. Иностранные города он разукрашивал, а свои собственные — злоупотреблял. Он чужим народам дал подарки, к которым прилипла кровь иудеев. На месте прежнего благосостояния и добрых старых нравов наступила полнейшая нищета и деморализация. Вообще мы терпели от Ирода больше гнета, чем наши предки за всё века, начиная от исхода из Вавилонии». — Вот что, между прочим, говорили впоследствии

иудейские делегаты римскому императору Августу по поводу царствования Ирода вообще и в частности относительно грандиозных построек и богатых даров, которыми он облагодетельствовал народы Востока и Запада. На деньги, выжатые пытками и убийствами у иудейского народа, занимавшегося преимущественно земледельческим трудом, вознаграждались победители на олимпийских, акцийских и других греческих и римских празднествах; на средства иудеев созидались богатейшие языческие города, воспитывалось греческое юношество в гимназиях, устраивались грандиозные зрелища для увеселения римлян, греков и сирийцев, возрождались разрушенные или сожженные языческие храмы, сооружались мраморные дворцы, прокладывались мраморные дороги. Когда у обнищавшего народа уже нечего было взять, Ирод тайно пробрался в гробницу Давида и похитил оттуда все сокровища (И. Д. XVI, 7, 1). Золотые реки текли из Иудеи по разным направлениям в Сирию, Финикию, Киликию и Малую Азию, текли чрез моря и острова, достигали берегов Италии, Афин и Спарты и повсюду разносили славу о щедрости и великодушии Ирода. Иосиф сопоставляет отношения Ирода к своему собственному народу и чужестранным и из этой параллели выводит весьма меткую характеристику личности Ирода. «Изумительно, в самом деле, говорит он в И. Д. (XVI, 5, 4), видеть в одной душе такие два контраста. Если вспомнить, с какой щедростью и готовностью Ирод оказывал всякого рода благодеяния всем, обращавшимся за его помощью, то никто, даже тот, который менее всего расположен к Ироду, не может отрицать, что этот человек был от природы до крайности добросердечен. Но с другой стороны, если сообразить, с какой насильственностью и зверской жестокостью он обращался со своими подчиненными и самыми близкими к нему людьми, то необходимо, во всяком случае, признать, что это было чуждое для всякого человеческого чувства чудовище. Некоторые поэтому принимают, что это была двойственная натура, которая жила в разладе с самим собою. Я же, напротив, думаю, что обе основные черты его характера происходили из одного и того же источника. Ирод прежде всего был до крайности тщеславен и весь порабощен этой страстью. Исходя из этого чувства, он поэтому всегда старался быть великодушным там, где являлась надежда быть сейчас же прославленным или приобресть себе славу в будущем. Но так как его затраты превышали его силы, то он должен был со всей жестокостью выступать против своих подданных. Все то, что он расточал одному, он должен был насильно выжимать у другого. Так как он хорошо знал, как глубоко ненавидят его подданные за его несправедливости, а переменить обращение с ними он не мог без ущерба для своих доходов, то уже сама народная вражда служила ему поводом к умножению своих богатств. Точно также было с его ближними. Если кто-либо из них говорил то, что ему не нравилось, или не выказывал себя совершеннейшим рабом его, или, наконец, навлек на себя подозрение в посягательстве на его власть, тогда он выходил из себя и неистовствовал против родственников и друзей, как против врагов, — только потому, что задевали его донельзя чувствительное тщеславие. Что эта страсть была преобладающая в нем, лучше всего доказывают мне те почести, которые он оказывал Цезарю (Августу), Агриппе (зятю Августа) и другим его друзьям. В той же мере, в какой он почитал более могущественных себя, он хотел быть и сам почитаем, а его чрезмерные траты указывали именно на его стремления к почестям. Но так как иудейский народ был сдерживаем от всего этого своими законами, так как он почитал справедливость выше всего и не понимал, как можно чествовать человека храмами и статуями, то он состоял не в милости Ирода. В этом, кажется мне, лежит причина бессердечия Ирода к своим близким и подчиненным, рядом с его великодушием к чужим и иноземным народам».

[166] Все эти три казни были совершены Иродом в первые годы своего царствования, еще при жизни протектора его, Антония.

[167] Ирод считал свое положение шатким, пока Гиркан находился в живых и вне его власти: при первом перевороте иудеи могли вызвать его из Парфии и возвратить ему царское достоинство, похищенное узурпатором. Чтобы избавиться от такого опасного

соперника, Ирод снарядил в Парфию своего друга, Сарамаллу, первого сирийского богача (13, 5), и снабдил его подарками и письмами к парфянскому царю, Гиркану и парфянским евреям. Царя и евреев он просил отпустить к нему Гиркана, которому он так много обязан и которому он хочет отдать дань благодарности; Гиркану он писал отдельно, что теперь пришло то время, когда он в состоянии отблагодарить его за все благодеяния и за спасение ему жизни (Ирод, как известно, будучи еще правителем Галилеи, обвинялся в убийстве и избег смертного приговора синедриона только благодаря заступничеству Гиркана); он пламенно просил его возвратиться в Иерусалим для того-де, чтобы вместе с ним делить правление. Легковерный Гиркан дал себя уговорить. Тщетно упрашивали его парфянские евреи не доверять Ироду и не оставить их, так как они оказывали ему чисто царские почести — Гиркан тосковал по родине, по Иерусалимскому храму и остаток дней своих хотел провести в своей столице. Он приехал в Иерусалим, ему было уже за 80 л., и Ирод не пожалел его седины, он убил этого немощного старца, вся вина которого состояла в том, что он, по слабости своей и неспособности к правлению, сам возвысил над собою и всем домом Маккавеев семейство Антипатра. Таков был конец Гиркана II. При жизни своей матери, царицы Александры, он девять лет подряд носил сан первосвященника; после смерти ее он сделался царем, но спустя три месяца он должен был уступить корону своему младшему брату, Аристовулу II. Чрез шесть лет он вновь был возведен в цари Помпеем и царствовал сорок лет, исполняя в то же время обязанности первосвященника. По прошествии этого времени он был изувечен и изгнан из своего отечества Антигоном. Переживши таким образом разные превратности судьбы, достигши глубокой старости, он, бывший царь и первосвященник, был убит в своем собственном царстве тем, которому он сам открыл дорогу к власти и к славе. (И. Д. XV, 2, 1-4, 6, 1-3).

[168] Вступивши на престол, Ирод вызвал из Вавилонии для занятия места первосвященника какого-то безызвестного Ананеля, хотя из рода священников. Туземному арониду он не доверял этого важного поста; тем больше он опасался возвести в сан первосвященника молодого Аристовула — последнего отпрыска Маккавеев, которому этот сан принадлежал по закону и по праву наследства. Но этого позора не могла вынести мать Аристовула, Александра. Находясь в личной дружбе с Клеопатрой и зная, как последняя ненавидит Ирода и как всесильно ее влияние на Антония; она обратилась к ее заступничеству. В то же самое время до слуха Антония дошла всеобщая молва об изумительной красоте детей Александры, Мариаммы и Аристовула. Друг Антония, художник Деллий, прибыв однажды по своим делам в Иудею, был очарован их красотой и выпросил у Александры позволение нарисовать их портреты, для Антония. — «Эти дети показались ему происходившими от богов, а не от людей», сказал после художник Антонию, показав ему их портреты. Антоний так заинтересовался, что хотел увидеть оригиналы. Потребовать к себе Мариамму он постеснялся, так как она была женой Ирода; с другой стороны он боялся ревности Клеопатры. Он поэтому написал Ироду, чтоб он выслал к нему Аристовула. Ирод, однако, не решился исполнить эту просьбу: он боялся, что Антоний, если Аристовул произведет на него впечатление, лишить его короны и назначить царем иудеев законного наследника престола Асмонеев. Он, поэтому, упросил Антония отказаться от своего желания, уверив его, что если только он выпустит Аристовула хоть на шаг из пределов своего государства, то за ним потянется весь народ и мятеж будет неминуем. Одновременно же с тем Ирод, из боязни пред Клеопатрой, решился удовлетворить Александру и устранив Ананеля, назначил на его место первосвященником Аристовула. Народ с радостью увидел на этом священном посту внука своего прежнего царя Аристовула II, павшего в борьбе с римско-идумейским владычеством и оставившего по себе благоговейную память в сердцах всех иудеев. В первый праздник кущей, когда прекрасный юноша в блестящем наряде первосвященника выступил пред алтарем для совершения жертвоприношения, народ пришел в умиленный восторг. Радостные восклицания одних смешались с громким плачем других.

Радовались тому, что опять увидели у алтаря представителя Маккавейской династии; плакали же о несчастной судьбе, постигшей эту славную династию и о том, что этот единственный уцелевший представитель ее не соединяет в своем лице и царскую власть. Энтузиазм был всеобщий. «Народ, говорит Иосиф, не мог устоять против наплыва чувств и дал им более оживленное выражение, чем это можно было себе позволить в царствование Ирода; с неудержимым энтузиазмом он громко приветствовал Аристовула и благодарил его за благодеяния его деда, Аристовула II». Узнав о происшедшем, Ирод решил по возможности скорее исполнить свой злодейский план, давно задуманный им относительно Аристовула. Навестив Александру, он выразил желание совершить прогулку вместе с ее сыном; под этим предлогом он заманил юношу в Иерихон; там он вовлек его в веселую игру, от которой он быстро устал. Ирод предложил ему тогда освежиться в искусственно-устроенном вокруг дворцового двора пруде, где в это время купались молодые галаты из свиты Ирода. Аристовул дал себя уговорить и смешавшись среди молодежи, пустился плавать по пруду. Галаты, предупрежденные приказом Ирода, набросились на него и окунули его в воду — сначала в виде шутки, но затем они опустили его ко дну и так долго держали под водой, пока он не перестал двигаться. Весть о неожиданной смерти Аристовула ввергла в плач весь Иерусалим. Александра же и Мариамма остались безутешными до самой смерти. Ирод, чтобы замаскировать свое участие в этом убийстве, проливал слезы над гробом Аристовула и доставил ему блестящее погребение (И. Д., 2, 4-6, 3, 1-5).

[169] Эта клевета была основана на факте, изложенном в предыдущем примечании.

[170] См. 139-е примечание к § 4, главы 20-й.

[171] Александра была так удручена смертью своего единственного сына, что была готова наложить на себя руку. Эта женщина пережила гибель всех ее родственников из дома Асмонеев: сначала дяди ее, царя Аристовула, приходившегося ей вместе с тем и свекром, затем мужа, Александра, после двоюродного брата Антигона и наконец — родного отца, царя и первосвященника Гиркана. Она осталась со своим сыном — единственной опорой ее давних надежд, которые она глубоко затаила в душе, при всем возраставшем могуществе Ирода, и ради которых она так мужественно и твердо переносила все ее семейные несчастия. Она надеялась, при помощи ли Клеопатры, или при каком-нибудь государственном перевороте, будь это в Риме или в Иудее, увидеть еще на Иудейском престоле своего сына, находившегося в самом цветущем возрасте, обожаемого иудеями и заочно любимого Антонием. Подозрительный Ирод догадывался о видах Александры и сильно побаивался ее: он постоянно окружал ее дворец шпионами, часто подвергал ее домашнему аресту, но уличить ее в чем-либо серьезном не мог. Александра была хитрее своего противника, она обладала изумительной выдержкой характера и сдержанностью, из которой не выводили даже казни ее родных. В самых трагических случаях она находила в себе силы подавить свои чувства и прикрывать кипевшую в ней злобу наружной дружбой и преданностью к Ироду. И все это она делала для того, чтобы тем вернее приблизиться к своей заветной цели и погубить Ирода в тот момент, когда он меньше всего будет ожидать опасности. Когда же умер ее сын, она должна была убедиться, что ее надежды никогда не могут быть осуществлены; жизнь, полная тревог и унижений, без цели впереди, сделалась для нее лишним бременем. Но тут она узнала настоящие причины смерти ее сына; узнала, что он погиб от руки Ирода — и она решилась жить, чтобы мстить убийце. Она опять обратилась к Клеопатре и жаловалась ей на это новое злодейство Ирода. Вследствие энергичного заступничества Клеопатры, Антоний привлек Ирода к ответу. Последний таким образом был вынужден ехать к Антонию для объяснения; но опасаясь за свою жизнь, он оставил правление в руках Иосифа и поручил ему также убить царицу, если его казнит Антоний. Впрочем, Ирод умилостивил Антония значительной суммой денег и возвратился в Иерусалим невредимый (И. Д. XV, 3, 5-8).

[172] При описанном случае был казнен один только Иосиф (без суда), Мариамма же успела доказать свою невинность и заставить Ирода просить у нее прощения за возведенное на нее столь оскорбительное обвинение (И. Д. XV, 3, 10). Но год спустя произошел почти такой же случай. Это было после победы, одержанной Октавианом над Антонием. Положение Ирода было тогда очень опасное; никто не сомневался, что Цезарь казнить его, как горячего приверженца Антония. Тогда Ирод, отправившись в Родос для личного объяснены с победителем Антония (20, 1) и, опасаясь за исход этой поездки, отвел свою мать, сестру и детей в крепость Масаду и оставил их под покровительством брата своего, Ферора; Александру же и Мариамму он заключил в крепость Александрион под надзором одного из своих придворных, Соема. Ферору он приказал захватить в свои руки бразды правления, как только услышит, что Цезарь замышляет против него недоброе, а Соему он оставил инструкцию — убить в таком случае обеих женщин, дабы власть не перешла опять к наследникам Асмонеев (И. Д. XV, 6, 4). Соем, подобно Иосифу, открыл эту тайну своим узницам. Вопреки всем ожиданиям, Ирод возвратился целый и невредимый да еще более облагодетельствованный Цезарем, чем Антонием. Он находился тогда на вершине своего счастья; но дома ожидали его самые горькие испытания: Мариамма, которую он страстно любил, встретила его, как ненавистного врага и с тех пор на все его ласки и уверения в любви отвечала открытым презрением. Это была жестокая месть, которая отравляла все счастье Ирода и делала, ему жизнь невыносимой. Не один раз он был готов убить себя вместе с любимой женщиной; но бурная любовь овладевала им каждый раз, когда он хотел посягать на жизнь Мариаммы. Видя эту страшную душевную борьбу, переживаемую Иродом, сестра его Соломия подкупила царского виночерпия и подослала его к Ироду с доносом на Мариамму, будто последняя уговаривала его отравить царя. Вследствие этого доноса был подвергнут пытке один из преданнейших слуг Мариаммы, с которым царица во всем совещалась. Слуга, однако, ничего не мог сказать по поводу попытки отравить царя, но показал, что царица озлоблена против Ирода за то, что он поручил Соему убить ее. Услышав эту тайну из уст слуги, Ирод опять возгорелся ревностью и приказал убить Соема немедленно. Над женою же он учредил суд из своих друзей и лично выступил в качестве обвинителя. Судьи, видя его в сильно возбужденном состоянии, вынуждены были произнести над Мариаммой смертный приговор. Было, однако, предположено не спешить приведением в исполнение приговора, а некоторое время содержать Мариамму в одной из царских тюрем. Но Соломия употребила все усилия к тому, чтобы казнь была совершена немедленно; она поставила Ироду на вид, что весь народ может восстать за освобождение Мариаммы, если станет известно, что она заточена живой в тюрьму. Мариамма в самой смерти показала, себя истой дочерью Асмонеев: она шла на казнь твердо, не обнаруживая ни малейшей робости и даже не бледнея (И. Д. XV, 7, 1-5).

[173] Любовь Ирода к Мариамме, — говорит Иосиф в И. Д. (XV, 7, 7), — была бурная, самая необыкновенная, доводившая его почти до бешенства; после же смерти ее, как будто в наказание за казнь, совершенную над ней, страсть эта еще больше усилилась в нем. Тело Мариаммы, бальзамированное в меду, долгое время оставалось во дворце и не предавалось земле. Ирод то беседовал с ней, стараясь уверить себя, что она жива, то горько оплакивал ее. Некоторое время он пробовал рассеять свою грусть в пиршествах и попойках, но когда эти шумные увеселения не принесли ему облегчения, он бросился в другую крайность: отлучился даже от государственных дел и всецело отдался своему горю; окружавшим его слугам он приказывал произносить имя Мариаммы. В то же самое время город посетила эпидемия, которая, кроме многих граждан, свела в могилу большую часть друзей Ирода, наиболее им любимых, вследствие чего все начали смотреть на эпидемию, как на кару небесную за несправедливую казнь Мариаммы. Это еще более удручало мрачное душевное состояние Ирода. Под видом поездки на охоту, он удалился в пустыню; но едва пробыл там несколько дней, как он сильно заболел. Болезнь его была продолжительная, упорная и не

поддавалась никакому лечению; к тому же он, страдая, кроме физического недуга, еще и умственным расстройством, не хотел подчиниться предписанной ему диете. Врачи, отчаявшись совершенно в его выздоровлении, предоставили болезнь естественному течению.

Безнадежным положением Ирода, находившегося тогда в Самарии (Себасте) задумала, наконец, воспользоваться Александра: она сделала попытку овладеть двумя крепостями, находившимися в верхней и нижней частях города. Но об этой попытке дано было знать Ироду, и по его приказанию Александра была убита. Ирод же после долгих мучений оправился, но мрачное настроение его уже не покидало: он сделался еще более подозрительным и свирепым и по самым ничтожным причинам убивал лучших своих друзей (И. Д. XV, 7, 8).

[174] Сыновья Мариаммы сделались страшилищем для Саломии и Ферора. Все смотрели на молодых принцев, как на будущих мстителей этих двух главных виновников смерти Мариаммы. Саломия и Ферор увидели себя в страшной опасности и поклялись извести сыновей Мариаммы, пока Ирод еще жив и пока те еще не сделались царями. На этой почве возникла отчаянная борьба, отравившая семейную жизнь Ирода, как при жизни Мариаммы. Тщетно Ирод изыскивал способы к прекращению раздоров в своей семье: брак Аристовула с дочерью Саломии (Вероникой), придуманный им для умиротворения вражды, послужил только к усилению неудовольствия с обеих сторон. Ирод, наконец, возвратил из изгнания Антипатра; этой мерой он надеялся подавить гордость сыновей Мариаммы и усмирить всех остальных членов своей семьи. Но в лице Антипатра Ирод ввел в свой дом демона раздора, разорвавшего всякую связь между членами его семья и между этими последними и самим Иродом (И. Д. XVI, 3).

[175] Греческий текст дает некоторый другой, менее удовлетворительный смысл; мы перевели согласно весьма удачной поправке Havercamp'a (См. его издание сочинений Иосифа Флавия, т. II, стр. 113, примеч. 1).

[176] Маленький остров, на котором находилась резиденция Архелая.

[177] Ирод еще в Риме хотел разделить царство между тремя своими сыновьями, а самому удалиться в частную жизнь; но Август удержал его от отречения от престола (И. Д. XVI 4, 5).

[178] Она сделалась ближайшей советницей Ирода в важнейших делах (И. Д. XVI, 7 2).

[179] Оба были злейшими врагами сыновей Мариаммы еще до возвышения Антипатра (см. примечание к § 1, глава 23).

[180] Родоначальник македонских царей.

[181] Персидский царь.

[182] По И. Д., Саломия сеяла раздор между своей дочерью и ее мужем.

[183] Одного из сыновей Фазаеля (И. Д. XVI, 7, 3).

[184] Мариамма.

[185] Ирод предложил Ферору в жены вторую свою дочь, но Ферор вторично отказался, не пожелав расстаться со своей возлюбленной (И. Д. XVI, 7, 3).

[186] Костобар, знатный идумеянин и, следовательно, соотечественник Ирода, был главным его сподвижником в терроре и проскрипциях, введенных в Иерусалиме сейчас после покорения города римлянами и вступления Ирода на престол, отнятый у Антигона. Костобару была поручена тогда охрана городских ворот, дабы никто не мог спастись от рук Ирода. Усердно исполняя волю своего повелителя и предавая казни знатнейших граждан, он, однако, пощадил вожаков иерусалимской аристократии «Бне-Баба», пользовавшихся могущественным влиянием на народ и состоявших в родстве с Маккавейской династией. «Бне-Баба» были самые преданные приверженцы Антигона и непримиримые враги Ирода; они побуждали народ бороться против него до последней крайности. Взяв город, Ирод

приказал прежде всего казнить «Бне-Баба»; но именно это влиятельное семейство Костобар хотел сохранить для своих личных целей: он скрывал их в потаенном месте в течение десяти лет. Эта тайна была выдана наконец, Ироду Саломией, сделавшейся женой Костобара после убийства первого ее мужа, Иосифа. Костобар вместе с «Бне-Баба» были обезглавлены (И. Д. XV, 7, 8-10).

[187] Жители Трахонитиды, которых император Август подчинил владычеству Ирода, нашли себе покровителя в лице Силлая, фактически правившего Аравией при слабосильном царе Ободе, и отпали от Иудеи. Мятежники зашли так далеко что стали даже производить разбойничьи набеги на Иудею. Так как все зло исходило из Аравии, то Ирод напал на последнюю и силой оружия принудил аравийское правительство к выдаче разбойников. Силлай же, находившийся тогда в Риме, представил это дело императору в таком виде, что Ирод чуть ли не опустошил страну; а между тем Аравия, наравне с другими восточными царствами, была подвластна Риму и следовательно пользовалась неприкосновенностью. Август был такт возмущен поступком Ирода, что прервал дружбу с ним и выразил ему в самой жестокой форме все свое негодование. Тщетно Ирод снаряжал в Рим посольство за посольством для разъяснения дела и возвращения себе милости итератора — Август даже не допускал к себе его послов. Такт Ирод долгое время провел между страхом и надеждой, пока, наконец, известному историку Николаю Дамаскинскому не удалось примирить с ним императора (И. Д. XVI. 9, 4). В интимные сношения со Силлаем Саломия вошла после смерти ее второго мужа, Костобара.

[188] Впечатление этих разоблачений на Ирода было ужасающее, они привели также в трепет весь двор. Александр, повидимому, хотел вовлечь в свою гибель всех своих клеветников и врагов. Он изобразил картину заговора неизмеримого объема. Весь двор полон измены и предательства. Все жаждут смерти царя. Не только он (Александр) один, но и Ферор, и Саломия, и Антипатр, и многие другие члены царской семьи, высшие военные чины и министры, даже такие испытанные друзья царя, как Птоломей и Сапинний — все они охвачены горячкой заговора, все они куют втайне орудия смерти для ненавистного им тирана. Под влиянием этих публичных разоблачений, Ирод начал неистовствовать против всех его окружающих и приближенных: одни были замучены в пытках, другие были обезглавлены, не подвергаясь даже допросу, третьи томились в заточении, а те, которые были пощажены, не были уверены в завтрашнем дне — с минуты на минуту они ждали своей смерти. Сам Ирод, покинутый придворными, удрученный казнями родных и друзей, проклинал свою судьбу, вопиял против всего света и, не зная, как спастись от грозившейся ему опасности; переходил от убийства к убийству (И. Д. XVI, 8, 5).

[189] Речь идет о рабыне, которую Ферор предпочитать дочерям Ирода и из-за которой между ним и братом происходили постоянные столкновения.

[190] Спартанцы считали себя родственниками евреев, производя, как и последние, свое происхождение от Авраама: см. И. Д. XII, 4, 10; XIII, 5, 8, I книга Маккавеев, XII.

[191] В этих жалобах, часто раздававшихся во всей Иудее, Ирод легко мог узнать Александра, ибо Александр и Аристовул были единственные из его семейства, которые искренно скорбели скорбями народа и в свою очередь были любимы народом. Народная любовь — а о ней свидетельствует тот энтузиазм, который впоследствии возбуждало среди иудеев появление Лже-Александра (II, 7) — к сыновьям Мариаммы вызывала зависть Ирода и была основной причиной враждебного настроения Ирода к ним.

[192] По И. Д., Александрион.

[193] Волумний прибыл в Рим как раз в то время, когда Николай, незадолго пред тем отправленный Иродом во главе посольства для примирения с ним императора (См. 4-е примеч. к § 6 главы 24), успешно выполнил свою миссию: он не только возвратил Ироду милость императора, но и добился смертного приговора для оклеветавшего его Силлая. Так

как в то же время получено было известие о смерти аравийского царя Обода, то Август решил было подчинить и Аравию власти Ирода. Но, прочитав бумаги, доставленные Волумнием, он нашел неудобным подарить еще одно царство человеку, который на старости лет враждует со своими сыновьями (И. Д. XVI, 10, 8).

[194] Ирод потребовал от Александра и Аристовула, чтобы они сами от себя написали императору о своих преступных замыслах против него. Братья написали тогда, что никогда они не думали посягать на жизнь отца и ничего не предпринимали в этом направлении. Единственное о чем они думали — это о бегстве и то по вынуждении, так как им слишком тяжело было жить постоянно под страхом подозрений отца.

[195] Ныне Бейрут — в то время римская колония.

[196] Бывший консул.

[197] Несмотря на то, что Август наметил Архелая в числе первоприсутствующих в суде. Собрание, созванное Иродом состояло из 150 человек (И. Д. XVI, 11, 1, 2).

[198] Невдалеке от Бейрута, где происходило собрание. Ирод перевел обвиняемых туда для того, чтобы иметь их вблизи в случае, если потребуется их присутствие на суде.

[199] В И. Д. (XVI, 11, 2) Иосиф говорит, что «Ирод вел себя на суде, как безумный: он даже не дал судьям допрашивать свидетелей и рассматривать документы, а сам руководил судебным следствием, сам отстаивал справедливость доказательств, громко повышал голос и обнаруживал вообще все признаки неугомонной ярости и необузданной жестокости».

[200] Трое сыновей Сатурнина заседали вместе с ним в собрании.

[201] В Тире он встретился с возвратившимся из Рима его посланником, Николаем. Ирод спрашивал его личное мнение и мнение его римских друзей о том, как ему следует поступить с обвиненными. Николай советовал ему не приводить в исполнение приговора суда, а ограничиться до поры до времени содержанием сыновей в заключении. — «Таково также, прибавил он, желание твоих друзей в Риме». Ирод ничего на это по возразил, но и не дал Николаю никаких определенных обещаний (И. Д. XVI, 11, 3).

[202] В И. Д. Терон изображается не сумасшедшим, а отчаянным смельчаком, «открыто высказывавшим все то, что оставалось скрытым в сердцах других». Все, говорит Иосиф, от глубины души скорбели о судьбе несчастных, но никто не осмеливался свободно выражать свои чувства. Вот почему все с радостью слушали проповеди Терона и удивлялись его мужеству, неустрашимости и силе духа, составлявшим столь необычайное явление во времена Ирода (XVI, 11, 4, 5).

[203] До 300 человек (И. Д. XVI, 11, 7).

[204] Прежний город Самария, вновь отстроенный Иродом.

[205] По И. Д. (XVII, 5, 4) надзор за совершением казни принял на себя лично Антипатр.

[206] Александр I Ианнай (Глава 4-ая).

[207] После смерти Ирода они были отосланы к их деду, каппадокийскому царю Архелаю. Впоследствии они перешли в язычество и получили от римлян маленькие царства в Армении.

[208] Феодион, брат Дориды.

[209] Симпатии народа к умершим братьям и антипатию его к виновнику их смерти разделяло также все войско, а это более всего беспокоило Антипатра (И. Д. XVII, 1, 1).

[210] Не считая Мариамны с ее сыновьями и не включая дочерей от разных жен. Но всех детей у Ирода было двенадцать,

[211] Это была другая Мариамна, на которой Ирод женился много лет после смерти царицы. Она была дочерью священника Симона, переехавшего из Александрии в Иерусалим, и славой красоты своей обратила на себя внимание Ирода. Так, как Симон занимал слишком

подчиненное положение для того, чтобы сделаться тестем государя, то Ирод возвел его в сан первосвященника на место Иешуи, преемника Ананеля (И. Д. XV, 9, 3).

[212] Сын Ферора.

[213] Одна дочь его брата, другая — дочь сестры.

[214] Салампсо и Кипра.

[215] Юлия, прежде называвшаяся Ливией, могла бы служить прототипом Саломии: она также всю жизнь была занята вопросом о престолонаследии, интриговала против сыновей Августа от других жен в пользу своего сына Тиберия и отравляла семейную жизнь императора. Ливии приписывают отравление нескольких претендентов на римский престол из рода Августа.

[216] Каллию.

[217] Она прибрала к рукам не только Ферора, но и Антипатра; мать которого играла между ними роль сводницы.

[218] В И. Д. этот факт также не достаточно освещен: фарисеи, в числе 6 000 отказались принести Ироду присягу в верности и были за то подвергнуты денежному штрафу, в уплате которого им пришла на помощь жена Ферора. За эту услугу фарисеи будто предсказали ей, что ее род сменит династию Ирода на иудейском престоле. Ирод тогда, казнил множество фарисеев и не мало из своих придворных, возверовавших в их прорицание (XVII, 2, 4).

[219] По обвинению Николая Дамаскинского император приговорил Силлая к смертной казни, но предварительно отправил его на родину для уплаты Ироду старого долга в 60 талантов (XVI, 10, 8). Ведение процесса об этих 60 талантах обошлось Ироду в целые сотни талантов.

[220] Преемник Ободы, Енея, переименовавшийся в Арету.

[221] В каменистой Аравии.

[222] За выдачу этой тайны Силлай убил Фабата.

[223] В Перею.

[224] Вольноотпущенниками или отпущенниками назывались освобожденные рабы. Более всего распространено было отпущение на волю по завещанию. Но часто хозяин еще при жизни своей даровал свободу рабу за особые заслуги или за долгую верную службу. Отпущенник прибавлял к своему имени родовое и даже личное имя своего господина; он не разрывал связей с господином, а считался членом его семьи, получал долю наследства, иногда и оставался жить в его доме, занимаясь прежней работой.

[225] Женатому на Веренике, дочери Саломии. Брат Дориды.

[226] Вместе с тем Ирод лишил первосвященнического сана отца Мариамны, Симона, и назначил на его место Маттафию, сына Теофила (И. Д. XVII, 4, 2).

[227] И яд и письма были присланы Антипатром из Рима через Бафилла, который выдал их под пытками.

[228] Первый — от Малтаки, второй — от Клеопатры.

[229] Преемник Сатурнина.

[230] Николай Дамаскинский, тот самый, который прежде защищал Ирода пред императором.

[231] Римская императрица.

[232] Еврейка (И. Д. XVII, 5, 7).

[233] Сын самарянки Малтаки.

[234] По И. Д., сын Сарифея.

[235] По И. Д., сын Маргалофа.

[236] По Моисееву законодательству употребление всякого рода изваяний и изображений живых существ евреям воспрещено безусловно, даже и вне пределов храма (см. Второзаконие IV, 16-20 и параллельные места).

[237] Орел был гигантской величины и служил символом римского владычества.

[238] По И. Д., схвачены были те, которые не хотели даже бежать, а мужественно встретили военный отряд. Вместе с учениками остались на месте и их учителя: Иегуда и Матфия, которые также были приведены к царю (XVII, 6, 3).

[239] Местом казни по И. Д., был Иерихон, где Ирод совершил почти все политические казни, так как в этом городе, укрепленном новой цитаделью и населенном им солдатами и преданной ему чернью разных племен, Ирод чувствовал себя вообще безопаснее, чем в Иерусалиме. При описанном случае Ирод устранил от должности первосвященника Маттафию, с ведома и одобрения которого был уничтожен орел, и назначил на его место Иозара (XVII, 6, 4). Это уже был шестой первосвященник в царствовании Ирода: Ананель, Аристовул, Иешуа, Симон, Маттафия и Иозар. Казнь именитых законоучителей и замещение Маттафии Иозаром вызвали сейчас после смерти Ирода восстание в Иерусалиме (II, 1, 2).

[240] Мертвое море; Асфальтовым оно называется потому, что оно изобилует асфальтом, находящимся на дне его и всплывающим кусками на поверхность воды при сильной буре. По свидетельству арабов, ныне населяющих эту местность, на берегу моря кругом есть много месть, где жидкий асфальт подымается вверх из-под земли.

[241] Фарисеи действительно причислили день смерти Ирода (2-го Шевата) к числу полупраздников.

[242] По И. Д., Ирод предназначил к закланию огромную массу людей: по одной жертве от каждого знатного Иудейского семейства. Они должны были быть убиты сейчас после смерти Ирода, но до объявления ее солдатам.

[243] По поводу этой казни Август произнес известную фразу: «лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном».

[244] По этому измененному завещанию Ирод раздробил царство Израильское на мелкие княжества. Архелай, сын самарянки, был назначен царем только над Иудеей и Самарией; Антипа — прежний престолонаследник — назначен был тетрархом над Галилеей и Переей. Гавлонитида, Трахонитида, Батанея и Панея (на северо-востоке от Иудеи) образовали другую тетрархию, которая отдана была Филиппу — сыну Клеопатры. Наконец, Саломия получила по завещанию: Иамнию, Азот и Фазаелиду (И. Д. XVII, 8, 1).

[245] Заведовавший финансами при Ироде.

[246] 35 верст. Ирод был погребен в крепости Иродионе, построенном им для увековечения своего собственного имени на юге от Иерусалима, на расстоянии 60 стадий от него. Крепость, в действительности, отстояла от Иерихона приблизительно на 200 стадий. Между словами Иосифа (И. Д. XVII. 8, 3) «они шли по направлению в Иродион восемь стадий» и его показаниям здесь — противоречия нет. В первом месте он только сообщает, сколько стадий торжественный кортеж провожал тело Ирода, в последнем же месте он показывает действительное расстояние крепости от Иерихона. См. примечание Havercamp'a к этому месту (т. II, стр. 142) и Schurer, Geschichte. I, стр. 345.

ВТОРАЯ КНИГА

[1] Иудеи платили Ироду: поголовную подать, поземельный налог, налог с домов, пошлину с товаров, привозимых на рынок, и некоторые другие пошлины.

[2] По И. Д., граждане предварительно совещались между собой и затем от имени собрания, потребовали от Архелая устранения Иозара и наиболее близких друзей Ирода.

[3] Когорта имела в своем составе от 500 до 1000 солдат.

[4] Сабин занимал пост, хотя независимый от Вара, но с более ограниченными полномочиями. Вар был правителем Сирии, а Сабин заведовал финансовой частью, в качестве квестора этой провинции.

[5] В свите Ирода были два Птоломея, из которых один, заведовавший финансами и хранитель перстня царя, поддерживал права Архелая, а другой, брат Николая Дамаскинского и как последний близкий друг Ирода, стоял на стороне Антипы.

[6] Тот самый, которого Август наметил наследником своего престола и который из-за этого был отравлен женой Августа, Ливией, переименовавшей себя впоследствии в Юлию.

[7] По И. Д. восстание уже открылось; но Вар приостановил его казнью коноводов и переводом в Иерусалим целого легиона, т. е. третьей части всей римской армии, расположенной тогда в Сирии.

[8] Эти вооруженные рабы шныряли по улицам города и оскорбляли граждан, что послужило ближайшей причиной возобновления восстания (И. Д. XVII, 10, 1).

[9] Чужеземные солдаты, облагодетельствованные Иродом, получившие от него пышный город Себасту, построенный на месте прежней Самарии, много пахотной земли и образцовое самоуправление (I, 21, 2).

[10] За убийство этого патриота, мстившего за свой народ набегами на римлян и сирийцев, Ирод был тогда привлечен к суду синедриона. Иуда унаследовал от своего отца пламенную ненависть к римлянам и всякому игу вообще. Он стремился к восстановлению «царства Божия», т. е. республиканского правления на началах иудейской религии, и был ярым врагом римлян. Он вероятно тождественен с Иудой Галилеянином, который впоследствии играл выдающуюся роль и образовал партию так называемых «зелотов».

[11] В рукописях и изданиях Иосифа Флавия название стрелков, содействовавших Грату в его борьбе против Симона, читается различно. Мы следуем чтению Havercamp'a, подтверждаемому латинским переводом Руфина. Речь, может быть, идет о конных стрелках, прибывших из Вавилонии во время правления Сирией Сатурнином в количестве 500 человек под начальством некоего Замариса, которых Ирод поселил в Батанее на границе Трахонеи. См. об этой вавилонской колонии и дарованных ей Иродом привилегиях И. Д. XIII, 2, 1-2.

[12] Город по ту сторону Иордана впоследствии переименованный Иродом Антипой в Ливию. В параллельном месте И. Д. XVII, 10, 6 вместо этого города упоминается другой по имени Amatha, но это ошибка, вкравшаяся в текст. См. Schurer, Geschichte, II, 125.

[13] В И. Д. XVII, 12, 2 пастух этот назван Афронг.

[14] Сотник, т. е. начальник центурии, состоявшей, хотя и не всегда, но большею частью, из ста человек.

[15] Жители Сепфоры принадлежали к патриотической партии Иуды, сына Иезекии. Сам Иуда спасся тогда от рук римлян.

[16] Себаста.

[17] Не считая арабских и других вспомогательных отрядов, одних только римских солдат было до 20 000.

[18] Сабин сознавал, что восстание иудеев вызвано было его насилиями; к тому же он вторгся в Иерусалим вопреки данному им Вару и Архелаю обещанию не ехать туда и, наконец, позволил себе еще ограбить храм.

[19] Погром Вара приравнивается Иосифом (Против Апиона, I, 7) к войнам Антиоха Эпифана и Помпея в том отношении, что в нем, равно как и в тех войнах, погибли архивы и родословные записи, вследствие чего Коганы должны были составить новые генеалогии. Впоследствии Вар со всей вверенной ему римской армией погиб в борьбе с германцами. К его поражению относится восклицание Августа: «Вар, отдай мне мои легионы?».

[20] Начало колонизации евреев в Риме не поддается точному определению. Сношения Иудеи с Римом начались при первых Маккавеях, и с тех пор евреи, вероятно, стали селиться в Риме. Образование первой более значительной еврейской колонии в Риме относится ко времени Помпея, привезшего туда многочисленных еврейских пленников. Получив право римских граждан, они поселились по ту сторону Тибра и организовались там в самостоятельную еврейскую общину. О влиянии римских евреев свидетельствует, например, тот факт, что знаменитый Цицерон должен был скрывать от евреев свою ненависть к ним.

[21] Сами же родственники, как видно из следующего §, примкнули к иудейской депутации.

[22] Т. е. открыто бороться против своего врага.

[23] Иудеи, как видно, предпочитали вассальную зависимость от римлян нестерпимому гнету идумейской династии. Они могли надеяться, что под скипетром Рима в Иудее восстановится тот же порядок, какой существовал в ней в домаккавейскую эпоху — сначала под властью Персии, а затем Египта и Сирии, — т. е., внутреннее управление страной будет вверено первосвященнику и синедриону, которые будут нести ответственность за внесение определенной дани в императорскую казну.

[24] По И. Д., весь этот разговор произошел лично с императором.

[25] По И. Д., на десятом году.

[26] Так как они созревают раз в лето.

[27] О царствовании Архелая сообщаются в И. Д. следующие краткие сведения. Первосвященник Иоазар был им устранен, но не потому, что этого требовал народ (II, 1, 2), а вследствие обвинения его в участии в восстании. Назначенный на его место Элеазар (брат Иоазара) должен был вскоре уступить место третьему первосвященнику, по одному показанию Иосифа, — Иосуа, а по другому — тому же Иоазару, который был первосвященником до Элеазара. Унаследованную им от отца страсть к строениям Архелай проявил в обновлении сожженного царского дворца в Иерихоне, основании нового города для увековечения собственного имени и разведении пальмовой рощи с искусственным орошением.

[28] Евреи, по свидетельству Иосифа, осуждали Архелая за этот брак, не дозволенный ни законом, ни обычаем.

[29] Всадники происходили из самых знатных патрицийских семей.

[30] Копоний начинает собою длинный ряд так называемых прокураторов (procuratores и praesides были титулы, присвоенные наместникам императора в Иудее) Иудеи, обращенной Августом в императорскую провинцию и присоединенной к сирийскому наместничеству. (Август разделил римские провинции на императорские и сенатские; Сирия составляла императорскую провинцию, находилась в непосредственной зависимости от императора и испытывала больше гнета, чем все остальные). Иудея была лишена и тени самостоятельности. Законодательное собрание и синедрион потеряло и то весьма ограниченное значение, которое сохранялось еще за ним при Ироде и Архелае: прокураторы, облеченные безграничной властью, могли отменять его постановления; им принадлежало даже право назначения и устранения первосвященника. Евреи должны были во всех документах выставлять год царствования императора, вместо употреблявшегося ими раньше летосчисления по вступлению на престол их собственных царей. Резиденцией прокураторов была Кесарея; но и в самом Иерусалиме стоял постоянный гарнизон; здесь же имел постоянное пребывание целый штат римских начальников и чиновников, заведовавших разными учреждениями, блюстивших за порядком и хозяйничавших в городе по собственному произволу, точно также как прокуратор по своему произволу тиранизировал всю страну.

[31] Это одно из таких мест, где автор, движимый в этих случаях патриотическим чувством, не договаривает истины, преднамеренно скрывая ее от римского читателя. В дальнейшей своей истории Иосиф с неумолимой настойчивостью проводит ту неоспоримую мысль, что иудейская война была делом рук самих римских прокураторов, что последние, желая оправдать пред императорами свой возмутительный произвол и гнусные насилия над народом, употребляли все усилия к тому, чтобы вынудить его к восстанию, дабы после показать, что таким беспокойным и жестоковыйным народом нельзя было управлять иначе, как суровостью. Преследуя такую цель, автор постеснялся наряду с этим открыть римлянам, что собственно та партия, которая сделалась душой революции и причиняла римскому государству больше тревог и хлопот, чем галлы и германцы, что эта знаменитая партия, известная под именем ревнителей, зелотов (канаим), зародилась в иудейской среде еще при первом прокураторе; одновременно с тем, как Иудея была превращена в римскую провинцию. А между тем об этой именно партии идет речь в настоящей главе. В И. Д. Иосиф сознается, что основателями партии ревнителей были Иегуда из Галилеи (сын Иезекии, поднявший оружие против римлян еще в первом году царствования Архелая) вместе с фарисеем Цаддоком. «Их приверженцы, продолжает Иосиф, во всем были солидарны с фарисеями, но обладали к тому необузданной любовью к свободе. Одного только Бога они признавали своим господином и царем. Никакая смерть не казалась им страшною да и никакое убийство (даже родственников и друзей) их не удерживало от того, чтобы отстоять принципы свободы. Но я считаю лишним распространяться о них больше, так как в их упрямой твердости мог убедиться почти каждый воочию. Я не должен бояться не найти веры в мои слова, а, напротив — чтобы мои слова не показались слишком бледным изображением того величия духа и геройского мужества, которые их отличали».

Цаддок и Иуда открыли свои действия еще при первом прокураторе, Копонии. Они были вызваны на это следующим обстоятельством. Одновременно с Копонием послан был императором в Сирию сенатор и бывший консул Квириний для производства переписи имущества. Эта мера, принятая для приведения в известность имущественного ценза провинций и умножения доходов с них в виде наложения на имущество новых налогов, показалась евреям, не имевшим до той поры никакого представления о подобного рода переписях, в высшей степени оскорбительной и подозрительной. Слово «ценз» (census) с того времени стало обозначать всякий денежный штраф (кенас); лица, являвшиеся исполнителями введенной римлянами податной системы, были открыто презираемы: их показания в качестве свидетелей на суде не пользовались доверием. Даже самые умеренные фарисеи негодовали против этой податной системы, высасывавшей все соки населения. Но те с терпением и смирением переносили это унижение; ревнители же, ставшие под знаменем Цаддока и Иуды, считали такую покорность позором для отечества и религии и начали сеять семя революции в народе (И. Д. XVIII, 1.).

[32] В И. Д. безбрачие ессеев объясняется тем, что они считали женщин источником всяких дрязг.

[33] По этому поводу Иосиф в И. Д. говорит: «Но самого большого удивления, наивысшей славы, на какую только может претендовать добродетель, заслуживают ессеи достижением ими полного уравнения имущества, о чем ни греки, ни другие народы не имеют даже понятия и что введено ессеями не со вчерашнего дня, а с давних лет; а между тем на этих началах живет свыше четырех тысяч человек. Для заведывания доходами с их общего имущества и полей, которыми богатые не могут пользоваться в большей мере, чем неимущие, они выбирают лучших людей, а для приготовления хлеба и пищи — священников» (XVIII, 1, 4).

[34] Ессеи почти исключительно занимались земледелием.

[35] 11 часов утра.

[36] Ессеи занимались врачеванием, для чего они, кроме целебных трав, пускали в ход также нашептывания и заклинания. Неизвестно, о каких сочинениях здесь идет речь, но очевидно, что не о книгах Священного Писания. Впрочем, далее сообщается, что ессеи имели свои книги, которые всякий член должен был хранить как святыню. Литература ессейская несомненно существовала, но мы о ней почти ничего не знаем. Некоторый апокалиптические сочинения, дошедшие до нас, по мнению ученых, ессейского происхождения, но это вопрос еще спорный.

[37] Назначение этого орудия поясняется ниже.

[38] Этим странным обычаем, имеющим свое основание во Второзаконии 28, 12, 13, по справедливому замечанию Скалигера, объясняется воздержание ессеев от испражнения в субботу, так как им приходилось бы тогда копать, что считается запрещенной в субботу работой.

[39] Сообщенные Иосифом Флавием в этой главе сведения об ессеях этом замечательном и своеобразном еврейском ордене, игравшем немаловажную роль в истории, дополняются известиями о них того же автора (И. Д. XIII, 5, 9; XV, 10, 4-5; XVIII, 1, 5), затем Филона (Quod omnis probus liber, 12-13, и отрывком, сохранившимся у Евсевия, (Praeparatio evangelica, VIII, II) и, наконец, Плиния (Hist. Nat. V, 17). Но не смотря на это сравнительное богатство материала и многочисленные исследования, посвященные европейскими учеными этому предмету, вопрос о происхождении ессеев все еще остается не вполне разъясненным. Даже этимология и значение имени ессеев еще не окончательно установлены. Нет сомнения, что ессеизм получил свое начало в Палестине и вырос на почве иудаизма. Основные части его учения имеют свои корни в самом еврействе, и можно, поэтому, с большой вероятностью допустить, что ессейский орден образовался из среды тех «хассидеев», которые во время борьбы против эллинизма проявили такую замечательную энергию и такое редкое самоотвержение в деле защиты веры отцов. Нельзя, однако, не заметить в ессеизме и некоторых посторонних элементов, чуждых еврейству и привившихся ему как будто извне. В особенности поражает обычай их обращаться утром с молитвой к солнцу. Отвержение брака и весь аскетический характер ордена также не совсем согласуются с воззрениями чистого иудаизма. Не без основания, поэтому, полагали, что ессеизм не чужд и некоторому внешнему влиянию. Сам Иосиф Флавий, как мы видели, проводит параллель между учением ессеев о бессмертии души и воззрениями греков на этот предмет; в другом же месте (И. Д, XV, 10, 4) он прямо сопоставляет ессеизм с пифагореизмом. В действительности нельзя не заметить много сходного между обоими этими учениями. На это в особенности обратил внимание известный знаток греческой философии, Эдуард Целлер (Die Philosophie der Griechen, Theil III, Abth. 2, стр. 277-338 третьего издания, и Ueber den Zusammenhang des Essaismus mit dem Griechenthume в Theolog. Jahrbucher 1856, стр. 401-433). Но Целлер заходит слишком далеко, если он почти весь ессеизм хочет вывести из пифагореизма. Можно согласиться, что ессеи кое-что восприняли из пифагореизма, но нет сомнения, что в основных своих чертах учение их опирается на еврейство.

[40] Иосиф Флавий, который, по собственному свидетельству (Жизнь, 2) после тщательного и всестороннего ознакомления с учениями всех трех так называемых им иудейских сект, примкнул к фарисеям, относится к последним, где он о них говорит, с величайшим уважением, подчеркивая в особенности их высоконравственную жизнь и благотворное влияние, которое они имели на народ. Так, он в И. Д. (XVIII, 1, 2) дает о них следующий отзывы «Они живут строго и отказывают себе в мирских удовольствиях; все то, что по здравому смыслу кажется логичным, они делают. Вообще фарисеи считают своим священным долгом следовать велениям разума. Они почитают старших и не позволяют себе противоречить их постановлениям... Они пользуются таким влиянием на народ, что все богослужебные обязанности, жертвоприношение и молитвенный культ совершаются по их

начертаниям. Такое безграничное и безусловное повиновение оказывают им общины потому, что все убеждены, что фарисеи и словом и делом ищут лучшего для народа».

В другом месте (Жизнь, 2), он их сравнивает с греческими стоиками. Все, что нам известно о фарисеях, составлявших ядро и лучшую часть народа, вполне подтверждает отзыв о них Иосифа Флавия, имеющий для нас тем большее значение, что наш историк, игравший немаловажную роль в войне иудеев против римлян и перешедший, как известно, в конце концов на сторону неприятеля, испытывал не мало преследований со стороны фарисеев, которые, не без основания, считали его изменником. Но личная злоба, которая у него иной раз невольно прорывается против отдельных личностей, не могла подавить в нем чувство справедливости по отношению к тем, которые так хорошо понимали дух народа и иудаизма и с таким самоотвержением охраняли его интересы.

Фарисеи были прямые последователи книжников (соферим). Они продолжали толкование моисеевых законов, применяя их к условиям современной им жизни; они устраивали всевозможного рода школы, начиная от низших и кончая высшими; они учили и толковали Тору всенародно в синагогах и молитвенных домах, распространяя чрез них светоч знания в народе; они вместе с тем были народными судьями. Строгая нравственность, скромность, благочестие, умеренность в земных наслаждениях, приветливое обращение, милостивое отправление правосудия, а главное преклонение пред законом и принципами свободы и справедливости составляли отличительные черты их характера. Не даром весь народ льнул к фарисеям, с любовью подчинялся их узаконениям и всегда вооружался на борьбу с их врагами. Инстинктивно или сознательно народ видел в фарисеях залог своего бытия, оплот и защиту против всякой незаконной власти или злоупотребления властью над ним. И народ никогда не ошибался в своих упованиях. Сохранение иудаизма была главная руководящая цель этих народных учителей и законоведов. Этой цели были посвящены все чувства и помыслы каждого истого фарисея; ей он служил в синагоге, проповедуя народу слово Божие, в школе, где он в строго национальном духе воспитывал юношество, и, наконец, в синедрионе, где в основу каждого вновь выработанного закона легла мысль об охранении иудаизма во всей его самобытности и неприкосновенности. После этой главной цели ближайшей задачей фарисеев, которую они преследовали с не меньшею настойчивостью, было охранение прав народа от произвола его князей и царей. Если фарисеи терпели частые гонения, так только потому, что они не шли ни на какие компромиссы с высшей правительственной властью, а со всею смелостью и неподкупностью истых народных представителей останавливали всякое посягательство верховных правителей на превышение своей власти и ограничение народных прав. И если народ проливал свою кровь за фарисеев, так он боролся тогда за свои собственные права и в таких случаях платил только дань благодарности фарисеям; ибо последние всегда были первые, которые жертвовали своей жизнью и охотно шли на казнь за интересы народа, в защиту которого они выступали всегда, пренебрегая явной опасностью.

[41] В противоположность фарисеям, саддукеи составляли аристократическую партию, образовавшуюся преимущественно из священнического сословия и, несомненно, из умеренных эллинистов. Владея большими богатствами, стремясь к власти и к внешнему влиянию, они тяготились строгим учением фарисеев, прилагавших один масштаб ко всем сословиям, радевших о чистоте и простоте нравов всего народа, без различия ранга и класса, допускавших роскошь и блеск в храме и общественных зданиях, но отнюдь не в частной жизни. Главнейший признак, отличавший саддукеев, заключался в том, что они признавали обязательным один Моисеев закон, отвергая все выработавшееся в течение многих веков традиционное толкование и дальнейшее развитее писанного закона. Такое учение, конечно, могло бы казаться более удобным для практической жизни, освобождая народ от многих новых обязанностей, возлагаемых на него позднейшим расширением первоначального закона. Но народ не пожелал воспользоваться этим облегчением; он слишком много

преследований вынес за свой закон от сирийских тиранов, чтобы добровольно отречься от него; народ не справлялся о происхождении устных законов, ему было достаточно знать, что они исполнялись его предками в течение веков; и еще более дороги стали ему эти устные законы с тех пор, как он освятил их своей собственной кровью в войнах с Селевкидами. Фарисеи лучше саддукеев понимали дух народа, если они не делали ему никаких послаблений, а напротив поддерживали в нем религиозное рвение. С другой стороны свободомысленное на поверхностный взгляд учение саддукеев оказалось на практике несносной рутиной в сравнении с прогрессивным и истинно разумным направлением фарисеев. Так, например, саддукеи, придерживаясь буквы Св. Писания, проповедовали «зуб за зуб и око за око» в буквальном смысле; между тем фарисеи, дорожившие главным образом духом Моисеева законодательства и допускавшие самое широкое толкование его, лишь бы не была нарушена внутренняя связь между этим первобытным кодексом установлений и беспрерывно изменяющимися условиями жизни, наказывали членовредительство соразмерным денежным штрафом. Таким образом саддукеи в противоположность фарисеям прослыли жестокосердными судьями. Все это в связи с их аристократическим высокомерием оттолкнуло народ от этой оппозиционной партии. Если она временами господствовала в Иудее, так только путем насилия и при воцарении в стране единодержавной власти, с которой она шла рука об руку.

[42] Считая в том числе 14 лет совместного правления с Марком Антонием.

[43] От первого ее мужа, Тиверия.

[44] У Генисаретского или Галилейского озера, названного также Тивериадским по имени новооснованного города Тивериады. Город этот в особенности славился находящимися близ него еще ныне существующими целебными источниками, о которых упоминается в И. Д. (XVIII, 2, 3) и неоднократно в Талмуде. Он играл немаловажную роль во время войны против римлян и известен как последнее местопребывание синедриона; в нем же впоследствии образовалась знаменитая массоретская школа. (См. A. Neubauer, La geographie du Talmud, стр. 208 сл.).

[45] До Пилата в Иудее было четыре прокуратора: первые три (Копоний, Амбивий и Анний Руф) быстро сменяли друг друга в короткий промежуток времени (9 лет). Император Тиверий, при всей своей свирепости к самим римлянам, взирал на провинции более милостивым оком, чем Август. «Разумный пастух, — внушал он своим наместникам, — стрижет своих овец, но не дерет с них кожи». По свидетельству Тацита, «Тиверий заботился о том, чтобы провинции не подвергались новым налогам и чтоб тяжесть прежних поборов не была увеличена жадностью и жестокостью чиновников; с этой целью он власть над провинциями подолгу оставлял в одних и тех же руках». Иосиф точно таким же образом характеризует отношения Тиверия к провинциям. Тиверий, по И. Д., рассуждал так: «всякая должность дает толчок к злоупотреблениям, а потому, если человек получает ее на короткое время, не зная, когда он будет устранен, он тем беспощаднее грабит своих подчиненных; но раз должностное лицо будет знать, что оно назначено на продолжительное время, оно будет действовать умереннее и, пожалуй, перестанет угнетать народ, как только соберет достаточно богатств». В подтверждение этой мысли он приводит пример больного, который просил не разгонять мух с его язвы, так как насытившиеся уже насекомые не могут причинить ему такую боль, как другие — голодные, которые с еще большей прожорливостью присосутся к обнаженной ране (XVIII, 6, 5). Следуя этой системе, Тиверий и в Иудею за все время своего царствования (22 года) посылал только двух наместников. Первым из них был Валерий Грат, который сменил последнего наместника Августа, Анния Руфа, и оставался в Иудее 11 лет. Иосиф не отмечает ни одного волнения иудеев под его правлением; но из этого едва ли можно заключить (как это делает Сальвадор), что он правил мягко и разумно. Достаточно знать, что Грат за свое одиннадцатилетнее пребывание в Иудее сменил четырех первосвященников. Нелюбимый народом Иоазар был отстранен еще Квиринием, который

назначил на его место Анана. При Грате же последовал следующий ряд первосвященников: вместо Анана — Измаил, сын Фаби, за ним Элеазар, сын прежнего первосвященника Анана, спустя год — Камиф, сын Симона, а после опять через год — Иосиф, называвшийся также и Кайфой.

[46] Signum называлось знамя когорты, состоявшее из шеста, украшенного сверху фигурой какого-нибудь животного (со времени Мария большею частью орла), под которой на шесте было прикреплено несколько круглых металлических дощечек с изображениями императоров и полководцев.

[47] И. Д. (XVIII, 3, 2) длина водопровода определяется в 200 стадий. Развалины этого водопровода сохранились еще по настоящее время. См. Schick, в Zeitschrift des deutschen Palastina-Vereines I., 1878, стр. 132 след.

[48] Такие кровопролития, судя по другим древним источникам, Пилат производил не один только раз. Он был первый из прокураторов, который начал посягать на неприкосновенность еврейской религии. Знаменитый александрийский еврей Филон; живший в одно время с Пилатом, дает следующую характеристику его личности (Legatio ad Cajum, § 38): «Однажды иудеи стали увещевать его добрыми словами, но свирепый и упрямый Пилат не обратил на это никакого внимания; тогда те воскликнули: «перестань дразнить народ, не возбуждай его к восстанию! Воля Тиверия клонится к тому, чтоб наши законы пользовались уважением. Если же ты, быть может, имеешь другой эдикт или новую инструкцию, то покажи их нам, и мы немедленно отправим депутацию в Рим». Эти слова только больше раздразнили его, ибо он боялся, что посольство раскроет в Риме все его преступления, его продажность и хищничество, разорение целых фамилий, все низости, затейщиком которых он был, казнь множества людей, не подвергнутых даже никакому суду, и другие ужасы, превосходившие всякие пределы». Последним актом насилия Пилата было избиение многих влиятельных самарян. Депутация самарян жаловалась на него тогдашнему сирийскому наместнику Вителлию, который назначил правителем Иудеи одного из своих друзей, Марцелла, а Пилату приказал ехать в Рим оправдаться пред императором. Таким образом, Пилат после десятилетнего правления должен был с позором покинуть Иудею (И. Д. XVIII, 4, 2).

[49] В первую половину царствования Тиверия, когда государственными делами фактически управлял могущественный временщик, хитрый и бессердечный Сеян, который держал в трепете весь Рим и самого императора, против римской еврейской общины воздвигнуто было гонение. Поводом к этому послужил, по свидетельству Иосифа Флавия, следующий случай. Фульвия, жена одного влиятельного сенатора Сатурнина, перешедшая в еврейство, доверилась каким-то трем обманщикам-евреям и вручила им богатые дары для доставления в иерусалимский храм; но те присвоили подарки себе. Тиверий, узнав об этом обмане, предложил сенату издать закон об изгнании всех евреев из Рима, если они к определенному сроку не отрешатся от иудейства. 4 000 иудейских юношей были сосланы в Сардинию и предназначены для ведения войны с морскими разбойниками; но они предпочитали жестокие наказания этой принудительной службе (И. Д. XVIII, 3, 4). Это было первое гонение, испытанное евреями в Риме; оно вызвано было не столько описанным случаем, о котором другие источники, рассказывающие об этом преследовании, ничего не знают, сколько опасением римского правительства против все больше распространявшегося среди римского общества еврейского культа. Чрез 12 лет изгнанники были вновь возвращены в Рим (Филон у Евсевия, Hist. eccl. II, 5, 7; Светоний, Vita Tiber. 36 и Тацит, Annal. II, 85).

[50] Иосиф (И. Д. XVIII, 6) пространно описывает очень характерные, дышащие полной современностью, похождения Агриппы до восшествия его на престол. Это был авантюрист, любивший в молодости прожигать жизнь, промотавший все свое состояние в товарищеских пирушках и на приобретение себе влиятельных друзей, лишившийся в конце всяких средств к существованию, погрязший в неоплатных долгах, обращаясь за деньгами как к знатным

особам, так и к низким ростовщикам, заставлявший своих слуг добывать ему деньги из каких бы то ни было источников, вынужденный бежать от преследования кредиторов из одного города в другой, в минуту отчаяния покушавшийся даже на свою жизнь, перешедший затем на хлеба к не любившим его родственникам, перебивавшийся милостями друзей, покинутый, наконец, всеми друзьями за разные проделки и тогда только, находясь уже на краю гибели, пробивший себе дорогу к римскому двору, бросившийся здесь в самый водоворот интриг и вражды между Юлиями и Клавдиями, пока он не навлек на себя гнева дружески расположенного к нему Тиверия и пока, наконец, он по капризу судьбы из тюремного узника не был произведен в цари, получив от преемника Тиверия, Калигулы, золотую цепь одного веса с теми железными цепями, который он влачил в тюрьме.

[51] Филипп умер бездетным; смерть его последовала на 20-м году царствования Тнверия, который присоединить его тетрархию к Сирии. В такой зависимости Батанея, Трахонея и Авран находились около 2 1/2 лет, пока они, по воле императора Гая Калигулы, не образовали опять отдельного царства.

[52] Дочь Аристовула, сестра Агриппы.

[53] Агриппа, в дни своего скитания нашедший приют и должность у Ирода, не постеснялся теперь обвинять облагодетельствовавшего его шурина и дядю в заговоре против императора. Благодаря этому доносу, Ирод Антипа был сослан (не в Испанию, а в Лугдунум в Галлии — нынешний Лион, как показано в И. Д. XVIII, 7, 2); Агриппа же приобрел теперь половину бывшего еврейского царства: Галилею, Перею, Батанею, Трахонею и Авран и владения Лизания.

[54] Имя Гая, прозванного Калигулой, заклеймено вечным позором в истории. Это не был деспот, совершающий свирепости в порыве ярости, а демон, проникнутый насмешливым презрением к людям. Была какая-то дьявольская ирония в том, как он ругался над законами, природой, стыдом и приличием. За недолгое свое правление он выказал все гнусные пороки и пошлости в таком размере, что для объяснения их историки останавливаются на предположении о его помешательстве. Но его сумасбродство было методическое. Так называемый императорский культ, введенный в Рим еще Августом, он возвел на такую позорную высоту, на которой он некогда находился у азиатских народов, названных цивилизованными римлянами варварами. Август первый наполнил римское государство своими статуями и храмами; но он их ставил рядом с статуями Рима и богов; божественный почести оказывались ему больше из рабского преклонения самих подданных, чем по его собственному настоянию. Свирепый в своем безграничном произволе Тиверий поддерживал этот «божественный культ императоров» только по отношение к памяти Августа. Сумасбродный же Калигула возвел себя в божественный сан при жизни и объявил себя даже выше всех богов: он стал являться народу то Геркулесом с львиной шкурой на плечах и булавой, то Аполлоном с кифарой, то Нептуном с трезубцем, то, наконец, Юпитером с молниеносными стрелами в руке! Статуи богов были обезглавлены и, обновленные головой Калигулы, превратились в изображения богоимператора. Языческие народы нельзя было конечно удивить этой новой выдумкой: они привыкли воздавать божественные почести своим властелинам и поклоняться им, как сверхъестественным существам; да и вообще в языческом быту одним богом больше или меньше не могло иметь особенного значения. Для иудейства же вопрос о признании императорского культа был вопросом всего его бытия — тут невозможны были никакие компромиссы и уступки.

Но страшная гроза могла бы однако миновать иудеев, если бы ее не накликали александрийцы. Евреи в Александрии никогда не пользовались дружелюбным отношением греко-македонского и египетского населения; помимо расовой розни и религиозного антагонизма, здесь существовали еще и другие причины, постоянно углублявшие пропасть, лежавшую между обоими лагерями. Во всякой борьбе между престолонаследниками, весьма часто потрясавшими египетское государство, а равно и во всех народных восстаниях против

царской власти евреи всегда стояли на стороне легального правительства и силой оружия поддерживали законный порядок в стране. Во всех таких случаях евреям, предводительствуемым своими собственными полководцами, приходилось бороться со всем остальным населением, со всеми остальными политическими фракциями в Александрии. Отсюда то двойственное положение, в котором евреи в течение веков находились в Египте: с одной стороны, они были ненавидимы своими соотечественниками-язычниками, а с другой — покровительствуемы египетскими царями и осыпаны их милостями. Их гражданская равноправность зиждилась всегда на эдиктах царей, видевших в своих подданных-евреях единственную надежную опору престола и вверявших им поэтому самые ответственные посты, как например, охрану крепостей и Пелузия, составлявшего ключ в Египет со стороны Азии. Впоследствии, когда царство Птоломаидов стало подпадать под влияние римлян, а затем превратилось в римскую провинцию, римские Цезари — Юлий, Август и Тиверий — утверждали евреев в одинаковых их правах с греками. Но при сумасбродном Калигуле александрийцы нашли удобный момент отнять у евреев унаследованные ими веками гражданские права. Это было сделано собственной властью тогдашнего императорского наместника, Флакка, объявившего александрийсиих евреев пришельцами и бесправными. Немедленно после этого они были изгнаны со всех четырех частей города и стеснены в принадлежавший им квартал, Дельту; оставленные ими жилища и мастерские были разграблены и разорены. Самая Дельта была оцеплена чернью и солдатами, решившимися заморить все еврейское население голодом и зноем; если кто отваживался переступить через осадную линию, то он был подвергаем мучительной казни. Этим, однако, не исчерпывались страдания евреев: их не оставили в покое и в тесном гетто, куда они были загнаны. То чернь, предводительствуемая разными юдофобами тогдашней александрийской школы, вторгалась в синагоги и устанавливала здесь статуи императора; то Флакк, под предлогом отнятия оружия у евреев, снаряжал в Дельту войско которое при этих обысках совершало ряд возмутительных насилий, не разбирая ни возраста, ни пола; то по приказанию того же Флакка были схвачены 38 наиболее влиятельных членов верховного совета, закованы в цепи, поволочены в театр и здесь на глазах ликовавшей александрийской толпы подвергнуты бичеванию. Эти ужасы продолжались несколько месяцев, пока Флакк — не за его зверские насилия над евреями, а за другие преступления — не был отозван в Рим (он был осужден на изгнание и впоследствии казнен). Травля евреев в Александрии на время прекратилась, но их гражданское положение продолжало оставаться в высшей степени неопределенным; религиозные же преследования время от времени возобновлялись: евреев принуждали под страхом пыток и казней нарушать святость субботы, есть свинину, принимать в синагогу статуи императора, или же прямо переходить в язычество. В те печальные дни выступил известный Апион — один из первых ненавистников Израиля, сделавший юдофобию специальной своей карьерой. В своей «египетской истории» или в особом, направленном против евреев сочинении (вопрос о том, написал ли Апион специальную книгу о евреях, еще спорный; см. Schurer, Geschichte, II, 779; A. Sperling, Apion der Grammatiker und sein Verhaltniss zum Judenthum, стр. 18 след.) Апион оклеветал евреев, их религию, нравы и самое происхождение еврейской нации; одновременно с тем он и устными проповедями на площадях возбуждал против них чернь в Александрии и других городах. Поощренный этими уличными успехами, Апион во главе депутации выступил, наконец, обвинителем еврейского народа пред императором Калигулой. Чтобы предотвратить беду, александрийские евреи также отправили в Рим депутацию под предводительством знаменитого Филона. Но что могла возразить депутация Филона против таких веских обвинений, как то, что евреи не едят свинины или что они только одни из всех народов, подвластных Риму, не поклоняются и не жертвуют статуям императора? В это же время в Ямнии произошло столкновение между евреями и местными жителями — язычниками, которые соорудили жертвенник в честь императора, и тогда Калигула, раздраженный упорным отказом евреев воздавать ему божественные почести, предписал Петронию истребить поголовно всех иудеев, если они не

примут в иерусалимский храм его статуй. Таким образом, несчастье, постигшее александрийских евреев, разразилось теперь над всей Иудеей (И. Д. XVIII, 8, 1. Филон In Flaccum; legatio ad Cajum).

[55] Река Вил (Belus), тоже Пагида, ныне Нааман, упоминается также у Тацита (Hist. V, 7) и Плиния (Hist. natur. 5.19, 36, 26), как источник добывания стеклянного песку.

[56] В самом Риме, впрочем, дело евреев между тем приняло, благодаря заступничеству Агриппы, более благоприятный оборот. Агриппа, находившийся как раз в то время при императоре, случайно узнал об опасности, угрожающей его единоверцам. Это известие на него произвело такое сильное впечатление, что он упал в обморок, от которого он только очнулся на следующий день. Поправившись, он немедленно представил императору обширную записку, в которой он умолял его об отмене данного им приказа, выставляя ему на вид, что никто из его предшественников никогда не потребовал от евреев ничего подобного, противного законам их веры. Ходатайство его не осталось без надлежащего действия: Калигула написал Петронию, чтобы он евреев оставил в покое. Но полученное вслед за тем от Петрония донесение об упорстве евреев и о его медлительности привело Калигулу в такую ярость, что он приказал ему лишить себя жизни. Но прежде чем этот приказ дошел до места назначения, Калигула умер от рук заговорщиков. Так Филон рассказывает о заступничестве Агриппы (Legat. ad. Cajum, § 35-41). У Иосифа Флавия рассказ этот является в следующем виде: Когда Калигула отдал известный приказ Петронию, Агриппа был в Риме; долгое время он был безутешен и не знал, что предпринять для отвращения беды; наконец, он прибег к следующей тактике. Он устроил у себя во дворце пир для Калигулы и затратил на этот пир неимоверные средства, так что он обилием и утонченностью блюд и роскошью обстановки превосходил всякие ожидания гостей и приводил в изумление самого императора, славившегося своим мотовством и обжорством. Развеселившись от вина, Калигула, в порыве благодарности за столь широкое гостеприимство хозяина, просил его пожелать себе от него что-нибудь, обещав заранее исполнить всякое его пожелание, если только это будет в его власти. Агриппа был слишком опытный царедворец, чтоб сразу воспользоваться таким лестным предложением для намеченной им цели: он отклонил его в очень учтивой, но решительной форме, заявив, что ему нечего больше желать себе, ибо он и так уже высоко облагодетельствован милостями императора. Тогда только Калигула, тронутый скромностью Агриппы, начал настаивать на своем требовании. Как будто по принуждению, Агриппа объявил тогда свою просьбу, заключавшуюся в том, чтоб император сам добровольно отказался от своего желания установить свои статуи в иерусалимском храме. Это была конечно очень смелая просьба, сопряженная с опасностью жизни для Агриппы. Но Калигула с одной стороны был поражен бескорыстием Агриппы, просившим для других там, где он с большей уверенностью в успехе мог просить лично для себя; с другой же стороны, ему было стыдно в присутствии многих гостей, пировавших вместе, с ним, отказать Агриппе в просьбе, на которую он сам настойчиво вызывал его. Он действительно исполнил обещание и написал Петронию, чтобы тот распустил войско и оставил без исполнения его прежний приказ, а в случае статуи уже поставлены в храме, то удалить их немедленно. Дело окончилось бы таким образом к общему благополучию, как вдруг, сейчас после отправки письма, прежде чем оно могло дойти до места назначения, получено было известное донесение Петрония. Приведенный в ярость неповиновением последнего, своенравный Калигула написал ему угрожающее письмо и вновь предписал ему исполнить его приказ. (И. Д. XVIII, 8, 7, 8).

[57] Полное имя его: Тиверий Клавдий Друз Нерон Германик, младший сын старшего Друза, брат отца Калигулы, Германика — следовательно дядя убитого императора.

[58] В И. Д. XIX 1-4, подробно описываются заговор против Калигулы и посредничество Агриппы между сенатом и Клавдием. Участники в заговоре имели в виду вместе с монархом убить и монархию и восстановить старую республику или аристократическую конституцию. Сенат и консулы, лишенные всякой власти и служившее только игрушками в руках цезарей,

по смерти Калигулы мечтали о восстановлении своего прежнего значения; у ораторов развязались языки: клеймя с трибуны столетнее рабство, в которое ввергли римлян деспотические цезари, они призывали сенаторов на борьбу за свободу. Но в это самое время преторианцы вытащили уже из дворца трепетавшего со страха Клавдия, который думал, что его ведут на казнь, понесли на плечах в свой стан за город и провозгласили его императором. А преторианцы составляли тогда могущественную силу. Прежде они были разрознены по всему Риму и его окрестностям и размещены на квартирах у граждан. Тиверий же, желая приобрести в них послушное орудие для порабощения нации, собрал их в один укрепленный стан пред Виминальскими воротами (castra praitoria). Цель была достигнута: воины, поселенные отдельно от граждан и образовавшие особую корпорацию, сделались враждебно настроенными к гражданам и готовыми на всякие насилия над ними. Но держа в трепете весь Рим, они сделались грозой самих императоров: они низвергали их и возводили на престол по своему произволу. Во время переворота после Калигулы преторианцы стали в оппозицию сенату, ему не сочувствовал также и народ, который давно уже привык к монархическому образу правления и не признавал законной власти за сенатом; даже солдаты, стоявшие на стороне последнего, требовали восстановления единодержавия. Сенат находился в большом затруднении и действовал нерешительно. Но и Клавдий, несмотря на то, что все шансы были на его стороне, был слишком слабоумен и бесхарактерен, чтоб уметь воспользоваться благоприятствовавшими ему обстоятельствами. Риму предстояло тогда испытать одну из тех кровопролитных междоусобиц, какую он переживал в последнем периоде республики. От этой опасности спас город и государство Агриппа, который, приняв на себя посредничество между непризнанным еще императором и сенатом, внушил первому твердую решимость не выпускать из рук доставшейся ему власти, а с другой стороны убедил консулов и вождей сената не вступать в неравный бой с преторианцами.

[59] Восстановив Иудейское царство в прежних его пределах, Клавдий позаботился также о благе евреев, рассеянных по всему римскому государству. Два эдикта были изданы им, по просьбе Агриппы и Ирода, в пользу евреев: одним были восстановлены гражданские права александрийских евреев; другой же был разослан во все римские провинции; этим эдиктом евреи повсеместно были уравнены в правах с коренным населением, а всем азиатским и европейским народами; а также римским наместникам повелевалось не препятствовать евреям открыто и свободно исповедывать религию их отцов. (И. Д. XIX, 5).

[60] По И. Д., сооружение городской стены было прекращено еще при жизни Агриппы, вследствие приказа Клавдия. Агриппа, зная хорошо, как непрочна римская дружба, зависящая от единоличной воли императора, хотел, повидимому, доставить своей столице более верную гарантию ее будущей политической свободы в виде сильно укрепленной стены. Но тогдашний правитель Сирии, Марз — заместитель Петрония — не замедлил донести об этом Клавдию и выставить поведение Агриппы в подозрительном свете, вследствие чего и последовал приказ о приостановлении работа. Еще одно неприязненное столкновение иудейского царя с сирийском наместником указывает также на стремление Агриппы к завоеванию себе большей самостоятельности, чем та, которую могло ему доставить личное и случайное благорасположение того или другого императора. Он даже замышлял устроить тайный союз восточных царей, находившихся в одинаковой зависимости с ним. В Галилейском городе, Тивериаде, куда Агриппа отправился однажды под видом прогулки, съехались: Антиох, царь Коммагены, Сампсигерам из Эмесы, Котис из Малой Армении, Полемон из Понта и Ирод из Халкиды. Но свидание шести сильных царей опять встревожило Марза, усмотревшего в нем нечто, угрожающее спокойствие римского государства; он отправил к каждому из царей отдельных уполномоченных с предписанием удалиться на родину.

[61] В И. Д. Иосиф дает следующую характеристику личности Агриппы I. «Агриппа был в высшей степени щедр; своих подчиненных он старался привязать к себе богатыми

подарками; но он далеко не был похож на своего деда Ирода. Этот был от природы жесток и необуздан и открыто признавался, что он душой более эллин, чем Иудей. Украшая на свой счет чужестранные города, устраивая бани и театры в одних, храмы и колоннады в других, он своей собственной стране не оказывал ни малейшего внимания; Агриппа же, напротив, был человеколюбив и ко всем одинаково великодушен; он был любезен с иностранцами, но к своим подданным он относился с большей участливостью. Точно также он охотно и подолгу жил в Иерусалиме, соблюдал добросовестно отечественные законы и во всех отношениях служил образцом добродетели; не проходило ни одного дня, чтоб он не совершал жертвоприношения. Характерен также следующий факт, рассказываемый Иосифом. Однажды, когда Агриппа уехал в Кесарею для присутствования на играх, один из именитых законоучителей, по имени Симон, созвал народное собрание и объявил царя безбожником и недостойным поэтому быть допущенным в храм. Начальник города письменно донес об этом Агриппе. Тогда последний приказал привести Симона в Кесарею и, посадив его затем рядом с собою в театральной ложе, спросил его ласково и добродушно: «Скажи теперь, Симон, что тут совершается противозаконного?» Симон не знал, что возразить, и извинился пред царем. Агриппа не только простил его, но помирился с ним и отпустил его обратно в Иерусалим с подарками. Таким образом Агриппа своим добродушием расположил к себе даже непреклонных фарисеев. В Талмуде встречаются об Агриппе самые похвальные отзывы. Он имел обыкновение смешиваться с толпой, когда последняя с песнопением приносила в храм первые плоды с полей и садов, и сам даже носил свою корзину с плодами в святилище. Он возобновил упраздненное Иродом чтение Второзакония в конце субботнего года. Однажды во время чтения пред народом в храмовом дворе установленной для этого случая главы, дойдя до стиха: «Из среды твоих братьев выбери себе царя», он вспомнил свое полуидумейское происхождение и заплакал. Фарисеи тогда ободряли его словами: «Ты наш брат, ты наш брат?» Дальше об Агриппе известно, что он, подобно своему деду, имел страсть к строительным предприятиям; неимоверно большие средства он затратил на украшения тогдашнего римского города Берита (ныне Бейрут) в Сирии, в котором построил театр, амфитеатр, бани и колоннады; все эти здания славились своей красотой и роскошной обстановкой. На сколько вообще Агриппа был щедр на постройки и на раздачу подарков, доказывает то, что извлекая из своего царства 12 миллионов талантов, он должен был еще прибегать к займам. В течение своего короткого царствования он сменил несколько первосвященников: вместо Теофила, сына Анана, он назначил Симона Конофера, сына Боефа, затем он устранил Симона и возвел в первосвященнический сан Маттафию, сына Анана, а после — Элионая, сына Канфера. Он умер в Кесарее внезапно на 54 году от роду, искренно оплакиваемый иудеями. Три года он царствовал над тетрархией Филиппа, на четвертом году он получил также тетрархию Ирода Антипы, а последние три года он был полновластным царем и над всей Палестиной. Царствование Агриппы было вечерней зарей самостоятельной политической жизни иудеев. После смерти этого благочестивого царя, возродившего свободу нации, Иудея опять подпала под власть римских прокураторов и недолго спустя она была вовлечена в гибельную войну с римлянами, (XIX, 7, 2, 3, 4; 8, 1 и 2).

[62] Молодому Агриппе было тогда 17 лет; он находился в Риме и воспитывался при дворе Клавдия; когда умер его отец, император хотел было послать его в Иудею с царскими полномочиями, как наследника; но этому решению воспротивилась толпа императорских вольноотпущенников, приобретших уже тогда всесильное влияние на Клавдия (И. Д. XIX, 9, 2).

[63] Во время правления этих двух прокураторов, в Иудее произошли следующие события. Первый из них, Фад, вступив в управление новопревращенной провинцией, потребовал выдачи ему первосвященнического облачения для хранения их в крепости Антонии. Такой порядок существовал и при прежних прокураторах; названное облачение находилось под охраной римлян в течение всего года и выдавалось первосвященнику к

судному дню для совершения службы в Святая-Святых храма. С этим актом, самим по себе унижавшим гордость нации, была связана другая цель, глубже затрагивавшая ее интересы, а именно: сосредоточие в руках прокуратора права назначения и устранения первосвященников. Этой цели добивался также Фад; его поддерживал и сирийский наместник Кассий Лонгин, который, опасаясь вооруженного сопротивления, прибыл в Иерусалим с отрядом войска. Но иудеи не сопротивлялись, а просили только разрешить им отправить по этому поводу посольство в Рим. Благодаря заступничеству молодого Агриппы, посольство имело успех: первосвященнические облачения были оставлены в храме, а верховная власть над храмом и право назначения первосвященников были вверены брату Агриппы I, царю Халкиды, Ироду. Последний устранил с первосвященнического поста Элионая и передал его сан Иосифу, сыну Камия или Кемеда, а после — Анании, сыну Небедая. Новое превращение иудейского царства в римскую провинцию вызвало опять к жизни прекратившиеся на время революционные движения зелотов. Иудейская масса в Перее делала нападения на греческое население Филадельфии (быв. Раббат-Аммон); другой революционный отряд под предводительством Толомея производил набеги на арабов и идумеев. Вскоре появился также лжепророк, по имени Февда (упоминается также в деяниях Апостол. 5, 36), увлекший за собою к Иордану огромную массу людей обещанием освободить их от рабства, после того как он переведет их чрез реку по суше. Со всеми этими римскими врагами воевал Куспий Фад и разбивал их в сражениях или внезапных нападениях. Последовавший за Фадом прокуратор Тиверий Александр был перешедший в язычество еврей, сыпь алабарха Александра Лизимаха и племянник еврейского философа александрийской школы Филона. При нем революционное движение зелотов еще более усилилось. Александру удалось схватить главных их вожаков, Якова и Симона — двух сыновей основателя этой партии Иегуды Галилеянина. (См. II, 8, 1 и примечание к этому §); оба были преданы распятию. В правлении же Александра произошло известное событие, так радостно встреченное всем тогдашним еврейством. Царица адиабенская, Елена, которая вместе со своими сыновьями и всем царским домом открыто приняла еврейскую религию, прибыла из дальней своей родины с большим торжеством в Иерусалим для жертвоприношения в храме. Ее прибытие совпало как раз с неурожайным годом для Иудеи и было в высшей степени спасительно для бедствовавшей народной массы, так как царица затратила богатую свою казну на покупку хлеба в Египте и раздачу его населению Иерусалима и других иудейских городов. Не даром имя «Hilna ha'malka» так запечатлелось в памяти народа; до сих пор один из древних полуразвалившихся дворцов Иерусалима, невдалеке от места храма; слывет в массе народа под названием: «дворец Елены-царицы». Тело ее и известного сына ее, Изата, были перевезены в Иерусалим и похоронены в великолепном мавзолее, устроенном царицей еще при жизни в трех стадиях от города. (И. Д. XX, 1-5). Этот мавзолей, состоявший из трех пирамид, вероятно; тождествен с так называемыми «царскими усыпальницами», находящимися в окрестности Иерусалима. Предположение это, высказанное многими учеными, отчасти подтверждается найденным известным французским археологом de Saulcy в «усыпальницах» саркофагом с двуязычной надписью, свидетельствующей о погребении в этом месте царицы сирийского происхождения. См. Renan, Journal asiatique 1865, стр. 550 сл.; Хвольсон, сборник еврейских надписей. 67 сл. Изображение саркофага и надписи у de Saulcy, Voyage en Terre Sainte. I, 377, 385.

[64] Тигран и Александр (I, 28, 1).

[65] Вместе с царством Ирода к Агриппе перешло право заведывания храмом и назначения первосвященников.

[66] Александр правил Иудеей только несколько лет; впоследствии он достиг высшего назначения — наместника императора в Египте. Мы еще раз встретимся с ним при осаде Иерусалима.

[67] По И. Д. — 20 000.

[68] На севере от Иерусалима.

[69] По И. Д. Гинея — ныне Дшеник — на юго-востоке Израильской долины.

[70] По И. Д. убито было много галилеян. Нападения самарян на галилейских пилигримов происходили весьма нередко. Враждебное отношение самарян по отношению к евреям, проезжавшим через их страну, была главнейшей причиной, побудившей первых Маккавеев лишить их самостоятельности и присоединить их территорию, и без того принадлежавшую евреям при первом храме, к иудейскому царству.

[71] По более правдоподобному рассказу в И. Д., вмешательства Кумана в это дело требовали не самарийские, а галилейские представители. Куман же остался пассивным вследствие подкупа, полученного им от самарян.

[72] Элеазар еще до столкновения галилеян с самарянами уже несколько лет предводительствовал вольным отрядом.

[73] Кроме себастийцев, участвовали в нападении еще четыре когорты пехоты и сами самаряне.

[74] Преемник Анании, сына Навата.

[75] Иудеи жаловались именно на то, что Куман был подкуплен самарянами и вследствие этого не принял своевременно мер к предупреждению междоусобицы. (И. Д. XX, 6, 2).

[76] Паллас, вольноотпущенный Антонии, матери императора, пользовался всемогущим влиянием при Клавдии и в союзе с его женами, сначала Мессалиной, а потом Агриппиной, управлял государством и самим Клавдием и сделал царствование его столь же ужасным, как и Калигулы. Тацит в своих анналах (XII, 54) дает подробную характеристику Палласа, и перейдя к брату его, Феликсу, также бывшему рабу, говорит: «Но брат Палласа, Феликс, состоявший много лет прокуратором в Иудее, превосходил его в жадности; могущество, которое его прикрывало, внушало ему уверенность, что всякие преступления пройдут для него безнаказанно. Он действовал свирепо и произвольно с гордостью царя и низостью раба».

[77] Вторая жена Клавдия, Агриппина, внесла в правление новые пороки и преступления; римляне считали времена Мессалины менее ужасными. После того, как император усыновили ее сына от первого брака, Нерона, она отравила Клавдия, Нерон же в это время отправился в стан преторианцев и был ими провозглашен императором, несмотря на то, что законным престолонаследником был родной сын Клавдия, Британник.

[78] И еще 14 деревень. (И. Д. XX, 8, 4).

[79] Феликс овладел им хитростью, пригласив его к себе для мирных переговоров (И. Д. XX; 8, 5).

[80] По имени этого маленького с обращенным внутрь острием кинжала, походившего на фракийский изогнутый малый меч sica, убийцы, пользовавшиеся этим оружием, и назывались сикариями; рана, нанесенная таким оружием, при обратном его движении, еще больше увеличивалась. Сикарии не были простыми разбойниками, какими их изображает Иосиф Флавий, но составляли крайнюю фракцию зелотов, прибегавшую, для достижения своих патриотических целей, даже к убийству своих противников. К более позднему времени относятся сикарии, упоминаемые в Талмуде, и распоряжения, изданные против них (См. F. Rosenthal. Das Sikarikon-gesetz в Monatsschrift fur Geschichte und Wissenschaft, 1892).

[81] Первосвященник Ионафан содействовал назначению Феликса прокуратором, вследствие чего он был ненавистен сикариям. С другой же стороны Феликс начал тяготиться Ионафаном, укорявшим его неоднократно за его жестокие и несправедливые действия, и хотел от него освободиться. С этой целью он вошел в соглашение с сикариями, которые, хотя

и были врагами Феликса, тем не менее представили свои услуги в его распоряжение для убийства одинаково ненавистного им первосвященника.

[82] В И. Д. образ египетского лжепророка — самого популярного из всех его собратьев, появившихся в последнюю эпоху падения Иудеи, — очерчивается несколько иначе; он не побуждал своих приверженцев к насильственным действиям, а обещал им одним своим глаголом разрушить иерусалимские стены и этим чудом воочию убедить их в божественности своего послания (XX, 8, 6). Этот египтянин, вероятно, тот же, о котором упоминается в деяниях Апостолов 21, 38.

[83] Нет сомнения, что самозваные пророки, как и сикарии исходили из чисто патриотических побуждений; все они выходили из недр одной общей партии ревнителей (зелотов) и стремились к одной цели: освободить нацию от чужеземного гнета, но крайнее ожесточение, с которым они преследовали свои цели, сделали их в действительности страшным бичом для страны. Возможно, однако, что в рядах борцов за свободу находились и искатели наживы и профессиональные разбойники, которые весь смысл своего существования видели в смутах и анархии.

[84] Как высок был нравственный уровень кесарийцев и себастийцев; а равно и гарнизонов, расположенных среди них, можно видеть из следующего рассказа Иосифа. «Когда сделалась известной смерть Агриппы I, граждане Кесареи и Себасты мигом забыли все его благодеяния и начали вести себя, как закаленные его враги. Они поносили умершего самыми непристойными словами, а солдаты вторглись в его дом, схватили портреты его дочерей, понесли их в публичные дома и, установив их над крышами последних, осмеяли их в такой форме, что я не берусь ее передать. Еще больше — на центральных площадях они с венками на надушенных благовонными маслами головах *(* В этом заключалась дерзкая насмешка, так как они, как подданные, должны были носить траур по царе.)* открыто пировали, приносили благодарственные жертвы Харону *(** Мифологический лодочник, который по понятиям греков перевозил души умерших.)* и весело поздравляли друг друга с радостной вестью о скоропостижной смерти царя... «Император Клавдий, узнавши, как они позорили память умершего и честь живших еще его дочерей, приказал посланному в Иудею прокуратором Куспию Фаду прежде всего наказать жителей Кесареи и Себасты, а расположенные в них войска сослать на тяжелую службу в отдаленный Понт и на их место набрать других солдат из находившихся в Сирии римских легионов. Приказание это не было, однако, приведено в исполнение, так как виновные сумели выпросить себе чрез депутацию у императора прощение. Оставшиеся на своих местах гарнизоны сделались злейшим несчастьем для иудеев, так как они своими насилиями вынудили их объявить войну римлянам. Лишь впоследствии, когда война была уже окончена, Веспасиан наказал кесарийцев и себастийцев, сослав их из их насиженных мест» (И. Д. XIX, 9, 1, 2).

[85] Феликс уже после удаления его с поста прокуратора был обжалован кесарейскими евреями пред императором, но был прощен, благодаря заступничеству брата его Палласа.

[86] При Порции Фесте, правившем только два года, положение дел в Иудее ни в чем не изменилось: сикарии, все больше увеличиваясь в числе, продолжали неистовствовать против своих противников, появлению новых лжепророков также не прекращалось, одного из них, увлекшего целые толпы приверженцев в пустыню обещанием чудесного избавления их от римского рабства, Фест преследовал вооруженной силой. При Фесте произошел также серьезный конфликт между Агриппой II и прокуратором, с одной стороны, и умеренной благочестивой партией иерусалимских граждан, с другой. Агриппе вздумалось построить новый этаж на замке Асмонеев для того, чтобы обрести в нем обсервационный пункт для наблюдения за всем тем, что происходит в храме; священники возмутились поступком царя и возвели на внутренней западной галерее стену, которая закрывала храм от нескромных глаз Агриппы; но эта стена скрывала храм и от внешней галереи, где в праздничные дни были расставлены римские военные посты. Фест потребовал поэтому разрушения

новосооруженной стены; иудеи же никак не соглашались, так как это, по их понятиям, было бы равносильно разрушению части храма. Дело было предоставлено на суд императора Нерона, который, благодаря заступничеству жены его Поппеи, питавшей расположение к иудаизму, решил спор в пользу иудеев. (И. Д. XX, 8, 11).

[87] Клазоменский грек, жена которого, Клеопатра, состояла в дружеских отношениях с Поппеей. Покровительство могущественной императрицы и дозволяло Флору действовать в Иудее безнаказанно, по своему произволу (И. Д. XX, 11, 1).

[88] До этого места Иосиф доводит свои «Иудейские древности». Охарактеризовав в общих чертах личность последнего прокуратора, автор в заключении этой книги говорит: «Одним словом, Флор был тот, который довел нас до того, что мы предприняли войну с римлянами; ибо мы решились лучше сразу погибнуть, чем капля по капле истекать кровью.

[89] Посредством подкупа Берилла (так следует читать И. Д. XX, 8, 9, а не Бурр), секретаря Нерона.

[90] Македонское название месяца, соответствующего еврейскому месяцу Ияру (Май).

[91] Египетские писатели распространили по древнему миру молву, что еврейский народ был одолим проказой и вследствие этого он жил изолированным в Египте, а потом изгнан оттуда (Против Апиона I, 26). Поступок кесарийца заключал в себе таким образом намек на эту клевету, так как по Моисееву законодательству прокаженные, исцелившись от своей болезни, должны были принесть в жертву птиц (Левит, 14).

[92] Этой казни подвергались обыкновенно рабы.

[93] После смерти Ирода, царя Халкиды, за которым она была замужем, она вышла за киликийского царя Полемона, принявшего из-за нее иудейство. Но брак этот был недолговечен: Вереника разошлась с своим новым мужем и возвратилась опять к своему брату, Агриипе (И. Д. XX, 7, 3).

[94] Предместье города.

[95] Уничтожение колоннады, чрез которую гарнизон мог иметь постоянный доступ ко храму, признавалось первым официальным актом отпадения иудеев от римского владычества. Этот акт был таким образом совершен среди боевого смятения и против ожидания самих даже тех евреев, которых Иосиф называет мятежниками.

[96] Флор видел ясно, что дальнейшее его пребывание в Иерусалиме становится для него опасным.

[97] Водяной источник на восточной окраине города.

[98] При переводе этой фразы, мы руководствовались толкованием Гаверкампа. Смысл этих слов следующий: Если бы ваши предки хотели воевать с римлянами, то это было бы простительно, потому что они во всех отношениях превосходили вас, да при том не имели никакого представления о римском могуществе, но вы, прекрасно знающие, как силен Рим, никоим образом не должны взяться за оружие.

[99] Древнее название Африки.

[100] Ныне Кадикс — портовый город на юго-западе Испании.

[101] Ликторы в знак карательной власти того лица, которое они сопровождали, носили связки березовых или вязовых прутьев (fasces) с воткнутой в них секирой.

[102] Народ, живший на с.-в. берегу Черного моря.

[103] Обитали плодородную область Азии на восточном берегу Черного моря.

[104] Жители Крымского полуострова.

[105] Древнее название Черного моря.

[106] Древнее название Азовского моря.

[107] Область в северо-западной части Малой Азии, в нынешней Анатолии.

[108] Страна на в. Малой Азии, превращенная в римскую провинцию Тиверием.

[109] Береговая полоса Малой Азии между Ликией и Киликией.

[110] Область на южном берегу М. Азии первоначально называвшаяся Мидией, превращена в провинцию Клавдием.

[111] Местность на юго-восточном берегу М. Азии.

[112] Обитали страну между Македонией, Гемусом, Эгейским морем и Дунаем,

[113] Жили первоначально по прибрежью Адриатического моря.

[114] Дакийцы или Даки — племя, населявшее нынешнюю Трансильванию, Валахию, Молдавию.

[115] Жители Далмации, части древней Иллнрии.

[116] Древние жители Испании, смешавшиеся впоследствии с лузитанцами.

[117] Жители западной части древней Испании, нынешней Португалии.

[118] Жили по северному берегу Испании до Пиренеев; были покорены Августом. Потомки их назывались басками.

[119] Гибралтарский пролив.

[120] Жители Киренаики в северной Африке.

[121] Африканский народ, живший недалеко от Египта.

[122] Жители берегов двух заливов Средиземного моря на севере Африки, известных под названием Большой и Малой Сирты и считавшихся в древности опасными для мореплавания по причине песчаных отмелей.

[123] Африканский народ, живший на берегу Большой Сирты.

[124] Племя берберийского рода, жившее в древней Мавритании.

[125] Нумидия — нынешний Алжир.

[126] Африка.

[127] Воспитанный при римском дворе, Агриппа II был его преданной креатурой и послушным орудием в руках сирийских наместников и иудейских прокураторов, в дружбе которых он всегда заискивал единственно лишь в собственным интересах. Связь с родным еврейским народом он также поддерживал настолько, насколько она соответствовала его личным целям. Связь эта не была основана на общности интересов и стремлений; последние были у них диаметрально противоположны: народ желал освобождения от римского ига, а блестящее положение Агриппы покоилось на господстве римлян, даровавших ему бывшую тетрархию и титул Филиппа иудейского царя; она не зиждилась на общности религиозных и нравственных традиций, и те и другие были у них также разные. Агриппа очень мало имел общего с иудейской религией и всосал в плоть и кровь римские нравы и обычаи, ярыми антагонистами которых были иудеи. Это была чисто дипломатическая связь, внешняя и неискренняя с обеих сторон. Народ выказывал внешние знаки благоговения Агриппе в том расчете, что последний, хотя только титулованный царь, но все-таки царь, будет защищать его от произвола прокураторов. Агриппа же вынужденно разыгрывал роль покровителя иудейского народа с тем расчетом, чтобы сохранять свое влияние на него и держать его в постоянной покорности и повиновении Риму, ибо всякие враждебные манифестации со стороны иудеев против римлян могли бы скомпрометировать и его лично в глазах римского двора. Эти шаткие, чисто условные отношения, чуждые взаимных симпатий, должны были прерваться в ту минуту, когда одна из сторон перестала заботиться об их равновесии даже наружно. Это именно и случилось при столкновении, описанном в настоящей главе. Агрилпа не пожелал выступить открыто против тирана в защиту угнетенной нации и отказал иудеям в их справедливом требовании о снаряжении посольства в Рим для обжалованья Флора; иудеи

тогда, с своей стороны не сочли более нужным сдерживать свои настоящие чувства к царю и проявляли их наружу со всею откровенностью.

Свою неискренность к евреям Агриппа обнаруживал неоднократно, как постройкой тайного наблюдательного пункта над храмом, вызвавшей протест не только простой массы, но и всей иерусалимской знати и не одобренной даже Нероном (И. Д. XX, 8, 11), так и назначением первосвященниками исключительно лиц, заведомо преданных римскому режиму, каковым был и последний первосвященник Ананий, впоследствии убитый сикариями. Нравственный облик царя был таков, что молва приписывала ему сожительство с кровной его сестрой, прекрасной Вереникой (И. Д XX, 7, 3). Другая его сестра, Друзилла, перешла в язычество и сочеталась браком с римским прокуратором Феликсом (И. Д. XX, 7, 2). Его собственные подданные ненавидели его за то, что он на выжатые у них деньги украшал римский город Берит великолепными зданиями, статуями и проч. (И Д. XX, 9, 4).

[128] На западном берегу Мертвого моря, недалеко от Энгедди, ныне Себбех.

[129] От 8-го до 15-го Аба.

[130] «Корбан-Ецим» — 15-го Аба.

[131] 16-го Аба.

[132] Менахем.

[133] Соответствует еврейскому месяцу — Элулу (второй половине августа и началу сентября).

[134] Манаим хотел еще убить командира царского войска, Филиппа, но этому намерению воспротивились родственные Филиппу вавилонские евреи из партии же зелотов (Автобиогр. Иосифа, 11).

[135] Масада под защитой этого героя держалась дольше всех остальных крепостей, занятых евреями.

[136] Юго-восточная часть города.

[137] 17-го элула. День этот, в который Иерусалим очистился от римлян, принят был в число полупраздников.

[138] Библейский Хесбон (Есевон).

[139] В Библии Кедеш галилейский (см. книгу Исуса Навина 20, 7),

[140] Один из тех укрепленных городов, который Ирод I построил для устрашения народа и предупреждения восстания (И. Д. XV, 8, 5), на границе Галилеи у горы Кармиля.

[141] В своей «Автобиографии» (§ 6) Иосиф вынужден сознаться, что скифопольские евреи были принуждены к этому коренными жителями.

[142] В латинском, переводе Руфина вместо Ноара читается имя Вар, и это чтение, кажется, находит себе подтверждение в Vita. 11. Упомянутый здесь Соем несомненно есть правитель Эмесы, так как о нем здесь говорится как о современнике Агриппы; другой же Соем, которому Калигула в 38 г. передал правление над итурейскою областью, умер в 49 г. по Р. Хр. Соображения, высказанные Schurer'ом по этому поводу (Geschichte I, 605) лишены всякого основания.

[143] Город Махерон еще долго после разрушения храма оставался в руках зелотов.

[144] Почетное звание в Египте со времени Александра и Птоломея.

[145] С целью похлопотать об отнятии у евреев гражданских прав (Гретц III, 13).

[146] По происхождению еврей — племянник знаменитого Филона. Перешедши в язычество, он получил назначение прокуратора в Иудее, а потом — наместника в Египте.

[147] Царь Коммагены.

[148] Вместо Завулон следует, вероятно, читать Хавулон, согласно Vita, 43, т. е. библейский См. Neubauer, La Geographie du Talmud, p. 205. Смысл следующих в тексте за

названием города слов η καλέιται ἀνδρων — называемый городом мужей — не ясен. См. Graetz, Geschichte, III, 494.

[149] Библейский Гивеон, сохранивший свое название еще по сие время в форме ал-Джиб.

[150] Святость субботы вообще не дозволяла евреям вести в этот день войну. Зная это, противники пользовались преимущественно этим днем для нападения. Так, напр. Птоломей I взял Иерусалим в субботу. Только при Маккавеях решено было сражаться в субботу, но только в случае опасности и с целью обороны. Этого правила евреи придерживались и впоследствии, строго избегая наступательного движения в субботу. Ср., между прочим, Contra Apion. I, 22.

[151] Впоследствии один из главных героев иудейско-римской войны.

[152] Греческий перевод еврейского См. И. Д. XI, 8, 5.

[153] Тишри — Сентябрь-Октябрь.

[154] Мархешван. — Ноябрь.

[155] Родственники царя Агриппы.

[156] Автор настоящей книги.

[157] Результаты выборов оказались таким образом весьма неблагоприятными для зелотов, несмотря на то, что они после победы над Цестием и изгнания римлян из пределов страны получили решительное преобладание, как в столице, так и в провинции. Народ, привыкший всегда уважать свою знать, не решался, повидимому, избрать на высшие государственные и военные посты незнатных по происхождению коноводов партии ревнителей. Элеазар-бен-Симон, победитель Цестия, впоследствии главнейший вождь войны, был совершенно обойден на выборах; еще более могущественный в то время вожак зелотов Элеазар-бен-Анания, который дал войне первый импульс воспрещением жертвоприношений за римлян и императора, который очистил город от римлян и устранил узурпатора Манаима — этот Элеазар, для того вероятно, чтобы удалить его из Иерусалима, получил начальство над второстепенной провинцией — Идумеей. На самые же ответственные посты в Иерусалиме и Галилее были возведены римские друзья, которые раньше скрывались от преследования зелотов и, как Иосиф откровенно рассказывает в своей «Жизни», с нетерпением ожидали нашествия Цестия, как своего освободителя, и которые лишь после поражения римского войска, когда им осталось на выбор — бежать из города или примкнуть к зелотам, избрали последнее, приняли в свои руки бразды войны — без веры и надежды на ее благоприятный исход, без серьезной решимости довести ее до конца, а с затаенной в душе предательской мыслью в течение самой войны сблизиться с римлянами и вновь водворить в Иудее их господство. Последствия показали, как эти выборы, неблагоприятные для зелотов, были пагубны для самой войны.

[158] На юго-западной границе Нижней Галилеи.

[159] Местоположение Сел., Каф. и Сиг. неизвестно. Иафа — возле Иотапаты.

[160] Деревня Ахавара, расположенная на скале (Vita. 37)

[161] Сел. — на северо-вост. конце Меромского озера, Сог. — в верхнем Гавлане, Гам. — в нижнем. Все эти города, как расположенные в Гавлане, принадлежали царству Агриппы, но отпали от него вместе с другими еще городами и присоединились к восстанию.

[162] Сообщенное здесь о расположении сепфорийцев к войне против римлян не соответствует истине. Сепфорийцы не только не сочувствовали войне, но прямо стояли на стороне римлян. Уже во время похода Цестия Галла против Иерусалима они выказали свое нерасположение ко восстанию иудеев. Они укрепили свой город не против римлян, но в пользу их. Самому Иосифу пришлось впоследствии пойти против изменнического города и взять его силой. О двусмысленном положении, занимаемом сепфорищами во все время войны

и о миролюбивом их настроении свидетельствуют многие показания в «Жизни» Иосифа Флавия (см. Vita 8, 22, 25; 45, 65, 67).

[163] Иосиф рисует себя здесь чрезвычайно деятельным начальником края, истым вождем революции и преданным борьбе за независимость, каким в сущности он должен был бы быть в качестве полководца, которому вверена была охрана самой важной в стратегическом отношении области — Галилеи, куда неприятель должен был прежде всего вторгаться, чтобы проникнуть в самую Иудею. Но в совершенно другом свете он выставляет себя в своей «Жизни», которую он слишком 20 лет спустя опубликовал, как бы в ответ Юсту из Тивериады, который в своей не сохранившейся «Истории Иудейской войны» представил Иосифа как настоящего организатора восстания в Галилее и как врага римлян. Вот как автор объясняет мотивы, побудившие его примкнуть к восстанию и взять на себя начальство над Галилеей.

«Когда мне исполнилось 26 лет, говорит Иосиф, я отправился в Рим. Прокуратор Иудеи послал трех священников, людей именитых и моих друзей, чтобы дать ответ пред императором за какой-то неважный проступок. Я от души желал им помочь... Корабль, на котором я ехал и на котором было до 600 пассажиров, потерпел крушение в Адриатическом море. 80-и из нас, умевшим плавать, удалось спастись. Божий промысел прислал нам навстречу судно из Кирены, которое приняло нас на борта. Прибыв в Дикеархию, я подружился с актером еврейского происхождения, по имени Алитур. Этот человек состоял в большой милости у императора Нерона и при его помощи я получим доступ к императрице Поппее. Вскоре мне удалось выхлопотать освобождение священников и, кроме этой милости, получить еще от императрицы большие подарки, после чего я возвратился в мое отечество. Я нашел последнее в сильном брожении: беспрерывно росло общее желание другого порядка вещей; масса была совершенно готова восстать против Рима. Я призывал мятежников к их долгу и по мере сил и возможности старался навести их на другие мысли... Мне не удалось их переубедить — так велико было их безумие, вызванное отчаянным положением. Тогда я уже должен был бояться, что мои неоднократные напоминания и советы могли сделать меня предметом презрения и навлечь на меня подозрение в том, что я действую за одно с неприятелем. Чтобы избегнуть опасности смерти, грозившей мне после взятия замка Антонии (это было 15-го Аба, когда зелоты штурмовали крепость и разбили римский гарнизон — См. II, 17, 7), я скрылся внутри храма... После этого я вновь примкнул к священникам и именитым фарисеям. Нас охватил немалый страх, когда мы увидели, что народ стоял уже вооруженный, и мы находились в большом затруднении. Препятствовать восстанию не было больше в нашей власти, а между тем мы лично находились в большой опасности. При таких обстоятельствах мы стали показывать вид, как будто сочувствуем вожакам народа, но делали это для того, чтобы умерять их рвение. Мы надеялись, что Цестий вскоре прибудет с значительными силами и тогда народное движение и вся эта военная сутолока прекратятся; но наши надежды не сбылись... После поражения Цестия, те из старейшин Иерусалима, которые рассчитывали на счастливый успех сирийского правителя, увидели, что мятежники снабжены оружием, между тем как им самим его недоставало. В это время они узнали, что Галилея еще не вся восстала против римлян. Тогда они послали меня туда с двумя священниками, честными и благородными людьми, Иоазаром и Иудой, с поручением убедить злодеев, взявшихся уже за оружие, передать последнее достойнейшим людям нашей нации, пока не определятся в точности виды и намерения римлян («Жизнь» 3-8)...

В этом тоне автор еще во многих других местах автобиографии своей говорит о себе; он как бы старается выставить себя жертвой обстоятельств, толкнувших его в войну, к которой он не питал ни малейшего сочувствия. Однако «Жизнь» Иосифа ничто иное, как плохо придуманная и не менее плохо составленная самозащита, которая должна была оправдать его в глазах римлян в виду возведенных на него Юстом обвинений. Нет сомнения, что Иосифа нельзя причислить к самоотверженным героям, предпочитающим смерть

унизительной свободе, но он во всяком случае не был тем изменником, каким он сам себя изображает в своей автобиографии. Он был лишь слабохарактерным человеком, который при первой неудаче бросил знамя и ради собственного спасения не постеснялся даже передать себя в руки неприятеля.

[164] Из § 6 настоящей главы и «Жизни» § 66 видно, что Иоанн имел в своем распоряжении многотысячное войско, состоявшее не только из сирийских эмигрантов, но и из туземцев.

[165] Характеристики Иоанна из Гисхалы, которого Иосиф выводит на сцену, этого героя, ставшего впоследствии столь известным, нельзя не признать в высшей степени пристрастной и продиктованной ему ненавистью и озлоблением. Он здесь самым беспощадным образом клеймит умершего уже своего противника, не приводя, однако, ни здесь, ни после, ни одного веского факта для подтверждения столь позорящего изображения личности Иоанна, кроме того, что последний тайно и открыто боролся с ним, Иосифом, и обвинял его в измене, сначала пред жителями Галилеи, а потом пред иерусалимским синедрионом. К счастью, автор не скрывает деяний своего противника, из которых мы узнаем, что Иоанн из Гисхалы употребил нажитые им богатства на укрепление своего родного города и на содержание четырехтысячного отборного войска, набранного им из эмигрантов, бежавших из Тирских и Сирийских городов, где евреи терпели самые кровавые преследования, и что он, в противоположность Иосифу, поспешившему при первом удобном случае предаться римлянам, бежал от последних из Галилеи в Иерусалим и в геройской защите этого города занял достойное место на ряду с Симоном-бен-Иаир и Элеазаром-бен-Симон.

[166] Одно из знаменитых восемнадцати постановлений в воспрещении иудеям употребления масла, приготовляемого язычниками.

[167] Аттическая драхма чеканилась из чистого лаврионского серебра (от лаврионских рудников, лежащих к северу от мыса Суния), весила 4, 36 грамма и стоила приблизительно 34 коп. сереб. Амфора равнялась 26 литрам или 2, 11 ведра. Таким образом в Галилее масло (оливковое) продавалось по 34 коп. за 2, 12 ведра, а в Сирии — в восемь раз дороже.

[168] Монополию на продажу масла Иосиф предоставлял Иоанну против воли, боясь, как он выражается в «Жизни» § 13, в противном случае, чтоб народ не забросал его каменьями.

[169] Из «Жизни» § 10 можно видеть ясно, что дружина Иоанна не представляла собою шайки разбойников, а патриотический отряд, мстивший сирийцам за постоянную резню проживавших в их городах евреев и опустошительные набеги на еврейские города. Из того же § видно также, что сам Иоанн вначале принадлежал к миролюбивой партии и примкнул к зелотам лишь после того, как сирийцы опустошили его родной город, Гисхалу.

[170] Иисус взял свиток Торы в руки, стал пред толпой и сказал: «Граждане! Если вы не возненавидите Иосифа за то, что он хочет предать нашу отчизну врагу, то вы должны ненавидеть его за то, что он враг вот этой святой Торы и открыто нарушает ее заветы» («Жизнь» § 27).

В автобиографии Иосиф рассказывает еще другой случай столкновения его с Иисусом сыном Сапфии. Иерусалимский синедрион возложил на Иосифа, между прочим, уничтожение в Тивериаде дворца Ирода I, украшенного, вопреки еврейским законам, разными идолами и статуями. Прибыв в Галилею, Иосиф застал в Тивериаде две партии: аристократы с Юлием сыном Капелла, Иродом сыном Миара, Иродом сыном Гамала и Компсом сыном Компса во главе составляли миролюбивую партию и проповедовали верность римлянам и Агриппе; другая же часть еврейской знати и простая масса населения примкнула к восстанию; ими руководили Юст сын Писта и Иисус сын Сапфии. Юст принадлежал к знатному роду, прежде состоял секретарем у царя Агриппы, по свидетельству Иосифа обладал в совершенстве греческой образованностью, великим даром слова и впоследствии написал на греческом

языке историю иудейско-римской войны (недошедшую до нас), в которой обличал Иосифа во многих искажениях Иисус сын Сапфии пользовался среди народа еще большей популярностью, чем Юст. Приступая к исполнению данного ему поручения, Иосиф все-таки не хотел порвать с партией приверженцев Рима и предварительно завязал с ее главарем, Капеллой, продолжительные переговоры, которые вывели из терпения Иешую сына Сапфии. Последний, не дождавшись Иосифа, сам сжег дворец Ирода, разграбил хранившиеся в нем сокровища и вместе с тем убил всех греков и других язычников, проживавших в Тивериаде. — «Я был этим очень возмущен, — заключает Иосиф свой рассказ, — и возвратившись в Тивериаду, я позаботился о сохранении всех тех царских сокровищ, которые можно было вырвать из рук похитителей». («Жизнь», §§ 9, 12 и 13).

[171] В «Жизни» (28) Иосиф рассказывает, что телохранители изменили ему и перешли к его врагам, а единственный из них, который остался с ним, по имени Симон, советовал ему «упасть на свой меч и сам себя убить, как подобает храброму и мужественному полководцу; если же он будет медлить, то он попадет в руки его врагов, которые будут глумиться над ним и предадут его позорной казни. Но он, Иосиф, не хотел наложить на себя руки и вверился Божьей воле».

[172] В приведенном месте Иосиф доканчивает картину и говорит, что он «упал пред толпой на землю, громко зарыдал и оросил землю своими слезами».

[173] По «Жизни» (30) павших было 600 человек.

[174] Параллельное место «Жизни» (30) гласит: «Когда вошли ко мне уполномоченные, я схватил рукой самого дерзкого из них и приказал бичевать его тело кнутами; после я отрубил ему мечом одну руку, повесил ее ему на шею и выбросил его на улицу. Толпа испугалась этого зрелища, ибо думала, что имею в доме много солдат».

[175] Несколько иначе этот эпизод излагается в «Жизни» (17 и 18) «Иоанн в Тивериаде привлек на свою сторону и побудил к отпадению от меня всех тех, которые постоянно носились мыслью о войне с римлянами и во главе их Юста и отца последнего Писта. Сила же известил меня чрез курьера об измене и просил немедленно прибыть для усмирения мятежа. Я взял 200 человек и выслал вперед курьера, чтобы предупредить тивериадцев о моем прибытии. К утру, когда я приближался к городу, ко мне вышли навстречу жители и между ними также Иоанн, который приветствовал меня растерянно, и поспешил удалиться к себе домой. Прибыв на ипподром я удалил моих телохранителей и оставил при себе только десять из них. И взошел я на возвышение, и обратился к жителям Тивериады со словами упрека за их измену. Но прежде чем я кончил, один из моих солдат шепнул мне, чтоб я перестал говорить, ибо никто меня не слушает, и тут же указал мне на подосланных Иоанном палачей. Вместе с моим телохранителем Яковом я бросился тогда к берегу».

[176] По «Жизни» (66) двадцать дней.

[177] Там же, четыре тысячи.

[178] Все четыре делегата были фарисеи (Жизн. § 39).

[179] По «Жиз.» 41 Иосиф был извещен своим отцом, как о состоявшемся решении, так и о причинах, вызвавших его.

[180] В «Жизн.» 38-64 Иосиф подробно рассказывает о тех средствах, к которым он прибегал для того, чтобы отстоять свой начальнический пост в Галилее. Состоявшееся решение о лишении его начальства в действительности было отменено и делегаты были отозваны. Когда последние не хотели подчиниться, Иосиф хитростью завладел ими и отослал их в Иерусалим. В числе лиц, неприязненно настроенных против Иосифа, последний называет также известного танаита Симона-бен-Гамлиеля, отзываясь о нем самым восторженным образом:

«Сей муж, Симон сын Гамлиеля, был уроженец города Иерусалима, отпрыск высокого и знатного рода из партии фарисеев, которые знанием и точным соблюдением законов

превосходили всех других. Он отличался глубокой мудростью и проницательностью и обладал умением вновь устраивать пошатнувшиеся дела. Он был старым и преданным другом Иоанна, ко мне же он в то время относился враждебно» (См. о С. б. Г. M. Braunschweiger, Die Lehrer der Mischnah, стр. 251, сл.).

[181] Галилеяне, узнавши об этой измене, затеянной вероятно римлянофильской партией, собрались вооруженными к Иосифу и потребовали, чтоб он их повел на город для наказания изменников. Но Иосиф убедил их разойтись по домам, удовлетворив их тем, что на их же глазах заковал в кандалы пойманного посла, чрез которого Агриппа послал ответное письмо тивериадцам. Вслед же затем, однако, Иосиф, как он сам сознается в «Жиз.», 69, тайно приказал привести к себе пленника и посоветовал ему напоить вином стражу и бежать обратно к царю.

[182] В «Жиз.» (35) Иосиф рассказывает, как он великодушно поступил с пленниками. „ Возвратившись в Тарихею, говорит Иосиф, я освободил из заключения тивериадскую знать, в том числе Юста и его отца Писта. И пригласил я их в свой дом делить со мною трапезу. Во время трапезы я им заявил, что я хорошо знаю силу римлян, превосходящую всякое другое могущество, но я из боязни пред зелотами не говорю об этом публично. И советовал я им поступать так, как я, и ждать удобного момента... И после того как я им это говорил, я с рассветом выпустил на свободу Юста и всех людей, находившихся с ним».

[183] По свидетельству Иосифа, в «Жиз.», 15, Тивериада отпала четыре раза от него. Раз тивериадцы при виде Иосифа, приближавшегося к городу, вышли за ворота и начали громко поносить и проклинать его; тут же граждане на виду Иосифа устроили следующую демонстрацию: они сколотили гроб, пышно украсили его, окружили его со всех сторон и подняли плач, изображая Иосифа лежащим мертвым в гробу. «Их плач, говорит Иосиф, был полон насмешек и глумлений, проклятий и поношений». Он издали созерцал эту картину, но был тогда не один, а имел в засаде тысячу вооруженных. По данному им сигналу солдаты ринулись на граждан; в воротах города завязалась кровопролитная схватка, тивериадцы выдержали натиск и даже обратили войско Иосифа в бегство; тогда Иосиф отделил маленький отряд, который со стороны озера поджег город. При виде огня и клубов дыма жители упали духом, сложили с себя оружие и взмолились о пощаде. Солдаты же между тем разграбили имущество граждан. На следующий день Иосиф стянул к Тивериаде 10000 войска, изловив всех своих врагов и закованными отправил их в крепость Иотапату («Жиз.», 62, 63, 64).

[184] К сикариям.

ТРЕТЬЯ КНИГА

[1] Весть эта застигла Нерона во время его знаменитого артистического путешествия по Греции. В многочисленной свите, окружавшей его, находился также Веспасиан.

[2] Веспасиан Тит Флавий родился в средней Италии близ Реаты. Отец его был откупщиком податей в Азии, а мать происходила из знатной умбрийской семьи. При императоре Калигуле он был военными трибуном во Фракии, потом квестором, эдилом, претором и, наконец, отличившись в Британии, был назначен консулом и затем наместником в Африке. Историки того времени дают разноречивые отзывы о характера его правления в Африке; факт однако тот, что он возвратился оттуда в Рим бедным, так что вынужден был заложить свои небольшие поместья у своего брата и заняться такого рода промыслом, который приобрел ему кличку mulio — мулоторговца (Sueton., In Vespas., 4). По Тациту, любимцу и обожателю Веспасиана, частная жизнь последнего, до возвышения его на престол, была в высшей степени двусмысленна. Его упрекали также в низкой лести, которую он расточал императору Гаю и его вольноотпущенникам. Далее его обвиняли в скаредности и в том, что он торговал лошадьми и рабами. Справедливы ли эти упреки или нет, но несомненным остается то, что Веспасиан был самым выдающимся полководцем из всех

римских военачальников его времени. «Для подавлении восстания иудеев, говорит Светоний, писавший еще под свежим впечатлением пережитых событий, потребовались очень сильная армия и способный вождь, которому можно было бы с уверенностью поручить эту важную экспедицию. Выбор пал на Веспасиана, дарования которого были общеизвестны».

[3] Ему было к тому времени 58 лет.

[4] Собственно наместником в Сирии, вместо умершего Цестия Галла, назначен был Лициний Муциан; но последнему приказано было предоставить сирийские легионы в распоряжение Веспасиана, как главнокомандующего в войне против иудеев.

[5] Веспасиан незадолго пред своим назначением навлек на себя гнев Нерона тем, что имел неосторожность заснуть на одном из музыкальных представлений, где император выступил в качестве артиста.

[6] Вместо то πέμπτον καὶ το δεκατον пятый и десятый — вероятно следует читать то πεντεκαιδέκατον пятнадцатый, — как видно из III, 4, 2, где говорится что Тит прибыл к отцу, присоединив к находившимся при нем пятому и десятому легионам приведенный им пятнадцатый. (См. Renier, Memoires de l'Academie des Inscript. et belles-lettres, t. XXVI, 1, 298; см. также Schurer, Geschichte, I, 511).

[7] В этом побоище самым чувствительным образом сказалось для иудеев больное место их военной организации — почти полнейшее отсутствие конницы. Нечто подобное, но в гораздо большем масштабе, испытали сами римляне во время республики, когда в их военной тактике конница занимала еще второстепенное место. Римская пехота, в числе 80 000, столкнувшись у Канны на открытой равнине со всадниками Ганнибала, потерпела страшное поражение: римлян пало тогда, по словам Тита Ливия, 46 000, а по свидетельству Полибия — 60 000, в то время, когда победитель потерял, кроме нескольких тысяч пехоты, только 200 всадников.

[8] После Рима и Александрии.

[9] См. примечание 148 к 18-й главе предыдущей книги.

[10] По словам Иосифа в «Жизни» (45) число городов и деревень в Галилее достигало 204.

[11] Вместо Σιυβωνίς, вероятно, следует читать Σεβωνίς (см. II, 18, 1), т. е. библейский город Хесбон.

[12] Или Иардан.

[13] Сами иудеи считали Иерусалим «пупом земли».

[14] Иосиф спохватился напасть на сепфорян уже после того, как они получили подкрепления от Веспасиана; между тем раньше, когда галилеяне, пылавшие ненавистью к изменникам, находившимся в постоянных сношениях с Цестием Галлом, неоднократно порывались идти войною на Сепфорис, Иосиф, как он сам свидетельствует в «Жизни», всеми средствами и хитростями оберегал его от их мщения. Раз галилеяне находились уже в стенах города и начали уничтожать огнем его дома, решившись стереть с лица земли гнездо римлянофилов, в котором ютилось не мало и язычников, — Иосиф тогда исполнился жалости к преследуемым и приказал солдатам прекратить погром. «Но, продолжает автор, злоба галилеян была очень жестока и ненависть их к сепфорянам сильна, как смерть, так что они не хотели слушаться меня и продолжали истребление; тогда я прибег к хитрости и распустил слух, что римляне приближаются к городу с другой стороны; для придания веры этому слуху, я сам притворился испуганным, малодушным и готовым бежать. Этим способом я спас город от опустошения». В другой раз, когда в Сепфорис вступил уже гарнизон, посланный Цестием, Иосиф был вынужден вторично напасть на него. Галилеяне тогда разрушили стену и ворвались в город; но когда значительная часть его была уже взята, Иосиф вдруг скомандовал отступление, несмотря на то, что, как он сам выражается, из его рядов пал один

только человек, а со стороны римлян — 12 пеших солдата, 2 всадника и несколько сепфорян. На этот раз поводом к бегству послужило незнакомство войска с расположением города. («Жизнь» 67, 71). Так Иосиф, действуя без надлежащей энергии и необходимой в подобных, случаях решительности, не мог справиться с единственным оппозиционным городом, находившимся под защитой горсти римского войска и должен был напрасно тратить время и силу, которые он с большей пользой мог бы употребить на организацию защиты вверенной ему области.

[15] Число это равнялось почти половинной части всех войск римской империи, достигавших в то время до 150 000 человек («Быт греков и римлян» Ф. Ф. Велишского. Перевод с чешского под редакцией И. А. Ростовцева, стр. 572).

[16] Римские граждане исполняли военную службу от 16 до 60 лет — до 45 лет полевую, до 60 лет гарнизонную. После войны против Антиоха, когда в Рим стала проникать восточная роскошь, тогда стала исчезать прежняя храбрость, считавшаяся некогда лучшим украшением свободного римского гражданина, так что большая часть римских граждан стала уклоняться от военной службы; а так как новые войны требовали более многочисленной армии, то войско набиралось при помощи особых вербовщиков (conquisitores) из бедных, неимущих классов. Даже в конницу самый больший контингент доставляли провинции; римские граждане занимали в ней почти лишь одни офицерские места (Там же, стр. 570, 571).

[17] От 3 до 5 часов.

[18] Когда лагерь устраивался на более продолжительное время и можно было ожидать нападения неприятеля, ров делался глубже и шире (от 9 до 19 футов).

[19] Чтобы избавиться от тяжелой лагерной службы, воины подкупали офицеров и получали отпуск, так что обыкновенно четвертая часть солдат находилась вне лагеря или оставалась праздной в лагере в ущерб другим. Эти злоупотребления продолжались в войсках и при Нероне и были прекращены только при Отоне, когда центурионы начали получать первую прибавку из государственной казны.

[20] Паролем служило обыкновенно имя какого нибудь бога или другое какое-нибудь знаменательное слово, как: Victoria, palma, triumphus и т. п.

[21] Описание римского лагеря, которое дает здесь Иосиф Флавий, в общих чертах сходится со сведениями других древних писателей. Кроме некоторых данных, разбросанных в исторических сочинениях Цезаря, Ливия и Тацита, мы обязаны подробными сведениями об этом предмете Полибию и Гигину, из которых первый описывает лагерь консульской армии во время 2-ой пунической войны, а второй лагерь времени Траяна.

[22] Полибий и Ливий упоминают о проступках, которые наказывались смертью; это были: оставление караульного поста или неявка в караул (особенно в ночное время), воровство, ложное свидетельство против товарища, трусость или бегство пред неприятелем и оставление оружия и, наконец, повторение проступка солдатом после того, как он уже был наказан за тот же проступок 4 раза. Смертной казни могли присуждаться целые манипулы или даже легионы. В таких случаях казни подвергался каждый десятый, впоследствии при императорах каждый двадцатый или сотый избираемый из всего числа, отряда по жребию; остальные солдаты в течение определенного времени не смели жить внутри лагеря, а находились пред окопами и получали вместо пшеницы ячмень. Уголовный суд над офицерами принадлежал только императорам.

[23] О римском войске и его организации во время Иудейской войны см. Cagnat, L'armee romaine au siege de Ierusalim в Revue des Etudes juives № 43, стр. XXI след. (Восход 1891 г.).

[24] К этому времени относится первая встреча Тита с Вереникой, прибывшей в Птоломаиду вместе с своим братом Агриппой II. Ей было 39 лет, тогда как Титу едва только 26-ой год; еврейская принцесса, несмотря на неравенство лет, так очаровала Тита, что его любовь к ней, длившаяся 12 лет, заставляла говорить о себе весь Рим и отмечена всеми

тогдашними историками. «Нет сомнения, говорит Тацит по этому поводу (Hist. II, 2), что его (Тита) молодое сердце было пленено, но эта любовь не отвлекала его от государственных дел». По словам Светония, «римский народ упрекал Тита в его страстной любви к царице Веренике; утверждали даже, что он обещал ей жениться на ней... Но как только Тит вступил на престол, он удалил ее Invitus Invitam, против ее и своей воли». (Sueton., Fit., 7). Дион Кассий говорит так: «В дни этого императора (Веспасиана) Вереника была прекраснее, чем когда-либо. Она прибыла со своим братом, Агриппой, в Рим, и этот был удостоен звания претора. Вереника поселилась в царском дворце и жила совместно с Титом. Она надеялась укрепить этот брак и вела себя уже как его супруга. Но так как Тит видел, с каким неудовольствием римский народ взирает на эту связь и сколько вследствие нее возбуждается толков, то он решил устранить ее» (Dio Cass., 66, 18).

[25] Как знамя для воина нашего времени, так орел для римского солдата был самым дорогим предметом, предметом величайшего благоговения. Его он должен был защищать до последних сил. Потеря знамени считалась самым постыдным делом.

[26] Трубачи служили только для дачи сигналов: к наступлению, отступлению, походу, смене стражи, созыву собрания и проч. Военной же музыки, играющей во время походов, древние не знали.

[27] В тексте сказано Гадара, но это очевидная ошибка, так как Гадара лежала на восточном берегу Иордана в Иудее и была взята Веспасианом лишь в следующею году.

[28] Т. е. еврейский месяц Иайр=Май.

[29] Катапульты (catapultae) принадлежали к стрелометным орудиям, они бросали стрелы горизонтально, а самые стрелы имели от 27 до 54 дюймов длины и от [1[/2 до 4 фунтов весу. Дальность полета стрел была до 400 метров. Более разрушительно было действие баллист (ballistae) — этих камнеметных машин, представлявших некоторую аналогию с современными тяжелыми орудиями. Они бросали в неприятеля — не горизонтально, а под углом 45 град. (как современные мортиры) — самые массивные камни и разные снаряды. Приблизительная дальность полета снарядов этих орудий была от 280 до 465 метров. Все эти машины были вообще очень тяжелые и перевозка их (на колесах) связана была с большими трудностями. Так, например, Иосиф ниже говорит об орудии, для перевозки которого требовалось до 300 волов.

[30] Материалом для метания служили им камни и свинцовые яйцевидные пули.

[31] Важнейшее из римских стенобитных орудий, более известное под названием тарана (aries).

[32] Для безопасности от огня, так как осажденные старались зажечь машину. Кровля эта называлась таранной черепахой (testudo arietaria). Она подвозилась к стенам на колесах.

[33] К этой ране относится, вероятно, следующее место из Светония: «Как только Веспасиан вторгся в Иудею, сопровождаемый своим сыном, который находился в числе его легатов, он обратил на себя взоры всех соседних стран, так как он возродил дисциплину в войсках и вел себя с таким мужеством, что при осаде одной сильной крепости был ранен в колено; несколько стрел внедрилось также и в его щит» (Sueton., Vespas.).

[34] Небольшие стрелометни, вследствие своей формы, назывались скорпионами (scorpio).

[35] Речь тут идет об известной в римской тактике черепахе (testudo), к которой римляне прибегали при невозможности штурма или неудаче его. Она состояла в том, что воины образовывали над собою кровлю из щитов, сделанных наподобие верхнего покрова черепахи (отсюда и название черепаха); причем передний и крайний ряды держали щиты перед собою, а средние над собою.

[36] Общеизвестно под именами греческой сочевицы или верблюжьей травы. Оно обладает скользкостью, вследствие содержания масла в его семенах.

[37] 20-го Сивана (конец июня).

[38] Римские метательные копья или дротики (pilum) были в 6 футов длины — в 3 ф. древко и в 3 металлическая часть.

[39] Отец бывшего впоследствии императора того же имени.

[40] 25-го Сивана (Июнь — Июль).

[41] 27-го Сивана.

[42] 1-го Тамуза (июнь — июль).

[43] В Моисеевом законодательстве не находится никакого указания на наложение кары за самоубийство.

[44] По легенде, рассказанной в трактате Гитин, 56, подобным же предсказанием подкупил Веспасиана в свою пользу — во время Иерусалимской осады рабби Иоханан-бен-Заккай, добивавшийся разрешения на открытие школы в Иавне или Иамнии. Но это сказание представляется невероятным ввиду того, что Веспасиан вовсе не осаждал Иерусалима и был уже императором еще далеко до появления рабби Иоханана в римском лагере.

[45] Тацит перечисляет пять знамений, предвещавших восшествие на престол Веспасиана.

[46] Продолжительность осады, как ее Иосиф определяет здесь, подтверждается показанием, данным им выше (7, 33), но расходится с датами относительно начала и конца осады. Выше (7, 3) он сообщает, что сам прибыл в Иотапату 21 Артемизия и что в этот же день ее оцепили всадники Веспасиана, а так как город был взят 1 Панема, следовательно осада длилась весь месяц Десии (Сиван) и 9 дней Артемизия, всего 39 дней. По всей вероятности день прибытия его в Иотапату (21 Артемизия) показан ошибочно.

[47] Называвшуюся так в отличие от Кесареи Филиппа.

[48] Жена Эфиопского царя Кефея, Кассиопея, возгордившись своей красотой, оскорбила Нереид (морских богинь). Тогда Посейдон послал на царство Кефея морское чудовище. По предсказанию оракула, чудовищу должна была достаться дочь царя, Андромеда, для чего ее приковали к прибрежному утесу. Но явился Персей и спас ее. Греки относили этот мифологический рассказ к Иоппии, несмотря на то, что в нем идет речь об эфиопском царстве.

[49] Названа так по имени ее творца, тетраха Филиппа.

[50] Область эта называлась Декаполисом (греческое слово, означающее десятиградье). Расположенные хотя в разных местах Иудейской земли, но населенные преимущественно чужеземцами: греками, римлянами и сирийцами, эти города после похода Помпея освободились от власти Маккавеев и образовали союз, существовавший еще около трех столетий после разрушения храма. В состав союза вошли города: Дамаск, Скифополь Филадельфия, Рафана, Гадаа, Пелла, Герадза, Иппос, Дион и Каната. Число их, первоначально десять, впоследствии увеличилось.

[51] Декурион (decurio) начальник декурии всадников. Декурия же означает вообще отделение в 10 человек. Не всегда, однако, соблюдалось число десять.

[52] Геннисарет или Геннисар позднейшее название библейского Киннерет, впоследствии называвшегося также озером Галилейским и Тивериадским, ныне Бахр-Табария.

[53] Т. е. 1 геогр. миля ширины и 3[1[/2, мили длины, — цифры эти приблизительно соответствуют новейшим исследованиям.

[54] По-гречески — чаша.

[55] Т. е. Мертвое море.

[56] Этот чудный уголок Галилеи известен теперь под названием «Эл-Гувейр» и представляет собою пустыню, поросшую бурьяном и сорными травами, среди которой сохраняются следы некогда цветущих городов.

[57] Коринфский перешеек в Греции, где производились тогда энергические работы над прорытием канала. После смерти Нерона попытка не возобновлялась. Только в самое последнее время воспользовались сохранившимися следами нероновского предприятия: — в июле 1893 года Коринфский канал был открыт.

[58] 8-го Элула — начало Сентября.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

[1] Т. е. гора Тавор, ныне Джебал-Тур.

[2] Называется в Библии Меромским, что означает по-еврейски возвышенным, ибо озеро это самое высокое в стране: на 166 ф. выше уровня Средиземного моря, на 950 ф. выше Соляного или Мертвого моря и 446 ф. выше Генисаретского озера. Ныне озеро называется Бахр ал-Хулэ. Зимою во время таяния снегов оно значительно увеличивается, а в сильные жары это мелководное озеро, глубина которого не превышает 10 футов, высыхает и превращается в болото. Вода этого озера пресна, пригодна для питья и изобилует рыбой, вследствие чего, как иные полагают, озеро называется Самахонитским, так как «саман» на арабском языке означает — «рыба». Но арабское «самака» имеет еще значение «быть высоким», а потому возможно, что Самахонитское однозначуще с Меромским. (См. Schenkel, Bibel-Lexikon IV, 182).

[3] Гамал по-еврейски значит верблюд.

[4] В Талмуде

[5] Такое явление могло произойти потому, что город, как выше было сказано, был расположен на склоне горы.

[6] Иными словами — «сомкнуть щиты и образовать черепаху» (Значение последней — см. II, 7, 27).

[7] Тишри — Октябрь.

[8] Тишри (октябрь).

[9] Элул (сентябрь).

[10] По-еврейски — Иоханан-бен-Цеви.

[11] Анан сын Анана, возведенный в первосвященники Агриппой II в промежуток времени между смертью прокурора Феста и прибытием Альбина, но занимавший свой пост только короткое время, принадлежал к числу тех, которым при организации восстания вверена была охрана Иерусалима. Он, однако, склонялся более на сторону миролюбивых и открыто выступал против зелотов, когда последние, стекавшись в столицу, всеми силами старались укрепить в ней свою власть и увлечь за собою весь народ. В других местах, где Иосиф Флавий говорит об Анане (И. Д. XX, 9, 1; «Жизнь», 32) он его рисует в не особенно выгодном свете, и если он здесь о нем отзывается сочувственно, то это надо приписать его озлоблению против зелотов, в которых он видел настоящих виновников постигшей иудеев катастрофы и которых он в своем пристрастии и своей ненависти к ним везде клеймит именем разбойников.

[12] Это заявление может быть отнесено ко всем предыдущим временам исторической жизни евреев, только не к последнему столетию существования второго храма; ибо еще со времен Ирода II, с первого дня восшествия его на престол, первосвященнический сан перестал быть наследственным. От Ирода до момента, описываемого в настоящей главе, прошло 105 лет, в течение которых по свидетельству Иосифа сменились 27 первосвященников — все они назначались не по наследству, а по произволу царей из дома

Ирода или прокураторов. Существовали, впрочем, пять привилегирован- ных семейств, из которых преимущественно назначались первосвященники — это были: Боэфос, Канфар или Кафар, Фаби, Камиф и Анан. Но члены этих семейств, независимо от того, что почти всегда служили слепым оружием в руках идумейского или римского правительства, своим поведением и образом жизни часто позорили тот высокий идеал нравственности, который они были призваны осуществлять. Каждый новый первосвященник окружал себя кликой негодяев, которые во время жатвы рыскали но полям и с жгутами в руках насильно выжимали с народа десятинный сбор в пользу своего патрона. Устраненный первосвященник нередко вступал в ожесточенную борьбу с его счастливым заместителем — тогда улицы Иерусалима оглашались пошлой руганью и бранными кликами двух враждовавших лагерей, метавших друга в друга камни и стрелы (И. Д. XX, 8, 8. 9, 4. 10, 11). Так пользовались своими привилегиями первосвященники, злоупотребления и жестокости которых нередко вызывали крики негодования в народе; в талмудической литературе часто встречаются горькие жалобы на хищничество, свирепость и жадность этих первосвященников, принадлежавших к партии саддукеев. (См. Талмуд, тр. Песахим 57а; Тосефта, Ир. Менахах 13, 18-21 и тр. Зебахим 11, 16-18.). Для зелотов же, проповедовавших царство Божие и равноправность, упразднение подобных привилегий являлось только делом, непосредственно вытекающим из основного принципа их учения.

[13] Т. е. священническое отделение Иахин; см. Паралипом. I, 24, 17.

[14] По И. Д. — Финес, по Талмуду — Пинхас; одни называют его землепашцем, другие — каменщиком. Пинхас сын Самуила был последним первосвященником и 83-м по числу, начиная от Аарона. Он заместил Матфию сына Теофила, в последний раз назначенного Агриппой II.

[15] Первосвященники носили на челе дощечку из чистого золота, на которой было вырезано имя Иеговы.

[16] Всеми уважаемый и пользовавшийся большим влиянием рабби Симон-бен-Гамлиель был преданным другом Иоанна. («Жизнь», 38).

[17] Или по другому чтению — сын Амфикала, вероятно тождествен с упоминаемым в еврейских источниках Захарией сыном Абкула.

[18] Бывший раньше первосвященником Иошуа бен Гамла.

[19] В тексте сказано: «лоб и голова».

[20] Идумеяне за 200 лет до разрушения храма, при Иоанне Гиркане, были приневолены к принятию еврейской религии, и с тех пор почти совершенно слились с иудеями, так что могли быть названы ими «соплеменниками».

[21] См. примечание к IV, 7, 3.

[22] Иошуа-бен-Гамала получил сан первосвященника за две меры динариев, данных Агриппе II-му его богатой женой (бывшей вдовой) Марфой — дочерью Боэфа (см. Иебамот, 61а). Он вытеснил тогда Иашуу — сына Дамная, который в свою очередь, замещал Анана — сына Анана. Таким образом Иошуа, о котором здесь идет речь, был третьим первосвященником по очереди после Анана. В И. Д. XX, 9, 4, Иосиф рассказывает, что Иошуа — сын Гамалы и его предшественник Иашуа — сын Дамная окружали себя отрядами наемников, превратившими Иерусалим в театр междоусобной войны. Талмудисты (Баба-Батра, 21а) благословляют, однако, память Иошуи-бен-Гамала за повсеместное введение им в городах школ для детей от шести или семилетнего возраста, так как до него существовали только школы для юношей от 16-летнего возраста, учрежденные рабби Симоном бен-Шетах еще в царствование Маккавеев.

В «Жизни», 41, Иосиф рассказывает, что Иошуа-бен-Гамала был его другом и приятелем и он же выдал его отцу тайну синедриона об отрешении его, Иосифа, от должности главнокомандующего в Галилее.

[23] Вероятно тождественен с упомянутым выше, II, 20, 3, Иосифом сыном Гориона. См. Derenbourg Essai sur l'histoire et la geographie de la Palestine, стр. 270.

[24] Тацит дает более понятное объяснение отсрочке иерусалимской осады: «Военные действия, говорит он, были приостановлены до тех пор, пока не были заготовлены все нужные для взятия городов орудия, изобретенные как в древности, так и гением новейших времен» (Tacit. Hist. V, 13).

[25] На западном берегу Мертвого моря, упоминается в Библии и Талмуде, ныне Айн-Джиди.

[26] Гадара принадлежала к Декаполису, а поэтому трудно объяснить, каким образом Иосиф Флавий называет ее ρητροπολις τής Περαίας. Гретц («Geschichte der Juden», III т., 516 стр.) предлагает вместо Гадары читать Иазер, другое предположение см. Schurer, Geschichte, II, 90, примеч. 188.

[27] Адар — Март — апрель.

[28] Следует, может быть, читать Бетенамрин, как полагает Сауси. См. Гретц, в. с.

[29] Ав. — близ Иордана, напротив Иерихона. Юд. — называлась также Ливией, по ту сторону Иордана, недалеко от Авилы Иерихона, древний Бета-Гаран. Бет — библейский Бет-га-Иешимот на северо-восточном берегу Мертвого моря.

[30] Пропретор Кай Юлий Виндекс, возмущенный тиранией Нерона, предложил своему войску низвергнуть его и возвести на престол правителя Испании, Гальбу.

[31] Между Аммаусом и Идумеей.

[32] Древний Сихем.

[33] Сиван — Май — Июнь.

[34] На востоке от Мертвого моря. Здесь существуют холмы, состоящие из тяжелого черного камня, заключающего в себе до 20 проц. железа; туземные арабы и теперь еще расспрашивают прибывающих к ним путешественников относительно способа извлечения из него железа. Выделываемые из этого камня ворота, двери, столы и стулья имеют вид железных.

[35] Во второй книге царств (II, 19-23), откуда позаимствован этот рассказ, не упоминается ни о жертве возлияния, ни о манипуляциях рук, ни даже о молитве.

[36] Κϋπρος (cyprus) библейское Лавзоново дерево, из цветов которого делалось благовонное масло. У арабов ал-хенна.

[37] μυροβάλανος (mirobalanum). Плод дерева, называемого арабами «заккум», из которого делали бальзам, отождествляемый некоторыми, но без основания, с библейским

[38] По мнению Томсона (The Land and the Book 1861 г.). Иорданская долина, представляющая собою ныне вид полнейшего запустения при введении рационального орошения в состоянии была бы прокормить полмиллиона жителей.

[39] Следует, конечно, читать: «тяжела».

[40] 14 1/2 геогр. мили длины и 3 1/4 геогр. мили ширины. По новейшим исследованиям длина Мертвого моря, от севера к югу, равняется 10 геогр. милям, а средняя его ширина 2 1/2 мили. Тяжесть воды зависит от содержащихся в ней минеральных веществ, в количестве около 25 проц.

[41] Сказание о так называемых «содомских яблоках», красивых на вид, но внутри наполненных пеплом, со слов Иосифа поверялось многими позднейшими писателями. По мнению известного путешественника Робинзона повод к этому сказанию давало растущее вблизи Мертвого моря дерево Asclefias gigantea, плоды которого при малейшем давлении лопаются подобно пузырю.

[42] Тацит более откровенно объясняет поспешное возвращение Тита сердечным влечением его к прекрасной Веренике (Tacitus hist. 2. 1-2). Что касается Агриппы, то он уехал в Рим для того, чтобы оттуда доставлять Веспасиану сведения о ходе дел и вербовать ему на месте приверженцев.

[43] По весьма вероятному предположению Гаверкампа в примечании к нашему месту (II, 302) вместо Naiv следует читать Aiv, т. е. библейское.

[44] Предание о древности Хеврона подтверждается Библией, где (книга чисел 13, 22) сообщается, что этот город был построен семью годами раньше Таниса в Египте; последний же город, как видно из найденных там памятников, существовал уже при шестой династии, т. е. в третьем тысячелетии до Р. Х. (См. Ebers, Durch Gosen zum Sinai, 1881, стр. 518).

[45] Дерево это уже в IV веке более не существовало, зато в окрестности города сохранился по настоящее время дуб громаднейших размеров, который многие смешивают с упомянутым Иосифом деревом.

[46] Марк Сальвий Оттон, бывший товарищ оргий Нерона, посланный правителем в Лузитанию, когда его жена Поппея сделалась любовницей Нерона. Из ненависти к Нерону он принял сторону Гальбы, надеясь, что в награду за то старик Гальба усыновит его, сделает своим соправителем и наследником; но когда Гальба усыновил и назначил своим наследником Пизона Лициниана, Оттон с помощью взбунтовавшихся преторианцев свергнул Гальбу и сам овладел престолом.

[47] Вителлий был еще назначен Гальбой начальником легионов Нижнего Рейна.

[48] Сиван. Июнь — Июль.

[49] Нисан — апрель.

[50] Обычай возвещения наступления субботы соблюдался еще после разрушения храма. См. Тр. Шаббат 35в: Рыбинский. Древнееврейская Суббота 1892, стр. 195.

[51] Вителлий собственно имел сына: он носил имя Германика и был умерщвлен после смерти его отца (Tacitus, Histor. II, 59; IV, 80).

[52] Сабин и Домициан; о них еще будет речь впереди.

[53] Сабин был назначен Вителлием римским префектом.

[54] Западный пограничный город Нижнего Египта.

[55] На крайнем восточном рукаве Нила.

[56] Этот так называемый Фаросский маяк, или Фарос Александрийский считался в древности одним из главных чудес. Он стоял на скале и по своей высоте не уступал пирамидам.

[57] Александр, как свидетельствуют Тацит и Светоний и как точнее сообщает ниже (V, 1, 6) Иосиф, еще до Муциана, еще прежде чем собственные легионы Веспасиана в Иудее, присягнул на верность последнему. Недаром Веспасиан поставил ему еще при жизни памятник в Риме.

К склонению же на сторону Веспасиана Александра — этого перешедшего в язычество александрийского еврея — содействовали Агриппа и сестра его Вереника, для которой возвышение дома Флавиев, ввиду известной ее связи с Титом, представлялось делом чрезвычайной важности.

[58] Часть нынешней Сербии и Болгарии.

[59] Нынешняя верхняя и нижняя Австрия и западная Венгрия.

[60] Они были преданы Оттону и решились отомстить Вителлию за ниспровержение им последнего.

[61] В Кремоне Цецинна получил известие, что флот, стоявший в Равенне, принял сторону Веспасиана: он упал духом и предложил своему войску последовать этому примеру.

[62] Воины Веспасиана, — говорит Г. Вебер (Всеобщая История, IV т., стр. 224, *перев. Андреева*), — насытили свою свирепость и алчность грабежом и неистовством; взяв приступом Кремону, они с неукротимою яростью ринулись в дома, били и убивали граждан, насиловали женщин и девушек, разграбили все и зажгли богатый и прекрасный город. Немногие жители, которые успели спастись бегством, собрались потом на пепелище Кремоны и построили несколько бедных хижин. Пленников не было; воины Веспасиана не брали в плен никого из жителей города, потому что это были римские граждане и нельзя было продать их в рабство; они убивали всех.

[63] Рассказанные здесь Иосифом события не согласны с известиями римских источников, представляющих все дело в следующем виде. Когда Антоний Прим приблизился к Риму, Вителлий, отчаявшись в возможности сопротивления, пришел на форум и объявил, что для прекращения войны и для блага отечества он отказывается от императорской власти и со слезами просил народ пожалеть его жену и детей. Эта печальная сцена возбудила сострадание толпы. Приверженцы Вителлия и солдаты объявили, что не принимают его отречения и заставили его вернуться во дворец. Тогда префект города, Сабин, принимавший уже поздравления по случаю провозглашения его брата императором, испугавшись сочувствия толпы Вителлию, бежал с младшим сыном Веспасиана, Домицианом, в Капитолий. Приверженцы же Вителлия и германские воины напали на великолепный храм Юпитера и превратили его в груду обгорелых развалин. Сабин был убит, вопреки просьбам Вителлия пощадить его. Домициан успел бежать, переодевшись жрецом Изиды. (Schiller, Geschichte der Romischen Kaiserzeit, 1, 398).

[64] «Ужасное и гнусное зрелище представлял Рим, — говорит Тацит. — (Histor., III, 83). В одних местах шла битва; люди убивали, в других местах люди нежились в банях, пировали; подле крови и груд тел находились публичные женщины и люди, подобные им; весь разврат роскошного спокойствия и все свирепости взятия города приступом совершались одновременно, так что казалось, будто одна часть города охвачена безумием ярости, другая — безумием веселья... Удовольствия не прекращались ни на минуту: люди наслаждались ими, как будто убийства принадлежат к числу веселостей происходившего тогда праздника (Сатурналий). Веселились, наслаждались, радуясь среди всеобщего бедствия».

[65] Вителлий особенно выдавался своим обжорством, превзойдя в этом искусстве таких мастеров, как Калигула и Нерон. По словам Светония. (Vitellius, 13) на каждый обед Вителлия тратилось не меньше 400, 000 сестерций (свыше 20, 000 рублей).

[66] 20-го декабря.

[67] За смертью Вителлия последовало время террора. Воины Веспасиана, раздраженные сопротивлением и алчные, свирепствовали в Риме, грабили убивали, совершали всякие неистовства. Ни Антоний, ни Муциан не имели силы или желания остановить буйства воинов, а Домициан и тогда уже выказывал все те дурные страсти, которым потом дал такой широкий простор. «Не занимаясь правительственными делами, — говорит Тацит, — он играл роль императорского сына лишь распутством». Победители не удовольствовались убийством или казнью выдающихся людей побежденной партии, а убили и многих других, не виноватых ни в чем, кроме того, что были очень богаты и пользовались большим уважением народа. Разыскивая приверженцев Вителлия, воины под этим предлогом врывались в дома, убивали, грабили, предавали поруганию женщин и девушек. Порядок восстановился только по приезде Веспасиана». («Всеобщая История» Вебера, IV, стр. 226).

[68] Где он остановил вывоз хлеба в Рим.

ПЯТАЯ КНИГА.

[1] В самом начале междоусобной борьбы, когда первосвященник Анан натравил народ на зелотов (IV, 3, 7).

[2] Об уничтожении хлебных запасов рассказывают также Тацит (Hist. V, 12) и талмудические источники (Гиттин 56а; Мидраш Эха ад 1, 5).

[3] Кедровый лес на Ливанской горе, носивший то же название.

[4] См. «Описание храма» гл. 5.

[5] Войско Веспасиана, вступившее в Галилею, Иосиф исчисляет выше (стр. 270) в 60 000; а так как к этому войску прибавился еще один легион, а вспомогательные отряды союзных царей были усилены против прежних, то осадное войско под Иерусалимом принято считать не менее, чем в 80 000.

[6] Кроме ренегата Тиверия Александра, Тита сопровождали еще два еврея, царь Агриппа II и автор настоящей книги, Иосиф Флавий. Последний, в течение всего времени со дня его пленения жил в римском лагере, пользуясь полной свободой и даже успел между тем два раза жениться; в первый раз он женился на иудейской пленнице в Кесарее, которая его, однако, скоро оставила, и тогда он, по прибытии своем вместе с Веспасианом в Александрию, женился во второй раз на александрийской еврейке («Жизнь», 75).

[7] В тексте βασιλευς; только после взятия Иерусалима войско дало Титу почетное имя императора.

[8] См. комм. 152 к Книге второй.

[9] Иосиф, как противник войны, не одобряет продолжения борьбы против римлян и потому называет примирение партий, с целью защиты города и святыни, дурным делом.

[10] Нисан.

[11] Приверженцы Элеазара вместе со своим вождем подчинились Иоанну и слились с партией последнего.

[12] Один на западе, другой на востоке.

[13] От севера к югу.

[14] Западный холм,

[15] Сион.

[16] Или Верхний город.

[17] Восточный.

[18] Акра по греч. цитадель. Построена на восточном холме Антиохом Эпифаном, — для сирийского гарнизона; впоследствии имя это было распространено на весь холм.

[19] Мория — на севере от Акры.

[20] Долина сыроваров.

[21] Прекрасная колоннада, которая вела от дворца Ирода в Нижнем городе к храмовой горе.

[22] — местоположение неизвестно.

[23] По-еврейски «Офел» — юго-восточный отрог храмовой горы.

[24] Греч. слово, означающее «валяльщик сукна».

[25] Тацит о иерусалимских стенах говорит: «Иерусалим, расположенный на двух холмах, был обнесен стенами, которые весьма искусно построены были углами, то выступавшими вперед, то обращенными внутрь таким образом, что вторгающийся неприятель всегда был подвергаем нападению с боков». (Tacit, hist. V, 11).

[26] Это толкование Иосифа, очевидно, основывается на недоразумении. Бецета может быть лишь тогда как название «Новый город» соответствует выражению Или текст здесь испорчен, или эта часть города носила двойное имя, перепутанное Иосифом. См. Palaestina von S. Munk, bearbeitet von M. A. Levy, стр. 103; Schurer, Geschichte, I, 526. E. Stark, Palaestina und Syrien, стр. 87.

[27] См. II, 11, 6.

[28] Локоть (cubitus) означал длину руки от локтя до конца среднего пальца.

[29] Фазаель не умер в сражении, как говорит здесь Иосиф, а был изменнически убит в темнице, куда заманили его парфяне (см. Книга первая, глава 13, § 10).

[30] «Иродовы голуби» — — упоминаются также в Мишне; Шаббат, 24, 3; Хуллин, 12, 1.

[31] См. I, 21, 1.

[32] Мория.

[33] Одна из этих надписей, греческая, открыта и опубликована была в 1871 г. французским академиком Клермон-Ганно. См. Clermont-Ganneau в Revue archeologique, 1872, стр. 214-234, 290-296; Derenbourg в Journal asiatique, 1872, стр. 178 след.; Piper в Jahrbuch fur deutsche Theologie, 1876, стр. 51 след.; Mommsen, Geschichte, V, 513.

[34] Дорогой в древности металл, составлявший сплав из золота, серебра и меди. Эти ворота назывались «Никаноровы ворота».

[35] Отец того самого Тиверия Александра, который перешел в язычество, был прокуратором сначала иудейским, потом египетским, а при иерусалимской осаде занимал высший после Тита начальнический пост в римском войске.

[36] Голубая материя под цвет гиацинта, по-евр.

[37] По-евр. (слово египетского происхождения) или Виссон обыкновенно был белого цвета, но иногда окрашивался в пурпур, а иногда представлял собою совершенно прозрачную материю. Из такого именно виссона, т. е. прозрачного, делалась одежда первосвященников в последнее столетие существования храма. По свидетельству Плиния Старшего, виссон продавался на вес золота.

[38] По-евр.

[39] По-евр.

[40] Т. е. четыре элемента.

[41] Так как в состав зодиака входит изображения одушевленных предметов.

[42] Т. е. по двадцати локтей в вышину, длину и ширину.

[43] В Талмуде (Иома 53в) упоминается о камне (т. е. фундамент), который будто бы находился в Святая-Святых на том же месте, где некогда стоял ковчег, исчезнувший после разрушения первого храма или, может быть, еще раньше. Значение и назначение этого камня неизвестны. Различные легенды о судьбе ковчега и месте его сохранения — см. у Гейгера, Lehrbuch zur Sprache der Mischna, стр. 13.

[44] Иные как, напр., Михаэлис, полагают, что эти шпицы имели назначение громоотводов. Этим, равно как и тем, что вся кровля храма и его фасад были сплошь покрыты золотом, а в храмовом дворе находились глубокие цистерны, в которые дождевая вода с храмовой крыши протекала по металлическим трубам, объясняется, что храмовое здание, которое по своему положению на вершине горы особенно подвергалось опасностям гроз, чрезвычайно сильных и частых в Иерусалиме, тем не менее ни разу за все свое слишком тысячелетнее существование не потерпело от удара молнии.

[45] Вероятно не точно передаваемое Иосифом словом «пояс».

[46]

[47]

[48]

[49]

[50]

[51] Эта часть облачения называлась «наперсником судным» Расположение камней, данное здесь, не совсем, кажется, согласуется с тем какое мы находим в Пятикнижии. Впрочем, точное значение еврейских названий перечисленных в Библии камней крайне сомнительно.

[52] Иегова.

[53] В день всепрощения.

[54] Т. е. города, храма и самого замка.

[55] Никанор повидимому был ренегатом из евреев; ибо выше (III, 8, 2) Иосиф называет его своим «близким знакомым и давним другом», а здесь он говорит о нем, как о человеке, хорошо известном иудеям, не поясняя, однако, причин его известности.

[56] Об этих машинах см. коммент. 29 и 34 к Книге третьей.

[57] Аттический талант 55 фунтов, эгинский — 66 фунт.

[58] По греч. «победоносный».

[59] Ияр — Май.

[60] В сев.-восточном углу предместья Бецеты.

[61] Александр-Ианнай из дома Асмонеев.

[62] В предыдущих главах автор изображал не одну битву, где иудеи, сражаясь именно на близких дистанциях, но пехота против пехоты, одерживали над римлянами блестящие победы, обращали целый легион в рассеянное бегство и если уступали поле сражения, так только под натиском конницы, которая совершенно отсутствовала в иерусалимском оборонительном войске.

[63] Тацит, менее пристрастно относившийся к рассказываемым событиям, свидетельствует наоборот, что все, которые только способны были носить оружие, принимали участие в борьбе с римлянами; даже женщины, подобно мужчинам, выказывали беспримерное презрение к смерти (Tacitus historiae 5, 13).

[64] Автор настоящей книги.

[65] История похищения Сары египетским царем в изложении Иосифа носит чисто легендарный характер. Известно, что жизнь Авраама и многих других героев Библии впоследствии разукрашена была сказаниями и легендами, отчасти сохранившимися в талмудической письменности, апокрифических книгах и дошедших до нас отрывках эллинистической литературы. Иосиф пользуется здесь не простым библейским рассказом (Бытие 12, 10-20), но позднейшей легендарной формой его, чтобы сильнее подействовать на своих слушателей. Впрочем, о походе Фараона во главе многочисленного войска против Авраама в известных нам источниках нигде не упоминается. Но нет сомнения, что Иосиф позаимствовал эти подробности из какого-нибудь доступного ему, но не сохранившегося источника — может быть из сочинения Артапана περι Ιουδαυ, в котором легендарному элементу отведено было весьма значительное место и которым Иосиф, как это положительно известно, пользовался в своих работах. См. F. Freudenthal, Hellenistische Studien, 169 сл. О сказаниях об Аврааме см. B. Beer, Leben Abrahams nach Auffasung der judischen Sage; G. Weil, Biblische Legenden der Muselmanner, 68-99; M. Grunbaum, Neue Beitrage zur semitischen Sagenkande, 89-132.

[66] Иосиф намекает на библейский рассказ о пленении ковчега филистимлянами (см. I кн. Самуила, 4-6). Название «ассирийцев» здесь употреблено в смысле «сирийцев», каким именем греческие и римские писатели нередко называют всех жителей Палестины и прилегающих стран. Слово Συριος или Συριον (сирийцы) собственно есть только сокращение Ασσυρηιος, вошедшее впоследствии в общее употребление (см. Justin, I, 2, 13 Assirii, qui post ea Syrii dicti sunt), причем, однако, оба имени часто смешиваются. Так, напр., в Талмуде

шрифт сирийский или арамейский называется «ассирийским». Впрочем, некоторые кодексы в нашем месте действительно читают υτο Συροι. (Havercamp. II, 348).

[67] См. II кн. Царств, 18 и 19; Исайя, 36 и 37; II кн. Паралипоменон, 32.

[68] Езекия.

[69] При нашествии Сеннахерива на Иерусалим, Езекия заплатил ему контрибуцию в размере 30 талантов золота и 300 талантов серебра (по ассирийскому источнику: 800 талантов серебра), но тем не менее, скоро после этого, перед стенами Иерусалима появилось многочисленное ассирийское войско.

[70] Помпей.

[71] Это показание противоречит тому, что сообщает Дион Кассий, который говорит: «римляне были крепко моримы жаждой, в их распоряжении находилась только зловонная вода, которую к тому приходилось еще доставлять издалека. А иудеи, напротив, были в избытке снабжены водою, которая, по подземным ходам, проведенным под городскими стенами, притекала из дальних окрестностей». (Dio Cass. 66, 4).

[72] «Мать, а также и отец Иосифа содержались зелотами в одиночном заключении, и никому не был дозволен доступ к ним.

[73] Молодой Эпифан был обручен с дочерью Агриппы I, Друзиллой; но брак этот не состоялся вследствие того, что Эпифан отказался подвергнуть себя обряду обрезания (И. Д. XIX, 9, 1. XX, 7, 1).

[74] См, VII, 7, 1-4.

[75] 29 ияра (май).

[76] Т. е. первосвященника Иоанна; см. выше гл. 6, 2.

[77] Вероятно тождественен с упоминаемым в Талмуде местом рождения таннаита Рабби Иошуи.

[78] Т. е.

[79] Гороховый дом.

[80] Вышеупомянутый Тиверий Александр.

[81] См. IV, 9, 11.

[82] Того самого города, после падения которого Иосиф перешел к римлянам.

[83] Описанные здесь зверства послужили основанием известного постановления: воспрещается проглатывать золотые динарии во время войны, вследствие опасности для жизни. См. Тосифта Гиттин, 4, изд. Цукермандля, стр. 327.

[84] По-еврейски — мера жидкости, часто встречаемая в Библии.

[85] От 14-го Нисана (март — апрель) до 1-го Тамуза (июнь — июль).

ШЕСТАЯ КНИГА

[1] 1-го Тамуза (Июль).

[2] По нашим часам — полдень.

[3] 3-го Таммуза (июль).

[4] По нашим часам, 3-й час утра.

[5] Т. е. от 3-го часа утра до 1-го часа пополудни.

[6] 17 Таммуза (июль). О прекращении ежедневного жертвоприношения в 17-й день Таммуза сообщатся, также, в Мишне (Таанит IV, 6). Этот день, как известно, еще по сие время посвящается посту ежегодно.

[7] Всесожжение постоянное (Исход 29, 38-42), приносившееся утром и вечером.

[8] Так как жертвоприношение приостановлено было вследствие недостатка людей, то Тит предложил ему избрать из находившихся у него пленников лиц, нужных для

жертвоприношения. Отсюда видно, что чтение ἀνδρω ἀπορία, вместо которого некоторые предлагают читать ἀμνων απορία (вследствие недостатка агнцев) вполне правильно.

[9] Вторая книга царств 24, 12.

[10] Т. е. в 3-м часу утра.

[11] Иными словами, битва началась в 3-м часу утра и кончилась в 12-м часу дня.

[12] Т. е. 24-го Панема или Таммуза.

[13] Не вся Антония была разрушена, ибо, как видно будет из дальнейшего рассказа, на Антонии помещалась квартира Тита.

[14] 5-й час пополудни.

[15] Это произошло 22-го Таммуза.

[16] 24-й Панема, или 24-й Таммуза (июль).

[17] 27-го Тамуза (иоль-август).

[18] По-еврейски

[19] Подобные же сцены умерщвления и съедания матерями своих детей рассказываются: в тракт. Гиттин 56а, Мидраш Эха ad. 1, 16 и 2, 19.

[20] 8-го аба (август).

[21] 8-го аба (август).

[22] 9-го аба (август).

[23] Рассказ Иосифа о намерении Тита пощадить храм может показаться подозрительным, если иметь в виду слишком уже явное, сквозящее по всей книге старание автора идеализировать по мере возможности победителя иудеев. Но историческая верность его еще больше подвергается сомнению ввиду другого свидетельства, сообщающего как раз противоположное и прямо приписывающего Титу решение сжечь храм. Такое свидетельство мы имеем в хронике Сульпиция Севера, автора V века, рассказывающего (Chron., II, 30) следующее: «Говорят, что Тит созвал военный совет и спрашивал, должно ли разрушить такое здание, как храм. Некоторые полагали, что не следует уничтожать посвященного Богу здания, превосходящего великолепием все другие человеческие сооружения, что сохранение храма будет свидетельством кротости римлян, а его разрушение опозорит их неизгладимым пятном жестокости. Но другие, и в том числе сам Тит, говорили, что необходимее всего разрушить именно храм, чтобы совершенно искоренить веру иудеев и христиан; потому что эти два вида веры, хотя враждебны один другому, имеют одно и то же основание: христиане произошли из иудеев, и если истребить корень, то легко погибнет и ствол дерева. По божественному внушению, этим воспламенились все умы, и таким образом храм был разрушен». Известный филолог Яков Бернайс, первый исследовавший хронику Сульпиция Севера, неопровержимо доказал (Ueber die Chronik des Sulpicius Severus, Breslau, 1861; также Gesamm. Abhandlungen том II), что главным источником С. Сев. служил Тацит, у которого, по его мнению, заимствовано также это известие (historiae Тацита за это время не сохранились), заслуживающее, поэтому, предпочтения перед рассказом Иосифа. К этому предположению присоединяется большинство ученых, как: Штанге (De Tite Imperatorisvita, ч, I, стр. 39 след.), Шиллер (Geschichte der romischeu Kaiserzeit, ч. I, стр. 399), Момсен (Romische Geschichte, ч. V, стр. 539) и др. Известие С. Сев., подтверждающееся поэтом Валерием Флакком, прославляющим Тита за то, что он бросил пылающую головню в храм (Argonautica, l, 13) и хроникой жившего в V веке пресвитера Оросия (VII, 9), в действительности кажется более вероятным, так как римляне главную причину мятежа видели в религиозном культе евреев и для них, поэтому, важно было разрушить важнейший религиозный оплот и, таким образом, уничтожить очаг дальнейших восстаний. Так они также впоследствии закрыли Ониев храм в Леонтополе, и если его не разрушили, то только потому, что он не пользовался всеобщей святостью и, находясь не в еврейском центре, не представлял никакой опасности. Мотив,

которым объясняет С. Сев. решение Тита, правда, носит христианскую окраску, но это уже разукрашение, которое, вероятно, позволил себе сам автор. Доводы, выставленные Гретцем против верности рассказа С. Сев. (Geshcichte, т. III, третье изд., стр. 575), мало убедительны. См. C. Thiancourt, Ce que Tacite dit des Juifs в «Revue des Etudes Juives», т. XIX, стр. 66 след.

[24] 10-е Лооса соответствует 10-му Аба. Дата, данная Иосифом здесь для сожжения первого храма, противоречит его же собственному показанию в «Иуд. Др.» (X, 8, 5), по которому катастрофа последовала в первый день пятого месяца т. е. Аба. В точности определить день разрушения первого храма невозможно, так как показания библейские в этом отношении разноречивы. В одном месте (Иерем. 52, 12, 13) днем сожжения назван десятый день пятого месяца, а в другом месте (Вторая книга царств 25, 8, 9) седьмой. Впрочем, в последнем месте возможна описка, так как сирийский перевод вместо «седьмого» гласит «девятый». Талмудическое предание относит разрушение обоих храмов к девятому Аба (Таанит, 29а) и в этот день, как известно, установлен пост.

[25] Талмудическая легенда (Гиттин 56), гласит, что Тит вторгнулся в Святая-Святых в сопровождении непотребной женщины и совершил с ней блудодеяние на свитке торы.

[26] Второй храм был построен Зоровавелем при содействии Аггея. Сооружение его началось, правда, при Кире, но вследствие козней самарян и других врагов евреев было приостановлено, а затем возобновлено и доведено до конца лишь в шестой год царствования Дария Гистаспа (Книга Эздры, гл. 3, 5 и 6).

[27] Мория.

[28] Нисан.

[29] Т. е. в 3-м часу утра.

[30] Ср. в. «Пр. Ап.» II. 9.

[31] По нашим часам полночь.

[32] Ияр.

[33] См. II,14, 1-2.

[34] Тацит также сообщает о некоторых приведенных Иосифом знамениях, являвшихся будто бы евреям. «В Иерусалиме, говорит он, творились чудеса, которых иудейский народ, преданный суевериям и относящийся враждебно ко всякому религиозному культу, не считал нужным умилостивить обетами и искупительными жертвами. В облаках виднелись войска и блеск оружия; молнии ярко осветили храм; ворота храма сами собою раскрылись и необычайный голос, сильнее всякого человеческого, возвестил о том, что боги удаляются, при этом и слышен был шум чего-то удаляющегося». (Historiae V, 13). В Талмуде также упоминается о некоторых зловещих знамениях, предшествовавших, хотя не непосредственно, разрушению храма, (см. Иома 39а).

[35] См. Tacit, historiae V, 13.

[36] Легионы нередко по случаю победы давали полководцам почетный титул императора. Принятие Титом этого титула навлекло на него подозрение, будто бы он желает отложиться от Веспасиана и провозгласить себя властителем Востока (Sueoton., Titus 5)

[37] Кроме добровольных пожертвований, стекавшихся в храмовую казну как от евреев, так и от язычников, на нужды храма поступал еще обязательный для евреев всех стран и земель сбор в размере [1[/2 сикля в год с каждого вышедшего из двадцатилетнего возраста.

[38] Ср. Предисловие автора, § 2.

[39] 20-го Аба (Августа).

[40] Пряная корка, похожая на корицу, по-еврейски

[41] Между прочими сокровищами спасены были также священные книги, хранившиеся в храме. Этот священный клад, с соизволения Тита, принял к себе Иосиф Флавий («Жизнь», 75).

[42] 7-го Элула (Сентябрь).

[43] 8-го Элула (сентябрь).

[44] Т. е. в Верхний город.

[45] Некоторое число пленников удалось спасти Иосифу Флавию. Он освободил прежде всего своего брата и пятьдесят друзей; затем он своим заступничеством перед Титом доставил свободу 390 женщинам и детям, принадлежащим к знатному сословию, которые были выпущены на волю без выкупа. В заключение он еще среди распятых пленников узнал трех своих друзей и упросил Тита снять их с крестов и залечить им раны; но спасти удалось только одного, другие же два умерли. («Жизнь», 75).

[46] Следует здесь читать 2 565 000, или же выше — 270 000. Точность сообщаемых здесь Иосифом цифр подлежит большому сомнению. Город с пространством в 33 стадии, как его определяет сам Иосиф, едва ли мог вмещать в себе такую массу людей. С другой же стороны заклание такого огромного числа пасхальных агнецов в сравнительно незначительном по пространству храмовом притворе в течение двух часов оказывается абсолютно невозможным. Выводы которые делает Гретц из этих данных (Geschichte, четвертое издание, т. III, стр. 812 след.), скомбинированных им с сообщением Иосифа на 207 стр. настоящей книги и с известием Талмуда о предпринятой царем Агриппой во время Пасхи народной переписи в Иерусалиме, при более близком рассмотрении оказываются крайне шаткими. См. обстоятельное исследование этого вопроса в книге проф. Д. Хвольсона, Das letzte Passamahl Christi und der Tag seines Todes, стр. 48-54.

[47] Библейский Шишак (первая книга царств 14, 25), египетский Шешонк.

[48] Ср. I, 18, 2.

[49] Мнение Иосифа, высказанное им также в И. Д. VIII, 3, что Иерусалим был основан финикийским жрецом Мельхседеком, основывается на Быт. 14, 18, где последний назван царем Салима. Тождественность Салима, упоминаемого только еще раз в Псал. 76, 3, с Иерусалимом принимается также многими новейшими учеными. См. Dillmann, die Genesis, шестое издание, стр. 243. Что же касается названия Иерусалима, то время происхождения его неизвестно, но во всяком случае оно уже существовало в XV стол. до Р. Хр., так как встречается в корреспонденции, найденной в Тел-Амарне, в форме *Urusalim*.

СЕДЬМАЯ КНИГА

[1] Из трех пощаженных башен одна (по одним — Гиппик, по другим — Фазаель) сохранилась по настоящее время и ныне известна под именем «башни Давидовой». См. Zeitschrift des deutschen Palastina-Vereins, I, 226 след.

[2] Вспомогательные отряды.

[3] Корфу.

[4] Юго-восточная оконечность Италии. Ныне Капо-ди-Лейка.

[5] Домициан.

[6] О сильном распространении евреев, начавшемся еще в дохристианское время, имеется много свидетельств. Уже «Сивиллинские оракулы» (около 140 до Р. Хр.) говорят о «всякой земле и всяком море, наполненных ими». Страбон свидетельствует, что «в его время не было населенной страны, в которой не селились бы иудеи». В послании Агриппы к Калигуле, сохранившемся у Филона (Legatio ad Cajum, 36), говорится между прочим: «Иерусалим — столица не только Иудеи, но и большинства других стран, колонизированных иудеями, которые при разных случаях отправлялись в ближайшие области Египта, Финикии и Сирии, Келесирии, в более отдаленные Памфилии и Киликии, почти во все части Азии вплоть

до Вифинии и к прибрежьям далекого Понта (Черного моря); равным образом они поселялись в Европе, в Фессалии, Беотии, Македонии, Этолии, Аттике Аргосе Коринфе и в лучших частях Пелопоннеса. Еврейские колонии изобилуют не только на континенте, но на значительнейших островах: Евбее, Кипре, и Крите. Я не упоминаю уже о заевфратских». Во времена Нерона были уже известны значительные еврейские колонии в Галлии, весьма многочисленные в Италии, особенно в Лациуме и в Риме.

[7] Ср. II,18, 1-9.

[8] Домашними богами (penates, dii patrii, penetrales, familiares, domestici), по римскому верованию, были души праотцев.

[9] Главным вождем восстания был Клавдий Цивилис, стоявший во главе так называемой батавской войны; впоследствии к нему присоединились Классик и Сабин. Вителий же, о котором упоминает автор, неизвестен в истории.

[10] Нападение Цереалия не было делом случайности; Цереалий непосредственно из Италии повел легионы против восставших после того, как последние нанесли римским гарнизонам целый ряд поражений.

[11] На северном конце Ливана, между Триполисом и Антарадом, в царстве Агриппы.

[12] В Сирии между Антарадом и Оронтом.

[13] Еврейское название этой легендарной реки «Самбатион». О ней часто упоминается в талмудической и в позднейшей еврейской литературе, большею частью в связи с другими легендарными местностями, как с местом пребывания десяти колен или потомков Моисеевых. По всем этим сказаниям река бушует 6 дней, а в субботу утихает. Плиний также рассказывает об этой реке и говорит, что она 6 дней течет, а в седьмой течение ее прерывается. По словак, же Иосифа река в течение 6 дней иссякает, а только в субботний день течет. Ввиду такого разногласия многие считают это место нашего текста испорченным. См. примечание Haverkamp'a, II, стр. 411. По еврейскому преданию, впрочем, Самбатион не есть река, наполненная водой, а песком и камнями. Весьма остроумное объяснение происхождения легенды о Самбатионе предлагает Кауфман в Revue des Etudes Juives, XXII, стр. 285.

[14] И александрийские греки, подобно антиохийским, хлопотали пред Веспасианом и Титом о лишении гражданских прав евреев, живших в Александрии, но и им тоже было отказано (И. Д. XII, 3, 1). Можно с большой вероятностно предположить, что как в одном, так и в другом случае помогло евреям заступничество Вереники и Агриппы.

[15] Веспасиан был очень обрадован приездом сына, которого он раньше подозревал в посягательстве на его власть. Тит при встрече с ним сказал: «Приехал я, отец, приехал?» (veni, pater, veni. Sueton, Tit., 5).

[16] Веспасиана, Тита и Домициана.

[17] Храм этот находился у реки Тибра, недалеко от Villa Publica.

[18] Портик построен был Августом и назван именем его сестры.

[19] Театра Помпея и Circus Flaminius, в которых собралась масса народа.

[20] Т. е. в находившуюся возле форума тюрьму, называвшуюся carcer Matertinus, в нижней части которой, так называемом Tullianum'e, обыкновенно производилась казнь над военнопленниками.

[21] Победа над Иудеей была так важна, так радостна для Рима, что несколько лет подряд в память ее чеканились монеты с разными изображениями и с надписью: Iudaea devicta, Iudaea capta (Иудея побежденная, Иудея плененная). Большинство из них изображает Иудею в виде скорбящей женщины, сидящей или стоящей под пальмовым деревом (символ Палестины) с поникшей головой, тогда как на оборотной стороне изображен иногда еврейский пленник, иногда победитель-император в военных доспехах. Другая категория монет представляет «Победу», пишущую имя императора на щите, опирающемся о

пальму. В память той же победы Титу еще при жизни воздвигнута была в Риме триумфальная арка, от которой не сохранилось никаких следов. Известна только красовавшаяся на ней надпись, случайно оказавшаяся в одной анонимной рукописи, заключающей в себе, между прочим, собрание латинских надписей. Но после смерти Тита, в царствование Домициана, сооружена была вторая арка в память тех же событий, сохранившаяся до настоящего времени. Один из барельефов, украшающих ее, изображает шествие с иерусалимской добычей; здесь мы видим семиветвенный светильник и золотой стол с опирающимися на него трубами. Чиновники в тогах с лавровыми ветвями в руках сопровождают драгоценную добычу. Римские евреи долгие века обходили эту триумфальную арку Тита, чтобы не видеть своими глазами позора своей отчизны. Подробное описание арки можно найти в статье Соломона Рейнака, помещенной в Revue des Etades Juives, XX.

[22] Басс заместил Цереалия спустя год после разрушения Иерусалима.

[23] Александр-Ианнай.

[24] Ср. I,8, 5.

[25] Травянистое растение или полукустарник вышиною обыкновенно от 1 1/2 до 2 футов.

[26] Описываемое здесь растение обыкновенно отождествляют с мандрагорой. Название местности Ваорас вероятно происходит от еврейского«гореть». См. J. Low. Aramaische Pflanzennamen, стр. 188.

[27] Иуда сын Иаира упоминается в VI, 1, 8 в числе храбрейших предводителей, отличавшихся в битвах с римлянами.

[28] Последние слова находятся в противоречии с упомянутым перед тем распоряжением о распродаже страны. Момсен (Romische Geschichte, V, 540) полагает, что в тексте кроется какая-нибудь ошибка, но αποδοσ?αι имеет также значение «отдавать в аренду» и вероятно в этом смысле слово должно быть понимаемо здесь.

[29] Вероятно тождествен с упоминаемым в Евангелии от Луки (24, 13) селением того же имени и с находящейся недалеко от Иерусалима деревней, ныне называемой Кулонией (от латинского colonia).

[30] Это был первый специально-еврейский налог, введенный римским императором: он был известен под именем «fiscus judaicus».

[31] Ныне Дон.

[32] Азовское море.

[33] Македонский.

[34] Дербент.

[35] В 3-м году после разрушения храма.

[36] Сын Иаира.

[37] Брат Иуды Маккавея.

[38] По евр. что значит крепость.

[39] Маккавейскую.

[40] По-гречески Белая (т. е. скала).

[41] Ср. II,17, 2.

[42] Ср. II,18, 1.

[43] Ср. II,18, 3-4.

[44] Ср. II,20, 2.

[45] Ср. II,18, 7-8.

[46] 15-го Нисана, следовательно в 1-й день праздника Пасхи.

[47] Древняя столица верхнего Египта.

[48] Внук Симона, сын Онии III, называвшийся также Онией (И. Д. XII, 9, 7. XIII, 3, 1).

[49] Ония IV вместе с Досифеем командовал войсками Птолемея Филометора и после смерти его отстоял владычество преемницы его Клеопатры над Египтом против покушений брата его Птолемея Фискона. «Против Апиона» II, 5.

[50] В восточной части нижнего Египта.

[51] «В тот день жертвенник Богу будет посреди земли Египетской и памятник Богу у предела ее». Исайя 19, 19.

[52] Показанное в тексте число лет несомненно ошибочно. Ониев храм возник не раньше 160 года до Р. Х. и был закрыт в 73 г. по Р. Хр.; следовательно, простоял всего 233 года.

[53] На северном берегу Африки, в близком соседстве с Египтом.

[54] Область пяти городов: Кирены, Вереники, Арсинои, Птолемаиды и Аполлонии.

[55] Зелоты во все время войны и даже далеко позже, в царствование Домициана, безустанно преследовали Иосифа и всевозможными путями добивались его казни. Предводители отдельных революционных отрядов, попадая в плен к римлянам, домогались лишь того, чтоб вместе с ними погиб также и Иосиф, и с этой целью они ложно выдавали его за своего сообщника. Вот что рассказывает Иосиф в своем «Жизнеописании». «Из Александрии Веспасиан послал меня с Титом осаждать Иерусалим. Там я много раз подвергался опасности жизни, так как, с одной стороны, иудеи всеми мерами старались захватить меня в плен и убить, а с другой стороны римляне, после каждого понесенного ими поражения, винили в этом меня, будто бы изменившего им, и взывали к Титу, чтобы он предал меня, как изменника, казни. Но Тит всегда молча расстраивал замыслы солдат против меня. Веспасиан до конца жизни своей выказывал уважение и неизменную милость ко мне. Это возбудило против меня зависть и подвергло меня опасности. Один иудей, Ионатан, взбунтовался в Кирене и увлек за собою 2000 человек, погибших впоследствии. Сам Ионатан был схвачен в плен правителем Кирены и в цепях доставлен к императору. Тогда он донес на меня, что я будто дал ему оружие и деньги. Но Веспасиан не поверил клеветам и приговорил его к смерти. И еще многие другие после этого из зависти к моему счастью возводили на меня обвинения, но Бог меня всегда избавлял от опасности... После смерти Веспасиана, Тит был ко мне так же милостив, как и его отец, и не внимал никаким доносам, направленным против меня. А после смерти Тита, император Домициан относился ко мне с еще большим уважением и доверием: иудеев, ложно обвинявших меня, он наказывал смертью и казнил также одного из моих рабов, который был воспитателем моих сыновей, за то, что он выступил с обвинением против меня... И супруга его, императрица Домиция, всегда была милостива ко мне. «Жизнь» 75, 76.